ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Джек

ВЭНС

Галактический следопыт

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Галактический следопыт

Джек Вэнс

Аннотация
Джек Вэнс. Галактический следопыт
Галактический следопыт
Книга I. Туристическое агентство Собачьей слободы
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Книга II. Очередь Фрайцке
Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Маск. Тэйри
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12

Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Поместья Корифона
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Аннотация

Сборник романов.
Содержание:
Галактический следопыт (перевод А. Фета)
Маск. Тэйри (перевод А. Фета)
Поместья Корифона (перевод А. Фета)

Джек Вэнс
Галактический следопыт

Галактический следопыт

Книга I
Туристическое агентство Собачьей слободы
Глава 1

Хетцель строчил четким угловатым почерком, обмакивая коротко очиненное перо в черную тушь:

> Уважаемая мадам Икс!
>
> Выполняя указания, переданные посыльным, я проследил человека по прозвищу Казимир Вульдфаш до Твиссельбейна на планете Тамар в секторе Нова Челесте, куда тот прибыл 23 яниара сего года по ойкуменическому календарю.
>
> В Твиссельбейне в-р Вульдфаш устроился официантом в кафе Фабриланкуса, представившись хозяину под именем „Кармин Дарубль“. По вечерам, не будучи занят другими делами, он подрабатывал в местном „Миррографе“, сопровождая за мзду дам, нуждающихся в подобных услугах.
>
> Примерно три месяца тому назад он

покинул Тамар в компании молодой особы, имя которой мне установить не удалось. Показывая его фотографию работникам космопорта, я определил, что в-р Вульдфаш отправился, как ни странно, на планету Маз.

Я истратил предоставленный Вами аванс и не стану прилагать дополнительные усилия, пока не получу дальнейшие указания.

С уважением и с наилучшими пожеланиями,

Хетцель, в-р

Хетцель адресовал письмо «Подписчику, п/я 434, Ферронс» и опустил его в прорезь системы рассылки. Судя по всему, дело можно было считать закрытым. В свое время оскорбленные чувства мадам Икс успокоятся, а красавец-блондин Казимир Вульдфаш, каково бы ни было его настоящее имя, не преминет и впредь чаровать впечатлительных дам строгим благородным профилем.

Чем, однако, такая планета, как Маз, могла привлечь такого человека, как Вульдфаш? Хетцель озадаченно покачал головой, после чего сосре-

доточил внимание на других, более насущных вопросах.

Глава 2

Сэр Айвон Просекант решил принять Хетцеля лично; настолько важное дело нельзя было оставить на усмотрение подчиненных. По той же причине с ним нельзя было встречаться в главном управлении компании в Ферронсе, где за происходящим наблюдали тысячи служащих — а Хетцель, по существу, был непредсказуемой личностью, несмотря на его известность и высокую репутацию среди представителей той же почти сомнительной профессии. Чтобы не подвергать риску свое достоинство, сэр Айвон был вынужден обсуждать этот вопрос в своей усадьбе в Харте.

Хетцель прибыл в назначенное время, и его провели на открытую террасу. Сэр Айвон не любил неожиданности и нахмурился, когда вместо ожидаемого головореза, передвигающегося украдкой и озирающегося по сторонам, увидел вполне приличного темноволосого субъекта, очевидно компетентного и даже отличавшегося неким спокойным изяществом манер, свойственным скорее людям благородного происхождения.

Подчеркнуто обычный, ненавязчивый костюм сыщика неким парадоксальным образом производил противоположное впечатление тщательно сдержанной экстравагантности.

Сэр Айвон небрежно кивнул и жестом пригласил посетителя сесть: «Не желаете ли чашку чая?»

«С удовольствием».

Сэр Айвон прикоснулся к кнопке и сразу перешел к делу: «Как вам, скорее всего, известно, я — председатель совета директоров компании „Палладиан майкроникс“. Мы поставляем исключительно сложные механизмы: искусственные мозги для роботов, автоматы-переводчики, психоэйдетические аналоги и тому подобное. Изготовление этих изделий занимает много времени и требует напряженного ручного труда — автоматическая сборка невозможна, в связи с чем наша продукция, как правило, стоит очень дорого.

Возникла в высшей степени любопытная ситуация. Разумеется, у нас есть отраслевые соперники; важнейшие из них — корпорация „Субискон“, ассоциация „Педро Комайр“ и „Террестриал майкроникс“. Все мы предлагаем на рынке сходное оборудование по конкурентоспособным ценам,

но, как правило, нам удается сосуществовать, не прибегая к мерам, выходящим за рамки обычного надувательства. Теперь, однако, нам приходится иметь дело с надувательством весьма и весьма необычным». Сэр Айвон взглянул на Хетцеля, чтобы оценить впечатление, произведенное его вступлением, но сыщик всего лишь вежливо кивнул: «Продолжайте».

Сэр Айвон прокашлялся: «Примерно полгода тому назад компания под наименованием „Истагам“ стала рекламировать несколько дорогостоящих механизмов по расценкам, которые мы не могли бы себе позволить даже в далеком будущем. Само собой, наши инженеры изучили эту продукцию в поиске компонентов, позволивших изготовителю экономить средства, но не добились успеха. Механизмы изготовлены как минимум в соответствии с нашими собственными стандартами. Вы могли бы спросить: где находится компания „Истагам“, кто они такие? Что ж, именно этот вопрос мы задаем себе сами».

Из глубин усадьбы, толкая тележку с чайным сервизом, появилась дородная женщина в обширном колышущемся платье из розового и черного шелка. Хетцель галантно привстал: «Леди Просекант, надо полагать?»

«О нет, сударь! Я — Рейнхольда, здешняя домоправительница. Будьте добры, садитесь. А я подам чаю».

Хетцель поклонился и сел. Сэр Айвон искоса наблюдал за ним с мрачноватой усмешкой. «Вам это может показаться пустяком — в конце концов, пока что мы потеряли всего лишь несколько миллионов СЕРСов[1], — продолжал он. — Тем не менее, мы рискуем гораздо большим. Если завоевание рынка компанией „Истагам“ продолжится, мы — говоря „мы“, я подразумеваю все предприятия, законно производящие микронику — окажемся в безвыходной ситуации».

«Неотложное дело, хорошо вас понимаю, — отозвался Хетцель. — Вынужден напомнить, однако, что я не занимаюсь промышленным шпионажем — по меньшей мере, если мне не пообещают астрономический гонорар, и даже в таком случае…»

Сэр Айвон раздраженно поднял руку: «Выслушайте меня! Налицо чрезвычайная ситуация. В противном случае я просто-напросто поручил

---

[1] notes: 1

СЕРС: стандартная единица расчета стоимости; общепринятая в Ойкумене денежная единица, эквивалентная ценности одного часа неквалифицированного труда. Такая валюта заменяет любые другие монетарные базы, так как она обеспечена единственным продуктом, неизменно находящим спрос во всей населенной человеком части Галактики, а именно тяжелым физическим трудом.

бы расследование одному из крупных агентств. Между прочим, должен заметить, что ваш гонорар, хотя и вполне удовлетворительный, нельзя будет назвать „астрономическим“. Если бы эта работа сулила несметные богатства, я бы сам за нее взялся».

Хетцель попробовал чай: «Готов выслушать вас без предубеждения».

Сэр Айвон продолжал разъяснения размеренным, слегка дидактическим тоном: «Компания „Истагам“ распространяет свою продукцию, пользуясь как минимум тремя или четырьмя оптовыми складами — все они находятся к северу от Бездны Джека Чандлера. Один из этих складов — в ничем не примечательном маленьком городке под наименованием Ультимо на планете Глэмфайр. Полагаю, вам не приходилось там бывать?»

«Даже не слышал об этой планете».

«Что ж, Глэмфайр — довольно-таки унылый мир, на самом краю Ойкумены. Я связался с нашим торговым агентом в этом секторе и попросил его навести справки». Сэр Айвон вынул из ящика стола документ и передал его Хетцелю: «Вот его отчет».

Письмо было отправлено за месяц до встречи

Хетцеля с Просекантом неким Урвиксом Ламборосом из космопорта Эстанс-Уно на планете Глэмфайр:

Сэру Айвону Просеканту
в усадьбе Харт на Луговине,
Харт, Дельта Рас-Альхага

Высокочтимый сэр Просекант!

Выполняя Ваше поручение, я выехал в Ультимо, где навел соответствующие справки среди местных жителей. Партии продукции поступали на склад компании „Истагам“ 19 марта, 4 мая и 6 июля по стандартному ойкуменическому календарю. Затем я расспросил работников космопорта Ультимо, где приземляются звездолеты компаний „Кругг“ и „Красный грифон“, а иногда и компании „Озирис“. Непосредственно перед наступлением вышеупомянутых дат доставки продукции в космопорте Ультимо производилась разгрузка следующих звездолетов:

12 марта „Паэско“ (компании „Красный грифон“)

17 марта „Бардиксон“ (компании „Кругг“)

3 мая „Фулиас“ (компании „Кругг“)

3 июля „Канзаспара“ (компании „Кругг“)

Мне не смогли сообщить, в каких портах загружались перечисленные корабли.

Надеюсь, что смогу и в дальнейшем оказывать Вам полезные услуги, и остаюсь, с глубочайшим почтением, Вашим надежным сотрудником,

Урвикс Ламборос, в-р

Хетцель вернул письмо хозяину усадьбы. Сэр Айвон сказал: «Связавшись с работниками компании „Кругг“, я узнал, что каждый из трех последних кораблей из списка Ламбороса заходил в один и тот же порт». Сэр Айвон сделал драматическую паузу, чтобы подчеркнуть необычность дальнейшей информации: «Они загружались в порту Аксистиля на планете Маз».

Хетцель напряженно наклонился к собеседнику: «Маз?»

«По-видимому, вас это настораживает», — заметил сэр Айвон.

«Не столько настораживает, сколько удивляет и вызывает недоумение, — ответил Хетцель. —

Кто может изготовлять микронные компоненты на Мазе?»

Сэр Айвон откинулся на спинку кресла: «Вот именно. Кто бы это мог быть? Гомазы? Какой абсурд! Лиссы? Олефракты? Уму непостижимо! Перед нами тайна, чреватая любопытнейшими последствиями».

Хетцель согласился: «Действительно, незаурядное дело».

На веранду вышла высокая женщина впечатляющей внешности в модном вечернем платье из складчатой коричневой, красной и золотистой материи, с плюмажем черных перьев над пересекающей лоб черной бархатной лентой. У нее были повелительные манеры, и она практически игнорировала Хетцеля, снова поднявшегося на ноги — сэр Айвон, с некоторой задержкой, последовал его примеру.

«Айвон, умоляю тебя, сделай что-нибудь! — воскликнула женщина. — Необходимо принять меры! Фелиция еще не вернулась из Грейторпа — несмотря на то, что, как тебе известно, я дала ей самые недвусмысленные указания».

«Да, дорогая, — отозвался сэр Айвон. — В свое время я этим займусь, но сейчас, как видишь, я занят неотложными делами». Промышленник

покосился на Хетцеля, поколебался, после чего неохотно представил его супруге: «Это висфер[2] Майро Хетцель, частный детектив. Он проведет кое-какие расследования по поручению консорциума. Висфер Хетцель, позвольте представить вам леди Бонвенуту Просекант».

«Возможность познакомиться с вами — большая честь», — поклонился Хетцель.

«Очень приятно,» — ледяным тоном обронила леди Бонвенута. Повернувшись к супругу, она сказала: «Вынуждена настаивать на том, чтобы ты серьезно поговорил с Фелицией. ВГрейторпе, как тебе известно, ошиваются сомнительные личности».

«Я так и сделаю».

Слегка наклонив голову, Леди Бонвенута попрощалась с Хетцелем и вернулась в усадьбу. Сэр Айвон и Хетцель снова уселись, и промышленник продолжил пояснения: «Таким образом, судя по всему, продукция компании „Истагам“ поставляется с планеты Маз — достопримечательное обстоятельство, мягко говоря».

---

[2] notes: 2

Висфер (сокращенно: «в-р») — первоначально «виасвар», постриженик древнего легиона Истины; со временем это звание превратилось в почтительное обращение к представителям низших слоев общества, неспособным претендовать на аристократическое происхождение.

«Несомненно. Что, в точности, вы хотели бы мне поручить?»

Сэр Айвон бросил на сыщика быстрый озадаченный взгляд, словно поражаясь наивности собеседника: «Первоочередная цель заключается в сборе информации. Наблюдается ли попытка лиссов или олефрактов проникнуть на ойкуменический рынок? Если это так, согласятся ли они покупать ойкуменические товары? А если это не так, кто стоит за компанией „Истагам“, кто на нее работает? И каким образом им удалось добиться такой невероятной экономии затрат на производство?»

«На первый взгляд, не слишком сложная задача».

Обняв себя руками, сэр Айвон созерцал вид, открывающийся с террасы: «Вряд ли следует лишний раз упоминать о том, что „Истагам“ представляет собой угрозу, которую в конечном счете придется устранить. Естественно, я не предлагаю саботаж или убийства по заказу, об этом не может быть речи. Тем не менее, у вас есть свои методы — именно благодаря их применению вы заслужили завидную репутацию».

Хетцель нахмурился: «Следует ли понимать ваши слова так, что, по вашему мнению, я заслужил

репутацию убийцы и саботажника, что вызывает у вас зависть?»

Резко взглянув на сыщика, сэр Айвон решил проигнорировать бестактную шутку: «Еще один вопрос, который может быть связан или не связан с „Истагамом“. Время от времени я храню здесь, в Харте, кое-какие важные документы — обычно не дольше одного или двух дней, но иногда и в течение недели — для того, чтобы внимательно изучать их на досуге. Примерно три месяца тому назад у меня похитили портфель, содержавший ценную информацию об организации сбыта. Если эти бумаги попадут в руки конкурентов, они предоставят им существенные преимущества; для „Истагама“ получение этих сведений было бы равносильно обнаружению сокровища. Кража совершена мастерски; никто не видел преступника, он не оставил никаких следов, а я обнаружил хищение только тогда, когда решил еще раз просмотреть бумаги. Упоминаю об этом только для того, чтобы предупредить вас о возможном характере деятельности компании „Истагам“. На нее работают люди, явно неразборчивые в средствах».

«Учту ваше предупреждение со всей возможной серьезностью, — заверил промышленника

Хетцель, — допуская, что вы доверите мне решение этой опасной и трудной задачи».

Сэр Айвон возвел очи к небу, будто взывая к звездам с мольбой о защите от алчности ненасытного следопыта. Опустив руку в карман, промышленник достал брошюру и передал ее Хетцелю: «Это карта Аксистиля, опубликованная на Мазе местным туристическим агентством. Как вы можете видеть, Аксистиль — небольшой населенный пункт. Пограничная площадь и Трискелион находятся в юрисдикции триархов. В Ойкуменическом секторе, обозначенном светло-зеленым цветом, расположены, в частности, космопорт, отель „Бейранион“, где вы остановитесь, и колония, известная под наименованием Собачьей слободы. Окраина Собачьей слободы — на территории гомазов, то есть не контролируется ойкуменическими властями; там скрываются уголовники, бродяги и прочий сброд. В секторе лиссов, светло-лиловом, лиссы содержат свой собственный космический порт. Сектор олефрактов раскрашен в светло-оранжевую полоску». Тон сэра Айвона стал искренним и дружелюбным: «Говорят, это поразительный город! Вероятно, во всей Галактике нет ничего подобного — место стыковки и взаимодействия

трех межзвездных цивилизаций! Представьте себе!»

«Все это очень замечательно, — пожал плечами Хетцель. — Вернемся к вопросу о моем гонораре…»

Сэр Айвон умоляюще поднял руку: «Позвольте мне вкратце повторить то, что нам известно, и то, что вам предстоит узнать. Компания „Истагам“ поставляет продукцию через ойкуменический космопорт. Откуда берется эта продукция? По-видимому, существуют три возможности. Оборудование может производиться в Империи Лиссов, в Империи Олефрактов или непосредственно на Мазе. В том маловероятном случае, если лиссы или олефракты производят товары и пытаются сбывать их в Ойкумене, проблема становится исключительно трудноразрешимой. И лиссы, и олефракты ненавидят и боятся представителей других разумных рас; они ни в коем случае не допустят никакого возмещения в виде сбыта человеческой продукции на их территории и в их солнечных системах. Значит, остается Маз! Но опять же, это практически невероятно! У гомазов, несмотря на их достопримечательные свойства и способности, нет никакой дисциплины; невозможно представить себе группу воинов-гомазов,

занятых конвейерной сборкой аппаратуры». Сэр Айвон развел руками: «Головоломка, достойная использования ваших талантов».

«Совершенно верно. А теперь следует рассмотреть вопрос, имеющий существенное значение…»

«Вопрос о вашем гонораре». Сэр Айвон прокашлялся: «Я уполномочен предложить вам более чем достаточное, с моей точки зрения, содержание — тридцать СЕРСов в день, а также покрывать разумные расходы, связанные с выполнением ваших обязанностей. Если результаты расследования окажутся весьма удовлетворительными — другими словами, если все поставленные перед вами цели будут достигнуты в максимальной возможной степени — вы получите премиальные».

Хетцель замер, не веря своим ушам: «Вы шутить изволите».

«Давайте не будем надоедать друг другу наигранными мелодраматическими репликами, — сказал сэр Айвон. — Мне хорошо известно, в каком положении вы находитесь. Вы — проницательный человек с привычками кочевника и претензиями, превышающими ваши возможности. В настоящее время вы остановились в гостинице, пользующейся весьма сомнительной

репутацией, что позволяет предположить…»

Хетцель прервал его: «Совершенно ясно, что вы заняли руководящую должность в своей компании отнюдь не благодаря такту или умению льстить. Но ваш подход упрощает дело, так как теперь я могу без обиняков изложить все, что я думаю о складе ума беззастенчивых торгашей…»

«Время — деньги! — воскликнул сэр Айвон. — Я не могу его тратить, выслушивая нахальные замечания или психоаналитическую болтовню. Поэтому давайте…»

«Один момент! — снова прервал его Хетцель. — Как правило, достоинство не позволяет мне торговаться, но я могу ставить условия так же, как их поставили вы. Вы предложили смехотворную сумму. Я мог бы назвать сумму столь же фантастическую, но для начала предпочитаю выдвинуть минимальные требования».

«Хорошо — каковы эти требования?»

«Вы узнали обо мне потому, что я приобрел репутацию проницательного, находчивого и компетентного детектива; вы желаете использовать мои услуги с выгодой для себя. Мои услуги обходятся недешево. Мы могли бы подписать договор, предусматривающий содержание в размере ста СЕРСов за каждый стандартный

ойкуменический день, выплату аванса наличными, покрывающего необходимые расходы, в размере пяти тысяч СЕРСов, выдачу аккредитива, подлежащего оплате в банке Аксистиля, на тот случай, если потребуются дополнительные затраты, а также премиальные в размере пяти тысяч СЕРСов в том случае, если расследование будет завершено к вашему удовлетворению в течение одного месяца, с недвусмысленной оговоркой, подтверждающей наше взаимопонимание по вопросу об однозначном ограничении смыслового содержания термина „расследование“, не включающего убийства, хищения, уничтожение имущества или самоубийство — за исключением, разумеется, тех ситуаций, в которых они могут оказаться неизбежными».

Лицо сэра Айвона порозовело: «Ваше капризное своенравие не поддается пониманию! Некоторые из ваших замечаний более или менее разумны, и я мог бы проявить уступчивость, слегка изменив сумму предлагаемого гонорара…»

Беседа продолжалась еще целый час. Наконец была достигнута окончательная договоренность: Хетцель согласился немедленно отправиться на окраину Ойкумены и начать расследование на планете Маз.

Сэр Айвон, снова сдержанный и сосредоточенный, дал Хетцелю последние указания: «Обязанности представителя Ойкумены в Триархии выполняет сэр Эстеван Тристо. Рекомендую сразу представиться ему и разъяснить сущность порученной вам задачи; не вижу причин, по которым он не предоставил бы вам все возможное содействие».

«В таких случаях, как этот, — отозвался Хетцель, — самые очевидные и разумные подходы, как правило, наименее эффективны. Но с кого-то придется начинать — почему бы не с сэра Эстевана Тристо?»

Глава 3

Маз — небольшой мир, утонувший в плотной атмосфере — вращался в компании большой замерзшей луны вокруг звезды Хис, белого карлика. Планету окружал дымчатый оранжевый нимб, подобного которому Хетцель еще никогда не видел; никогда не видел он и такой луны, походившей на отливающий жирным блеском серебристо-зеленый бильярдный шар, местами припорошенный ледяной изморосью.

Пассажирский пакетбот «Эмма Ноукер» ком-

пании «Барбаник» задержался на орбите, чтобы пройти обязательный осмотр представителями Триархии. К пакетботу медленно приблизились два челнока — патрульный катер лиссов повис над носовой рубкой, челнок олефрактов можно было видеть из боковых иллюминаторов. Все пассажиры, вытягивая шеи, пытались как можно лучше разглядеть эти произведения экзотических трансгалактических разумных рас, почти ничего о себе не сообщавших. Пристыковался ойкуменический корвет; в пассажирском звездолете появился лоцман — он должен был убедиться в отсутствии на борту запрещенных видов оружия и проследить за тем, чтобы корабль приземлился на космодроме ойкуменического сектора, а не где-нибудь еще.

Пакетбот стал быстро приближаться к поверхности планеты. Ландшафты Маза говорили о глубокой древности этого мира: полдюжины мелководных морей и несколько хребтов — скорее высоких холмов, нежели гор — разделяли болота и волнистые равнины, где лениво петляли редкие реки, напоминавшие вены с тыльной стороны старческой ладони.

Аксистиль — дипломатический центр под управлением суперинтендантов Триархии — за-

нимал часть низкого плоскогорья в северном экваториальном поясе. Утром, за несколько часов до полудня по местному времени, «Эмма Ноукер» приземлилась на поле ойкуменического космопорта, меньше чем в километре к востоку от Трискелиона. Пограничные и таможенные формальности не потребовали длительного ожидания, и Хетцель, в компании нескольких десятков пассажиров, главным образом туристов, прошел в здание космического вокзала. Он сразу позвонил в отель «Бейранион», торопясь убедиться в том, что заказанный для него номер не займет кто-нибудь другой. Регистратор отеля сообщил, что ему отвели лучшие помещения — апартаменты в садовом флигеле; расценки «кусались» — если бы Хетцелю пришлось самому платить по счету, он ни за что не позволил бы себе такую роскошь. У здания вокзала уже стоял просторный крытый экипаж из отеля «Бейранион». Хетцель доверил саквояж водителю и направился пешком вдоль Последней Мили к Пограничной площади Триархии.

«Зловеще прекрасный мир!» — думал Хетцель. Взгляд наверх, в небо, вызывал такое же ощущение, как взгляд в зеленоватую пучину моря. Белая звезда Хис, на полпути к зениту, блестела,

как серебряная монета. Слева простиралась, расплываясь в дымке горизонта, пустошь, усеянная буграми мшистой поросли. Справа примерно такие же островки растительности спускались к хаотическому скоплению сараев, хижин и нескольких более основательных центральных строений из беленого известняка — к Собачьей слободе.

По пути Хетцель никого не встретил; по сути дела, на всем протяжении его пребывания в Аксистиле контраст между монументальными сооружениями дипломатического центра и почти полным отсутствием населения создавал единственную в своем роде гипнотическую атмосферу галлюцинации — как если бы Аксистиль был не более, чем гигантской театральной сценой, лишенной актеров.

Последняя Миля заканчивалась на Пограничной площади. Здесь был установлен знак со следующим предупреждением:

> Вы находитесь на краю Ойкумены — впереди, сразу за этим знаком, проходит граница юрисдикции триархов. Проявляйте сдержанность, соблюдая общепринятые правила приличия — обычно такое

поведение не приводит к каким-либо неожиданным нежелательным инцидентам. Предусмотрительным посетителям, однако, настоятельно рекомендуется приобрести экземпляр „Особых правил“ в Трискелионе или в той гостинице, где вы остановились, и руководствоваться этими правилами.

Внимание! Внимание! Ни в коем случае не заходите в анклавы лиссов или олефрактов; это почти неизбежно влечет за собой исключительно неприятные последствия.

Не пытайтесь знакомиться с аборигенами-гомазами! В Аксистиле они, как правило, не агрессивны; тем не менее, их реакция на попытки общения непредсказуема. Если хотите, вы можете наблюдать за ними вблизи, но не прикасайтесь к ним и не пытайтесь завязать разговор. Гомазы — чувствительные и опытные телепаты, но о том, в какой мере и как они понимают человеческие мысли, остается только догадываться.

Самое важное! Не предлагайте в дар, в обмен или в продажу и не показывайте

гомазам какое-либо оружие!

Наказание за нарушение этого правила — пожизненное заключение в Прозрачной тюрьме. Исключения не делаются ни для кого: соблюдение этого правила неукоснительно обеспечивается триархами, двое из которых представляют цивилизации лиссов и олефрактов. Ни тот, ни другой не проявляют никакого снисхождения к дерзким выходкам или пьяной отваге. Будьте уверены: если вы нарушите это правило, ваше посещение планеты Маз закончится трагически.

«Объявление, скорее вызывающее депрессию, нежели возбуждающее интерес!» — подумал Хетцель. Судя по всему, любое поведение, свойственное туристам, получающим удовольствие от поездки и гуляющим навеселе, каралось смертью, наказывалось пожизненным заключением или приводило к внезапному нападению. Тем не менее, именно щекочущее нервы ощущение опасности, конечно же, побуждало многих посетить Маз.

Хетцель сделал шаг вперед и тем самым оказался за пределами Ойкумены. Он вышел на

Пограничную площадь — обширное пространство, вымощенное серебристо-серым кристаллическим сланцем, казалось, испускавшим, а не отражавшим мерцающий свет. С одной стороны возвышались шпили, купола, причудливые колонны и асимметричные блоки Трискелиона — поистине уникального сооружения из трех сегментов, спроектированных архитекторами трех галактических рас. За Трискелионом, в юго-западном и северо-западном направлениях, начинались плотно застроенные секторы лиссов и олефрактов. С северной стороны Пограничной площади, напротив Трискелиона, бросалась в глаза пара монументов, совместно возведенных тремя империями: Скала Отчаяния, на которой вожди гомазов, онемевшие под бременем катастрофы, сдались триархам, и многокамерный улей из толстого стекла, вставленного в стойки и перекладины из медной черни — Прозрачная тюрьма. Оба сооружения были окружены чем-то вроде небольшого парка — несколько деревьев с темной блестящей листвой оттенка кожуры баклажана росли вдоль полос пыльно-зеленого дерна. На северо-востоке возвышался фасад отеля «Бейранион», куда и направил стопы Хетцель.

Отель «Бейранион» и непосредственно примы-

кающие к нему участки составляли наименьшее независимое государство в пределах Ойкумены. Собственно здание отеля окружал сад площадью чуть больше гектара, а с одной стороны сада тянулся новый «садовый флигель». Хетцель зарегистрировался в вестибюле, и его проводили в отведенные ему номера.

Хетцель нашел свои апартаменты более чем удовлетворительными. Окна гостиной выходили в сад, полный странных оттенков, причудливых форм и щекочущих ноздри ароматов. Под сенью черных тонкоствольных деревьев, в высоту достигавших крыши отеля, ютились кочки багрово-черного мха; из пруда торчали напоминавшие конские хвосты пучки хвощей с отливающими свинцовым блеском стеблями и оранжевыми метелками. Вдоль дорожек цвели голубые герани, подмигивающие свечные огоньки и туземная мята — все они приправляли жгучей остротой дымно-кисловатые испарения мха. По саду уже бродили новоприбывшие туристы, дивясь экзотической растительности и непривычным запахам. Хетцель зашел в спальню и обнаружил, что оттуда открывался вид на Собачью слободу, где он намеревался побывать на следующий день. Прежде всего, однако, нужно было заняться

расследованием.

Он подошел к телефону и позвонил в управление ойкуменического триарха в Трискелионе. На вспыхнувшем экране появилось изящно-учтивое лицо кудрявой блондинки-секретарши, розовеющее, как лепесток розы. Она произнесла прохладным и звонким голосом, напоминавшим звук потревоженных ветром далеких колокольчиков: «Управление сэра Эстевана Тристо. Что вам угодно?»

«Меня зовут Майро Хетцель. Надеюсь, что сэр Эстеван сможет уделить мне несколько минут, как только он освободится, чтобы обсудить дело первостепенной важности. Могу ли я встретиться с ним сегодня вечером?»

«По какому делу вы к нему обращаетесь, сударь?»

«Я хотел бы получить сведения о некоторых событиях, происходящих на Мазе…»

«Такую информацию можно запросить у висферы Фелиус в справочном бюро Трискелиона, или в туристическом агентстве Собачьей слободы. Сэр Эстеван занимается исключительно делами Триархии».

«Тем не менее, его необходимо поставить в известность о сложившейся ситуации. Это не

займет много времени».

«В настоящее время сэра Эстевана нет, и я сомневаюсь, что он вернется в управление до следующего заседания триархов».

«И когда же оно состоится?»

«Через пять дней, утром, за три часа до полудня. После заседания сэр Эстеван иногда принимает посетителей. Вы — журналист?»

«Нечто в этом роде. Может быть, он сможет встретиться со мной у себя дома?»

«Нет, сударь, — физиономия секретарши, нежная и свежая, как лицо ребенка, не выражала ни малейшего сочувствия и никакого желания интересоваться проблемами Хетцеля. — Он принимает представителей общественности только в Трискелионе и только после заседаний триархов».

«Но я обращаюсь к нему по вопросу сугубо частного характера!»

«Сэр Эстеван не делает исключений для частных лиц. После заседания триархов он проведет в управлении один или два часа. Возможно, он согласится вас принять в это время».

Хетцель раздраженно выключил телефон.

В городском справочнике телефон домашней резиденции сэра Эстевана не числился. Хетцель

позвонил регистратору отеля «Бейранион» и спросил: «Существует ли какой-нибудь способ связаться с сэром Эстеваном Тристо? Его секретарша отказывается мне помочь».

«Ей запрещено оказывать кому-либо такую помощь. Туристы слишком часто тревожат сэра Эстевана своими передрягами, а соискатели покровительства то и дело пытаются вручить ему рекомендательные письма. Застать триарха можно только у него в управлении».

«Через пять дней?»

«Если вам повезет. Известно, что сэр Эстеван пользуется потайным выходом, когда стремится избежать встречи с посетителем».

«Судя по всему, триарх — человек с трудным характером».

«Вы совершенно правы».

Наступил полдень. Хетцель прогулялся по саду и зашел в ресторан отеля: обшитое деревянными панелями помещение, украшенное колоритными изделиями гомазов — фетишами и литыми чугунными шлемами с гребнями и шипами, а также чучелом горгульи с нагорья Шимкиш. Столы и стулья были вырезаны из туземных пород дерева, скатерти из мягкой рогожи расшиты типичными местными эмблемами.

Хетцель неторопливо подкрепился лучшими произведениями гостиничных поваров, после чего вышел на Пограничную площадь. У Прозрачной тюрьмы он задержался, чтобы рассмотреть заключенных, выглядывавших из стеклянных камер — контрабандистов и мелких дельцов, пытавшихся продать оружие гомазам. Узникам предстояло провести в прозрачных клетках остаток своих дней; их бледные лица выражали одинаковое угрюмое безразличие. Время от времени кто-нибудь из них заставлял себя сделать усилие, приветствуя наблюдателя неприличным жестом или показывая ему голый зад. Хетцель убедился в том, что среди обитателей Прозрачной тюрьмы не было его знакомых или бывших клиентов. Все они были людьми с планет Ойкумены, что, по мнению Хетцеля, позволяло сделать немаловажные выводы по поводу особенностей человеческого характера. Представители человеческой расы, по-видимому, отличались большей предприимчивостью и большим индивидуальным разнообразием, нежели отдельные лиссы или олефракты, тогда как крайности, присущие гомазам, не поддавались сравнению на общих основаниях.

Хетцель отвернулся от стеклянных клеток.

Заключенные — пираты, отбросы общества, искатели опасных приключений — не вызывали у него почти никаких сожалений. Во имя наживы они стремились вооружить гомазов, не принимая во внимание тот факт, что гомазы, получив в свое распоряжение какое бы то ни было, самое устаревшее оружие, а также какие-либо средства передвижения в космосе, немедленно приступили бы к завоеванию Галактики, в том числе миров Ойкумены — что они и попытались сделать сорок шесть лет тому назад.

Хетцель продолжал идти по Пограничной площади — настолько огромному, залитому солнцем пространству, что в водянистом дрожащем воздухе Маза сооружения на периферии казались угрожающими тенями. Он чувствовал себя в полном одиночестве, подобно рыбацкой лодке, затерявшейся в пустынных просторах океана. Пожалуй, однако, дюжина темных силуэтов перемещалась где-то в серебристо-серых перспективах площади — слишком далеко, чтобы одну фигуру можно было отличить от другой. «Любопытный ландшафт! — подумал Хетцель. — Странный, как сон».

По мере приближения Трискелион материализовался и приобрел четкость очертаний. Хетцель

повернул в сторону, чтобы пройти вокруг этого здания — и тем самым, по существу, пересек участки, по меньшей мере теоретически находившиеся под контролем лиссов и олефрактов, хотя психологически их влияние оказалось вполне ощутимым. По пути Хетцелю встретился лисс — гибкое темное существо в алой мантии, а уже через несколько секунд поодаль показался олефракт. Оба, казалось, отнеслись к присутствию человека с полным безразличием; оба вызвали у него необычное смешанное чувство острого любопытства и отвращения — почему? Хетцель не мог убедительно объяснить себе такую реакцию. Вернувшись к ойкуменическому входу, Хетцель ощутил едва заметное облегчение, словно понял, что избежал какой-то неопределенной опасности.

Поднявшись на три ступени, он прошел под хрустальной аркой в просторный вестибюль; в центре вестибюля находился треугольный прилавок справочного бюро. С двух сторон, обращенных к секторам лиссов и олефрактов, не было ни персонала, ни посетителей. Со стороны, обращенной к ойкуменическому входу, двое служащих пытались отвечать на вопросы перебивавших друг друга новоприбывших туристов.

В стороне, с благодушным презрением поглядывая на входящих, стоял круглолицый человек в роскошной, хотя и тесноватой для него голубой униформе с зелеными нашивками. Серебристая бахрома эполетов и блестящий серебристый узор на козырьке высокой фуражки свидетельствовали о том, что он занимал влиятельную должность. Хетцеля он сразу просверлил особенно строгим взглядом, каким-то чутьем угадав в нем человека, чьи намерения могли оказаться подозрительными, если не очевидно противозаконными.

Хетцель игнорировал субъекта в фуражке и приблизился к прилавку справочного бюро. Начальница бюро, дородная черноволосая женщина с большим бугорчатым носом и гнусавым произношением, выполняла свои обязанности раздраженно и нетерпеливо: «Нет, сударь, сегодня триарха нет и не будет… Какое мне дело до того, что вам говорили? У себя дома он никогда никого не принимает… Нет, сударь, мы не организуем экскурсии, мы — служащие ойкуменической администрации. Туристическое агентство находится в Собачьей слободе. Они обслуживают несколько гостиниц в живописных районах и предлагают в аренду аэромобили…

Прошу прощения, мадам, но в сектор лиссов вас не пропустят ни в каких обстоятельствах. В этом отношении они не идут ни на какие уступки… Что они сделают? Кто знает, что они делают с людьми, которых забирают к себе — надо полагать, показывают в зверинцах… Сувениры, сударь, вы можете купить в Собачьей слободе… Нет, сударь, он вернется только через пять дней, на следующее заседание. Заседания проводятся открыто, вход свободный… Да, мадам, вы можете фотографировать прилавки справочного бюро лиссов и олефрактов».

Второй служащий, высокий молодой человек с бледным и серьезным лицом, выражался не столь отрывисто, но, пожалуй, уступал свой начальнице в эффективности: «Могу ли я порекомендовать гостиницу в Собачьей слободе? Как вам сказать… Вам будет гораздо удобнее, если вы останетесь в „Бейранионе“. Не забывайте, Окраина Собачьей слободы выходит за пределы *чьей бы то ни было* юрисдикции! Там вас могут убить, и никто даже не позаботится вас похоронить… Да, собственно Собачья слобода — в секторе Ойкумены. Но не выходите за зеленую ограду, если вам не по вкусу опасные приключения… По сути дела, Окраина не так уж опасна, если держать ухо востро и не

брать с собой больше двухтрех СЕРСов. Ничего там не пейте, однако, и сторонитесь азартных игр… Нет, сударь, у меня нет расписания гомазских войн. Разумеется, они часто воюют — и, если вам хочется, чтобы вас изрубили в лапшу, ищите очередную битву гомазов сами. Именно поэтому туристическое агентство сдает машины напрокат только тем, кого сопровождает квалифицированный гид… Именно так, вы не можете сами взять аэромобиль и улететь, куда глаза глядят. Это запрещено — во имя вашей собственной безопасности. Не забывайте, Ойкумена кончается здесь — вот, прямо здесь!»

Дородная начальница справочного бюро повернулась к Хетцелю: «Да, сударь, что вам угодно?»

«Я имею честь говорить с висферой Фелиус?»

«Да, это я».

«Возникла довольно-таки необычная проблема. Я обязан обсудить неотложное дело с сэром Эстеваном, но мне сообщили, что с ним никак нельзя связаться».

Висфера Фелиус фыркнула: «Ничем не могу вам помочь. Если сэр Эстеван не желает никого видеть, я не могу его заставить сделать для вас исключение».

«Разумеется. Но не могли бы вы предложить

какой-нибудь не слишком унизительный способ привлечь его внимание хотя бы на несколько минут?»

«Сэр Эстеван — очень занятый человек. По меньшей мере, так он говорит — ему приходится вечно представлять всякие отчеты и рекомендации. Даже мы его видим только на заседаниях. Все остальное время он проводит где-то со своей подругой или невестой, как бы ее ни называли, — висфера Фелиус неодобрительно шмыгнула выдающимся носом. — Конечно, это не мое дело. Так или иначе, он не позволяет себя беспокоить, когда его нет в управлении».

«В таком случае, видимо, мне придется подождать. Нет ли у вас под рукой каких-нибудь справочных материалов, относящихся, главным образом, скажем, к возможностям вложения капитала?»

«Нет. Ничего такого у меня нет, — висфера Фелиус даже хихикнула от удивления. — Кто захочет вкладывать капитал здесь, у черта на куличках?»

«Насколько мне известно, у „Истагама“ дела идут неплохо».

«Какой такой Истагам? Не понимаю, о чем вы говорите».

Хетцель кивнул: «А как насчет гомазов? Они прилежные работники?»

«Ха! Предложите им лучемет, и они отдадут вам все до последнего гроша, но работать на вас не станут ни минуты. Им гордость не позволяет».

«Странно! В отеле я видел мебель, вырезанную, судя по всему, гомазами».

«Отродьями гомазов. Они заставляют детенышей трудиться, чтобы те не убивали друг друга, ежедневно устраивая потешные войны. Но чтобы матерый воин-гомаз работал? Никогда!»

«Любопытно! — заметил Хетцель. — Так вы считаете, что мне придется ждать пять дней, чтобы увидеть сэра Эстевана?»

«Не могу представить себе никакой другой возможности».

«Еще один вопрос. Я договорился встретиться здесь, на Мазе, с неким Казимиром Вульдфашем. Вы не подскажете — он уже прибыл?»

«Я не слежу за всеми приезжими. Можете спросить у капитана Боу — он у нас комендант». Начальница бюро показала пальцем на сурового офицера в голубой форме с зелеными нашивками.

«Большое спасибо». Хетцель подошел к капитану Боу и снова задал свой вопрос. Сперва

комендант безразлично хмыкнул, но затем соблаговолил произнести несколько слов: «Никогда не слышал о таком. Одни приезжают, другие уезжают. На Окраине Собачьей слободы прячется добрая сотня всяких мерзавцев. Если бы они только попались мне в руки! Им не поздоровилось бы, это уж точно».

Хетцель поблагодарил капитана и удалился.

К северу от Прозрачной тюрьмы широкая дорога с плотным покрытием из материала, показавшегося Хетцелю утрамбованным гравием с примесью измельченных раковин, спускалась от Пограничной площади к Собачьей слободе — так называемый проспект Потерянных Душ. Ветер с холмов дул Хетцелю в лицо: пахло дымом, торфом и другими, не столь знакомыми испарениями. Кроме Хетцеля, по дороге никто не шел, и снова ему показалось, что он шагает во сне… Хетцель вдруг остановился и нагнулся, чтобы рассмотреть дорожное покрытие. Вопреки его первоначальному предположению, кусочки раковин и гравия на поверхности не были утрамбованы или спрессованы катком — кто-то очевидно вставлял их, один за другим, в еще не застывший бетон, выкладывая таким образом мозаику. Хетцель обернулся туда, откуда пришел,

после чего снова взглянул вниз, на Собачью слободу. На сооружение мостовой было затрачено невероятное количество труда!

Над дорогой протянули ветви два высоких тонкоствольных дерева; пройдя под ними, Хетцель углубился в Собачью слободу. Проспект Потерянных Душ расширялся и превратился в сквер; в центре сквера росли кипрские ладанные сосны и цветущие желтые акации, окруженные живыми изгородями пунцового кустарника. Алые, лимонные и золотистые тона выглядели особенно приятно благодаря контрасту с небом, зеленым, как морская волна, и мрачновато-глухим фоном северных холмов. Ближайшие сооружения не отличались единообразием — их объединяла лишь общая атмосфера небрежной захудалости. При возведении этих зданий применялись бревна, глинистый известняк, штукатурный гипс, глазурованная керамика, шлаковый кирпич и прочие материалы, разнообразием не уступавшие причудливым характерам людей, задумавших что-то строить здесь, на самом краю Ойкумены. В лавках торговали импортированными пищевыми продуктами, инструментом, хозяйственной утварью и всякой всячиной; можно было заметить не меньше пяти питейных заведений и столько

же гостиниц, более или менее сомнительной респектабельности. В деловом центре Собачьей слободы теснились также конторы экспортеров гомазских изделий, страховое агентство, парикмахерский салон и склад торговца силовыми установками и энергоблоками. Относительно внушительное строение из блестящего розового бетона использовалось совместно парой контор. Над первой висела вывеска:

ТУРИСТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МАЗА
Информация, экскурсии, гостиничные услуги в необжитых районах

«Это и есть, надо полагать, небезызвестное туристическое агентство Собачьей слободы», — решил Хетцель.

На гораздо более скромной входной двери соседнего представительства была закреплена не столь заметная табличка:

ПРЕДПРИЯТИЯ БЫРРИСА
Застройка, разработки, реклама и содействие сбыту

Заглянув в первое агентство, Хетцель обнаружил там группу туристов, сходную с той, которую

он видел в Трискелионе — или, может быть, ту же самую. Приезжие столпились у прилавка, осаждая привлекательную темноволосую девушку с печальными глазами, отвечавшую на вопросы в очаровательной манере, сочетавшей сдержанность, здоровое чувство юмора и вежливость.

Хетцель зашел внутрь и стал ждать, время от времени прислушиваясь к разговорам.

«У нас семь гостиниц в дикой местности, — говорила девушка. — Все они позволяют любоваться незабываемыми ландшафтами, и в них очень удобно. По меньшей мере, так мне говорят — сама я никогда не бывала ни в одной из этих гостиниц».

«Но мы хотели бы повидать *настоящий* Маз! — заявила одна из женщин. — Съездить туда, куда не добираются обычные туристы. И нам очень хочется посмотреть на одну из битв. Мы не какие-нибудь кровожадные извращенцы — ничего подобного! — но войны гомазов, говорят, производят незабываемое впечатление…»

Девушка улыбнулась: «У нас нет возможности организовать такой спектакль. Прежде всего, это было бы слишком опасно. Заносчивость гомазов нельзя недооценивать. Как только они заметят туристов, они прекратят военные действия и

перебьют туристов, после чего снова приступят к взаимному уничтожению».

«Хммф! Мы все-таки не совсем туристы. Мы предпочитаем рассматривать себя как путешественников».

«Разумеется».

Вмешался мужчина: «А как насчет ваших гостиниц? Если гомазы настолько раздражительны, просто оказаться за пределами Собачьей Слободы, наверное, уже опасно?»

«На самом деле не так уж опасно, — возразила девушка. — По сути дела, обычно гомазы не замечают людей, если мы им не надоедаем — примерно так же, как мы не замечаем птиц, сидящих на ветках».

«А не могли бы мы посетить какой-нибудь замок гомазов? Вроде того, что изображен у вас на стене?»

Девушка снова улыбнулась женщине, покачав головой: «Это тоже невозможно. Некоторые гостиницы, однако, устроены в древних крепостях гомазов, причем номера у нас очень удобные».

Хетцель разглядывал плакаты: «Воины выстроились на поле боя в степи Туз-Тан», «Летуны из замка Коразман делают виражи под облаками», «Замок Киш на закате», «Конклав военачаль-

ников-джердов». Затем он сосредоточился на девушке: смотреть на нее было не менее занимательно, чем на рекламные плакаты. С первого взгляда Хетцелю показалось что она — хрупкое, даже тщедушное существо, но по ближайшем рассмотрении решил, что она могла бы, пожалуй, постоять за себя. Он подошел поближе к прилавку. Девушка заметила его внимание — на ее лице промелькнула улыбка. «Очаровательна!» — подумал Хетцель.

«Если у вас есть время, вы можете посетить каждую из семи гостиниц, — продолжала работница туристического агентства. — Разумеется, мы предоставляем необходимые транспортные средства».

«Но мы не можем сами управлять арендованной машиной?»

«Можете, но только в сопровождении гида. Иначе это было бы небезопасно. Кроме того, это запрещено постановлениями Триархии».

«Что ж, нам придется еще подумать. Не могли бы вы порекомендовать лучшую таверну в Собачьей Слободе — самую типичную и колоритную?»

«По-моему, они все примерно одинаковые. Попробуйте зайти в „Последнюю надежду“ — это

напротив, на площади».

«Спасибо!» — туристы ушли. Девушка взглянула на Хетцеля: «Да, чем я могу вам помочь?»

Хетцель встал напротив нее: «Честно говоря, не совсем понимаю, чем именно вы могли бы мне помочь».

«Но вы зачем-то сюда пришли?»

«Ситуация такова. Мой приятель унаследовал существенную сумму и теперь хотел бы вложить капитал. Вопрос в том, куда его вложить».

Девушка рассмеялась, не веря своим ушам: «Вы хотите, чтобы *я* что-нибудь посоветовала по этому поводу?»

«Именно так. Неожиданные идеи, как правило — самые удачные, именно потому, что они никому еще не приходили в голову. Представьте, что я вручил вам миллион СЕРСов. Что бы вы сделали с этими деньгами?»

«Я бы купила билет и смылась отсюда подальше, — уверенно заявила девушка. — Но это не совсем то, что имеет в виду ваш приятель».

«Позвольте сформулировать вопрос по-другому: каким образом человек мог бы вложить капитал на Мазе и при этом надеяться на извлечение прибыли?»

«Сложная задача. Возникает впечатление, что

в Собачьей Слободе извлекают прибыль только владельцы питейных заведений».

«Я представляю себе более крупномасштабное предприятие, что-нибудь на уровне компании „Истагам“. Кстати, где можно было бы найти директора этой компании? Я хотел бы обратиться к нему за рекомендациями».

Девушка искоса бросила на Хетцеля любопытствующий взгляд, но Хетцель не смог как-либо истолковать выражение ее лица: «Об этом я ничего не знаю».

«Но, конечно же, вам известно существование этой компании?»

«И не более того. Почему бы вам, однако, не поговорить с висфером Быррисом? Он гораздо лучше меня разбирается в таких делах».

«Чем занимаются предприятия Быррриса? Или он — деловой посредник?»

«Висфер Быррис занимается практически всем, чем можно заниматься на этой планете — и обслуживанием туристов, и гостиничным бизнесом, и прокатом аэромобилей. Кроме того, он заведует, по поручению Триархии, „Мазским извозом“».

«Мазским извозом?»

«На самом деле это всего лишь несколько старых аэробусов — в них гомазов перевозят в

Аксистиль и обратно в их замки. Это делается бесплатно — гомазы не стали бы летать, если бы за это взимали деньги».

«Значит, гомазы так и не приспособились к денежной экономике».

«Они ни к чему не приспособились», — девушка протянула руку к полке, взяла брошюру и протянула ее Хетцелю. Тот взглянул на заголовок: «Воины Маза».

«Спасибо, — кивнул Хетцель. — Когда, по-вашему, висфера Быррриса можно будет застать в его конторе?»

«Трудно сказать. Он то приходит, то уходит. Но вы всегда можете ему позвонить».

В приемную агентства ввалилась очередная группа туристов, и Хетцель поспешил удалиться. Прогулявшись по скверу и заглянув в витрины нескольких лавок, он зашел в таверну «Последняя надежда», чтобы освежиться кружкой эля. Здесь он принялся размышлять о том, что ему удалось узнать то есть о скудных сведениях, сформулировать которые было очень просто:

1. Сэр Эстеван Тристо прибегал к всевозможным уловкам, чтобы избежать встреч со случайными посетителями.

2. Даже если висфер Быррис не участвовал

непосредственно в деятельности «Истагама», ему, несомненно, было известно все, что можно было узнать об этой компании.

3. Служащая в вестибюле туристического агентства ни в коем случае не соответствовала представлениям Хетцеля о персоне, которую можно было бы встретить в захудалом поселке на краю Ойкумены.

Хетцель положил перед собой на стол брошюру, полученную от девушки: «Воины Маза». На обложке красовался эскиз с надписью: «Летун из замка Коразман». На парапете стоял гомаз с закрепленными на спине крыльями из прутьев и перепонок. Ниже, мелким шрифтом, было написано: «В благоприятных погодных условиях гомаз-летун может парить в плотном воздухе Маза. Он взмахивает крыльями, приводя их в движение ногами, и по мере необходимости маневрирует, контролируя руками ориентацию передних ребер каркаса. Как правило, однако, летун использует крылья, чтобы совершить неожиданный бросок с высоты, атакуя врага».

Как узнал из брошюры Хетцель, древняя цивилизация гомазов оставалась практически неизменной на протяжении примерно миллиона лет. Внешне гомазы чем-то напоминали людей,

но на этом сходство кончалось. Скелет гомаза, частично внутренний и отчасти наружный, состоял из жесткого и упругого кремнистого хряща, усиленного волокнами из органического карбофосфата с примесями кальция и магния, твердевшего под воздействием воздуха и превращавшегося в жесткий белый хитин; этот материал покрывал голову гомаза и служил основой трем параллельным гребням, каждый из которых был украшен ритмично повторяющимися, словно искусно вырезанными рядами шипов, углублений и зазубрин.

Типичный гомаз отличался непредсказуемым, непостоянным, даже каверзным характером, причем основным его побуждением было скорейшее удовлетворение личных потребностей и амбиций. Тем не менее, в этом отношении индивидуальный гомаз всего лишь демонстрировал свойства, общие для всего клана, с которым он поддерживал телепатическую связь. Гомаз воспринимал себя как неотъемлемую часть клана, а клан распоряжался им, как организм распоряжается своим органом. Таким образом, воин-гомаз не представлял себе, что он может умереть, пока не погиб весь его клан, и проявлял абсолютное бесстрашие. Поэтому с человеческой

точки зрения гомаз становился парадоксальным существом, сочетавшим полную личную автономию и полное отождествление личности с социальной структурой.

Войны гомазов относились к трем различным категориям: войн, вызванных исключительно взаимной ненавистью кланов (такие войны случались относительно редко), войн, вызванных соперничеством кланов, то есть экономической необходимостью или стремлением к захвату территории, а также войн, которые и ксенологи, и социологи, и журналисты время от времени позволяли себе называть «войнами любви». Среди гомазов не было половых различий — они размножались, вживляя свои зиготы в побежденных врагов в процессе, по-видимому вызывавшем восторг у обоих участников, причем победитель поедал небольшой вырост железы с тыльной стороны шеи побежденного. Железа эта выделяла гормон под наименованием «чир», стимулировавший как развитие детенышей, так и боевой дух взрослого воина. Страстное стремление к поглощению «чира» занимало помыслы гомаза на протяжении всей его жизни. Устраивая потешные битвы, детеныши гомазов поедали «чир» тех, кого им удалось искалечить или убить.

Взрослые бойцы исполняли тот же ритуал, в результате преисполняясь ликованием торжества, восстанавливая силы и приобретая таинственную «ману»; судя по всему, «чир» способствовал оплодотворению зигот.

Гомазы пользовались некоторыми иероглифами и символическими объектами, но какая-либо письменность в человеческом понимании этого слова оставалась им чуждой — за исключением, пожалуй, самых примитивных математических формул; такое положение вещей объясняли телепатическими способностями аборигенов Маза.

За шестьдесят лет до прибытия Хетцеля на Маз первооткрывателем этой планеты стал Гейсон Вейри, бежавший из Ойкумены отщепенец. Вейри нанял орду воинов-гомазов с тем, чтобы нанести сокрушительный удар по обитателям Серсея, своего родного мира. Гомазы, быстро осознавшие возможности ойкуменического оружия, подчинили Вейри и его банду головорезов служению своей собственной цели, захватив флот космических кораблей и немедленно приступив к завоеванию Вселенной. Набеги гомазов привели к их столкновению с ранее неизвестными империями лиссов и олефрактов; в конечном счете совместные усилия трех империй позволили

уничтожить флот гомазов и захватить Гейсона Вейри. Прозрачную тюрьму первоначально построили именно для того, чтобы содержать в ней Вейри и его сообщников, а для предотвращения дальнейших подобных вторжений цивилизации людей, лиссов и олефрактов учредили на Мазе трехстороннее карательнонаблюдательное учреждение, Триархию. Гомазы вернулись к традиционному способу существования, подвергая Триархию самому оскорбительному, по их представлениям, обращению — то есть относились к ней с безразличным пренебрежением.

Хетцель просмотрел другие разделы брошюры, где перечислялись кланы и описывались их характерные особенности; в приложении, на карте Маза, указывалось местонахождение клановых замков. Язык гомазов, которым они пользовались в сочетании с телепатическими сигналами, передававшими эмоции и настроения, состоял из присвистов, щебета и писков, невразумительных как для человеческого уха, так и для человеческого ума. Общение с гомазами становилось возможным лишь благодаря применению микронных переводящих устройств.

Гомазы пользовались немногими видами оружия: рукоятью примерно метровой длины

с прикрепленным к ней трехметровым лассо, помогавшим ловить врага, длинным клещевым захватом, сжимавшимся подобно продолжению руки, гарпунами с тремя упругими зазубринами, а также коротким тяжелым мечом. Самые умелые элитные бойцы планировали на искусственных крыльях и атаковали противника сверху. Изредка, когда готовилось нападение на клановый замок, гомазы сооружали весьма изобретательные осадные механизмы. В качестве транспортных средств они использовали фургоны с запряженными в них одомашненными рептилиями или гигантскими червями; ели они то, что собирали или выращивали их детеныши, выполнявшие в клане всю работу.

Положив брошюру в карман, Хетцель заказал вторую кружку эля и спросил бармена: «Как по-вашему, сколько примерно людей работают на „Истагам“?»

«Истагам? Это кто?»

«Компания, поставляющая микронику».

«Никогда о ней не слышал. Спросите Быррриса, его контора напротив. Быррис тут знает все и про всех».

Опорожнив кружку, Хетцель вышел на улицу. Советом бармена не следовало пренебрегать — и,

даже если Быррис не было в конторе, всегда можно было еще раз расспросить темноволосую девушку в туристическом агентстве.

Хетцель пересек сквер и попробовал открыть дверь конторы «Предприятий Быррис». К его удивлению, она беспрепятственно подалась, и Хетцель зашел внутрь.

За столом говорил по телефону тяжеловесный субъект с широким мясистым лицом и копной гладких черных волос, разделенных пробором посередине и подстриженных «под горшок» над ушами в стиле, модном на планетах солнечных систем Фаянсового Каскада. У Быррис были маленькие, почти неподвижные глаза, длинный прямой нос и массивный подбородок. Он носил свободную рубаху из расшитого узорами зеленого бархата, габардиновые бриджи в лиловую и желтую полоску и шейный платок из дорогого белого шелка, повязанный узлом сбоку над плечом. Наряд его производил неофициальное, почти праздничное впечатление, лицо Быррис сохраняло достаточно приветливое выражение, по телефону он говорил тихо и вежливо: «...да-да, почти то же самое приходило мне в голову... Именно так. У меня посетитель, я вам позвоню».

Быррис поднялся на ноги и любезно поклонил-

ся: «Чем могу быть полезен?»

Хетцель не преминул заметить, что Быррис закончил телефонный разговор с некоторой поспешностью: «Честно говоря, не знаю. Меня просили узнать о возможностях выгодного вложения капитала на Мазе — но вполне вероятно, что вы предпочитаете не делиться такого рода информацией».

Быррис ответил на это осторожное вступление улыбкой: «Мне нечего скрывать. Откровенно говоря, однако, инвестиционных возможностей у нас не так уж много. Туристический бизнес не приносит больших доходов, и на его дальнейшее расширение надеяться трудно. Маз уже не такая новинка, какой был когда-то».

«Как насчет импорта-экспорта? Интересуются ли гомазы приобретением ойкуменической продукции?»

«Того, что мы можем им продавать, они не хотят. То, чего они хотят, нам не разрешают ввозить. Кроме того, встает вопрос об оплате. Гомазы не могут предложить в обмен ничего, кроме ремесленных изделий и боевых шлемов. Что не оставляет возможностей для крупномасштабных сделок».

«Я слышал, что у „Истагама“, однако, дела идут

неплохо».

Быррис ничуть не смутился и ответил, не задумываясь: «Об этом я почти ничего не знаю. По всей видимости, они занимаются перевозками транзитных грузов, используя Маз как перевалочный пункт. На Мазе, разумеется, не взимают сборы и налоги, что может иметь большое значение для нового предприятия, стремящегося занять место на рынке».

«Думаю, что вы правы. А полезные ископаемые здесь добывают?»

«Ничего существенного. Гомазы выплавляют какое-то количество чугуна из болотной руды, но их залежи уже почти истощились. Гомазы их разрабатывают уже больше миллиона лет. По существу, Маз — выработанная, дряхлая планета».

«А с лиссами или олефрактами никто не заключает никаких сделок?»

Быррис печально усмехнулся: «Вы шутите?»

«Нет, почему же? Торговля возникает и развивается самым естественным образом, если она выгодна обеим сторонам».

«Лиссы буквально одержимы отвращением к любому взаимодействию с другими цивилизациями. Олефракты не поддаются пониманию. Проще — гораздо проще! — иметь дело с гома-

зами. Вы, наверное, заметили дорогу, ведущую вверх, на площадь? Кланы кишей и дайядов пригнали на строительство пять тысяч детенышей, и мостовую закончили за три недели. Мы заплатили им надувными колесами для фургонов. Но на строительстве дорог здесь не заработаешь. Если бы у меня 6ыл лишний капитал, я вложил бы его в Вайре, на Люсбаррене — там ловят трейлерами ангельскую рыбу. Знаете, сколько дают за килограмм такой рыбы в Банакре?»

«Слышал, что это дорогой деликатес. Наверное, СЕРСа четыре».

«Почти угадали. А в Вайре, прямо у побережья Даля, ангельская рыба косяками ходит».

«Обязательно учту вашу рекомендацию. Насколько мне известно, вы сдаете в прокат аэромобили?»

«Верно. Не слишком доходный бизнес: техобслуживание, простои, постановления Триархии — сплошная головная боль. Только что вышло очередное постановление — я не могу сдавать аэромобиль в аренду, не получив предварительное разрешение триарха. Какие-то туристы решили навестить замок Диссик на свой страх и риск и едва унесли ноги».

Хетцель нахмурился: «Значит, прежде чем я

смогу арендовать аэромобиль, мне потребуется разрешение сэра Эстевана Тристо?»

«Потребуется».

«Я получу его сегодня же вечером, если вы мне подскажете, где живет сэр Эстеван».

«Ха-ха! Его не так просто поймать за хвост! Он занимается должностными делами только в Трискелионе».

«Я не спешу. Еще один вопрос: где я мог бы найти Казимира Вульдфаша?»

Лицо Быррис стало совершенно невозмутимым: «Я не знаком с этим человеком». Быррис взглянул на часы: «Прошу прощения, но мне назначена деловая встреча».

Хетцель поднялся на ноги: «Благодарю вас за полезные сведения». Когда он вышел из конторы, окна соседнего туристического агентства уже потемнели; брюнетка уже ушла домой — где бы она ни жила. Хетцель поднялся на Пограничную площадь по проспекту Потерянных Душ. Хис уже опускался к горизонту — оранжевая искра в расплывчатой дымке западного небосклона. Огромная площадь стала сумрачной и зловещей. Хетцель невольно вообразил себя призраком, бредущим по мертвому городу… События прошедшего дня не вполне удовлетворили его. Он

вынужден был задавать вопросы — и тем самым произвел впечатление человека, сующего нос не в свое дело. Если компания «Истагам» занималась незаконным бизнесом, теперь по всей паутине ее организации пробежала тревожная дрожь и, вполне вероятно, реакция могла не заставить себя ждать. Преступники могли прибегнуть к примитивному насилию — исключать такую возможность было бы непредусмотрительно. Здесь, на Пограничной площади, Хетцель чувствовал себя одиноким и беззащитным — он ускорил шаги. Впереди возвышалась Прозрачная тюрьма, но узников в стеклянных клетках уже нельзя было различить. Неподалеку молча стояли две темные фигуры; они следили за проходившим мимо Хетцелем, но не попытались его остановить. Кто это? Лиссы? Олефракты? Гомазы? Люди? Водянистые сумерки не позволяли сказать с уверенностью.

Не зная, чем еще заняться, Хетцель ужинал с расстановкой, не торопясь. Когда он уже собирался покинуть ресторан отеля, в помещение почти незаметно зашел тощий человек в мягком габардиновом костюме. Хорошенько рассмотрев этого субъекта, Хетцель приблизился к его столу: «Не могу ли я присоединиться к вам на минуту?»

«Прошу вас».

«Вы заведуете охраной отеля, не так ли?»

Человек в сером костюме слегка усмехнулся: «Это настолько очевидно? Официально я занимаю должность „начальника ночной смены“. Меня зовут Керч».

«Меня — Майро Хетцель».

«Майро Хетцель… Где-то я слышал это имя».

«Может быть, вы ответите на несколько интересующих меня вопросов — очень осторожных вопросов».

«На очень осторожные вопросы вы можете получить очень осторожные ответы».

«В круг моих профессиональных интересов входит некое юридическое лицо — общество, предприятие, группировка — известное под наименованием „Истагам“. При вас когда-либо упоминалось это наименование?»

«Насколько я помню, нет. Чем занимается это, как вы выразились, „юридическое лицо“?»

«Судя по всему, оно использует космопорт Аксистиля с целью экспорта сложных и дорогостоящих механизмов на планеты Ойкумены. Высказывались предположения о том, что в данном случае на Мазе может находиться перевалочный пункт или оптовый склад для продукции, изготовляемой за пределами Ойкумены».

«У меня нет сведений о таком предприятии. Почти все мое внимание поглощено происходящим в отеле».

«Любопытно! — отозвался Хетцель. — На первый взгляд, в „Бейранионе“ царит совершенно безмятежная атмосфера».

«В данный момент этот так и есть. Но подумайте сами: наших постояльцев отделяют от Окраины Собачьей слободы какие-нибудь десять или пятнадцать минут пешего хода. Разве трудно предположить, что лисы время от времени забираются в курятник? Рекомендую хранить ценности в сейфе отеля, особенно в том случае, если вас разместили во флигеле — это наш самый уязвимый участок».

«Обязательно так и сделаю, пообещал Хетцель. — Но вы, конечно, принимаете меры предосторожности?»

«Конечно. Мы внимательно следим за показаниями детекторов и, как правило, успеваем задержать вора».

«И что потом?»

«Проводится расследование. Обвиняемому назначают адвоката, участвующего в собеседовании с предъявившим обвинение должностным лицом. Обвиняемый предстает перед судом,

выносится приговор. Обвиняемому позволяют подать апелляцию; внимательно рассматриваются рекомендации лиц, ходатайствующих о смягчении приговора, после чего приговор приводится в исполнение».

«Довольно-таки сложный процесс, учитывая незначительные размеры вашей юрисдикции».

«Все гораздо проще, чем вы думаете, — возразил Керч. — Я, и только я, выполняю все упомянутые функции. Я провожу расследование и предъявляю обвинение. Я председательствую в суде и выношу приговор. Я исполняю приговор, даже если это смертный приговор, что время от времени случается. Весь процесс нередко занимает меньше пяти минут».

«Ага! Высокоэффективная и недвусмысленная процедура! Не позволите ли мне заказать бутылку вина и не откажетесь ли распить ее со мной?»

«Почему нет? — поднял брови Керч. — Насколько я понимаю, я нахожусь в приятном обществе человека сходной профессии, а что может быть более подходящим поводом для провозглашения тоста?»

Глава 4

Хетцель аккуратно перечислил возможности, относящиеся к компании «Истагам»:

I. Компания «Истагам» производила свою продукцию:

1. в пределах Ойкумены; или

2. за пределами Ойкумены; или

3. на планете Маз.

II. Компания «Истагам» осуществляла свои операции:

1. незаконно; или

2. законно, но тайно; или

3. законно, не придавая никакого значения ни сохранению в тайне, ни разглашению своих операций.

III. Операторы компании «Истагам» могли:

1. пользоваться любыми средствами с тем, чтобы воспрепятствовать расследованию; или

2. применять отвлекающие маневры и вводить в заблуждение с тем, чтобы затруднить расследование; или

3. не обращать никакого внимания на расследование.

Хетцель рассмотрел возможные сочетания перечисленных концепций, надеясь, что это наведет его на мысль о возможном дальнейшем подходе. Так и случилось. Ему пришлось признать неизбежность ожидания следующего заседания Триархии — ничего другого не оставалось. Только после такого заседания он мог обратиться с вопросами к сэру Эстевану Тристо.

Тем временем, допуская достаточную вероятность вариантов I-3, II-1 и III-1, Хетцель мог ожидать, на разумных основаниях, что его пребывание на Мазе в какой-то мере раздражало операторов «Истагама», в связи с чем ему следовало вести себя соответствующим образом.

Хетцель с наслаждением бездельничал три дня. Он завтракал у себя в гостиной, обедал в саду «Бейраниона» и ужинал в ресторане отеля. Он прогуливался по Пограничной площади, поглядывая на секторы лиссов и олефрактов, изучал Собачью слободу — и все время прислушивался к подсказкам подсознания. Пару раз он почти поддался побуждению забрести на Окраину, но сдержался — там, больше, чем где бы то ни было,

ему угрожал серьезный риск.

В северо-западном углу Пограничной площади находился транспортный вокзал Маза. По словам Керча, на аэробусах мог ездить кто угодно и куда угодно, но сходить на остановках у замков гомазов не рекомендовалось. Кроме того, отважный пассажир должен был терпеть неприятный запах гомазов. Аэробусы летали медленно, окольными путями, а сиденья в них нельзя было назвать удобными. Хетцель подумал, что пилоты этих машин могли бы предоставить кое-какую осмысленную информацию, и после полудня, за день до начала заседания триархов, подождал приземления очередного аэробуса у посадочной площадки.

Из машины спустились три гомаза — высокие предводители кланов, великолепные и величественные в плащах из черной кожи и сбруях из бечевы, сплетенной из зеленых перьев. На них были чугунные боевые шлемы с тремя рядами шиповатых гребней, имитировавших белые костяные гребни их черепов. «Чудесные и ужасные создания!» — подумал Хетцель, глядя на вождей-гомазов, удалявшихся по площади. Несомненно, лучше было быть их союзником, нежели врагом — концепция, послужившая основой Триархии:

каждая из сторон больше опасалась сговора другой стороны с гомазами, нежели гомазов как таковых.

Пилот отказался даже выслушать вопросы Хетцеля: «Обратитесь в туристическое агентство. Они вам все расскажут. Я занят и опаздываю — прошу меня извинить».

Хетцель пожал плечами и отошел в сторону. Не зная, чем еще заняться, он спустился по проспекту Потерянных Душ в Собачью слободу. Примерно в это время девушка, служившая в туристическом агентстве, должна была уходить с работы — и, если бы он встретил ее на улице, кто знает, чем бы все это кончилось?

Карликовая звезда Хис, блестящая, как отражение от зеркальца на дне пруда, скрылась за параллельными шевронами перистых облаков, серо-зеленых на зеленоватом небе; все вокруг потускнело, и Хетцель не сразу узнал человека, вышедшего из конторы Быррриса. Хетцель на мгновение остановился, после чего бросился вперед и позвал: «Казимир! Казимир Вульдфаш!»

Другой — Казимир Вульдфаш? — не мешкал ни секунды. Он тут же свернул за угол, на дорогу, ведущую к Окраине слободы. Когда Хетцель добежал до угла, этого человека уже нигде не было.

Хетцель вернулся к туристическому агентству — там тоже никого не было, а дверь конторы Быррриса была закрыта. Хетцель постучался, но ему никто не ответил.

Хетцель вернулся вверх по проспекту Потерянных душ на Пограничную площадь и прошел по ее периметру к отелю «Бейранион».

Завтра должно было состояться заседание триархов, то есть ему предстояло наконец встретиться с сэром Эстеван ом Тристо и взять у него интервью или навязать ему встречу — в зависимости от обстоятельств.

Хетцель проснулся в темноте. Который час? Полночь? Молочно-зеленая луна Олоэ, огромный выпуклый эллипсоид, почти заполняла оконную раму. Почему он проснулся?

Хетцель порылся в памяти: что-то скрипнуло, кто-то за что-то задел — тишайший, но зловещий звук… Хетцель прислушался. Полная тишина. А теперь — вздох, едва уловимый. Несколько секунд Хетцель лежал неподвижно, собираясь с мыслями. В спальне стало душно, в воздухе появился едковатый привкус. Хетцель опустил ноги на пол, выбрался из постели и вышел в гостиную. Там тоже пахло чем-то едким. Он подбежал к выходной двери — она не открывалась. Ноги

подкашивались, не желали слушаться. Хетцель с трудом доковылял до окна гостиной и распахнул створки — в лицо дохнул свежий ветер с холмов. Хетцель судорожно, глубоко дышал, очищая легкие. В глазах у него все поплыло, он опустился грудью на подоконник…

Хетцель снова проснулся в постели. Из окна струились косые утренние лучи; рядом, на стуле, дремала сиделка. Хетцель растер виски — в голове тяжело пульсировала боль. Воспоминания о ночных событиях заставляли его задавать себе мрачные вопросы. Ядовитый газ? Снотворный газ? Попытка убийства? Ограбление? Месть?

Сиделка наклонилась над ним, поднесла к его губам стаканчик: «Вы можете пить? Вам станет легче».

Хетцель выпил снадобье — и действительно почувствовал себя немного лучше. Он заставил себя сосредоточить взгляд на часах. Сегодня должно было состояться распорядительное заседание Триархии… С испугом заметив, что опаздывает, Хетцель рывком занял сидячее положение. Сиделка стала протестовать: «Пожалуйста, висфер Хетцель! Вам нужен покой!»

«Мне нужно быть в Трискелионе — это важнее всего. Где моя одежда?»

Пока Хетцель протискивал все еще непослушные конечности в рукава рубашки и брюки, сиделка подбежала к телефону. Появился Керч: «Похоже на то, что вы еще живы».

«Да, похоже на то. Мне нужно спешить в Трискелион».

«Не волнуйтесь. Вы сможете туда дойти?»

«Не уверен. Что со мной случилось?»

«Газ — не знаю, какой именно. Кто-то пробрался в ваши номера — сигнализация сработала, но они успели выпрыгнуть в окно. У вас пропали какие-нибудь ценные вещи?»

«Мои деньги в сейфе отеля, там же большинство моих бумаг. У меня украли кошелек; в нем были сотня СЕРСов и несколько документов. Ничего страшного».

«Вам повезло».

Хетцель сполоснул лицо холодной водой, выпил еще стаканчик снадобья, приготовленного сиделкой, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Пульсирующая боль в голове почти прошла; он чувствовал себя слабым и вялым, но вполне способным заниматься повседневными делами. Может быть, ночное вторжение было не более чем ограблением — а может быть, кто-то не хотел, чтобы Хетцель явился на заседание триар-

хов. И в том, и в другом случае злоумышленники остались с носом. Больших денег у него в номере не было, а на заседание он поспевал. Заверив Керча и сиделку в своей жизнеспособности, он поспешил на другую сторону Пограничной площади — сначала трусцой, потом быстрым шагом.

Над ним уже высился Трискелион. Хетцель взглянул на часы. Если заседание началось точно в назначенное время, он уже опоздал. Поднявшись по трем широким ступеням, Хетцель пересек обширное крыльцо. Как только он протянул руку, чтобы открыть хрустальную створку портала, она внезапно распахнулась, и Хетцелю пришлось отскочить, чтобы пропустить яростно покидавшего здание воина-гомаза. На какое-то мгновение Хетцель заметил сморщенное, словно вырезанное из полированной кости лицо и черные оптические сферы, горящие внутренними звездами; от существа веяло тухлятиной. Звеня цепными украшениями и множеством медалей, гомаз быстро удалялся по площади. Хетцель смотрел ему вслед — не тот ли это был гомаз, который прибыл в аэробусе вечером предыдущего дня? Где же его спутники? «Странно! — подумал Хетцель. — С чего бы он так разбушевался?»

Как только он зашел в центральный вестибюль,

Хетцель почувствовал атмосферу тревожного возбуждения. За ойкуменическим прилавком справочного бюро стояла полногрудая висфера Фелиус, бледная и дрожащая. Рядом с ней, пригнувшись и вытянув шею, какой-то молодой человек настороженно смотрел вверх — туда, куда поднимался искривленный пролет лестницы.

Хетцель приблизился к прилавку. «Я пришел, чтобы присутствовать на заседании триархов, — сообщил он. — Надеюсь, я не опоздал?»

Висфера Фелиус подавилась полуистерическим смехом: «Вы опоздали, ха-ха! Вот уж действительно! Никакого заседания не будет! Никаких заседаний больше не будет — они все убиты, все!»

Молодой человек пробормотал: «Ну не волнуйтесь вы так, висфера Фелиус — возьмите себя в руки».

«Нет-нет, висфер Кайл, оставьте меня в покое. Это такой ужас, такой ужас!»

«Что происходит? — поинтересовался Хетцель. — Кого убили?»

«Триархов — всех! Несчастный сэр Эстеван! Какая беда!»

Молодой человек — висфер Кайл — раздраженно вмешался: «Не спешите с выводами! Мы еще

не знаем на самом деле, в чем дело. Вот спускается капитан Боу, ему известны фактические обстоятельства».

Висфера Фелиус взмолилась: «Капитан! О, капитан Боу! Ради всего святого, что там случилось?»

Круглое лицо охранника сосредоточенно порозовело, губы сморщились трубочкой. Он задержался у прилавка: «Убийство — вот что случилось».

«Какой кошмар, капитан! А кого…»

«Триарх-лисс и триарх-олефракт — оба отправились на тот свет, и в придачу пара гомазов».

«А! Пришельцы — больше никто? А сэр Эстеван, что с ним?»

«Я успел его предупредить — он бросился под стол и на мгновение опередил выстрел».

«Хвала всевышним силам! — закатив глаза, прокудахтала висфера Фелиус. — Поставлю тысячу ароматических свеч под Священной Аркой!»

«Лучше зажгите свечку в честь капитана Боу, — посоветовал висфер Кайл. — Судя по всему, он не растерялся и проявил отвагу перед лицом смертельной опасности».

«Я всего лишь выполнил свой долг, — заявил Боу. — И готов делать то же самое десять раз в день».

«Одно не совсем ясно, — заметил Хетцель. — Кто убийца?»

Подняв брови, капитан Боу смерил Хетцеля взглядом с головы до ног. Он явно забыл о том, что они уже встречались. Не заметив ни роскошного наряда, ни каких-либо символов принадлежности к аристократическому сословию, охранник хотел было поставить незнакомца на место лаконичным выговором, но, встретив глазами пристальный прозрачно-серый взгляд сыщика, он прокашлялся и решил дать более обстоятельный ответ: «Убийца — какой-то сумасшедший юнец. Обиженный властями бродяга, сектант, фанатик — кто его знает? Не подозревая о его намерениях, я вежливо проводил его в зал заседаний. Представьте себе, как я теперь об этом сожалею!»

«Как же, я с ним говорила, с мерзавцем! — всплеснула руками висфера Фелиус. — Подумать только! От одной мысли об этом душа в пятки уходит! На нем не было опознавательной серьги — а даже если была, его шевелюра так растрепалась, что ее нельзя было заметить. Он нагло потребовал провести его к сэру Эстевану, и я перепоручила его капитану Боу. Подумать только! Он мог всех нас перестрелять!»

«И где он теперь, этот сумасшедший фанатик? Его задержали?»

«Сбежал! — с горечью обронил охранник. — Теперь он уже на Окраине, в полной безопасности».

Висфер Кайл бестактно выразил удивление: «Сбежал? Но он же был рядом с вами!»

Капитан Боу раздул щеки, устремил взгляд в пространство и размеренно произнес: «Он не был рядом — я поспешил вперед, чтобы привлечь внимание сэра Эстевана. Когда прозвучали выстрелы, наступило замешательство. Сначала я подумал, что стрелял гомаз, но тут же заметил, что два его спутника упали замертво. К тому времени убийца был уже на полпути к слободе, чтоб его черти взяли! Не беспокойтесь, мы его выманим так или иначе — или, может быть, с ним сведут счеты каким-нибудь другим способом. Уверяю вас, он не отделается так легко!»

«Все это достойно сожаления», — заметил Хетцель. Обратившись к висфере Фелиус, он сказал: «Так как у меня срочное дело к сэру Эстевану, я хотел бы встретиться с ним безотлагательно, не ожидая следующего заседания Триархии».

Тон висферы Фелиус стал предельно высокомерным: «Не сомневаюсь, что сэр Эстеван

слишком потрясен чрезвычайными событиями, чтобы заниматься повседневными делами!»

«Почему бы не посоветоваться по этому вопросу с самим триархом? Подозреваю, что, вопреки вашим предположениям, он человек не робкого десятка».

Фыркнув, висфера Фелиус произнесла несколько слов в микрофон, прислушалась к тихому ответу и торжествующе повернулась к Хетцелю: «Сегодня сэр Эстеван никого не принимает. Очень сожалею».

Хетцель стоял на монументальном крыльце ойкуменического фасада Трискелиона, пытаясь составить какой-то план дальнейших действий, но не испытывая особого желания что-либо предпринимать. Его ноги еще не оправились после ночного приключения, обожженное ядом горло побаливало, а голова, казалось, раздувалась с каждым вдохом и сжималась при каждом выдохе. Чем, все-таки, его отравили? Снотворным газом или ядовитым газом? Было бы любопытно узнать. Все последствия и возможности, связанные с происходящим, невозможно было проанализировать. В данный момент строить какие-либо догадки было бесполезно.

Хетцель спустился по ступеням на Пограничч-

ную площадь и двинулся в направлении отеля «Бейранион». Проходя мимо Прозрачной тюрьмы, он задержался, пораженный внезапным подозрением, чтобы еще раз рассмотреть апатичные лица узников. Никто из них не напоминал внешностью Казимира Вульдфаша, что было неудивительно — тем более, если человек, с которым Хетцель чуть не столкнулся вчера вечером, в самом деле был Вульдфашем.

Хетцель отвернулся. На скамье неподалеку сидел молодой человек с растрепанными волосами, в мятой грязноватой одежде и потертых башмаках. Потускневшие от пыли светлые волосы и недавно пробившаяся борода недостаточно скрывали слишком заметные, крупные черты его лица, очевидно искаженные злобой или ненавистью. Хетцель остановился, чтобы взглянуть на этого субъекта, за что был вознагражден пылающим ожесточенным взглядом голубых глаз.

«Не могу ли я присесть рядом с вами?» — вежливо спросил Хетцель.

«Делайте, что хотите».

Хетцель уселся. От молодого человека пахло пропотевшей, давно не стираной тканью: «Меня зовут Майро Хетцель».

Юноша только угрюмо хмыкнул. «А вас как

зовут?» — поинтересовался Хетцель.

«Не ваше дело!» Через несколько секунд молодой человек выпалил: «Кто вы такой? Что вам нужно?»

«Как я уже сказал, я — Майро Хетцель. Что мне от вас нужно? Пожалуй, я был бы не прочь побеседовать с вами несколько минут».

«У меня нет ни малейшего желания с вами разговаривать».

«Как вам угодно. Но вам следовало бы знать, что человек, описание которого более или менее соответствует вашей внешности, только что совершил тяжкое преступление. Если настоящего преступника не найдут в ближайшее время, вас могут ожидать серьезные неприятности».

Какое-то время казалось, что юноша промолчит. В конце концов он хрипло спросил: «Вы из полиции? Если так, ищите вашего преступника где-нибудь в другом месте».

«Нет, я не связан с полицией. Могу ли я все-таки поинтересоваться, как вас зовут?»

«Гидион Дерби».

«И сегодня утром вы посетили Трискелион?»

«Можно сказать и так».

«И во время своего визита вы укокошили двух триархов?»

Гидион Дерби очевидно удивился: «Двух триархов? Каких именно?»

«Лисса и олефракта».

Гидион Дерби тихо рассмеялся и откинулся на спинку скамьи.

«Для вас это, по-видимому, не слишком поразительная новость».

«Они хотели, чтобы я убил Эстевана, — отозвался Дерби. — Но все пошло кувырком. После всех приготовлений, после того, как они затратили столько усилий…»

«Чем больше вы объясняете, тем меньше я понимаю происходящее, — признался Хетцель. — Проще говоря: почему вы решили нарушить свой хитроумный план и прикончили пришельцев вместо сэра Эстевана?»

«О чем вы говорите? Я никого не убивал. Хотя, признаться, кое-кто заслуживает смерти».

Хетцель задумчиво произнес: «Описание убийцы — диковатого растрепанного молодого человека с неистовым темпераментом — не слишком отличается от того впечатления, которое производите вы».

Гидион Дерби снова развеселился — на этот раз его смех был хриплым, кашляющим: «У меня нет двойников. Иногда мне кажется, что меня

самого нет».

Хетцель рискнул спросить наугад: «Надо полагать, компания „Истагам“ несправедливо с вами обошлась».

Веселье Гидиона Дерби словно сдуло ветром: «„Истагам“?

При чем тут „Истагам“?» Молодой человек казался озабоченным и озадаченным.

«Вы не знаете?»

«Конечно, не знаю. Я ничего не знаю».

Хетцель принял решение и поднялся на ноги: «Пойдемте со мной. В отель „Бейранион“. Там капитан Боу не сможет предъявить нам никаких претензий».

Дерби не сдвинулся с места. Несколько раз моргнув, он посмотрел куда-то на другую сторону Пограничной площади, после чего снова повернулся к Хетцелю: «Зачем?»

«Я хотел бы выслушать последовательное изложение вашей истории — особенно в том, что относится к вашим связям с компанией „Истагам“».

Дерби крякнул и встал: «Мне все равно больше нечего делать».

Они направились к «Бейраниону».

Глава 5

Оказавшись у себя в апартаментах, Хетцель указал гостю на душевую: «Вымойтесь. И сбросьте старую одежду в мусоропровод».

Гидион Дерби что-то неубедительно пробормотал и направился в душ. Тем временем Хетцель вызвал по телефону парикмахера и заказал новую одежду.

Через некоторое время посреди гостиной стоял чистый, подстриженный, бритый Гидион Дерби в свежей, только что выглаженной одежде. Неизменным оставалось лишь угрюмо-упрямое выражение у него на лице. Хетцель разглядывал его с осторожным одобрением: «Ну вот, теперь вы выглядите, как совсем другой человек. Вы могли бы, ничем не рискуя, вернуться в Трискелион и прикончить, скажем, висферу Фелиус».

Гидион Дерби проигнорировал этот несколько язвительный комплимент и рассмотрел себя в зеркале: «Я не был похож на себя уже… не помню, с каких пор. Несколько месяцев, наверное».

Появились официанты с буфетной тележкой и накрыли на стол. Гидион Дерби ел, не скрывая аппетит, и выпил больше половины бутыли зе-

леного вина.

В конце концов Хетцель спросил: «Каковы, в целом, ваши дальнейшие планы?»

«К чему какие-то планы? Нет у меня никаких планов. Меня ищет полиция».

«Не слишком старательно, насколько я понимаю».

Внезапно встревоженный, Дерби поднял глаза: «Почему вы так думаете?»

«Не странно ли, что убийца застрелил двух триархов, пока капитан Боу наблюдал за происходящим, а затем спокойно перешел площадь и уселся на скамье напротив Трискелиона, целый и невредимый? Вполне может быть, конечно, что я переоцениваю профессиональную компетенцию капитана Боу».

«Я не убийца, — ничего не выражающим тоном обронил Дерби. — Зачем вы меня сюда привели?»

«Меня интересует компания „Истагам“. Я хотел бы услышать все, что вы можете о ней рассказать. Все очень просто».

«Все не так просто, как вы думаете. Так вы не работаете на полицию?»

«Нет».

Голос Дерби приобрел презрительный оттенок:

«Филантроп, значит. Любитель странностей и причуд».

«Я — частный детектив», — пояснил Хетцель.

«Какая разница? У меня нет никаких секретов, — Дерби жадно опрокинул в глотку полстакана вина. — Ну хорошо, я расскажу, что со мной случилось. Можете мне верить или не верить, мне все равно. Я родился и вырос в Тропе, на планете Цицели. Мой отец владеет поместьем на одном из северных островов — на острове Хульдис — если вы когда-нибудь бывали на Цицели, вы о нем слышали. Это тихое и мирное место, где никогда ничего не происходит, кроме сбора урожая и чемпионатов по хуссейду, и даже наш хуссейд — степенная, добропорядочная игра, мы не обнажаем шерлей, к сожалению… Короче говоря, когда я вырос, меня охватила жажда к перемене мест и, закончив университет в Дэгглсби, я нанялся в качестве суперкарго на звездолет компании „Голубая стрела“. В Порт-Вольдене, на планете Арбелло, нам поручили доставить груз на Маз — в частности, надо полагать, то самое вино, которое мы с вами пьем».

«Только не это вино. Это „Медлин-Эстергази“ с Сент-Вильмина».

Дерби нетерпеливо отмахнулся: «Мы разгру-

зились в здешнем космопорте и взяли на борт новый товар в обрешетке. Получателем груза значилась компания „Истагам“ в Твиссельбейне на планете Тамар».

«В Твиссельбейне? И там вы встретились с Казимиром Вульдфашем? Или он представился Кармином Дарублем?»

«Ни с кем таким я не встречался. Звездолет разгрузили, после чего я отправился в „Сады наслаждений“ на окраине города и там познакомился с темноволосой красавицей по имени Элиджано, с чудесным вкрадчивым голосом. Она только что приехала в столицу из глубинки — по меньшей мере, так она сказала. Я в нее влюбился, одно последовало за другим, и через два дня я проснулся без гроша в кармане, а Элиджано улетучилась. Когда я сумел вернуться, наконец, в космопорт, мой корабль уже улетел, и я остался на мели.

Ко мне подошел какой-то субъект и спросил, не хочу ли я быстро заработать деньги. „Как быстро, и сколько денег?“ — спросил я. Это была моя вторая ошибка. Первую я допустил в „Садах наслаждений“. Субъект назвался Бангхартом и сообщил, что промышляет контрабандой. Что ж, мне нужны были деньги, и я принял его предло-

жение. Мы погрузили в трюм старой космической посудины обрешеченные контейнеры без маркировки — примерно такие же, какие мы увезли с Маза, только гораздо тяжелее. Я знал, что вся эта афера была как-то связана с компанией „Истагам“, хотя Бангхарт ничего мне не объяснял.

Так что мы взлетели на этой развалюхе, и через некоторое время оказались на орбите планеты, окруженной оранжевым нимбом. Бангхарт назвал эту планету „Дис“ — что бы это ни значило. Мы разгрузили трюм при лунном свете, на острове посреди болота».

«У планеты Дис нет оранжевого нимба», — заметил Хетцель.

Гидион Дерби пропустил его слова мимо ушей: «Бангхарт приближался к этой планете с великой осторожностью и, насколько я понимаю, ожидал какого-то сигнала, потому что мы опустились на поверхность внезапно, как падающий камень, с ночной стороны. Так что мы очутились на острове посреди болота и всю ночь разгружали трюм вручную, а у нас над головами висела великолепная, огромная полная луна, зеленая, как крыжовник».

«У Диса нет никакой луны», — заметил Хетцель.

Дерби кивнул: «Мы были здесь, на Мазе. Когда трюм опустел, Бангхарт приказал мне остаться и охранять груз, после чего мне должны были поручить другое задание. Я жаловался — но вежливо и осторожно, потому что мне было нечем подкрепить свои аргументы. „Да, господин Бангхарт, — сказал я в конце концов. — Будет сделано, господин Бангхарт. Буду охранять груз, как зеницу ока“. Драндулет улетел. Я был уверен в том, что меня убьют, и поэтому залез на дерево и спрятался среди ветвей.

Сидя на дереве, я принялся размышлять. Глядя на луну — большую, пузатую и зеленую — я понимал, что снова нахожусь на Мазе. Доставленные ящики несомненно содержали оружие для гомазов. Шансы на спасение в этой ситуации были невелики. Если бы меня поймали гомазы, меня бы тут же прикончили без разговоров. Если бы меня поймал патруль Триархии, меня посадили бы на верхний этаж Прозрачной тюрьмы.

В тусклом зеленом лунном свете невозможно было разглядеть окрестности. Я сидел на дереве, пока не взошло солнце, после чего спустился на землю. День случился пасмурный, было почти так же сумеречно, как ночью, но я заметил тропу, ведущую через болото — через самые топкие

места были перекинуты бревна.

Я все еще колебался. Бангхарт приказал мне охранять груз, а я его страшно боялся. Я до сих пор его боюсь. Даже больше, чем раньше. Но в конце концов я решил пойти по тропе. Я шел по ней часа два, пережил несколько незначительных приключений, но ничего страшного не случилось, и в конце концов я выбрался на сухой берег топи. Вдоль берега тянулась каменная ограда. К тому времени мне уже ничто не казалось странным. Тропа вела к воротам ограды, а там меня ждал человек. С этого момента моя история становится совершенно безумной. Я не сошел с ума, прошу заметить — просто со мной случилось что-то невероятное. Человек этот был высок и прекрасен, как Аватар Гисрод: в белой мантии и в белом тюрбане с вуалью из мелкой белой сетки, расшитой узором из черных жемчужин. Судя по всему, он ожидал моего появления. „Доброе утро, сударь! — сказал я ему. — Не могли бы вы указать мне дорогу в ближайший цивилизованный населенный пункт?“

Красавец ответил: „Разумеется. Идите сюда“. Он подвел меня к походному шатру: „Подождите минутку внутри“.

Я объяснил, что предпочел бы ждать снаружи,

но он только молча указал на шатер. Я туда зашел и потерял сознание. Надо полагать, Красавец наполнил его снотворным газом, пока меня ждал». Гидион Дерби скорбно вздохнул.

«Я очнулся в просторном помещении без окон и дверей, на полу шириной двенадцать шагов и длиной четырнадцать с половиной шагов. Потолок был настолько высок, что я едва мог его разглядеть. Судя по всему, я лежал без сознания не меньше двух или трех дней — мой подбородок уже покрылся щетиной, я все еще был в полуобморочном состоянии и очень хотел пить. У стены стояли стол со стулом и кушетка, сколоченные из неокоренных бревен — в моем положении, конечно, не приходилось критиковать качество и стиль меблировки. Я еще не все рассказал, но что вы об этом думаете?»

«Я еще не думал — я только слушаю. Пока что не вижу никакой связи между различными этапами ваших злоключений».

Дерби не сдержал мрачную усмешку: «Вот именно. Где все это началось? Когда я покинул университет? Когда я впервые оказался на Мазе? В „Садах наслаждений“? Когда я связался с Бангхартом? Или такова была моя судьба изначально? Важнейший вопрос!»

Хетцель покачал головой: «Возможно, мне не хватает проницательности…»

На этот раз Дерби не проявил нетерпение: «Суть дела в том… нет. Сначала следует закончить рассказ. Исключительно нелепая история, как вы считаете?»

Хетцель снова наполнил бокалы: «В том, о чем вы говорите, может быть какая-то закономерность, но она еще не очевидна ни вам, ни мне».

Дерби пожал плечами, всем видом показывая, что ему в любом случае все равно: «Я осмотрелся. Помещение освещалось двумя высоко подвешенными лампами. Стены были обшиты белым пластиком, пол покрыт серым композитным материалом. На одном конце этой странной камеры было что-то вроде маленькой сцены или подиума, высотой и шириной метра полтора, с двумя дверцами по бокам, заделанными вровень со стеной. На столе стоял кувшин. Я решил, что в нем вода, и выпил все, что в нем было. У воды был странный привкус; уже через несколько минут у меня начались колики, и я согнулся пополам. Убежденный в том, что меня отравили, я приготовился к смерти. Но я не умер — меня только рвало, раз за разом, пока я не ослабел настолько, что больше не мог ничего выдавить. Тогда я за-

брался на кушетку и заснул.

Проснувшись, я почувствовал себя лучше. Камера оставалась такой же, как прежде — только кто-то оказался настолько любезен, что прибрал на полу, а на столе рядом с кувшином стояла фотография Красавца. Но все-таки что-то было не так. Была ли это та же самая камера? Нет! Теперь стены были покрыты бледно-желтым пластиком, а не белым. Я проголодался и все еще хотел пить. Поднявшись на ноги, я заметил на маленькой сцене хлеб, сыр и фрукты, а также стеклянную кружку с пивом. Минуту-другую я смотрел на все это, не двигаясь с места. Может быть, пиво тоже было отравлено, как вода. Какая разница, однако? Отравиться было не хуже, чем умереть с голода. Я схватил хлеб с сыром. Они были резиновые. А в кружке было не пиво, а какое-то плотное желе. На дне кружки лежала фотография подмигивающего человека — Красавца.

Я понял, что надо мной издеваются, и решил стоически переносить происходящее. Кто-то наблюдал за мной — какой-то помешанный садист, причем садистом этим был, вероятно, Красавец собственной персоной. Я твердо решил, что он не получит от меня никакого удовлетворения. Отвернувшись, я отошел от сцены, сел на стул

— и тут же вскочил, пронзенный электрическим шоком. Полный достоинства, я направился к кушетке. Вся постель была пропитана водой. Тогда я уселся на столе. Через несколько минут я снова взглянул на сцену — поднос переместился, что-то изменилось. Посидев на столе еще минуту-другую, я беззаботно прошелся по камере, чтобы рассмотреть содержимое подноса поближе. На этот раз в нем была настоящая еда. Я взял поднос, поставил его на стол и наелся. При этом я сидел на стуле — голод заставил меня полностью забыть, что это был электрический стул. Наевшись, однако, я вспомнил об этом, и каждую секунду ожидал очередного шока. Но ничего не произошло. Между прочим, так меня кормили на всем протяжении моего заключения. Иногда еда была настоящей, но в большинстве случаев она была резиновая. Промежутки времени между настоящими кормежками были неравномерными — я никогда не знал, когда меня снова надуют». Дерби горестно рассмеялся: «Когда официанты привезли сюда тележку, я был почти уверен, что еда будет поддельная — и нисколько не удивился бы, если бы так оно и было».

«Возникает впечатление, что вы стали жертвой тщательно продуманной, систематической

пытки».

«Называйте это как хотите. Трюк с едой был детской шуткой по сравнению с тем, что последовало. Через некоторое время я даже привык к нему настолько, что перестал придавать ему значение.

Кстати, электрическим шоком меня больше ни разу не пугали, хотя я постоянно подозревал, что рано или поздно это случится. И после первого неприятнейшего случая с кувшином воды я ни разу не отравился ни едой, ни питьем. Покончив с первой кормежкой, я снова огляделся — стены стали голубыми. Причем я был совершенно уверен в том, что раньше они были желтоватыми. Я стал на самом деле сомневаться, в своем ли я уме. Цвет стен продолжал меняться — но только тогда, когда я на них не смотрел: то они были белыми, то желтыми, то голубыми, а время от времени становились коричневыми или серыми. Я научился ненавидеть коричневый и серый цвета, потому что, как правило — но не всегда! — потемнение стен значило, что меня ожидала какая-нибудь особенно изобретательная мерзость».

«Странная процедура! — заметил Хетцель. — Возможно, своего рода эксперимент?»

«Сначала я тоже так думал. Но со временем

отказался от этой мысли… Первые несколько дней ничего особенного не происходило, кроме изменения окраски стен и появления резиновой еды. Как-то раз, когда я лежал на кушетке, она сбросила меня на пол; в другой раз подо мной обвалился стул. Иногда я слышал у себя за спиной какие-то едва различимые звуки, раздававшиеся, однако, рядом, почти вплотную — шаги, шепот, хихиканье. А потом меня навестил Красавец. Стены стали серыми. Взглянув на сцену, я заметил, что около нее в стене открылась дверь, ведущая в длинный коридор. В дальнем конце коридора появился человек. На нем был водевильный костюм старого повесы Шальхо: трико в обтяжку из белого вельвета, расшитая голубыми узорами короткая розовая куртка с золотистыми кисточками, брыжи. Высокий, сильный человек с величавой походкой, очень красивый. Он подошел к краю маленькой сцены и смотрел в мою сторону — не на меня, а в мою сторону — со странным выражением на лице, не поддающимся описанию: насмешливым, скучающим, презрительно-надменным. Красавец сказал: „Ты здесь удобно устроился. Слишком удобно. Мы этим займемся“.

Я закричал: „Зачем вы меня тут держите? Я же

ничего вам не сделал!“ Он словно меня не слышал, но наставительно произнес в воздух: „Тебе придется взяться за ум и хорошенько подумать“. Я ответил: „Тысячу раз я уже думал обо всем, о чем здесь можно было думать!“

И снова он не обратил внимания на мои слова. „Надо полагать, ты чувствуешь себя одиноко, — посочувствовал Красавец. — Может быть, тебя развлечет подходящая компания. Действительно, почему нет?“ И в тот же момент на сцену выбежала дюжина зверьков, похожих на маленьких куниц, но с колючими хвостами, длинными острыми клыками и шипами, растущими из суставов конечностей. Пища и шипя, эти бестии набросились на меня. Я вскочил на стол и сбрасывал их пинками на пол, когда они прыгали, пытаясь меня достать. Красавец наблюдал из дверного проема с абсолютно спокойным лицом — он даже ни разу не улыбнулся. Два или три раза этим адским хорькам почти удалось в меня вцепиться, но в конце концов они потеряли терпение и стали бегать по камере. Когда кто-нибудь из них пробегал мимо, я прыгал на него со стола и ломал ему шею или хребет. Таким образом я их всех уничтожил. К тому времени Красавец уже давно смылся, а дверь закрылась.

Я свалил зубастые трупы в углу и стал изучать тот участок стены, где был дверной проход. Дверь соединялась со стеной бесшовно, невозможно было нащупать даже мельчайшую неровность — еще одна тайна, хотя теперь я уже воспринимал тайны, как повседневные события, как должное, если можно так выразиться. Тем не менее, если Красавец хотел, чтобы я думал, он добился своего, потому что я только и делал, что думал.

Я никак не мог догадаться, зачем со мной сыграли такую изощренную подлую шутку. За что мне было мстить? За исключением жалкой провалившейся авантюры с контрабандой, за всю свою жизнь я практически никому не сделал ничего плохого. Эксперимент? Кто-то хотел свести меня с ума? Но в таком случае меня можно было бы подвергать гораздо более жестокому обращению. Меня принимали за кого-то другого? Вполне возможно. Или, может быть, я оказался во власти свихнувшегося озорника, наслаждавшегося жестокими шутками. Я не мог представить себе никакого разумного объяснения происходящему».

«А вам приводилось снова встречаться с Красавцем?»

«Приводилось, как же! И каждый раз перед

этим стены становились серыми, хотя иногда они становились серыми, но Красавец не появлялся. Происходили другие вещи. Однажды в камере прозвучали фанфары, заиграла музыка, и на сцену высыпала стайка дрессированных птиц. Они танцевали и кружились и скакали, играя в чехарду, и маршировали строем туда-сюда, а потом принялись бешено кувыркаться, прыгая со сцены. Музыка превратилась в кошачий концерт, фанфары трубили невпопад, тарелки оглушительно звенели, стучали барабаны. И вдруг все смолкло. Послышалось только девичье хихиканье, и наступила полная тишина. Девичий смех напомнил мне об Элиджано — хотя, конечно, я понимал, что такое совпадение невозможно. А потом я подумал: невозможно? Все было возможно!

Примерно через час погасли лампы, камера погрузилась в непроглядный мрак. Прошло несколько минут, и темноту с громовым хлопком озарила чудовищная, ослепительная зеленая вспышка. Это было настолько неожиданно, что я чуть не свалился с кушетки. Я продолжал лежать, ожидая следующей вспышки, но минут через пять зажглись обычные лампы.

В камере стал появляться тюремщик — странное существо, наполовину мужчина, наполовину

женщина. Нет, в самом деле!

У него правая половина была мужской, а левая — женской. Он — я все-таки называю его „он“ — никогда со мной не говорил, и я с ним тоже не говорил. Он прохаживался по камере, заглядывал то туда, то сюда, подмигивал и гримасничал, выделывал какой-нибудь дурацкий акробатический трюк и уходил. Он посещал меня, кажется, раз пять, после этого я его больше никогда не видел. Но однажды я проснулся и увидел, что на полу ползают на четвереньках три голые девушки в черных масках. Заметив, что я на них смотрю, они выбежали из камеры. Одна из них была Элиджано — так мне показалось, но я в этом не уверен. Примерно в то же время мне стали подавать блюда самых необычайных размеров и форм: миниатюрную миску с огромной кривобокой ложкой, сорокалитровый котел, наполовину закрученный в спираль, с маленьким кусочком сыра на дне, переплетения трубок и колбочек, из которых мне приходилось добывать питье, узкий футляр — примерно метровой длины, но шириной чуть больше сантиметра — содержавший три горошины. Меня это скорее забавляло, нежели огорчало, хотя меня никогда не кормили вдоволь.

Снова погасли лампы, и я лежал на кушетке, ожидая внезапной зеленой вспышки. Но на этот раз под потолком стал клубиться светящийся газ. Газ рассеялся, а потолок превратился в экран с видом моего родного дома в Тропе. Вид этот стал сменяться пейзажами окрестностей Тропа, а затем и другими видами, которые я уже не узнавал. Все эти картины были так или иначе искажены — они дрожали, размывались, растекались. На потолке появилось мое лицо, а вслед за ним — вид моего затылка сверху. Две руки разрезали мой череп пилой и обнажили мой мозг. Куда-то вдаль убегала Элиджано; потом потолок заполнило спокойное строгое лицо Красавца. Прошу заметить, все это я видел не во сне. Сны во время моего заключения, наоборот, были спасительными оазисами вменяемости и здравомыслия… Лампы зажглись. Я сел на кушетке, позевывая и почесываясь, словно давно привык к подобным видениям и не видел в них ничего заслуживающего внимания. С тех пор я решил, что Красавец намеревался свести меня с ума. Я до сих пор так думаю».

Хетцель ответил на это замечание жестом, который мог означать почти все, что угодно. Дерби неприязненно нахмурился: «Случалось и многое

другое. У меня за спиной продолжали шептать и хихикать. Примерно каждый третий день лампы постепенно гасли — настолько постепенно, что я спрашивал себя: почему я так плохо вижу? Неужели я слепну? А потом включали музыку — примитивную и не мелодичную, состоявшую из бессмысленных не повторяющихся фраз и не разрешавшихся гармонических последовательностей, после чего какая-нибудь одна случайная фраза вдруг начинала повторяться сотни раз. И, конечно же, Красавец собственной персоной. Пару раз он появлялся в двери, открывавшейся над сценой, а однажды я обернулся и обнаружил, что он стоит рядом, в камере. Теперь на нем был другой костюм, из серебряной чешуи, а на голову он нахлобучил серебряный шлем с фигурными остроконечными выступами, закрывавшими щеки, с полоской на носу и с тремя серебряными рожками на лбу. Он обратился ко мне: „Привет, Гидион Дерби!“

„Значит, вы знаете, как меня зовут“, — заметил я.

„Конечно, знаю“.

„Я надеялся, что, может быть, вы приняли меня за кого-то другого“.

„Я никогда не ошибаюсь“.

„Тогда почему вы меня здесь держите?“

„Потому что я делаю все, что хочу“. Он подошел ко столу: „Надо полагать, это твой завтрак. Ты голоден?“ Красавец снял крышку с котелка — в нем было содержимое моего ночного горшка — или чьего-то ночного горшка, так или иначе. Как только я наклонился, чтобы посмотреть в котелок, он перевернул его мне на голову, после чего удалился через дверь, открывшуюся сбоку от сцены.

Я почистился в меру своих возможностей и присел на кушетку. Через некоторое время меня стал одолевать сон, а когда я проснулся, я уже был в другом месте — на скамье рядом с сооружением из стекла и железа. Я узнал космический вокзал Маза и сидел еще несколько минут, пытаясь собраться с мыслями. Меня освободили? Как это может быть? Никто не обращал на меня никакого внимания. Я проверил содержимое карманов — в них ничего не было, кроме нескольких монет и лучевого пистолета, никаких документов.

Ко мне подошел охранник и спросил, чем я тут занимаюсь. Я сказал, что жду прибытия корабля. Он попросил меня предъявить удостоверение личности. Я сказал, что потерял документы. В таком случае, по словам охранника, мне следовало

получить новые документы от ойкуменического триарха. По его мнению, мне повезло, потому что заседание триархов должно было вот-вот начаться. И он направил меня по проспекту к Трискелиону. Я зашел в вестибюль. Толстый краснолицый чиновник спросил меня, зачем я туда явился. Я ответил, что мне нужно было видеть ойкуменического триарха по срочному делу. Чиновник отвел меня в помещение, где стояли три стола. Передо мной туда зашли три гомаза. Чиновник в погонах подвел меня к одному из столов и объявил: „У этого человека к вам срочное дело“. Мне он сказал: „Перед вами сэр Эстеван Тристо. Объясните сущность своего дела“. Но я не мог что-либо объяснить, потому что передо мной был Красавец. Он смотрел на меня, а я смотрел на него. После этого я просто повернулся и вышел оттуда, потому что просто перестал что-либо соображать и не мог вымолвить ни слова. У меня за спиной прозвучали выстрелы. Я обернулся. Красавец спрятался за столом, кто-то кричал благим матом. Я заметил, что два гомаза упали на пол. Чиновник в погонах пытался меня схватить, но я оттолкнул его — он потерял равновесие и свалился, так что мне удалось выбежать в боковую дверь. Мне было некуда идти, я побежал

прямо вперед по площади и опустился на скамью. Там вы меня и нашли. Теперь я понимаю, что совершил ошибку. Мне не нужно было убегать. Мне нужно было остаться и сказать правду. Но детектор лжи подтвердит, что я говорю правду… Конечно, они могут сначала меня застрелить, а потом уже задавать вопросы. Может быть, я все сделал правильно».

«Не совсем, — отозвался Хетцель. — Вам нужно было бежать дальше, в Собачью слободу — точнее, на ее Окраину. Сидя на Пограничной площади, вы стали бы легкой добычей для капитана Боу. Даже будучи в полном замешательстве и приведенный в бешенство и отчаяние безумными садистскими экспериментами, я не стал бы на вашем месте напрашиваться на арест, сидя у самой Прозрачной тюрьмы. Почему вы там уселись?»

Упрямая физиономия Дерби помрачнела: «Не знаю. Я увидел скамью и сел на нее. Неужели я обязан объяснять все на свете?»

Хетцель проигнорировал вопрос: «То, что вам пришлось пережить, ошеломило бы любого. По меньшей мере, с вашей точки зрения сложилась действительно необъяснимая ситуация. Вы совершенно уверены в том, что сэр Эстеван — тот самый Красавец?»

«Я узнал бы его физиономию в десятитысячной толпе».

«А он вас узнал?»

«Он ничего не сказал. У него на лице не было никакого выражения. Но он просто не мог меня не узнать!»

Глава 6

Хетцель подошел к окну и стоял, глядя на Пограничную площадь. Гидион Дерби откинулся на спинку стула и мрачно уставился на дно бокала.

Хетцель повернулся к Дерби: «Лучевой пистолет у вас все еще с собой?»

Дерби достал пистолет; Хетцель взял его, взглянул на индикатор заряда, вынул аккумулятор и снова посмотрел на индикатор: «С первого взгляда кажется, что пистолет заряжен, но батарея давно села. Кто-то нарочно заблокировал индикатор». Хетцель отбросил пистолет: «Можно допустить, что вас должны были схватить и обвинить в убийстве. Но план почему-то сорвался. Вы сбежали. Или вам позволили сбежать».

Дерби нахмурился: «И что же? Что мне теперь делать?»

«Отправьте сообщение отцу. Попросите его

прислать, как можно скорее, юрисконсульта и ойкуменического судебного исполнителя. Ни в коем случае высовывайте нос за пределы „Бейраниона“, чтобы на вас не распространялась юрисдикция Трискелиона. Если вас отдадут под суд до прибытия адвоката, у вас не будет почти никаких шансов на оправдание».

«Детектор лжи докажет, что я не вру», — пробормотал Дерби.

«Детектор лжи покажет, что вы — сумасшедший, подверженный галлюцинациям и мании преследования, причем преследователем в вашем воображении является сэр Эстеван Тристо. Вас объявят невменяемым преступником и признают виновным в убийствах».

«Куда ни поверни, мне крышка», — прорычал Дерби.

«У вас нет никаких шансов, если вы не сможете подтвердить свою историю фактическими доказательствами».

«Хорошо. Вы — частный детектив. Проведите расследование».

Хетцель задумался: «Я взял на себя другие обязательства. Может возникнуть конфликт интересов. Тем не менее — с другой стороны — я мог бы продать одни и те же услуги дважды, что не

помешало бы. Допускаю, что вы намерены мне заплатить?»

Дерби оторвал глаза от бокала, растянув губы в не слишком приятной усмешке: «Чем я мог бы заплатить? У меня не осталось ни цинка[3]. Если вас это так беспокоит, я могу выписать чек на банковский счет моего отца. Не сомневаюсь, что он раскошелится».

«В свое время мы обсудим этот вопрос. Но прежде всего необходимо взаимопонимание. Я беру на себя только расследование. Я не несу ответственность ни за подтверждение вашей невиновности, ни за вашу защиту от обвинений. Юрисконсультов и адвоката вы должны будете нанять сами. Это вас устраивает?»

Дерби безразлично пожал плечами: «Как вам угодно. В моем положении спорить не приходится».

«Вы случайно не знакомы с неким Казимиром Вульдфашем? Нет? Как насчет Кармина Дарубля? Я хотел бы показать вам фотографию…» Хетцель замолчал, не закончив фразу. Его кошелек и

---

[3] notes: 3

Цинк: монета, соответствующая стоимости одной человеко-минуты, т. е. 1/10 °СЕРСа. Основной ойкуменической единицей времени являются земные сутки, традиционно подразделенные на двадцать четыре часа. При этом каждый час состоит из ста минут, а каждая минута — из ста секунд.

находившиеся в нем восемьдесят пять СЕРСов и фотографию Вульдфаша украли: «Впрочем, неважно».

Прозвучал звонок. Хетцель подошел к двери и сдвинул ее в сторону. В коридоре стояли грузный господин, в котором Хетцель узнал главного управляющего отелем, и Керч, начальник охраны.

«Я — Эолус Шульт, управляющий отелем „Бейранион“, — тщательно выговаривая слова, сухо произнес грузный господин. — Меня сопровождает Нелло Керч, заведующий нашей охраной. Не могли бы мы зайти?»

Хетцель отступил, Шульт и Керч зашли в гостиную. Хетцель сказал: «Позвольте представить вам моего посетителя, висфера Гидиона Дерби».

Шульт отказался заметить присутствие Дерби. Керч поздоровался с юношей безразличным кивком. «Мне пришлось вас побеспокоить именно в связи с присутствием в вашем номере висфера Дерби, — объяснил Шульт. — К сожалению, я вынужден потребовать, чтобы он немедленно покинул наш отель».

«Любопытное требование!» — откликнулся Хетцель.

«В нем нет ничего любопытного. Я получил

уведомление о том, что висфер Дерби совершил тяжкое преступление, а именно убил двух высших должностных лиц. Отель „Бейранион“ не может служить убежищем для преступников».

«Висфер Дерби не соответствует вашему описанию, — спокойно ответил Хетцель. — По его словам, он не повинен ни в каких правонарушениях. Более того, он не явился в эту гостиницу по собственной инициативе — я его пригласил, он мой гость».

Шульт упрямо набычился: «Капитан Боу из Ойкуменической службы безопасности сделал недвусмысленное заявление. Он опознал висфера Дерби как убийцу».

«Ваши утверждения становятся все более загадочными. Капитан Боу говорил мне, что слышал выстрелы, но не успел разглядеть убийцу. Кто опознал моего гостя?»

«Капитан Боу не делился со мной подробностями».

«Но обвинение может быть основано только на фактических обстоятельствах дела. В момент убийства в зале заседаний находились несколько других лиц, в том числе три гомаза, двое из которых погибли».

«Не мне об этом судить, — ответил Шульт. —

Капитан Боу ожидает в моем кабинете; он настаивает на том, чтобы я передал висфера Дерби под его надзор».

«Тем самым вы создали бы исключительно нежелательный прецедент, — возразил Хетцель. — Неужели вы хотите, чтобы капитан Боу приходил в отель каждые несколько дней и требовал, чтобы вы выдавали ему того или иного постояльца на том основании, что он так или иначе навлек на себя недовольство нашего триарха? Или триарха лиссов? Или олефрактов? Права пришельцев не уступают правам капитана ойкуменической службы».

«В этом отношении висфер Хетцель совершенно прав», — вмешался Керч.

Шульт поджал губы: «Естественно, ничего такого я не хочу. И все же, я несу ответственность за безопасность постояльцев».

«Я уже упомянул, что висфер Дерби — мой гость».

«Он таковым не зарегистрировался».

«Это несущественно. Я арендовал апартаменты, а не одноместный номер. У меня есть право принимать гостей по своему усмотрению. Кроме того, вам следовало бы учесть еще одно обстоятельство. Трискелион — особое учреждение,

выходящее за рамки ойкуменической юрисдикции, в то время как отель „Бейранион“ безусловно подчиняется законам Ойкумены. Не предъявлено никаких доказательств вины висфера Дерби. Если вы безответственно передадите моего гостя капитану Боу, и в результате моему гостю будет нанесен ущерб, суд может обязать вас возместить этот ущерб и уплатить штрафные убытки, причем сумма возмещения может составить в итоге десять или двадцать миллионов СЕРСов. В юридическом отношении вы занимаете чрезвычайно опасную позицию».

Шульт явно начинал нервничать. Он взглянул на Керча — тот пожал плечами и отвернулся.

«Все это очень замечательно, но я не могу содержать в отеле преступника».

«Кто утверждает, что он — преступник?»

«Хм… капитан Боу».

«Предложите капитану вызвать свидетелей, подготовить вещественные доказательства и представить все основания иска руководству отеля. Только тогда мы сможем решить вопрос о виновности или невиновности висфера Дерби. И даже после этого вы не обязаны отвечать на исковое заявление. Мы находимся на ойкуменической территории; там, на площади и за ней

— совместная юрисдикция трех рас, в том числе двух нечеловеческих рас. Ни в коем случае вы не можете позволить себе поддаваться запугиванию со стороны капитана Боу».

Эолус Шульт тяжело вздохнул: «В том, что вы говорите, что-то есть. Мы обязаны постоянно и неукоснительно соблюдать нормы ойкуменического правосудия». Управляющий скорбно поклонился Хетцелю и удалился, сопровождаемый Керчем.

Через несколько секунд Дерби нарушил молчание: «Таким образом, отныне я — заключенный отеля „Бейранион“».

«До тех пор, пока вы не докажете свою невиновность».

Дерби погрузился в угрюмое молчание. Прошло пятнадцать минут. Прозвенел телефон. Хетцель нажал кнопку приема, но не включил видеокамеру. На вспыхнувшем экране появилось деликатное, как чайная роза, личико светловолосой секретарши сэра Эстевана.

«Хетцель вас слушает».

«Вас вызывает управление ойкуменического триарха. Сэр Эстеван Тристо сожалеет о том, что не смог принять вас сегодня утром. Тем не менее, теперь он свободен и желает, чтобы вы явились

к нему в управление».

«Немедленно?»

«Если это вас не затруднит».

Хетцель ответил не сразу: «Будьте добры, соедините меня с сэром Эстеваном».

«Одну минуту. Не могли бы вы, пожалуйста, установить видеосвязь?»

«Только когда я буду говорить с триархом».

«Очень хорошо, как вам будет угодно».

Экран мигнул и снова загорелся: теперь на нем появилось энергично-проницательное лицо. Дерби быстро подошел к экрану и напряженно всмотрелся в эту физиономию, после чего кивнул Хетцелю: «Это Красавец».

Хетцель включил видеокамеру. Сэр Эстеван спросил: «Вы — висфер Майро Хетцель, сегодня утром пожелавший видеть меня в Трискелионе?»

«Совершенно верно».

«Я был бы рад вас принять, если в настоящее время вы свободны».

«Очень любезно с вашей стороны. Тем не менее, предварительно следует рассмотреть один вопрос».

«Вы говорите о Гидионе Дерби?»

Хетцель кивнул: «Я хотел бы с вами встретить-

ся, но не желаю, чтобы меня схватили, как только я покину „Бейранион“, и задержали на основании каких-нибудь сфабрикованных обвинений. Поэтому я предпочел бы, чтобы вы встретились со мной здесь, в отеле».

На лице сэра Эстевана проскользнула ледяная улыбка: «Я посоветуюсь с комендантом».

Экран погас. Хетцель выключил акустическую связь и взглянул на Дерби: «Так это Красавец?»

Дерби кивнул: «У него другая прическа. Теперь он больше похож на чиновника».

«А голос?»

Дерби колебался: «Пожалуй, голос немного изменился. Даже существенно изменился, по правде сказать».

«Вам не приходило в голову, что в обоих случаях, когда Красавец находился рядом с вами, в первый раз он прикрыл лицо вуалью, а во втором случае надел шлем, закрывавший большую часть его лица? А в других ситуациях он стоял в дверном проеме там, где никакой двери на самом деле не было».

«Что вы имеете в виду?»

«Что главным образом вы имели дело с голографической проекцией Красавца, и что его объемное изображение могло говорить голосом

другого человека».

Дерби нахмурился: «Значит, Красавца там вообще не было?»

«Похоже на то, что предпринимались попытки привить вам ненависть к сэру Эстевану».

Дерби рассмеялся: «После чего меня заманили в Трискелион, вручив мне разряженный лучемет, и поставили лицом к лицу с Эстеваном. Зачем это все?»

«Убиты два триарха — лисс и олефракт. Было бы гораздо труднее возбудить в вас личную ненависть к пришельцам».

Дерби покачал головой: «Не понимаю».

«Я тоже не понимаю, — признался Хетцель. — Вы называете вашего истязателя „Красавцем“. Мне он известен под именем Казимира Вульдфаша».

На экране снова появилось лицо сэра Эстевана. Хетцель восстановил звуковую связь.

«Я посоветовался с капитаном Боу, — сказал триарх. — Ему не терпится получить информацию, что вполне понятно в его положении».

«Все мы разделяем тревогу по поводу возникшей ситуации, в том числе Гидион Дерби. Например, он хотел бы знать, почему вы опрокинули ему на голову горшок с дерьмом».

Сэр Эстеван поднял брови. Протянув руку, он отрегулировал контрастность звука: «Кажется, я не совсем расслышал, что вы сказали».

«Неважно, — обронил Хетцель. — Хотел бы только получить ваши заверения в том, что у меня не будет неприятностей после того, как я покину отель».

«Если вы нарушите или уже нарушили наши законы, вам придется иметь дело с последствиями. По словам капитана Боу, однако, насколько ему известно, за вами не числятся какие-либо правонарушения».

«Значит, вы однозначно гарантируете, что меня не арестуют?»

«Если вы не совершите преступление».

«Хорошо, — сказал Хетцель. — Придется рискнуть».

Глава 7

Хетцель направился по Пограничной площади к расплывчатым очертаниям Трискелиона. Нигде не было заметно фигур в голубой с зелеными нашивками униформе Ойкуменической службы безопасности. В вестибюле Трискелиона дежурный офицер не обратил на Хетцеля почти

никакого внимания. Капитана Боу в вестибюле не оказалось.

Хетцель приблизился к ойкуменическому прилавку справочного бюро. С двух сторон треугольного бюро, обращенных к секторам лиссов и олефрактов, как всегда, никого не было. Висфер Кайл, обслуживавший посетителей в одиночку, указал Хетцелю на дверь в противоположной входу стене. Хетцель зашел в приемную, где за столом сидела хорошенькая блондинка — секретарша сэра Эстевана. Изображение на экране телефона недостаточно отражало привлекательность этой девушки. Хетцель подумал, что она напоминала изящный цветок нежной расцветки — светлые волосы, бледные, как зимний солнечный свет, шелковистая, как лепестки, кожа, утонченные, даже почти слишком тонкие черты лица придавали ей такую деликатность, словно она была наследницей многих поколений эстетов и аристократов. На взгляд Хетцеля, она была, пожалуй, чрезмерно чувствительна, чрезмерно брезглива и методична, а также, возможно, лишена чувства юмора; тем не менее, она, несомненно, создавала «стильную» атмосферу в управлении триарха.

«Висфер Хетцель? Сюда, пожалуйста».

Сэр Эстеван поднялся из-за стола, чтобы встре-

тить Хетцеля: высокий и суровый, но безупречно красивый мужчина. По мнению Хетцеля, он был старше Вульдфаша. Явное сходство между Эстеваном Тристо и Казимиром Вульдфашем по ближайшем рассмотрении в какой-то мере исчезало.

Сэр Эстеван указал посетителю на стул и снова уселся: «Вы производите впечатление человека, одержимого безопасностью».

«Должностное рвение капитана Боу заставляет принимать меры предосторожности», — возразил Хетцель.

Сэр Эстеван позволил себе бледную усмешку: «Если я правильно понял, вы сослались на Гидиона Дерби как на своего клиента?»

«Ни в коем случае. Ситуация, в которой он оказался, меня интересует, и я предоставляю ему неофициальные консультации. Но он не является моим клиентом. Не следует упускать из вида это существенное различие».

«Вы были с ним знакомы раньше?»

«Я впервые встретился с ним сегодня. Молодой человек попал в затруднительное положение, что привлекло мое внимание, а рассказанная им история вызвала у меня профессиональное любопытство».

«Понятно. Не могли бы вы пояснить, в чем именно заключаются ваши профессиональные обязанности?»

«Я — частный детектив, следопыт, сыщик; называйте это как хотите. Фактически, в какой-то степени я любитель, а не профессионал, потому что выполняю только те поручения, которые мне нравятся — спасаю девиц, оказавшихся в беде, разгадываю интересные головоломки, ищу пропавшие сокровища».

«К какой из этих категорий относится дело Гидиона Дерби?»

«Его трудно назвать девицей, попавшей в беду, — признал Хетцель. — Тем не менее, я пытаюсь защитить его от врагов в меру своих возможностей».

Сэр Эстеван холодно рассмеялся: «А кто защитит врагов от Гидиона Дерби?»

«Именно этот вопрос я хотел бы с вами обсудить. Прежде всего, считаете ли вы Гидиона Дерби убийцей?»

«Не вижу другой возможности. Капитан Боу разделяет мое мнение. Посоветуйтесь с ним — он находился гораздо ближе к преступнику».

«Но вы не видели своими глазами, как Дерби стрелял из лучемета?»

«Нет. В этот момент его загородил капитан Боу. Я слышал шипение выстрелов, видел, как упали два гомаза, и тут же спрятался за столом. По существу, я не видел, что именно случилось».

«Вы вообще не видели висфера Дерби?»

«Нет, не могу утверждать, что я его разглядел».

«Но вы узнали его, когда увидели его на экране телефона?»

«Нет, я никогда раньше не встречал этого человека».

«Зачем ему — или, по сути дела, кому-либо другому — понадобилось бы убивать триархов?»

Сэр Эстеван откинулся на спинку кресла: «Допускаю, что убийца сошел с ума. Другого объяснения нет. Совершенно бессмысленный поступок».

«Что, если убийцей был выживший гомаз?»

Сэр Эстеван покачал головой: «Убийство такого рода противоречит нравам гомазов. Гомаз убивает, охваченный страстью к сопернику — чем-то вроде „вожделения“, если это можно как-то выразить в человеческих терминах. В любых других ситуациях гомаз не прибегает к насилию, если не подвергается насилию, и не убивает, если его не пытаются убить».

«Заметно, что вы изучали гомазов и хорошо

разбираетесь в их повадках».

«Конечно — почему бы еще меня назначили на этот пост?»

«Лиссы и олефракты разделяют ваши интересы?»

Сэр Эстеван пожал плечами: «Мы редко и мало общаемся. Между людьми и пришельцами нет никаких неофициальных связей. Лиссы подозрительны и враждебны. Олефракты презрительны и враждебны. Все это, однако, не служит достаточным основанием для убийства их представителей».

«Как, по-вашему, они отреагируют на этот инцидент?»

«Думаю, что они прислушаются к разумным доводам. Если Дерби сошел с ума, им придется признать, что время от времени возможны случайные трагические происшествия такого рода».

«Допуская, что убийство совершил Дерби».

«Других возможностей нет».

«Капитан Боу находился в зале заседаний».

«Смехотворно! Почему бы капитан службы безопасности решился совершить такое преступление?»

«А почему бы на него решился Гидион Дерби?»

«Он сумасшедший».

«Может быть, капитан Боу сошел с ума?»

«Чепуха!»

Хетцель указал на дверь: «Этот выход ведет в зал заседаний Триархии?»

«Да».

«И эта дверь находилась под постоянным наблюдением вашей секретарши?»

«Она несомненно заметила бы, если бы кто-нибудь стоял в этом проходе и стрелял в меня».

«Может быть, кто-то заранее спрятался в зале заседаний?»

«Невозможно. Я пришел на заседание за пятнадцать минут до начала. Никто там не прятался».

«Что ж, в таком случае… Какое алиби есть у вас?»

Сэр Эстеван снова холодно усмехнулся: «Если подозрение падет на меня, я предпочел бы, разумеется, свалить вину на Гидиона Дерби, на гомаза или даже на капитана Боу».

«Кстати, с какой целью в зале заседаний находились гомазы?»

«Они не успели объяснить, зачем пришли».

«Разве убийство двух вождей гомазов не приведет к нежелательным последствиям? К набегам? К демонстрациям возмущения?»

«Скорее всего, нет. Гомазы объединены телепа-

тической связью, сознание каждого индивидуума неотделимо от коллективного сознания всего клана, и смерть индивидуума не наносит особого ущерба коллективному сознанию. Безразличие к собственной смерти — существенный фактор, объясняющий безжалостность гомазов в бою». Сэр Эстеван вынул из ящика брошюру и бросил ее на стол: «Прочтите вот это, если вас интересуют гомазы».

«Благодарю вас!» Брошюра была озаглавлена: «Воины-гомазы планеты SJZ-BEA-1545 (Маза): информационная сводка, подготовленная Ханненборгским институтом ксенологических исследований». Хетцель рассмотрел схему на обложке: «Двести двадцать девять кланов. Из какого клана были гомазы, явившиеся в Трискелион сегодня утром?»

«Юбайх». Сэр Эстеван нетерпеливо постучал пальцами по столу: «Но вы, конечно, не пришли ко мне обсуждать обычаи гомазов?»

Хетцель открыл было рот, чтобы упомянуть о компании «Истагам», но придержал язык, повинуясь привычной осторожности. Было бы предусмотрительнее объяснить свое стремление получить разрешение на аренду аэромобиля причинами, не связанными с компанией «Иста-

гам»: «В настоящее время я занят расследованием невероятных злоключений Гидиона Дерби».

«Почему вы называете их невероятными?»

«Я хотел бы, чтобы бы вы сами выслушали Дерби. Не могли бы вы зайти в отель „Бейранион“ хотя бы на несколько минут?»

«Предпочел бы, чтобы вы изложили мне сущность этого дела здесь и сейчас».

«Гидион Дерби заявляет, что его содержали в заключении и подвергали множеству фантастических издевательств, что организатором этих издевательств были вы, и что вы завершили этот многодневный садистический эксперимент, опрокинув ему на голову содержимое ночного горшка».

Сэр Эстеван улыбнулся: «Его заявления не соответствуют действительности».

«Вы никогда не видели Гидиона Дерби до сегодняшнего дня?»

«Насколько мне известно, никогда».

«Приходилось ли вам видеть длинный глухой коридор со стенами, выложенными белой плиткой, с высоким белым потолком?»

«Возможно. Такой коридор соединяет крытую наружную галерею моей резиденции с утренней гостиной. Почему вас это интересует?»

«Такой коридор, по словам Гидиона Дерби, использовался вами, когда Дерби содержали в заключении, и существование коридора послужило бы подтверждением его рассказа».

Сэр Эстеван задумался: «Если Дерби невиновен, значит, убийца — либо я, либо капитан Боу. Кроме того, в принципе можно было бы подозревать мою секретаршу, Зарессу, если вы способны представить себе, что Заресса стояла в дверном проеме и застрелила, одного за другим, лисса, олефракта и двух гомазов».

«Если Дерби невиновен, значит, стреляли вы, капитан Боу, Заресса или оставшийся в живых гомаз — с этим я согласен».

«Подтверждение виновности перечисленных вами лиц было бы исключительно трудной задачей, — отозвался сэр Эстеван. — Тем более, что гомаза придется исключить из списка подозреваемых. Гораздо проще объявить убийцей помешанного фанатика независимо от того, виновен ли он в действительности — а я считаю, что он виновен».

«Дерби мог бы согласиться с вашей точкой зрения, — возразил Хетцель, — если бы ему гарантировали безопасное возвращение с Маза на родную планету и если бы ему возместили

соответствующие расходы. В данный момент он раздражен и несчастен, и ему не терпится разобраться в том, что же, на самом деле, произошло».

«Если он никого не убивал, его нетерпение вполне понятно. Но как он предлагает пролить свет истины на сегодняшние события?»

«Гомаз присутствовал в зале заседаний. Почему бы его не допросить?»

Сэр Эстеван снова откинулся на спинку кресла и задумался: «От гомаза трудно ожидать надежных свидетельских показаний. Гомазы безучастны — высокомерно безучастны и, грубо говоря, плевать хотели на наши законы и обычаи. Они скажут все, что захотят сказать, и не более того. Принудить гомаза к чему-либо невозможно, и настолько же бессмысленно взывать к его, если можно так выразиться, лучшим чувствам».

«И вы не знаете, зачем они явились на заседание?»

«Как я уже упомянул, убийства имели место раньше, чем гомазы успели объяснить цель своего прибытия».

Хетцелю показалось, что он заметил в ответе триарха некоторую уклончивость: «Разве дело, по которому они к вам обратились, не было вклю-

чено в повестку дня заседания?»

«Нет», — последовал краткий и сухой ответ.

«И вы сами не знаете и не догадываетесь, по какому делу они могли придти?»

«Не хотел бы строить беспочвенные предположения».

«С точки зрения Гидиона Дерби, выживший гомаз — важнейший свидетель. Причем возникает впечатление, что, если этот гомаз согласится давать показания, он скажет правду».

«Правду в том смысле, в каком он ее понимает. Но совсем не в том смысле, в каком ее понимаем мы».

«Тем не менее, по всей справедливости, следовало бы выслушать все, что он может сказать по этому поводу».

Сэр Эстеван поколебался, взял со стола расписание и несколько секунд его просматривал, после чего прикоснулся к кнопке телефона. На экране появилось лицо, голос произнес: «Мазский извоз. Слушаю вас, сэр Эстеван».

«Аэробус пятого маршрута вылетел без опоздания?»

«Да, полчаса тому назад».

«Сколько пассажиров было на борту?»

«Одну секунду, сэр Эстеван… Семь пассажиров:

два кайкаша, два чугунопуза, юбайх, акцж и желтушный безобразник».

«Загляните в пассажирский загон. Юбайхов не видно?»

«Загон пуст, сэр Эстеван. Все улетели».

«Спасибо!» Сэр Эстеван выключил экран: «Гомаз вернулся в цитадель — следовательно, он недоступен».

«Не обязательно. Я могу ожидать его на остановке, когда там приземлится аэробус, и допросить его на месте».

«Хммф! — в течение долгих десяти секунд сэр Эстеван изучал физиономию Хетцеля. — Как вы намерены с ним общаться?»

«Надо полагать, у вас есть соответствующий автомат-переводчик».

«Разумеется. Это очень дорогое оборудование».

«Если потребуется, я могу оставить залог».

«В этом не будет необходимости. Заресса выдаст вам автомат-переводчик. Вы можете арендовать аэромобиль в туристическом агентстве Собачьей слободы». Триарх настрочил записку и передал ее Хетцелю: «Вот разрешение. Вас будет сопровождать кто-то из персонала агентства, таково неукоснительное правило — на Мазе погибло слишком много неопытных любителей при-

ключений. Маз — опасная планета, и вы, само собой, отправляетесь в полет на свой страх и риск. Представитель агентства знает, где найти остановку юбайхов. Не приближайтесь к цитадели — вас убьют. На остановке аэробуса вы будете в относительной безопасности». Сэр Эстеван снова взглянул на расписание: «У вас более чем достаточно времени. Аэробус прибудет к цитадели юбайхов только завтра, после полудня. Записывайте допрос — я хотел бы просмотреть эту запись. Все понятно?»

«Конечно. Остается только один вопрос…»

Сэр Эстеван взглянул на часы: «У меня уже мало времени».

«Я приехал на Маз, чтобы расследовать деятельность „Истагама“ — так называется некий промышленный концерн. Моих клиентов беспокоят искусственно заниженные цены на продукцию „Истагама“. Они опасаются того, что лиссы и олефракты используют Маз в качестве перевалочного пункта, откуда их посредники доставляют контрабандную продукцию на рынки Ойкумены, вытесняя законопослушных конкурентов».

Сэр Эстеван поджал губы: «Можете заверить своих клиентов в том, что ни лиссы, ни оле-

факты не проявляют ни малейшего желания торговать с людьми — или друг с другом».

«Тогда кто стоит за компанией „Истагам“?»

«Мне приходилось слышать об этой компании, — с заметным напряжением в голосе ответил триарх, — и, насколько мне известно, ничего незаконного она не делает. Можете уведомить об этом своих клиентов: коммерческим соперникам „Истагама“ придется затянуть пояса, если они желают сохранить конкурентоспособность».

«Не могли бы вы назвать директоров этой компании или сообщить что-либо об их методах производства и распределения продукции?»

«Прошу прощения, но эти вопросы я обсуждать не могу».

«Почему же?»

«Потому что я не хочу их обсуждать, — отрезал сэр Эстеван. — Такая причина не хуже любой другой. К сожалению, на этом я вынужден закончить наш разговор».

Хетцель поднялся на ноги: «Благодарю вас за помощь. Рад был редкой возможности побеседовать с вами».

«Привезите мне запись автомата-переводчика. Я хотел бы знать, о чем расскажет гомаз».

«Обязательно привезу».

Капитан Боу был на добрую ладонь выше Хетцеля; его плечи, грудь и живот бугрились мышцами, на его круглой плоской физиономии застыло выражение недоброжелательной подозрительности. Как только Хетцель зашел в его кабинет, охранник вскочил на ноги и продолжал сурово стоять на всем протяжении разговора.

«Насколько я понимаю, вы — капитан Боу».

«Так точно».

«Сэр Эстеван рекомендовал мне проконсультироваться с вами, чтобы получить более четкое представление о событиях, происходивших сегодня утром».

«Очень хорошо — консультируйтесь!»

«Вы присутствовали в зале заседаний, когда имели место убийства?»

«Присутствовал».

«Какова была, в точности, последовательность событий?»

«Я привел на заседание человека по имени Гидион Дерби, утверждавшего, что у него было срочное дело к сэру Эстевану. Как только я выступил вперед, чтобы привлечь внимание сэра Эстевана, Дерби вынул лучемет и открыл огонь».

«Вы видели своими глазами, как он стрелял?»

«Он стоял у меня за спиной, и выстрелы разда-

вались у меня за спиной».

«Как насчет гомазов? Они тоже стояли у вас за спиной».

«Гомазам не разрешается носить оружие».

«Допустим, что сложились необычные обстоятельства, и один из гомазов так-таки пронес оружие в зал заседаний — что тогда?»

«Во-первых, он не стал бы никого убивать без всякой причины. Во-вторых, он не стал бы убивать соплеменников из своего клана. В-третьих, даже если бы он почему-то решил перестрелять всех присутствующих, он никого не оставил бы в живых».

«Что случилось с оружием?»

«На этот счет у меня нет никаких сведений. Такой вопрос следует задать Гидиону Дерби».

«По сути дела, я задал ему именно такой вопрос. К своему удивлению, Дерби обнаружил у себя в кармане пистолет-лучемет. Аккумулятор пистолета разряжен, а его контакты безнадежно заржавели. Из этого оружия никто не стрелял на протяжении многих месяцев. Что вы можете на это сказать?»

Тоном человека, долготерпение которого начинает истощаться, капитан Боу ответил: «Любезнейший, я не могу с вами спорить, это не

входит в мои обязанности. Задавайте вопросы фактического характера, и я постараюсь на них ответить в меру своих возможностей».

«Вы заявили, что не видели, из какого оружия фактически стреляли в триархов и в гомазов».

Веки капитана Боу опустились настолько, что его глаза превратились в узкие, тускло блестящие щелки — Хетцель подумал, что в таком настроении охранник, скорее всего, вообще ничего не мог увидеть, кроме собственного носа: «Я утверждаю только то, сударь, что выстрелы раздавались примерно оттуда, где стоял Гидион Дерби. Краем глаза я заметил сзади какое-то движение, но мое внимание было отвлечено гомазом, проявлявшим беспокойство и возбуждение».

«Почему вы не схватили Дерби сразу же?»

«Мой первоочередной долг заключался в том, чтобы защитить сэра Эстевана. Убедившись в том, что он не слишком пострадал, я обменялся с ним несколькими словами. Затем, когда я отправился на поиски висфера Дерби, того уже след простыл. Я предположил, что он скрылся на Окраине Собачьей слободы — наша юрисдикция на нее не распространяется».

«Если бы вы поспешили, вы могли бы его догнать».

«Вполне возможно, сударь, но у меня не было достаточных оснований для ареста — именно об этом я говорил с сэром Эстеваном сразу после трагического инцидента. Выстрелы Дерби поразили лисса на территории лиссов и олефракта на территории олефрактов, а по поводу убийства гомазов никто еще не позаботился провести какие-либо законы. Теперь остается только ожидать реакции пришельцев. Мы не заключали ни с лиссами, ни с олефрактами какие-либо договоры об экстрадиции преступников, и они еще не предъявили никаких претензий».

«Все это весьма и весьма расплывчато, — проворчал Хетцель. — Можно было бы ожидать, что, увидев человека, убивающего двух триархов, вы в первую очередь схватили бы его, а затем уже беспокоились бы о том, какие обвинения ему следует предъявить».

Боу снисходительно усмехнулся: «Вероятно, такая последовательность действий рассматривается как нормальная в пределах Ойкумены. Вы не понимаете, насколько осторожно нам приходится себя вести, взаимодействуя с лиссами и олефрактами. Мы строго и буквально соблюдаем условия договоров, и они делают то же самое. Только таким образом мы способны в какой-то

мере терпеть друг друга».

«Каков же, в таком случае, юридический статус Гидиона Дерби в настоящее время?»

«Мы оформили и представили на рассмотрение Триархии исковое заявление, обвиняющее Гидиона Дерби в мелком хулиганстве, а именно в том, что он разрядил личное оружие во время заседания триархов и тем самым прервал заседание».

«Обратившись к Эолусу Шульту в отеле „Бейранион“, вы предъявили гораздо более серьезные обвинения».

«Мои должностные полномочия не распространяются на „Бейранион“. Там я могу выражаться неофициально и действовать неофициально — например, взять Дерби за шиворот и выволочь его на площадь, где я уже мог бы арестовать его как полагается».

«По обвинению в мелком хулиганстве?»

«Именно так».

«Какое наказание полагается за такое правонарушение?»

«Приговор выносится судом».

«А судьи кто?»

«В том, что касается мелких правонарушений, как правило, роль муниципального судьи выполняю я».

«И какой приговор вы выносите Гидиону Дерби?»

«Виновен!»

«И каково наказание, предусмотренное вашим приговором?»

Капитан Боу еще не успел об этом подумать: «Если вы надеетесь уплатить какую-нибудь ничтожную сумму от имени Гидиона Дерби и тем самым освободить его от любой дальнейшей ответственности, вы заблуждаетесь».

«Вы это уже сделали сами».

Рот капитана Боу раскрылся наподобие буквы «О», выражая возмущенное удивление: «Каким образом?»

«Вы уже предъявили ему обвинение в том, что он стрелял в зале заседаний Триархии, рассмотрели его дело и признали его виновным. Независимо от того, виновен ли человек или невиновен, его нельзя дважды привлекать к ответственности по одному и тому же обвинению».

Лицо капитана Боу начинало розоветь. Он произнес самым весомым тоном: «Суд не станет принимать во внимание ваше истолкование ситуации».

«Конечно, что вам еще остается?» — пожал

плечами Хетцель.

«Гидиону Дерби может быть предъявлено дополнительное обвинение — например, в том, что он совершил тяжкое преступление, покушаясь на жизнь сэра Эстевана Тристо».

«Как это может быть? Ведь было сделано всего лишь четыре выстрела, и убиты четверо!» — это возражение было выпадом наугад; Хетцель не имел никакого представления, сколько выстрелов было сделано на самом деле.

«Количество выстрелов не имеет непосредственного отношения к делу, — с трудом преодолевая ярость, выдавил Боу. — Гидион Дерби обязан сдаться немедленно; в противном случае его позиция будет серьезно скомпрометирована».

«Я извещу его об этом, — пообещал Хетцель. — Благодарю вас за то, что вы любезно согласились ответить на мои вопросы. Меня приводит в замешательство, однако, еще одно обстоятельство. Насколько я понимаю, явившиеся в зал заседаний гомазы были из клана кайкашей…»

«Кайкашей? Ничего подобного. Это были юбайхи. Кайкаши носят остроконечные шлемы и черные наголенники; кроме того, от них воняет по-другому. Я не разбираюсь в запахах гомазов

настолько, чтобы понимать их значение, но кайкаша от юбайха отличу за версту».

«Чего они хотели от триархов?»

«Этот вопрос не входит в мою компетенцию».

«Но вы знаете?»

«Конечно, я знаю. Начальник охраны Трискелиона обязан знать обо всем, что происходит на Мазе».

«Сэр Эстеван заверил меня в том, что вы не откажетесь отвечать ни на какие вопросы».

«Думаю, что сэр Эстеван слишком уступчив. Нет никаких причин, по которым я должен объяснять все, что мне известно по долгу службы, каждому туристу, ошеломленному новизной впечатлений. Скажу одно: юбайхи считают себя элитой. Они были предводителями всех кланов в Великой войне и до сих пор величают себя „первыми среди равных“. Юбайхи всегда первыми жалуются на любые, самые незначительные и даже воображаемые нарушения прав гомазов».

«На их месте я рассматривал бы деятельность компании „Истагам“ как нечто большее, нежели незначительное нарушение прав, — заметил Хетцель. — В данном случае их претензии вполне обоснованы».

Капитан Боу неподвижно смотрел в простран-

ство: «Этот вопрос не подлежит обсуждению».

«Глупо игнорировать общеизвестные факты», — настаивал Хетцель.

«Не так уж они общеизвестны, — проворчал Боу. — На самом деле все это мелочи».

«Тогда почему бы юбайхи стали жаловаться?»

«Не знаю и не хочу знать! — взревел капитан Боу. — Сегодня у меня больше нет времени на болтовню!»

«Благодарю вас, капитан».

Глава 8

Когда Хетцель вернулся в отель, Гидион Дерби сидел на кочке лиловато-черного мха в углу гостиничного сада, откуда открывался вид на Собачью слободу. Погруженный в невеселые мысли, молодой человек продолжал молчаливо хмуриться и, заметив приближение Хетцеля, ограничился неприязненным взглядом через плечо. «Не слишком располагающий к себе юноша, — подумал Хетцель. — Все же, в его положении некоторая раздражительность простительна. После такого обращения я сам, пожалуй, превратился бы в мизантропа».

Дерби спросил: «Так что же? Вы видели сэра

Эстевана?»

«Да. Он не сообщил ничего нового. Я говорил также с капитаном Боу — тот, судя по всему, пребывает в неуверенности. По его словам, правонарушение, в котором вас обвиняют — не более чем мелкое хулиганство. Триархи до сих пор не подписали договор, определяющий их взаимные юридические обязательства. Ни одна из сторон не доверяет другим, и каждая применяет собственные законы в отношении тех, на кого распространяется их юрисдикция. Ойкуменическую службу безопасности выстрелы, поразившие лисса и олефракта, интересуют лишь постольку, поскольку они были сделаны на ойкуменической территории, но не в той мере, в какой они пересекли границы секторов пришельцев. Убийство гомаза до сих пор не считается незаконным актом. Таким образом, даже если стреляли вы, а не кто-нибудь другой, вас можно обвинить только в нарушении спокойствия, которое воспрепятствовало продолжению заседания. В принципе. Практически, сэр Эстеван может выдать вас лиссам или олефрактам. Хотя я почему-то сомневаюсь в том, что он это сделает. Он — непростой, даже загадочный человек. При этом он, по-видимому, в высшей степени уверен

в себе».

Дерби выразил свои чувства нечленораздельным рычанием, после чего буркнул: «Они нарочно позволили мне сбежать, потому что боятся применить детектор лжи и не рискуют устроить публичный судебный процесс».

«Я еще ни в чем не уверен, — покачал головой Хетцель. — Сэр Эстеван подтвердил, что в его резиденции есть длинный коридор, выложенный белой плиткой. Кто-то заснял его, когда он шел по этому коридору, и приспособил голографический фильм так, чтобы вы могли его видеть из камеры… Я забыл его спросить, у кого могла быть возможность снять такой фильм».

«А горшок мне на башку опрокинула тоже голография?»

«Это почти наверняка не был сэр Эстеван. По сути дела, я практически уверен в том, что это сделал Казимир Вульдфаш».

Дерби поднялся на ноги и стоял, поглаживая бритый подбородок: «Если меня обвиняют всего лишь в мелком хулиганстве, почему бы не пойти в Трискелион и не заплатить штраф?»

«Все на так просто. В данном случае местную систему правосудия олицетворяет капитан Боу. Он может приговорить вас к тридцати ударам

плетью, к восемнадцати годам заключения в Прозрачной тюрьме или к изгнанию на территорию лиссов. Вам лучше оставаться в „Бейранионе“, пока не прибудут юрисконсульт и ойкуменический судебный исполнитель».

«На это уйдет целый месяц — может быть, два месяца».

«Действуйте по своему усмотрению, — сказал Хетцель. — Вы хотите, чтобы я продолжал расследование?»

«Почему нет? Это ничему не помешает».

«Если вы сдадитесь властям, расследование придется прекратить. Я не могу рассчитывать на то, что вы мне заплатите после того, как вас казнят олефракты».

Дерби мрачно хмыкнул.

Хетцель глубоко вздохнул: «Пока что у нас сложилось только поверхностное представление о том, что происходит на самом деле. В данный момент, по меньшей мере, важнейшими выглядят следующие несколько вопросов. Где находится Бангхарт? Где находится Казимир Вульдфаш? Где вас содержали в заключении? Связаны ли ваши злоключения с компанией „Истагам“? И, если связаны, то каким образом?»

«Не спрашивайте меня, — огрызнулся Дерби. —

Я — козел отпущения, с меня взятки гладки».

«Пользовался ли Бангхарт каким-нибудь другим именем или ойкуменическим кодом, который позволил бы его проследить?»

«Насколько мне известно, нет».

«Как он выглядит?»

Дерби почесал подбородок: «Он старше меня, коренастый, с грубым, туповатым на первый взгляд лицом, волосы черные. Он не производит особого впечатления, пока не начинает отдавать приказы, глядя на тебя в упор. Внутренне он безразлично холоден. Любит хорошо одеваться — своего рода щеголь, можно сказать. Пару раз он упоминал о каком-то месте, которое называется „Фаллорн“».

«Фаллорн — планета на другом краю Ойкумены. Что-нибудь еще?»

«Бангхарт как-то странно напевает себе под нос. Это трудно выразить словами — он будто вспоминает и пытается изобразить две мелодии одновременно, в контрапункте. Ничего больше не помню».

«Очень хорошо. Вы с ним приземлились на острове в болоте. Какая тогда была погода?»

«Обычная ясная ночь».

«Вы могли видеть звезды?»

«Не очень отчетливо. В здешнем воздухе они расплываются, а полная луна сияла вовсю, вокруг нее никаких звезд вообще не было видно».

«Как высоко луна взошла над горизонтом? Другими словами, каков был угол ее восхождения в апогее, в градусах?»

Дерби раздраженно повел плечами: «Я не заметил. Мне тогда было не до астрономических наблюдений. Дайте подумать. Кажется, луна взошла не больше, чем на сорок пять градусов — то есть в высшей точке была где-то на полпути до зенита. Про солнце лучше меня не спрашивайте, потому что я не смотрел на небо, пока брел по болоту. Кроме того, оно скрывалось за тучами».

«Хорошо, но вы помните, с какой стороны всходило солнце?»

Дерби позволил себе кислую усмешку: «На востоке».

«Совершенно верно, на востоке. А теперь, предыдущей ночью, где луна поднималась по небосклону — в северной или в южной половине неба?»

«В южной. Какое все это имеет значение?»

«Любая информация может оказаться полезной. В том помещении, где вас содержали, вы замечали смену дня и ночи? Какие-нибудь

признаки наступления темноты или восхода солнца?»

«Нет».

«Но вы думаете, что провели в заключении два или три месяца?»

«Что-то в этом роде. На самом деле я не знаю, сколько меня там держали».

«Вы никогда не слышали никаких звуков, доносившихся снаружи? Какие-нибудь отзвуки разговоров?»

«Нет. Никогда».

«Если вы о чем-нибудь вспомните, не забудьте мне сообщить», — посоветовал Хетцель.

Дерби начал было говорить, но осекся. Некоторое время Хетцель внимательно смотрел на молодого человека. Возможно, чудовищная нелепость происходившего в заключении действительно исказила в нем какие-то мыслительные процессы. Его восприятие болезненно обострилось, он мог воспринимать действительность в контрастных терминах противоположностей. Все цвета могли казаться ему насыщенными, любые слова — полными глубокой истины и лжи одновременно, любые поступки — обремененными таинственным символическим значением. В каком-то смысле Дерби невозможно

было считать человеком, ответственным за свои поступки. Хетцель спокойно сказал: «Помните, что вам нельзя выходить за границы территории отеля. На самом деле вам лучше всего было бы оставаться во внутренних помещениях».

Ответ Дерби подтвердил подозрения Хетцеля: «Здравый смысл не так полезен, как вы себе представляете».

«Все остальное еще бесполезнее, — парировал Хетцель. — Меня ждут кое-какие дела в Собачьей слободе, меня не будет часа два — может быть, весь вечер. Советую вам прежде всего отправить квантограмму отцу, после чего сидите тихо и не высовывайтесь. Говорите с туристами. Отдыхайте. Выспитесь. И — самое главное — не делайте ничего, за что вас могут выгнать из отеля».

С тыльной стороны отеля «Бейранион» ступени из плавленого камня круто спускались зигзагами вдоль отвесного песчаникового отрога к дороге, соединявшей космический порт с Окраиной. Хетцель еще не посещал этот район к юго-востоку от Собачьей слободы, находившийся на территории гомазов и, следовательно, за пределами ойкуменической юрисдикции. Окраина соответствовала популярному представлению о Собачьей слободе как о «городе безымянных душ». Там каждое вто-

рое здание было, по всей видимости, более или менее претенциозной гостиницей, настойчиво напоминавшей о своей жизнеспособности кричащей вывеской или плакатом, намалеванным — иногда примитивно, порой искусно — красками, оживлявшими внешний вид сооружений из желтовато-серого камня, добытого из осыпей под ближайшими утесами, из распиленной на доски местной древовидной полыни или из плит, вырезанных из наплывов на стволах чугунных деревьев.

Приближался вечер; обитатели Окраины вылезли из своих убежищ, чтобы подбодриться кружкой пива, бутылью вина или рюмкой чего-нибудь покрепче, сидя за грубо сколоченными столами, выставленными перед тавернами, или под сенью акаций, высаженных шеренгой посреди улицы. Они проводили время в одиночку или небольшими группами по два-три человека и говорили тихо, чтобы их не слышали соседи, хотя время от времени это бормотание прерывалось приступом хохота или шутливым проклятием. Каждого прохожего они провожали пристальными оценивающими взглядами. Хетцель узнавал здесь наряды и украшения из полусотни различных миров. Вот сидел человек с волосами,

завитыми лакированными кудряшками — такие прически предпочитали на Арбонетте. Обрезанные мочки ушей выдавали в другом уроженца Дестринара. А этот субъект, в бархатном берете набекрень с подвеской из черных жемчужин, спускавшейся вдоль уха, вполне мог оказаться старментером из скопления Аластор — что привело его сюда из далеких глубин Галактики?

Две девушки — просто сестры или сестры-близнецы — бледнолицые, курносые, с оранжевыми волосами: как эти юные создания с Мармонфайра попали сюда, к черту на кулички? Большинство завсегдатаев таверн Окраины Собачьей слободы, однако, носили такую же одежду, как Хетцель — непримечательный наряд галактического бродяги, предпочитавшего привлекать к себе как можно меньше внимания.

Круто повернув, улица расширилась на несколько метров — здесь приютились несколько небольших лавок и продуктовых базарчиков, аптека и диспансер, магазин готового платья, заставленный вешалками со всевозможной одеждой и ящиками с сапогами, башмаками и сандалиями, газетный киоск, торговавший журналами из разных секторов Ойкумены… Хетцель почувствовал внезапный укол тревоги. Остано-

вившись у прилавка торговца, предлагавшего поддельные удостоверения личности и пачки фальшивых денег, Хетцель украдкой взглянул назад — туда, откуда он пришел — но следивший за ним человек, если таковой действительно занимался слежкой, успел скрыться в общественном туалете.

Хетцель продолжил путь. Как правило, инстинкты его не обманывали, а в том, что за ним следили — если это было так — не было ничего удивительного. Тем не менее, Хетцелю не нравилось быть на прицеле. Заметить «хвост» где-нибудь в другом городе Ойкумены было бы любопытно; на Окраине Собачьей слободы такое внимание могло означать смертельную угрозу.

Дорога проходила под деревянной аркой — здесь Окраина превращалась в собственно Собачью слободу, где преобладали человеческие законы. Хетцель прошел к центральному скверу и снова задержался, чтобы взглянуть назад. Никого — улица почти опустела, лишь несколько редких прохожих спешили по своим делам. Хетцель прогулялся по скверу мимо туристического агентства к лавке, предлагавшей гомазские изделия из резной кости. Поравнявшись со входом в полутемную лавку, Хетцель быстро, бочком,

нырнул внутрь. Ни в чем нельзя было быть уверенным, но ему показалось, что темная фигура только что скрылась в роще акаций, занимавшей центральную часть сквера.

Приблизился хозяин лавки — тщедушный старик в белом халате, с толстыми линзами, вставленными в глазницы: «Что могло бы вас заинтересовать, сударь?»

«Эти чаши — сколько они стоят?»

«Ага! Это черепа взрослых зоумов, с ободками из палладия, на ножках из палладия. Прекрасная работа, как видите. Материал тверд, как камень — и, само собой, тщательно очищен и стерилизован. Представьте, какой разговор можно завязать, предлагая гостям бульон в этих чашах! Сервиз из дюжины чаш обойдется всего лишь в полтораста СЕРСов».

«Дороговато, на мой взгляд, — поморщился Хетцель. — Неужели я не могу надругаться над лучшими чувствами гостей, не разорившись?»

«Никаких проблем, это вполне возможно. Вот эти черпаки изготовлены из черепов детенышей-вуляшей. Как вам, наверное, известно, их потешные войны не менее смертоносны, чем боевые подвиги их родителей».

Из рощи акаций никто не выходил. Хетцель

ненавидел подобную неопределенность. Возможно, нездоровая атмосфера Окраины возбудила в нем чрезмерную чувствительность.

«Палочки для чесания спины из голяшек и ножных когтей молодняка — хитроумные и необычные сувениры...» — продолжал лопотать лавочник.

«Благодарю вас. Я учту ваши рекомендации», — Хетцель в последний раз проверил, не появился ли «хвост», вышел из лавки и направился в контору туристического агентства.

За прилавком стояла та самая девушка, с которой он говорил раньше. Сегодня на ней были бриджи из бежевого вельвета, подвязанные ниже колен, и темно-коричневая блуза с нашивками из золотистой парчи; окружавшая голову тонкая золотистая лента не позволяла распуститься ее черным волосам. Хетцелю показалось, что она его узнала, но девушка обратилась к нему «учрежденческим» вежливым тоном: «Чем я могла бы вам помочь, сударь?»

«У вас, случайно, нет под рукой астрономического альманаха?»

«Астрономического альманаха?»

«Какой-нибудь информации о перемещении по орбитам Маза, его солнца и его луны было бы

достаточно».

«На этом маленьком календаре показаны фазы луны. Это вас устроит?»

«Боюсь, что нет, — Хетцель мельком взглянул на календарь. — Подождите-ка, дайте сообразить. Плоскость орбиты луны, по всей видимости, перпендикулярна плоскости орбиты Маза».

«Да — я слышала, что это необычное сочетание».

«Значит, — размышлял вслух Хетцель, — луна становится полной, когда пересекает плоскость орбиты Маза, находясь непосредственно за Мазом по отношению к солнцу». Просмотрев календарь, Хетцель отметил дату такого пересечения орбит. В эту ночь Гидион Дерби сидел на дереве посреди острова на болоте и видел, что луна поднялась примерно до половины южной части небосклона. Так как в этот момет лупа должна была максимально приблизиться к плоскости орбиты Маза, болотный остров должен был находиться примерно в полосе 45° северной широты, не учитывая, конечно, угол наклона плоскости эклиптики.

«У вас, случайно, не найдется какой-нибудь справочник, содержащий общую информацию о Мазе?» — спросил Хетцель.

Девушка достала брошюру: «Если бы вы объяснили, что именно вас интересует, возможно, я могла бы ответить на ваш вопрос».

«Возможно, — отозвался Хетцель, — хотя маловероятно. Посмотрим, однако. Год на Мазе состоит из 441 дня, а продолжительность местных суток в стандартных часах равна 21,74. Плоскость вращения планеты наклонена на двенадцать градусов по отношению к эклиптике…» Хетцель вернулся к календарю: «Что здесь считается серединой лета и серединой зимы?»

«У нас, на самом деле, нет ни лета, ни зимы, если вы говорите о температуре. Летом идут дожди, а зимой сухо. Теперь давно уже осень, скоро начнется зима — в этом вам повезло. Здесь дожди льют, как из ведра. В календаре используются земные названия месяцев, хотя здесь они на десять дней длиннее, чем у нас дома, на Варсилье».

«Варсилья! Мир девяти лазурных океанов, десяти тысяч остроконечных подводных гор и одиннадцати миллионов островов!»

«А также двенадцати миллиардов микромоскитов, шестнадцати миллиардов шипов стеклянной крапивы и двадцати миллиардов туристических вилл. Так вы хорошо знаете Варсилью?»

«Не сказал бы, нет».

«Вы когда-нибудь бывали в Палестрии на Камерленде?»

«Я останавливался на Варсилье только проездом и никогда не выезжал из Мейнесса».

«А жаль! Камерленд — красивый и мирный остров. Когда-то он казался мне даже слишком мирным. Но теперь я хотела бы туда вернуться. Маз мне наскучил. Так или иначе, юлиан наступает в середине лета как там, так и здесь. Хотя, конечно, месяцы на разных планетах не начинаются в одно и то же время».

Хетцель погрузился в изучение календаря. Летнее солнцестояние на Мазе наступало примерно первого юлиана. Следовательно, по всей видимости, полнолуние почти совпадало с осенним равноденствием. Так как в дополнительном прибавлении или вычитании градусов в данном случае не было необходимости, болотный остров, если можно было доверять оценке, сделанной на глаз Гидионом Дерби, действительно должен был находиться в районе 45° северной широты.

Девушка с любопытством наблюдала за Хетцелем: «Вы приняли какое-то важное решение?» Ее губы покривились в озорной усмешке.

«Вот как! — воскликнул Хетцель. — Вы считаете меня самодовольным чурбаном».

«Конечно, нет! Ни в коем случае не посмела бы использовать подобные выражения по адресу достопочтенного туриста!»

Хетцель только поднял брови: «Не могли бы вы показать мне крупномасштабную карту Маза, предпочтительно в проекции Меркатора?»

«Разумеется, — девушка пробежалась пальцами по клавиатуре; на твердой белой поверхности стены появилась карта высотой в человеческий рост и шириной метра четыре. — Этого достаточно?»

«Превосходно! Где на карте Собачья слобода?»

Девушка подошла к карте и показала пальцем: «Здесь». Обернувшись, она сказала: «Прошу меня извинить». Ей пришлось вернуться за прилавок, чтобы обслужить супружескую пару туристов в белых костюмах и широкополых белых шляпах с сувенирными значками, закрепленными на лентах.

«Где мы могли бы полюбоваться на настоящую битву воинов-гомазов? — спросил турист. — Я надеюсь сделать несколько записей для нашего видеоальбома путешествий».

Девушка вежливо улыбнулась: «С битвами все не так просто. Гомазы нам не сообщают о них заранее. Очень нелюбезно с их стороны».

«Какая жалость! — воскликнула туристка. — А мы обещали всем знакомым, что привезем фильмы. Насколько я понимаю, посещать клановые замки запрещено?»

«Боюсь, что так. Но мы переоборудовали несколько древних цитаделей — теперь это исключительно удобные загородные гостиницы, а их планировка и внешний вид типичны для архитектуры гомазов. Так мне говорили — сама я никогда не была в этих гостиницах».

«Не могли бы вы как-нибудь организовать для нас просмотр битвы? Я очень хотел бы вернуться домой с подлинной видеозаписью гомазской войны».

Продолжая улыбаться, девушка покачала головой: «Если вы подойдете к дерущимся гомазам так близко, что сможете за ними наблюдать, вас, скорее всего, убьют на месте».

«Но где, по-вашему, можно скорее всего найти первоклассную битву?»

«Не знаю, какую битву следует считать первоклассной, — ответила девушка, — или третьесортной, если уж на то пошло. Все зависит от того, насколько вам сопутствует удача — или, точнее, неудача, потому что потасовки гомазов чрезвычайно опасны».

Хетцель нашел сорок пятую северную широту. Она пересекала океаны, горы, плоскогорья и топи. В полутора тысячах километров к северу от Аксистиля река, текущая с южного нагорья, петляла по обширной равнине и, рассеявшись сотнями ручейков и проток, образовывала болото Большой Кыш-Кыч. Хетцель внимательно изучил это болото. Неподалеку от него он заметил черную точку.

Туристы ушли. Открылась дверь, соединявшая агентство с соседним управлением, и в контору заглянул грузный приземистый человек — Быррис. Сегодня на нем были модный костюм из темнозеленой саржи и черный с алыми узорами шейный платок: «Джаника, на сегодня я закончил все дела. Если будут звонить, переключай вызовы на телефон моей виллы».

«Да, висфер Быррис».

«Хорошенько закрой двери на замки. И не забудь про окно, выходящее на задний двор».

«Да, висфер Быррис, не забуду».

Быррис дружелюбно кивнул Хетцелю, хотя нельзя было сказать, узнал ли предприниматель случайного посетителя. Отступив на шаг, Быррис закрыл дверь, очевидно намереваясь воспользоваться другим выходом.

«Как он вас назвал?» — спросил девушку Хетцель.

«Джаникой».

«Вас так зовут?»

«Это скорее детская кличка, но меня так многие называют, потому что мое настоящее имя — Ллиджано — им кажется странным. Двойное „л“ произносят, прижимая язык к верхней десне. Это старое хьюлакское имя».

«Я не знал, что хьюлаки селились на Варсилье».

«Вы правы, колонии хьюлаков на Варсилье не было. Фамилия моего отца — Рейес, он наполовину мальджин и наполовину белодрастаньи. Он встретился с матерью на Фануше и привез ее к себе на Варсилью. Она из хьюлаков, но на четверть семирка, то есть я — помесь всевозможных кровей».

«Здоровая и привлекательная помесь, должен заметить».

«А вы откуда?»

«Я родился на Древней Земле. Меня зовут Майро Хетцель. Говорят, я происхожу от выродков, потому что все предприимчивые земляне давным-давно эмигрировали в другие солнечные системы».

«Вы не выглядите как выродок. Вы выглядите как самый обычный человек».

«Надеюсь, таким образом вы попытались сделать мне комплимент».

«Своего рода, — Джаника рассмеялась. — Вы нашли то, что искали?»

«Кажется, нашел. Что означают эти красные звездочки?»

«Так обозначены туристические гостиницы — насколько я знаю, все они исключительно колоритны и удобны. Я никогда ни в одной не была».

«А что отмечено этим черным кружком?»

«На карте их несколько. Это особенно причудливые развалины, среди них висфер Быррис хочет устроить новые гостиницы».

«Уже существующие гостиницы приносят достаточный доход?»

«В какой-то мере. Многие туристы непременно желают полюбоваться на гомазские войны, а мы не можем удовлетворить их запросы. Конечно, мы никогда не пытались предлагать такие услуги, но сомневаюсь, что гомазы снисходительно отнесутся к присутствию туристов».

«У гомазов нет чувства юмора. Насколько я понимаю, в вашем агентстве я могу арендовать

аэромобиль?»

«В Собачьей слободе аэромобиль можно арендовать только у нас. Но вам придется получить разрешение от сэра Эстевана Триста, и вас должен будет сопровождать профессиональный гид; он проследит за тем, чтобы вы не продали гомазам оружие — или ту машину, на которой прилетели».

«Разрешение я уже получил. Кроме того, мне пришла в голову удачная мысль. Почему бы вам не сопровождать меня в качестве гида?»

«Мне? Я не смогу вас остановить, если вы намерены продавать контрабандное оружие».

«Могу вас заверить здесь и сейчас: я не контрабандист».

«Что ж… звучит заманчиво. Когда, примерно, вы хотели бы вылететь?»

«Завтра».

«Завтра я должна работать, но это, на самом деле, не проблема. Меня могут заменить. А куда вы собираетесь направиться?»

«О, еще не знаю, — Хетцель подошел к карте. — Куда-нибудь сюда, наверное — мы могли бы, например, пообедать в этой гостинице».

«Это Черноскальный замок. Говорят, там впечатляющий вид. Но он далеко, — Джаника

покосилась на Хетцеля. — По сути дела, долететь туда, посмотреть на что-нибудь и вернуться за один день не получится».

«Тем лучше. Закажите пару номеров, и нам не придется торопиться. Вы в чем-то сомневаетесь? В своей квалификации? Или во мне?»

«Я не назвала бы это сомнением…» — Джаника явно нервничала, но рассмеялась.

«Чем бы вы это назвали? Осторожностью? Опасением?»

«Нет-нет, все в порядке… В конце концов, почему нет? За все то время, что я провела в Собачьей слободе, я еще не разу отсюда не выезжала. Я поеду. Висфер Быррис может меня уволить, если ему так заблагорассудится. По правде говоря, мне все равно».

«Сколько вы тут работаете?»

«Всего три месяца — и уже готова снова собрать чемоданы и вернуться на Варсилью».

«Значит, висфер Быррис чрезмерно требователен?»

«У него есть причуды, — Джаника придала своему лицу настолько целомудренное и строгое выражение, насколько это было возможно. — Кстати, вынуждена настаивать на том, чтобы вы оплатили мои расходы».

«Как вам будет угодно, — согласился Хетцель. — Единственный человек, который что-то на этом потеряет — некий сэр Айвон Просекант, а он может себе это позволить».

Хетцель вернулся на Пограничную площадь по проспекту Потерянных Душ. Начинало вечереть: бледно-зеленое небо подернулось фиолетовой дымкой. Пройдя по сумрачной площади к «Бейраниону», Хетцель нашел Гидиона Дерби в вестибюле — тот тихо сидел в большом мягком кресле и читал какой-то журнал. Подняв голову, Дерби взглянул на своего покровителя со смешанным выражением подозрительного любопытства: «Что вам удалось узнать в Собачьей слободе?»

Хетцель уклонился от ответа: «Вы никогда там не были?»

«Прилетев сюда на „Таринтии“, я провел там пару вечеров. Мне приходилось бывать в местах получше».

Хетцель кивнул: «Тем не менее, в Собачьей слободе особая атмосфера: тщеславных сожалений, несбывшихся надежд — они клубятся в воздухе, как дым».

«Если я когда-нибудь вырвусь отсюда, — пробормотал Дерби, — я вернусь в Троп, буду работать в саду у отца и собирать мушмулу. Никогда

больше даже не взгляну на небо».

«Возможно, мне придется составить вам компанию, — заметил Хетцель. — Особенно в том случае, если вы не сможете заплатить за мои услуги».

«Если потребуется, я заплачу вам мушмулой», — в глазах Дерби зажглась искорка злорадного юмора, что, по мнению Хетцеля, было лучше мрачного раздражения и жалости к себе.

«Завтра я улечу в глухие места, — сообщил Хетцель. — Меня не будет дня два — вам придется самому беспокоиться о себе, пока я не вернусь».

«Можете скрывать от меня все, что хотите, — проворчал Дерби, снова угрюмый и злой. — В моем положении жаловаться не приходится».

Глава 9

Хетцель прибыл на аэровокзал рано утром и обнаружил, что Джаника уже зарезервировала машину. «Это старый стандартный „Золотой луч“, — пояснила она. — Говорят, надежная модель».

«Ничего побыстрее нет? Нам предстоит далекий путь».

«У них есть новый „Заоблачный стрекозел“, но

он обойдется дороже».

«Деньги ничего не значат! — заявил Хетцель. — Возьмем „Стрекозла“».

«Они хотят, чтобы плату внесли вперед — на тот случай, если мы разобьемся. Два дня аренды будут стоить двадцать СЕРСов, включая страхование и перезарядку аккумуляторов».

Хетцель уплатил по счету. Они взобрались в аэромобиль. Хетцель проверил исправность приборов управления и уровень энергии в аккумуляторах, после чего поднял машину в воздух: «Вас отпустили без проблем? Висфер Быррис не пытался чинить препятствия?»

«Особых проблем не было. Я сказала, что мне хотелось бы повидаться с подругой, остановившейся в гостинице Черноскального замка, и он мне поверил».

Аксистиль и его окрестности превратились в набор причудливых геометрических фигур на вздымающихся и опускающихся волнах холмов. Хетцель вызвал карту на навигационный экран и проложил курс на север. В ответ на вопросительный взгляд Джаники он сказал: «Я хотел бы изучить болото Большой Кыш-Кыч. Не знаю, что я там найду — по сути дела, еще не знаю, что я надеюсь найти. Но если меня там не будет, я

никогда этого не узнаю, не так ли?»

«Вы — таинственный человек, а меня всевозможные тайны выводят из себя, — заявила Джаника. — Вот у меня, например, нет вообще никаких секретов».

Хетцель почесал в затылке, пытаясь представить себе, насколько можно было доверять этому замечанию. Сегодня девушка надела блузку с короткими рукавами из мягкой серой ткани с черной узорной прошивкой по краям, черные брюки и щегольские изящные сапожки — костюм, идеально подчеркивавший ее грациозную фигуру. Никаких украшений, кроме черной ленты, повязанной вокруг головы, она не носила. «Исключительно привлекательная молодая женщина! — думал Хетцель. — От нее веет свежестью и чистотой, а также очаровательной — и вызывающей подозрения — наивностью».

«Почему вы меня так пристально разглядываете? — поинтересовалась она. — У меня покраснел нос?»

«Меня поражает ваша самонадеянность. В конце концов, мы с вами практически не знакомы, а здесь, за пределами Ойкумены, незнакомцы, как правило — развратные убийцы, изверги-садисты или что-нибудь похуже».

Джаника рассмеялась — пожалуй, слегка напряженно: «В пределах Ойкумены или за ее пределами — какая разница?»

«Вам нечего бояться, — успокоил ее Хетцель. — Я настолько галантен, что это наносит ущерб моим собственным интересам, хотя только олефракт не заметил бы, насколько вы очаровательны. По меньшей мере, в вашей компании я не смогу соскучиться, пустившись в такое предприятие».

«А в какое именно предприятие вы пустились — то есть, мы пустились, раз уж я здесь?»

«Мы намерены доказать невиновность одного из ваших бывших любовников и таким образом спасти его от Прозрачной тюрьмы».

«Нет, это просто потрясающе! Начнем с того, что все мои „бывшие любовники“, как вы изволили выразиться, влачат самое бездеятельное обывательское существование на далеких планетах. Не могу себе представить, кого из них вы имеете в виду, и каким образом он умудрился влипнуть в такую неприятную историю».

«Я имею в виду, конкретно, Гидиона Дерби».

«Гидион Дерби?» — Джаника нахмурилась.

«Да. Светловолосый молодой человек, упрямый — даже, можно сказать, упорствующий в заблуж-

дениях и кипящий переливающими через край эмоциями. Таким он остался и по сей день. Три месяца тому назад он мог производить совершенно иное впечатление».

«Я помню Гидиона Дерби, хотя наше знакомство носило… почти случайный характер. По меньшей мере, это было именно так с моей точки зрения».

Хетцель смотрел на расстилавшийся впереди пейзаж: саванну, сплошь покрытую зеленовато-черным дроком и разрозненными скоплениями костыльных деревьев. Далеко на востоке можно было заметить мерцание моря, пропадавшее в мрачноватой атмосферной пелене. Хетцель спросил: «Как вы повстречались с Гидионом Дерби?»

«Сначала объясните, — возразила Джаника, — что он натворил, и почему вы ведете себя так таинственно».

«Гидиона Дерби подозревают в убийстве двух триархов. Я не веду себя таинственно — я просто-напросто нахожусь в замешательстве и полон подозрений».

«Что вас приводит в замешательство? И кого вы в чем-то подозреваете? Меня? Я ничего плохого не сделала».

«Замешательство у меня вызывает компания

„Истагам“ и окружающая ее завеса секретности. Надо полагать, в основе всей этой истории, как всегда, лежит стремление к наживе. Я подозрителен потому, что частным детективам платят за подозрительность, а я — частный детектив. Причем детектив самой высокой квалификации, услуги которого, естественно, обходятся очень дорого. Я подозреваю вас, потому что вы были связаны с Гидионом Дерби на Тамаре, а теперь оказались здесь, на Мазе».

«Это просто совпадение», — обронила Джаника.

«Возможно. Но почему он встретил вас на Тамаре?»

«Когда я улетела с Варсильи, мне хватило денег только на билет до Тамара. Неделю я работала на центральном рынке в Твиссельбейне, и еще неделю — в варьете, которое там называют „Бешеный карнавал“, потому что там хорошо платили. Мне приходилось танцевать и демонстрировать различные позы в почти обнаженном — а иногда и в полностью обнаженном виде. Пока мы репетировали, я познакомилась с Гидионом Дерби — он мне сказал, что работает на звездолете и страдает от одиночества».

«Так же, как все, кто работает в космосе».

«Я с ним встречалась несколько раз, после чего он стал… как бы это выразиться… вести себя так, словно я была его собственностью. Очевидно, он в меня влюбился, а у меня и так уже была куча неприятностей из-за одного из режиссеров варьете. Поэтому я перестала видеться с Гидионом Дерби. После того, как я отработала неделю в варьете, подруга познакомила меня с висфером Быррисом, а тот упомянул, что туристическому агентству на Мазе не хватает обходительной особы, принимающей посетителей. Я была только рада отделаться от „Бешеного карнавала“ и от режиссера Свинса. Висфер Быррис заставил меня подписать трудовой договор, действительный полгода, и дал мне билет до Маза. Так я здесь и очутилась».

«И вы никогда больше не видели Гидиона Дерби?»

«Я о нем почти забыла — пока вы не напомнили».

«Странно! Очень странно!» Теперь они летели над продолговатым морским заливом, отливавшим зеленоватым свинцовым блеском. «Как вы сказали? Сколько времени вы уже провели на Мазе?»

«Примерно три месяца».

«По договору, вам предстоит отработать в агентстве еще три месяца. И что вы будете делать дальше?»

«Еще не знаю. У меня накопится достаточно денег, чтобы улететь практически куда угодно. Я хотела бы повидать Землю».

«Земля может вас разочаровать. Это исключительно изощренный, полный тончайших условностей мир. Немногие инопланетяне чувствуют себя в своей тарелке на Древней Земле — если у них там нет никаких друзей».

Джаника свысока покосилась на собеседника: «А вы там будете?»

«Я не мог бы сказать, где я буду через неделю».

«Разве вам не хочется где-нибудь устроиться, осесть, прижиться?»

«Я подумывал об этом. Гидион Дерби пригласил меня собирать мушмулу в саду его отца».

Джаника презрительно хмыкнула: «Гидион Дерби. Вы из-за него прилетели на Маз?»

«Нет. Я прилетел, чтобы раздобыть сведения о компании „Истагам“. Но вполне возможно, что компания „Истагам“ и злоключения Гидиона как-то связаны».

«Может быть, мне следует заняться частными расследованиями, — заявила Джаника. — Возни-

кает впечатление, что это интересное и приятное занятие. Частный детектив всегда останавливается в лучших отелях, встречается с самыми замечательными людьми — такими, как я — и где-то всегда есть сэр Айвон Просекант, который платит по счетам».

«Расследования не всегда так приятны, как вы себе представляете».

«А зачем мы летим к болоту Большой Кыш-Кыч? По поводу расследования компании „Истагам“? Или для того, чтобы спасти Гидиона Дерби?»

«Возможно и то, и другое. Кроме того, во всей этой истории участвует еще один исключительно любопытный персонаж, по имени Казимир Вульдфаш».

Имя Вульдфаша, судя по всему, ничего не говорило Джанике. Некоторое время они молча летели над раскидистым кряжем базальтовых гор — черные утесы торчали, как трухлявые пни, полупогруженные в красновато-коричневую подстилку осыпей. Джаника протянула руку: «Смотрите! Там цитадель висцтов». Девушка схватила бинокль: «Воины возвращаются с поля боя — очередная кампания закончилась. Надо полагать, осаждали замок Шимрод. А туристы опять остались с носом!» Она передала бинокль

Хетцелю и показала, куда смотреть.

Белые лица-черепа подпрыгивали и мелькали, как буйки среди волн, под литыми чугунными шлемами с высокими гребнями; передники из черной кожи колыхались в такт движениям ног. За процессией катились шесть фургонов, запряженных десятиногими рептилиями и нагруженные предметами, которые Хетцель не смог опознать.

«Висцты — летуны, — пояснила Джаника. — В фургонах везут их крылья. Они забираются в горы, надевают крылья, прыгают с обрывов и кружат, поднимаясь на восходящих воздушных потоках. А потом, когда они замечают врагов — ну, не совсем врагов, но лучше слова не подыщешь — они ныряют вниз и атакуют».

«Любопытные существа».

«Вы знаете, как они размножаются?»

«Сэр Эстеван подарил мне брошюру. Кстати, от вас я тоже получил брошюру. Я знаю, что они — своего рода гермафродиты, и что они воюют, чтобы размножаться».

«Безотрадная у них жизнь, — заметила Джаника. — Они убивают из-за любви и умирают из-за любви, и все это в какой-то панике, в вечном истерическом возбуждении».

«С их точки зрения, вероятно, в человеческой жизни недостаточно любовных страстей и всепоглощающего влечения».

«Если уж на то пошло, всепоглощающего влечения я в самом деле еще не испытывала — ни к режиссеру Свинсу, ни к Гидиону Дерби, ни к висферу Быррису».

«Наберитесь терпения. Где-то, кто-то из двадцати восьми триллионов людей, населяющих Ойкумену, окажется тем самым рыцарем без страха и упрека в сияющих доспехах».

«К счастью, по меньшей мере половина этих людей — женщины. Что наполовину сокращает объем и продолжительность поисков». Джаника снова подняла бинокль: «Мне тоже не мешало бы взглянуть на болото. Вдруг там попадется какой-нибудь несчастный, убежавший от сварливой жены».

«Что-нибудь видно?» — поинтересовался Хетцель.

«Ничего. Даже гомазов нет — хотя даже в приступе последнего отчаяния я не стала бы рассматривать кандидатуру гомаза».

Они летели над холмистыми предгорьями — в ледниковых цирках изредка темнели небольшие круглые озера. Вдали, прямо по курсу, ленивы-

ми изгибами и петлями разливалась река Дз, впадавшая в болото Большой Кыш-Кыч. Хетцель напряженно вглядывался в навигационную карту.

«Что вы пытаетесь найти?» — спросила Джаника.

«Остров примерно в восьми километрах от северного края топи — там контрабандист по имени Бангхарт бросил Гидиона Дерби. Кстати, вам никогда не приходилось слышать имя „Бангхарт“?»

«Насколько я помню, нет».

«Три острова соответствуют описанию Дерби. Один на востоке, — Хетцель указал его на карте, — другой в центре и третий — вот этот, на западе. Центральный остров ближе других к черному кружку на карте».

«Это цитадель древнего клана Канитце, полностью уничтоженного юбайхами двести лет тому назад. Там же была туристическая гостиница „Кыш-Кыч“, теперь закрытая».

«Мы скоро пролетим над восточным островом. Ищите тропу, ведущую к северному краю болота».

Хетцель несколько раз облетел по кругу этот остров — пригорок площадью не больше два-

дцати акров, увенчанный рощицей чугунных деревьев и сплошь заросший высоким трескучим тростником, известным под наименованием «галангал». Здесь не было подходящей площадки для разгрузки звездолета, и никакая тропа не вела от этого острова к северному берегу топи.

Центральный остров, несколько более обширный и плоский, находился в тридцати километрах к северу — здесь, на ровном лугу, были заметны отчетливые отметины и пролысины, оставленные, по всей видимости, неоднократно приземлявшимися звездолетами.

Хетцель остановил машину в воздухе над лугом: «Это было здесь». Он указал пальцем: «В ветвях того чугунного дерева Дерби провел ночь… А вот и тропа, ведущая к краю болота! Здесь начинается след, ведущий к разгадке злоключений Гидиона Дерби. Приземлимся?»

«Приземляться разрешено только на отведенных для этого участках, — заметила Джаника. — Таково правило, но оно не всегда соблюдается».

Хетцель взглянул на часы: «У нас осталось не так много времени, если мы хотим встретить юбайха на аэробусной остановке. Поэтому полетим дальше».

Джаника с изумлением взглянула на спутника:

«Кого? Кого мы хотим встретить?»

«Юбайха, свидетеля убийств. Для того, чтобы установить личность убийцы, нужен свидетель. Очевидно, что его следует допросить».

«Что, если он назовет убийцей Гидиона Дерби?»

«Не думаю. Но я намерен задать ему несколько вопросов — независимо от того, как он ответит».

«В вас внезапно проснулась энергичная целеустремленность».

«Да, у меня бывает такое настроение».

Джаника смотрела вниз, на болото, от которого их отделяли всего лишь сто или полтораста метров: казавшееся бесконечным пространство черной липкой грязи, пестревшее разномастными пучками тростника, легочного лопуха и белоуса и блуждающими ручейками темной воды. Тропа отклонялась то в одну, то в другую сторону, соединяя зигзагами наклонные обнажения кварцита. «Если бы я знала, что именно вы ищете, я помогла бы вам искать», — напомнила девушка.

Хетцель протянул руку на север — туда, где виднелась серовато-коричневая полоска суши: «Ищите каменную ограду. Гидион Дерби выбрался к каменной ограде, в ней были ворота, и там

его ждал сэр Эстеван Тристо. Только, скорее всего, это не был Эстеван Тристо. Скорее всего, это был Казимир Вульдфаш».

Джаника смотрела в бинокль: «Я вижу ограду и ворота. Не вижу, однако, ни сэра Эстевана Тристо, ни Казимира Вульф-шлака, или как его там… А теперь я вижу старый замок Канитце».

«Там, как я подозреваю, Гидион Дерби провел несколько достопамятных месяцев. Он рассказал мне о некоторых своих приключениях. Стул свалил его на пол, ударив разрядом электрического тока. Сэр Эстеван опорожнил ему на голову ночной горшок. В том же помещении он наблюдал за тем, как вы плясали нагишом на поверхности его обнаженного трепанацией мозга».

«В одном вы можете быть совершенно уверены, — заявила Джаника. — Я никогда не плясала нагишом на мозгах Гидиона Дерби, даже если ваши слова следует понимать буквально».

«Не сомневаюсь. Ваше выступление, очевидно, засняли в варьете „Бешеный карнавал“ на Тамаре и приспособили монтаж этих кадров к обстоятельствам, в которых содержали Дерби. Дерьмо опрокинул ему на голову Казимир Вульдфаш, так как сэр Эстеван решительно отрицает возможность такого поступка с его стороны. В общем и в

целом, молодому человеку пришлось пережить ряд изобретательных и пренеприятнейших потрясений».

«Если Дерби не сумасшедший — у меня возникло такое подозрение, когда я от него ушла».

Они приближались к циклопической массе руин цитадели Канитце. Крыша над огромным центральным донжоном давно провалилась, семь периферийных башен обрушились — от них остались только неровные основания, окруженные обломками. Крайняя западная башня комплекса, однако, была перестроена заново и снабжена новой крышей — очевидно, там находилась закрытая туристическая гостиница.

Машина Хетцеля тихо дрейфовала над руинами, пока он разглядывал цитадель в бинокль. Он смотрел в бинокль так долго и так напряженно, что Джаника наконец не выдержала и спросила: «Что вы видите?»

«Ничего особенного», — отозвался Хетцель. Положив бинокль в нишу под пультом управления, он продолжал смотреть вниз, на развалины замка. В тени центрального донжона он заметил штабель ящиков, защищенный от непогоды чехлом из прозрачной пленки. Над цитаделью, подобно дрожащему горячему воздуху, поднима-

лась эманация опасности.

«Не смею приземлиться, — пробормотал Хетцель. — По сути дела, мне хочется улететь отсюда как можно скорее, пока кто-нибудь или что-нибудь нас не уничтожит». Он привел аэромобиль в движение, и они заскользили по воздуху в западном направлении.

Обернувшись, Джаника провожала взглядом расплывавшиеся в водянистой перспективе руины: «Я ожидала, что наша экскурсия будет носить более безмятежный характер».

«Возможно, мне не следовало брать вас с собой».

«Я не жалуюсь… Постольку, поскольку мне удастся выпутаться из этой истории в целости и сохранности».

Замок вымерших канитце превратился в темное пятнышко и растворился в сумрачном горизонте.

«Надеюсь, что остаток пути обойдется без нежелательных волнений, — подбодрил спутницу Хетцель. — Меня заверили в том, что на остановке аэробуса под цитаделью юбайхов нам не будет угрожать опасность».

«Патруль олефрактов или лиссов может подумать, что вы пытаетесь продать гомазам оружие,

и нас убьют».

«У меня с собой автомат-переводчик сэра Эстевана. Если потребуется, я смогу объяснить наше присутствие».

«Только не лиссам. Они верят только тому, что видят своими глазами, и во всем подозревают подвох».

«Что ж… будем надеяться, что мы не попадемся им на глаза».

«Будем надеяться».

Небольшое сооружение аэробусной остановки находилось на каменистой равнине рядом с круглой оранжевой посадочной площадкой стометрового диаметра, размеченной ярко-белым перекрестием. Над северным горизонтом маячили тени гор; на западе и на востоке равнина сливалась с мутной дымкой горизонта. На юге, в трех километрах от остановки, громоздилась цитадель юбайхов — подобный руинам канитце каменный массив внушающих почтение пропорций. Центральный донжон окружали парапеты; над его приземистой крышей, выложенной черепицей мрачноватого темнобордового оттенка, возвышалась еще метров на сто внутренняя башня. Донжон обороняли семь барбаканов, повыше и потоньше тех, что некогда защищали

цитадель канитце; каждый из них соединялся с парапетом донжона мощной аркой контрфорса. Плац под цитаделью рябил непрерывным суматошным движением — гомазы и детеныши гомазов занимались учениями и муштрой. По восточной и западной дорогам к замку подъезжали фургоны, доверху нагруженные, насколько мог понять Хетцель, каким-то провиантом. В воздухе вокруг башен парили, размахивая крыльями, едва заметные на таком расстоянии фигуры. Они спускались по спирали все ниже и ниже, после чего внезапно складывали крылья и ныряли, вращаясь вокруг продольной оси, и расправляли крылья только у самой земли; некоторые, прилагая яростные усилия, снова набирали высоту и опять начинали кружить, как коршуны.

Хетцель опустил аэромобиль на щебень рядом с остановкой: «Придется подождать еще примерно полчаса, если аэробус летит по расписанию».

Прошло полчаса. В небе появился аэробус — эллипсоидный пассажирский салон на четырех гондолах гравитационных отражателей. Транспорт опустился точно в центре оранжевой площадки. Сдвинулся в сторону люк салона; выдвинулись ступени телескопического трапа — по нему спустилась только одна фигура. Аэро-

бус подождал немного, подобно отдыхающему гигантскому насекомому, после чего взлетел наискось в южном направлении. Тем временем Хетцель уже приблизился к юбайху с автоматом-переводчиком в руке.

Гомаз задержался, чтобы оценить ситуацию; его усобородки ощетинились, но сохранили нейтральную окраску. На нем был ребристый чугунный воротник, по-видимому свидетельствовавший о статусе; в кожаных ножнах на сбруе за его спиной торчала рукоятка меча из кованого чугуна. Хетцель остановился в трех метрах от воина — подходить ближе он не смел.

Усобородки юбайха оставались бледно-белыми, но покрылись сеткой пульсирующих зеленоватых прожилок, означавших спокойную неприязнь.

Хетцель включил автомат-переводчик и приложил его ко рту: «Вы только что вернулись из Аксистиля». Устройство воспроизвело набор шипящих, свистящих и писклявых шумов, переходивших в неразличимый ухом ультразвук и возвращавшихся в слышимый диапазон.

Юбайх стоял, не шевелясь; белая кость его лица не передавала никакого выражения, глаза мерцали, как огромные черные жемчужины. Хетцель

подумал, что гомаз, скорее всего, телепатически консультировался с родичами в замке.

Юбайх принялся шипеть, щелкать, пищать; автомат распечатал на ленте слова: «Я посетил Аксистиль».

«Что вы там делали?»

«Я не предоставляю информацию».

Хетцель раздраженно поморщился: «Я прилетел издалека, чтобы поговорить с тобой, благородным и знаменитым воином-юбайхом».

Автомат явно не сумел точно передать смысл обращения Хетцеля, так как юбайх прошипел нечто, переведенное на ленте красными буквами как «Гнев!» Юбайх продолжал: «Мой ранг высок, более чем высок: я — вождь. Ты пришел, чтобы злословить меня под стенами моего замка?»

«Ни в коем случае! — поспешно заверил его Хетцель. — Возникло недоразумение. Я пришел, чтобы проявить уважение и получить некоторые сведения».

«Я не предоставляю информацию».

«Я выражу благодарность, предложив в дар металлический инструмент».

«Сделки с тобой и со всеми ойкуменическими тварями бесполезны». Автомат принялся печатать слова с такой скоростью, что Хетцель не

успевал их читать: «Гомазам нанесли поражение металлом и энергией, но не отвагой. Люди, олефракты и лиссы прячут свою слабость в металлических коробках и посылают механизмы воевать вместо себя. Гомазы — бесстрашные бойцы, а юбайхи верховодят. Не раз юбайхи наносили поражение кзыкам, с которыми заключают сделки ойкуменические твари. Люди — обманщики. Юбайхи требуют равного доступа к тайнам металла и энергии. Так как нам отказывают в этом доступе, кзыкам придется подвергнуться лишениям „сопернической“ войны третьего класса, что нанесет ущерб последствиям бесчисленных веков любви, войны и взаимного уважения. Лиссы и олефракты — неисправимые трусы. Люди — трусы, предатели и торговцы ложью. Кзыки никогда не извлекут выгоду из своего непристойного предательства. Детенышей и подростков необходимо испытывать и муштровать. Кзыки превратятся в расу больных чудовищ, лишенных жизненной силы, недостойных любви, но юбайхи уничтожат их клан. Мы тоже стремимся узнать тайны металла и энергии, но никогда не унизимся до того, чтобы о чем-нибудь вас просить».

Свист и шипение внезапно прекратились. Хетцель произнес фразу, которая, как он наде-

ялся, должна была произвести успокоительное действие: «Триархия стремится восстановить справедливость в отношении благородного клана юбайхов».

Усобородки гомаза покрылись ярко-зелеными пятнышками. Хетцель наблюдал за этим превращением, как завороженный. Юбайх снова стал свистеть и щебетать, автомат-переводчик распечатал еще один поток слов: «Твое замечание бессмысленно. Гомазы обезоружены прочностью металла и жгучими укусами энергии. Иначе мы обрушили бы на врагов всю мощь войны третьей категории. Триархия — монумент малодушию. Посмеют ли триархи драться с кем-нибудь из нас? Нет! Они сидят и дрожат от страха».

«Триархи были убиты прежде, чем успели вас выслушать. Два твоих родича тоже убиты».

Юбайх не проронил ни свиста.

Хетцель сказал: «Убийца нанес ущерб всем и вам, и нам. Вернешься ли ты в Аксистиль, поможешь ли задержать преступника?»

«Я никогда не вернусь в Аксистиль. Превосходно, что триархов прикончили. Гомазы — притесненный, угнетенный народ. Наше нынешнее положение — трагедия. Пусть ойкуменические твари научат тайнам металла и энергии всех

гомазов, а не только кзыков — тогда мы все объединимся и нанесем поражение общему врагу. Уходи! Ты оскверняешь окрестности гнезда непревзойденного клана юбайхов. Если бы я не боялся твоего оружия, я стер бы тебя в порошок». Абориген повернулся и промаршировал прочь.

«До чего упрямая раса, гомазы!» — подумал Хетцель, возвращаясь к аэромобилю.

Джаника спросила: «Так что же, кто убил триархов?»

«Он ничего не сказал — кроме того, что он одобряет убийства». Хетцель поднял машину в воздух.

«Куда теперь?»

«Где находится территория кзыков?»

«Примерно в ста пятидесяти километрах к северу. За нагорьем Шимкиш — его видно над горизонтом».

Хетцель изучил карту и оценил положение солнца, уже наполовину спустившегося по западному небосклону, после чего повернул машину в сторону «Черноскальной» гостиницы.

Джаника облегченно откинулась на спинку сиденья: «Зачем вам понадобились кзыки?»

Хетцель передал ей ленту, распечатанную автоматом: «В какой-то мере вся эта история

— последствие сделки гомазов с нечистыми на руку людьми».

Джаника прочла перевод: «Похоже на то, что он отправился в Аксистиль, чтобы заявить протест против особо благоприятного режима торговли с кзыками».

«Чем, спрашивается, кзыки заслужили такую поблажку?»

«Не знаю».

«Я тоже не знаю. Но здесь может быть замешан „Истагам“».

Глава 10

«Черноскальная» гостиница наполовину нависла над краем мощного базальтового эскарпа, под комплексом титанических руин. Внизу простирался ландшафт, напоминавший плод воображения безумного поэта: влажное плоскогорье, усеянное пятнами невероятно яркого малинового дерна, окруженных переплетениями черных водяных ив, время от времени прерывавшимися порослями экстравагантно высокого и хрупкого тростника-галангала, блестевшего подобно серебряным нитям.

Хетцель вышел на террасу, где другие постояль-

цы уже закусывали, любуясь дымчато-зеленым закатом. Усевшись за стол, он попросил принести кувшин гранатового пунша и два каменных бокала с серебряными ободками. «Иногда моя профессия отличается исключительно приятными преимуществами», — думал Хетцель. Воздух, поднимавшийся над плоскогорьем, приносил отдающий мускусом гниловатый аромат мхов, галангала и дюжины не поддающихся определению бальзамических испарений. Где-то на горных лугах тишину нарушал высокий дрожащий прерывистый щебет, а как-то раз издали донесся улюлюкающий звук, полный такого таинственного одиночества, что у Хетцеля мурашки побежали по спине.

Джаника скользнула в соседнее кресло. На ней было мягкое белое платье, и она причесала блестящие волосы так, что они лежали слегка волнистыми локонами. «Что за очаровательное создание! — снова сказал себе Хетцель. — И, вполне возможно, непритворно искреннее и беззаботное». Он налил ей пунша: «Вид на закат с Черной скалы весьма достопримечателен, и висфер Быррис заслуживает похвалы за создание этой гостиницы».

«В этом нет никаких сомнений, — ничего не

выражающим тоном отозвалась Джаника. — Висфер Быррис — весьма достопримечательный человек».

«Сколько у него гостиниц? Шесть? Семь? Для их строительства и обустройства потребовалось вложение существенного капитала. Хотел бы я знать, каким образом висфер Быррис финансировал свое предприятие».

Джаника бесшумно прищелкнула пальцами, демонстрируя полное отсутствие интереса к этому вопросу: «Мне не полагается что-либо знать о финансовых операциях — и я о них практически ничего не знаю. Тем не менее… общеизвестно, что сэр Эстеван Тристо несметно богат».

«На мой взгляд, это рискованное капиталовложение, — заметил Хетцель. — Здесь, на Мазе, нет никакой возможности официально зарегистрировать право собственности на недвижимость».

«Права висфера Быррриса не уступают правам кого бы то ни было. Гомазы не возражают — их обычаи накладывают табу на посещение цитаделей вымерших кланов. Черная скала знаменита своими закатами». Чуть помолчав, Джаника прибавила: «И сегодня ночью мы увидим призраков».

«Призраков? Вы не шутите?»

«Нисколько. Гомазы называют это плоскогорье — то, что под нами — равниной Блуждающих Сновидений».

На террасу стали выходить другие постояльцы. «В гостинице, пожалуй, почти не осталось свободных номеров, — заметил Хетцель. — Надо думать, деньги текут рекой в руки висфера Быррриса».

«Может быть. А может быть и нет. Чаще всего он выглядит каким-то загнанным и встревоженным. Подозреваю, что его положение не столь благополучно, как ему хотелось бы — но у кого в этой Вселенной столько денег, сколько ему хотелось бы иметь?»

«Только не у меня!»

«Предположим, вы найдете блестящее решение порученной вам задачи и Гидион Дерби заплатит вам премиальные в размере миллиона СЕРСов: что бы вы сделали с такими деньгами?»

«От Гидиона я скорее получу миллион плодов мушмулы. А от сэра Айвона Просеканта… — Хетцель скорбно покачал головой. — Сперва нужно успешно закончить расследование». Он вынул из-за пазухи ленту с распечаткой автомата-переводчика и некоторое время изучал ее: «Тирады гомаза содержат несколько крупиц полезной информации — очевидно, что, будучи раздражен,

он по ошибке проболтался. Кто-то учит кзыков „тайнам металла и энергии“. Кто? Почему? Естественно, приходит в голову компания „Истагам“. Кзыки работают, а в качестве возмещения им прививают технологические навыки производства — что, насколько мне известно, запрещено законами Ойкумены. Юбайхи протестуют. Лиссам и олефрактам, естественно, это тоже не понравится, в связи с чем их триархов убили прежде, чем они успели выслушать юбайхов. Все это, конечно, гипотетические рассуждения».

«Довольно-таки пугающие рассуждения», — Джаника с опаской огляделась по сторонам.

Хетцель спрятал распечатку: «Завтра мы навестим кзыков — или, по меньшей мере, взглянем на то, что у них происходит. Но поговорим о чем-нибудь более приятном. Например, о Ллиджано Рейес с планеты Варсилья».

«Не хочу говорить обо мне… Хотя, в самом деле… нет, мне лучше промолчать».

«Вы возбудили мое любопытство».

«Все это не так уж интересно. Когда я хотела уехать из Палестрии, все говорили, что я глупая, своенравная девчонка. Что вполне может соответствовать действительности. Но сегодняшний вечер на Черной скале — именно то, что я надея-

лась найти». Девушка досадливо махнула рукой: «Я выражаюсь недостаточно ясно. Но посмотрите: в небе висит огромная зеленая луна, а мы с вами сидим и смотрим на равнину Блуждающих Сновидений, ожидая появления призраков и распивая гранатовый пунш. А призраков все нет».

Хетцелю нечего было сказать; некоторое время они сидели молча.

Поперек луны пролетел тощий черный силуэт, медленно взмахивающий крыльями. «Вот он, призрак!» — объявил Хетцель.

«Не думаю. Призраки летают не так… Горгульи короче и толще. Скорее всего, это был черный ангел».

«Черный ангел? Это еще что такое?»

«Если я не ошиблась — то самое, что мы с вами только что видели».

Хетцель поднялся на ноги: «Голод нарушает ясность мышления. Предлагаю пойти поужинать».

Посреди руин центральной башни шесть чугунных опор поддерживали каменный диск диаметром пятнадцать метров, когда-то служивший реквизитом при отправлении какого-то гомазского обряда. В центре диска возвышался четырехметровый витой чугунный столб, разделявшийся на несколько чугунных вет-

вей, усеянных небольшими гроздьями желтых язычков пламени подобно светящимся плодам фантастического дерева. Хетцель и Джаника взошли по чугунным ступеням; стюард в зеленой с черным узором ливрее проводил их к столу, покрытому белоснежной скатертью; на столе уже разложили столовые приборы из серебра и хрусталя.

Хетцель взглянул наверх — в открытое небо, откуда струились косые лунные лучи, бледно озарявшие северную стену: «А что тут делается в плохую погоду?»

«Когда начинается дождливый сезон, туристов возят в пустыню Андантинай, где они могут любоваться вулканами, пассажирскими воздушными змеями и Могучей Кучей. У висфера Быррис все продумано».

«Висфер Быррис — исключительно находчивый предприниматель. Не сомневаюсь, что сотрудничество с ним достаточно вас стимулирует».

Джаника рассмеялась: «Быррис хотел взять меня с собой в гостиницу „Голгаф“ на Черепной равнине, но я решила, что это было бы непредусмотрительно, и с тех пор он меня больше не „стимулировал“. Но если бы он знал, что я тут сижу вместе с вами, он пришел бы в дикую ярость.

По меньшей мере, мне так кажется. Несмотря на абсолютное целомудрие нашего времяпровождения».

Эмоциональные проблемы висфера Быррис представлялись Хетцелю отдаленными и несущественными: «А с какой подругой, по его мнению, вы проводите время на Черной скале?»

«Он не спрашивал. А я не вдавалась в подробности».

Стюард подал салат из мазских трав — Хетцелю он показался приятно терпким. За салатом последовало рагу из ингредиентов, не поддававшихся опознанию, с тонкими ломтиками поджаристого хлеба и двумя бутылями импортного зенкского вина — первое было желтоватым, а второе — темно-янтарным, отливающим плывущим маслянистым фиолетовым блеском.

Джаника совершила традиционный обряд распития зенкского вина — наполнила бокал наполовину темно-янтарным вином, удалила мягкой салфеткой маслянистый налет со стенок бокала и тут же заполнила верхнюю половину бокала светло-желтым вином.

«За исключением вина, здесь используют только туземные продукты, — заметила она. — Когда я прилетела на Маз, сперва мне казалось, что вся

здешняя еда отдает мхом, и я почти ничего не ела. Теперь я научилась терпеть местные блюда. Но все еще вспоминаю о пикниках вокруг костров на пляжах варсильских островов, о горшочках с тушеными фаршированными перцами и ямсом, обильно приправленным тутовыми ягодами… Давайте унесем десерт на террасу и посмотрим, появятся ли призраки».

Десерт — бледно-зеленый шербет — подали с бокалами жгучей горячей браги из коры пустынного кустарника. Примерно час они стояли на террасе, глядя сверху на темную равнину. Они слышали далекие тоскливые крики и таинственное тихое уханье, но призраки так и не показались. В конце концов Джаника пошла спать. Хетцель выпил еще чашку чаю и снова просмотрел распечатку автомата-переводчика.

«Исключительно запутанная ситуация, — размышлял он, — с элементами, не только противоречащими друг другу, но и, судя по всему, никак не связанными». Очевидно, что многое было поставлено на карту: никто не стал бы прилагать фантастические усилия, пытаясь сбить с толку Гидиона Дерби, руководствуясь тривиальными соображениями. И как странно, что Казимир Вульдфаш, за которым Хетцель

проследил до Твиссельбейна на Тамаре по поручению мадам Икс, играл виднейшую роль в спектакле с участием компании «Истагам» и Гидиона Дерби! Совпадение? Хетцель с сомнением покачал головой. В воздухе безошибочно угадывался неприятный запашок опасности — тех, кто замышлял и осуществлял такие изощренные планы, нисколько не смутила бы необходимость ликвидировать пару людей, способных чинить препятствия. Скорее всего, именно эти комбинаторы уже ликвидировали лисса, олефракта и пару гомазов-юбайхов. Следовало удвоить бдительность, причем Джаника подвергалась не меньшей опасности.

Ночью Хетцеля разбудило приглушенное подвывание энерготрансформатора. Подойдя к окну, он выглянул в темноту. В небе, тускло поблескивая в лучах заходящей зеленой луны, проплыло очертание удаляющегося аэромобиля. «Странно! — подумал Хетцель. — В высшей степени подозрительно!»

Хетцель и Джаника завтракали на террасе, озаренной тусклым утренним светом. Джаника выглядела бледной и задумчивой, и Хетцель заинтересовался причиной ее молчаливо-угрюмого настроения. «Вы хорошо выспались? — спросил

он. — Возникает впечатление, что вас что-то беспокоит».

«Я не хочу возвращаться в Собачью слободу и стоять за прилавком в туристическом агентстве».

«Нам придется вернуться, — возразил Хетцель. — Но вы не обязаны снова работать в агентстве».

«Я подписала полугодовой договор. Если я теперь уволюсь, я потеряю половину того, что мне причитается».

Хетцель прихлебывал чай: «Если вам так не нравится Собачья слобода, куда вы подадитесь?»

«Не знаю».

«На Варсилью?»

«Ну… рано или поздно. Но не сразу. Еще не знаю, чего я хочу. Наверное, у меня просто испортилось настроение».

Хетцель задумался: «Висфер Быррис мог бы позволить вам расторгнуть договор».

«Не думаю. Он высказал по этому поводу несколько шутливых замечаний, но в них на самом деле не было ничего забавного. Может быть, впрочем, я все равно уволюсь».

«Возможно, висфер Быррис окажется уступчивее, чем вы ожидаете. В конце концов, он не

хочет, чтобы туристов обслуживала угрюмая апатичная особа. Кроме того… но зачем упреждать события?»

Джаника взяла Хетцеля за руку и пожала ее: «Я уже чувствую себя веселее».

Хетцель рассчитался с гостиницей. Джаника попыталась было заплатить половину выставленной в счете суммы, но Хетцель наотрез отказался от ее предложения, сославшись на щедрость своего клиента, сэра Айвона Просеканта. Они вышли на посадочную площадку и взобрались в «Заоблачного стрекозла».

«Прощай, Черная скала!» — сказал Хетцель. Взглянув на спутницу, он спросил: «Почему у вас так вытянулось лицо?»

«Не люблю прощаться».

«Сентиментальностью вы не уступаете Гидиону Дерби», — заметил Хетцель. Он поднял машину в воздух: «Теперь назад в Аксистиль, но сначала навестим цитадель кзыков. Если нам повезет, может быть, мы заметим какие-нибудь признаки деятельности компании „Истагам“».

Перспектива задержки не вызвала у Джаники энтузиазма: «С воздуха мы почти ничего не увидим, а если приземлимся, нас тут же отправят на тот свет».

«Мы не будем рисковать — тем более, что в Трискелионе, скорее всего, все выяснится».

«Неужели? Что вы рассчитываете найти в Трискелионе?»

«Повестку дня, расписание — как бы это ни называлось — заседания триархов. Я хотел бы знать, как давно триархи знали о предстоящем визите юбайхов».

«По-моему, это не так уж важно».

«В этом вы ошибаетесь. Насколько я понимаю, это решающий фактор, от которого зависит исход расследования». Хетцель изучил навигационную карту: «Мы пролетим на север над территорией юбайхов, перевалим через горы Шимкиш и спустимся к этой равнине… как она называется? Степь Длинных Костей?»

«Тысячу лет тому назад там случилась великая битва. Юбайхи, кзыки и акцжи дрались с кланом Хиссау. Это была не „война любви“, а „война ненависти“, потому что хиссау — изгои и кочевники, они поджидают и ловят детенышей других кланов, когда те пытаются добраться до родных цитаделей оттуда, где родились… Если вылупление из трупа можно назвать „рождением“».

«Как детеныши находят дорогу домой?»

«Телепатически. По пути выживает только

примерно треть».

«Суровый отбор! — заметил Хетцель. — Гомазы вообще создают впечатление чрезмерно суровых, даже жестоких существ, по меньшей мере на человеческий взгляд».

«Потому что мы не сплочены телепатически в единый, действующий заодно организм».

«Верно. Надо полагать, они тоже считают нас странными и жестокими существами, исходя из столь же нерациональных соображений… А вот опять замок юбайхов — там, на западе».

Джаника взглянула туда в бинокль: «Войска покидают цитадель и куда-то маршируют — наверное, отправились воевать с кзыками. Или с кайкашами, или с акцжами».

Цитадель юбайхов исчезла за кормой — впереди, как черные зубчатые осколки на беспорядочном фоне бледно-зеленого и коричневого бархата, вздымались горы Шимкиш. Дальше начиналась мутная серо-голубая пелена равнины — степь Длинных Костей, постепенно расширявшаяся, заполняя половину горизонта… Внимание Хетцеля привлек звук двигателей. Гравитационные отражатели, обычно практически бесшумные, верещали на почти неразличимом, почти ультразвуковом уровне, но этот пульсирующий звук

постепенно снижался, превращаясь в неприятное завывание. Хетцель в испуге уставился на индикатор заряда аккумуляторов.

Джаника заметила выражение на его лице: «Что случилось?»

«Кончилась энергия. Аккумуляторы разрядились».

«Но индикатор показывает, что осталась половина заряда!»

«Либо индикатор неисправен, либо кто-то отсоединил его от датчиков и разрядил батареи. Так или иначе, придется приземлиться».

«Но мы посреди пустыни!»

«У нас есть радио… — Хетцель повертел ручку передатчика. — Нет, радио тоже не работает».

«Но как это может быть? Эти машины тщательно инспектируются и обслуживаются!»

Хетцель вспомнил аэромобиль, покидавший гостиницу ночью: «Кто-то решил, что мы зажились на этом свете. И оставил нам заряд, достаточный только для того, чтобы мы отлетели от Черной скалы подальше».

Машина опустилась на изборожденный ветрами щебень степи Длинных Костей. Хетцель и его спутница молча сидели. Хетцель изучал карту: «Мы примерно здесь. Замок юбайхов в шестиде-

сяти километрах, за горами. До цитадели кзыков девяносто километров на северо-запад. Судя по всему, нам лучше всего попробовать добраться до аэробусной остановки юбайхов по ту сторону гор. Подниматься в горы будет тяжело, но там мы найдем воду. В степи воды нет».

Джаника пожевала губу: «А радио нельзя починить?»

Хетцель вынул модуль радиосвязи. Одного взгляда на сломанные платы оказалось достаточно: «Безнадежно! Если хотите, оставайтесь в машине, пока я схожу за помощью. Для вас так будет проще».

«Я предпочла бы пойти с вами».

«Я тоже предпочел бы, чтобы вы пошли со мной, — нахмурившись, Хетцель разглядывал карту. — Если бы от Черной скалы мы полетели на юг, обратно в сторону Аксистиля, нам пришлось бы приземлиться посреди болота Большой Кыш-Кыч, без каких-либо шансов на спасение».

«Здесь у нас тоже мало шансов на спасение».

«Шестьдесят километров — не так уж много, два или три дня пути, в зависимости от рельефа местности. Какие дикие звери тут водятся?»

Джаника подняла глаза к небу: «В горах живут горгульи. Они охотятся на детенышей гомазов,

но, проголодавшись, могут напасть на кого угодно. По ночам вылезают из берлог лалуу. Вчера вечером вы слышали, как они ухали. Кроме того, здесь водятся икссены — белые лисы Маза. Они слепые, но рыщут группами по две или три особи. Кошмарные твари — они ловят детенышей гомазов и выращивают их, как своих щенков. Иногда на равнине видят голого гомаза, бегущего на четвереньках — он служит „глазами“ стайки икссенов, пока те не решают, что настало время разорвать его в клочья. А если нас найдут гомазы, нас могут объявить законной добычей и убьют».

Хетцель порылся в нескольких багажных отделениях аэромобиля в надежде найти запасной аккумулятор, но ничего не нашел. Спустившись на землю, он посмотрел по сторонам. Всюду простиралась каменистая пустыня. Еще раз сверившись с картой, он указал на горы: «Прямо под этим раздвоенным пиком есть перевал. Оттуда должен быть виден хребет, от которого до замка юбайхов уже всего несколько километров. Мы не заблудимся. Если повезет — то есть, если нас не убьют — мы могли бы пройти шестьдесят километров за два дня. У меня два карманных лучемета, нож и десяток гранат. Вероятность нашего выживания достаточно велика. Я возьму

с собой автомат-переводчик, на тот случай, если повстречаются гомазы. Задерживаться нет смысла, пора идти. Если у вас есть пара запасная пара обуви, возьмите ее — и плащ тоже».

«Я готова».

Они направились на юг по степи, местами покрытой губчатым дерном черного лишайника, оставляя заметные следы и с каждым шагом поднимая облачка темной пыли.

«Если икссены почуют наши следы, они за нами увяжутся. Говорят, они чувствуют остаточное тепло даже через несколько дней».

Хетцель взял ее за руку — она сжала его пальцы: «Уверен, что мы вернемся в Аксистиль, целые и невредимые. Представьте себе, как удивились бы ваши родственники на Варсилье, увидев вас бредущей по степи Длинных Костей в компании какого-то бродяги».

«По-моему, мне еще не суждено умереть… Кто мог проделать с нами такую злую шутку?»

«У вас нет никаких предположений?»

«Нет. Гидион Дерби? Вряд ли. Юбайхи? Им никогда бы не пришла в голову такая затея. Кроме того, они ничего не смыслят в конструкции аэромобилей».

«Как насчет висфера Быррриса?»

Джаника растерянно раскрыла рот: «Почему бы он хотел, чтобы мы погибли? Из-за меня?»

«Возможно».

«В это трудно поверить. Не забывайте, что аэромобиль принадлежит туристическому агентству, то есть висферу Быррису, а он ненавидит расставаться с каждым СЕРСом».

«В свое время все выяснится. А пока что, если вы заметите что-нибудь съедобное, будьте добры сообщить об этом».

«Я плохо разбираюсь в таких вещах. Говорят, здесь почти все ядовито».

«Мы можем идти натощак пару дней — даже три или четыре дня, если потребуется».

Джаника ничего не ответила. Они продолжали идти молча. Хетцель решил, что о любых остаточных подозрениях по поводу странных совпадений в истории его спутницы можно было забыть — она вряд ли стала бы подвергать себя такой серьезной опасности. С другой стороны, даже если она была сообщницей Быррис, тот вполне мог избавиться и от Хетцеля, и от нее в придачу.

Солнце поднималось к зениту; мало-помалу, незаметными приращениями, горные пики и хребты Шимкиша закрывали все большую часть

небосклона. Тем временем местность становилась все более труднопроходимой: выщербленная галька, темный песок и поля черного лишайника сменились пологими склонами, поросшими колючим кустарником и черной восковой травой; начинали попадаться скальные обнажения предгорий.

Поднимаясь три часа, они достигли перевала — там они присели отдохнуть, глядя туда, откуда пришли. Джаника прислонилась к Хетцелю; тот обнял ее за плечи: «Вы устали?»

«Я решила об этом не думать».

«Очень разумно с вашей стороны. Мы уже проделали далекий путь». Хетцель взял бинокль и стал разглядывать простиравшуюся на север степь: «Отсюда уже не видно нашу машину».

Джаника указала куда-то вдаль: «Посмотрите туда. Там что-то движется — не могу разобрать, что именно».

«Гомазы. Маршируют колонной, за ними четыре фургона. Они приближаются, но идут скорее на запад».

«Это, наверное, кзыки. Патрулируют — или, может быть, решили напасть на юбайхов или на какой-нибудь клан, обосновавшийся к западу от юбайхов. Даже не помню, как все эти кланы

называются. Сколько гомазов в этой колонне?»

«Целая толпа — отсюда не сосчитаешь. Несколько сот, надо полагать. Лучше держаться от них подальше».

Некоторое время идти было легко — перевалив через хребет, они пересекли узкое плоскогорье. Впереди вздымался основной массив Шимкиша, и посреди него — раздвоенный пик-ориентир.

Они напились воды из родника и побрели дальше, теперь уже гораздо чаще останавливаясь передохнуть.

«Спускаться будет легче, — заверил спутницу Хетцель, — и мы будем продвигаться гораздо быстрее».

«Если сможем забраться на хребет. Я начинаю беспокоиться по поводу каждых следующих десяти шагов».

«Нужно идти, а то затекут мышцы. Так же, как вы, я не привык лазить по горам».

Солнце плыло по небу. За два часа до заката Хетцель и Джаника с трудом выбрались из сплошь заросшей какой-то лозой ложбины на горный луг, орошаемый небольшим ручьем. Пыхтя и потея, исцарапанные, искусанные жалящими насекомыми и кровососами, они с облегчением опустились на большой плоский камень. Луг был

выстлан сплошным ковром маленьких растений с листьями в форме сердечек. В сотне метров к востоку начинался смешанный лес; Хетцель не мог распознать большинство деревьев, но тут попадались красные деревья с темно-багровыми стволами и комковатой черной листвой, пурпурные древовидные папоротники и густые заросли гигантских тростников-галанталов. Метрах в семистах к западу темнела еще более плотная чаща красных деревьев. В воздухе ощущался резковатый запах — ветерок доносил отдающую мускусом настойчивую вонь, напоминавшую Хетцелю об органическом разложении, хотя поблизости не было заметно никакой дохлятины.

Поднимаясь по горному склону, они время от времени замечали диких животных: прыгучих черных зверьков, похожих на маленьких куниц, словно состоявших только из глаз, меха и клыков, длинное приземистое существо, которое Хетцель мысленно прозвал «безголовым броненосцем», белесых грызунов, передвигавшихся скачками наподобие кузнечиков — их маленькие головы неприятно напоминали гребенчатые белые черепа гомазов. Апатичная семиметровая рептилия наблюдала за ними, пока они проходили мимо, наклонив голову набок с насмешливо-ирониче-

ским выражением, создававшим впечатление какой-то мыслительной деятельности. В заросшей ложбине они спугнули стайку летучих змеек — эти хрупкие бледные создания скользили по воздуху на продолговатых боковых выростах-оборках. Икссены и детеныши гомазов не встречались, и неудобство путникам причиняли только шиповатые растения и кусачие насекомые. Через некоторое время Хетцель обнаружил, однако, что в воздухе над ними парила дюжина беспокойных теней с квадратными крыльями и головами, почти вертикально свисавшими на длинных мускулистых шеях — горгульи. Ныряя с края высокого утеса, они летали кругами метрах в тридцати над восточным лесом. «В высшей степени неприятные твари!» — подумал Хетцель. Он не преминул заметить, что кружение горгулий постепенно приближалось к лугу, поросшему листочками-сердечками.

Вскоре Хетцеля насторожил странный свиристящий звук, то понижавшийся, то повышавшийся, то щекотавший уши, то становившийся едва различимым — изменения этого звука в какой-то мере повторялись, как сложные вариации на заданную тему, не поддававшуюся определению. Тем не менее, Хетцель сразу понял, о какой опас-

ности предупреждал этот переливчатый свист.

«Гомазы! — прошептала Джаника. — Они идут сюда!»

Хетцель вскочил и стал оглядываться по сторонам в поисках укрытия. Можно было спрятаться в ложбине, откуда они только что поднялись, но более привлекательным выглядел зубчатый выступ скалы, находившийся всего лишь в нескольких шагах с северной стороны луга — маленький утес осыпающегося базальта, увенчанный роскошной шапкой молодой поросли чугунных деревьев. Взяв Джанику за руку, Хетцель взобрался вместе с ней на этот утес, после чего они сразу бросились плашмя на камни, спрятавшись под мясистыми черными листьями.

В то же мгновение гомазы выступили из восточного леса — колонна по четыре бойца в ряд, марширующая колченогим гусиным шагом. Гомазы остановились на крутом восточном берегу ручья; улюлюкающий щебет их песни затих, но словно продолжался за пределами слухового восприятия. Гомазы разошлись, как по команде, спустились к ручью и встали по колено в журчащей холодной воде.

Джаника прошептала Хетцелю на ухо: «Это юбайхи — боевой отряд».

Глядя вниз, Хетцель изучал внешность гомазов: «Как вы распознали юбайхов?»

«По форме шлемов. Смотрите! Один стоит поодаль от всех. Разве это не тот вождь, который недавно вернулся из Аксистиля?»

«Не знаю. Для меня они все на одно лицо».

«Тот самый! На нем все еще чугунный воротник, и он носит за спиной кованый чугунный меч».

Гомазы выбрались из ручья и снова построились в колонну, но не двигались с места. Сверху кружились горгульи, низко опустив головы на длинных шеях.

Хетцель указал пальцем на чащу красных деревьев с западного края горного луга: «Там тоже горгульи!»

Из леса появился второй отряд гомазов, поющих свой собственный подвывающий, чирикающий полифонический гимн; за ними следовал поезд из четырех фургонов. «Кзыки! — прошептала Джаника. — Та самая банда, которую мы видели сегодня утром».

Кзыки маршировали, словно не замечая юбайхов. На краю ручья они рассеялись и, так же, как юбайхи, зашли по колено в воду. Юбайхи стояли строем, не шевелясь. Через некоторое время

кзыки взобрались на западный берег ручья, тоже построились и тоже застыли, суровые и бестрепетные.

Прошло три минуты, на протяжении которых, насколько мог видеть Хетцель, ни юбайхи, ни кзыки не шелохнулись. Затем из строя кзыков выступил воин. Он принялся прохаживаться то в одну, то в другую сторону вдоль западного берега ручья странной горделиво-вызывающей походкой, высоко поднимая ногу, согнутую в колене, вытягивая ее и опуская на землю с преувеличенной деликатностью.

От колонны юбайхов тоже отделился воин, который начал сходным образом прохаживаться вдоль восточного края овражка, промытого горным ручьем.

Вперед вышли еще три кзыка, занимавших по очереди причудливые позы, значение каковых не поддавалось человеческому пониманию. Три юбайха исполнили такой же фантастический балет с другой стороны ручья. «Надо полагать, это какой-то военный ритуал», — прошептал Хетцель.

«Военный ритуал или любовный танец», — отозвалась Джаника.

Пока блестящее, как оловянная монета, солнце

опускалось в темнеющем водянисто-зеленом небе, и ветер вздыхал в кронах кроваво-красных деревьев, воины-гомазы вызывающе вышагивали по обоим берегам горного потока, то и дело застывая в нелепых позах, покачиваясь из стороны в сторону, приседая, преувеличенно вздрагивая, как собака, собравшаяся встряхнуться, но тут же передумавшая. Они начали петь — сначала едва слышно, потом все громче, как оркестр сумасшедших флейт — мало-помалу звук становился все напряженнее, превращаясь в пульсирующее высокое завывание, от которого у Хетцеля побежали мурашки по коже. Джаника задрожала, зажмурилась и прижалась к Хетцелю.

Вибрирующая песня становилась все выше и почти полностью углубилась в ультразвуковой диапазон, после чего внезапно прервалась. Тишина словно потрескивала электрическими разрядами. Марширующие бойцы-танцоры беззвучно и быстро вернулись в строй.

Началась битва. Воины прыгали через ручей, часто стуча челюстями, и набрасывались на избранных противников. Все они делали ложные выпады, пригибались и отскакивали, уклоняясь от встречных ударов; каждый пытался ухватить соперника за шею жвалами, выступившими из

впадин в челюстях.

Хетцель отвел глаза — зрелище одновременно ужасное и чудесное, полное страстной скорби и торжествующих стенаний, жгло ему мозг. Джаника продолжала лежать, зажмурившись и дрожа всем телом. Хетцель обнял ее, поцеловал — и в ужасе отшатнулся. Неужели его тоже увлекло бушующим телепатическим водоворотом? Он напряженно застыл, пытаясь оградить ум от приливов убийственной эротической лихорадки.

Начинали выявляться победители — те, кому удалось ухватить жвалами шею противника, чтобы перекусить нерв или впрыснуть какой-то гормон: побежденный боец внезапно подчинялся победителю, вживлявшему своих отпрысков в грудь жертвы, а затем поедавшему шишечку нароста под затылком обмякшего врага-партнера.

Битва закончилась; над горным лугом пронесся новый звук — наполовину стон, наполовину вздох. Перед началом столкновения кзыков было больше чем юбайхов; такое же соотношение численности сторон сохранилось и после боя, но теперь кзыки не проявляли никакого стремления нападать на выживших юбайхов, к числу которых относился — к удовлетворению Хетцеля — вождь, засвидетельствовавший убий-

ства в Трискелионе. Над головой возбужденно кружили горгульи. Одна за одной, однако, они улетали прочь, хлопая крыльями, чтобы усесться на краю какого-нибудь утеса. «Когда они воюют из ненависти, — сказала Джаника, — никто из побежденных не выживает, а горгульи поедают трупы. Но теперь юбайхи и кзыки оставят часовых, чтобы те отгоняли стервятников, пока не вылупятся младенцы». Она с испугом взглянула на Хетцеля: «Что мы теперь будем делать? Как мы отсюда выберемся?»

«В конце концов, у меня есть лучемет, — отозвался Хетцель. — Придется провести здесь ночь, однако. Лучше места не найдешь, в любом случае».

Помолчав, Джаника украдкой бросила на спутника любопытствующий взгляд: «Ты меня поцеловал».

«Было дело».

«Но ты остановился».

«Я боялся поддаться телепатии гомазов. Мне это показалось унизительным. Теперь уже никакой телепатии нет, конечно», — Хетцель снова ее поцеловал.

«Я устала, я грязная и несчастная, — заметила Джаника. — Наверное, я выгляжу ужасно».

«Возникает впечатление, что наши взаимоотношения перестают носить официальный характер, — заявил Хетцель. — Что бы сказала твоя родня на Варсилье, если бы увидела тебя сейчас?»

«Не представляю себе… даже думать об этом не хочу…»

Глава 11

Ночь была долгой и тягостной. Завернувшись в плащи, Хетцель и Джаника забылись сном крайнего изможденья. Проснувшись на рассвете, они дрожали от холода, у них затекли мышцы и ныли все суставы. Юбайхи сгрудились на восточном берегу ручья, кзыки образовали сходную группу на западном. Когда взошло солнце, кзыки подвезли поближе к воде свои фургоны и разгрузили котлы с едой. Юбайхи перешли через ручей и ели наравне с кзыками, после чего вернулись туда, где они провели ночь. Несколько минут они бродили по лугу, разглядывая трупы, оставшиеся после вчерашней битвы, после чего стали совещаться — отчасти телепатически, отчасти посредством пересвистов и щебета. Судя по всему, вождь юбайхов обратился к соплеменникам с каким-то

страстным призывом. Кзыки также что-то обсудили, после чего принялись дразнить юбайхов презрительным чириканьем — те напряженно выпрямились и застыли в высокомерных позах. Вождь юбайхов вновь исполнил демонстративный ритуал, горделиво вышагивая вдоль ручья, на этот раз в более подвижном темпе. Ни юбайхи, ни их противники больше не прихорашивались — их движения стали резкими, угрожающими, настойчивыми. Опять началось пение — отрывистые пронзительные фразы, исполненные повелительным нисходящим стаккато. Горгульи сорвались с утесов и принялись кружить над лугом, внимательно следя за происходящим и подергивая маленькими вертлявыми головами на длинных висящих шеях.

Пение прекратилось — бойцы построились по вчерашнему образцу. Хетцель внезапно вскочил на ноги.

«Тебя увидят!» — испуганно закричала Джаника.

«Нельзя допустить, чтобы вождя юбайхов прикончили. Он — мой единственный надежный свидетель. Кроме того, мне нравится, как выглядят эти фургоны. Давай, спускайся! Поспеши, а то они начнут драться».

Они спустились — точнее, съехали — по осыпи там, где скала примыкала к склону. Хетцель вышел на луг. Максимально увеличив громкость автомата-переводчика, он произнес: «Стойте! Драться больше нельзя. Разойдитесь! У меня есть лучевое оружие — подчиняйтесь моему приказу, или я перестреляю вас всех и оставлю трупы на съедение горгульям». Хетцель поднял руку к небу: одна за другой три горгульи вспыхнули лиловым пламенем и превратились в облачка черного дыма. На землю посыпались редкие обугленные клочки.

Хетцель указал рукой на вождя юбайхов: «Ты должен следовать за мной. Я больше не потерплю твою беспардонную дерзость. Мы поедем в фургонах кзыков. Они отвезут нас на остановку аэробуса у цитадели кзыков. Кзыки, готовьтесь выступить в поход. Юбайхи, разойдитесь! Возвращайтесь к себе в цитадель. И кзыки, и юбайхи могут оставить часовых, чтобы охранять детенышей». Обернувшись, Хетцель подал знак спутнице: «Пойдем!»

Гомазы застыли, как статуи. Хетцель протянул руку, указывая на вождя: «Ты должен пойти со мной. Перейди ручей и встань у фургонов».

Вождь юбайхов разразился визгливой последо-

вательностью яростных звуков, смысл которых автомат-переводчик даже не пытался передать. Хетцель сделал шаг вперед: «Мое терпение кончается. Юбайхи, разойдитесь! Возвращайтесь в замок! А ты, — он снова указал на вождя, — переходи ручей!»

Воздух наполнился возмущенным пересвистом. Вождь кзыков испустил гневный вопль. Автомат распечатал вопрос: «Кто ты такой, чтобы нам приказывать?»

«Я — верховный вождь из дальних пределов Ойкумены! Я прибыл, чтобы расследовать проблемы гомазов. Мне нужен вождь юбайхов, он мой свидетель. Сегодня я не могу допустить, чтобы он погиб».

«Я не погибну! — заявил вождь юбайхов. — Я перережу глотки двум дюжинам кзыков и испражнюсь на их трупы!»

«Тебе придется повременить с этим занятием, — отозвался Хетцель. — Ступай к фургонам, живо!»

Юбайхи и кзыки уставились друг на друга — нерешительные, удрученные. Хетцель спросил: «Кто не желает мне подчиняться? Пусть выступит вперед!»

Никто из гомазов не пошевелился. Прице-

лившись, Хетцель превратил в пепел два трупа — юбайха и кзыка. Гомазы откликнулись воем ужаса и почтения. «К фургонам!» — повторил Хетцель.

Вождь юбайхов неохотно побрел к фургонам кзыков. Остальные юбайхи принялись беспорядочно бродить по лугу, но вскоре собрались тесной толпой и стояли, беспокойно поглядывая по сторонам. Кзыки решительно построились и двинулись на запад ритмичным походным шагом. Хетцель, Джаника и вождь юбайхов взобрались на фургон — тягловые черви поспешили вслед за удаляющейся колонной гомазов. «Лучше ехать, чем идти», — заметил Хетцель.

«Что верно, то верно», — отозвалась Джаника.

Фургон катился с горных высот; юбайх сгорбился в мрачном молчании. Внезапно вождь поднял голову и разразился многосложными свистящими фразами. Хетцель взглянул на ленту автомата-переводчика: «С тех пор, как инопланетные твари прибыли на Маз, у нас все пошло кувырком! В старые добрые времена было гораздо лучше».

«У гомазов дела все еще идут неплохо, — возразил Хетцель. — Если бы вы не вздумали завоевывать Вселенную, вас не пришлось бы теперь

контролировать».

«Тебе легко говорить, — ответил юбайх. — Мы — завоеватели, таков наш образ жизни. Мы подчиняемся внутренним велениям».

«Мы защищаемся по той же причине. Скажи спасибо, что мы не уничтожили всех гомазов до единого. Лиссы собирались так и сделать. Но люди — не безжалостные убийцы. Именно поэтому мне нужна твоя помощь. Необходимо установить, кто убил триархов».

«Нет ничего проще».

«Кто же, в таком случае, убийца?»

«Человек».

«Какой человек?»

«Не знаю».

«Тогда откуда ты знаешь, что это был человек?»

«Я могу это наглядно доказать, после чего у меня больше не будет перед тобой никаких обязательств. Больше не о чем говорить».

Воины-кзыки вдруг разразились возбужденным визгом. Хетцель привстал, чтобы узнать, в чем дело, но увидел только склоны Шимкиша и серую каменистую степь впереди. Кзыки принялись погонять тягловых червей; фургоны, подскакивая и переваливаясь с боку на бок, быст-

рее покатились вниз по тропе. Гигантские черви горбились и распрямлялись, сокращались и разжимались, передвигая фургоны ритмичными толчками.

Хетцель спросил, говоря в микрофон автомата-переводчика: «Почему все всполошились?»

«Они разгадали замысел юбайхов».

«Какой замысел?»

«Вчера вечером мы притворились, что отправили штурмовой отряд через Шимкиш, чтобы выманить их самых… — тут автомат-переводчик на мгновение задержался и распечатал красными подчеркнутыми буквами слово „половозрелых“ —…бойцов подальше от цитадели кзыков в то время, как наши основные силы напали на их замок. Теперь кзыки поняли, что их надули. Они спешат защищать свою цитадель — это война третьей категории, на уничтожение».

Черви уставали, темп их сокращений замедлился. Бойцы-кзыки побежали вприпрыжку вперед, оставляя за собой вереницы облачков пыли, и вскоре скрылись из вида среди мшистых кочек, слегка оживлявших пейзаж в этом районе предгорья.

К полудню фургон остановился в оазисе, у мутного пруда, окруженного рощицей ветошных

деревьев и редкими угнетенными галангалами. С юга дул порывистый ветер, заставлявший похлопывать черные обрывки, заменявшие деревьям листву; стебли галангалов с треском сталкивались, производя нарастающий волнами прерывистый шум. Хетцель и Джаника спрыгнули с фургона и приблизились к пруду. На прибрежной грязи отпечатались сотни мелких глубоких следов — вчера вечером здесь собрались на водопой икссены.

Хетцель и Джаника брезгливо прошлись по краю пруда. У них пересохло в горле, но от пруда исходил отвратительный сладковато-гниловатый запах. Погонщиков-кзыков запах нисколько не смущал — они бросились в воду и стали с наслаждением плескаться, впитывая и всасывая грязную жидкость, дополнительно взбаламученную их телодвижениями. К ним присоединился вождь-юбайх. Хетцель взглянул на Джанику: «Ты очень хочешь пить?»

«Не настолько».

«Меня тоже не привлекает перспектива пробовать эту воду».

Фургоны покатились дальше на северо-запад. Предгорья Шимкиша кончились — во все стороны до самого горизонта простиралась плоская,

безжизненная каменистая степь.

Хетцель перебрался ближе к погонщику и спросил: «Где остановка аэробуса, которой пользуются кзыки?»

«Рядом с цитаделью».

«Подвези нас к этой остановке».

«Я понял твой приказ».

«Вы будете ехать ночью?»

«Да, но гораздо медленнее. Червям нужно отдохнуть».

«Когда мы прибудем к замку?»

«Завтра, после восхода солнца. Боюсь, мы не успеем принять участие в бою».

«Ничего, тебе еще представится случай доблестно погибнуть».

«Надеюсь».

Хетцель вернулся к Джанике: «Ночь придется провести в фургоне. Ты, конечно, проголодалась?»

«Когда я смотрю на то, что тут едят, у меня пропадает всякое желание утолять голод».

«Когда мы вернемся в Аксистиль, отобедаем на славу в „Бейранионе“ — закажем все, что тебе понравится, все самое лучшее».

«Это было бы неплохо».

Хетцель оценивающе поглядывал на юбайха —

вполне могло быть, что вождь собирался напасть в темноте ночи, надеясь приобрести оружие Хетцеля. Человек, скорее всего, так бы и поступил, но невозможно было предсказать, насколько такой план соответствовал психологии гомаза. В любом случае следовало сохранять бдительность.

Перед заходом солнца фургоны прибыли к еще одному почти пересохшему грязноватому озерцу. На этот раз Хетцелю и Джанике пришлось забыть о брезгливости — жажда заставила их напиться.

Солнце зашло; небо окрасилось несколькими размытыми полосами приглушенных тонов — лилового и яблочно-зеленого, переходящего в багровый мрак. Наступили долгие тусклые сумерки, а за ними — ночь. Вытащив лучемет, Хетцель держал его в руке, направив дуло на юбайха, хотя тот не проявлял никаких агрессивных намерений и даже не шевелился. Джаника задремала и спала, пока не взошла луна; разбуженная ее зелеными лучами, девушка вздрогнула и присела, широко открыв глаза и явно не понимая, как она очутилась в каком-то фургоне, шуршащем колесами но щебню степи Длинных Костей. Примерно час она несла вахту, пока Хетцель спал; фургоны резко остановились, и он проснулся. Какая-то громадная фигура, пропорциями

напоминавшая человеческую, стояла поодаль, озаренная лунным светом — существо высотой больше шести метров с белой костяной головой и твердой ороговевшей грудью, как у гомаза. Гигант что-то жалобно проверещал и вперевалку поплелся на юг. «Огр! — прошептала Джаника. — Я о них слышала, но никогда не думала, что мне приведется увидеть хотя бы одного. Говорят, они приходят в безудержную ярость, когда их что-нибудь раздражает».

Фургоны снова сдвинулись с места. Огромная зеленая луна поднималась по небосклону, наполняя пустынный пейзаж зловещей красотой. Хетцель снова задремал. Проснувшись, он обнаружил, что Джаника спит, положив голову ему на колени; юбайх оставался в прежнем положении.

Ночь подходила к концу; на востоке появился трепетный проблеск — словно кто-то включил фонарь глубоко под водой. В конце концов над грядой далеких холмов показалось солнце.

Кзыки снова принялись погонять червей; фургоны покатились быстрее, и через некоторое время по сторонам стали попадаться участки возделанной земли, где росли стручковые лозы и фруктовые кусты. Фургоны свернули на гравийную дорогу, постепенно поднимавшуюся

по склону холма. С гребня холма открылся вид на замок кзыков: великолепное сооружение, в плане напоминавшее четырехлистник, окруженное кольцом стройных остроконечных башен, соединенных с цитаделью высокими арочными переходами-контрфорсами. Юбайхи уже приступили к осаде: к югу и к западу от замка кипела бурная деятельность.

Поодаль, нечеткие в дымке расстояния, к небу тянулись четыре сооружения — нечто вроде высоких решетчатых мачт. Хетцель не мог угадать их предназначение. Осадные машины? Они казались слишком хрупкими для использования с такой целью, слишком высокими, готовыми вот-вот опрокинуться. Между мачтами и внешними оборонными укреплениями замка приливала и кружилась медленным вихрем сплошная масса бойцов — эти маневры тоже не поддавались объяснению с первого взгляда.

В подножии замкового холма находилась транспортная станция — сооружение, идентичное аэробусной остановке под цитаделью юбайхов.

Спускаясь с холма к станции, фургоны вдруг стали катиться бесшумно и легко по плотному лишайниковому дерну. Погонщики-кзыки не обращали внимания на армию юбайхов; так же

безучастно относился к происходившему и вождь юбайхов: тем самым они в полной мере демонстрировали свойство гомазов, на их свистящем языке называвшееся «кскскисш» — способность величественно и презрительно игнорировать обстоятельства, замечать которые было бы ниже гомазского достоинства.

Хетцель начинал что-то понимать в армейских маневрах по мере того, как целые взводы горделиво вышагивали, исполняя синхронный балет хвастливого вызова и агрессивной сексуальности, подобный тому, который Хетцель наблюдал на горном лугу Шимкиша. Каждое подразделение войска поочередно заявляло о себе таким образом, после чего возвращалось в тыл. Тем временем огромные решетчатые мачты переместили по каткам из окоренных бревен ближе к замку кзыков.

Фургон остановился у аэробусной остановки; Хетцель, Джаника и вождь юбайхов спустились на землю. Фургоны направились дальше, к цитадели кзыков, проезжая метрах в пятидесяти от позирующих воинов-юбайхов. И погонщики, и юбайхи игнорировали друг друга.

На фасаде примитивного аэровокзала висел плакат, испещренный красно-черными идео-

граммами, разработанными людьми с целью общения с гомазами. Джаника могла кое-как разобрать их смысл: «Нам повезло — так мне кажется. Аэробус прибывает в середине дня каждый второй день — и, если не ошибаюсь, сегодня как раз такой „второй день“. Который час?»

«Почти что полдень».

«Я чувствую себя так, будто бродила по горам несколько месяцев. Не скажу, что я сожалею о нашем приключении, но не откажусь снова воспользоваться благами цивилизации. Особенно хорошо было бы принять ванну».

«Я буду рад хотя бы вернуться живым, — согласился Хетцель. — К вящему разочарованию наших врагов».

«Врагов?»

«Их по меньшей мере двое. Один, практически без всякого сомнения — висфер Быррис или, как он представился Гидиону Дерби, Бангхарт. Кроме того, наше появление должно привести в уныние Казимира Вульдфаша».

«Ах да, таинственный Казимир Вульдфаш! Кто он такой?»

«Ему привелось стать зубчатым колесом в одном из самых невероятных механизмов сцепления случайностей в человеческой истории. Из

бесчисленных триллионов людей, населяющих Ойкумену, почему именно Казимир Вульдфаш должен был стать предметом расследования двух никак не связанных дел? Будет очень любопытно с ним побеседовать… Мне пришла в голову еще одна мысль. Если юбайхи уничтожат кзыков и сравняют с землей их роскошную цитадель, компания „Истагам“, тем самым, тоже будет уничтожена — в связи с чем мои обязанности на Мазе будут выполнены».

«И ты улетишь? Оставив беднягу Гидиона Дерби томиться в Прозрачной тюрьме?»

«Само собой, вопрос о его невиновности нуждается в разъяснении… Никак не могу понять, зачем юбайхам понадобились эти деревянные мачты? Надо полагать, это какие-то орудия нападения».

Огромные решетчатые сооружения разместили так, чтобы они образовали полукруг в пятидесяти метрах от периметра замка кзыков — теперь можно было видеть, что высотой они не уступали наружным башням цитадели. Ритуально марширующие взводы юбайхов построились неподвижными рядами. На парапетах замка молча выстроились столь же неподвижные кзыки.

Джаника поежилась: «Я, наверное, все-таки не телепатка, но… что-то происходит, что-то почти

осязаемое или слышимое… Как будто они беззвучно распевают или декламируют какую-то ужасную эпическую поэму».

«Смотри, юбайхи забираются на мачты!»

«Это летуны. Поднявшись на верхнюю площадку, они наденут крылья. Кзыки их ждут».

Кзыки вылетели первыми. Над парапетами, запущенная невидимой снизу катапультой, взмыла темная фигура, парящая на крыльях из черной пленки. Летун конвульсивно поджимал и распрямлял ноги, хлопая крыльями и одновременно поворачивая их руками. Описывая широкую дугу в воздухе, летун стал набирать высоту там, где западный ветер создавал восходящий поток, отражаясь от крепостной стены и круто поднимавшейся к ней изогнутой эстакады.

Еще один летун-кзык стремительно вознесся в небо, за ним другой, третий; вскоре уже семеро летунов кружили, поднимаясь в воздушном лифте над эстакадой.

Один из летунов сложил крылья и понесся вниз на командира взвода юбайхов. Из рядов бойцов-юбайхов послышался предупреждающий визг. Командир обернулся, оценивая угрозу. Схватив копье, он воткнул его древком в землю и направил острие на падающего крылатого кзыка — тот

расправил крылья, резко повернул в сторону восходящего потока и через некоторое время снова набрал высоту.

Летуны-юбайхи спрыгнули со своих мачт и тоже нырнули в восходящий поток воздуха; над парапетами замка состоялось несколько дуэлей — каждый из летунов пытался рассечь мечом тело противника или отрубить ему голову, но ни в коем случае не замахивался на уязвимые крылья. Время от времени пара летунов схватывалась вплотную, нанося друг другу режущие и колющие удары короткими мечами и в то же время падая медленно кувыркающимся, хлопающим крыльями переплетением рук и ног — иногда противники успевали разлететься в последний момент, а иногда не успевали.

Летуны-юбайхи спускались на парапеты кзыков, чтобы драться с защитниками цитадели; некоторые из них занимали позиции на переходах-контрфорсах, соединявших внешние башни с центральным донжоном, откуда кзыки пытались их сбросить.

Лихорадочная битва продолжалась уже час — кзыки отражали нападения юбайхов, лишайниковый дерн под крепостью покрылся сотнями трупов. Поднялся сильный ветер; летуны парили

и маневрировали в воздухе, поднимаясь на головокружительную высоту и набрасываясь оттуда на противников, как ястребы на добычу.

По небу побежали обрывки дождевых облаков; с запада надвигалась сверкающая молниями гряда черных туч. Резкие порывы ветра сдували терявших управление, кувыркавшихся вниз крылатых гомазов — других летунов больше не запускали. Бойцы-юбайхи поспешными зигзагами, как муравьи на ствол дерева, взбирались по контрфорсам и спрыгивали на парапеты. Кзыки, засевшие в наружных башнях, зацепили крюками и опрокинули решетчатые мачты юбайхов. На парапетах завязалась рукопашная бойня; в конечном счете всех добравшихся до парапетов юбайхов изрубили в куски и сбросили к подножию крепостной стены.

Из туч над головой вырвался сноп белого света, за ним другой, третий — разряды обрушились на цитадель, пробивая в ней дымящиеся проломы, откуда кзыки высыпали наружу, как взбудораженные насекомые.

Джаника ахнула: «Какие странные, ужасные молнии!»

С изумлением подняв голову, Хетцель смотрел на тучу, извергнувшую убийственные потоки

энергии. Краем глаза он заметил сбоку какое-то движение — над гребнем холма взмыл черный аэромобиль. Он выплюнул торпеду в тучу, после чего сразу метнулся в сторону и пропал за холмом.

Туча озарилась сполохами внутреннего оранжевого пламени; как мертвая птица, из нее выпал искореженный, обугленный корпус. Конструкция этого летательного аппарата была незнакома Хетцелю — он недоуменно повернулся к Джанике.

«Патрульный катер лиссов».

Внутри воздушного корабля лиссов сработали какие-то аварийные механизмы — из падающего корпуса вылетела и сразу круто повернула на запад каплеобразная капсула. Из кормы капсулы вырвался еще один сноп ослепительно-белого огня, на мгновение озаривший очертания темного аэромобиля, поднявшегося было из укрытия — искрящиеся радужными разрядами обломки аэромобиля рухнули за холмом. Капсула лиссов продолжала лететь на запад, но в ней что-то сломалось: она то и дело останавливалась в воздухе и снова продвигалась вперед судорожными толчками. В очередной раз остановившись, она повернулась носом вниз и, стремительно ускоряясь, зарылась в склоне холма.

Тем временем юбайхи и кзыки дрались с безоглядной отвагой отчаяния — ни о какой галантности, ни о каких церемонных ритуалах уже не было речи. Из цитадели хлынули сотни кзыков, в два раза превосходивших численностью нападающих юбайхов. Юбайхам пришлось отступить.

«Вот аэробус из Аксистиля», — полуобморочным голосом сообщила Джаника.

Пассажирский транспортер опустился из неба на оранжевую посадочную площадку. По трапу спустились два кзыка — тут же остановившись, они оценивали поле боя и полуразрушенный замок с безмятежным спокойствием критиков, разглядывающих театральные декорации.

Хетцель, Джаника и вождь юбайхов заняли места в аэробусе. Хетцель прошел вперед, чтобы поговорить с пилотом. Пилот поднял машину в воздух и, следуя указаниям Хетцеля, пролетел на небольшой высоте над гребнем холма. На дерне лежали дымящиеся останки аэромобиля. Аэробус опустился неподалеку; Хетцель и пилот спрыгнули на губчатый лишайник и подошли поближе к потрескивающей от жара груде металла. Между искореженными стойками кабины можно было разглядеть тело — неестественно перегнувшееся,

покрытое ожогами, но все еще вполне опознаваемое. Это был человек, с которым Хетцель никогда не встречался, но которого он хорошо знал. «Так расстался с жизнью Казимир Вульдфаш, — подвел итог Хетцель. Погиб, защищая от лиссов компанию „Истагам“».

Глава 12

Аэробус летел на север вдоль берега Зябкого океана, после чего, когда уже наступила ночь, повернул на юго-запад. Хетцель и Джаника дремали; вождь юбайхов сидел сурово и неподвижно. На рассвете транспортер прибыл на аэровокзал Аксистиля, в противоположном Трискелиону углу Пограничной площади. По трапу спустились четыре пассажира-гомаза, за ними вождь юбайхов и, в последнюю очередь, Хетцель и Джаника, едва волочившие ноги от усталости. «Цивилизация! — вздохнул Хетцель. — Аксистиль — паршивая дыра у черта на куличках, но сегодня я чувствую себя так, словно вернулся домой. Ты пойдешь завтракать в „Бейранион“. Под рукой будет твой старый приятель, Гидион Дерби».

Джаника скорчила гримаску: «Не хочу видеть

Гидиона. Мой пансион, „Розарий“, неподалеку. Прежде всего я приму горячую ванну, потом пойду уволюсь из туристического агентства, а потом брошусь в постель и просплю целый день. Надеюсь, Заресса не истратила всю горячую воду».

«Значит, увидимся вечером в „Бейранионе“?»

«Мы чудесно провели время. Увидимся вечером».

Хетцель смотрел ей вслед, пока она не свернула с площади, чтобы спуститься по проспекту Потерянных Душ.

Юбайх уже топал ногами и шипел — внушительное и устрашающее зрелище: пучеглазый череп в шлеме из литого чугуна с пятью острыми шипами на гребне, в черном нагруднике, инкрустированном гранеными чугунными бобышками, с болтающимся за спиной чугунным мечом. Хетцель произнес в микрофон автомата-переводчика: «Сегодня вся эта неприятная история закончится — к удовлетворению всех заинтересованных сторон, кроме убийц».

Автомат распечатал ответ юбайха: «Инопланетяне боятся собственной тени. Боятся смерти. Им неведом патриотизм». Слово «патриотизм» было напечатано красными подчеркнутыми буквами, что означало приблизительную передачу

смысла непереводимой идиомы. «Зачем столько беспокоиться по поводу нескольких убийств? — продолжал гомаз. — Тем более, что мертвецы не относятся к числу твоих соплеменников».

«Ситуация сложнее, чем ты себе представляешь, — возразил Хетцель. — Как бы то ни было, твоя роль во всем этом деле скоро будет выполнена, и ты сможешь вернуться в свою цитадель».

«Чем скорее, тем лучше. Пойдем же!»

«Придется подождать пару часов».

«Еще один пример ойкуменического легкомыслия! Всю ночь мы неслись по воздуху с умопомрачительной скоростью, чтобы прибыть в Аксистиль. А теперь ты мешкаешь. Гомазы откровенны и делают то, что говорят».

«Иногда задержки неизбежны. Я отведу тебя в знаменитый отель „Бейранион“, в роскошную цитадель обитателей Ойкумены, где я намерен вручить тебе пару подарков, чтобы выразить почтение и благодарность». Хетцель направился к отелю. Юбайх что-то раздраженно прошипел и пустился вслед за ним, звеня чугунными медалями, с такой угрожающей решительностью, что Хетцель испуганно оглянулся и отшатнулся. Заставив себя сохранять самообладание, однако, он отвернулся и повел своего чудовищного спут-

ника в «Бейранион», где, к его облегчению, еще никто не проснулся.

Испуская присвисты, очевидно выражавшие возмущение и отвращение, вождь юбайхов зашел в номера Хетцеля. Гидиона Дерби нигде не было видно, и Хетцеля это нисколько не удивило. В том психическом состоянии, в котором находился Дерби, от него можно было ожидать любых неожиданностей.

Хетцель указал на софу: «Отдохни, присядь на этот предмет мебели. Я решил предложить тебе несколько даров, в качестве возмещения за причиненные неудобства». Хетцель достал чемодан и вынул из него переносной фонарь и нож с лезвием из протеума — такой, какими пользовались десантники-штурмовики. Хетцель объяснил гомазу, как включать и выключать фонарь, и предупредил об опасности лезвия: «Будь очень осторожен! Лезвие невидимо: оно режет все, к чему прикасается. Ты можешь разрезать им свой чугунный меч, как стебель цветка».

Юбайх торжествующе защебетал. В распечатке автомата-переводчика значилось: «Это акт умиротворения, заслуживающий одобрения».

«Надо полагать, так гомазы выражают благодарность», — отметил про себя Хетцель. Вслух

он сказал: «Теперь я намерен помыться и переодеться. Сразу после этого мы займемся нашим делом».

«Мне не терпится скорее вернуться в лоно моего клана».

«Постараюсь свести к минимуму любые задержки. Отдыхай. Пожалуйста, не пробуй нож на мебели в этих помещениях. Не желаешь ли посмотреть книжку с картинками?»

«Не желаю».

Выкупавшись, Хетцель надел чистую свежую одежду и вернулся в гостиную. Судя по всему, вождь юбайхов за все это время не сдвинулся с места. Хетцель спросил: «Требуются ли тебе пища или освежающий напиток?»

«Не требуются».

Хетцель опустился — почти упал — в мягкое кресло. Горячий душ производил снотворное действие — веки самопроизвольно смежались. Хетцель взглянул на часы: до тех пор, когда можно было ожидать появления сэра Эстевана Тристо в Трискелионе, оставался еще примерно час. Нагнувшись к микрофону автомата-переводчика, Хетцель спросил: «Почему юбайхи развязали „войну ненависти“ с кзыками?»

«Кзыки снюхались с людьми из Ойкумены. Они

согласились на унизительное сотрудничество в обмен на поставки „человеческих штуковин“, — это непереводимое выражение было распечатано красными буквами, — и люди учат их изготовлять лучевое оружие. Через пять лет непобедимые орды кзыков смогут повелевать всем Мазом, их детеныши станут носить лучеметы, летать, как горгульи, и уничтожать наше потомство. Кзыки завладеют всем нашим миром, если юбайхи не уничтожат их сегодня же — сами или в союзе с другими кланами, верными древним традициям».

«А „человеческие штуковины“ вы, конечно, оставите себе?»

«Врагу не подобает знать обо всем. Я разболтал достаточно».

Хетцель откинулся на спинку кресла. Где пропадал Гидион Дерби? Если лиссы или олефракты установили его личность — при том, что, по словам сэра Эстевана, им было известно все происходившее в Трискелионе и в отеле «Бейранион» — появившись в Собачьей слободе, Дерби мог нарваться на неприятности. Неприятности могли ожидать его даже в отеле, ни в коей мере не гарантировавшем неуязвимость постояльцев — как Хетцелю пришлось испытать на собствен-

ной шкуре. Дерби могли усыпить газом и уволочь туда, откуда никто не возвращался.

Зазвенел телефон. Хетцель выскочил из кресла и прикоснулся к кнопке приема: с экрана выглянуло лицо Джаники — лицо, изможденное усталостью и побледневшее от ужаса: «Висфера Быррис убили! Здесь побывали грабители!»

«Откуда ты звонишь?»

«Я в агентстве».

«Что ты там делаешь?»

«Я пришла, чтобы уволиться. Хочу уехать из Аксистиля. Мне уже плевать на деньги, а висфер Быррис лежит, мертвый, на полу!» — ее голос дрожал и срывался.

Хетцель ненадолго задумался: «Как его убили?»

«Понятия не имею».

«Откуда ты знаешь, что в этом виноваты грабители?»

«Сейф открыт. Его кошелек, пустой, валяется на полу».

«И не осталось никаких денег?»

«Насколько я вижу, никаких. Что мне делать?»

«Думаю, что лучше всего позвонить приставу Собачьей слободы. Что еще тут можно сделать?»

«Я не хочу ввязываться в эту историю. Не хочу

отвечать на вопросы. Я хочу убежать отсюда и улететь с этой планеты, вот и все!»

«Старик в лавке редкостей, конечно же, видел, как ты зашла в агентство. Если ты не сообщишь об убийстве в полицию, подумают, что ты замешана в преступлении. Позвони приставу и скажи правду. Тебе нечего скрывать».

«Верно. Хорошо. Хотела бы я, чтобы ты представлял мои интересы, а не интересы Гидиона Дерби».

«Я закончу расследование дела Дерби через несколько часов — и расследование компании „Истагам“ тоже. По меньшей мере надеюсь, что сегодня все кончится. После этого я смогу посвятить тебе все свое внимание».

«Если меня не бросят в кутузку Собачьей слободы».

«Я позвоню тебе, как только выйду из Трискелиона. Если тебя не будет ни дома, ни в агентстве, загляну в кутузку. Тебе лучше всего сразу позвонить в полицию, не откладывай».

Джаника уныло кивнула, экран погас. Обернувшись, Хетцель увидел, как в гостиную заходит Гидион Дерби. Молодой человек остановился в некотором замешательстве, переводя насмешливый взгляд с Хетцеля на юбайха и обратно.

«Кто это? — спросил Дерби. — Новый клиент?»

Хетцель ничего не ответил. Дерби сделал пару шагов — Хетцель не мог не заметить, что юноша порозовел от возбуждения, будто в нем переливала через край какая-то невысказанная эмоция. Гордость? Торжество? Хетцель угрюмо спросил: «Сколько ты у него взял?»

Дерби слегка отшатнулся, словно наткнувшись на невидимую преграду: «У кого?»

«У Быррриса».

Уголки рта Гидиона Дерби слегка опустились, после чего растянулись в улыбке: «Вы хотите сказать — у Бангхарта».

«Как бы его ни звали».

«Вас беспокоит ваш гонорар?»

«Нисколько».

«Может быть, вам следовало бы побеспокоиться. От вас практически нет никакого толку».

«Прежде всего, — возразил Хетцель, — я выслушал твою историю. Во-вторых, я не позволил Эолусу Шульту отдать тебя в руки капитана Боу. В-третьих, я нашел и привез свидетеля убийств». Хетцель кивком указал на юбайха: «Если ты невиновен, его показания это подтвердят. Так что мне придется снова спросить: сколько ты взял у Быррриса — или у Бангхарта?»

«В конце концов это не ваше дело! — упорствовал Дерби. — Сколько бы я ни взял, он мне должен».

«Заработная плата работницы, обслуживающей приемную агентства — две тысячи СЕРСов. Еще тысяча СЕРСов причитается мне. Остальные деньги меня не интересуют».

Лицо Гидиона Дерби помрачнело: «Не так уж много и останется после всех ваших вычетов. А что получу я, после всего, что со мной сотворили? Не забывайте, я тоже понес ущерб!»

«Излишне было бы тебе напоминать, — язвительно парировал Хетцель, — о том, что понесенный тобой „ущерб“ сводится к тому, что тебе не заплатили за контрабандную деятельность? А также о том, что ты только что убил человека, чтобы отобрать у него деньги?»

«Я никого не убивал! — резко отозвался Дерби. — Я прогуливался по улице и заглянул в туристическое агентство. А там сидит, представьте себе, не кто иной, как Бангхарт! Естественно, я завалился к нему — слово за слово… Он выхватил лучемет, но я успел свернуть ему шею. Я его одолел и взял все деньги, какие у него были».

Хетцель ждал.

Дерби неохотно произнес: «У него в кошельке

было чуть больше пяти тысяч».

Хетцель ждал.

Что-то прорычав себе под нос, Дерби вынул кошелек, отсчитал банкноты и бросил их на стол: «Вот три тысячи. Заплатите его помощнице. Остальное — ваш гонорар».

«Спасибо, — кивнул Хетцель. — Теперь сэр Эстеван, наверное, уже прибыл в Трискелион, и мы можем приступить к выяснению обстоятельств преступления, в котором тебя обвиняют».

Хетцель подошел к телефону и пробежался пальцами по кнопкам. Экран украсился нежным, как лепестки чайной розы, личиком Зарессы Люрлинг. Хетцель услышал, как Дерби что-то изумленно пробормотал, как только увидел секретаршу.

«Пожалуйста, соедините меня с сэром Эстеваном».

Лицо Зарессы стало профессионально непроницаемым: «Сэр Эстеван занят и сегодня не принимает».

«Скажите ему, что с ним желает поговорить висфер Хетцель. Скажите, что юбайх, присутствовавший в зале заседаний, когда были совершены убийства, находится в Аксистиле и согласился предоставить требуемую информацию».

Губы Зарессы неуверенно покривились: «Мне не положено беспокоить триарха — почему бы не обсудить этот вопрос попозже, с капитаном Боу?»

«Барышня, — нетерпеливо прервал ее Хетцель, — я звоню по требованию самого сэра Эстевана. Немедленно свяжите меня с ним!»

«Сейчас я никак не могу его прерывать. Он совещается с капитаном Боу».

«Придется его прервать, потому что я сию минуту отправлюсь в Трискелион в сопровождении Гидиона Дерби и вождя юбайхов. Мы прибудем через пять минут, и сэр Эстеван непременно нас сразу же примет». Хетцель выключил телефон и тяжело вздохнул: «Никогда не сталкивался с таким упрямством! Кто она такая, микронный автомат? Или сэр Эстеван ее избивает, когда она делает что-нибудь не так? Возникает впечатление, что она твердо намерена изолировать Эстевана Тристо от любого соприкосновения с действительностью. Или она просто дура?»

«Я видел эту девушку раньше, — напряженно, глухо произнес Гидион Дерби. — Несколько раз, когда меня держали взаперти, я просыпался и замечал девушку, ползающую голышом на четвереньках. Это была она».

«Неужели? — почесал в затылке Хетцель. — Почему ты так в этом уверен? Кажется, ты говорил, что на ней была маска — или полумаска?»

«Все равно я ее помню!» — настаивал Дерби.

Хетцель раздраженно хмыкнул: «Вот еще! Нам не хватало лишних осложнений».

«Это не обязательно осложнение».

«Может быть, нет. В конце концов, сэра Эстевана снимали у него на частной вилле — конечно, этим занимался Быррис… Что ж, пойдем, займемся главным делом».

Дерби задумчиво поглаживал подбородок: «Пожалуй, мне лучше здесь подождать, пока все не утрясется. Не хотел бы рисковать, встречаясь с капитаном Боу».

«Если ты невиновен, тебе не о чем беспокоиться».

«О, я невиновен, в этом можете не сомневаться».

«Тогда тебе придется пойти с нами. Я хотел бы воссоздать в точности условия, возникшие на заседании…»

«Розыгрыш?»

«Да, своего рода розыгрыш».

Дерби пожал плечами: «Будь по-вашему. Если капитан Боу запрет меня в Прозрачной тюрьме,

вам придется меня оттуда вызволять». Молодой человек направился к выходной двери. Хетцель догнал его двумя быстрыми шагами, схватил его за шею сзади одной рукой, а другой пошарил у него в поясной сумке и вытащил лучемет. Дерби вырвался; его лицо исказилось яростью, он уже бросился было на Хетцеля, но отступил, увидев дерзкое лицо детектива с презрительно опущенными уголками рта, встретившись взглядом с холодными, прозрачно-серыми глазами и заметив небрежно направленное в его сторону дуло лучемета.

«Всего лишь хотел убедиться в том, что я, а не ты, буду контролировать ситуацию, — вежливо сказал Хетцель. — А теперь пойдем».

Глава 13

Хетцель, Дерби и вождь юбайхов пересекли серебристо-серую Пограничную площадь. Солнце сияло в зеленом небе уже на полпути к зениту; день казался необычно ясным, и все эксцентрические причуды архитекторов Трискелиона были налицо.

Висфера Фелиус и висфер Кайл прилежно исполняли обязанности за прилавком справочного

бюро. При виде Гидиона Дерби и юбайха висфера Фелиус отшатнулась, выпучила глаза и задрожала, широко раскрыв рот. Хетцель направился прямо к кабинету сэра Эстевана. Висфера Фелиус что-то возмущенно воскликнула, но Хетцель не обратил на нее внимания.

Сэр Эстеван собственной персоной стоял в приемной управления у стола секретарши, положив руку ей на плечо. Лицо Зарессы покраснело, у нее были заплаканные глаза. Судя по всему, сэр Эстеван ее утешал. Обернувшись, он взглянул на Хетцеля без малейшей симпатии: «Не могу смотреть сквозь пальцы на тот факт, что вы запугивали мою секретаршу».

«Она преувеличила масштабы моего проступка, — ответил Хетцель. — Я всего лишь настаивал на своем праве встретиться с вами безотлагательно. Со мной юбайх — свидетель убийств, и Гидион Дерби, также находившийся тогда в зале заседаний. Надеюсь, теперь мы сможем выяснить, что в самом деле произошло в тот памятный день».

Судя по всему, замечания Хетцеля мало интересовали сэра Эстевана: «Честно говоря, мне наскучила вся эта история. В той мере, в какой это касается меня лично, дело об убийстве пришельцев и гомазов можно отложить в долгий ящик».

Из груди Гидиона Дерби вырвался взрыв дикого хохота: «Я не желаю, чтобы меня откладывали в долгий ящик! Вы меня обвинили и послали своего дрессированного расфуфыренного борова меня арестовывать — так что давайте-ка лучше послушаем, что нам расскажет свидетель!»

Сэр Эстеван взглянул на Дерби без всякого выражения, после чего повернулся к Хетцелю: «Мне только что сообщили, что висфер Быррис убит. Что вам об н ом известно?»

«Я — частный детектив, — сказал Хетцель. — Если вы хотите, чтобы я провел расследование, я мог бы вам помочь, в зависимости от того, какой гонорар вы мне предложите. Висфер Дерби нанял меня для того, чтобы я выяснил фактические обстоятельства убийств, имевших место в Трискелионе, и в данный момент меня интересует исключительно это дело. Предлагаю вызвать капитана Боу. После этого мы соберемся в зале заседаний и позволим юбайху указать, кто стрелял и откуда».

Сэр Эстеван безразлично пожал плечами: «Меня нисколько не привлекает перспектива участия в подобных демонстрациях. Потерпевшие стороны — лиссы и олефракты. Демонстрируйте ваши свидетельства и фактические обстоятельства

пришельцам, а не мне».

«В таком случае, — воскликнул Дерби, — почему вы послали капитана Боу меня арестовывать?»

«Капитан пожелал вас задержать по собственной инициативе».

«Насколько я понимаю ситуацию, — вмешался Хетцель, — триархов лиссов и олефрактов убили потому, что они собирались выслушать жалобу на компанию „Истагам“, на основании каковой жалобы они были готовы принять решительные меры. Учитывая обстоятельства попытки задержания Гидиона Дерби и ваше нежелание расследовать это дело, я вынужден сделать вывод, что у Гидиона Дерби есть все основания для возбуждения судебного иска. Если вы не согласитесь сотрудничать здесь и сейчас, возникнет впечатление, что вы стремитесь выгородить компанию „Истагам“, предположительно потому, что ее незаконные операции приносили вам прибыль».

«Абсолютная ложь! — заявил сэр Эстеван Тристо. — Как я уже упоминал, кажется, „Истагам“ — альтруистическое бесприбыльное предприятие, сформированное висфером Быррисом. Вместо того, чтобы уничтожать друг друга, гомазы заняты продуктивным трудом; взамен они

получают начатки знаний, необходимых для поддержания цивилизованного образа жизни. Прибыли компании „Истагам“ затрачены на строительство великолепных гостиниц туристического агентства. Ни мне, ни висферу Быррису нечего стыдиться».

«Не стал бы на вашем месте выражаться с такой уверенностью, — звенящим голосом отозвался Гидион Дерби. — Кто опрокинул мне на голову ночной горшок? Вы что, думаете, я забыл? Ничего я не забыл! Если бы у меня была такая возможность, я проделал бы то же самое с вами!»

Холодно усмехнувшись, сэр Эстеван хрюкнул: «Настоятельно рекомендую вам выражаться в пределах общепринятых правил хорошего тона. Вы находитесь в юрисдикции Триархии. Мне ничего не стоит выдать вас лиссам и олефрактам, после чего вы сможете говорить им нахальные дерзости столько, сколько вам заблагорассудится».

«Несомненно, это стало бы превышением ваших должностных полномочий, — возразил Хетцель. — Либо вы, в качестве ойкуменического триарха, являетесь потерпевшей стороной, или вы не являетесь потерпевшей стороной. Вы не можете занимать обе позиции одновременно. А

если вы — потерпевшая сторона, у вас нет никакого права чинить препятствия или причинять неудобства висферу Дерби».

«По меньшей мере, — заявил сэр Эстеван, — представительство Ойкумены было поставлено в исключительно неудобное положение: мы потеряли лицо, наша репутация подорвана. Как минимум, у меня есть основания считать, что Дерби покушался на мою жизнь».

«Голословный домысел!»

«Капитан Боу засвидетельствовал происходившее».

«Предположим, исключительно в качестве гипотетической версии, что капитан Боу сам застрелил триархов. Разумеется, после этого он попытался бы свалить вину на Гидиона Дерби, не так ли?»

«Смехотворно! — не сдавался сэр Эстеван. — Почему бы капитану понадобилось убивать пришельцев?»

«Тот же самый вопрос применим в отношении Дерби. Почему бы ему понадобилось убивать триархов?»

«Не могу сказать. Возможно, он просто свихнулся».

«Так что вы желаете арестовать сумасшедшего

и выдать его лиссам и олефрактам?»

Сэр Эстеван всем видом показывал, что ему наскучил этот спор: «Преступление — разновидность сумасшествия. Законы Ойкумены предусматривают наказание преступников. Следовательно, в соответствии с законами Ойкумены, сумасшедшие, совершающие преступления, подвергаются наказанию. В какой степени Дерби можно считать сумасшедшим? У меня нет ни малейшего представления. В данный момент он выглядит достаточно нормальным человеком».

«Капитан Боу тоже выглядит нормальным человеком. Вы тоже. Не сомневаюсь, что по представлениям гомазов, присутствующего юбайха тоже можно считать психически уравновешенным лицом».

«Что именно вы пытаетесь доказать?» — потребовал разъяснений сэр Эстеван.

«Предлагаю вам проявить предусмотрительность и учесть возможные последствия своих действий. Вы уже говорили с висфером Дерби? Вы уже знакомы с его изложением событий?»

«Нет. В конечном счете это несущественно. Факты неопровержимы».

«Висфер Дерби! — обратился к молодому человеку Хетцель. — Будьте добры, повторите сэру

Эстевану то, что вы мне рассказали».

Дерби упрямо покачал головой: «Пусть меня арестуют. Я все объясню в суде, и триарху придется изрядно попотеть».

«Если вы отказываетесь, рассказать о ваших злоключениях придется мне», — предупредил Хетцель.

«Делайте, что хотите — мне все равно».

«Настолько, насколько мне известно, — сказал Хетцель, — обстоятельства таковы». Он вкратце изложил сущность психологических пыток, которым подвергали молодого человека: «Совершенно очевидно, что висфер Дерби — жертва преступления, а не преступник. Остается вопрос: кто, фактически, является убийцей? Мы можем разгадать эту тайну за десять минут — и, на мой взгляд, это чрезвычайно важный вопрос».

«Важный — для кого? — холодно спросил сэр Эстеван. — Как я уже упомянул, я не являюсь потерпевшей стороной».

«Потерпевшая сторона — это я! — рявкнул Дерби. — Вполне может быть, что убийца — вы сами! Почему нет? Я приведу сюда ойкуменического судебного исполнителя и в его присутствии изложу все факты».

Сэр Эстеван фаталистически воздел руки к

потолку: «Хорошо, давайте с этим покончим!» Выглянув в вестибюль, он позвал капитана Боу, сердито обсуждавшего происходящее с висферой Фелиус. Все промаршировали в зал заседаний Триархии. Сэр Эстеван подошел к креслу ойкуменического триарха: «Капитан Боу, будьте любезны, расставьте присутствующих так, как они стояли в момент преступления».

«Хорошо. Юбайх стоял вот тут. Тут! Потрудись сделать пару шагов и встань на этом месте — вот, молодец! Я как раз заходил через сюда вместе с Дерби. Он остановился примерно вот тут, а я стал приближаться к столу сэра Эстевана. Когда у меня за спиной послышались выстрелы, я находился примерно здесь». Капитан обратился к триарху: «Это соответствует вашим воспоминаниям?»

«Да, — сэр Эстеван выглядел вялым и раздраженным. — Примерно соответствует».

«Так оно и было», — прибавил Дерби.

Хетцель обратился к вождю юбайхов с помощью автомата-переводчика: «Примерно так люди стояли, когда раздались выстрелы. Ты согласен?»

«Согласен», — напечатал автомат.

«Хорошо — в таком случае, кто стрелял?»

Хетцель прочел слова, появившиеся на ленте: «Он говорит, что не знает».

«Он не знает? Кажется, вы сказали, что он выступит со свидетельскими показаниями?»

Хетцель снова обратился к юбайху: «Пожалуйста, объясни свое замечание. Ты слышал выстрелы, ты видел, откуда стреляли — но не можешь назвать того, кто стрелял?»

«Стреляли оттуда», — юбайх показал на дверь, ведущую в частный кабинет сэра Эстевана. Автомат продолжал печатать: «Дверь открылась. Послышались выстрелы. Дверь закрылась. Я сообщил все, что мне известно. Теперь я вернусь в лоно клана юбайхов». Гомаз решительно вышел из зала.

Гидион Дерби испустил злорадный торжествующий клич. Он шагнул в сторону капитана Боу, но Хетцель встал у него на пути: «Твоя невиновность доказана. Ты свободен. Почему бы тебе не вернуться в Торп и не отдохнуть в спокойной обстановке? Тебе пришлось пережить такое, что другому в кошмарном сне не привидится».

Дерби ухмыльнулся: «Верно, именно так я и сделаю». Бросив последний взгляд на сэра Эстевана, молодой человек повернулся на каблуках и покинул зал заседаний.

«А теперь — исключительно из любопытства — позвольте поинтересоваться, кто находился

в вашем управлении?» — спросил триарха Хетцель.

«Когда я оттуда выходил, там никого не было».

«В таком случае обстоятельства указывают на то, что убийца — Заресса Люрлинг».

«Невозможно! Неужели вы можете себе представить, что она сделала за какую-то секунду четыре метких выстрела из лучемета, хладнокровно прицеливаясь то в одного, то в другого?»

Хетцель пожал плечами: «Мне приходилось видеть более невероятные вещи. У вас не было никаких подозрений на этот счет?»

Сэр Эстеван не ответил. Он смотрел на дверь, ведущую в его управление: «Полагаю, что придется довести это дело до неприятного конца». Он подошел к двери и отодвинул ее в сторону. Зарессы Люрлинг в приемной не было. За столом секретарши сидела висфера Фелиус: «Зарессе стало нехорошо, — сказала она. — Она попросила меня занять ее место и ушла домой».

Сэр Эстеван напряженно выпрямился и молчал. Хетцель спросил: «Висфера Фелиус, вы помните, что происходило непосредственно перед убийствами?»

«Конечно, помню».

«Заходил ли висфер Быррис — или кто-нибудь

другой — в управление сэра Эстевана?»

«Ни в коем случае! Тогда вообще больше никто не приходил, кроме вас и этого субъекта, Дерби».

«Благодарю вас. Думаю, что вам не следует здесь оставаться».

Висфера Фелиус обожгла Хетцеля негодующим взглядом и повернулась к триарху: «Сэр Эстеван, вы нуждаетесь в моих услугах?»

«Нет-нет, спасибо. Вы можете идти».

Висфера Фелиус надменно удалилась. Сэр Эстеван тяжело опустился на стул.

«Таким образом… — рассуждал Хетцель. — Либо Заресса стреляла сама, либо она впустила убийцу через ваш потайной вход. Какими побуждениями она при этом руководствовалась, можно только догадываться. В любом случае, она по меньшей мере сообщница убийцы — Вульдфаша или Быррриса. Подозреваю Вульдфаша; скорее всего, Заресса была в него влюблена».

«Да… — простонал сэр Эстеван. — Конечно… я подозревал, что так оно и было, но не хотел докапываться до сути дела».

«По-видимому, ваша заинтересованность делами Зарессы Люрлинг носит не совсем официальный характер».

«Это вас не касается».

«Будь по-вашему — мы не обязаны рассматривать это обстоятельство как относящееся к делу. Организатором преступления был Быррис. Он понимал, какие огромные прибыли могла принести компания „Истагам“, даже если бы она просуществовала недолго. Он понимал также, что рано или поздно его опасные замыслы эксплуатации гомазов встретят сопротивление как с вашей стороны, так и со стороны триархов, представляющих лиссов и олефрактов. Он готовился нейтрализовать оппозицию и с этой целью привез на Маз Гидиона Дерби. Для того, чтобы Дерби можно было подозревать в убийстве на правдоподобных основаниях, юноша должен был руководствоваться какими-то личными побуждениями, ему необходимо было внушить враждебность по отношению к вам — этим объясняется процесс промывания мозгов, призванный сделать Дерби психически неуравновешенным кандидатом в преступники. Не сомневаюсь, что этот процесс изрядно позабавил Быррис. Ему помогал в этом Казимир Вульдфаш, авантюры которого — материал для отдельного приключенческого романа.

В древнем замке клана Канитце Гидиона Дерби „кондиционировали“ — его мозг целенаправ-

ленно перегружали самыми разнообразными сумасшедшими событиями. Дерби *не был* сумасшедшим и нисколько не сомневался в реальности того, что с ним происходило. Но чем увереннее он утверждал, что эти события имели место, тем больше он производил впечатление сумасшедшего — любой судебный эксперт-психиатр объявил бы его невменяемым параноиком. Более того, детектор лжи подтвердил бы, что Дерби верит в реальность своих фантазий — в конце концов, эта аппаратура позволяет проверять лишь субъективное представление о реальности.

Итак — Быррис разработал хитроумный и сложный план, но этот план можно было приспосабливать к обстоятельствам по мере их изменения. Если бы кто-нибудь когда-нибудь решил пожаловаться на сделку компании „Истагам“ с гомазами, убийство триархов лиссов и олефрактов позволило бы этой компании продолжать свою деятельность еще один год — или, может быть, даже несколько лет. При этом сэру Эстевану была отведена роль триарха, едва избежавшего смерти от руки помешанного бродяги-параноика.

Но как быть с сэром Эстеваном? Каким-то об-

разом его нужно было заставить игнорировать незаконные операции „Истагама“. Сэр Эстеван — гордый и упрямый человек. Что могло бы его заставить? В таких случаях самое эффективное средство — шантаж. Были созданы условия, в которых сэра Эстевана можно было убедительно изобразить гнусным, низменным подонком-садистом. Если бы сэр Эстеван стал упираться или чинить препятствия, Быррис, находясь в полной безопасности на Окраине Собачьей слободы или на другой планете, мог опубликовать обстоятельства, окружавшие убийства, подтвердить действительность психологических пыток, которым подвергался Дерби, и заявить, что сэр Эстеван выступал его сообщником. *Вы*, сэр Эстеван, подвергали Дерби нелепым издевательствам, *вы* опрокинули ему на голову горшок с дерьмом, и *вы* стали бы предметом презрения и насмешек по всей Ойкумене, навсегда потеряв всякое достоинство и всякую репутацию. Поэтому вы были бессильны предпринять что-либо, чтобы воспрепятствовать планам Быррис».

Некоторое время лицо сэра Эстевана оставалось неподвижным, как маска — классически красивая маска с золотистыми кудрями, спускающимися на уши, с решительным выдающимся

подбородком. Хетцель мог только догадываться о том, что происходило под этой маской. Сэр Эстеван мог быть наделен утонченным и высокоразвитым мыслительным аппаратом — или же мог оказаться всего лишь туповатым напыщенным чиновником.

«Достопримечательное рассуждение! — холодно сказал триарх. — Вопреки вашим представлениям, однако, меня не слишком беспокоит перспектива оказаться „предметом насмешек и презрения“. Во-вторых, кзыки больше не стремятся к приобретению знаний; их не интересуют орфография и двойная бухгалтерия. Они хотят заполучить лучеметы, гравитационные отражатели и машины, позволяющие сравнять с землей цитадели враждебных им кланов, а Быррис, каковы бы ни были достоинства его хитроумного плана, не посмел удовлетворять подобные запросы».

«Быррис готов был предоставить кзыкам не менее дефицитный товар, — возразил Хетцель, а именно гормон половозрелости, „чир“. Он разгрузил на Мазе десятки контейнеров с этим веществом; если я не ошибаюсь, они теперь хранятся в цитадели Канитце. Для того, чтобы получить этот гормон, кзыки готовы работать не

покладая рук — „чир“ они ценят превыше всего во Вселенной. По сути дела, Быррис привез на Маз такую массу этого фермента, что, как я подозреваю, его хватило бы на формирование целой сети предприятий „Истагама“ на различных континентах. Через год или через пару лет подобной деятельности висфер Быррис мог бы удалиться на покой, будучи одним из самых богатых людей Ойкумены».

Сэр Эстеван отвернулся: «Не хочу больше ничего об этом слышать».

«Хотел бы знать — исключительно из любопытства: что вы намерены сделать с Зарессой Люрлинг?»

«Попрошу ее покинуть Маз на следующем пассажирском звездолете и никогда не возвращаться. Так как в конечном счете люди не стали жертвами ее преступления, я больше ничего не могу сделать — даже если бы у меня было такое желание».

Глава 14

Хетцель вернулся по мерцающему серому пространству Пограничной площади в отель «Бейранион». Его цели были достигнуты; он за-

работал существенный гонорар, но результаты расследования не принесли ему достаточного удовлетворения. Снова — так же, как десятки раз перед этим — он задумался о сомнительных качествах своей профессии. Если бы алчность, ненависть, похоть и жестокость внезапно исчезли из Вселенной, частный детектив оказался бы не у дел… Маз, несомненно, был на редкость безрадостным миром. Хетцель с нетерпением ждал того момента, когда эта планета начнет уменьшаться в иллюминаторе звездолета.

В ресторане «Бейраниона» он подкрепился легкой закуской, после чего направился к себе в номера и позвонил в космопорт. «Зантина», пакетбот компании «Корабли аргонавтов», вылетала из Аксистиля на следующий день; Хетцель зарезервировал каюту.

Налив себе сладкой настойки «Бальтранк», он добавил в бокал немного содовой воды. Хетцель не преминул заметить, что в его отсутствие Гидион Дерби неоднократно прикладывался к бутыли с настойкой. Что ж, почему нет? Угрюмый и упрямый парень, этот Дерби — злоключения не научили его ни мудрости, ни терпимости, ни щедрости. Так оно обычно и бывает. Трагедия вовсе не обязательно облагораживает человека;

мучения скорее подавляют, нежели укрепляют дух. В общем и в целом, Дерби следовало рассматривать как типичного «среднего» представителя человеческого рода. Хетцель решил, что у него не было и не могло быть особых претензий к Гидиону Дерби. Казимир Вульдфаш? Быррис? В данный момент Хетцель не испытывал сильных чувств по поводу этих авантюристов. Он подметил про себя, что его охватило редкое, исключительно равнодушное настроение. За объяснением, конечно, не приходилось далеко ходить: он устал физически и онемел эмоционально после событий в «Черноскальной» гостинице, в горах Шимкиш и в степи Длинных Костей. Здесь, развалившись в удобном кресле и потягивая сладкую настойку с газировкой, он уже вспоминал об этих событиях как о зыбких фантастических сновидениях.

Дверной звонок оповестил о прибытии посетителя. Раздвинув створки стенного шкафа, Хетцель взял с полки лучемет, после чего осторожно выглянул в окно. Визиты неожиданных посетителей по окончании расследований были нередко чреваты крупными неприятностями. Потихоньку, бочком, он приблизился к входной двери и прикоснулся к смотровому экрану: на нем появилось лицо сэра Эстевана Тристо.

Хетцель отодвинул дверь. Сэр Эстеван медленно зашел в гостиную. Хетцель не мог не заметить, что внешность триарха приобрела необычно удрученный, даже неопрятный характер. Кожа его стала серовато-бледной, золотистые волосы потускнели и словно увяли. Не ожидая приглашения, сэр Эстеван опустился в кресло. Хетцель налил еще один бокал настойки «Бальтранк» с содовой и протянул его триарху.

«Благодарю вас», — сэр Эстеван повертел жидкость в бокале, наблюдая за волнистыми переливами отраженного света. Подняв голову, он сказал: «Вы не знаете, зачем я пришел».

«Знаю. Вы хотите со мной поговорить».

Сэр Эстеван печально улыбнулся и попробовал настойку: «Совершенно верно. Как вы уже догадались, я был чрезвычайно увлечен Зарессой и поэтому нахожусь теперь в довольно-таки удрученном состоянии. Жизнь представляется мне бессмысленной и мрачной — да, беспросветно мрачной».

«Хорошо вас понимаю, — отозвался Хетцель. — Заресса — в высшей степени очаровательное создание».

Сэр Эстеван поставил бокал на стол: «Быррис встретил ее в Твиссельбейне на Тамаре — по-ви-

димому, в обстоятельствах, одно упоминание о которых вызывает у меня отвращение. Он отправил ее на Маз и порекомендовал мне устроить ее на работу. Я в нее влюбился; я назначил висферу Фелиус, раньше выполнявшую ее обязанности, начальницей справочного бюро, а Зарессу сделал личной секретаршей — и она быстро доказала свою незаменимость. Тем временем, конечно же, она все вынюхивала и выпытывала, сговорившись с мерзавцем Быррисом, — сэр Эстеван снова взял бокал и осушил его. — Но теперь я ей все прощаю, мне ее страшно жаль — она дорого заплатила за свой проступок».

«Как же так? Я думал, вы просто приказали ей покинуть Маз».

«Так я и сделал — таково и было ее намерение. Но мне следовало заранее сообщить вам, что лиссы и олефракты установили в управлении подслушивающие устройства. Они узнали об участии Зарессы в убийствах, как только об этом догадались мы. Заресса вернулась к себе в квартиру, чтобы упаковать вещи. У входа ее встретили два человека; ее посадили в машину и доставили лиссам. Девушка, на паях с которой Заресса снимала квартиру, все это видела и позвонила мне. Я настойчиво протестовал, но тщетно. Ее уже увез-

ли с Маза на звездолете лиссов. Теперь, сколько бы ей ни осталось жить, она больше никогда не увидит другое человеческое существо!»

Хетцель слегка поморщился. Оба сидели молча, разглядывая переливы разноцветных отражений в бокалах.

Сэр Эстеван удалился. Хетцель просидел еще несколько минут в молчаливом размышлении. Затем он позвонил в жилищный комплекс «Розарий». Джаники в квартире не было. Хетцель стал беспокоиться — что с ней случилось?

Но через пять минут она уже стояла за дверью его гостиничных апартаментов. Хетцель впустил ее. Глаза Джаники покраснели, лицо опухло от слез: «Ты слышал, что они сделали с Зарессой?»

Хетцель обнял ее за плечи и погладил по голове: «Сэр Эстеван мне рассказал».

«Я хочу улететь с Маза! И никогда сюда не возвращаться».

«Завтра вылетает пакетбот. Я зарезервировал места для себя и для тебя».

«Спасибо. А куда он летит?»

«А куда ты хотела бы направиться?»

«Не знаю. Куда угодно».

«Это легко устроить». Хетцель приподнял бутыль, некогда содержавшую настойку «Баль-

транк», но теперь опустевшую: «Не хочешь ли выпить чего-нибудь бодрящего? Мы можем присесть в саду, и официант принесет нам какой-нибудь коктейль».

«Это было бы неплохо. Мне нужно сполоснуть лицо — я выгляжу, как пугало огородное. Но как только я вспоминаю о Зарессе, мне хочется рыдать навзрыд».

Они сидели за столом в углу сада, откуда можно было видеть, как спускалось по небосклону мерцающее зеркальце солнца. С другой стороны сумрачной Пограничной площади темнели очертания Трискелиона. «Ужасный мир! — жаловалась Джаника. — Никогда его не забуду. Я больше никогда не буду веселой и беззаботной. Ты знаешь? Быррис вполне мог бы заставить меня делать то, что он заставил делать Зарессу. Откуда она знала, что Казимир собирался застрелить триархов?»

«Вот как... Значит, Быррис так-таки не был убийцей?»

Джаника презрительно рассмеялась: «Он ни за что не стал бы так рисковать. И Зарессa никогда не открыла бы ему дверь. Но для Казимира она была готова сделать все, что угодно. Она за ним волочилась еще в Твиссельбейне. Но он предпо-

читал меня, а я его терпеть не могла. Так что и Казимир, и Заресса меня ненавидели».

«Как ни странно, именно Казимир Вульдфаш несет ответственность за мое прибытие на Маз».

«Почему? Как это может быть?»

«Сначала я думал, что это невероятное совпадение, но теперь…»

Послышались шаги — по садовой тропинке приближался Гидион Дерби. Изумленно ахнув, он остановился, глядя на Джанику выпученными глазами: «А ты что тут делаешь?»

Глава 15

Как прежде, сэр Айвон Просекант принимал Хетцеля на террасе усадьбы в Харте. К тому времени Хетцель уже представил краткий отчет по телефону, и манеры сэра Айвона были гораздо дружелюбнее, чем в прошлый раз.

Хетцель изложил подробности своего расследования и вручил клиенту счет за расходы. Взглянув на счет, сэр Айвон желчно усмехнулся: «Вот это да! Вы себя не жалеете!»

«Скупиться не было необходимости, — пояснил Хетцель. — Я проводил высококачественное расследование в исключительно сложных и опасных

условиях. Остается обсудить только один вопрос — премиальные, которые вы мне предложили за результативное решение порученной мне задачи. Компания „Истагам“ больше не существует — о более результативном решении проблемы вы не могли бы и мечтать».

Лицо сэра Айвона помрачнело: «Не вижу, почему бы потребовалась выплата еще большей суммы».

«Как вам будет угодно. Я могу заработать неплохие деньги, предложив к опубликованию в журнале „Микроника“ статью, посвященную возможностям формирования новой, лучше организованной компании „Истагам“. В конце концов, эксплуатация труда гомазов никогда не была незаконной и до сих пор не запрещена, а дешевый искусственный „чир“ производить очень просто».

Сэр Айвон устало вздохнул и вынул чековую книжку: «Тысячи СЕРСов должно быть достаточно — и я сделаю все необходимое для того, чтобы ввоз „чира“ на Маз объявили незаконной контрабандой».

«Две тысячи лучше соответствовали бы огромной сумме прибылей, которую ваша корпорация сохранила благодаря моему расследованию. Тем

не менее, я соглашусь принять от вас всего лишь полторы тысячи — учитывая тот факт, что, насколько мне известно, сэр Эстеван уже наложил эмбарго на импорт „чира“. Так или иначе…»

Сэр Айвон угрюмо выписал чек. Хетцель поблагодарил его, пожелал сэру Айвону крепкого здоровья и откланялся. Спустившись с террасы ко входу в усадьбу, он позвонил в колокольчик и, когда швейцар открыл дверь, попросил передать леди Бонвенуте, что он хотел бы обменяться с ней парой слов. Его провели в библиотеку, где вскоре появилась леди Бонвенута. Увидев Хетцеля, она остановилась и подняла брови: «Я вас слушаю?»

«Я — Майро Хетцель. Небезызвестная вам особа, некая мадам Икс, поручила мне конфиденциальное дело».

Леди Бонвенута прикоснулась к губам кончиком языка: «Боюсь, что я не знаю, о ком вы говорите».

«Ее чрезвычайно интересовало местонахождение человека благородной внешности по имени Казимир Вульдфаш, и я рад сообщить, что мне удалось в точности установить его местонахождение».

«Неужели?» — тон леди Бонвенуты стал ледянее прежнего.

«Прежде всего, я обязан уведомить вас о том, что Казимир Вульдфаш, воспользовавшись преимуществами своего знакомства с мадам Икс, похитил из портфеля сэра Айвона важные засекреченные документы. Для вас это, разумеется, неожиданная и очень неприятная новость».

«Да-да, разумеется. Но тогда… что ж, кажется, я припоминаю, о какой мадам Икс вы упомянули. Она хотела бы знать, где можно было бы найти Казимира Вульдфаша».

«Я получил соответствующую информацию в связи с проведением другого расследования, лишь косвенно связанного с запросом мадам Икс, и не потребую дополнительной платы за предоставление этих сведений — тем более, что Казимир Вульдфаш мертв».

«Мертв!» — леди Бонвенута на мгновение зажмурилась и сжала спинку кресла пальцами, украшенными кольцами с драгоценными камнями.

«Мертв, и ничто его не воскресит, — заверил ее Хетцель. — Я видел тело Казимира собственными глазами в окрестностях степи Длинных Костей, к северу от Аксистиля на планете Маз, где он представлял интересы конкурентов вашего супруга. Могу ли я задать вам один вопрос?»

«Вы меня удивили, я в шоке! Какой вопрос вы хотели задать?»

«В сущности, это пустяки. Кто кому рекомендовал мои услуги — вы что-то подсказали сэру Айвону, или это он заметил в разговоре с вами, что я слыву надежным и эффективным частным детективом?»

«Я слышала, как Айвон обсуждал ваши достоинства с кем-то из своих приятелей, и поэтому порекомендовала вас своей знакомой, мадам Икс».

«Благодарю вас, — сказал Хетцель. — Теперь последовательность событий восстановлена полностью. Передайте мадам Икс мои наилучшие пожелания. Надеюсь, что весть о кончине висфера Вульдфаша не слишком ее огорчит».

«Вряд ли. В конце концов, это была деловая связь, не более того. Я позвоню ей сию минуту. Всего хорошего, висфер Хетцель».

«До свидания, леди Бонвенута. Было очень приятно с вами познакомиться».

Книга II
Очередь Фрайцке
Глава 1

По прибытии в Кассандер на планете Фесс Хетцель остановился под псевдонимом в «Отеле всех миров». Приняв ванну и подкрепившись в ресторане, он сел перед экраном телефона и заказал защищенную линию связи, гарантировавшую отсутствие помех и прослушивания. Пробежавшись пальцами по клавишам, он произнес пароль, и на экране появилась его персональная эмблема: череп с Древом Жизни, растущим из одной глазницы. Его собственный голос произнес: «Управление Майро Хетцеля, частного детектива».

«Я хотел бы проконсультироваться с любым присутствующим работником управления», — сказал Хетцель, хотя он прекрасно знал, что «управление» представляло собой не более чем несколько абонентских номеров, зарегистрированных в коммуникационном центре Кассандера.

«В настоящее время в управлении никого

нет, — отозвался знакомый голос. — Майро Хетцель занят и не сможет ответить вам сразу. Пожалуйста, оставьте сообщение».

«Два-шесть-два-шесть. Говорит Майро Хетцель. Передать сообщения».

Пароль и результаты анализа речевых характеристик убедили систему связи в том, что инструкция поступила от самого Майро Хетцеля, после чего на экране появился перечень сообщений, полученных за то время, пока Хетцеля не было в Кассандере. Большинство записей носило тривиальный характер: две угрозы, три предупреждения, четыре требования заплатить различные суммы денег. Четыре сообщения, произнесенные нарочито приглушенными или измененными голосами либо состоявшие из бессвязных, почти неразборчивых фраз, нельзя было отнести к какой-либо общераспространенной категории, но именно к ним Хетцель прислушивался с особым вниманием, так как они содержали исповеди и признания настолько тревожные, что звонившие ему люди не могли говорить спокойно и рассудительно. Тем не менее, Хетцель не услышал ничего существенного или требовавшего безотлагательных мер.

Остальные семь сообщений представляли со-

бой запросы о предоставлении услуг. Ни одно из них не содержало каких-либо полезных подробных сведений. В трех использовались выражения типа «стоимость расследования не имеет значения» или «результаты важнее расходов». Хетцель подозревал, что некоторые потенциальные клиенты хотели, чтобы их избавили от шантажа — в прошлом ему неоднократно удавалось успешно решать эту задачу. Другие запросы невозможно было классифицировать с такой степенью определенности. Записав все, что могли сказать обращавшиеся к частному детективу лица, система связи одинаково отвечала каждому из них: «В настоящее время Майро Хетцель находится на другой планете. Если вам не ответят в течение трех суток, мы рекомендуем обратиться в детективно-исполнительную службу „Экстран“, добросовестность и профессиональная квалификация которой заслужили похвальные отзывы».

Последнее сообщение, загруженное в память системы, было получено почти точно три дня тому назад; именно оно вызвало у Хетцеля наибольший интерес. Он прослушал его снова: «Вы меня не знаете. Меня зовут Клент — Конвит Клент. Я живу на вилле Дандиль, это по дороге в Танджент, в окрестностях Юниса. Со мной случи-

лась исключительно неприятная история — по меньшей мере, она вызывает у меня большое беспокойство. Вам эта ситуация может показаться смехотворной. Скорее всего, я не позвонил бы вам, если бы ваше имя не было упомянуто в связи с неким Форенсом Дакром. Поспешу оговориться, что о вас упомянули вскользь, во время разговора на другую тему. Повторяю: интересующий меня вопрос имеет большое значение, и расходы, в разумных пределах, меня не затруднят. Мне известна ваша репутация, и я надеюсь, что вы сможете связаться со мной как можно скорее».

Хетцель тут же вызвал по телефону Конвита Клента, обитателя виллы Дандиль, приютившейся на склоне радующего глаз лесистого холма в пригороде Юниса.

На экране практически сразу появилось лицо Клента — кудрявого блондина, в повседневной жизни, вероятно, доброжелательного и щедрого, приятной наружности, с широким носом и квадратным подбородком. Лицо это, однако, осунулось и нахмурилось, а легко краснеющая кожа Клента приобрела нездоровый сероватый оттенок.

Хетцель представился: «Сожалею, что не мог ответить сразу. Я вернулся в город всего лишь час

тому назад».

На физиономии Клента отразилось явное облегчение: «Превосходно! Не могли бы вы меня навестить? Или вы предпочитаете встретиться в городе?»

«Одну минуту, — приподнял палец Хетцель. — Прежде всего я хотел бы что-нибудь узнать о вашем деле».

Клент прокашлялся, бросил взгляд через плечо и смущенно пробормотал: «Обсуждать это дело было бы неудобно в любых обстоятельствах. Вы помните Форенса Дакра?»

«Прекрасно помню».

«Вам известно, что он стал хирургом?»

«Я его не видел и ничего о нем не слышал с тех пор, как он покинул лицей».

«Значит, вы не знаете, где он находится теперь?»

«Нет».

Клент горестно вздохнул — скорее всего не в ответ на замечание Хетцеля, а потому, что подтвердились какие-то его собственные мрачные подозрения: «Если вы приедете на виллу Дандиль, я все подробно объясню, и вы поймете, почему мне пришлось вас побеспокоить».

«Хорошо, — сказал Хетцель, — сейчас же при-

еду. Должен предупредить, что размеры моего гонорара определяются субъективно, и что потребуется аванс, достаточный для покрытия разумных расходов».

Клента этот вопрос мало интересовал: «По этому поводу у нас не будет разногласий».

Как только экран погас, Хетцель позвонил в детективноисполнительную службу «Экстран», с которой у него давно сложились взаимовыгодные отношения, и ему предоставили сведения из архива «Экстрана». О Конвите Кленте работник службы отозвался как о не особенно примечательном, добропорядочном и состоятельном молодом человеке, яхтсмене-энтузиасте и дилетанте; он коллекционировал звездные камни[4], а в последнее время увлекался сложной твайрской кухней, которая приобрела заметную популярность среди чутко следящей за модами молодежи Кассандера. Совсем недавно он женился на красавице Пердре Ольруфф — из семьи, состоятельностью не уступавшей его собственной. В его личной жизни не было никаких скандалов, скрываемых родственниками правонарушений или даже проявлений безответственности; воз-

[4] notes: 4

Кристаллы, которые время от времени находят в шлаке погасших звезд.

никало впечатление, что Клент наслаждался безупречным и безопасным существованием благополучного бездельника, которому ничто не угрожало. На фотографиях красовался явно очень здоровый кудрявый блондин с привычной добродушной усмешкой на лице — Конвит Клент на фотографиях был тем же Конвитом Клентом, с которым только что говорил Хетцель, но в то же время отличался от него чем-то не поддающимся определению. Пердра Ольруфф, без всякого сомнения, была сногсшибательной красавицей: грациозная, темноволосая, она смотрела на все вокруг вопросительно-наивным взором, словно стремилась обнаружить некие глубинные тайны, ускользающие от всеобщего внимания. Пожалуй, ее отношение к жизни было несколько серьезнее мироощущения ее супруга.

Затем Хетцель попросил сообщить ему все, что было известно о Форенсе Дакре, но получил только скудные и отрывочные сведения. Доктор Дакр прибыл в Кассандер всего лишь два года тому назад, но сразу же приобрел репутацию блестящего и в высшей степени изобретательного хирурга. Хетцель мрачно усмехнулся. Форенс Дакр производил на других именно то впечатление, которое хотел произвести. И, учитывая

все обстоятельства, почему нет? Навыки Дакра, его самообладание и внушительный интеллект вполне позволяли ему сделать такую головокружительную карьеру.

В архиве детективной службы не содержались какие-либо подозрительные или зловещие данные, относившиеся к Форенсу Дакру. За два года, проведенные им в Кассандере, он стал чем-то вроде любимца местной элиты, и его услуги пользовались постоянным спросом. Он вращался примерно в тех же кругах, что и Клент; они неизбежно должны были познакомиться.

Хетцель поднялся из-за стола и переоделся в повседневный свободный темно-синий костюм с серыми оторочками. Спустившись в фойе отеля, он прикоснулся к кнопке у площадки с надписью «Отъезд». Створки капсулы разошлись в стороны, Хетцель зашел в нее, и створки плотно закрылись. Хетцель произнес в микрофон: «Вилла Дандиль, дорога на Танджент, Юнис». Капсула опустилась, сориентировалась и начала ускоряться. На настенных экранах мелькали более или менее правдоподобные изображения проносившихся мимо ландшафтов: сооружения центрального Кассандера из черненой стали и стекла, рощи Паркового пояса, разрозненные небольшие

пригородные кварталы, утопающие под сенью дымчатых деревьев, плотные широкие кроны сребролистов, цветущие квейны, ярко-голубые мимозы и кардамоны, сплошь покрывавшие Магнитные холмы, и, наконец, долина Юниса, где стали попадаться великолепные виллы.

По пути Хетцель вспоминал давно минувшие дни — имя «Форенс Дакр» пробудило в нем множество воспоминаний. С тех пор прошло столько лет, что он не хотел их считать. В юности Хетцель переселился с Земли, вместе с родителями, сначала на Шестую планету Альфераца, где его отец, инженер-строитель, проектировал Великий Триокеанский канал, а затем на Нероли, где его мать погибла во время бури в Лающей пустыне. Последовала еще дюжина переездов с непродолжительными остановками в местах, которые он уже почти не помнил. На Фессе его отец занял должность менеджера системы обслуживания Трепетной горы, и здесь, в Академии Трепетных Вод, юный Майро Хетцель получил так называемое «образование».

Майро Хетцель был необычным школьником: сильным, подвижным, умным. Не отличаясь ни особой замкнутостью, ни робостью, он, тем не менее, от природы не был общителен и с тру-

дом завязывал дружеские отношения. У отца он научился умению полагаться на себя и (как он надеялся) практическому здравому смыслу; от матери — чистокровной шотландки с острова Скай — Майро унаследовал влечение к явлениям трудноуловимым и таинственным. Вместо того, чтобы противоречить одно другому, эти два влияния действовали параллельно и даже (как считал Майро) синергически гармонировали.

Майро без особого труда преодолевал сложную учебную программу Академии Трепетных Вод и проводил время достаточно приятно. За год до выпуска в школе появился новый ученик: Форенс Дакр, лишь недавно прибывший с планеты Камбиаск, где, по словам Дакра, его отец, лорд Айслин Дакр, владел большим островом и повелевал сотнями людей. Форенс Дакр был очевидно достопримечательным молодым человеком: прекрасный, как Князь Тьмы, с блестящими шелковистыми черными волосами, с глазами, горевшими, как подсвеченные топазы, он был высок, силен, ловок и напряженно сосредоточен. Первенство в спортивных состязаниях давалось ему естественно, почти автоматически. В Академии Трепетных Вод, где практически каждый ученик демонстрировал выдающиеся достиже-

ния в той или иной области, такие способности не привлекали особого внимания, в связи с чем Форенс Дакр тренировался еще прилежнее, еще настойчивее, прилагая усилия, которые, по мнению многих его сверстников, не оправдывались обстоятельствами.

С академическими дисциплинами Форенс справлялся с презрительной легкостью, как если бы учебный материал был детской игрой — но опять же, его безукоризненная успеваемость не вызывала восхищения. Его единственным приятелем был, по сути дела, Майро Хетцель, отличавшийся достаточной терпимостью для того, чтобы забавляться выходками Дакра. Время от времени Майро советовал Форенсу скромность, любезность и простоту, но Дакр надменно отвергал подобные рекомендации: «Вот еще! Чепуха на постном масле! Люди уважают тебя настолько, насколько ты ценишь самого себя. Трусливую собаку пинают, и за дело!»

Майро Хетцель не видел необходимости спорить по этому поводу. Взгляды Форенса Дакра во многом соответствовали действительности и, в конце концов, учебные заведения нередко называли «социальными лабораториями» или «миром в миниатюре», где каждый учился опти-

мально использовать личные преимущества. Но способен ли был Форенс Дакр научиться такой оптимизации? Почтение сверстников, особенно в таком месте, как Академия Трепетных Вод, невозможно было заслужить насмешками или повелительными манерами; по сути дела, Майро не был уверен в том, каким именно образом можно было произвести наибольшее впечатление на одноклассников, и даже в том, стоило ли размышлять о возможном решении этого вопроса.

И Форенс, и Майро вступили в шахматный клуб. На турнире Майро обыграл Форенса, как ребенка. Когда Майро сказал «Мат!», Форенс поднял глаза-топазы и долго неподвижно смотрел на оппонента, целую минуту. Затем он приподнял руку, и Майро подумал, что Форенс собирается швырнуть шахматную доску через весь турнирный зал. «Повезет в следующий раз!» — поспешил оптимистически заверить противника Майро.

«В шахматах удача не играет никакой роли».

«Не сказал бы. Иногда хитроумный многоходовой замысел нарушается идиотским ходом противника. Разве это нельзя назвать удачей?»

«Можно. Но я не заметил никаких идиотских ходов с твоей стороны».

«Само собой. Я намеревался выиграть».

«Я тоже намеревался выиграть». Они пошли прогуляться по парку студенческого городка. На лице Форенса сменялись очевидные с первого взгляда выражения: замешательства, уныния и, в наконец, мрачного ледяного спокойствия.

Они растянулись на траве под корявыми ветвями дерева-перевертыша. «Таким образом, — заметил Форенс, — тебе осталось побить только Клоя Раута, и ты станешь чемпионом Академии».

Пожевывая травинку, Майро безразлично кивнул.

«Никак не могу понять, — пробормотал Форенс. — Так не должно быть».

Майро начал было говорить, после чего рассмеялся — тихим сдавленным смехом удивления и неожиданности: «Послушай, не можешь же ты, в самом деле, изменить порядок вещей одним усилием воли!»

«По этому поводу наши мнения расходятся, — заявил Форенс. — Хотя мое мировоззрение формулируется в терминах, которые плохо поддаются объяснению. По существу, оно заключается в следующем: я должен превосходить, потому что я превосхожу. Это уравнение с императивами по обеим сторонам знака равенства, и я рассматриваю его как основополагающий постулат своего

существования. Одно должно означать и неизбежно означает другое; другое должно означать и неизбежно означает первое. В этой системе, как в любой другой, наблюдаются следствия и градиенты изменений. Тому, кто превосходит всех, принадлежит все наилучшее: он приобретает власть, осуществляющую желания, наносящую позорное поражение врагам, предоставляющую преимущества богатства. Когда я сталкиваюсь с обстоятельством, вступающим в кажущееся противоречие с уравнением превосходства или намекающим на кажущийся изъян в логике моего мировоззрения, я вынужден внести поправку или уточнение — не в уравнение как таковое, которое в принципе обладает непреодолимой силой, но приводя его факторы в соответствие с переменными существования».

«Изъян может быть заложен в основной концепции, — лениво заметил Майро. — После чего вся система рассыпается, как карточный домик. В конце концов, другие люди тоже формулируют свои уравнения власти».

Форенс решительно покачал головой: «Я убежден в обратном. Мир — в моих руках. Мне надлежит лишь научиться правильному применению уравнения. Сегодня ты обыграл меня в шахматы,

что было бы невозможно, если бы я правильно использовал свою формулу!»

Рассуждения Дакра позабавили Майро, и он снова рассмеялся: «Единственный способ выиграть в шахматы заключается в том, чтобы играть лучше противника. Если мы сыграем матч из ста партий, я выиграю у тебя в девяносто пяти случаях, пока ты не изменишь свою стратегию. И знаешь, почему? Потому что ты делаешь слишком смелые ходы, надеясь преодолеть противника необдуманно дерзким натиском».

«Неправда, — холодно отозвался Дакр. — Я играю лучше тебя, и то, что ты смог нанести мне поражение — чистая случайность».

Майро пожал плечами: «Как хочешь. Я плевать хотел на „мировое превосходство“. Мой противник — не ты, а я сам».

«Прекрасно! — заключил Форенс. — Значит, ты признаёшь мое превосходство».

«Конечно, нет. Такие выводы, даже если бы в них была необходимость, могут делать только другие, независимо оценивая вещи со стороны. Но спорить по этому поводу бесполезно и абсурдно; давай поговорим о чем-нибудь другом».

«Нет. Ничего абсурдного в этом нет. Я могу тебя обыграть и докажу это, — Форенс вынул карман-

ные шахматы и положил их на траву. — Сыграем еще раз. Выбирай!» Дакр вытянул обе руки со сжатыми кулаками.

Майро взглянул на миниатюрную доску. На ней отсутствовали две черные пешки. Значит, Форенс держал в каждой руке по черной пешке? Майро взял белую пешку и сказал: «На этот раз выбирать будешь ты». Он тоже вытянул обе руки.

Поколебавшись несколько секунд, Форенс прикоснулся к правой руке Майро, в которой оказалась белая пешка, и они стали играть. Так же, как прежде, Дакр играл с пламенной сосредоточенностью, сверкая глазами-топазами. Вероятно, он учел замечания Майро, относившиеся к его стилю игры, так как теперь ходил осторожнее, хотя ограничения, навязанные предусмотрительностью, явно его возмущали. Едва сдерживая веселье, Майро приготовил противнику западню, прекрасно зная, что Форенс, в своем нетерпении, примет ее за чистую монету. И действительно, Дакр стремительно передвинул ладью поперек доски, чтобы загнать в угол черного слона. Майро тихонько поставил пешку на следующую клетку и тем самым лишил белую ладью возможности выбраться из того же угла. Форенс оценил взаимное расположение фигур, зевнул и потянулся.

Посмотрев по сторонам, он протянул руку: «Смотри-ка! Старина Сцанто торопится совершить еженедельный обряд омовения в озере! Почему он всегда надевает такой смехотворный купальный костюм?»

Майро мельком взглянул на бегущего трусцой студента и сразу вернулся к изучению шахматной позиции; в этот момент ладонь и кисть Форенса закрывали угол доски. Форенс передвинул слона: «Шах!» Ладья была спасена. «Ага! — подумал Майро. — Уравнение власти контролирует не только космос, но и правила шахматной игры». Он решил больше не отрывать глаз от фигур.

Сделав еще пару ходов, Майро заметил возможность неожиданно выигрышной комбинации в том самом углу доски, который охранял его слон прежде, чем Форенс отвлек его внимание и незаметно удалил черную пешку. Сохраняя полностью бесстрастное выражение лица, Майро передвинул фигуру. Форенс защитился от угрозы. Майро сделал следующий ход: «Шах!» А затем, после вынужденного ответа противника: «Мат!»

Форенс осторожно положил миниатюрную доску в карман. «Давай бороться!» — неожиданно предложил он.

Майро покачал головой: «Сегодня слишком

жарко для таких упражнений. И к чему нам бороться? Если я уложу тебя на обе лопатки, я нанесу ущерб твоему самомнению. Если победишь ты, это только усугубит твою убежденность в мистическом превосходстве, что не пойдет тебе на пользу».

«Все равно тебе придется бороться. Готовься!» — Дакр напал, и Майро, с отвращением вздохнув, был вынужден защищаться. Будучи примерно одного роста и веса, молодые люди не уступали друг другу быстротой реакции и навыками борьбы. Форенс дрался с яростью фанатика, затрачивая в два раза больше усилий, чем Майро, всего лишь уклонявшийся от захватов противника, пока Форенс на мгновение не потерял равновесие. Майро тут же схватил его, повалил на землю и уселся на Дакре, прижимая его плечи к траве. «Видишь? Никаких проблем! — весело сказал Майро. — Тебе придется ввести в свою формулу корректирующий коэффициент: она больше не работает». Поднявшись на ноги, он прибавил: «Забудем обо всей этой скучной ерунде».

Форенс встал на колени и медленно поднялся во весь рост. Внезапно он разбежался и толкнул Майро изо всех сил — так, что Хетцель ударился головой об кряжистый ствол дерева-переверты-

ша. Испуганный болью и оглушенный, Майро, пошатываясь, сделал несколько шагов в сторону. Форенс Дакр набросился ему на спину и повалил на землю. Перед глазами Майро расплывались красные круги. Словно сквозь толстый слой ваты, он услышал голос Форенса: «Теперь ты понял, как глубоко заблуждаешься? Теперь ты понял?» С этими словами Дакр пнул Майро в шею.

Глава 2

Двери капсулы раскрылись; Хетцель выступил на площадку подземной приемной, выложенную арабесками из белой и голубой плитки. С одной стороны из пасти грифона в широкую чашу журчащей струйкой текла вода; панно в алькове за чашей изображало английский парк. С другой стороны дверь вела во внутренние помещения виллы. Прозвучал голос: «Кто меня беспокоит?»

«Майро Хетцель».

Прошло несколько секунд — хозяин виллы изучал изображение Хетцеля на экране — после чего тот же голос пригласил: «Пожалуйста, проходите!»

Дверь отодвинулась в сторону; Хетцель сделал шаг вперед и встал на пластине, поднявшей его

на первый этаж. Здесь его ожидал Конвит Клент: человек на вершок выше Хетцеля и килограммов на десять тяжелее, в мягком зеленом костюме и темно-зеленых сандалиях. Он сутулился и явно нервничал, а его кожа, как уже заметил раньше Хетцель, приобрела нездоровый сероватый оттенок. В нем трудно было узнать бодрого блондина-яхтсмена с фотографий, сделанных пару лет тому назад.

Клент искренне стремился выразить благодарность: «Чрезвычайно обязан за то, что вы согласились прибыть безотлагательно, кстулль[5] Хетцель. Мне доставляет огромное облегчение вас видеть».

«Надеюсь, что смогу вам помочь, — отозвался Хетцель. — Хотя должен напомнить, что я еще даже не знаю, чего вы от меня хотите».

Клент разразился странным истерическим смехом: «Я мог бы все объяснить одним словом — или в двух словах — но вы подумаете, что я сошел с ума. Заходите ко мне в кабинет. Моя жена навещает друзей, нам никто не помешает». Он провел Хетцеля через светлый просторный

---

[5] notes: 5

Кстулль: принятое в Кассандере и его окрестностях почтительное обращение, происходящее от слова «стлетто» — так космические пираты называли в древности своего капитана.

вестибюль, украшенный висячими папоротниками и порхающими цветами-мотыльками, в помещение с очаровательным интерьером в так называемом «архаическом лузитанском» стиле. Усадив Хетцеля в деревянное кресло с кожаной обивкой, Клент наполнил бокалы крепкой настойкой, после чего сам присел на диван. Сделав несколько жадных глотков, он с мрачной решительностью откинулся на спинку: «Сначала я обратился в детективное агентство Добора и попросил их установить местонахождение Форенса Дакра. Они сделали все, что смогли, но этого оказалось недостаточно. Изучая прошлое Дакра, они обнаружили, что вы учились с ним в одном классе, и кстулль Добор тут же порекомендовал мне связаться с вами. Надо полагать, его несколько раздражало отсутствие полной откровенности с моей стороны».

«Скорее всего у него просто не было никаких наводящих улик — или все его агенты были заняты. В чем заключается сущность вашей проблемы?»

Клент монотонно продолжал, больше не выражая никаких эмоций: «Я богат и занимаю видное положение в обществе. В молодости, естественно, я развлекался путешествиями и спортом; в гавани все еще стоит на якоре мой семнадцати-

метровый кеч — время от времени я выхожу в море под парусами и лавирую между Тенистыми островами или даже отваживаюсь пересекать Флориент по пути к Гесперидам. Довольно долго — много лет — я оставался холостяком, хотя не прочь проводить время с женщинами. У меня были мимолетные связи, но мне и в голову не приходило жениться, пока я не встретил Пердру Ольруфф в доме одного приятеля, — Конвит Клент горько рассмеялся. — Я с первого взгляда понял, что хочу провести с ней всю оставшуюся жизнь, хотя немедленно осуществить это намерение я не мог, так как она пришла в сопровождении блестящего и выдающегося хирурга, Форенса Дакра, явно испытывавшего к ней нежные чувства.

На следующий день мы вместе отобедали. Я спросил Пердру, значит ли что-либо для нее Форенс Дакр; ее ответ показался мне не то чтобы уклончивым — скорее исключительно сдержанным. Короче говоря, я узнал, что намерения Дакра мало отличались от моих, и что он ухаживал за ней настойчиво и пылко. Она не могла не принимать его всерьез: в конце концов, Дакр — человек выдающегося интеллекта и даже нечто вроде знаменитости. Тем не менее, по причинам, известным только ей, Пердра предпочла

меня. Наверное, со мной легче иметь дело. Мы договорились сыграть свадьбу. Пердра сообщила о нашем намерении доктору Дакру настолько обходительно, насколько это было возможно. Он сделал несколько подобающих случаю замечаний, и на этом, судя по всему, дело кончилось. На следующий день, однако, Дакр позвонил мне по телефону и предъявил самый невероятный ультиматум: по его словам, я должен был немедленно прекратить оказывать Пердре какое-либо внимание и никогда больше с ней не встречаться, так как он, Дакр, избрал ее спутницей жизни, каковое обстоятельство делало беспочвенными любые другие соображения. Когда я снова обрел дар речи, я послал его ко всем чертям. На это он спокойно повторил, что его предупреждение было единственным, первым и последним, и что, если я не выполню его указания, мне придется иметь дело с последствиями».

Клент помолчал, выпил еще настойки и снова откинулся на спинку дивана: «Не могу не признаться, он меня испугал. Пердре я ничего об этом не говорил и, разумеется, не имел ни малейшего намерения ее потерять. Вместо этого я предложил ей сыграть свадьбу поскорее, у меня на вилле Дандиль, вместо того, чтобы совершать

торжественный обряд в храме Баргерака, как предполагалось первоначально. Пердра не возражала; мы пригласили несколько ближайших друзей и родственников, и нас поженили. Сразу после этого мы вылетели в Порт-Сант, где у меня пришвартована яхта. Мы собирались провести пару месяцев на борту кеча в плавании к Тингалю мимо островов Миражей и, если бы позволили попутные ветры, до Гераниоля.

Мы прибыли в Порт-Сант. Оказалось, что кто-то взломал замок рубки моего кеча и похитил навигационный датчик. Пустячное хулиганство, по сути дела — все остальное, на первый взгляд, было в полном порядке. Я оставил Пердру на борту, чтобы сходить в мелочную лавку неподалеку, не больше, чем в сотне метров по набережной.

Я не дошел до этой лавки. Не знаю, что со мной случилось. Я очнулся в районной больнице, куда меня поместили под вымышленным именем. Вы спросите, что случилось с Пердрой? Ничего особенного. Никто ее не похитил, никто ей не угрожал, не было никаких лихорадочных романтических воззваний. Она просто получила известие о том, что я попал в аварию, что плавание на яхте придется отложить, и что я свяжусь с ней снова в ближайшее время.

Не стану рассуждать о ее реакции. Естественно, она была ошеломлена. Она вернулась в Кассандер и пыталась узнать, что со мной произошло, но безуспешно.

Когда я обнаружил, что нахожусь в больнице, мне сказали, что я пролежал без сознания четыре дня. Я чувствовал себя… странно. Не могу в точности определить это ощущение. Но я понимал, конечно, что со мной сыграли какую-то подлую медицинскую шутку». Рот Клента перекосился судорожной нервной усмешкой: «Что ж, придется выражаться без околичностей. Вернувшись на виллу Дандиль, я произвел самопроверку — в меру своих возможностей — и обнаружил шрам в паховой области. Я немедленно вызвал врача. Тот осмотрел меня и подтвердил мои подозрения. Кто-то что-то сделал с моими семенными железами. Врач проанализировал генетические характеристики пробы. Операция была выполнена мастерски: трансплантат прижился полностью, без каких-либо признаков отторжения. Я оставался Конвитом Клентом, само собой, но мои наследственные признаки были теперь генами другого мужчины. Сперма была жизнеспособной, но это была не моя сперма — я не мог иметь собственных детей. Конечно, я знал, кто

задумал и осуществил такое надругательство, но это понимание не решало мою проблему. Чьи семенники мне пересадили? И где мои собственные железы?

Либо Форенс Дакр пересадил мне свои собственные органы, регенерированные из небольшого фрагмента ткани, либо он вживил мне семенники какого-нибудь другого, отвратительного донора — что более чем вероятно. Вот таким образом», — лицо Клента снова подернулось болезненно смущенной усмешкой.

Хетцель поднял бокал, наблюдая за переливающимися на поверхности жидкости блестящими волнообразными отражениями: «И чего вы ожидаете от меня?»

«Прежде всего — само собой — я хочу, чтобы мне вернули похищенные железы. Мы с Пердрой собираемся завести семью. Но в сложившейся ситуации это невозможно. Кроме того, должен заметить, что мысль о постоянном проникновении чужих гормонов в мой организм неописуемо тошнотворна.

Во-вторых, я хочу, чтобы Форенс Дакр был наказан. По закону или каким-либо иным образом — так или иначе, я хочу, чтобы он горько пожалел о содеянном».

«Вполне понятное желание, — сказал Хетцель. — Знает ли ваша супруга о том, что с вами сделали?»

Клент покачал головой: «Не могу собраться с духом и признаться ей в этом. Врач объяснил ей, что у меня редкое заболевание сердца, в связи с которым мне нельзя перенапрягаться, и что я принимаю лекарство, предотвращающее возможность такого чрезмерного приложения усилий. Она беспокоится, но все еще меня любит и поддерживает: мне поистине повезло в браке».

«Связывался ли Дакр с вами или с вашей женой?»

«Со мной — нет; не думаю также, чтобы он сообщался с Пердрой».

«А что по этому поводу сказали в агентстве Добора?»

«Почти ничего. Они не могут найти Дакра. Из его приемной отвечают, что он покинул планету на неопределенное время — в чем, насколько я понимаю, для него нет ничего необычного». Клент встал, напряженно заложив руки за спину, у выходившего во внутренний сад высокого окна и произнес через плечо: «Теперь вы понимаете, почему вопрос о расходах меня не волнует». Он повернулся лицом к Хетцелю: «Вы займетесь

этим делом?»

«Почему бы я отказался? — удивился Хетцель. — Конечно, я займусь этим делом».

Клент что-то пробормотал себе под нос, размашистыми шагами вернулся к дивану и снова наполнил настойкой оба бокала.

«Как вы понимаете, я не могу ничего гарантировать, — предупредил Хетцель. — Пока что у вас мало оснований для надежд».

«Я все это понимаю. Мне больше ничего не остается».

«Вам придется согласиться с одним условием. Вы привыкли приказывать другим и делать все, что вам хочется. Но в таком деле, как это, я не могу сотрудничать с клиентом, действующим вопреки моим указаниям».

«Разумеется».

«Я должен полностью контролировать расследование. Ничего не делайте без моего разрешения. В противном случае нас обоих не ожидает ничего, кроме разочарования».

Согласие Клента носило, пожалуй, несколько унылый характер: «Полагаю, что вы предъявляете разумные требования. Как насчет вашего гонорара?»

«В данный момент мне потребуется тысяча

СЕРСов на текущие расходы — я представлю вам отчет о расходах. Мой гонорар будет зависеть от успешности расследования, от того, насколько мне придется рисковать, и от того, сколько времени займет это расследование. Сейчас я не могу точно назвать сумму своего вознаграждения».

Клент без лишних слов открыл ящик секретера, вынул пачку банкнот и бросил ее Хетцелю: «Тысяча СЕРСов. Нет, расписка не нужна».

Глава 3

Из «Отеля всех миров» Хетцель вызвал Эвана Добора, старшего партнера фирмы «Частные расследования Добора». «А, Хетцель! — благодушная круглая физиономия на экране расплылась в улыбке. — Я так и думал, что вы позвоните».

«Только что вернулся из виллы Дандиль. Спасибо за рекомендацию».

«Не за что. В связи с историей Клента о вас я вспомнил в первую очередь. Кроме того, мне что-то подсказывает, что характер этого дела, скажем так, не совсем согласуется с основным направлением деятельности нашей организации».

«Благодарю вас в любом случае. Как вы узнали, что я учился вместе с Дакром в Трепетных

Водах?»

«Мы говорили со знакомыми Дакра — под предлогом сбора биографических материалов для хирургического журнала. Он прибыл в Кассандер примерно два года тому назад и, судя по имеющейся — или отсутствующей — у меня информации, у него не было прошлого, с тем исключением, что в разговоре с одной своей спутницей он упомянул об Академии Трепетных Вод. Он выражается в исключительно обобщенных терминах и на конкретные вопросы отвечает уклончивыми восклицаниями типа „А! Это было давно — что было, то прошло!“ или „О, какая все это была скучища, безобразно обыденная и бессмысленная, с начала до конца! Давайте поговорим о чем-нибудь другом“. Он заплатил все, что положено, всем, кто у него работает, за исключением секретарши в приемной — но та почти наверняка ничего не знает».

«У него есть профессиональная лицензия?»

«В этом направлении ничего полезного узнать не удалось. Городское управление Кассандера не занимается проверкой дипломов или аккредитацией, а стандарты, принятые на различных планетах Ойкумены, несовместимы. Медицинский совет Кассандера проводит десятидневный

экзамен и выдает лицензии только на этой основе. Оценки, полученные на экзамене, публикуются. Форенс Дакр получил оценку 98,2 % из возможных 100 %, что практически неслыханно. Когда я обсуждал эту оценку с клерком Медицинского совета, тот криво усмехнулся и покачал головой. „На ваших экзаменах кто-нибудь мухлюет?“ — спросил я. „Вы не поверите, каким беспардонным шарлатанам мы доверяем здоровье и жизнь!“ — выпалил он.

„Значит, 98,2 % ничего не значат?“

„Кто я такой, чтобы об этом судить? Если кандидат сумел убедить Медицинский совет, что с этим может сделать простой конторский служащий? Могу вам сказать только одно: он ловкач, каких мало, этот доктор Дакр!“

Так что делайте выводы сами. Он не был популярен среди коллег, хотя они не желают объяснять, почему. В какой-то мере, несомненно, здесь играет роль зависть, потому что Дакр взлетел прямиком в стратосферу медицинской элиты».

«Любовные связи?»

«Непрерывно и повсюду — но ничего серьезного до тех пор, пока он не встретил Пердру Ольруфф. После этого они везде появлялись вместе: впечатляющая парочка, по словам тех, кто

их знал».

«Где он пропадал после того, как покинул Трепетные Воды?»

«Никаких данных. Я пытался получить информацию из архива Академии. „Все сведения о наших учащихся строго конфиденциальны и не подлежат разглашению ни в каких обстоятельствах!“ — заявил пастор Чизлинг. Они боятся неприятностей и закрывают двери перед посторонними; в Академии учатся наследники самых богатых семей планеты. Мне позволили, однако, просмотреть альбом с фотографиями выпускников класса, в котором учился Дакр. В перечне имен и фамилий был указан адрес места проживания Дакра за пределами Академии: „Имперский отель Каэльзи“ — здесь, в Кассандере. Что совершенно ни о чем не говорит — в этой гостинице записи хранят не больше трех лет, и там никто не помнит ни Форенса Дакра, ни его родственников. На Фессе нет других постоянных жителей по фамилии „Дакр“. Вот и все, что я знаю — дело ваше».

«Придется начать там, где вы закончили».

«Само собой. Где именно?»

«В Трепетных Водах, где еще?»

Глава 4

Прошли многие годы; радужные надежды юности поблекли или сменились горькими разочарованиями — но в Академии Трепетных Вод практически ничто не изменилось. Хетцель заметил новый навес лодочной пристани на берегу бухты Танджари; деревья-перевертыши раскинули ветви еще шире. Казалось, что зеленокаменные административные здания, лаборатории, аудитории, мастерские и общежития стали чуть меньше, чуть сонливее и запущеннее под сенью огромных палладийских вязов, привезенных с планеты Дашбурн, где четыреста лет тому назад появился на свет пастор Казус, основатель Академии Трепетных Вод. Во всех остальных отношениях Академия оставалась такой, какой ее помнил Хетцель. Он приземлился в арендованном аэромобиле на стоянке для посетителей, вышел из машины и неторопливо направился к Казус-Холлу.

Он прибыл вскоре после полудня — по его расчетам, слишком рано. Усевшись на скамье неподалеку от четырехугольного двора, окруженного центральными сооружениями почтенного

учебного заведения, Хетцель наблюдал за поведением школьников — несмотря на то, что на дворе царила та же суматоха, что и двадцать лет тому назад, она чем-то неуловимо, но отчетливо отличалась от прежней. Какими открытыми, по-утреннему свежими казались юные лица! Хетцель находил достопримечательным то обстоятельство, что некогда он сам суетился в такой же толпе мальчишек в школьной форме. Не будучи человеком сентиментальным он, тем не менее, ощутил приступ меланхолии… Прозвенел гонг. Хетцель взглянул на часы. Если заведенный распорядок не изменился — а почему бы он изменился? — чиновники Академии уже должны были выходить из своих разделенных перегородками контор, оставляя весь Казус-Холл на попечение сторожа-уборщика Чолли — или его преемника, или даже преемника его преемника.

Подождав еще полчаса, Хетцель перешел школьный двор, поднялся по ступеням крыльца Казус-Холла и оказался в вестибюле, где пахло точно так же, как раньше. Слева находилось большое помещение, известное иод наименованием «Регистратуры», но выполнявшее самые разнообразные функции. Здесь, как и ожидалось, Хетцель обнаружил сторожа Чолли гот ссуту-

лился чуть больше прежнего, нарастил брюшко покруглее, и добрая половина его пышной седой шевелюры уже исчезла, но, в сущности, Чолли остался таким, каким был. «Долговечность некоторых учреждений и их работников граничит с неистребимостью», — подумал Хетцель.

Чолли, сидевший за конторкой, поднял голову: «К сожалению, сударь, сегодня служебные помещения уже закрыты».

«Какая жалость! — заявил Хетцель. — Значит, я зря прилетел из Кассандера?»

«Ничего не поделаешь, сударь. Если у вас какое-то совершенно неотложное дело, вы могли бы побеспокоить самого пастора Чизлинга, хотя он вряд ли этому обрадуется».

Хетцель притворно задумался: «Возможно, в этом не будет необходимости, если вы согласитесь мне помочь. Я заплачу за неудобство, разумеется — и нам не придется беспокоить пастора».

«Чем я мог бы вам помочь?» — осторожно спросил Чолли.

«Я — судебный исполнитель, и пытаюсь найти одного из выпускников Академии, которому причитается наследство. Для того, чтобы вручить ему сумму наследства, я должен узнать его адрес, а его адрес должен быть указан в его личном деле,

хранящемся в выдвижном ящике вашего архива — то есть непосредственно в Регистратуре».

Чолли язвительно рассмеялся: «Не получится, сударь. Пастор Чизлинг не допускает посетителей к архиву. У нас учатся сыновья богатых и влиятельных людей, и нам приходится постоянно опасаться похищений и всяких подобных мерзостей».

«Зачем похитителям давно устаревшие архивные документы? — пожал плечами Хетцель. — Это очень маловероятно».

«Вы не знаете пастора Чизлинга, сударь. Он все доводит до конца!» — Чолли явно не видел никакой связи между бывшим школьником Майро Хетцелем и сероглазым субъектом, стоявшим перед ним в мягком черном костюме.

Хетцель вынул из-за пазухи пачку банкнот и многозначительно постучал ею по краю конторки: «В таком случае очень хорошо, что я опоздал». Он отделил от пачки купюру достоинством в пять СЕРСов: «Может быть, вы позволите мне сделать несколько шагов и получить необходимую информацию. Нет никаких причин беспокоить по этому поводу пастора Чизлинга».

Поджав губы, Чолли поглядывал на купюру: «Откуда вы знаете, что интересующая вас инфор-

мация — в нескольких шагах отсюда?»

«Где еще она может быть?»

«Ммф. Пастор Чизлинг с меня заживо шкуру сдерет… — сторож покосился на банкноту. — Десятка вас не разорит?»

«Вместо того, чтобы возвращаться и приезжать сюда снова, я готов заплатить», — Хетцель отстегнул еще пять СЕРСов.

«Тогда подождите! — с внезапной готовностью встрепенулся Чолли. — Я закрою на замок входную дверь и протяну оградительную цепь — тогда нам никто не помешает».

Вернувшись, сторож приложил палец к губам: «Только не забывайте, что обо мне нельзя упоминать ни в коем случае!»

«Это я могу гарантировать», — пообещал Хетцель. Чолли пропустил его за прилавок. Хетцель сразу прошел к той части архива, где хранились записи о приеме учеников в Академию, и, открыв один из ящиков, нашел табличку, относившуюся к последнему году, проведенному им в Трепетных Водах.

«Похоже на то, что вы тут знаете все ходы и выходы, — скептически заметил Чолли. — Почему вы так уверенно направились именно к этому ящику?»

«Все учреждения одинаковы, — небрежно отозвался Хетцель. — А теперь посмотрим… где тут у нас считывающий экран?» Он вставил табличку в прорезь и просмотрел появившийся на экране список. Чолли тоже решил посмотреть на экран, но Хетцель предупредил его намерение: «Чем меньше вы знаете, тем лучше — на тот случай, если пастор Чизлинг начнет что-нибудь подозревать».

Чолли беспокойно отошел в сторону: «Тогда поспешите. Я не могу здесь торчать весь вечер».

Хетцель отрегулировал критерии поиска. Как уже сообщил Эван Добор, в качестве своего места проживания на планете Фесс Форенс Дакр указал «Имперский отель Каэльзи» в Кассандере. Хетцель проигнорировал регистрационную запись и сосредоточил внимание на первоначальном ходатайстве Дакра о приеме в Академию.

«Кто-то идет! — проворчал Чолли. — Вам больше нельзя здесь оставаться!»

«Одну секунду», — поднял указательный палец Хетцель. Вынув из кармана авторучку, он переписал адрес:

Усадьба Гангарди, Вилланелла,
Дистль, провинция Дерд, Семблат,

Виттенмонд.

Под адресом он добавил имя, указанное в графе «Подпись» на ходатайстве:

Вела, леди Койрбум

Глава 5

Вернувшись на виллу клиента, Хетцель сообщил без проволочек: «Думаю, что Дакр покинул Фесс».

«Откуда вы знаете?» — спросил Конвит Клент. Удовлетворение, вызванное согласием Хетцеля провести расследование, явно уже выветрилось; теперь Клент выглядел таким же удрученным и безутешным, как прежде.

«Таково следствие сочетания нескольких соображений, каждое из которых по отдельности было бы недостаточно убедительным. В Кассандере ваша свадьба поставила Дакра в глупое положение — по меньшей мере, он так считает. Подозреваю, что Кассандер потерял для него всякую привлекательность. Кроме того, он понимает, что вы его разыскиваете, хотя сомневаюсь в том, что это его серьезно беспокоит. Вы для него

ничего не значите и выполняете лишь функцию объекта презрения».

Клент то ли простонал, то ли прокашлялся.

«Далее: по всей видимости, Форенс Дакр часто куда-то летает с Фесса — то есть, где-то на другой планете у него есть другое место жительства или, если можно так выразиться, штаб-квартира, хотя это, конечно, не обязательно так. Тем не менее, учитывая все обстоятельства, можно сделать вывод, что Дакра на нашей планете уже нет. Таково, по крайней мере, мое предположение».

«Но куда он улетел? — глухо спросил Клент. — Кассандер ежедневно покидают двадцать звездолетов, совершающих рейсы во все стороны, к двадцати разным мирам. Найти человека в таком необъятном пространстве — все равно, что найти каплю воды в океане!»

«В каком-то смысле это верно, — согласился Хетцель. — Тем не менее, никто не перемещается, не оставляя следов. Самый очевидный способ выследить беглеца заключается в том, чтобы поехать в космопорт и попытаться установить, на каком звездолете он улетел — очевидно, однако, что это практически безнадежное занятие в том случае, если беглец принимал меры, заметая следы.

Альтернативный метод состоит в изучении прошлого подозреваемого — тех обстоятельств его существования, которые он не скрывал, когда у него еще не было необходимости скрываться. Этот метод позволяет определить, в каких местах он любил бывать, куда он скорее всего мог вернуться. Предлагаю применить именно такой подход».

«Боюсь, что я не поспеваю за ходом ваших мыслей», — проворчал Клент.

«Мы можем проследить его жизнь в прошлое или экстраполировать ее в будущее, — терпеливо пояснил Хетцель. — Взгляд в прошлое не дает никаких полезных сведений. Обратившись к будущему, я могу воспользоваться по меньшей мере одной уликой: именем и адресом его матери».

Клент был искренне удивлен: «Где вы достали адрес его матери?»

Так же, как профессиональные фокусники, Хетцель не любил объяснять, как именно он добился тех или иных практических результатов — такие разъяснения могли привести к недооценке полезности его услуг. Он вежливо ответил: «У меня есть незыблемое правило: я никогда не называю источники полученной информации. Конечно же, вы понимаете, почему это необходимо».

Клент, ничего подобного не понимавший, автоматически отозвался: «Да-да, разумеется».

«Я отправлюсь на Виттенмонд, чтобы побеседовать с матерью Дакра, — продолжал Хетцель. — Тем не менее, не следует пренебрегать очевидными возможностями. Другой человек попробует проследить, куда Дакр вылетел из Кассандера, хотя я сомневаюсь, что ему повезет больше, чем Эвану Добору».

«И когда я что-нибудь от вас услышу?» — мрачно полюбопытствовал Клент.

«Постараюсь держать вас в курсе событий, хотя не ожидайте никаких новостей, пока я вам не позвоню».

Клент хмыкнул: «Если потребуются деньги — больше денег — свяжитесь со мной. Все, что мне нужно... да, все, что мне от вас нужно — результаты».

«Сделаю все, что смогу».

Глава 6

Вокруг громадного, ослепительного желтого шара, именуемого Звездой Джингкенса, вращались несколько десятков планет; все они были разведаны и заявлены Гитером Джингкенсом,

флибустьером-весельчаком эпохи Великой Экспансии. Три планеты его звезды, так называемые «Три Сестры», отличались сходными размерами, массой, плотностью, составом атмосферы, климатом и пропорциональным соотношением суши и морей; их флора и фауна также развивались примерно в одном направлении и в одной и той же степени. Особенности этого необычного сходства не ускользнули от внимания ойкуменических ученых; всевозможные совпадения, аналогии, конвергенции и расхождения послужили материалом для десяти тысяч монографий, причем на основе так называемых «параллелизмов Джингкенса» была сформулирована целая теория новой эволюционной хронометрии.

«Три Сестры» — планеты Виттенмонд, Гитерсмонд и Скалькемонд — первоначально были заселены тремя эподами реформированных антигномических кредентистов; различные пути развития потомков этих сектантов не слишком интересовали социальных антропологов. Обитатели Виттенмонда создали процветающее коммерческое общество и торговали на всех планетах своей солнечной системы и с многими другими мирами Ойкумены. Сознательно или бессознательно, они распространили концепции

точного измерения и однозначного определения качественных характеристик на все, в том числе на самые незначительные подробности повседневной жизни. Даже градации роскоши были классифицированы, поименованы и снабжены стоимостными коэффициентами; прерогативы, отдых и развлечения, имущество, одежда и бытовые принадлежности — все должно было надлежащим образом соответствовать статусу. Музыка, архитектура, кулинария, даже садоводство и огородничество: все было организовано согласно иерархической пирамиде вкусов и приличий. Общество, неизбежно подразделенное на тщательно разграниченные уровни аристократичности, ни в коем случае не было закосневшим в его нынешнем состоянии; продвижение из одной касты в другую занимало все помыслы каждого витта. Причем такое положение вещей не вызывало никакого возмущения — напротив, оно пользовалось всеобщей поддержкой в той мере, в какой «градуированный» социум не отчуждал людей, заставляя изолированные группы «вариться в собственном соку», но всего лишь воспитывал в каждом исключительную чувствительность к общественному положению других. Каждый витт, независимо от того, какую низмен-

ную или возвышенную роль он выполнял в этой гонке за престижем, по меньшей мере наслаждался участием в нескончаемой сложной игре и гордился пониманием и соблюдением ее замысловатых правил. Если бы высокообразованному витту указали на явное неравноправие различных слоев населения на его планете, он заметил бы, пожав плечами, что подобное неравноправие наблюдается повсюду, но что на Виттенмонде оно не скрывается и кодифицировано.

Гости с других планет не могли не дивиться бесконечным мелочным требованиям, на первый взгляд загромождавшим и затруднявшим существование виттов, не понимая того, что точно сформулированные правила и стандарты определяли и тем самым упрощали образ жизни виттов, тогда как кажущаяся сравнительная простота общественных взаимоотношений на их собственных планетах отличалась гораздо большей подспудной сложностью, проистекавшей из двусмысленностей, инсинуаций, подразумеваемых, но не выраженных условий, изменяющихся в зависимости от обстоятельств манер, настроений и речевых интонаций, символов, которые могли иметь или не иметь то или иное значение в той или иной ситуации, ритуалов превосход-

ства и подчинения, навязанных утонченными мимолетными состязаниями, приносившими удовлетворение или разочарование в гораздо большей степени, чем безличные социальные разграничения виттов. В конечном счете смутная неразбериха общепринятых, но негласных условностей, царящая в других мирах, представлялась виттам настолько же недоступной пониманию, насколько требовавший ежесекундного внимания церемониальный этикет виттов создавал непреодолимую преграду для ассимиляции инопланетян.

По прибытии в Дистль на Виттенмонде Хетцель обнаружил радующий глаз городской пейзаж: кварталы тянулись ярусами по склонам холмов, окружавших гору Флудерклаф. Река Лимонная, петлявшая по северным равнинам, пересекала промышленный район, после чего, натолкнувшись на подножья Флудерклафа, поворачивала к Гневному океану, блестевшему в тридцати километрах от города, по волнистой прибрежной полосе, зеленевшей лесами, садами и приусадебными парками поместий купцов-аристократов самого высокого происхождения.

Космический порт занимал два с половиной квадратных километра в районе астрономически

дорогой недвижимости, меньше чем в полукилометре от финансового округа Дистля: столичные дельцы прекрасно понимали ценность быстрого и удобного транспортного сообщения.

Из космопорта Хетцель проехал по скользящей мостовой к «Отелю путешественников» — он завел за правило обеспечивать себе комфортабельный ночлег прежде, чем заниматься любыми другими делами. В своем приятном, хотя напоминавшем стерильную больничную палату номере он проконсультировался с местным электронным справочником и узнал, что жилые районы Дистля подразделялись на семьдесят три предместья, каждое из которых отличалось характеристиками, прилежно перечисленными в справочнике. Следовательно, Хетцель был должным образом проинформирован о том, что в предместье Вилланелла проживали представители среднего благородного класса, что площадь и стоимость каждого приусадебного участка в этом предместье составляли не менее 1,2 акра и 200 тысяч СЕРСов[6] соответственно, и что каждая

[6] notes: 6

СЕРС: стандартная единица расчета стоимости; денежная единица, эквивалентная стоимости одного ойкуменического часа неквалифицированного труда в стандартных условиях — единственного продукта, ценность которого оставалась примерно одинаковой независимо от того, где и когда он использовался.

усадьба обслуживалась не менее чем шестью работниками низшего сословия. Кроме того, справочник заверил его в том, что Вела, леди Койрбум, все еще проживала в усадьбе Гангарди в Вилланелле; вместе с ее адресом в справочнике приводился список всех ее домочадцев, к числу которых относились, помимо самой леди Велы, Лазарь, барон Койрбум, дворецкий, повар, главный садовник и шесть подчиненных дворецкому слуг, каждому из которых был присвоен собственный коммуникационный код. В списке не значился кто-либо, кто мог бы оказаться Форенсом Дакром.

Хетцель, не подготовивший какой-либо определенный план действий, нанял компактный аэромобиль, мигом долетел до Вилланеллы и приземлился на террасе в пятидесяти метрах от усадьбы Гангарди.

Пройдя шагов сорок и взобравшись на земляной вал, окружавший поместье, Хетцель мог без помех рассмотреть здание, в котором Форенс Дакр, судя по всему, провел годы своего детства. Хетцель надел увеличительные очки и полюбовался на лепные украшения фасада, но не увидел ничего существенного… Краем глаза он заметил какое-то движение. Из сада за усадьбой выходила

темноволосая женщина в длинном белом платье, шлейф которого волочился за ней по подстриженному газону. Высокую и представительную, ее нельзя было назвать тучной, хотя ее щеки уже слегка обвисли, и у нее намечался второй подбородок. Тем не менее, глаза ее повелительно блестели, а черты лица намекали на унесенную безжалостным ветром времени экзотическую красоту.

Хетцель наблюдал за тем, как хозяйка усадьбы с лихорадочной сосредоточенностью собирала цветы, составляя букет. С каким энтузиазмом она хватала стебель приглянувшегося ей бутона! С каким отвращением отвергала полностью распустившийся, готовый увянуть цветок! С каким страстным возмущением давила изящной белой туфелькой попавшееся на глаза вредоносное насекомое!

Хетцель снял очки. Эта женщина бурлила эмоциями, слишком легко возбуждалась. Обратившись к ней непосредственно, без подготовки, он обязательно вызвал бы у нее подозрения.

Спустившись с вала, Хетцель прошелся мимо усадьбы Гангарди и задержался у ограды поместья, находившегося по другую сторону дороги, где пожилой человек в потертой одежде подрезал

побеги высоких розовых кустов. Наблюдая за тем, как садовник работал ножницами, Хетцель выразил сдержанное восхищение его сноровкой, равномерной плотностью живой изгороди и ароматом цветов — завязался разговор. Хетцель представился как наследник обеспеченной аристократической семьи с Древней Земли, интересовавшийся возможностью приобретения дома в пригородах Дистля.

«Вряд ли вы найдете что-нибудь подходящее здесь, в Вилланелле, — заметил садовник. — Здесь все более или менее устоялось, и уже давно».

«Вполне может быть, — отозвался Хетцель. — Но мне говорили, что одна великолепная усадьба может быть предложена в продажу в ближайшее время. Точно не знаю, какая именно, но было бы неплохо, если бы продавалось соседнее поместье, с другой стороны дороги».

«Хо-хо! Усадьба Гангарди? Даже не надейтесь! Это родовое гнездо Койрбумов — они тут живут с незапамятных времен».

«Как вы сказали? Койрбумов? Я где-то слышал это имя… Кажется, среди них есть какая-то знаменитость — ученый, хирург или что-то в этом роде? Муж хозяйки усадьбы?»

«Сэр Лазарь тут ни при чем. Вы, наверное, слы-

шали о сыне леди Койрбум от ее первого мужа. Да, говорят, он добился успеха и сделал себе имя, но только после того, как покинул родной дом — он никак не мог поладить с сэром Лазарем».

«Чего и следовало ожидать в такой ситуации. И он никогда не пытался помириться с отчимом?»

«Насколько мне известно, нет. Я не видел его уже многие годы».

Глава 7

Наводя справки в различных учреждениях Дистля, Хетцель выяснил, что семья Койрбумов в свое время разбогатела, занимаясь издательским делом, и что теперь барон Лазарь Койрбум жил на доход от капиталовложений. У его первой жены не было детей; после развода сэр Лазарь женился на чужестранке по имени Вела Воксоной с планеты Тодни, прибывшей в Дистль с маленьким сыном в составе театральной труппы. Барон Койрбум, уже одряхлевший и едва передвигавшийся с тросточкой, проводил время исключительно в своей усадьбе или в клубе. Хетцель решил, что лучше всего было бы встретиться с Лазарем Койрбумом в его клубе, где отказ побеседовать с инопланетным джентльменом

— возможным покупателем недвижимости — мог рассматриваться как причуда, выходящая за рамки приличий.

Поэтому в надлежащее время Хетцель явился в «Аполлонический клуб» и поинтересовался в приемной, не согласится ли барон Койрбум уделить ему несколько минут своего времени.

Лазарь Койрбум заставил его ждать минут десять, после чего зашел, неуклюже шаркая ногами, в небольшую гостиную, где его ждал Хетцель. Остановившись у входа, он разглядывал посетителя: коренастый старик, слегка растолстевший и бледный, с редкими волосами песчаного оттенка и тяжелой, выдающейся нижней челюстью, странно противоречившей остальным, ничем не примечательным пропорциям его физиономии. «Да, сударь? — хрипло спросил он. — Вы — Майро Хетцель».

«Он самый, сэр Лазарь».

«И о чем вы хотели бы со мной поговорить?»

«Не буду злоупотреблять вашим временем — и своим тоже. Меня интересует нынешнее местонахождение вашего пасынка, Форенса Дакра».

Барон Койрбум говорил с трудом, с отчетливым присвистом; Хетцель подумал, что он, скорее всего, пользовался речевым синтезатором: «Не

упоминайте при мне об этом человеке! Мне нечего вам сказать».

Хетцель понимающе кивнул: «Значит, доктор Дакр не вызывает у вас приятных воспоминаний».

«Доктор Дакр, тоже мне!» — барон Койрбум пожевал губами, уголки его рта увлажнились. Он попытался что-то произнести, не нашел подходящих слов и выдавил: «Это все, сударь. Я больше ничего не скажу».

Хетцель приподнял указательный палец: «Позвольте мне объяснить, почему я интересуюсь вашим пасынком. Форенс Дакр позволил себе вопиющие правонарушения в Кассандере на планете Фесс. Я хочу его найти для того, чтобы его можно было призвать к ответственности. Уверяю вас, наш разговор будет носить исключительно конфиденциальный характер, и ваше имя не будет упомянуто ни в каких обстоятельствах».

Лазарь Койрбум медленно опустился в кресло: «Я не знаю, где он. Если бы я знал…»

«Может быть, однако, вы сообщите мне что-нибудь, что помогло бы мне его найти. Например…»

Барон Койрбум поднял ладонь: «Все это останется в тайне, вы меня понимаете? Никому ни

слова. В том числе — в особенности — о нашем разговоре не должна ничего знать леди Вела».

«Я согласен выполнить ваше условие».

«В таком случае: какие сведения имели бы для вас существенное значение?»

«Все, что вы можете о нем рассказать».

Лазарь Койрбум начал свое хриплое повествование, прерывавшееся приступами ярости, делавшими его речь почти нечленораздельной: «Я попытался сделать для мальчика все, что мог. Было очевидно, что мать избаловала его и забила ему голову всякой чепухой. Невзирая на ее протесты, я отправил его учиться в лучшую школу на Фессе, в Академию Трепетных Вод. Что ж, он продержался там пару лет, после чего они отправили его домой, чему его мать несказанно обрадовалась, и он снова стал жить с нами. Некоторое время он вел себя тихо и читал какие-то мистические трактаты — вредные глупости! Его мать приказала мне его не тревожить, утверждая, что он готовится к карьере психолога. Потом я заметил, что он больше ничего не читает, и стал беспокоиться. Я нашел его в оранжерее для саженцев — он называл ее своей „лабораторией“. Там он ставил эксперименты — представьте себе! — на дочери садовника. Он ее гипнотизи-

ровал, накачивал ее какими-то омерзительными наркотиками и подвергал ее всевозможным извращенным издевательствам. Я застал его за этим занятием и выгнал с глаз долой. Его мать была в ужасе и пыталась его оправдывать, но на этот раз мне удалось настоять на своем, и Форенсу пришлось убираться. Я больше не хотел иметь ничего общего с этим подонком. Пару месяцев он прожил у своей тетки, после чего Вела устроила его в Медицинский институт в Наргуйсе, на Гитерсмонде. Естественно, мне пришлось платить по счетам. Насколько я понимаю, он выбрал хирургическую программу и, по всей видимости, преуспел в этом направлении. Его мать больше не упоминает о нем и, кажется, пытается о нем забыть». Барон Лазарь разрезал воздух ладонью: «Это все, что я могу рассказать о Форенсе Дакре — как он изволит себя называть».

«Почему ему не следовало бы называться Форенсом Дакром?»

«Это принципиальный вопрос. Сожительство моей жены и отца Форенса носило неофициальный характер. По законам виттов, внебрачные дети должны носить фамилию матери. Форенс нарушил закон вопреки желаниям матери — предпочел фамилию своего блудного отца, не

желая называться ни Койрбумом, ни Воксоноем...»

Глава 8

Через два часа после беседы с Лазарем Койрбумом Хетцель взошел на борт пассажирского космического корабля «Собранад», отправлявшегося на Гитерсмонд. Прибыв в Наргуйс посреди ночи, он сразу направился в отель «Космолюкс», находившийся по другую сторону площади Пратера Хусса. Убедившись в том, что ему не грозит ночлег на улице, он вернулся на площадь и уселся за столиком кафе под открытым небом, малозаметным за прилавками торговцев цветами, работавших, судя по всему, круглосуточно. Официант принес ему графин местного вина и шипящие, только что поджаренные сосиски. «Иногда, — думал Хетцель, — преимущества моей профессии невозможно не оценить по достоинству». Гитерсмонд ему понравился больше Виттенмонда. Воздух на этой планете был явно свежее и прохладнее, небо казалось более широким, высоким, просторным, ветер — по меньшей мере здесь и сейчас — налетал не столь сдержанными, бодрыми порывами. Хетцель решил, что

разница в восприятии объяснялась различиями в составе атмосфер. Возможно, атмосфера Гитерсмонда отличалась более высокой концентрацией кислорода. Кто знает? Может быть, такое действие оказывали различные пропорциональные соотношения примесей инертных газов, большее или меньшее содержание углекислого газа, озона, окисей азота или более редких и разреженных газов?

Как сказал древний мудрец, барон Бодиссей Невыразимый, «душа народа отражается в его архитектуре». Хетцель был убежден в справедливости этого афоризма. Сооружения Наргуйса нельзя было назвать аскетическими, упрощенными или суровыми; тем не менее, их фасады производили впечатление не столь изощренно декорированных, как фасады Диет ля. Витты подчеркивали утонченность, в какой-то мере пренебрегая согласованием элементов. У них ни одна кривая не подражала другой, разнообразие преобладало над единством, ни одна текстура не повторялась, если человеческая изобретательность могла заменить ее другой.

Архитекторы Наргуйса, пользуясь сходными декоративными средствами, производили эффект, поразительно отличавшийся от наблю-

давшегося на Виттенмонде. Здания Наргуйса выглядели менее капризными и более стильными, кривые здесь были не столь экстравагантны, а логическое сопряжение элементов нередко объединяло различные части и аспекты сооружения. Архитектурным особенностям соответствовали различия в интересах и характере населения. Витты торговали; гитсы проектировали, разрабатывали, изготовляли. Витты продавали товары; гитсы продавали профессиональный опыт. Технические академии гитсов были знамениты по всей Ойкумене, их мастерские и лаборатории постоянно внедряли новые изобретения и усовершенствования (не обязательно, впрочем, находившие полезное практическое применение), а витты радовались возможности продавать

их продукцию[7].

Сразу после завтрака Хетцель направился в Наргуйский медицинский институт. Его опыт показывал, что самый прямолинейный подход позволял иногда получить не менее полезные сведения, чем притворство и околичности, к которым он прибегнул на прошлой неделе. Он сразу прошел в информационный центр и обратился к его работнице, представительной молодой женщине в синей униформе с белыми манжетами и отворотами блузы.

«Меня интересует карьера доктора Форенса Дакра, обучавшегося в вашей академии, — сказал Хетцель. — С кем я мог бы посоветоваться по этому вопросу? Может быть, с вами?»

Служащая улыбнулась; явное восхищение Хет-

---

[7] notes: 7

На Скалькемонде, третьей и самой удаленной от Звезды Джингкенса из «Трех Сестер», базировались крупнейшие банки, финансовые учреждения и высшие учебные заведения, где преподавали математику, космологию и прочие проективно-спекулятивные дисциплины, предлагая также курсы эстетики; здесь же находились консерватории, выпускавшие музыковедов и прочих «вторичных дегустаторов», умудрявшихся зарабатывать на жизнь анализом и критической оценкой произведений изящных искусств и литературы. По сравнению с архитектурой сестринских планет, сооружения Скалькемонда производили отрезвляющий эффект суровой, безыскусственной строгости.

Скальки, уделявшие абстрактным идеям гораздо больше внимания, нежели витты и гитсы, страдали психическими расстройствами гораздо чаще обитателей сестринских планет. Их особенно беспокоила личная безопасность, и они внедрили потрясающе эффективную си-

стему повсеместного контроля и наблюдения, сводившую к минимуму преступность и насилие.

целя ее внешностью не вызывало у нее никакого раздражения: «Как пишутся его имя и фамилия?» Получив соответствующий ответ, девушка несколько раз пробежалась пальцами по клавиатуре, но результаты поиска ее не удовлетворили. Она покачала головой: «Никакой справочной информации. Я вижу, однако, что его карьерой интересовались и другие посетители».

«Возможно, он представился здесь под другим именем — например, как Форенс Воксоной».

«Форенс Воксоной? — пальцы служащей снова застучали по клавишам. — Он учился у нас восемь лет и покинул академию двенадцать лет тому назад».

«И куда он отправился после этого?»

«Не могу знать, сударь, такие сведения мы не регистрируем. По этому поводу вам лучше всего обратиться к его бывшему ректору».

«Очень хорошо. Кто же этот ректор?»

Девушка присмотрелась к записям на экране: «Доктор Аартемус. Боюсь, сегодня он будет занят до самого вечера».

«Не могли бы вы назначить для меня время приема у доктора Аартемуса? Меня зовут Майро Хетцель».

«Разумеется, сударь. Могу ли я указать, что вы

желаете обсудить с ректором карьеру Форенса Воксоноя?»

«Как вам будет угодно».

В назначенное время Хетцель явился в кабинет доктора Аартемуса — тощего седого коротышки с широким бледным лбом под ежиком жестких волос. Выражение его морщинистого лица, по мнению Хетцеля, можно было назвать одновременно вдумчивым, терпимым и язвительным; когда старый хирург встал ему навстречу, Хетцель заметил, что ноги ему заменяли механические протезы. «Врачу, исцелися сам! — продекламировал нараспев доктор Аартемус. — К счастью, в наши дни врач может буквально следовать этой заповеди. Я, однако, предпочитаю этого не делать. Меня поддерживает неразрушимый металл, никогда не причиняющий никаких неудобств. Я не боюсь, что мне на ногу упадет камень, меня не беспокоят ногти пальцев ног, врастающие в кожу, мозоли, нарывы, шелушащиеся наросты и тысячи прочих неприятностей. Но я не думаю только о себе — если хотите, я тут же, не сходя с места, ампутирую вам обе ноги».

Хетцель с улыбкой покачал головой: «Я не такой чудак, как вы думаете».

«Как вам будет угодно. У вас был ко мне какой-

то вопрос?»

«Верно. Мой вопрос относится к некоему Форенсу Воксоною, теперь называющему себя „доктором Форенсом Дакром“. Мне не терпится его найти».

«В этом стремлении вы не одиноки, — заметил доктор Аартемус. — В последние годы по тому же поводу ко мне уже обращались несколько человек». Хирург сел и откинулся на спинку кресла: «Как правило, у нас действуют жесткие правила — мы не распространяем информацию, хотя бы из соображений самозащиты. Мы никогда не рекомендуем кого-либо из выпускников, хотя с готовностью предоставляем сведения о тех, кто не сумел сдать наши экзамены. В случае Форенса Воксоноя — или Форенса Дакра, если хотите — возникла нетипичная ситуация. Он был блестящим студентом, с исключительно изобретательным умом. Тем не менее, он не справился с несколькими нашими курсами и, следовательно, не получил диплом».

«Неужели? Тем не менее, он практикует без зазрения совести. Это позволительно?»

«Это неизбежно. В пределах Ойкумены насчитываются бесчисленные общественные структуры, и в каждой применяются свои собственные

стандарты. Здесь, на Гитерсмонде, выпускнику Медицинской школы имени Подмарша в Сек-Секе на планете Викер не позволили бы лечить даже изжогу. С другой стороны, несмотря на то, что Форенс Дакр провалился в Наргуйсе, приобретенных здесь навыков ему хватило бы, чтобы практиковать в качестве хирурга практически на любой планете Ойкумены».

«Почему же, в таком случае, он не получил диплом?»

«Выражаясь без обиняков, он жульничал. Я… нет, не только я — мы — дискредитировали его в связи с личными недостатками, а не потому, что он демонстрировал недостаточную квалификацию. Ему не нужно было мошенничать. Но его задели некоторые мои замечания, и он вознамерился закончить мой курс с отличием, не выполняя никаких заданий. Я наблюдал за ним целый год; в конце концов, я не последний дурак. Я ждал, потому что понимал, что мелочные замечания и упреки не окажут на него никакого действия. Весь год он подделывал результаты своей практической работы различными изобретательными методами. Но я опытнее его и еще изобретательнее. В последний день я обратился к классу — кстати, это был очень хороший

класс, мне пришлось оставить на второй год только пятерых. „Поздравляю вас! — сказал я студентам. — Все вы потрудились на славу. За исключением только Форенса Воксоноя, который, по причинам, известным только ему самому, постоянно жульничал на протяжении всего семестра“. После этого я продемонстрировал на экране различные обнаруженные мной примеры подделок Воксоноя. Студенты позабавились от души. Но сразу после начала моей демонстрации Воксоной поднялся на ноги и покинул аудиторию».

Хетцель хмыкнул: «И что с ним случилось после этого?»

«Не могу сказать с уверенностью. Слышал, что он работал в Южных Торпельтинах, в месте под наименованием Масмодо». Доктор Аартемус наклонился к микрофону: «Кто теперь практикует в Масмодо, на Янус-Амахе?»

Прозвучал ответ: «Там работал доктор Льювиль, но он вышел на пенсию. Ближайший кабинет практикующего врача находится в Кроусте».

«Спасибо, — доктор Аартемус снова повернулся к Хетцелю. — Янус-Амаха — дичайшая глушь нашей планеты. Можно сказать, лишь частично цивилизованная».

Хетцель задумался: «Может быть, вы окажете мне такую любезность и позвоните доктору Льювилю, чтобы спросить его о дальнейшей судьбе доктора Дакра?»

Аартемус возвел глаза к потолку, но пожал плечами и нажал несколько клавиш под экраном телефона. Сначала аппарат произвел только последовательность тревожно жужжащих звуков, но в конце концов на экране появилось женское лицо: «Оператор Масмодо».

«Я пытаюсь вызвать доктора Льювиля, — сказал Аартемус. — Но его телефон не отвечает».

«Доктор Льювиль на пенсии. Он больше не отвечает на вызовы. Попробуйте связаться с доктором Винке на Сомнительном острове».

«Одну минуту. Не могли бы вы передать сообщение доктору Льювилю? Пожалуйста, известите его о том, что с ним хотел бы поговорить доктор Аартемус из Наргуйса».

Женщина-оператор неохотно признала, что выполнение такой процедуры было возможно: «Подождите немного, я попробую».

Через пять минут погасший экран стал потрескивать и снова вспыхнул; посреди медленно расплывающихся зеленоватых ореолов появилось лицо молодой блондинки в потрепанном

халате медсестры. У нее было круглое, задиристо-привлекательное, хотя и несколько мясистое лицо: «Кто вызывает? Какой доктор?»

«Доктор Аартемус из Наргуйского медицинского института. Я хотел бы обменяться парой слов с доктором Льювилем».

«Он ожидает вашего звонка?»

«Не думаю. Тем не менее…»

«Вы его старый знакомый?»

«Не совсем так. Тем не менее…»

«Тогда доктор Льювиль не будет с вами говорить».

«Это было бы в высшей степени невежливо с его стороны! Я — его коллега, а не агент по сбору платежей и не пациент, требующий благотворительного обслуживания».

«Очень сожалею, доктор. Я получила самые недвусмысленные указания».

«Хорошо. Тогда спросите, пожалуйста, доктора Льювиля, известно ли ему нынешнее местонахождение доктора Форенса Дакра — или Форенса Воксоноя — он может называть себя и так, и эдак».

Медсестра жеманно хихикнула: «Уверена, что он не станет обсуждать доктора Дакра ни с вами, ни кем-либо другим».

«А вы сами знаете доктора Дакра?»

«Конечно, знаю».

«Не могли бы вы сообщить, где он теперь находится?»

Медсестра покачала головой: «Понятия не имею».

«Благодарю вас за содействие», — доктор Аартемус погасил экран и повернулся к Хетцелю: «Вот таким образом. Что еще я могу для вас сделать?»

«Доктор Аартемус, вы мне очень помогли — благодарю вас!»

Глава 9

Добраться из Наргуйса в Масмодо на Янус-Амахе оказалось труднее, чем до Наргуйса из Дистля на другой планете. Хетцель вылетел на юг в аэробусе, приземлившемся в Джондере, в истоках Большой Рыбной реки, после чего пересел в местный аэробус поменьше, приземлявшийся в каждом небольшом поселке вдоль Малабарской литорали. В конце концов Хетцель вышел из аэробуса на набережной в Кейп-Яуне, откуда океанский экранолет отвез его в Паунт на острове Клеттерера.

На запад, до самого горизонта и далеко за

горизонт, тянулись извилистой цепочкой Торпельтины: архипелаг скалистых осыпей под остроконечными пиками, с узкими полосками пляжей по берегам, переходившими в полукилометровые заросли ганджи, шпрутта, малинового чая, кустарникового карденилия и кокосовых пальм — последние неоднократно завозили с Древней Земли различные группы мигрантов. Лишь немногие из Торпельтин были населены людьми. Примерно половину островов объявили заповедными резервациями туземных пламенеонов; на других людей ничто не привлекало, так как в прибрежных водах водились морские скелеты, угри-торпеды, костодавы и рыбороги, а на пляжах кишели крабы-топотуны, меч-мухи, клещи-буравчики и попрыгнусы.

В Паунте Хетцель арендовал аэромобиль и пролетел семьсот пятьдесят километров на юг вдоль Торпельтинского архипелага до Янус-Амахи. Масмодо, главный населенный пункт острова, мог похвастаться гостиницей, тремя тавернами, несколькими лавками и складами, маленьким госпиталем или лазаретом, парой административных учреждений, мастерской, где чинили лодки, и разрозненными жилищами. В небольшую гавань выступали шаткие,

скрипучие, покосившиеся причалы; к ним были пришвартованы рыбацкие плоскодонки. Улицы дремали в тени огромных черных махорочных деревьев; такие же деревья были высажены вдоль набережной.

Хетцель приземлился рядом с местной почтой и зарезервировал номер в скромной «Великозападной» гостинице. В синеватолиловом небе Звезда Джингкенса, уже на полпути к горизонту, изнуряла послеполуденной жарой песчаные улицы; от листвы махорочных деревьев, лохматой и тонкой, как папиросная бумага, исходил щекочущий ноздри смолистый запах. Бегающие отражения солнечных лучей ослепительно блестели на гребнях ленивых волн, завершавших свой далекий путь тихим хлюпаньем под причалами.

С веранды гостиницы Хетцель внимательно рассмотрел длинную главную улицу, тянувшуюся от набережной мимо городского управления, находившегося напротив гостиницы, вверх по склону до лазарета с приютившимся на склоне напротив коттеджем доктора Льювиля.

Поразмышляв минут десять, Хетцель прошелся к причалам. Несколько человек возились с рыбацкими принадлежностями; другие сидели на песке по-турецки, поджав короткие кривые ноги,

и неподвижно смотрели в море. «Непривлекательный народ!» — подумал Хетцель. Коренастые и приземистые, с узкими лбами, массивными подбородками и челюстями, носатые и лопоухие — таковы были арши, предки которых, сбежав из исправительного учреждения на Пресвятом острове, скрылись в джунглях Янус-Амахи. Прожив на острове в полной изоляции несколько столетий, арши сформировали немногочисленную популяцию с отчетливыми расовыми признаками[8].

Хетцель прогулялся к «Таверне Донгга», находившейся на обращенном к морю конце скрипучего причала. В таверне было просторно и прохладно; стены, плетеные из «морской древесины», то есть из одеревеневших стеблей океанских

[8] notes: 8

Легендарный старментер, Йейн Каргус, заключил договор с беглецами, среди которых не было женщин. Он согласился доставить им сотню девушек в обмен на пятьсот рубиновых сарсенелей (сарсенель — напоминающий драгоценный камень орган, извлекаемый из сенсориума пламенеона). Совершив набег на Обитель Божественной Призмы в Бленни, на Лютусе, Каргус похитил двести тридцать послушниц. Доставив свой груз, Каргус потребовал тысячу сарсенелей, угрожая увезти послушниц и продать их другим заинтересованным сторонам, если он не получит требуемый выкуп, а также указывая на то, что тем самым он предоставляет беглым заключенным существенную скидку, так как в расчете на голову женщины обойдутся им дешевле, чем это было предусмотрено условиями первоначального договора. Беглецы, в свою очередь, жаловались на то, что сарсенели редки, что пламенеоны яростно сопротивляются нападениям, что, получив двести тридцать женщин, они, восемьдесят шесть мужчин, окажутся

в значительном меньшинстве, и что женщины, предложенные старментером, принадлежали к известной своей неприглядностью смуглой расе геттуков и, следовательно, представляли собой вовсе не тот товар, который имели в виду покупатели. В последовавшей схватке Иейну Каргусу были нанесены копьями, выстроганными из порослевых махорочных деревьев, тридцать четыре раны, но команда успела его увезти, и старментер чудесным образом выжил. Беглецы, таким образом, приобрели бесплатно двести тридцать девушек, тем самым положив начало расе аршей.

водорослей, пропускали зайчики солнечного света, образуя филигранный узор на дощатом полу. Три арша, носивших только свободные набедренные повязки и шляпы с круто загнутыми полями и вмятыми сверху коническими тульями, горбились над стойкой, поглощая пиво из огромных горшков. Покосившись через плечо на новоприбывшего с выражением, показавшимся Хетцелю презрительным, они отвернулись и продолжили гортанную беседу.

Хетцель уселся за столом; через некоторое время к нему подошла официантка — молодая полногрудая блондинка с широкими бедрами и физиономией скорее непроницаемой, нежели неприветливой.

«Чего пожелаете, сударь?»

«Чего-нибудь прохладного и легкого. Что бы вы порекомендовали?»

«Мы делаем превосходный пунш с ромом, кабинчем, едкогубовым соком и лимонной тыквой».

«Прекрасно!»

Сохраняя величественное достоинство, официантка принесла зеленовато-желтую смесь, приятно удивившую Хетцеля терпким привкусом. «Неплохой напиток!» — похвалил он.

Официантка ответила морозным кивком. У нее было круглое лицо — такое же, как у медсестры доктора Льювиля — еще недавно, наверное, она была очень миловидна.

Хетцель спросил: «Здесь, в Масмодо, всегда так тепло?»

«Почти круглый год. Прохладнее только в сезон дождей».

Хетцель решил, что медсестра была определенно привлекательнее официантки, выпуклости которой опасно граничили с ожирением, даже со скидкой на разницу в возрасте, составлявшую, на взгляд, лет пять. «Вы не здешняя?» — спросил он.

Официантка ограничилась кислой усмешкой и отвернулась, чтобы обслужить другого посетителя. Хетцель задумчиво допил свой пунш, после чего, улучив момент, заказал еще один: «Не хотите ли тоже освежиться?»

«Спасибо, я не пью».

Через некоторое время она принесла ромовый пунш. Хетцель спросил ее: «Как тут у вас развлекаются?»

«Можно тут сидеть, пить и слушать, как плещут волны. Иногда арши рассказывают грязные сплетни или убивают друг друга. Вот, примерно, и все, чем тут можно развлечься».

«По меньшей мере, если вы заболеете, больница под рукой. Кто местный врач?»

«Врач на пенсии — он больше не принимает».

«В самом деле? Мне показалось, что я видел, как в коттедж заходила медсестра. Кстати, она чем-то на вас похожа».

«Медсестра? — официантка приподняла почти незаметные брови, удивленная неспособностью посетителя разбираться в простейших житейских ситуациях. Она там просто убирает. И ухаживает за отцом, если это можно так назвать. Вы действительно думаете, что она на меня похожа?» — последний вопрос был задан с презрительным вызовом.

«Не могу сказать с уверенностью, но она тоже блондинка. В вас заметны характер и стиль — если позволите сделать такой комплимент».

«Хмф! Здесь вся моя жизнь идет насмарку».

«Почему вы не хотите со мной выпить?»

«Я не прикасаюсь к спиртному. От него у меня вся кожа покрывается прыщами».

«Это, конечно, недопустимо! — решительно согласился Хетцель. — Кстати, когда я заглянул в местный телефонный справочник, я обнаружил, что в Масмодо есть еще один врач. Может быть, конечно, это устаревший справочник». Хетцель

вопросительно взглянул на официантку.

«Наверное, устаревший», — она отвернулась.

Хетцель вернулся на веранду гостиницы, надел увеличительные очки и сидел, наблюдая за лазаретом. Ближе к вечеру медсестра или сиделка — если она была таковой — вышла на крыльцо, чтобы обменяться парой слов с водителем фургона из продуктовой лавки. Еще через полчаса на верхнюю террасу у коттеджа вышел согбенный пожилой человек с тросточкой, усевшийся под пляжным зонтом. Под аршской шляпой с загнутыми полями и конической тульей Хетцель заметил влажные седые локоны, бледность лица и длинный, уныло висящий нос. Ему удалось мельком взглянуть прямо в мутно-серые глаза старика. Доктор Льювиль — если это был он — поглядывал вокруг, не останавливая взор ни на чем определенном. Хетцель подозревал, что с возрастом врач потерял остроту зрения.

Хетцель снял увеличительные очки, спустился с веранды и прошелся вверх к коттеджу доктора Льювиля. Доктор мог принять или не принять его — так или иначе, для каких-либо ухищрений или задержек не было основательных причин.

Доктор Льювиль не пожелал принять Хетцеля. Заметив приближение незнакомца, врач под-

нялся на ноги, раздраженно покачал головой и, хватаясь за перила и косяки, вернулся к себе в коттедж. Когда Хетцель нажал кнопку дверного звонка, в двери открылось небольшое смотровое окно — выглянула сиделка: «Доктор Льювиль вышел на пенсию. Он больше не принимает пациентов».

«Я не пациент, — возразил Хетцель. — Меня всего лишь интересуют несколько фактов, касающихся бывшего сотрудника доктора Льювиля, а именно Форенса Дакра».

«Доктор Льювиль никого не принимает, сударь».

«Просто передайте ему мои слова. Я подожду».

Сиделка закрыла окошко и через некоторое время вернулась: «Доктор Льювиль не желает обсуждать доктора Дакра».

«Скажите ему, что Дакра ожидают большие неприятности, и что сведения, которые может предоставить доктор Льювиль, могут иметь большое значение для решения этого вопроса».

Сиделка отрицательно трясла головой — ее светлые кудрявые локоны раскачивались и подпрыгивали: «Ничего я ему не скажу, потому что ему нельзя волноваться. Он ни в коем случае не станет обсуждать доктора Дакра — от этого он

только заболеет». Она начала закрывать окошко, но Хетцель придержал его в полуоткрытом положении: «Неужели? Он в самом деле так плохо себя чувствует?»

Сиделка неожиданно улыбнулась, на ее круглом лице появились веселые ямочки. Хетцель подумал, что в таком настроении она довольнотаки привлекательна: «Он думает, что болен. В конце концов, разве это не одно и то же?»

«Не знаю, — пожал плечами Хетцель. — Будьте добры, передайте ему мое сообщение и попросите его подумать. Завтра я вернусь».

«Можете не беспокоиться», — окошко захлопнулось.

«Странно!» — подумал Хетцель. Вернувшись в гостиницу, он сел на веранде и стал наблюдать за тем, как Звезда Джингкенса погружалась во Всемирный океан.

В ресторане гостиницы зажглись огни; Хетцель спустился туда, чтобы поужинать. Официантка в ресторане явно страдала ожирением. У нее была очень бледная кожа; каскад белокурых кудрей спускался на ее массивные плечи. У нее были пухлые щеки, ягодицы выпирали, бедра опасно растягивали вишневую ткань ее панталон. Пока она ходила туда-сюда, выполняя свои обязанно-

сти, складки жира дрожали и колебались при каждом ее движении. Официантка в «Таверне Донгга» демонстрировала желчный, черствый цинизм; сиделка доктора Льювиля держалась, главным образом, холодно и отстраненно. Эта официантка казалась дружелюбной и нерасчетливой. Она порекомендовала Хетцелю некоторые блюда из не слишком разнообразного меню и предложила попробовать, вместо мутного пива мышастого оттенка, гораздо более приятный на вкус сублюмовый сидр, о крепости которого, однако, она советовала не забывать. Когда Хетцель поинтересовался, не пожелает ли она распить вместе с ним кварту сидра — или выпить чего-нибудь еще, что ей больше нравится — она тут же согласилась. Уже через пять минут, обслужив последнего постояльца, она уселась рядом с Хетцелем, облегченно крякнув, и принялась жадно глотать сидр. Хетцель немедленно заплатил за еще две кварты того же напитка: «Вы пьете с удовольствием и со знанием дела — мне это нравится».

Официантка повернулась в сторону кухни: «Фрайцке! Обслуживай столы! У меня деловой разговор с этим господином!»

Молоденькая блондинка, еще почти подросток,

но уже щедро одаренная присущими ее полу округлостями и выпуклостями, молча занялась подачей блюд и уборкой использованной посуды.

«Ваша сестра?» — догадался Хетцель.

«Конечно, она моя сестра. Нет, вы только посмотрите на эту дурочку — неужели она никогда ничему не научится? Фрайцке, тарелки расставляют, подходя к стульям справа, а не слева!»

«Какая разница? — проворчала Фрайцке. — За этим столом все равно никого нет».

«Нужно, чтобы выработалась привычка — как еще ты научишься работать?» Официантка снова повернулась к Хетцелю: «Бедняжка Фрайцке! У нас в семье все левши: и отец, и мать — увы, матушка скончалась! — и все мы, девочки. Но Фрайцке не только держится за все левой рукой, она и думает шиворот-навыворот! И все-таки она хорошая девушка, хотя и подверженная приступам безрассудного упрямства».

«Официантка в „Таверне Донгга“ — тоже ваша родственница?»

«Еще одна сестра».

«Еще есть домохозяйка доктора Льювиля — или его сиделка?»

«Интриганка-вертихвостка! Да, она тоже наша

сестра. У нас как в математической таблице. Каждая из сестер на пять лет старше следующей. Первой была я, Оттилия, за мной — Импи из „Таверны Донгга“, третья — Зерпетта, она работает в коттедже, и последняя — Фрайцке, у нас в кухне. Но мы не слишком интересуемся одна другой. Это у нас в крови. Отец нынче — затворник, он терпит только Зерпетту, а та надеется унаследовать его имущество».

«Не сомневаюсь, что вы помните доктора Дакра».

Оттилия расхохоталась: «Еще бы я его не помнила! Он лишил меня невинности! Клялся, что любовь Форенса и Оттилии станет легендарной, как связь принца Вортимера с Шелковистой Феей или, если меня это больше устраивало, Маселлино Брунта и Коры Бесонг. Никогда ни один мужчина не пел мне такие восторженные оды! „Возьми меня! — сказала я ему. — Познакомь меня со сказочными фейерверками страсти!“ Но его обязанности всему помешали. Они с отцом никогда не ладили. Отец был осторожен — Форенс дерзал. Отец прописал бы успокоительную мазь — Форенс пристегивал пациента в одном из своих дорогостоящих аппаратов и выполнял какую-нибудь неслыханную операцию. „Облегчай!“

— был лозунг моего отца; „Режь!“ — провозглашал Форенс. Так продолжались дела почти четыре года, после чего между ними случилась ужасная ссора. Отец выгнал Форенса, но оставил себе все его чудесные аппараты, чтобы возместить то, что Форенс ему задолжал, а он задолжал немало. Когда я узнала о происходящем, я страшно огорчилась и пошла собираться в дорогу — в то время я была еще привязана к отцу и не хотела уезжать из Масмодо. Я принарядилась, как могла, вынесла багаж на улицу, стояла и ждала. Но в конце концов Импи прибежала и сообщила, что Форенс уехал без меня».

«Пренеприятнейшая ситуация!»

«Еще бы. Форенс был сукин сын, каких мало».

«И куда он подевался после этого?»

«Попытал счастья на Скалькемонде. Даже я могла бы ему посоветовать не испытывать судьбу на третьей планете — ведь для скальков важнее всего соблюдение приличий и порядок. У них все нужно делать именно так, а не как-нибудь иначе — а это как раз то, на что Форенс совершенно неспособен. Не прошло и двух лет, как он устроил там чудовищный скандал, его выгнали со Скалькемонда и запретили возвращаться. Что ему оставалось? Он взял и вернулся сюда, такой

же довольный собой и наглый, как всегда! Я напомнила ему о нашей „священной любви“, но он только промолчал и отвернулся. Увы, к тому времени я заметно прибавила в весе. Форенс обратился к моему отцу — он хотел выкупить свою аппаратуру за полцены, но отец и слышать об этом не хотел. Поэтому Форенсу пришлось заняться местной практикой, чтобы заработать деньги — и кого он выбрал сожительницей? Не меня, а потаскуху Импи! Похоже на то, что она с самого начала имела на него виды, распутница! А, что об этом говорить? Теперь ей не лучше, чем мне».

Хетцель почувствовал, что от него ожидается какая-то реакция, и заметил: «Ей, пожалуй, еще хуже. По меньшей мере вы сохранили достоинство!»

Оттилия кивнула с такой решительностью, что все ее светлые кудри взметнулись: «Ей приходится обслуживать всякую сволочь. Я, хотя бы, имею дело с достойными людьми».

Хетцель предположил, что рюмка-другая сублюмового коньяка неплохо сочеталась бы с сидром, изготовленным из того же фрукта; Оттилия всецело поддержала его гипотезу.

«На мой взгляд, — задумчиво сказал Хетцель, —

в Масмодо недостаточно клиентуры для того, чтобы поддерживать существование двух врачей».

«Совершенно верно! Хотя здесь больше пациентов, чем может показаться на первый взгляд — все побережье заселено аршами и „собачьими бородами“, а выше по склонам горы Йоко живут садоводы, поставляющие сублюм. Примерно к тому времени отец заболел и отошел от дел. Все пациенты стали обращаться к Форенсу — несколько лет он и эта мегера Импи были самыми занятыми людьми в Масмодо. И днем, и ночью, разумеется. Так или иначе, Форенс выплатил долг моему отцу и забрал свою драгоценную аппаратуру, а в придачу стал заведовать лазаретом. Он хотел заполучить и коттедж, но отец наотрез отказался переезжать. Теперь за ним ухаживала Зерпетта, и он чувствовал себя вполне комфортабельно среди всех своих сувениров — почему бы он стал причинять себе такое неудобство?»

«Почему бы, действительно? — Хетцель поднес бутыль к бокалу собеседницы. — Попробуйте этот превосходный коньяк».

«С удовольствием!»

Хетцель щедро наполнил бокал: «Пожалуйста, не прерывайте рассказ — он чрезвычайно зани-

мателен».

«Мне еще есть о чем рассказать. Форенс начал делать удивительные вещи — буквально творить чудеса. Один из аршей — как его звали? — Сабин Крю — выпал из лодки. На него набросился морской скелет и растрепал его, как лепестки ромашки. Его вытащили в корзине для белья — от бедняги Сабина не осталось ничего, за что можно было бы ухватиться. Но Форенс им занялся с пристрастием. И добился успеха — по меньшей мере, сохранил жизнь Сабину, после чего все арши и даже собачьи бороды стали обращаться с недугами к доктору Дакру, хотя некоторых останавливали слухи».

«Какие слухи?»

Оттилия осторожно посмотрела по сторонам: «Кто знает, правда это или нет? Можно ли поверить в то, что у доктора Дакра есть секретная лаборатория дальше по берегу, у „Бара Тинкума“, где он ставит странные эксперименты и пытается скрестить собачью бороду с пламенеоном?»

«В это трудно поверить, — заверил Оттилию Хетцель. — Тем более, что я представления не имею о том, кто такие собачьи бороды и кто такие пламенеоны».

«Собачьи бороды — безнадежный народ, бро-

дяги, живущие на пляжах, главным образом в нашей, южной части архипелага. Вы говорите, что никогда не видели пламенеона?»

«Никогда».

«О, тогда вас ожидает своего рода потрясение! Пламенеоны — важнейшие аборигены Гитерсмонда, двуногие перистые твари. Они питаются фруктами — у них невероятно яркая, причудливая окраска: роскошные розовые и лиловые хохолки, оранжевые пушистые шары по бокам и золотистые рога. С какой стати Форенс решил бы скрещивать людей с расфуфыренными туземными чудищами, не могу себе представить. Любой разумный человек понимает, что это невозможно. Тем не менее, кто-то донес на Форенса — все считают, что это сделал отец. Срочно прибыл медицинский инспектор, и скандалу не было конца — даже если Форенс не делал ничего плохого в лаборатории у „Бара Тинкума“, он здорово провинился в чем-то еще. Ему пришлось закрыть практику, он уехал из Масмодо и больше не возвращался».

«Когда это было?»

«Примерно два года тому назад, точно не помню».

«И куда он направился в этот раз?»

Оттилия пожала обширными плечами: «Может быть, Импи знает. Она надела лучшее платье, упаковала багаж, вынесла чемоданы на улицу и стала ждать — но Форенс, как прежде, так и не появился. Через некоторое время она отнесла багаж домой и переоделась в обычное тряпье. Теперь Импи отказывается даже словом помянуть Форенса Дакра, хотя время от времени я пытаюсь разговорить ее и вспомнить былое».

«Надо сказать, этот Форенс Дакр — человек изменчивого характера».

«По этому поводу, по крайней мере, Импи со мной полностью согласна».

«Может быть, ваш отец знает, где теперь находится Форенс Дакр?»

Оттилия с сожалением покачала головой — ее сожаление явно относилось к неспособности Хетцеля понимать простейшие вещи: «Мой отец ненавидит одного человека больше всех людей Ойкумены. Этого человека зовут Форенс Дакр. Но гордость не позволяет отцу упоминать о Дакре — он не выносит даже, когда имя Дакра произносят в его присутствии».

«А что случилось с дорогостоящей аппаратурой Дакра?»

«Она все еще в лазарете. Хотите на нее полю-

боваться?»

«Конечно! Вы рассказали невероятную историю — она возбудила во мне любопытство».

«И что-нибудь еще?» — Оттилия шаловливо покосилась на нового знакомого.

«Но разве это возможно? — спросил Хетцель. — Я говорю, конечно, о посещении лазарета».

«Конечно, возможно, — отозвалась Оттилия, — потому что ключ от лазарета у меня».

«Доктор Льювиль не станет возражать?»

«Даже если бы он стал возражать, что с того? Это не его дело».

Глава 10

Более чем дружелюбно подхватив Хетцеля под руку, Оттилия повела его вверх по склону. Небо пылало звездами, ветер вздыхал в кронах махорочных деревьев. Беспорядочная кривая цепочка тусклых огоньков, мигавших отражениями в воде, отмечала «Таверну Донгга» на конце причала, где гирлянды красных и зеленых лампочек обещали жаждущим возможность промочить горло.

Лазарет находился прямо напротив простого беленого коттеджа доктора Льювиля. «Вот мы

и здесь! — объявила Оттилия. — Единственная амбулатория в Масмодо — и, судя по отзывам, не такая уж плохая».

Вынув из кармана блузки небольшой цилиндр, Оттилия прикоснулась им к пластинке для считывания кодов. Дверь открылась. Оттилия включила свет: «Это приемная — достаточно приличная, но тут нет ничего интересного. Росписи на стене я сама нарисовала».

«У вас есть вкус», — похвалил Хетцель.

«Спасибо. Здесь регистратура, а помещения для обследований — вон там. А здесь был личный кабинет доктора Дакра. Его бумаги и архивные записи удалили, конечно, но все остальное…» — Оттилия сделала неопределенный жест рукой.

Хетцель зашел в кабинет, чтобы рассмотреть фотографии, висевшие на стене: «Кто эти люди?»

Оттилия прошлась вдоль стены, поясняя, в меру своих возможностей, каждую из изображенных сцен: «Это мой отец и мы, четыре девочки — все мы тогда были очень молоды… А! Только взгляните, какая я была наивная и доверчивая! Милый ребенок, не правда ли?… А вот у нас доктор Дакр и его пациент-арш, Сабин Крю. Смотрите, как его ужасно изуродовала морская бестия!»

Хетцель увидел торс арша, лежащего с непо-

движно выпученными глазами на больничной койке. Рядом стоял, самодовольно усмехаясь, доктор Форенс Дакр, явно убежденный в том, что жалкие останки, возвращенные им к жизни, могли вызывать только трепетное почтение. Хетцель спросил: «Что случилось с Сабином Крю после операции?»

«Трудно сказать. Арши не терпят инвалидов и уродов. Скорее всего, его утопили. Импи, наверное, это известно лучше всех. Вот самая роскошная из комнат для обследования пациентов — не желаете ли взглянуть?»

«Не хотел бы тратить время зря, — отказался Хетцель. — Меня больше интересует аппаратура».

«Они заперли дверь!» — пожаловалась Оттилия. Несколько раз раздраженно попытавшись повернуть ручку двери, ведущей в экзаменационную палату, она распахнула дверь комнаты напротив: «Загляните сюда — здесь тоже неплохо».

«Одно больничное помещение мало отличается от любого другого, — заметил Хетцель. — А где тут операционная?»

«Здесь! — Оттилия провела его в зал, занимавший добрую половину лазарета. — Что вы об

этом думаете?»

Хетцель, ожидавший увидеть пару скромных медицинских аппаратов, с изумлением оглядывался по сторонам. Зал был разделен на несколько секций — в каждой находился явно дорогостоящий специализированный механизм. Услышав удивленное ворчание Хетцеля, Оттилия понимающе кивнула: «Взгляните на эту штуковину — не знаю, как она называется, но ее используют во время операций. Хирург даже не приближается к пациенту, он стоит вот здесь, в кабинке. На голову он надевает вот эту маску с контактами — наклоняя голову вперед, он увеличивает изображение, поднимая голову — уменьшает. Его пальцы и руки вставляются в эти перчатки с раструбами — движениями пальцев он управляет миниатюрными инструментами, а нажатиями педалей выбирает оборудование. Пользуясь четким увеличенным изображением и плавно перемещая инструменты никогда не дрожащим захватом, хирург может уверенно выполнять самые сложные операции. Если требуется закрытая операция на внутреннем органе, врач погружает в организм пациента маленький зонд и перемещает его через желудок и кишки сфокусированными магнитными лучами. Тем

временем зонд передает изображение того, что видит. В любом месте врач может остановить зонд и впрыснуть лекарство, нагреть участок ткани или прооперировать орган или сосуд миниатюрными инструментами, после чего зонд извлекается из тела».

«Чудесно! — откликнулся Хетцель. — А этот аппарат?»

«Мне говорили, что он позволяет делать глазные операции — индексировать и пересекать оптические нервы между сетчаткой и мозгом, с целью дальнейшей пересадки глаза».

«Достопримечательно! А этот?»

Оттилия хихикнула: «Это компрессор, помогающий матери рожать». Она пояснила, в общих чертах, действие механизма.

«Очень изобретательно. А здесь у нас что?»

«Ох, давайте не будем говорить об этих головоломных машинах», — отмахнулась Оттилия. Она стремительно приблизилась, и Хетцель оказался зажат между стеной и больничной каталкой. «Как приятно встретить понимающего, сочувственного человека! — ворковала толстуха. — Иногда мне кажется, что жизнь пролетает мимо зря, день за днем…»

Ее прервал повелительный стук в дверь. Хет-

цель воспользовался случаем ускользнуть из западни. «Кто там?» — раздраженно откликнулась Оттилия.

«Зерпетта. Это ты, Оттилия? Что ты там делаешь посреди ночи?»

Оттилия бросилась к двери, но Хетцель опередил ее и распахнул дверь: «Заходите, заходите!»

Зерпетта зашла в операционный зал, жмурясь от яркого света: «Чем вы тут занимаетесь?»

«Я осматриваю лазарет. Доктор Льювиль все еще не спит?»

Зерпетта отступила в дверной проем. Заглянув ей за спину, Хетцель заметил на веранде сутулый худощавый силуэт, бледно озаренный светом из внутреннего помещения. Протиснувшись мимо Зерпетты, Хетцель вышел из лазарета, пересек улицу и встал у подножия лестницы: «Доктор Льювиль?»

«Молодой человек, я больше не практикую и не даю интервью. Я не хочу с вами разговаривать», — у старика был низкий, заунывный, хрипловатый голос.

«Тем не менее, — возразил Хетцель, — вы человек и, предположительно, человек не безответственный. Я стараюсь установить местонахождение Форенса Дакра и, хотя бы просто

из вежливости, вы могли бы сообщить мне его адрес».

Серое лицо пригнулось ближе, мутно-серые глаза уставились на Хетцеля: «Кто вы такой? Что вам нужно от доктора Дакра?»

«Меня зовут Майро Хетцель. Мое имя ничего для вас не значит. Я — частный детектив. Форенс Дакр нанес ущерб моему клиенту. Я желаю возместить этот ущерб».

«Скажу вам одно — и ничего больше. Доктор Дакр — блестящий специалист. Он произвел здесь большое впечатление, после чего уехал из Масмодо. Он никому не говорил, куда направлялся и что намеревался делать дальше. Он не оставил никакого адреса, и никто из нас не получал никаких сведений о том, где он мог бы теперь находиться. Это все, что я могу вам сообщить».

Хетцель смотрел вслед шаркающей сутулой фигуре, скрывшейся в коттедже. Зерпетта тоже тихонько проскользнула в коттедж. Медленно обернувшись, Хетцель обнаружил, что остался один. Почувствовав уклончивость нового знакомого, Оттилия тоже сочла нужным удалиться.

Спустившись по главной улице мимо гостиницы к набережной, Хетцель осторожно оценил обстановку, после чего прогулялся по шаткому

причалу к «Таверне Донгга», откуда доносились звуки электрических струнных инструментов, сопровождавшиеся гортанными, притворно эмоциональными завываниями. Хетцель зашел в таверну.

Арши — не меньше дюжины — сгорбились над чугунными горшками с пивом. За стойкой бара стояла Импи, апатичная и отчужденная.

Хетцель приблизился к углу стойки, и через некоторое время Импи соблаговолила взглянуть в его сторону.

«Да, сударь?» — спросила она голосом черствым, как прошлогодняя корка хлеба.

«Я был бы не прочь выпить еще кварту ромового пунша, — сказал Хетцель, — несмотря на то, что ваша сестра о нем не слишком высокого мнения».

Импи подняла невидимые брови: «Оттилия? Что она понимает в таких вещах?»

«Надо полагать, ничего. Порой она выражает весьма необычные мнения».

Импи отвернулась и фыркнула: «Удушающая лавина неприкрытой женственности — так кто-то когда-то о ней отозвался».

«Ее привязанность может носить сокрушительный характер, — согласился Хетцель. — Кто

такой Сабин Крю?»

«Один из аршей. Почему вы спрашиваете?»

«Арш? А, ну тогда ладно».

Импи перегнулась через стойку, ее глаза сверкнули: «Что вы имеете в виду? Что значит — тогда ладно?»

«Ничего, по сути дела. Надо полагать, доктор Дакр был впечатляющим хирургом. Если бы Сабин Крю не умер…»

«Кто сказал, что Сабин умер?»

«Разве не так? Доктор Дакр все еще его навещает?»

«Откуда мне знать?» — вызывающе спросила Импи.

«Мне дали понять, что вы хорошо знали и доктора Дакра, и Сабина Крю».

«Я не знакома ни с какими аршами».

«Разумеется. Но как Сабин Крю умудряется теперь добывать себе средства к пропитанию?»

«Об этом вам придется спросить его мать».

«Оттилия сказала, что за ним ухаживает доктор Дакр».

«Ха! — смех Импи был воплощением презрения. — Что она понимает?»

«Значит, мать Сабина не живет вместе с вами?»

На лице Импи отобразилась любопытная смесь эмоций — в ней боролись удивление, ярость, недоверие: «Вы что, с ума сошли? Почему вы говорите такие глупости?»

«Прошу прощения, — смутился Хетцель. — Я чего-то не понял. Сказать по правде, я не слишком прислушивался к…»

Лицо Импи сморщилось от гнева: «Мать Сабина Крю зовут Фарукас. Она живет в пятнадцати километрах дальше по берегу. Ступайте туда сами! И все увидите!»

«Очевидно, я в чем-то ошибся. Где можно было бы найти доктора Дакра? Если я смогу его увидеть, я во всем окончательно разберусь…»

«Вы и ваш доктор Дакр! — завопила Импи и разбила бутылку о прилавок. — И вы, и он можете…»

Хетцель поднялся на ноги и покинул «Таверну Донгга». Многоэтажная тирада Импи постепенно затихала по мере того, как он возвращался по причалу на берег.

Глава 11

Утром Фрайцке подала Хетцелю завтрак в ресторане гостиницы. Хетцель решил, что девушка,

скорее всего, ничего не знала о Форенсе Дакре — в конце концов, теперь наступила очередь Зерпетты. Он пересек затененную деревьями улицу, зашел на почту и отправил телеграмму Конвиту Кленту на виллу Дандиль в Юнисе близ Кассандера на Фессе:

> Я обнаружил весьма запутанную ситуацию, но смогу разобраться, в чем дело, в течение нескольких следующих дней. Результаты, по меньшей мере в том, что относится к вашим интересам, все еще невозможно предсказать определенно. Буду держать вас в курсе.

Спустившись по главной улице на набережную, Хетцель вышел на причал и задержался, рассматривая рыбацкую лодку с планширями, расписанными красными, белыми и черными аршскими символами.

В кокпите сидел на корточках арш в свободной белой рубахе и черных штанах, закреплявший новый водозащитный порог вокруг люка.

«Ваша лодка сдается в аренду?» — спросил Хетцель.

Арш поднялся на ноги и, вытирая руки о штаны, осторожно рассмотрел Хетцеля: «А куда вы

хотели бы плыть, мернер?»[9]

«Я хотел бы проплыть километров пятнадцать-двадцать вдоль берега — может быть, до самого „Бара Тинкума“. Вас это затруднит?»

«Не особенно. Тогда спускайтесь в лодку, мернер, и поехали».

«Не спешите. Мы еще не договорились о цене».

Переговоры длились несколько минут, но в конечном счете Хетцель спрыгнул в лодку.

Преобразователь энергии вздохнул, захваченная электромагнитным полем вода заструилась вдоль приводных пазов под кормой; маневрируя среди причалов, лодка обогнула волнолом и выскользнула навстречу ленивым валам Всемирного океана. «Теперь куда, мернер?» — спросил арш.

«Я журналист, — пояснил Хетцель. — Мне поручили написать статью о докторе Дакре и его работе. Вы с ним знакомы».

«Нет, не знаком».

«Как насчет Сабина Крю — вы его знаете?»

«Его следовало утопить. Ухаживать за полутрупом неправильно, это навлечет беду. Можете так и сказать своим читателям».

---

[9] notes: 9

Мернер: обычное вежливое обращение на планетах системы Звезды Джингкенса.

«Обязательно об этом упомяну, — пообещал Хетцель. — Говорят, что теперь Сабин Крю живет со своей матерью, Фарукас».

«Я был в таверне, когда Импи вам об этом сообщила, — заметил рыбак. — Она много чего наговорила и продолжала говорить еще долго после того, как вы ушли».

«Она умеет красочно выражаться, — согласился Хетцель. — Так что отвезите меня к дому Фарукас».

«Как вам угодно».

Лодка плыла мимо белых песчаных пляжей, наклонившихся к воде кокосовых пальм, сиреневых и розовато-лиловых ганджей, розовых хорджиан, тянувшихся на десятки метров лиан с большими белыми цветами, напоминавшими раструбы валторн. Лодка скользила то по лазурно-прозрачному мелководью, то над темными синими глубинами; перегнувшись через борт, Хетцель мог наблюдать за всевозможной морской живностью — на подводных камнях шевелились существа, похожие на белые перчатки с черными напалечниками; искристые голубые иглы сновали из стороны в сторону, одновременно останавливаясь; мимо проплыла снежно-белая трехметровая рыбина с расширяющейся, как

лезвие топора, клиновидной головой полутораметровой ширины; из-под скалы выползала тварь, которую рыбак назвал «морским скелетом» — нечто вроде решетчатого пятиметрового скорпиона с клешнями на обоих концах; пугливо спасались от лодки бесчисленные стайки мелкой рыбешки.

Через некоторое время рыбак протянул руку: «Вот „Бар Тинкума“ и дом Фарукас».

Дом белел на слегка возвышенной насыпной площадке среди фруктовых деревьев, за вереницей кокосовых пальм — сооружение из кристаллизованного песка, гораздо более внушительное, чем ожидал Хетцель. За приближением лодки наблюдала облокотившаяся на поручень веранды женщина из племени аршей. Хетцель спросил: «Это Фарукас?»

«Да, это она там стоит».

«Давайте причаливать».

Рыбак привязал лодку к бетонному пирсу; Хетцель спрыгнул на берег и поднялся по тропе к дому. С тех пор, как он увидел ее издали, женщина на веранде не сдвинулась с места. «Добрый день! — позвал Хетцель. — Вы — Фарукас?»

«Да, я — Фарукас».

Хетцель присоединился к ней на веранде;

женщина смотрела на него с опаской. Как у всех аршей, у нее была приземистая фигура с массивными плечами и короткими толстыми ногами. Ее уши, и так уже растопыренные и обвисшие, были дополнительно растянуты серьгами-затычками из резной киновари; нос, кривой и мясистый, висел подобно неудачно выросшему огурцу: «Зачем вы сюда приехали, сударь?»

«Где находится Сабин Крю?»

«Здесь его нет!» — с гордой решительностью заявила Фарукас.

Из дома послышался какой-то шум, словно кто-то передвигал стул по деревянному полу. Хетцель заметил: «Вы говорите, что его здесь нет. Кто же, тогда, производит этот шум?»

Перед тем, как Фарукас успела ответить, Хетцель прошел мимо нее внутрь жилища.

Он оказался в продолговатом помещении с беленными оштукатуренными стенами, разделенном на две половины низким прилавком, на дальнем конце которого были расставлены лотки с кашей и печеными фруктами. За прилавком стояли три роскошных существа, каждое на две головы выше Хетцеля. Остроконечную, словно выделанную из белесой дубленой кожи физиономию каждого существа увенчивали пара

винтообразных золотистых рогов и гребень из пучков длинных разноцветных перьев — алых, серых, лиловых, оранжевых. Под головой воротник черного меха нависал над обширной грудной клеткой, тогда как головной гребень продолжался, спускаясь вдоль спины. «Колоритное собрание, нечего сказать!» — подумал Хетцель. Существа эти явно отвечали своему популярному прозвищу, «пламенеоны». Смерив Хетцеля вопросительно-высокомерными взглядами, аборигены вернулись к кормежке. В «человеческую» секцию помещения зашел четвертый пламенеон — заметив Хетцеля, он замер, неподвижно глядя на непрошеного гостя: существо не такое высокое, как другие, потяжелее и поплотнее, с большой, почти шарообразной головой.

Ворвавшаяся внутрь Фарукас встала перед Хетцелем, загораживая аборигенов, и закричала: «Я же вам говорила — здесь нет Сабина Крю!»

«Это понятно. Кто заплатил за этот роскошный дом?»

Фарукас небрежно махнула рукой: «О, у меня есть деньги».

«От кого вы получаете эти деньги?»

«Да-да, я получаю деньги».

«Деньги вам дает Сабин Крю?»

«Да-да, верно, — кивнула Фарукас. — Он добрый».

«А от кого Сабин Крю получает свои деньги?»

«Не знаю. Может быть, от доктора».

«Где сейчас доктор Дакр?»

«Я не знаю, где доктор».

«Я должен сообщить ему о налоге, но мне придется говорить с вами».

«Ничего не знаю про налог».

«Конечно, нет — потому что это не ваш дом! Доктор Дакр не хочет, чтобы здесь жила какая-то старуха — вам придется убираться отсюда».

«Нет-нет! Доктор хочет, чтобы я кормила пламов!»

«Ага! Вы тут заботитесь о пламах?»

«Да, это правда».

«Значит, вам придется платить налог».

«Нет налога на пламов», — без особой уверенности возразила Фарукас.

«Именно в этом вы ошибаетесь. С вас причитается большой налог! Я уполномочен получить деньги».

Фарукас беспокойно бросила взгляд через плечо: «У меня нет денег».

«Значит, я должен их получить от доктора или от Сабина Крю. Говорите, где они — или мне

придется подать негативнопредосудительный отчет!»

Фарукас снова взглянула в сторону пламенеонов, словно ожидая от них помощи. Три высоких аборигена ели, не обращая никакого внимания на людей; четвертый вышел из помещения.

«Я не знаю, где доктор Дакр, — упавшим голосом сказала Фарукас. — Сабин в Масмодо. Он живет у старика Льювиля».

«У старика Льювиля, даже так? Я говорил со стариком Льювилем — он ни словом не упомянул, что Сабин живет у него».

«Льювиль приютил Сабина по просьбе Дакра. Они работали вместе много лет — они большие друзья».

«Возможно, — Хетцель подошел к фотографии, висевшей на стене. — Кто это? Неужели Сабин Крю?»

«Да, это Сабин! — гордо кивнула Фарукас. — Он жив и здоров, ему весело».

Хетцель вернулся в лодку. Рыбак-арш отчалил и повернул назад в Масмодо. Через несколько минут он издевательски спросил: «Так вы нашли Сабина Крю?»

«Нет. По словам его матери, он в Масмодо».

«Это я мог бы сам вам сказать».

«Не сомневаюсь, — Хетцель перевел взгляд с океанских волн на лицо рыбака. — Почему Импи сказала, что он живет с матерью?»

«Она не говорила, что Сабин живет с матерью, она вам сказала задавать вопросы его матери».

«Вероятно. Не помню в точности, что она говорила. Что еще вам известно? О чем еще вы мне не сказали?»

«Я знаю, почему доктор Льювиль донес медицинскому инспектору на доктора Дакра».

«И почему же?»

«Вы заплатите за эту информацию десять СЕРСов?»

«Скорее всего, нет».

«Сколько вы заплатите?»

«Трудно сказать».

«Ладно, все равно вам об этом расскажет кто-нибудь другой, и бесплатно. Фарукас содержит трех пламенеонов. Вы их видели?»

«Да, — сказал Хетцель. — Видел».

«Ходили слухи, что доктор Дакр применял предотвращающую отторжение сыворотку, чтобы скрещивать людей с пламенеонами, и что Фарукас родила такого гибрида».

«Если бы это было правдой, такая история прогремела бы скандалом по всей Ойкумене».

«Медицинский инспектор, мернер Стайпс, задал жару доктору Дакру — так что, вполне может быть, в этих слухах кроется доля правды».

«Тогда почему же доктор Льювиль теперь содержит Сабина Крю?»

Рыбак пожал плечами: «Льювиль запер на замок машины доктора Дакра. Ссора двух врачей выгодна только Сабину. Если бы он был здесь, с нами, я тут же выбросил бы его за борт. Море его потребовало, и теперь никогда его не отпустит».

«Остается вопрос: где доктор Дакр?»

«Он приезжает и уезжает. Он может приехать завтра».

«Вполне возможно. Что еще вы знаете?»

«Ничего, мернер, за что вы согласились бы заплатить».

Вернувшись в Масмодо, Хетцель прошел от причала к почте, откуда он связался с детективным агентством «Азимут» в Наргуйсе. Обменявшись любезностями с директором агентства, Хетцель зарезервировал услуги пяти оперативных работников высшей квалификации. Агенты прибыли в Масмодо на следующий день, и Хетцель объяснил им, что от них требовалось: «Выше, на склоне холма, вы видите лазарет и коттедж. В одном из этих зданий живет важнейший свидетель по

рассматриваемому делу — ему нельзя позволить ускользнуть их наших рук. И за коттеджем, и за лазаретом необходимо вести постоянное наблюдение: двумя из вас днем, тремя ночью. Сами определите такое расписание, какое вас устраивает. Предусмотрите любую возможность. Если вам потребуется помощь, звоните в „Азимут“. С моей точки зрения, чем больше людей займутся этим делом, тем лучше. Держитесь не слишком заметно, но не пытайтесь стать невидимками. Женщина, живущая в коттедже, может выходить и приходить беспрепятственно — но будьте совершенно уверены в том, что это женщина. Пусть вас не обманывают накладные груди, парик или какие-нибудь другие уловки. Все ясно?»

Агенты задали несколько вопросов; Хетцель на них ответил, устранив всякую возможность недоразумений, после чего покинул Масмодо.

Глава 12

На виллу Дандиль доставили телеграмму, адресованную Конвиту Кленту:

Ситуация достигла критической стадии. Требуется ваше присутствие. По-

жалуйста, немедленно отправляйтесь в Наргуйс на Гитерсмонде. Ожидаю вас в номере 100 отеля „Космолюкс“. Воспользуйтесь первым доступным пассажирским рейсом.

Хетцель встретил Клента, прибывшего в отель «Космолюкс», в прихожей номера 100: «Вы приехали последним, но все еще вовремя. Заходите в гостиную».

Клент не сдвинулся с места: «Пожалуйста, объясните, что происходит».

«С удовольствием предоставил бы вам любые разъяснения, кстулль Клент, но время не ждет — другие участники спектакля начинают беспокоиться, а нам еще многое предстоит сделать. Будьте любезны, заходите — я вас представлю».

Хетцель провел Клента в гостиную. Беседовавшие там лица замолчали и принялись изучать Клента с интересом более прямолинейным и сосредоточенным, чем это было бы приемлемо в обычных обстоятельствах.

«Наконец, — обратился к присутствующим Хетцель, — мы все в сборе, за исключением человека, который вскоре к нам присоединится. Господа, перед вами кстулль Конвит Клент с планеты

Фесс. В гостиной сидят Лазарь, барон Койрбум из Дистля, доктор Аартемус из Наргуйского медицинского института, мернер Андер Стайпс, медицинский инспектор Торпельтинского архипелага, пастор Дэндрю Чизлинг, настоятель Академии Трепетных Вод, также на планете Фесс, и достопочтенный Шейд Казбейн из Мойриса на Скалькемонде. Все мы представляем различные эпохи в жизни Форенса Дакра. Не все эпохи, конечно. Остается еще провести интервью с неким доктором Льювилем, после чего…»

Барон Койрбум конвульсивно приподнял руки, сжав кулаки: «Неужели нельзя обойтись без предисловий? Переходите к делу! Где Форенс?»

«Вы правы, барон, — откликнулся Хетцель. — Не будем откладывать. Нас ждет машина — мы…»

«Нам придется еще куда-то ехать?»

«Таково необходимое условие, барон. В Масмодо на Янус-Амахе мы заполним последний пробел в карьере Форенса Дакра. Свидетель последнего этапа жизни Дакра предпочитает быть отшельником, но это нас не остановит: ситуация должна привести к развязке, так или иначе. Все готовы? Хорошо. Будьте добры, следуйте за мной…»

Глава 13

Аэробус пролетел вдоль цепочки Торпельтинских островов, стал постепенно снижаться, когда на горизонте появилась Янус-Амаха, и приземлился за зданием почтового отделения в Масмодо. По мере того, как пассажиры выходили из салона, Хетцеля отвел в сторону невысокий седой человек атлетического телосложения. Они побеседовали несколько минут, после чего Хетцель вернулся к другим: «По-видимому, все в порядке. Это мой сотрудник, Бруно Имхальтер из агентства „Азимут“. Позвольте сказать пару слов о докторе Льювиле. В свое время он был партнером Форенса Дакра, затем его конкурентом, и в конечном счете стал его врагом. Там, где дорога поднимается по склону холма — его коттедж; напротив — лазарет, где находится множество хирургических механизмов доктора Дакра. В лазарете проживает пациент, хорошо знакомый с доктором Дакром, некий Сабин Крю — ему должно быть известно местонахождение Дакра. Я и мернер Имхальтер сделали все возможное для того, чтобы Сабина Крю не сумели как-нибудь удалить из Масмодо».

«Все это очень замечательно, — проворчал Клент. — Но где Дакр?»

«Форенс Дакр непредсказуем, — ответил Хетцель. — Мы можем обнаружить, например, что он скрывается у всех на глазах, прибегая к дерзкому притворству. Форенс Дакр наслаждается ощущением сверхчеловеческой власти, которому иногда способствует анонимность маскарада. Но теперь мы навестим доктора Льювиля — хотя не могу гарантировать, что нас ожидает сердечный прием».

Их приближение к коттеджу не прошло незамеченным. Как только незваные гости взошли по ступеням на веранду коттеджа, дверь распахнулась, и выглянула Зерпетта — ее круглое лицо пылало гневом, смехотворные светлые кудряшки прыгали и болтались: «Будьте любезны! Мы не желаем вас видеть! Уходите, вам здесь нечего делать! Или я позову полицию!»

«В этом не будет необходимости, госпожа Льювиль: уверяю вас, мы — добропорядочные люди, и цель нашего визита носит вполне законный характер. Если вы будете так любезны и сообщите доктору о нашем прибытии, мы закончим наши дела в кратчайшие возможные сроки».

Зерпетта набрала воздуха, чтобы обрушить на

Хетцеля и его спутников очередной залп возмущенных возражений, но у нее за спиной кто-то что-то строго сказал, и она отступила, придерживая открытую дверь: «Тогда заходите, все! Вот коврик, вытирайте ноги, а то вы у меня наследите! Моя бы воля, я бы вас никогда не пустила».

Сохраняя многозначительное молчание, посетители один за другим зашли в гостиную, выходившую на веранду. «Доктор Льювиль? — вежливо обратился к хозяину Хетцель. — Кажется, мы уже встречались, хотя и не представились друг другу как следует».

Владелец коттеджа, угрюмо ссутулившийся за столом, только хмыкнул в ответ, после чего, заметив Бруно Имхальтера, вспылил: «Мой дом под наблюдением! Зачем? Чего вы от меня хотите?»

«Все очень просто, — ответил Хетцель. — Нам сообщили, что вы содержите в лазарете Сабина Крю».

«Ну и что?»

«Почему вы о нем заботитесь?»

«Не ваше дело».

«Не стал бы утверждать с уверенностью, что это не мое дело. Разве Сабин Крю — не пациент доктора Дакра?»

«Доктор Дакр взял на себя еще не выполненные

обязательства — передо мной и перед другими членами моей семьи».

«В таком случае, — продолжал Хетцель, — почему вы не желаете с нами сотрудничать?»

«Я научился никому не доверять. Все, над чем я работал, разрушено — из-за моей доверчивости. Больше этого не будет. Меня не интересуют ваши проблемы, вам придется их решать самостоятельно. А теперь я попросил бы вас удалиться. Перестаньте мне надоедать — я старый больной человек, и уже почти ничего не вижу».

«Всецело вам сочувствую, — отозвался Хетцель. — Разрешите нам обменяться парой слов с Сабином Крю, и мы больше не будем вас беспокоить».

«Ничего я вам не разрешу».

«В таком случае нам придется его увидеть без вашего разрешения».

«Поступайте, как хотите. Я не могу заставить вас соблюдать правила приличия».

«Тогда будьте добры, позовите его».

«Нет. Уходите. Его здесь нет».

Зерпетта протиснулась к Хетцелю и встала перед ним: «Сколько еще вы будете здесь оставаться?»

«Недолго. Мернер Имхальтер, загляните, по-

жалуйста, в лазарет. Вы что-то сказали, доктор Льювиль?»

«Уходите. Убирайтесь!»

Хетцель последовал за Имхальтером на веранду и дал указания, вызвавшие на физиономии Имхальтера мрачную усмешку.

Вернувшись в гостиную, Хетцель сказал: «Мернер Имхальтер и его агенты приведут сюда Сабина Крю. Если вы не возражаете, доктор Льювиль, мы зададим ему несколько вопросов на веранде».

«Я предпочел бы слышать, о чем вы его спрашиваете».

«Как вам будет угодно». Хетцель обратился к своим спутникам: «Скорее всего, вы задаете себе вопрос: почему я и доктор Льювиль придаем так много значения какому-то Сабину Крю. В конце концов, он всего лишь рыбак из племени аршей, которому нанес многочисленные увечья морской скелет. Но он представляет собой шедевр доктора Дакра, венец его профессиональной карьеры, если можно так выразиться — возвращение к жизни человека, от которого остался лишь растерзанный обрубок. Даже доктор Льювиль не может не согласиться с тем, что доктор Дакр хорошо сделал свое дело. Не правда ли?»

«Доктор Дакр, несомненно, непревзойденный специалист в своей области».

Прошло несколько минут. Конвит Клент начал было что-то говорить, но передумал. Барон Койрбум несколько раз судорожно сжимал кулаки, приподнимая руки уже привычным для окружающих жестом.

В дверь постучали. Вошли Имхальтер и один из его подручных, в сопровождении человека в грязном больничном халате.

Хетцель пригласил новоприбывшего присесть: «Мы причинили вам некоторое неудобство и, боюсь, вам придется еще немного потерпеть». Обратившись к Зерпетте, он сказал: «Будучи дочерью доктора Льювиля и медсестрой, вы, конечно же, знакомы с устройством человеческого организма». Повернувшись к спутникам, Хетцель продолжал: «Не пытаясь произвести какой-либо драматический эффект, я всего лишь позволю себе представить вам Сабина Крю, некогда рыбака-арша, а ныне — человека, которого вы видите перед собой».

Окружной медицинский инспектор, Андер Стайпс, с внезапным интересом наклонился к пациенту: «Он не арш. Если, конечно, он не полукровка — но он не выглядит, как полукровка».

«Его нельзя назвать чистокровным аршем, — подтвердил Хетцель. — Имхальтер, будьте добры, снимите с Сабина больничный халат».

Сабин Крю почти не сопротивлялся и вскоре сидел на стуле голый, в одних трусах.

«Попрошу вас, господа, внимательно рассмотреть Сабина Крю, — сказал Хетцель. — Вполне возможно, что вы заметите знакомые вам части тела».

«Если я не ошибаюсь, — произнес доктор Аартемус, — у него мои ноги. И мои ступни».

«Вот куда дует ветер! — внезапно встрепенувшись, воскликнул Шейд Казбейн. — У него моя левая рука! Взгляните на татуировку!»

«Правая рука принадлежит мне, — заявил пастор Чизлинг. — Я уже давно ношу этот протез из пластика и стали, и до сих пор никогда не жаловался, но теперь — другое дело!»

Медицинский инспектор Стайпс мрачно кивнул: «В свое время доктор Дакр посоветовал мне не совать нос не в свое дело, если я не хочу лишиться носа. И это были не пустые слова».

«Форенс заявил мне, что я слишком часто открываю рот и могу потерять челюсть, — печально заметил барон Койрбум. — Так и случилось».

Вмешался Конвит Клент: «Не хотел бы обсуж-

дать характер моей потери при посторонних, но у меня, наконец, появилась надежда. Майро Хетцель, вы оправдали свою репутацию. Как вы обо всем этом узнали?»

«Это довольно сложный процесс сопоставления фактов, в сочетании с парой удачных догадок», — уклончиво ответил Хетцель, никогда не желавший, чтобы применяемые им методы показались слишком очевидными. Теперь однако, заметив вопросительные взгляды окружающих, он понял, что ему придется дать дополнительные разъяснения: «По ходу расследования, конечно, мне удалось пронаблюдать несколько любопытных обстоятельств. Несколько дней тому назад я навестил мать Сабина Крю, живущую по соседству с „Баром Тинкума“. Находясь у нее в доме, я заметил на стене фотографию Сабина Крю — в том виде, в каком он находится в настоящее время — и мои подозрения подтвердились. С тех пор моя первоочередная задача заключалась в том, чтобы предохранять Сабина от какого-либо несчастного случая или насилия и ни в коем случае не допустить, чтобы он сбежал или чтобы его убили. Теперь я могу продемонстрировать вам ваше похищенное имущество».

«Все это замечательно, — сказал Шейд Каз-

бейн. — Но что мы можем сделать с нашим имуществом?»

Хетцель пожал плечами: «Напротив, через дорогу — небольшая больница, а среди вас есть выдающиеся медицинские специалисты: доктор Аартемус, доктор Льювиль…»

«Я вышел на пенсию. Плохое зрение не позволяет мне работать».

«Что, кстати, позволяет выдвинуть еще одно предположение. Когда именно у вас испортилось зрение, доктор Льювиль?»

«Не так давно. Три года тому назад. Причем это случилось буквально за одну ночь».

«Вам известно, что в лазарете установлено оборудование для пересадки глаз?»

«Да, конечно. Но ваши домыслы смехотворны. Доктор Дакр никогда не посмел бы…»

«Какого цвета были ваши глаза перед тем, как у вас испортилось зрение?»

«У меня были голубые глаза. Но заболевание привело к изменению их цвета».

Хетцель кивнул: «Позвольте нам вспомнить о том, в чем заключалось ваше сотрудничество с доктором Дакром. Он поступил к вам на работу в качестве помощника. Медсестрой тогда была Оттилия…»

«Да! Она никак не могла оставить его в покое, похабница! Я выгнал Дакра и ее вместе с ним, после чего моей медсестрой стала Импи».

«Совершенно верно. Доктор Дакр улетел на Скалькемонд. В свое время он поссорился с мернером Казбейном и, в то же время, нарушил строгие законы скальков, что заставило его поспешно вернуться в Масмодо. Здесь он стал конкурентом доктора Льювиля, открыв свою собственную практику, и нанял — или соблазнил — Импи, покинувшую отца.

Ему удалось спасти жизнь Сабину Крю, но я сомневаюсь, что великолепный замысел уже сложился у него в голове к тому времени, так как он занялся экспериментами над пламенеонами. Доктор Льювиль сообщил о его деятельности инспектору Стайпсу, тот прибыл в Масмодо и аннулировал лицензию Дакра. Доктору Дакру снова пришлось сменить место жительства. Импи, которую отец больше не желал видеть, стала работать в таверне. Доктор Дакр объявился в Кассандере на планете Фесс и быстро добился там успеха, но при этом не забывал о своих многочисленных врагах — начиная с пастора Чизлинга, выгнавшего его из Академии Трепетных Вод, и кончая инспектором Стайпсом и несчастным

Конвитом Клентом. Доктор Дакр часто совершал поездки, и во время каждой из этих отлучек Сабин Крю получал новые органы и части тела. Но, как видите, не новые глаза. У доктора Льювиля были голубые глаза.

Доктору Дакру, таким образом, приходилось проводить в Масмодо много времени. Как он ухитрялся скрывать свое присутствие? Могу предположить один подходящий способ. Однажды ночью доктор Льювиль умер, будто бы во сне. На следующее утро появился доктор Дакр; ему удалось утешить Зерпетту, к тому времени уже превратившуюся в легкую добычу — подобно всем остальным дочерям Льювиля, изнывавшим в окружении аршей. Форенс Дакр тихонько спровадил тело Льювиля в море, научился ходить шаркающей походкой, ссутулившись и опираясь на тросточку — и доктор Льювиль воскрес, но стал еще большим затворником, чем прежде. Имхальтер, будьте добры…»

Бруно Имхальтер схватил Льювиля за седые локоны и сорвал парик вместе с тонкой пленочной маской, покрытой бледными морщинами — перед присутствующими явился Форенс Дакр.

«Маскарад был настолько дерзким и невероятным, что мог обмануть кого угодно. Но Оттилия

упомянула, что в их семье все были левшами. Когда я впервые встретился с доктором Льювилем, я заметил, что он держит трость в правой руке. Таким образом, доктор Льювиль был кем-то другим. Кем он мог быть? Доктором Дакром, кем еще?

Фрайцке, конечно, отправили помогать Оттилии. В конце концов, теперь наступил черед Зерпетты. И все это время в Кассандере Форенс Дакр настойчиво ухаживал за Пердрой Ольруфф — но она предпочла другого, более порядочного человека. Имхальтер, надеюсь, вы конфисковали все оружие?»

«Все, что смогли найти, кстулль Хетцель — лучевой автомат „Вааст“ и пару мини-пистолетов, стреляющих разрывными пулями».

«Итак, мое расследование закончено. Господа, вам предстоит решить, что вам следует делать дальше. Предлагаю воспользоваться оборудованием, установленным в лазарете. Доктор Аартемус мог бы связаться с хирургами-специалистами, не возражающими против конфиденциального выполнения нескольких операций. Кроме того, если кому-либо при этом будет нанесен ущерб — почему, в частности, должен пострадать ни в чем не повинный Сабин Крю? — предлагаю также предоставить ему органы и части тела того

индивидуума, который незаконно пересадил ему органы и части тела других людей».

«Не могу не согласиться с вашим предложением, — откликнулся Конвит Клент. — Что вы думаете по этому поводу, доктор Аартемус?»

«Меня в какой-то степени стесняет присутствие мернера Стайпса, медицинского инспектора Торпельтинского округа».

«Из-за меня можете не стесняться! — заявил Андер Стайпс. — По сути дела, я сию минуту складываю с себя полномочия инспектора. Когда операции будут завершены, я могу пересмотреть свое решение, но в данный момент рассматривайте меня как пособника».

«В таком случае нет никаких причин откладывать операции, — сказал доктор Аартемус. Впрочем, как быть с Зерпеттой?»

Зерпетта сухо отозвалась: «Я узнала много такого, о чем даже не подозревала — в частности, о существовании некой Пердры Ольруфф в Кассандере. Можете игнорировать мое существование. Мне тут больше нечего делать. Наступила очередь Фрайцке».

Глава 14

В гостиной виллы Дандиль Хетцель вручил Конвиту Кленту счет за расходы: «Итоговая сумма довольно велика, потому что услуги таких людей, как Бруно Имхальтер, недешевы — и, как вам известно, мне пришлось совершить несколько длительных поездок».

«Ни слова больше! — объявил Клент. — Я в высшей степени удовлетворен результатами вашей работы. Более того, каждый из участников известной вам группы настоял на том, чтобы покрыть часть ваших расходов, в связи с чем на мою долю остается не так уж много».

«В таком случае больше нет никаких проблем, — сказал Хетцель. — Позвольте мне пожелать вам и вашей супруге здоровья, счастья, благополучия, почтительных сыновей и послушных дочерей».

«Надеюсь, что ваши пожелания сбудутся, Майро Хетцель. Что теперь будет с Форенсом Дакром?»

«Он под опекой Фрайцке и Сабина Крю».

«А он не сотворит еще какую-нибудь пакость?»

«Вероятность невелика. Не забывайте, что в том случае, если по какой-либо причине потре-

буется вернуть Дакру его органы и конечности, потерпевшей стороной окажется Сабин Крю. Не забывайте также о том, что арши — очень суеверная раса; они убеждены в том, что немощь навлекает беду. Поэтому, скорее всего, мы больше не услышим о Форенсе Дакре. Тем не менее, когда мне снова приведется побывать на Гитерсмонде, я заеду в Масмодо и узнаю, что и как. Бывает любопытно снова взглянуть на места, где я проводил расследование».

Маск. Тэйри

Восточные пределы Ойкумены граничат с примечательным вкраплением пустоты, Большой Дырой. В этой галактической глуши почти никто никогда не бывает — ни космических торговцев, ни скитальцев там ничто не прельщает. За Большой Дырой мерцает Зангвильский Риф: волнистая полоса редких звезд зловещей репутации. Не удивительно, что окрестности Большой Дыры пустынны.

В глубине Большой Дыры горит звезда, Мора. В систему Моры входит своего рода астрономическая достопримечательность — небесное тело, состоящее из Маска и Ская, двух планет-близнецов примерно одинаковой массы, вальсирующих по орбите громоздкими эпициклами.

Скай и Маек населены. Никто не знает, сколько человеческих волн мигрантов пересекли бездну Большой Дыры, чтобы осесть на планетах Моры — возможно, не больше двух. В последнюю очередь прибыл контингент из четырнадцати кораблей догматических отказников с планеты Диософеды, обнаруживших на Маске и на Скае

народ необычайной древности: сайданийцев, уже настолько отступивших от экуменического прототипа Homo gaea, что их относят к отдельному виду Homo тога.

Зангвильский Риф преградил путь отказникам, и четырнадцать звездолетов опустились на Маек. Новоприбывшие изгнали сайданийцев из обширной страны, нареченной ими «Тэйри» в честь Эйу-са Тарио, толкователя истинной Догмы. Команда тринадцатого корабля не признавала принцип троебожественности Эйуса Тарио; отступников изгнали в Глентлин, суровый скалистый край на полуострове у западных границ Тэйри. «Неискупимые» с четырнадцатого корабля отвергали и Догму как таковую, и «превозвышенность» Эйуса Тарио в частности — им запретили приземляться в Тэйри. Звездолет неискупимых, атакованный, судя по всему, парой космических шлюпок отказников, разбился в горах Дохобея и больше в скрижалях истории не упоминается.

«Двенадцать команд» разделили Тэйри на дюжину округов и сформировали государство в строгом соответствии с «Догматическими предписаниями». Диософеда, исходный мир отказников, стал образцом всего, чего следовало избегать. На Диософеде преобладала шумная городская

жизнь — в Тэйри поощрялись буколические поселки и разрозненные фермы. Диософиды контролировали стихийные процессы, предпочитая искусственные среды обитания — тариоты посвятили себя сохранению естественных ландшафтов и применению материалов натурального происхождения. Диософиды легкомысленны, циничны, склонны к неуважению властей, гоняются за новинками и сенсациями, довольствуясь поверхностными, фальшивыми заменителями переживаний. Тариоты присягнули идеалам долга, простоты и умеренности, уважения к общественному положению.

Приспосабливаясь к недружелюбной природе Глентлина, отступники с тринадцатого корабля обособились от остальных тариотов — их потомков мало-помалу стали называть «глинтами». У глинтов и тариотов развились карикатурные представления друг о друге. В Тэйри слово «глинт» связывалось с понятиями хамства, неотесанности, необузданности. С точки зрения глинта быть тарио-том значило быть человеком двуличным, скрытным и утонченным до извращенности.

Многие глинты занялись плаванием по Пространному океану. Со временем моряки выработали концепцию океанского национализма.

Другие — главным образом кланы, населявшие верховья рек в Маркативных горах — превратились в разбойников, разорявших склады и торговые посты Айзеделя, Свейнджа и даже Гвистель-Амета в поисках утвари, инструментов, тканей и прочего добра. Тариоты не остались в долгу, напустив на Глентлин сайданий-ских наемников (так называемых «перруптеров»), но глинтов удалось усмирить лишь три столетия спустя, после чего Глентлин по существу стал тринадцатым округом Тэйри.

Без перемен не обошлось и в других областях Маска. Неискупимые, выжившие при крушении четырнадцатого корабля, заявили о себе в лице потомков — ваэлей из Уэлласа и различных племен Дохобея. Сайданийцев, вынужденных довольствоваться дикими просторами Верхнего и Нижнего Джанада, прозвали «джанами». Джаны упорствовали в приверженности не поддающимся уразумению древним обычаям. Вытесненные с лучших земель планеты, они не испытывали к победителям ни любопытства, ни озлобления. Таким же безразличием отличались и сайданийцы Ская.

Шли столетия, медлительно сменялись эпохи сонного благополучия и вялого недовольства.

Догматические устои отказников смягчились; теперь Тэйри пестрела множеством региональных характеров и тщательно подчеркиваемых контрастов. Вопреки традиционным запретам иные поселки разрослись, причем крупнейшим городом оказался Визрод на берегу залива Тенистерле. Тем временем умножалось и сельское население — до тех пор, пока лишним людям не пришлось искать заработок в чужих краях. Поиски нередко оставались тщетными. Взрослевшие молодые люди, как горожане, так и селяне, не находили достаточного выхода своей энергии. Натолкнувшись на наружную стену, их воображение повернуло внутрь — «Закон о чуждых влияниях» начинал вызывать раздражение.

Как осенней дымкой, страна подернулась горьковато-приторным ощущением недомогания, людьми овладевали противоречивые влечения — наслаждение пасторальным покоем, ностальгия и еще живые догматические доктрины не вязались со всепроникающей умственной затхлостью и духовной клаустрофобией. Появились мечтатели, помышлявшие об эмиграции. Изредка небольшим группам смельчаков удавалось совершить этот трагически необратимый шаг — о них больше никто никогда не слышал.

Брожение умов вызывалось еще одним тревожным влиянием — ходили слухи о тайной организации «пансайданийских байнада-ров», по-видимому посвятивших себя идее изгнания тариотов с Маска. Байнадары ставили в тупик ответственных должностных лиц, так как ни джаны, ни скайские сайданийцы не проявляли склонности к плетению интриг. Кто, в таком случае, подстрекал байнадаров? Кто формулировал их планы, поддерживал в них боевой дух? Подобные вопросы изрядно отягощали умы сотрудников тариотских разведывательных служб, но никакой осмысленной информации им добыть не удавалось.

[A] **Общепринятые направления галактических координат определяются так же, как стороны света на любой планете. Направление вращения — восточное, противоположное — западное. Если мизинец правой руки указывает на восток, а ладонь обращена к центру Галактики, выставленный под прямым углом большой палец указывает на север. Юг противоположен северу. При этом направления «внутрь» и «наружу» соответствуют перемещению к центру и от центра Галактики.**

Глава 1

Распространяясь на запад, Маркативные горы, отделяющие Тэйри от Джанада, выступают в Пространный океан почти бесплодным Глентлинским полуостровом, дающим пропитание немногочисленному населению, с учетом скудости ресурсов не менее плотному, однако, чем тариотское.

На северо-западной оконечности Глентлина, где нагорье Ледоколов, сужаясь, переходит в мыс Стрещения, находятся поместья клана Дроудов, принадлежавшие Бейруту, патриарху по праву первородства, то есть дроуду клана Дроудов. Согласно действовавшим в Тэйри неумолимым законам о распоряжении имуществом, рано или поздно владения Бейрута должен был унаследовать его старший сын Трюэ. Младшему же сыну, Джу балу, будущее не внушало оптимизма.

Тем не менее, наделенный от природы крепким здоровьем и уверенностью в себе, Джубал приятно провел детские годы, оживленные еженедельными пирами Бейрута, развлекавшего родню из клана Дроудов и праздновавшего сладостную мимолетность бытия. Застолье нередко

принимало буйный характер, веселье гостей граничило с дерзостью. Однажды кто-то из шутников зашел в проказах слишком далеко. Бейрут осушил бутыль вина и упал на пол в судорогах. Брат его Вайдро немедленно влил Бейруту в глотку смесь растительного масла с сахаром и принялся энергично разминать ему живот. Отравленного вырвало — к несчастью на бесценный джанский ковер,[10] с тех пор красовавшийся темно-желтым пятном.

Вайдро попробовал кончиком языка каплю вина из бутыли Бейрута и тут же выплюнул. Он не высказал никаких замечаний — в них не было нужды.

Несколько недель Бейрут страдал желудочными коликами, а бледность его прошла только через год. Все сходились в том, что шутка с ядом переходила границы любого разумного определения юмора. Кто позволил себе столь безответственную выходку?

Среди пировавших в тот день была ближайшая родня Бейрута — его супруга Войра, Трюэ с моло-

---

[10] notes: 10

Джаны ткут роскошные ковры, знаменитые исключительной детальностью орнамента, нередко достигающей полутора тысяч узелков на квадратный сантиметр. Ссылаясь на число жизней, затраченных ткачами на изготовление того или иного джанского ковра, его называют «пожизненным», «двухжизненным» и т. д.

дой женой Зонной и дочерьми Мерлией и Теоделью, а также Джубал. Кроме них присутствовали Вайдро, Кадмус офф-Дроуд (незаконнорожденный сын Бейрута от девушки-тариотки из клана Каргов, проводившей Яр[11] на мысу Стрещения) и четверо горцев-Дроудов, в их числе некий Раке, известный бесшабашностью и непристойным нравом. Раке наотрез отрицал свою причастность к возмутительной проделке, но его протесты сочувствия не вызывали. Впоследствии Раке вернулся к цитадели Дроудов лишь однажды, чтобы участвовать в событиях еще более судьбоносных.

С тех пор Бейрут пировал редко, да и веселья прежнего уже не было. Предводитель Дроудов стал чахнуть и лысеть. Через три года после

---

[11] notes: 11

Яр — беспечная пора, время перехода от юности к зрелости. С наступлением Яра юноши и девушки Тэйри и Глентлина становятся скитальцами, странствуя по всем тринадцати округам. Они передвигаются только пешком и ночуют на постоялых дворах или на открытом воздухе, в полях и на горных лугах. Скитаясь, они занимаются полезной работой, украшающей пейзаж — сажают деревья, чинят дороги и тропы, расчищают сухие заросли ежевики, выпалывая капкан-траву, пагубную седую поросль и чертополох. Если кто-то уклоняется от работы, лодыря замечают, и за ним, нередко на всю жизнь, остается прозвище «храус» («слабак», «мелочная душонка», «дезертир»).

Любовь мучительна и дружба крепка в эту пору, мучительнее и крепче, чем когда-либо. Воспоминания последних дней юности остаются навсегда — смеющиеся лица, красное вино в лучах походной лампы, звуки флейты и мандолины, ночи тихих потаенных слов, проведенные

на склонах зеленых холмов под мерцающей в непроглядном мраке лентой звезд Зангвильского Рифа или под плывущим в небе циклопическим волшебным фонарем Ская. Скоро, слишком скоро проходит Яр — юность не возвращается никогда.

отравления он умер. На похороны явился Кадмус офф-Дроуд в компании визродского горожанина лукавой наружности, по имени Зохрей Карг, назвавшегося генеалогом и арбитром по спорным делам о наследствах. Тело Бейрута еще не возложили на погребальный костер, когда Кадмус выступил вперед и объявил себя дро-удом клана Дроудов по праву первородства. Взобравшись на помост для сожжения усопшего, чтобы его все видели и слышали, Зохрей Карг поддержал притязание Кадмуса, ссылаясь на несколько прецедентов. Трюэ и Джубал застыли, онемев от такой наглости, но Вайдро, сохранивший невозмутимое спокойствие, подал знак кое-кому из родичей. Кадмуса и Зохрея схватили и вытолкали, причем Кадмус упирался, грозя кулаком и выкрикивая проклятия. Так же, как пресловутый Раке Дроуд, Кадмус впоследствии вернулся в цитадель Дроудов лишь однажды.

Дроудом рода Дроудов стал Трюэ, а Джубалу пришлось серьезно задуматься о будущем. Возможности не вдохновляли. От перспективы изнурительного труда на тариотских фабриках он решительно отказался, хотя прилежные, пунктуальные работники время от времени добивались относительного благополучия. Будучи глинтом,

Джубал не мог надеяться на карьеру в воздушном патруле или в милиции. В Космический флот и в Благотворительную службу[12] принимали только высокородных отпрысков тариотских кланов — этот путь был закрыт. Для приобретения пользовавшихся спросом профессиональных навыков требовались годы прилежной учебы. Кроме того, практикующие специалисты нередко страдали психологическими нарушениями, вызванными особенностями ремесла. Джубал мог остаться в поместье Дроудов управляющим, доверенным помощником главы семейства или, на худой конец, рыболовом. Жизнь в лоне родного клана была не лишена удобств, но шла вразрез с самолюбивыми надеждами. Джубал мог плавать по Пространному океану на фелуке океанских националов[13] или сделать окончательный и бесповоротный

[12] notes: 12

Благотворительная служба консультирует кводратов различных джанских территорий, ненавязчиво контролируя деятельность джанов и выявляя признаки пан-сайданийской агитации.

[13] notes: 13

Мореплаватели Пространного океана провозгласили суверенную независимость всех морей, кроме береговых вод, и гордо именуют себя «гражданами Морской нации».

шаг в неизвестность — эмигрировать.[14]

Возможное не удовлетворяло, приемлемое не представлялось возможным. Нетерпеливый и подавленный, Джубал решил начать свой Яр.

Из цитадели Дроудов он вышел по извилистой дороге, поднимавшейся мимо Пяти водопадов по ущелью Морозных ключей на нагорье Ледоколов, где немного погодя начинался округ Айзедель, а оттуда спустился долиной реки Гриф в Тиссано на океанском берегу. Там он помог местным жителям чинить подмости дощатого настила, тянувшегося над приливной равниной[15] на расставленных крест-накрест пятнадцатиметровых сваях и соединявшего береговую возвышенность с Черноскальным островом.

Джубал продолжал путь на восток по Простран-

---

[14] notes: 14

Закон о чуждых влияниях запрещает тариотам межпланетные полеты, не разрешает инопланетным жителям посещать Маек и возвращение эмигрантов не допускает в принципе.

[15] notes: 15

Высота приливов Пространного океана, возмущаемых близкой массой Ская, достигает в среднем тринадцати метров. Мыс Коготь Грабанда, скалистая оконечность далеко выдающегося в океан Вероломного полуострова, создает естественный барьер, отражающий приливную волну к Беспечным островам, где она разбивается на множество потоков, непредсказуемо различающихся по скоростям течения. На другой стороне планеты, в проливе Тротто, такую же роль приливного волнолома играют Большой Морк и окружающие его мелкие острова. Если бы не эти преграды, приливная волна, бегущая по опоясывающему всю планету океану, достигала бы шестидесяти пяти метров в высоту.

ному взморью, просеивая граблями пляжный песок и сжигая прибитые волнами плавник и сухие водоросли. Удалившись от моря, он долго бродил по округу Крой, подравнивая садовыми ножницами живые изгороди и выдергивая с корнями попадавшуюся на пастбищах седую поросль. Из Зейма Джубал отправился на юг, чтобы обойти стороной Визрод, и немало потрудился в селениях Древодруна и Фьямета. В Чилиане он очистил от ветвей и распилил поваленные бурей стволы пряного дерева, после чего продал чурбаны скупщику ценных пород. По дороге через Атандер Джубал целый месяц работал в лесу, избавляя деревья от сапрофитов и насекомых-вредителей. Еще один месяц он чинил дороги Пурпурного Дола, а затем, поднимаясь на юг по предгорьям Сильвиоло, вышел на Верхнюю тропу.

Здесь он остановился, в нерешительности глядя то налево, то направо. К востоку простирались виноградники Дорфо, где можно было бродяжничать еще полгода. На западе тропа карабкалась под самые вершины Маркативных гор и возвращалась в Глентлин параллельно джанадской границе. Хмурый и притихший, Джубал, будто почуяв осенний ветер старости, повернул лицом

к закату.

Дорога вела его в страну белых доломитовых утесов, отражавших фиолетовое небо безмятежных озер, лесов тирса, киля и диа-капра. Джубал не торопился, выравнивая и укрепляя осыпавшуюся местами тропу, вырубая поросли вездесущего чертополоха, собирая и сжигая охапки валежника. По ночам, опасаясь горных сланов и ядовитых бесов, он спал на постоялых дворах,[16] где нередко оказывался единственным гостем.

Подрабатывая по пути через южные окраины Керкадцо и Лукана, Джубал оказался в Свейндже. Теперь только Айзедель отделял его от родного Глентлина — вольному бродяжничеству подходил конец. Неторопливость и задумчивость Джубала удвоились. Проходя по деревне Айво, он заглянул в трактир «Дикая ягода». Хозяин, содержавший также деревенскую гостиницу, хлопотал в трапезной: карикатурно удлиненный персонаж, будто вышедший из кривого зеркала. Впечатление вытянутости усугублялось жестким

[16] notes: 16

Тариотские постоялые дворы по закону располагались на расстоянии не более десяти километров один от другого с тем, чтобы любой путник, припозднившийся по дороге, мог найти ночлег и пищу. Хозяева этих приятных, но сходных заведений поддерживали чистоту и порядок и предоставляли постояльцам необходимые удобства — отчасти благодаря бдительному контролю со стороны инспекторов из Коммерческого бюро.

хохлом, торчавшим из прорези в цилиндре на голове.

Джубал пояснил, что хотел бы остановиться на ночь. Трактирщик указал на коридор: «В комнате для ранних пташек уже прибрано. Обед после второго удара гонга. В таверне обслуживают, пока не стемнеет». Тощий верзила оценивающе взглянул на коротко подстриженную светло-серую шевелюру Джубала, не любившего прятать голову от солнца и ветра: «Аты у нас, как я посмотрю, глинт — что само по себе не грех, если ты возьмешь на себя труд не ввязываться в споры по любому поводу и не приставать к каждому встречному-поперечному, предлагая соревноваться в храбрости и ловкости».

«У вас странное представление о глинтах», — заметил Джубал.

«Напротив, самое справедливое! — возразил трактирщик. — Не успел рта раскрыть, а ретивое уже взыграло. Знаю я вас, горцев!»

«Я не намерен ни с кем состязаться, не интересуюсь политикой и даже пью умеренно, — успокоил его Джубал. — Я устал и отправлюсь спать сразу после ужина».

Хозяин одобрительно кивнул: «Другой на моем месте подумал бы: «До чего занудный тип!» Толь-

ко не я! У нас только что побывал инспектор. Он соизволил найти на кухне таракана, и мне осточертели нравоучительные тирады». Трактирщик налил кружку эля, поставил ее перед Джубалом и не преминул наполнить еще одну для себя: «Полезно для нервов!» Энергично обратив лицо к потолку, содержатель заведения опрокинул кружку над широко открытым ртом. Джубал смотрел, как зачарованный: впалые щеки не дрогнули, жилистая шея не проявила никаких признаков глотательных движений — эль исчез во мгновение ока, как если бы его выплеснули в отхожее место. Пустая кружка вернулась на прилавок, а огорченный трактирщик вернулся к изучению внешности молодого постояльца: «Яр не дает покоя?»

«Уже давно, осталось недолго».

«Эх! А я бы снова пустился бродить — были бы ноги молодые! Увы, юность не вечна. Есть какие-нибудь новости, что слышно?»

«Ничего особенного. В Лерлоке жалуются на жаркое лето и скудные дожди».

«Такова извращенная природа вещей! А у нас на прошлой неделе разверзлись хляби небесные — все арыки размыло. Что еще?»

«Под Фаниэлем слан[17] зарубил топором двух женщин. Он бежал в Джанад — когда я проходил мимо, на тропе кровь еще не высохла».

«Опасные у нас места, до границы рукой подать, — хозяин строго поднял указательный палец. — Всего десять километров! Тревожные слухи каждый день. Джанов в двадцать раз больше, чем нас. Ты об этом когда-нибудь задумывался? Если они все сразу одичают, что тогда? Дня не пройдет, как от каждого тариота на Маске останутся одни потроха! Ненависти джанам не занимать. Пусть их напускная любезность тебя не обманывает».

«Джаны только слушаются, — пожал плечами Джу бал. — Они неспособны руководить».

«Взгляни-ка вон туда! — трактирщик указал на чудовищный полумесяц Ская, не помещавшийся в открытом двустворчатом окне. — Там их руководители! Там у них звездолеты, приземляются у самой границы. По-моему, это наглая провокация».

«Звездолеты? — удивился Джубал. — Вы их

---

[17] notes: 17

Если миролюбивого и уступчивого джана вынуждают оставаться в одиночестве, любой пустяк может вызвать у него приступ безудержной ярости. Скрывшись в горах или в лесу, бешеный джан дичает и превращается в изобретательного садиста, «слана», совершающего одно зверское убийство за другим, пока его не уничтожат.

видели?»

«Мой джан говорит, что видел».

«Джаны врут почем зря».

«Так-то оно так, но не всегда и не обо всем. Не спорю, их басни бессвязны и легкомысленны, но придумать историю про звездолет у них не хватило бы воображения».

«Мы не можем контролировать сайданийцев. Если им приспичило наведываться в Джанад, кто и как им помешает?»

«О безопасности Тэйри должны заботиться служители народа, — отвечал трактирщик, — а они не приходят ко мне за советом. Еще эля? Или ты уже проголодался?»

Джубал поужинал и, не находя достойных внимания развлечений, улегся в постель.

Утро обещало прохладный безоблачный день. Выйдя из гостиницы, Джубал стал подниматься в горную страну сверкающих белоснежных утесов и свежего ветра, напоенного ароматом влажного тирса и дымкой луговых испарений. В трех километрах к западу от Айво, на южном склоне горы Кардун, тропа, сметенная оползнем, обрывалась.

Джубал осмотрел обрыв, оценил размеры разрушений и вернулся в Айво. Там он нанял трех джанов, позаимствовал инструменты у хозяина

комиссионной лавки, вернулся на склон Кардуна и принялся за работу.

Предстояло решить непростую задачу. Сложенную из необтесанных камней подпорную стенку, больше двадцати метров в длину и от полутора до трех с половиной метров в высоту, унесло метров на сто вниз и разбросало по крутой ложбине. Джубал поручил джанам вырубить в склоне основание для новой стенки, а сам срубил четыре стройных тирса и соорудил из стволов грубо сколоченную подъемную стрелу, нависавшую над ложбиной. Закончив подготовку фундамента, все четверо стали затаскивать камни вверх по склону и начали новую кладку.

Прошло семнадцать дней. Они уложили две тысячи камней — каждый требовалось обвязать, поднять на канате, перенести к тропе, поворачивая стрелу, плотно подогнать и закрепить утрамбованной землей. На рассвете восемнадцатого дня повеяло холодом. Тяжелые грозовые тучи ползли с востока, постепенно заслоняя Скай — огромный туманно-черный шар, подернутый накипью собственных облаков. Космологические представления джанов, хитроумные и даже в чем-то проницательные, существенно менялись в зависимости от обстоятельств. Те или иные зна-

мения нередко возбуждали в них непостижимую реакцию.

Этим утром джаны не выходили из хижин. Подождав минут десять у гостиницы, Джубал спустился к подножию холма, где пришлые поденщики устроили нечто вроде постоянного табора. Чтобы свести к минимуму простои, вызванные притворными недугами и капризами, он нарочно нанял трех джанов из разных жилищ,[18] и тивоположного пола из другого кооператива, хотя любому джану или сайданийцу свойственна склонность к неразборчивым мимолетным связям, которые изредка сопровождаются половыми актами, но по большей части ограничиваются выражениями взаимной привязанности, обменом подарками, внимательным уходом за прической

[18] notes: 18

Сайданийцы Ская и джаны Маска относятся к виду Homo тога, неспособному давать потомство при скрещивании с человеком Ойкумены, Homo gaea (хотя ва-элей Уэлласа и некоторые племена Дохобея многие считают гибридными расами). Сайданийцы и джаны отличаются типично человеческими, выразительными чертами лица и грациозными пропорциями гибких тел. У них черные волосы и бледно-оливковая кожа, нередко отливающая тусклым металлическим блеском.

Темно-зеленые, иногда почти черные глаза джанов обычно не позволяют различить горизонтально удлиненные эллиптические зрачки. На Скае эта разновидность человека практически стабилизировалась благодаря неповторимой системе общественных императивов (так называемых «первичных принципов»). На Маске, где нашествие тариотов вызвало генетические возмущения, для джанов характерно большее разнообразие типов.

И джаны, и сайданийцы упорно придерживаются строго определенной иерархии социальных взаимоотношений. Все делается согласованно, в точном соответствии с общепринятыми и общеизвестными методами. Минимальное общественное образование джанов — группа из четырех индивидуумов, как правило двух мужчин и двух женщин, формирующих нечто вроде кооператива, ведущего совместное хозяйство. Каждый член такого кооператива состоит в «браке» с лицом про-

и одеждой партнера и т. п. Таким образом, каждое «хозяйство» соединено узами брака с четырьмя другими кооперативами. Распространяясь в геометрической прогрессии, эти связи охватывают и объединяют все население Джанада.

Поведение джанов варьирует в зависимости от численности каждой конкретной группы. Никакой джан не может чувствовать себя беззаботно в группе, состоящей из менее чем четырех человек. В группе из трех джанов скоро начинают возникать трения, такие джаны становятся беспокойными, повышают друг на друга голос, не находят себе места и проявляют чрезмерное усердие, выполняя ту или иную работу. Два джана, остающиеся один на один в течение продолжительного времени, стимулируют друг друга настолько, что их отношения перерождаются в страсть или взаимную ненависть. Одинокий джан в отсутствие социальных ограничений теряет внутреннюю ориентацию и становится психически неустойчив, даже опасен.

Тариоты пользуются услугами групп работников-джанов, нередко многочисленных, руководствуясь следующими правилами.

Один джан, если его никто не погоняет, бесцельно проводит время.

Два джана обращают друг на друга слишком много внимания — либо ссорятся, либо предаются любовной неге. Между тем, работа стоит.

Три джана образуют эмоционально неуравновешенную группу. Они работают возбужденно и напряженно, вымещая избыток чувств, что не всегда положительно сказывается на результатах.

Четыре джана — стабильная группа. Они прилежно выполняют указания, но не слишком напрягаются и обеспокоены главным образом удобствами, а не производительностью.

Пять джанов — неустойчивое и взрывоопасное сочетание. Четверо довольно скоро формируют стабильный «кооператив», тогда как пятый, не принятый в «кооператив», становится мстительным, оскорбленным изгоем. Такой отверженный джан может превратиться в бешеного «слана».

Шесть джанов сразу делятся на стабильную «четверку» и двух любовников.

Семь джанов вступают в непредсказуемые, изменчивые отношения, сопровождающиеся всплесками противоречивых эмоций.

Восемь джанов, после существенных перестановок и замен, делений на заговорщические фракции, взаимных испытаний, попыток подку-

па, обид и перепалок, образуют две устойчивые «четверки».

Перемены настроений джанов остаются загадкой для самых серьезных исследователей этой расы. Институт исследований Джанада в Визроде подготовил следующую сводку, предназначенную главным образом для тариотов, совершающих поездки в Джанад.

«Одинокий джан (такие встречаются редко), столкнувшись с одиноким тарио-том, лишь иногда (в 4 % случаев) проявляет откровенную враждебность, но довольно часто (в 40 % случаев) тайно замышляет кражу или даже нападение, кончающееся убийством. Два джана, имеющие дело с одиноким тариотом, чаще всего (в 65 % случаев) сначала пристают к нему, предъявляя невыполнимые требования, но в конце концов нападают, вынуждая тариота участвовать в ряде постыдных и нелепых физиологических упражнений, выполняемых всеми тремя присутствующими и заканчивающихся смертью тариота. Два джана никогда не нападают на теперь ходил от хижины к хижине, колотя по низким крышам деревянным шестом и вызывая работников по имени. Через некоторое время те нехотя выкарабкались наружу и последовали

за ним, ворча и жалуясь, вверх по тропе. По их мнению, день не предвещал ничего хорошего — в лучшем случае они рисковали простудиться, промокнув под дождем.

Мало-помалу тучи затянули полнеба, ударяя по вершинам гор, как выпущенными когтями, короткими лиловыми молниями. Ветер стонал в расщелинах подоблачных утесов горы Кардун. Три джана работали нервно и мало, останавливаясь каждые несколько секунд, чтобы хмуро полюбоваться грозой. Джубал и сам беспокоился — никогда не следовало пренебрегать предчувствиями джанов.

За час до полудня завывания ветра внезапно смолкли — горы замерли, объятые неестественной тишиной. Снова джаны разогнули спины и стояли, прислушиваясь. Джубал не слышал ни звука и спросил ближайшего работника: «Что такое?»

«Ничего, хозяин, ничего».

Джубал осторожно спустился по склону туда, где кончался оползень, обвязал очередной камень петлями каната. Канат не натягивался — Джубал поднял голову. Джаны стояли и слушали, внимательно обратив к небу похожие пропорционально-красивые лица. Откуда-то

донеслось странное пульсирующее гудение, настолько низкое, что оно воспринималось скорее как дрожь, нежели двух тариотов, по меньшей мере временно формируя некое напряженное подобие джанского «кооператива четверых» с участием тариотов. Три джана изредка (в 15 % случаев) нападают на одинокого тариота, почти никогда (в 98 % случаев) не нападают на пару тариотов и никогда не вступают в конфликт с тремя тариотами. Четверо джанов почти никогда (в 99 % случаев) не нападают на одинокого тариота, но несколько чаще (в 2 % случаев) совершают враждебные действия в отношении двух тариотов. «Четверка» джанов никогда не вступает в конфликт с тремя или четырьмя тариотами.

Приведенные выше статистические выкладки совершенно достоверны в отношении ситуаций, возникающих в отсутствие Ската на небе. Когда виден Скай, поведение джанов, с точки зрения тариота, становится полностью непредсказуемым — они подчиняются влияниям, неощутимым и непонятным для людей Ойкумены».

В заключение следует отметить, что, хотя в Джанаде кража — совершенно неизвестное явление, джан, находящийся в Тэйри, постоянно ведет себя, как прирожденный и неисправимый

расхититель имущества. Сходным образом, в Джанаде джаны отличаются сексуальной умеренностью и сдержанностью, тогда как в Тэйри мужчины-тариоты беспорядочно совокупляются с джанскими девушками, не встречая никакого сопротивления, хотя джаны мужского пола никогда не совокупляются с женщинами-тариотками — этому препятствуют как взаимное отвращение, так и физиологическое несоответствие.

как звук. Джубал тоже смотрел в затянутое дымкой небо, но не сумел ничего разглядеть. Звук становился все тише и скоро исчез.

Канат натянулся — джаны налегли на ворот с внезапным приливом энергии.

Наступил полдень. Сафалаэль, младший из джанов, заварил чай; все четверо закусили в тени под большим валуном. По альпийским лугам поднимался туман, обволакивавший ложбину и моросивший мелким дождем. Джаны молчаливо обменялись знаками на «языке пальцев». Когда Джубал снова приступил к работе, они колебались, но, будучи втроем, не могли согласовать побуждения и принялись понуро подгонять камни к незаконченной кладке.

Джубал снова спустился к нижнему краю оползня, затянул петли на камне и подал сигнал, чтобы

его начали поднимать. Канат не натягивался. Взглянув наверх, Джубал заметил, что джаны стоят в прежних позах благоговейного внимания к атмосферным явлениям. Набрав в грудь воздуха, чтобы прокричать приказ, Джубал сдержал раздражение, выдохнул и тоже прислушался.

С запада приближалось мерное позвякиванье бубенцов и низкое ухающее пение в такт торопливой поступи — так пели, чтобы шагать в ногу, совершавшие марш-бросок вооруженные отряды джанов.

Из-за поворота тропы появился тариот на одноколесном эрцик-ле, а за ним бегущие трусцой джаны-перруптеры — наемники-одиночки. Перруптеры двигались короткой колонной, восемь человек в длину, четыре в ширину. Тариот ехал, надменно выпрямившись — человек впечатляющей внешности с большими выпуклыми глазами, гордо сжатым ртом и курчавыми, как полоски каракуля, торчащими усами. На нем были черный китель, серые вельветовые брюки и черная шляпа с широкими, слегка загнутыми вверх полями. Он не носил кульбрасов[11] — тем не менее, его манера одеваться и поза позволяли предположить принадлежность к одной из высших каст. Тариот явно торопился, не обращая

внимания на усталость пыхтевшего и потевшего эскорта.

Джубал в замешательстве смотрел на подступающий отряд: откуда они взялись? Тропа вела в Глентлин, нигде не соединяясь с дорогами равнинного Айзеделя.

Подъехав к обрыву, эрциклист резко затормозил и досадливо взмахнул рукой. Внезапно осознав, что его разглядывают три ра-ботника-джана и стоящий ниже горец, он надвинул на лоб широкополую шляпу и отвернулся. «В высшей степени подозрительно!»

[11] Кульбрас — личная эмблема, орнамент, табличка или другой знак отличия, отражающий принадлежность к какому-либо роду или к какой-либо касте.

— подумал Джубал. Тариот не хотел, чтобы его узнали. В то же время он очень спешил и, судя по всему, собирался проехать вдоль незаконченного, ненадежного сооружения.

Джубал закричал, чтобы предупредить его: «Стойте! Дорога обвалится! Обойдите по северному склону!»

Незнакомец, слишком капризный или самонадеянный, сделал вид, что не слышит. Он тронулся с места — эрцикл покатился по неровной тропин-

ке, протоптанной носившими камни джанами. Перруптеры двинулись за предводителем плечом к плечу, четверо в ряд. Джубал испуганно вскрикнул: «Куда вы? Стена обрушится!»

Покосившись на Джубала, тариот продолжил опасный путь — колесо эрцикла нерешительно колебалось, то и дело соскальзывая к наружному краю подпорной стенки. Первые ряды перруптеров, упорно топавших строем, уже обвалили несколько камней, стремительно прыгавших вниз по склону. Перебегая с места на место и уворачиваясь, Джубал вопил: «Идиот! Вернись, будь ты проклят! Я на тебя ордер выпишу!»

Перруптеры маршировали, сбиваясь в кучу и напирая друг на друга там, где временная тропа сужалась. Эрциклист что-то буркнул через плечо, поехал быстрее. Перруптеры побежали тяжелой мелкой трусцой — вся незаконченная стена осела и рухнула, рассыпавшись шумным потоком, хлынувшим вниз по ложбине. Джубал упал, сбитый с ног ударами камней. Закрывая голову руками, он сжался в комок и кувырком покатился вместе с оползнем. С треском свалившись в кусты с небольшого обрыва, он лихорадочно вскарабкался под козырек скалы.

Тариот, уже выехавший на неповрежденную

тропу с другой стороны обрыва, остановил эрцикл и с суровым неодобрением воззрился на новое разрушение, после чего поправил шляпу, отвернулся и продолжил путь на восток. Перруптеры тоже выбрались на тропу и поспешили за ним — вся процессия исчезла за крутым поворотом.

Убедившись в том, что работать в ближайшее время больше не придется, три джана вернулись в табор. Через час Джубал, покрытый кровоточащими ссадинами, с переломанными ребрами, беспомощно висящей рукой и треснувшей ключицей, выполз на тропу. Передохнув несколько минут, он заставил себя встать и побрел, шатаясь, в сторону Айво.

Глава 2

Со временем Джубал поправился и снова пустился на запад Верхней тропой. Проходя по склону горы Кардун, он провел десять минут в созерцании нового облицованного контрфорса на месте оползня, после чего поспешил в направлении Глентлина. Под вечер, совершив непродолжительную вылазку на юг, в Джанад, он переночевал в поселке Мурген и на следующее утро уже очутился в родных краях.

В доме Дроудов его возвращению обрадовались. Трюэ уговаривал Джубала остаться в поместье управляющим и блюстителем нравов: «Мы построим новый мол в бухте Балласа и добротный дом на лугах Стрещения! Что может быть лучше?»

«Нет ничего лучше, — согласился Джубал. — И все же… я не нахожу себе места. За всю жизнь я еще ничего не сделал».

«Как известно, охота к перемене мест исцеляется утомительным трудом. Чего ты хочешь? Во что бы то ни стало заставить потомков помнить твое имя? Тщеславие!»

«Согласен. Я тщеславен и опрометчив. Я не ху-

же любого другого, но нуждаюсь в обосновании самомнения — хотя бы для того, чтобы жить в мире с самим собой».

«Все это замечательно, — не сдавался Трюэ, — но куда ты пойдешь, чем займешься? Ты знаешь не хуже меня, как трудно приходится тому, кто не родился в привилегированном положении — к каждому яблоку в этом мире тянутся двадцать жадных рук. Не забывай также, что ты глинт, а это обстоятельство трудно назвать преимуществом в стране, где власть в руках тариотов».

«Ты безусловно прав. Но я отказываюсь сдаваться без боя — прежде, чем брошу вызов этому миру и попробую, на что способен. Ты же не можешь мне отказать в праве на такую попытку? Кроме того, мои мысли заняты еще одним делом».

«Не дает покоя таинственный эрциклист? Забудь сумасшедшего! Пусть его накажет кто-нибудь другой».

Джубал только всхрапнул, упрямо мотая головой: «От одной мысли об этом мерзавце у меня кровь кипит и зубы скрипят! Он не

сумасшедший. Не остановлюсь, пока не вручу ему подписанный ордер».

«Рискованная затея. Что, если арбитры вынесут решение в его пользу?»

«Маловероятно. Могу привести трех свидетелей и предъявить вещественное доказательство, еще более неопровержимое. Ему не уйти от правосудия!»

«Глупо растрачивать силы, предаваясь страстям. Подумай о зеленых лугах Стрещения, об утесах, водопадах и лесах — это наша земля, земля Дроудов! Здесь ты найдешь достойное поприще. К чему непомерные амбиции, к чему подлые интриги, судебное крючкотворство, тайные западни Визрода?»

«Дай мне время! Гнев нужно утолить. Поживем, увидим».

Трюэ воздел руки к небу и собирался продолжить спор, но в этот момент объявили о прибытии посетителя: «У ворот человек, называющий себя Зохреем Каргом».

«Карг? Зохрей Карг? — задумчиво пробормотал Трюэ. — Где-то я слышал это имя…»

«Мать Кадмуса офф-Дроуда была из рода Каргов».

«Что ж, приведите его. Посмотрим, что ему нужно».

Показался Зохрей Карг — сутяга-тариот, в прошлом году настаивавший на справедливости притязаний Кадмуса офф-Дроуда. На этот раз он

заявил с порога, что приехал в качестве посредника и что его интересуют деловые переговоры, а не вопросы первородства. С подозрением покосившись на Джубала, он обратился к Трюэ: «Если не возражаете, лучше было бы побеседовать наедине».

«Джубал — мой брат, — отвечал Трюэ. — Мне от него нечего скрывать».

«Как вам угодно, — сказал Зохрей Карг. — Перейду к делу без лишних слов. Может быть, вы не забыли, что я пытался представлять интересы вашего несчастного единокровного брата?»

«Я хорошо помню обстоятельства, в которых мы встретились, и удивлен тем, что вижу вас снова».

Зохрей продолжал любезным, мягким тоном: «В тот раз мне удалось познакомиться с владениями Дроудов, и полученные сведения позволили мне предоставить рекомендации высокородному клиенту — разумеется, Кадмус офф-Дроуд тут ни при чем. Мой клиент желает приобрести живописное поместье. Я обратил его внимание на расположенный в прибрежной северной части вашего имения перешеек с полуостровом, именуемый мысом Стрещения. Мне поручено начать соответствующие переговоры».

Трюэ не верил своим ушам: «Вы просите меня продать мыс Стрещения?»

«Такова сущность предложения».

«Продать — кому?»

«Мой клиент предпочитает не предавать гласности свое имя».

Трюэ забыл о вежливости и рассмеялся: «Не продам и стоптанный башмак тому, кого я не знаю!»

Зохрея Карга это замечание нисколько не обескуражило: «Разумная точка зрения. Но я обязан воззвать к вашему снисхождению и долготерпению. Не раскрывая никаких тайн, я заверяю вас, что мой клиент — отпрыск одной из благороднейших семей Тэйри. Заключить с ним сделку было бы для вас большой честью».

«Разве у него нет своих поместий? — вмешался Джубал. — Что ему нужно на мысу Стрещения?»

«Он ищет уединения. Насколько я понимаю, именно этот мыс наилучшим образом соответствует его намерениям».

Трюэ поднялся на ноги: «Телефонный разговор позволил бы вам не подвергаться тяготам путешествия. Мыс Стрещения я не продам. Не уступлю ни пяди земли моих предков».

Карг не вставал: «Со мной значительная сумма

денег. Я уполномочен внести щедрый первый взнос».

«Мыс Стрещения не продается, — раздраженно отозвался Трюэ. — И не поступит в продажу никогда».

Карг неохотно расстался с креслом: «Очень сожалею о вашем решении. Надеюсь, вы передумаете».

Трюэ только покачал головой, и Зохрей Карг удалился.

Уже через час Карг позвонил в цитадель Дроудов. «Я советовался с клиентом, — сообщил он. — Мой поручитель предпочел бы приобрести землю, но согласен на аренду — если удастся выговорить приемлемые условия».

«Ответ прежний, — сказал Трюэ. — Вашему клиенту придется искать уединения в других краях».

«Но он совершенно очарован мысом Стрещения!» Зохрей Карг помолчал и задумчиво добавил: «Отказ от сотрудничества с таким человеком может оказаться серьезной ошибкой. Он очень влиятелен. Его дружба была бы ценным приобретением, а навлекать на себя его немилость опасно».

Предводителю клана Дроудов пришлось за-

тратить некоторое время, чтобы переварить это замечание. Наконец он произнес: *«Я* не нуждаюсь в его дружбе и не боюсь его влияния. Вопрос исчерпан».

Зохрей Карг будто не расслышал: «Арендный договор был бы для вас, по-видимому, самым выгодным вариантом. Право собственности остается за вами, и в то же время вы получаете солидный доход. Важнее всего, разумеется, пойти навстречу пожеланиям

арендатора, а не рисковать, пытаясь препятствовать сильным мира сего».

Трюэ больше не сдерживался: «Вы осмеливаетесь мне угрожать? Скажите спасибо изобретателю телефона!»

«Я всего лишь обрисовал фактическое положение вещей».

«Будьте любезны назвать вашего клиента по имени! Хотел бы я знать, посмеет ли он угрожать мне без посредников».

Ответа не было — Карг решил не продолжать разговор.

Тянулись дни, прошла неделя. Трюэ сделал несколько язвительных замечаний в адрес Зохрея Карга и его клиента, а также обсудил с Джубалом строительство нового волнолома и

шлюзов в бухте Балласа. Джубал уже почти готов был согласиться на участие в проекте, но его удерживало некое не поддающееся определению чувство. Яр кончился, влечение к странствиям должно было быть утолено — в самом деле, бесцельно бродяжничать ему больше не хотелось. Мучительное воспоминание о событиях под горой Кардун неотвязно преследовало его — в первую очередь Джубал намеревался восстановить справедливость. За решительностью его, однако, скрывалась щемящая растерянность: ну хорошо, справедливость восторжествует — и что дальше?

Может быть Вайдро, брат его покойного отца, человек с бурным и в какой-то мере темным прошлым, мог что-нибудь посоветовать? В свое время Вайдро побывал в самых удаленных и труднодоступных уголках Маска, а теперь жил, как опальный вельможа, на охотничьей даче, некогда принадлежавшей цимбару вымершего рода Цимбаров. «Если даже Вайдро не намекнет на существование достойных внимания возможностей, останется полагаться исключительно на себя», — решил Джубал.

Воспользовавшись старым эрциклом Трюэ, Джубал проехал почти пятьдесят километров

по лесам низкорослого эбена и высокого тонкоствольного тирса, по каменистым альпийским лугам и темным лощинам, мало-помалу поднимаясь к подножию горы Эйр-зе, и наконец прибыл к укоренившемуся на плече крутого склона старому темному дому Вайдро — беспорядочному деревянному строению с высокой остроконечной крышей.

Вайдро, хмурый пожилой человек плотного телосложения, не тративший попусту ни слов, ни движений, вышел навстречу Джу-балу и провел его на тенистую террасу. Там они уселись в легкие плетеные кресла; горничная джанского происхождения принесла им серебряный поднос с графином вина и блюдом сухого печенья. Пригубив вино из бокала, Вайдро откинулся на спинку кресла. Глаза его изучали лицо Джубала из-под полуопущенных век: «Яр изменил тебя больше, чем я ожидал».

«Я постарел на год, спору нет».

«Как тебе понравилось в Тэйри?»

«Приятные, благополучные края. Тариоты пьют сладкие вина, их девушки очаровательны. Не побывал я только в Дорфо, да и Визрод навещать не хотелось. Уничтожил тысячи кустов чертополоха, просеял гектары пляжного песка. Построил

каменную стену под горой Кардун».

«А теперь, вернувшись из дальних странствий, что собираешься делать?»

«Трудный вопрос, — Джубал наклонял бокал то к себе, то от себя, наблюдая за шелковым блеском дрожащей поверхности вина. — Я достаточно разобрался в жизни тариотов, чтобы понять, чем я *не* хочу заниматься. Иные карьеры — только для лиц благородного тариотского происхождения, а меня, к сожалению, привлекают именно эти профессии».

Едва заметно улыбнувшись, Вайдро кивнул: «Без привилегий принадлежность к высокой касте не давала бы никаких преимуществ».

«Понимаю, — отозвался Джубал, — но смириться с этим не могу. Нам дана только одна жизнь, и я хочу совершить все, на что способен».

«Не желающему плыть по течению приходится идти против течения — так устроено любое общество. Чтобы занять место под солнцем, заранее отведенное Вареста, Имфу или Ламфери, одной решимости недостаточно. Необходимо проявить редкие способности. У тебя они есть?»

«Даже если особых талантов у меня нет, я могу предложить энергию, откровенность и прямоту!»

Вайдро поморщился: «Зачем же? Именно эти качества, как правило, не требуются».

«Среди тариотов они, по меньшей мере, привлекут внимание новизной».

«А тебе не приходит в голову, что эти черты характера могли не пройти испытание жизнью? Энергия? Откровенность? И то, и другое вызывает насмешки или преследования, в зависимости от обстоятельств. Откровенность могут позволить себе только сильные мира сего — те, кому нечего и некого бояться».

Джубал принужденно улыбнулся: «Я мог бы притвориться человеком влиятельным и обеспеченным».

«И чего, в таком случае, стоит твоя хваленая откровенность? Налей себе еще вина. Поздравляю тебя с двоедушием!»

«Но я почти не шучу! — упорствовал Джубал. — В Визроде каждый настаивает на своих привилегиях, требует признания от других. Я родился глинтом — как я добьюсь успеха, если мои притязания будут уступать притязаниям других?»

«В принципе это не лишено смысла. На практике… впрочем, кто знает? Когда ты отправляешься в Визрод?»

«У меня есть еще одно дело. Был бы очень благодарен за совет».

Вайдро снова наполнил бокалы: «Большинству советов грош цена».

«Ты не раз ходил по Верхней тропе и, наверное, бывал в деревне Айво. В трех километрах к западу от Айво тропа огибает гору Кардун…»

Пока Вайдро слушал, его отрешенная благожелательность сменилась сосредоточенным вниманием. Он строго сказал: «Тебе повезло».

«Повезло? Едва остался в живых! Конечно, могло быть и хуже…»

«Тебе не терпится сделать карьеру. У тебя появился серьезный шанс — если ты научишься не лезть на рожон со своей откровенностью».

«Будь добр, объясни, в чем дело».

«Завтра же ты полетишь в Визрод на «Голубом диске» и передашь мое письмо одному из самых могущественных людей в Тэйри — Нэю Д'Эверу. Письмо должно быть вручено только ему лично и как можно скорее. В нем будет сказано, что ты мой племянник, желающий устроиться на службу, и что у тебя есть новости исключительной важности. Ничего не сообщай Д'Эверу, пока он не подтвердит официально, что устроит тебя на подходящую должность».

Джубал смотрел на Вайдро с почтением, граничившим с ужасом: «Что тебя связывает с визродскими магнатами?»

«Случайные обстоятельства. Не следует о них распространяться. Что касается прямоты и откровенности, постарайся пользоваться этими достоинствами как можно экономнее. Не уступай преимуществ! Если у тебя есть то, что нужно другим, запрашивай самую высокую цену! Ты — глинт, и вынужден так или иначе компенсировать невыгодное происхождение. Нэй Д'Эвер не отличается ни благосклонностью, ни щедростью. Не жди от него ни прямоты, ни откровенности — хотя с бесполезными людьми он в выражениях не стесняется. Если ты не сможешь его контролировать, то окажешься в его власти. Он не знает, что такое благодарность. С другой стороны, он не мстителен и не тратит время на сведение старых счетов. Не доверяй ему ни в чем! Если сумеешь правильно себя поставить, твое будущее обеспечено».

«Сделаю все, что смогу», — пообещал Джубал.

Глава 3

Визрод расположился на берегах залива Тенистерле — город без кричащих красок, застроенный разностильными особняками с узкими фронтонами неправильной формы. Парадная набережная огибала залив; остальные важнейшие бульвары, окаймленные плотными рядами эбенов, муаров и деодаров, сходились к Траванскому скверу — средоточию тариотского могущества. Лесистая коса Чам полумесяцем отгораживала залив от океана и соединялась с континентальным мысом Суль массивным молом с двумя приливными шлюзами.

Мора уже два часа как взошла, когда «Голубой диск» приземлился на Визродском аэровокзале. Проходя по станционному залу, Джубал запер пару саквояжей в ячейке камеры хранения, после чего вышел на привокзальную площадь. Пассажиров ожидала дюжина наемных экипажей. На козлах, чопорно выпрямившись, восседали извозчики в черных мундирах с большими бронзовыми пуговицами на эполетах — мундиры, стянутые в талии, расходились в плечах и бедрах подобно скрипичной деке.

Джубал подошел к ближайшему кебу. Водитель лениво отдал честь: «Куда прикажете?»

«К особняку Д'Эверов, будьте любезны».

«Даже так? — извозчик задумчиво оценил костюм Джубала. — Как знаете. Залезайте».

Уязвленный Джубал уселся в кабине. В свое время он намеревался одеться по визродской моде — до тех пор приходилось довольствоваться горской одеждой, крепкой, чистой и удобной, хотя и непритязательной.

Экипаж покатился по Сульской дороге к Подъему, откуда в прохладно-прозрачном утреннем воздухе открылся вид на весь Визрод — мириады пересекающихся прямых и углов, образующих серые, черные, бледно-сиреневые и белые формы, оттененные подернутыми дымкой штрихами мелких деталей. Вокруг Траванского сквера теснились правительственные здания, пылавшие отражениями солнца в окнах. На спокойных волнах залива Тенистерле покачивалась дюжина национальных фелук.

Спустившись к Парадной набережной, извозчик поехал вдоль берега на восток мимо портовых гостиниц и таверн. Набережная кончилась — водитель направился вверх по Полукольцу, свернул налево и подъехал вдоль пологой возвышен-

ности Чама к каменной арке ворот с чугунным изображением двуглавого крылатого змея — гербом Д'Эверов.

Внутренняя аллея вилась среди деодаров и рододендронов, мимо декоративных насыпей и клумб, заросших пурпурными ромашками, белоснежными колоколосьями, алыми огнелистами. Показался особняк Д'Эверов — высокое строение из серого камня с огромными окнами, застекленными сотнями фасетчатых панелей, и многоскатной крышей, делившей верхнюю часть фронтона на дюжину отдельных мансард с круто торчащими коньками и многогранными эркерами.

Кеб остановился. Джубал вышел и задержался, чтобы рассмотреть здание. Извозчик показал пальцем: «Парадное крыльцо напротив. Хотя вам, конечно, подобает пройти к боковому входу — туда ведет тропинка через кусты, не потеряетесь».

Джубал холодно обернулся: «Ваши замечания возмутительны!»

«Возмущайтесь на здоровье. Заплатите четвертак, и я избавлю вас от своего присутствия».

Когда экипаж удалился, Джубал возобновил изучение дома Д'Эверов — бесспорно, особняк внушал почтение. Игнорируя окольную тропу, Джубал взошел по широким ступеням, пере-

сек веранду и приблизился к узкой, высокой двустворчатой двери, украшенной литыми чугунными розетками, повторявшими мотив крылатого змея. Дверь приоткрылась — ее заслонил швейцар в темно-зеленой ливрее: «Да? Вы с каким поручением?»

«Я хотел бы говорить с Нэем Д'Эвером».

«Их высокоблагородие[19] не принимают случайных посетителей».

Джубал оттеснил лакея и прошел в величественный шестиугольный вестибюль. Судя по всему, Нэй Д'Эвер проводил дни в изысканной обстановке и не мог пожаловаться на недостаток средств. На полу красовался двух- или трехжизненный джанский ковер потрясающей работы, будто светившийся изнутри глубокими, но не кричащими тонами. В соседние помещения вели просторные сводчатые проходы, с внутреннего балкона второго этажа спускалась широкая лестница.

Не замедлил явиться мажордом, вежливо, но холодно спросивший: «Что вам угодно?»

«У меня дело к его превосходительству Нэю

---

[19] notes: 19

Традиционные титулы и звания почти никогда не поддаются точному переводу, в связи с чем читателю предлагаются выражения, лишь приближенно передающие принятые в Тэйри формы обращения.

Д'Эверу. Потрудитесь объявить, что его хочет видеть достопочтенный Джубал Дро-**уд».**

«Это невозможно. Не могу ли я передать сообщение?»

«Будьте добры, известите его превосходительство о том, что я привез срочное письмо. Оно может быть вручено только ему лично».

По лестнице спускалась стройная, довольно высокая молодая женщина с высокомерно-безразличным лицом. Джу балу никогда еще не приходилось видеть таких красавиц. Чуть глянцевые светлые волосы с темнеющими промежутками прядей гладкой волной ниспадали к шее и распускались по плечам. На ней были белые брюки в обтяжку, свободная серая блуза и модная воздушная шаль из белого пуха, прикрывавшая плечи. Незнакомка, казалось, не замечала Джубала: «Что такое, Фланиш? Какое-нибудь затруднение?»

«Никакого затруднения, леди Миэльтруда. Этот господин привез сообщение для его превосходительства».

«Так возьми его и положи на стол в библиотеке. И вызови карету».

«Насколько я понимаю, речь идет о срочной депеше, которая может быть передана только

лично в руки его превосходительства», — уточнил Фланиш.

Миэльтруда соблаговолила взглянуть на Джубала — глазами, удивительно лишенными всякого выражения: «Его превосходительство заседает в Парларии. Депеша не может подождать?»

Джубал ответил столь же спокойно и холодно: «Об этом может судить только Нэй Д'Эвер».

Слегка раздосадованная, Миэльтруда вскинула голову — ее шевелюра заволновалась светлыми и темными переливами: «Тогда лучше поезжайте со мной. Я собираюсь в Парларий и могу устроить аудиенцию».

Джубал отвесил церемонный полупоклон: «Удачная мысль». Подняв глаза, он обнаружил, однако, что слова его были обращены к удалявшейся спине молодой особы. С усилием сохраняя невозмутимость, Джубал последовал за ней на террасу и спустился к небольшой черной самоходной карете, поджидавшей у крыльца. Вступив на подножку, Миэльтруда поднялась в салон. Джубал тоже вошел и сел рядом с ней. Высокомерная блондинка сперва напряглась, но потом обреченно пожала плечами. Джубал понял, что ему предназначалось место на козлах рядом с шофером, и смог изобразить ледяную

улыбку. Его амбиции внезапно кристаллизовались, он принял окончательное решение. Да, он сделает блестящую карьеру, преодолеет препятствия, превзойдет соперников силой характера и заставит тех, кто привлекает его внимание — например, изумительное существо, сидевшее с ним в карете — обращать внимание на него!

Самоходный экипаж передвигался по сложному маршруту среди лесистых холмов, мимо мшистых каменных стен и высоких живых изгородей из переливчатых кустов искромета. Ветерок из приоткрытого окна нес запахи влажной растительности — муара, древесной фиалки, гелиотропа — чем-то напоминавшие о древнем благополучии и зажиточном покое. Карета затормозила у высокого старинного особняка. Из открывшихся ворот выбежала девушка с каштановыми волосами. Дверь кареты открылась, подножка опустилась. Уже поднимаясь внутрь, резвая шатенка заметила Джубала и опешила: «Мы, кажется, не одни? Это кто такой?»

Миэльтруда взглянула на Джубала так, будто видела его впервые: «Какой-то курьер. У него депеша для отца». Она обернулась к Джубалу: «Откровенно говоря, вам следовало бы ехать с шофером».

«Вы заблуждаетесь, — отозвался Джубал. — Мне подобает ехать именно здесь».

Девушка с каштановыми волосами забралась в карету: «Ладно, неважно».

Миэльтруда капризно ворчала: «Мы собрались на официальный прием — а он, по-моему, глинт».

«Я высокородный глинт, — сказал Джубал. — Ваше беспокойство безосновательно». Он постучал шоферу: «Поехали!»

Девушки удивленно воззрились на нахала, пожали плечами и больше не обращали на него внимания. Карета катилась вниз по склону к центру города. Подруги болтали о пустяках, упоминая имена и события, Джубалу неизвестные.

Брюнетку звали Сьюной. Она казалась Джубалу чрезвычайно привлекательной и значительно более дружелюбной и легкомысленной, нежели ледяная Миэльтруда. Заколдованный, Джубал изучал лицо Сьюны — лоб, полузакрытый кудрявыми локонами, большие раскосые глаза, широкие скулы, чуть впалые щеки, изящно заостренный подбородок. «Впечатлительного молодого человека, — думал Джубал, — это лицо… эти обворожительно противоречивые мимолетные выражения… могли бы свести с ума». Сьюна

не умела игнорировать попутчика-горца так нарочито, как это удавалось Миэльтруде, и время от времени бросала на него быстрый взгляд — видимо, присутствие глинта в экипаже ее не слишком задевало.

Девушки много говорили о некоем Рамусе, знакомом им обеим, и о предстоящем банкете. Миэльтруду это событие мало волновало

— она только смеялась, когда Сьюна укоряла ее. «В конце концов,

— сказала Миэльтруда, — торжество может и не состояться. Об этих вещах невозможно судить заранее».

«Конечно, будет банкет! — заявила Сьюна. — Рамус сам занимался приготовлениями».

«Его могут не призвать. Результат не гарантирован».

Сьюна с беспокойством впилась глазами в лицо подруги: «Ты знаешь, как повернутся события?»

«Отец говорит, что де Кворс и Мнейодес не поручатся».

Джубал чувствовал, что легкомыслие испарилось — Миэльтруда играла со Сьюной в кошки-мышки.

«Остаются Анжелюк и твой отец — а для утверждения кандидатуры нужен только один голос».

«Верно».

«Тогда в чем ты сомневаешься? Твой отец поручится, разве не так?»

«Надо полагать. Иначе почему бы он поставил меня в двусмысленное положение?»

«Значит, все будет в порядке», — уверенно заключила Сьюна.

Миэльтруда отвернулась к окну, скользнув взглядом по Джуба-лу, будто он был спинкой сиденья.

Через некоторое время Сьюна снова тихо заговорила: «Делается столько омерзительных вещей… Тебе это известно лучше, чем мне».

«Мир таков, каким мы его создали».

«В нашем мире тесно и скучно, — вынесла приговор Сьюна. — Он нуждается в перестройке. Рамус часто об этом напоминает».

«Маек далек от совершенства, не спорю».

«Именно поэтому Рамуса должны призвать!»

Карете, подъехавшей к Траванскому скверу, пришлось остановиться — Парларий[13] окружила плотная толпа. Водитель наклонился к переговорной прорези: «Стоит ли пытаться ехать дальше, леди Миэльтруда? Нас могут надолго задержать».

Глядя на кишащую людьми улицу, Миэльтруда

тихо выругалась: «Придется идти — а то не успеем поговорить с отцом».

Парларий, законодательное собрание в Визроде, состоит из трех палат с различными подведомственными управлениями — Ландмута, представляющего низшие сословия и средний класс, Конвенции кланов и Совета пяти Служителей народа. «Парларием» называют также величественное старинное здание законодательного собрания у Траванского сквера.

Джубал соскочил на мостовую и приготовился галантно помочь девушкам выйти. Миэльтруда и Сьюна взглянули на него, высоко подняв брови, как если бы он встал на руки или проделал какой-нибудь другой цирковой трюк. Покинув карету с другой стороны, подруги направились к Парларию через Траванский сквер. Толпа затрудняла продвижение — девушки юрко лавировали, стараясь быстрее добраться до входа. Джубал, с застывшей на лице полуулыбкой, еле поспевал за ними.

Оказавшись у Парлария, Миэльтруда и Сьюна прошли к боковому входу, обозначенному стилизованными чугунными изображениями приготовившегося к прыжку фера, дохобейского сленджа, грифона, рыбы с четырьмя плавниками

и двуглавого крылатого змея (гербами кланов пяти служителей народа — соответственно, Мнейодесов, Имфов, де Кворсов, Анжелюков и Д'Эверов). Два стражника в черных униформах с красновато-лиловыми полосками отдали честь Миэльтруде и Сьюне, но преградили дорогу Джубалу, скрестив церемониальные алебарды.

«Пропустите, — вмешалась Миэльтруда. — Это курьер с депешей, к моему отцу».

Стражники подняли алебарды, Джубал вошел. Девушки вприпрыжку бежали по коридору, и Джубалу ничего не оставалось, как припустить за ними трусцой, что казалось ему унизительным. Они свернули в салон, устланный темно-зеленым плюшевым ковром и освещенный зеленым стеклянным куполом. У длинного белого мраморного стола с закусками и напитками стояли и чинно беседовали человек двенадцать, мужчины и женщины в традиционных парадных одеждах. Поискав глазами среди присутствующих, Миэльтруда обратилась к пожилому человеку, ответившему учтивым жестом и наклоном головы. Миэльтруда подала знак Джубалу: «Где письмо? Я отнесу его отцу — он в фамильной ложе».

«Невозможно, — отрезал Джубал. — Мне неизвестно, насколько вам можно доверять».

Сьюна рассмеялась. Миэльтруда уставилась на нее без всякого выражения, отсутствующим взглядом — Сьюна перестала смеяться. Блондинка сказала Джубалу: «Тогда пойдемте. Может быть, мы его еще застанем».

Она быстро пошла по коридору, задержалась и приказала Джубалу торопиться величественным поворотом головы, на мгновение заставившим ее бледные волосы разлететься подобно юбке кружащейся танцовщицы. Миэльтруда прикоснулась к замку — дверь отодвинулась, и все трое зашли в обшитую деревянными панелями ложу, откуда открывался вид на огромный зал, уже набитый до отказа магнатами Тэйри, их родственниками и друзьями. Разговоры, приглушенные смешки и сдержанные восклицания создавали почти музыкальное журчание, похожее на шум небольшого водопада. В воздухе угадывались запахи цветочных масел из Уэлласа, полированного дерева, тканей и кожаной обивки, испарения тел трех тысяч магнатов и их супруг, их нюхательных порошков, косметических паст, саше, ароматических пастилок.

На подиум, метрах в пятнадцати от ложи, всходил стройный бледный человек в черно-белой мантии. Миэльтруда помахала ему рукой, но он

не заметил. Блондинка подозвала Джубала: «Вот его превосходительство. Если у вас неотложное дело исключительной важности, отнесите ему депешу. В противном случае вам придется ждать до окончания церемонии».

Джубал оказался в трудном положении. Вайдро советовал не действовать опрометчиво, использовать любую ситуацию с выгодой для себя. Нэй Д'Эвер был занят и явно неспособен обсуждать будущее Джубала в духе неторопливой сосредоточенности, полезной для достижения оптимальных результатов. Джубал задумчиво отозвался: «Я подожду». Посмотрев вокруг себя и не находя в ложе отдельного кресла, он присел на длинную скамью с фиолетовыми подушками.

Неприятно пораженная Миэльтруда что-то прошептала Сьюне — обе девушки обернулись, глядя на Джубала. Плохо скрываемое веселье подруги раздражало Миэльтруду необычайно. Плотно поджав губы, блондинка раздраженно уселась на противоположном конце скамьи.

Из-под купола раздался мягкий вибрирующий звон. На подиум взошли еще трое. Все четверо сели в кресла за столешницами из черного дерева с чугунными эмблемами — грифоном, фером, рыбой и двуглавым крылатым змеем. Возбужден-

ное бормотание смолкло, в зале наступила почти осязаемая тишина.

К передней балюстраде подиума вышел предвозвестник Парла-рия. Широко воздев руки, он принялся декламировать нараспев: «Магнаты Тэйри, мы понесли потерю! Ушел из жизни один из величайших. Мудрость его долгие годы служила нам путеводной звездой, щедрость его была целебным бальзамом и благословением для нуждающихся. О нем безутешно скорбят все тариоты. Великий соборователь естественносущных обрядов произнесет надгробную хвалу: да вознесется монический спектр усопшего сияющей стезей просвещенного неведения! Преподобный соборователь, мы внемлем».

Великий соборователь появился на балконе над подиумом. В одной руке его была хрустальная держава, символизировавшая космос, в другой — сиренево-белоснежное соцветие лулады, напоминавшее о скоротечности бытия.

Согласно древним предписаниям, ритуал продолжался ровно двадцать три минуты. Соборователь провозглашал еретические постулаты, аудитория отвечала правоверными песнопениями-опровержениями. Наконец голоса первосвященника и паствы воодушевленно слились в

восходящем гимне, приветствующем растворение усопшего в Рассеянном Спектре Спектров.[20]

Затем великий соборователь возложил себе на голову черно-белую митру и произнес Семь Слов. Воздев соцветие лулады и державу, жрец отступил в тень за балконом.

Предвозвестник Парлария вернулся на подиум и продолжил декламацию: «И вновь я говорю о клане Имфов! Еще не увяли лепестки лулады на могиле, еще не развязались узлы скорби. Но вопреки удару судьбы Имфы не отказываются от беззаветного служения стране. Снова они жертвуют лучшим, благороднейшим из своих сынов! Кто сегодняшний кандидат? Человек, способный внести весомый вклад, достойный представитель касты. Он сознательно выбирает жребий служителя — одинокое бремя неблагодарного труда, бесконечные часы сомнений и поиска, молитв и творческих озарений. Нет, он не отступит, не дрогнет! Я говорю, конечно, о Рамусе Имфе.

---

[20] notes: 20

Этот обряд и его толкования послужили причиной раскола между первоприбывшими (правоверными) командами двенадцати звездолетов и отступниками с тринадцатого корабля. Отвратительная ересь «неискупимых», потерпевших крушение на четырнадцатом звездолете, фундаментально противоречила истинной Догме. Потомки выживших членов экипажа четырнадцатого корабля, каким-то невероятным образом скрестившиеся с представителями Ношо тога, стали предками ваэльского населения Уэлласа.

Ныне он предстанет перед здравствующими трибунами, чтобы поведать о своих стремлениях и надеждах. Долг служителей — оценить достоинства кандидата, его мужество, рвение и прозорливость».

Предвозвестник сделал паузу, шагнул вперед, торжественно поднял указательный палец: «Поистине, непогрешимы лишь туманные вихри Невыразимой Сути! Следовательно, чтобы занять вакантное место пятого служителя, Рамусу Имфу достаточно единоличного призвания. Если же мнения всех четырех здравствующих трибунов сойдутся в том, что сегодняшняя кандидатура омрачена каким-либо изъяном, пусть даже несущественным, бремя сие возложат на другого, более достойного отпрыска Имфов. Служители погружены в глубокое раздумье. Уже сейчас они взвешивают «за» и «против». Уже сейчас они спрашивают себя: «Достоин ли Рамус Имф стать пятым служителем народа?» Или они вынуждены будут с сожалением настаивать на выдвижении еще более безупречной кандидатуры? Предстань перед Советом служителей, Рамус Имф! Назовись, поясни свои принципы и побуждения, выслушай решения трибунов!»

Из центрального прохода под ложами вышли

три человека — один чуть впереди и двое, в ритуальных одеждах, справа и слева от него. Они шествовали медленной церемониальной поступью так, как это делалось с незапамятных времен — за коротким шагом одной ноги следовал длинный шаг другой. Приблизившись к возвышению, сопровождающие застыли в позах почтения и трепета.

Первый, Рамус Имф, решительно поднялся на подиум. Повернувшись к притихшей аудитории, он молчал примерно минуту, неподвижно глядя вдаль — впечатляющая фигура, высокая, непреклонная, величественно красивая. Безукоризненный наряд его соответствовал скорее моде, нежели традиции. Темно-желтые панталоны без единой морщинки погружались в черные сапоги, отороченные серебряной филигранью. На отвороте сливово-красного камзола красовалась чугунная фигурка дохобейского сленджа Имфов — других кульбрасов он не носил. Фалды туго обтягивающего плечи, но широко открытого на груди черного сюртука свободно развевались. Высокий черный дафф[15] подчеркивал благородство и без того величавой персоны. Черные кудри, выбивавшиеся из-под полей даффа, обрамляли обширный лоб, ноздри горбатого носа гордо раз-

дувались, широко расставленные черные глаза блестели, как стеклянные, уголки полных чувственных губ опустились.

Рамус стоял не далее, чем в пятнадцати метрах от Джубала, изучавшего внешность кандидата с величайшим вниманием: невероятное стечение обстоятельств!

В зале никто не бормотал и не шаркал ногами, никто даже на кашлял. Джубал, сидевший на краю подушки, напряженно наклонился вперед. Миэльтруда и Сьюна тоже застыли, завороженно глядя на Рамуса, но лица их отражали разные эмоции. Служители народа неподвижно сидели за столешницами, как каменные статуи — глаза их смотрели в пространство, их чувства невозможно было угадать.

Рамус Имф повернулся лицом к Совету. Два поручителя, сопровождавшие кандидата, выпрямились и произнесли в унисон: «Мы из клана Имфов, высшей касты. Перед вами Рамус Имф, наш Дафф: высокая шляпа в форме усеченного конуса от пятнадцати сантиметров до полуметра или даже шестидесяти сантиметров в высоту. Женщины, носящие этот головной убор, нередко оживляют его цветами, прикрепленными к тулье, каскадом сушеных перьев морского

павлина или изощренными сооружениями из разноцветных лент. Мужской дафф, как правило, не нуждается в украшениях — только иногда на нем поблескивает едва заметный серебряный кульбрас.

первоизбранник, лучший из лучших. Мы ходатайствуем о его призвании на службу народу».

«Ходатайство учтено, — отозвался Нэй Д'Эвер, отныне старший из служителей. — Рамус Имф, нас известили о вашем присутствии».

Поручители провозгласили, снова в унисон: «Кандидат изложит свои принципы. Внемлите и судите!» Одновременно развернувшись на каблуках, они промаршировали к левому и правому углам подиума.

Нэй Д'Эвер, стройный пожилой человек с ухоженной серебристой шевелюрой, серебристо-серыми глазами и тонкими, иронически кривящимися губами, произнес: «Мы благодарны клану Имфов за жертвы, принесенные во имя общего блага — сперва трагически погиб один из нас, Рохад, теперь родовитый Рамус спешит восполнить потерю. Да будет известно, что стать членом Совета пятерых непросто! Рассмотрение кандидатуры — не пустая формальность. Судьба Тэйри в наших руках, мы обязаны принимать

правильные решения. Поэтому я предлагаю кандидату изложить свои взгляды так, чтобы мы могли подвергнуть их всесторонней оценке».

«Глубокоуважаемые служители! — заговорил Рамус Имф. — С нетерпением жду возможности приложить все мои способности к решению проблем, стоящих перед страной. Игнорировать эти проблемы больше невозможно — они требуют безотлагательного внимания. Я готов полностью посвятить себя их устранению! Благополучию Тэйри угрожает катастрофа!»

Младший служитель, Амбиш де Кворс — крупный мужчина с тяжелой челюстью и выдающимся животом — не замедлил прервать его: «Мы служим народу. Кроме того, мы представляем интересы благородных семей Визрода, то есть имеем дело с реальностью, а не с педантичными абстракциями. Мы давно знаем друг друга, каждому из нас хорошо известно, чем занимались в прошлом другие, чью сторону они занимали, когда возникали конфликты, и чего им удалось добиться. Некоторые предлагают дерзкие, беспрецедентные методы изменения существующих условий — я бы назвал их даже опрометчивыми и безответственными. Каково ваше мнение по этому вопросу?»

Миэльтруда вздохнула и пренебрежительно повела рукой, будто отмахнувшись от назойливой мухи: «Амбиш, несносный тиран! Вечно прет напролом, как валун, сползающий по леднику!»

Сьюна с горячностью отозвалась: «Линаика рассказывала о его привычках — представить себе невозможно! Каждый день придерживается одного и того же расписания с точностью до секунды. И навязывает свой невыносимый режим Линаике — чтобы во всем, видите ли, был порядок!»

«Сомневаюсь, что он поддержит Рамуса», — с сухой издевкой обронила Миэльтруда.

«Пренеприятнейший субъект! — вынесла приговор Сьюна. — Все равно, какая разница? Твой отец проголосует «за», и дело в шляпе».

«Если отец всерьез задумал сыграть свадьбу, почему бы он стал вставлять Рамусу палки в колеса?»

Рот Сьюны странно покривился, щека дернулась: «Послушаем, что он скажет».

«Грядущее загадочно, — говорил Рамус Имф. — Дорога в будущее усеяна препятствиями, а забывать о препятствиях часто опаснее, чем их преодолевать. Как избежать опасностей? Необходимо применять наилучшие известные

средства. Разрешите мне пояснить свою точку зрения следующим образом: если некто пытается справиться с задачей «А» и убеждается в том, что метод «Б» не позволяет найти решение, становится ясно, что следует испробовать метод «В», а если и он окажется бесполезен, требуется найти другое средство, еще более радикальное».

«Что, если применение средств «В», «Г» и «Д», даже если оно позволит решить задачу «А», приведет к возникновению новых проблем, более многочисленных и трудноразрешимых, чем первоначальная?» — спросил Амбиш де Кворс.

«Наш долг состоит в том, чтобы учесть все возможные последствия и рассчитать приемлемый уровень риска», — не смутился Рамус.

«Позволю себе выразиться откровенно, — поднял голову Амбиш. — Вам не удалось заслужить репутацию человека терпеливого. Государственный деятель не должен безотчетно поддаваться влечению к нетрадиционным концепциям только потому, что они отличаются новизной. По моему мнению, задача первостепенной важности состоит в обеспечении соблюдения традиций. Предположим, новым членом Совета пятерых станет реформатор, поддерживающий поспешные и радикальные преобразования. В руках

такого человека сосредоточится огромная власть. Будучи моложе остальных служителей, он может их пережить и воспользоваться правом единогласно поддерживать новые кандидатуры с тем, чтобы принципиально изменить политику Совета и предпочитаемую его членами систему ценностей. В связи с этим я хотел бы, чтобы вакантное место занял человек старше вас, уже продемонстрировавший благоразумие и сдержанность. Я не могу призвать вас на службу, хотя и не испытываю к вам никакой личной неприязни».

Рамус Имф принужденно поклонился. Усмехнувшись, Миэльтруда заметила: «Характер у Рамуса взрывоопасный, это правда. Амбиш не придумывает воображаемые жупелы».

У Сьюны от волнения перехватило дыхание: «Теперь, как никогда, ему нужно сохранять спокойствие. Рамус, Рамус, не подведи самого себя!»

Рамус Имф был олицетворением спокойствия: «Сожалею о том, что вы не смогли распознать во мне предусмотрительность, которой вы придаете такое значение. Разумеется, я не согласен с вашей оценкой».

«Ха! — сказала Миэльтруда. — Претендуя на предусмотрительность, он не добьется утвержде-

ния. Кто ему поверит?»

Почти привставшая Сьюна опустилась на скамью и слегка опустила голову: «Рамус иногда увлекается и не считается с фактами».

Отвернувшись от де Кворса, Рамус Имф обратился к трем другим служителям: «Я надеялся на единодушное призвание. Увы, мои надежды не оправдались. Факт остается фактом — мы живем в странные времена. Общеизвестно, что перемены не за горами. Тягостное напряжение чувствуется в воздухе и подавляет наш дух — подавляет тем сильнее, чем решительнее мы игнорируем признаки приближения грозы. Я предлагаю подвергнуть этот вопрос открытому обсуждению и досконально в нем разобраться. Почему нас отпугивает перспектива гласности? Уверен, что опытные, здравомыслящие, благородные люди способны взять на себя такую ответственность. Я готов приложить все свои знания и навыки, каковы бы они ни были, — тут Рамус жестом дал понять, что не придает себе слишком большого значения, — во имя всеобщего благоденствия».

«Неправильный подход, — пробормотала Миэльтруда. — Он и впрямь бестактен и опрометчив, Амбиш его видел насквозь».

«Напыщенный старый тюфяк! Но подожди,

другие не так упрямы».

Джубал почувствовал настоятельную необходимость высказаться: «Рамус Имф никогда не станет служителем народа, могу вас заверить!»

Девушки резко обернулись к нему — одновременно взметнулись темно-каштановые кудри и бледно-шелковые локоны. Сьюна не сдержалась и презрительно хмыкнула. Миэльтруда улыбнулась с холодностью каменного изваяния и, беспечно махнув рукой, вернулась к созерцанию подиума: «Мнейодес никогда не призовет Им-фа. В их клане не забывают старых обид».

Майрус Мнейодес, дряхлый тощий старик, был третьим среди служителей по старшинству, определявшемуся сроком пребывания в должности. Он говорил с трудом, сиплым голосом: «Идея реформы приходила в голову многим — следовательно, мы должны рассматривать перемены как неизбежность и смириться с неизбежностью. Такова, в сущности, ваша позиция. Чепуха, совершеннейшая чепуха! Людьми часто овладевают страсти, зависть, жажда власти — значит ли это, что мы должны потворствовать их порывам, утверждая поправки, узаконивающие распущенность? Законы продиктованы мудростью веков, нам не пристало их менять. Вместо того, чтобы

гнуться, как тростник, под ветром перемен, мы обязаны проявить твердость и нейтрализовать влияния, побуждающие нас двигаться в опасном направлении».

Рамус Имф выслушал старика с доброжелательным терпением: «Замечания убеленного сединами служителя убедительны, даже если они не соответствуют действительности. Упомянутые мною перемены — не каприз и не мода, а их причины — не плод воображения. Ситуация более чем серьезна. Вспомните о перенаселении. Пахотные земли истощены, монотонные радости сельской жизни приелись, скука и безысходность развращают народ. Перемены неизбежны — кто знает, куда они приведут, если мы сегодня же не начнем их контролировать? Контроль! Этим словом все сказано. Мы должны обуздать стихийный процесс, оседлать его, направить его энергию в полезное русло».

Землистое морщинистое лицо Мнейодеса темнело по мере того, как Рамус излагал свои доводы, и в конце концов приобрело оттенок влажной глины: «Наш долг — обуздать перемены, спору нет! Необходимо подавить невоздержанную плодовитость низших сословий. Новизна сама по себе — не благо. Напротив, чаще всего ради-

кальные перемены приводят к катастрофам. Вы убеждаете нас сойти с проторенного пути и спешить в неизвестность по бездорожью. Зачем? Ваши цели непонятны — подозреваю, что за бескорыстным энтузиазмом скрывается другой, хитроумный и не столь идеалистический план. Я не призову вас на службу!»

Сьюна наклонилась к подруге: «Циничный старый хрыч! Почему бы ему не признать во всеуслышание, что любому Мнейодесу приятно унижение любого Имфа?»

Миэльтруда пожала плечами: «Ничьи слова нельзя принимать за чистую монету, в том числе слова самого Рамуса».

«И твои тоже?» — пробормотала Сьюна.

«Иногда я сама не знаю».

Рамус Имф отвесил Мнейодесу подчеркнуто вежливый поклон: «Сожалею, что не убедил благородного Майруса в своем благонравии. Полагаю, однако, что источник недоразумения кроется в моем происхождении, а не в моем мировоззрении».

Старый Мнейодес не соблаговолил ответить.

Повернувшись к Сьюне, Миэльтруда тихо сказала: «От Мнейодеса и де Кворса отец ничего другого и не ожидал. Но даже он не знает, как

проголосует Анжелюк».

«Что, если Анжелюк подведет?»

«Трудно сказать. Отец со мной не откровенничает».

«Кто его знает лучше тебя?»

«Гадать бесполезно. Иногда он дает мне поручения — я их выполняю, но выяснять его подспудные мотивы даже не пытаюсь».

Рамус Имф снова обратился к служителям: «Я не случайно употребил слово «недоразумение». В конце концов, говоря о реформе, я не имею в виду вредные новшества. Изощрения и тонкости — проклятие нашей древней цивилизации. Если должны произойти перемены, я хотел бы возвращения к простоте, к догматическому благонравию».

Миэльтруда качала головой со смешанным чувством восхищения и порицания: «Что я слышу? Самый изощренный из интриганов рассуждает о простоте и благонравии!»

«Бедняга Рамус переволновался и хватается за каждую соломинку. Смотри, как злорадствует гнусный Амбиш!»

«Забудь об Амбише, он уже высказался. Что скажет Анжелюк? Вот в чем вопрос!»

Ньюптрас Анжелюк, высокий блондин с

блуждающими глазами, будто неспособными сосредоточиться на собеседнике или каком-то определенном предмете, прислушивался к предшествовавшему обмену мнениями с отчужденной улыбкой полного замешательства. Анжелюк говорил с особым вниманием к дикции, подчеркивая волнообразно меняющуюся высоту тона и выделяя отдельные слова: «Третье заключение, само собой, играет решающую роль. Тем не менее, несмотря на ясность и недвусмысленность моих представлений, с ними не согласуются ни утверждение, ни отвержение кандидатуры… Хм. Необходимо проникнуть в самую сущность вопроса, проникнуть глубоко и непредвзято… Склоняюсь к тому мнению, что мы, в качестве уполномоченных блюстителей преуспеяния нашего благословенного края, должны объединять в себе все, пусть даже противоречивые человеческие достоинства. Каждый из нас обязан, если можно так выразиться, одновременно играть на дюжине инструментов в величественном оркестре, исполняющем симфонию современной жизни… Таким образом, будучи готовы ко всевозможным превратностям судьбы и проявляя гибкость представлений о настоящем и будущем, мы хорошо вооружены, как доблестные бойцы,

способные в любое время отразить любого врага… Хм. Я аплодирую Рамусу Имфу, восхищен его стилем! Поистине клан Имфов выдвинул лучшего из лучших! Тем не менее…» Наступила задумчивая пауза.

Миэльтруда почти беззвучно, презрительно смеялась, Сьюна безутешно сгорбилась на скамье.

«Он откажет», — пообещала Миэльтруда.

«Не приду к нему на бал-маскарад!» — заявила Сьюна.

«…Я спрашиваю себя: не будет ли столь ответственный пост скорее препятствием, нежели преимуществом для столь динамичной личности? Вот где безусловно требуется тщательно взвесить все обстоятельства и методично, последовательно распознать, уточнить и проанализировать все относящиеся к делу факторы. Рамус Имф, само собой, стремится посвятить жизнь процветанию Тэйри. Возможно, он сумеет наилучшим образом служить стране в той области, где его разнообразные и выдающиеся способности смогут проявиться в полной мере — не здесь, в водовороте обобщенных, расплывчатых понятий, но, допустим, на не менее важном посту морского знаменателя…[16] Спешу добавить, что я не

рассматриваю отрицательно деликатность воспитания и утонченность мышления как таковые, напротив — разве не эти качества создают самый непреодолимый барьер между благородным сословием и выскочками, спешащими напролом, руководствуясь исключительно самомнением? Рамус Имф заслуживает самых несдержанных комплиментов, я желаю ему всего наилучшего и не сомневаюсь, что его ждет блестящая карьера. С некоторым колебанием, однако, на этот раз я воздержусь от утверждения его кандидатуры».

Рамус опустил голову — казалось, он внимательно изучает ковер. Наконец он встрепенулся, но прежде, чем он успел что-нибудь сказать, прозвучал удар гонга, и предвозвестник воззвал к публике: «Настало время перерыва! Кандидат желает отдохнуть в приемной, а четыре служителя продолжат нелегкие размышления».

Повернувшись на каблуках, Рамус Имф направился в приемную в компании помрачневших поручителей.

Амбиш де Кворс и Майрус Мнейодес отошли в сторону и тихо разговаривали. Ньюптрас Анжелюк отправился засвидетельствовать почтение группе магнатов в ложе слева от подиума. Нэй Д’Эвер остался в кресле.

Миэльтруда усмехнулась: «Деликатный Ньюптрас ловко увернулся. Теперь все шишки повалятся на уважаемого папочку».

«Терпеть не могу Анжелюка! Как поступит твой отец?»

«Призовет Рамуса — как еще? Зачем ему выставлять меня на посмешище?»

«Ну, уж над тобой-то никто смеяться не станет».

«Не знаю, не знаю...»

Морской знаменатель: чиновник, контролирующий деятельность океанских националистов и, в случаях нарушения правил, определяющий меры наказания и следящий за их применением.

Джубал снова высказался: «Рамус Имф недостоин занимать высокие должности. Во-первых, он расфуфыренный бахвал. Во-вторых, он негодяй, каких мало!»

Сьюна чуть не подавилась от смеха: «Подумать только, поразительная проницательность! К счастью, именно благодаря этим качествам Рамус неотразим!»

Миэльтруда мрачно улыбнулась: «Я о вас забыла. Подождите минутку, я вызову Нэя Д'Эвера, и вы отдадите ему депешу».

Джубал нахмурился: «Не спешите. Депеша может подождать, пока...» Но Миэльтруда уже звала отца. Тот поднялся и подошел к ложе — изящный человек с невозмутимо благородной осанкой, серебристой проседью и яркими водянисто-серыми глазами. Чуть прикоснувшись пальцами к плечу Миэльтруды и руке Сьюны, он оценивающе взглянул на Джубала: «Наслаждаетесь зрелищем провала Имфов?»

«Вовсе нет! — воскликнула Сьюна. — Бедный Рамус! Вы его не покинете, правда?»

По лицу Д'Эвера скользнула мимолетная улыбка: «На меня оказывают давление. Ожидалось, что Ньюптрас поддержит его. Вместо этого он решил умилостивить Мнейодесов, он чего-то хочет от Майруса. Что ж, в конце концов все это не так уж важно».

«Неважно для всех, кроме Рамуса, — заметила Миэльтруда. — Впрочем, если ты настаиваешь на своем плане, для меня это тоже имеет значение».

«Посмотрим, посмотрим! — беспечно обронил Д'Эвер. — Все меняется так быстро, что за событиями трудно уследить, не говоря уже об их понимании. Что касается Рамуса, призвание на службу помогло бы, так сказать, держать его от греха подальше. А это что за субъект?»

«Курьер. Ворвался к нам в приемную со срочным письмом или сообщением, так я и решила взять его с собой».

Нэй Д'Эвер рассматривал Джубала с легким удивлением: «Я не ждал никаких курьеров. Где сообщение?»

Джубал нехотя привстал: «Может быть, после окончания церемонии...»

«Сообщение, будьте добры!»

Джубал передал бежевый конверт.

Брезгливо вскинув брови, Нэй Д'Эвер сломал печать, развернул письмо и стал читать вслух: «Тем, кого это касается: податель сего, мой племянник, нуждается в устройстве на работу...»

Д'Эвер больше не читал. Подняв глаза, он угрожающе остановил их на лице Джубала: «Что вас сюда привело?»

«Мой дядя сказал вручить это лично вам».

Сьюна зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться на весь зал, но отчаянные меры не помогали — сдавленные приступы смеха прорывались сквозь сердоликовые полукольца, украшавшие тонкие пальчики. Миэльтруда опалила Джубала лаконично сверкнувшим взором, потом осуждающе покосилась на Сьюну, наконец справившуюся с припадком веселья. Снова наклонившись к

отцу, Миэльтруда произнесла: «Он глинт».

Продолжая в упор смотреть на Джубала, Нэй Д'Эвер отозвался нарочито небрежно: «Глинт вы или нет, вам должно быть известно, что прошения такого рода не приносят, как визитную карточку на званый ужин». Он вернул Джубалу письмо и конверт: «Подайте заявление в Бюро общественного трудоустройства при управлении Парлария, и вам посоветуют, к кому и когда можно будет обратиться».

Джубал сумел неловко поклониться: «Мне поручили передать письмо вам и никому другому, что я и сделал. По-видимому, произошла ошибка — письмо будет уничтожено. Существует, однако, другой вопрос, в отличие от моих личных интересов безотлагательно требующий вашего внимания. О поддержке кандидатуры Рамуса Имфа не может быть речи».

«Неужели?» — спросил Д'Эвер голосом, лишенным всякого выражения.

Миэльтруда скучала невыразимо: «Папа, прогони его. Нам нужно обсудить праздничные приготовления».

«Всего два слова наедине, — упорствовал Джубал, отходя от девушек в угол между стеной ложи и балюстрадой, отгораживавшей ее от зала. —

Будьте добры, подойдите сюда».

Нэй Д'Эвер взвесил ситуацию и решил, что пара шагов ничему не повредит. Он приблизился к Джубалу. Девушки наблюдали — Миэльтруда с презрительным отвращением, Сьюна с откровенным изумлением. Наклонившись к собеседнику, Джубал что-то тихо сказал. Нэй Д'Эвер заметно напрягся, лицо его застыло.

«Что такое? Что он говорит? — еле слышно беспокоилась Сьюна. — Колдует над твоим отцом, как строхан![21] Смотри, у глинта глаза горят!»

«Редкостный наглец».

Из-под купола прозвучал вибрирующий сигнал гонга. Нэй Д'Эвер еще давал Джубалу какие-то указания и даже, судя по всему, был раздосадован необходимостью закончить разговор. Не обращая внимания на энергичные жесты дочери, он вернулся на подиум и занял свое место.

Подруги сидели выпрямившись, неподвижно глядя перед собой. Раньше девушки просто не замечали Джубала — теперь его игнорировали его так, будто он издавал тошнотворный запах.

Когда предвозвестник закончил ритуальные

---

[21] notes: 21

Строхан: мифическое существо, наделенное сверхъестественными чарами, в том числе властью над людьми, неспособными ни в чем ему отказать.

восклицания, Рамус Имф снова выступил вперед. Предвозвестник обратился к нему: «Три служителя, благосклонно воздержавшись, не возложили на плечи кандидата тяжелое, возможно непосильное бремя. Окончательный выбор сделает четвертый и старший — Нэй Д'Эвер. Ему, как никому другому, известны преимущества претендента, слово остается за ним. Теперь кандидат может обратиться к старшему служителю с любыми приличествующими случаю замечаниями».

Не забыв отвесить поклон публике, Рамус Имф повернулся к Нэю Д'Эверу. Ничто не омрачало его непринужденную самоуверенность: «Нет необходимости подробно останавливаться на атрибутах совершенного служителя народа. Некоторые из наших трибунов уже олицетворяют те или иные добродетели — предусмотрительность Амбиша непоколебима, Майрус знаменит бережливостью и умеренностью, Ньюптрас столь же известен чувствительностью и разборчивостью. Но только в Нэе ДЗвере все эти элементы совмещаются и получают полное воплощение. Если меня призовут, я надеюсь успешно подражать методам этого благородного руководителя, чтобы его вдохновенное, с моей точки зрения, служение обществу нашло достойного продолжателя. Способен ли

я стать его учеником и преемником? Нэю ДЗверу, почтившему меня личным расположением, это известно. Уверен, что справедливость его решения будет соответствовать безупречности его репутации. Больше я ничего не ожидаю и не заслуживаю». Закончив, Рамус высоко поднял голову и стоял в ожидании.

Нэй ДЗвер ответил негромко, напряженным, но ясным голосом: «Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств мне вряд ли удастся приблизиться к той степени совершенства, какую мне приписывает Рамус Имф. Он сам отличается бесспорным благородством происхождения и выдающимися достоинствами — мы не можем позволить себе не найти его талантам плодотворное применение. Длительное, нелегкое размышление побуждает меня заключить, что Рамус Имф сможет лучше всего послужить нам и народу в новой, особой должности чрезвычайного советника — в должности, требующей приложения всех его разносторонних дарований. Если бы я призвал Рамуса Имфа на службу народу, тем самым я ограничил бы сферу его деятельности, лишив его практических возможностей исполнительной власти. Я этого не сделаю.

Рамус Имф гораздо полезнее для нас в качестве

доверенного консультанта, с его помощью мы сможем видеть и слышать то, что ускользает от нашего утомленного внимания. Говоря от имени всех служителей народа, я выражаю Рамусу Имфу огромную благодарность за то, что он почтил нас своим присутствием».

Челюсть Рамуса отвисла. Некоторое время после того, как Д'Эвер кончил говорить, он не двигался, потом отвесил требуемый церемониальный поклон, повернулся на каблуках и быстро сошел с возвышения — полы его черного сюртука яростно взметнулись. Предвозвестник обратился к залу с прощальным словом. Великий соборователь благословил присутствующих с балкона.

Миэльтруда и Сьюна обмякли, пораженные происшедшим. Озарив Джубала гневным взглядом, Сьюна пробормотала: «Что такое он сказал твоему отцу?»

Блондинка язвительно предложила: «Почему бы тебе не спросить его самого?»

Поколебавшись, Сьюна все же повернулась к Джубалу: «Ну ладно. Что вы наговорили Нэю Д'Эверу?»

«Объяснил, какого мнения о Рамусе Имфе я придерживаюсь и почему. Господин Д'Эвер предпочел последовать моему совету, — вежливо

ответил Джубал. — Покорнейше прошу прощения, дела вынуждают меня удалиться».

Девушки мрачно проводили его глазами. Вскоре к ним присоединился Д'Эвер. Оглядевшись по сторонам, он не нашел Джубала в ложе и поинтересовался: «Куда делся глинт?»

«Ушел. Разве он уже не наделал достаточно вреда? По меньшей мере, из-за него не состоится банкет».

«Он не просил ничего передать? Почему его не задержали? Неважно, завтра его найдут. А теперь, дорогие мои, позвольте строго предупредить вас обеих! — Нэй Д'Эвер поочередно остановил на каждой из насупившихся подруг пристальный взор блестящих серебристых глаз. — Не обсуждайте сегодняшние дела ни с кем, особенно с теми из ваших друзей, кто был так или иначе заинтересован в исходе голосования».

Сьюна огорченно опустила уголки губ — она казалась подавленной, уничтоженной. Миэльтруда отделалась ледяным пожатием плеч и отвернулась: «Я в замешательстве. Не понимаю того, что видела и слышала. А когда я чего-то не понимаю, меня не тянет об этом рассуждать».

«В таком случае, — кивнул Нэй Д'Эвер, — в дополнительных наставлениях нет нужды».

Глава 4

Джубал Дроуд выскочил из Парлария, как из палаты для прокаженных. Сжав зубы и широко раскрыв глаза, он перебежал через сквер и нырнул в лабиринт извилистых улочек, затененных нависающими крышами и балконами. Стоявший в зените громадный полумесяц Ская гнался за ним по узким просветам городских ущелий.

Джубал спешил вперед размашистыми шагами — слепой, глухой ко всему, не разбирая дороги. Встречные отскакивали, чтобы не столкнуться с ним, и оборачивались вслед. Очередная улица внезапно закончилась небольшой треугольной площадью. Джубал остановился, некоторое время стоял в растерянности, потом подошел к скамье и сел…

Нэй Д'Эвер! Изворотливый, полный тайн, скользкий и противный, как ядовитый горный бес. Откровения Джубала нарушили его планы. Тем лучше! К сожалению, причиненное неудобство могло быть недостаточно серьезным. Две девушки? Джубал резко выдохнул сквозь зубы, произведя шипящий, почти свистящий звук. Бледный золотистый шелк, каштановые кудри!

Умопомрачительные красавицы! Миэльтруда — отстраненная, трезвая. Сьюна — податливая, но пренебрежительная, проницательная, но увлекающаяся. Странно, что обе — по-видимому, с одинаковым рвением — поддерживали кандидатуру проходимца Рамуса. Не может же он быть любовником обеих! Хотя, кто знает… Возможно, подруги забавлялись модными эротическими новинками — о визродских нравах ходили отвратительные слухи.

Мысли Джубала вернулись к Рамусу Имфу. С ним он еще не рассчитался. Он ему еще покажет! Джубал угрожающе оскалился. Добропорядочная матрона, вязавшая на скамье напротив, быстро поднялась и ушла. Джубал нахмурился ей вслед: это еще что? В проклятом Визроде глинтов за людей не считают? Визрод, пропади он пропадом! Джубал с отвращением зарычал.

Визрод — столица, куда он прибыл с наивными надеждами на будущее! Джубал вынул из-за пазухи послание Вайдро. Нэй Д'Эвер даже не дочитал его. Джубал бросил письмо на землю, но тут же поспешно подобрал, опасаясь быть задержанным за несоблюдение чистоты, и засунул глубоко в карман. Прекрасные мечты не стоили ни гроша. Что делать? Податься в Бюро общественного тру-

доустройства? Вернуться в Глентлин, заняться постройками в бухте Бал-ласа?

Джубал беспокойно нагибался, распрямлялся, ерзал на скамье. Жизнь внезапно показалась ему безвкусной, лишенной всякого смысла. Озираясь, как затравленный зверь, он впервые заметил, что окружен фасадами почтенных лавок и магазинов. Каждое заведение ревниво претендовало на узко специализированную монополию.

Джубал неприязненно изучал витрины. В трехэтажном пассаже предлагались студни, желе, засахаренные фрукты, сушеные пикули, сотни разнообразных консервов. В другой лавке торговали джанскими кружевами, в следующих — акустическими усилителями, чертежными принадлежностями, столовым серебром и ножами, бестиариями, глобусами старой Земли, сонниками. В большинстве своем это были небольшие предприятия, основанные не менее трехсот-четырехсот лет тому назад, а два или три заведения почтенной древности уже превратились в общественные учреждения. Визрод! Небольшой город на полузабытой планете в центре Большой Дыры, но для тариотов — средоточие разумной жизни… Джубал медленно поднялся на ноги. Определив стороны света по величине угла

между Морой и Скаем, он двинулся примерно в направлении залива Тенистерле.

Но Визрод, город таинственный и сложный, снова унизил Джу-бала. Горец бродил взад и вперед по пересекавшимся под всевозможными углами улицам и тупикам, выходя на почти безлюдные маленькие площади, спускаясь и поднимаясь по истоптанным ступеням узких лестниц-переулков. Просторный бульвар, вплотную обрамленный высокими многоэтажными домами, неожиданно упирался в фасад Дворца поминовений. В конце концов Джубал остановил кеб и потребовал, чтобы его отвезли на Парадную набережную. «Набережная в двух шагах, — заметил извозчик, оглядывая Джубала с головы до ног. — Почему не пройти пешком?»

«Запутался я в вашем проклятом лабиринте, — признался Джубал. — Отвезите меня на берег залива, в какой-нибудь приличный отель, где можно дышать морским ветром».

«Такому, как вы, гостиница «Кораблекрушение» подойдет как нельзя лучше».

«Пусть будет «Кораблекрушение», поехали», — печально вздохнул Джубал.

Экипаж прогромыхал по Парадной набережной к гостеприимно-неряшливому строению, спря-

тавшемуся под тенистыми кронами трех старых сыродалей, с длинной верандой, обращенной к заливу, и таверной, где подавали эль, вино, устричный пунш и жареную рыбу для желающих подкрепиться — такова была гостиница «Кораблекрушение».

Джубалу отвели комнату с выходом посреди веранды. В таверне он рассеянно покончил с парой рыбных котлет и кружкой пива, после чего мрачно поднялся на веранду.

У двери, ведущей в номер, его ждал высокий молодой человек, со скучающим видом наматывавший на палец цепочку небольшого кульбраса. Стройный, томный, в высшей степени элегантный незнакомец всей своей внешностью демонстрировал умудренность жизнью и привычку вращаться в сферах, недоступных непосвященным.

Джубал задержался, чтобы оценить ситуацию. Пристав-убийца? Вряд ли. Еще не прошло достаточно времени для оформления бумаг.

Молодой человек безразлично наблюдал за Джубалом. Когда тот подошел к двери, незнакомец спросил: «Джубал Дроуд?»

«Что вам нужно?»

«Его превосходительство Нэй Д'Эвер желает,

чтобы вы явились в его ведомство в Парларии завтра утром, с наступлением четвертого часа».

В уме Джубала взорвался электрический разряд холодной ярости: «А ему что нужно?»

«На этот счет ничего не могу сказать».

«Если ему не терпится поболтать, пусть навестит меня здесь. У меня к нему нет никаких дел».

Молодой человек взглянул на Джубала с бесстрастным любопытством, но даже не пожал плечами: «Вы слышали, что я сказал». Он повернулся, чтобы уйти.

«Вы, по-видимому, меня не поняли, — задержал его Джубал. — Мы с Д'Эвером в расчете. Я ему ничем не обязан, и он мне ничего не должен. Если ему что-то от меня нужно, он приходит ко мне. Если мне что-нибудь потребуется от него, я приду к нему. Будьте добры, разъясните господину Д'Эверу положение вещей».

Посыльный сухо улыбнулся: «С наступлением четвертого часа в Парларии». С этими словами он ушел.

Глава 5

«Опишите обстоятельства точно и подробно», — откинувшись на спинку кресла, Нэй Д'Эвер остановил прозрачный взор на Джу-бале, пытавшемся во что бы то ни стало сохранить достоинство и отвечавшем столь же спокойным пытливым взглядом. Увещевания, ирония, горячность были бы в равной степени бессмысленны. Джу-бал отреагировал на указание нарочито бесстрастным тоном: «Мне почти нечего добавить к тому, что я уже рассказал».

«Тем не менее, я хотел бы выслушать подробный отчет».

Джу бал на минуту задумался: «Я провел в лечебнице Айво три недели, не вставая с койки. За это время я успел изучить карту окрестностей. Зачем человек — как теперь известно, Рамус Имф — путешествовал таким необычным способом в столь отдаленном пограничном районе? Карта подсказала возможную причину. Верхняя тропа вела в Глентлин по дикому высокогорью, но в девяти километрах от Айво был постоялый двор с трактиром «Заоблачная роща». Я позвонил туда из лечебницы — там не видели ни Рамуса Имфа,

ни его эрцикл, ни перруптеров. Таким образом, Рамус выехал на тропу где-то между горой Кардун и трактиром «Заоблачная роща». В Айзеделе тропа вьется по обрывистым склонам над поросшими лесом ложбинами. Там нет дорог. Зато с джанадского плоскогорья в нескольких местах на тропу можно выехать без труда. Я решил, что мой духовный должник[18] выехал на Верхнюю тропу с джанадской территории. Но чем такой человек, как он, занимался в Маркативных горах по ту сторону границы? На этот вопрос я ответить не мог.

~[6] Вольный перевод термина «смайдаир», означающего человека, приобретающего «ману», т. е. нематериальное преимущество или возможности, за счет другого человека, что приводит к нарушению психологического баланса. Такой ущерб нередко признается обеими сторонами и добровольно компенсируется. В других случаях возмещение, необходимое для восстановления баланса, взимается принудительно и практически почти неотличимо от «возмездия», хотя между этими понятиями существует принципиальная разница.

Когда меня выписали из лечебницы, я направился по Верхней тропе на запад. Под горой Кардун тропу уже отремонтировали — путь был

свободен. Дальше я шел очень медленно, изучая состояние обочины и надеясь найти место, где Рамус Имф выехал на тропу. Я нашел это место всего лишь в трех километрах к западу, обогнув гору. Следы трудно было заметить — Рамус пытался их замести — но я все равно их нашел. Следы вели налево через джанад-скую границу, на том участке оказавшуюся меньше, чем в километре от тропы. Загадочное обстоятельство, возбудившее мое любопытство.

Я шел по следам альпийскими лугами, вниз по долине. Как я уже сказал, это дикие места, там никого нет. Я не знал, куда могли завести следы, и опасался бродить по Джанаду в одиночку — с собой у меня не было никакого оружия, кроме глинтского клинка. Я решил идти не больше двух часов, чтобы вернуться в «Заоблачную рощу» до захода солнца. Колея, оставленная эрциклом, была отчетливо видна. Она спускалась по широкой долине, огибала лес и обрывалась на лугу, заросшем стеблезубом и неприкаянной травой. Я обошел весь луг кругом — дальше следов не было. Невероятно! Как человек уехал на эрцикле, если он ниоткуда не приезжал? Я обыскал этот луг вдоль и поперек. В самой середине его обнаружились несколько проплешин, где непри-

каянная трава была примята чем-то тяжелым. Между проплешинами трава пожелтела и высохла. Не приземлился ли на лугу звездолет? Я вспомнил звуки, раздававшиеся утром того дня, когда на тропе появился Рамус, и уже почти не сомневался: Рамус Имф спустился на луг с трапа космического корабля. Он побывал на другой планете и вернулся».

«Он мог встречать прибывший корабль», — заметил Нэй Д'Эвер.

«Колея покидала луг. Другой колеи не было».

«А перруптеры? На них были униформы?»

«Бурые мундиры, черные шаровары. Я заглянул в справочники; такая форма нигде не упоминается».

«Будьте добры, продолжайте».

«Я тщательно обыскал место приземления, будучи убежден, что пассажиром звездолета был никто иной, как Рамус Имф».

«Разумное предположение», — кивнул Д'Эвер.

«Потом я подумал, что перруптеры могли не знать точное время прибытия Рамуса — в таком случае они должны были где-то его ждать. Побродив по ближайшему лесу, я нашел поляну, где стояли лагерем перруптеры. Более того, я нашел яму, куда они свалили отбросы. Но дело шло к ве-

черу. Вернувшись по следам на Верхнюю тропу, я заночевал в «Заоблачной роще»».

Нэй Д'Эвер смотрел в окно на Траванский сквер. Разглядывая безмятежное лицо, чем-то напоминавшее лисью морду с непомерно разросшимся черепом, Джубал пытался угадать, улыбнется ли ему удача.

Д'Эвер повернулся к Джубалу: «Все остается по-прежнему».

«Как насчет Рамуса? Его надлежит отдать под суд за нарушение Закона о чуждых влияниях!»

«Как правило, мы так и поступаем. Но в тех случаях, когда подозреваемый ведет себя необычно, мы интересуемся характером его деятельности и притворяемся, что не замечаем незначительные проступки, чтобы выявить сообщников и получить общее представление о происходящем. Если можно так выразиться, когда рыба начинает клевать, мы не торопимся наматывать леску. Но для вас все это несущественно».

«Напротив, Рамус Имф — мой кровный должник!»

«Он не согласился бы с таким взглядом на вещи. Он в ярости, в бешенстве — нарушены все его планы».

«Какое мне дело до его планов? Рамус нанес

мне увечья, а я всего лишь не допустил, чтобы ему оказали незаслуженную честь».

«Видите ли, Рамус ценит показные знаки внимания гораздо больше, чем сотню таких жизней, как ваша».

«У меня другая система ценностей».

Нэй Д'Эвер ответил решительным жестом — аудиенция была закончена. Он пододвинул к Джубалу лежавший на столе конверт: «Вознаграждение за ваши услуги. В Визроде нет вакантных должностей. Возвращайтесь в Глентлин, займитесь чем-нибудь полезным. От души желаю вам удачи».

Джубал поднялся на ноги: «Вас интересует, куда Рамус летал на звездолете?»

Д'Эвер отозвался с неожиданным беспокойством: «Почему вы спрашиваете?»

«Просто из любопытства. Мне нетрудно было бы узнать, где он проводил время».

«Неужели? Каким образом?»

«Этого я не могу сказать, пока не будут удовлетворены некоторые условия».

Нэй Д'Эвер откинулся на спинку кресла: «О каких условиях идет речь?»

«Об обстоятельствах сугубо личного свойства. Вас они не касаются — в конце концов мы не

друзья и даже не давние знакомые».

«Верно, — вздохнул Нэй Д'Эвер. — Тем не менее, мне придется вас выслушать». Жестом он пригласил Джубала сесть: «Пожалуйста, время не ждет».

Джубал снова уселся: «Возможно, я чрезмерно щепетилен, но наши отношения развиваются не столь гармонично, как хотелось бы. Я привез вам письмо, а вы отказались его прочесть».

«Пустяки. Давайте не будем портить друг другу настроение взаимными упреками и тщетными сожалениями».

«Я не в силах заставить вас испытывать ко мне дружеские чувства, но вправе требовать, чтобы мне оказывали уважение».

«Молодой человек! — чуть приподнял голову Нэй Д'Эвер. — Насколько я могу судить, в уважении вам никто не отказывал».

«Ваше внимание к моим интересам отличается исключительной сдержанностью».

«У каждого своя манера вести дела».

«Превосходно — будем считать, что моя судьба вам не безразлична. В таком случае, могу ли я нанести визит вашей дочери?»

Брови Д'Эвера взметнулись: «Такая встреча была бы в высшей степени неудобна — тем бо-

лее, что Миэльтруда собиралась выйти замуж за Рамуса Имфа».

«Собиралась?»

Д'Эвер пожал плечами: «Обстоятельства изменились. Кто знает, что произойдет? Но мы достигли какого-то взаимопонимания. Я оказываю вам подобающее уважение, но вы не можете наносить визиты леди Миэльтруде. У вас, надо полагать, есть другие условия?»

«Разумеется. Я приехал в Визрод, рассчитывая устроиться на службу. С этой целью я вручил вам рекомендательное письмо. На этот раз прошу вас отнестись к нему достаточно внимательно».

«Хорошо», — Нэй Д'Эвер небрежно протянул руку, Джубал вложил в нее письмо.

Пробежав глазами несколько строк, Д'Эвер медленно поднял голову: «За вас поручился Вайдро — Ржавый Призрак. Почему вы не сказали сразу? Впрочем, неважно». Служитель народа вздохнул: «Видимо, придется что-то для вас сделать — хотя вы уже восстановили против себя всех, с кем успели встретиться в столице. Поймите, с просьбами устроить родственников на теплое местечко ко мне обращаются по двадцать раз в день. Ладно, подыщу вам подходящую работу — но не более того».

«Сколько я буду получать? Будут ли у меня возможности для продвижения по службе?»

«Заработок будет достаточный, а ваша карьера будет зависеть от ваших способностей. Могу только положить ей начало. Еще какие-нибудь условия? Нет? Тогда давайте поговорим о Рамусе Им-фе».

«С удовольствием. Вы хотите знать, куда он летал. Могу ли я поинтересоваться, почему вас это беспокоит?»

Нэй Д'Эвер выпрямился в кресле и сухо произнес: «Я согласился устроить вас на службу — по необходимости в одном из подчиненных мне ведомств. В качестве частного лица я терпел ваши достаточно оскорбительные претензии. Теперь я ваш официальный руководитель, и вы обязаны демонстрировать предписываемую правилами и традицией почтительность. Впредь потрудитесь выполнять мои указания, держите язык за зубами и попытайтесь перенять у окружающих хотя бы самые элементарные навыки цивилизованного поведения. Итак, без дальнейших отступлений, расскажите мне все, что знаете».

«Закончив расследование на месте приземления звездолета, — ответил Джубал, — я продолжил поиски в лесу, где, как я уже упомянул,

обнаружились следы ночевки отряда перруптеров, в том числе полузаполненная и присыпанная землей яма для отходов. Таким образом подтвердилась моя первая догадка.

Когда Рамус Имф покусился на мою жизнь, он был одет как высокородный тариот. Я спросил себя: неужели Рамус щеголял в та-риотском наряде, находясь на корабле и на другой планете? Не разумнее было бы предположить, что встречавшие Рамуса перрупте-ры передали ему одежду местного покроя? Если так, что стало с его инопланетным костюмом? Назовем это догадкой номер два.

Сопоставив две догадки, я сделал наиболее вероятный вывод и раскопал яму с отбросами. В ней я нашел сверток с одеждой необычного покроя. Возвращаясь из Джанада в Тэйри, я взял этот сверток с собой».

Нэй Д'Эвер издал тихий торжествующе-иронический возглас — как впоследствии понял Джубал, единственный знак одобрения, существовавший в эмоциональном лексиконе вельможного министра.

«Где этот костюм теперь?»

«Я спрятал его неподалеку».

Д'Эвер нагнулся к металлической сетке перего-

ворного устройства: «Пришлите Эйванта».

Распрямившись, он продолжал: «Ваша должность — младший помощник санитарного инспектора в Третьем отделении Коммерческого управления. Вашим начальником будет Эйвант Дасдьюк. Он разъяснит ваши обязанности. В Третьем отделении продвижение по службе целиком и полностью зависит от Эйванта. Если вы добьетесь успеха, с благодарностями обращайтесь к нему».

Через много лет, вспомнив эти слова, Джубал устало усмехнулся.

В кабинет вошел долговязый молодой человек, вечером предыдущего дня передавший Джубалу приказ явиться к Нэю Д'Эверу.

«Джубал Дроуд согласился занять должность в Третьем отделении, — поведал ему Д'Эвер. — Проинструктируйте его. Но прежде всего я хотел бы, чтобы вы сопроводили его в известное ему место поблизости, где он передаст вам на хранение некий сверток. Принесите мне этот сверток немедленно».

Эйвант молча вышел. Джубал колебался.

Нэй Д'Эвер отвернулся и погрузился в чтение брошюры. Джубал последовал за Эйвантом Дасдьюком.

Глава 6

Визродские кебы славились по всей стране. Похожие на катафалки вездесущие темные колымаги, узкие и высокие, переваливались по мостовым на непропорционально маленьких, близко посаженных колесах, опасно кренясь на поворотах. Днем они роились на бульварах подобно нелепым гигантским насекомым, а по ночам сломя голову носились во мраке, заметные лишь благодаря тусклым габаритным огням.

В таком экипаже Джубал и Эйвант Дасдьюк отправились в аэропорт. Они ехали молча — Дасдьюк предпочитал не говорить лишнего. Джубал не мог не завидовать надменной самоуверенности спутника, державшегося так, как если бы безошибочность суждений по любым доступным воображению вопросам была его естественным, врожденным правом, как если бы ничто не могло привести его в замешательство или вызвать у него сомнения.

Тем не менее, начальственные размышления Эйванта носили вполне практический характер. Дождавшись удобного момента, он покосился на Джубала: «Какой вам присвоили чин?»

«Младшего помощника инспектора».

Эйвант поморщился, недоуменно качая головой: «Инспекторов у нас хоть отбавляй. Как вы ухитрились пролезть без очереди? Ума не приложу». Выдержав паузу, Эйвант задумчиво добавил: «Третье отделение — не для слабонервных».

Джубал осмелился вежливо спросить: «В чем будут состоять мои обязанности?»

«Придется перераспределить наряды, — неожиданно резко, деловым тоном отозвался Эйвант. — Главным образом мы занимаемся инспекцией постоялых дворов — проверяем чистоту помещений, свежесть продуктов, вежливость обслуживания. Вы пройдете предварительный инструктаж, после чего сразу приступите к работе — практический опыт незаменим. Предупреждаю, повышения в должности приходится ждать годами».

Джубал тяжело вздохнул. Не на такую службу он рассчитывал. Любая работа лучше, чем никакая? Может быть. Не обязательно.

Эйвант небрежно полюбопытствовал: «За каким свертком мы едем?»

Нэй Д'Эвер не давал на этот счет недвусмысленных указаний, но сама природа вещей требовала исключительной предусмотрительности. С

другой стороны, Джубал не горел желанием восстанавливать против себя непосредственного начальника и ответил почти без задержки: «Думаю, что в свертке какая-то ткань, скорее всего одежда». В этом Эйванту в любом случае предстояло убедиться своими глазами.

«Одежда? Чья одежда?»

«Насколько мне известно, именно этот вопрос интересует Нэя Д'Эвера. Вы уже дослужились до старшего инспектора?»

«Разумеется», — обронил Эйвант и нехотя продолжил: «Не слишком престижная профессия. В столице у Дасдьюков нет влиятельных покровителей. Мы из Древодруна».

«Чем занимаются в Первом и Втором отделениях?»

«Первому поручено обеспечение безопасности на промышленных предприятиях. Второе отделение контролирует цены и качество продукции. Четвертое — палата мер и весов. Пятое занимается оценкой имущества. Шестое отделение, само собой — внутренняя полиция Тэйри. На нас свалили самую неблагодарную работу».

«Почему же вы решили делать карьеру в Третьем отделении?»

«Тот же вопрос можно задать и вам».

В этом случае у Джу бала не было причин что-либо скрывать: «Мне не предложили ничего лучшего».

Эйвант смотрел на плывущий за окном пригородный пейзаж. Помолчав, он сдержанно заметил: «В нашей профессии есть свои преимущества. Инспектор путешествует по стране, встречается с самыми разными людьми».

«А заработок?»

«Поначалу вы будете получать семнадцать тольдеков в неделю, плюс командировочные — на дорожные расходы».

«Семнадцать тольдеков? Нищенский оклад!»

«Наш бюджет невелик. Чтобы сводить концы с концами, младшему персоналу приходится затягивать пояса».

Джубал огорченно откинулся на спинку сиденья. Конечно! Д'Эвер упомянул «достаточный заработок», а не «щедрое вознаграждение». В Визроде такими нюансами пренебрегать нельзя.

«Сколько получает старший помощник инспектора?»

«Двадцать девять тольдеков в неделю».

«А если я дослужусь наконец до инспектора?»

«Сможете зарабатывать сорок-пятьдесят тольдеков. Многое зависит от человека, а не от

должности».

Они прибыли к зданию аэровокзала на мысу Суль. Джубал достал сверток из камеры хранения и вручил его Эйванту. Оба вернулись в город. Кеб спустился с холма и выехал на Парадную набережную. У гостиницы «Кораблекрушение» Джубал решил выйти. Эйвант Дасдьюк не преминул напомнить: «Завтра явитесь в комнату № 95 к первому часу утра. Вашим обучением займется заместитель старшего инспектора».

Кеб загромыхал дальше по Парадной набережной. Подойдя к балюстраде, Джубал долго смотрел на залив Тенистерле. Открывался шлюз — на спокойную гладь внутренней бухты выскользнула красивая фелука[22] с темно-лиловыми бортами, движимая двумя ярко-оранжевыми воздушны-

---

[22] notes: 22

Фелуками, плавающими по Пространному океану, управляют «океанские националы», объявившие весь Пространный океан своим суверенным владением и контролирующие все торговые трассы и пассажирские маршруты. Перелеты над океаном по воздуху строго запрещены — каждая фелука вооружена пушкой с автоматическим устройством захвата и сопровождения цели и бронебойными снарядами.

Националы, численностью не превышающие двадцати тысяч человек, не могли бы, по всей видимости, обеспечивать соблюдение своих требований, если бы не молчаливая поддержка Тэйри, откуда происходит большинство националов. По существу, океанских националов нередко рассматривают как особую касту тарио-тов.

Фелуки — небольшие суда, отличающиеся благородством осанки и изяществом пропорций — изготовляются ваэлями Уэлласа в Земно-

каменной Заводи. В длину они могут достигать двадцати трех метров и движутся в основном под па-русами-змеями. В экваториальных широтах Маска преобладают восточные ветры. Поэтому океанские националы, как правило, плывут по ветру, в западном направлении, из одного моря в другое, от одного порта к другому, совершая непрерывные кругосветные рейсы.

ми змеями-парусами… Семнадцать тольдеков в неделю! Обучение славным традициям проверки нужников и грязного белья… Младший помощник инспектора постоялых дворов Джубал Дроуд, прилежный и почтительный служака, имеет честь засвидетельствовать почтение леди Миэльтруде Д'Эвер…

Эйвант Дасдьюк вошел в кабинет Нэя Д'Эвера через потайную дверь. Д'Эвер распечатал сверток и разложил его содержимое на столе.

Перед ними были четыре предмета одежды. Во-первых, кирпично-красная куртка неслыханного покроя, широкая и свободная в плечах, но узкая в талии. Во-вторых, брюки в вертикальную канареечно-желтую и серебряную полоску, мешковато-просторные в бедрах и коленях. В-третьих, глянцевые темно-зеленые кожаные ботинки со щегольскими отворотами, прикрывавшими лодыжку, с удлиненными острыми носками и подошвой с двумя упругими дисками под пяткой и под опорными суставами пальцев ног. В четвертых, темно-красная вельветовая шляпа с загнутыми вверх полями и хитроумными складками, украшенная сбоку бантом из желтых лент.

«Узнаёте костюм?» — спросил Нэй Д'Эвер.

«Видел что-то подобное в архивах. Не припом-

ню, придется уточнить».

«Так одевался Рамус Имф, когда летал на другую планету».

«Откуда это известно?»

«Показания глинта. В них трудно сомневаться».

Эйвант с отвращением разглядывал одежду: «Скай, надо полагать, исключается?»

Нэй Д'Эвер слегка улыбнулся: «Не могу себе представить Рамуса Имфа в компании байнадаров. Нет. Он летал гораздо дальше».

«Странно».

«Очень странно. О заурядной контрабанде не может быть и речи. Так или иначе, наше дело — выяснить, что он затевает. Установите слежку».

«Как прикажете».

Д'Эвер указал на инопланетную одежду: «Поговорите с техниками, постарайтесь что-нибудь узнать. Мы, тариоты — закоснелые провинциалы. Возможно, изоляция дает неоценимые преимущества, но мы практически ничего не знаем о Вселенной. Настало время устранить это упущение».

«Наш бюджет недостаточен. Потребуется гораздо больше средств».

«Верно. С деньгами туго. Попробуй объясни

такие расходы Майрусу! Придется подумать. Ну что, как вам нравится ваш новый инспектор?»

«Глинт? Кажется, он достаточно умен и умеет промолчать, когда нужно. Сомневаюсь, однако, сумеет ли он проявить требуемую бесстрастную безотказность», — Эйвант намекал на одно из редких энергичных заявлений Д'Эвера, как-то провозгласившего: «Третье отделение — моя послушная машина. Ее человеческие компоненты должны функционировать с бесстрастной безотказностью!»

Нэй Д'Эвер посоветовал: «Обращайтесь с ним осторожно. Используйте его там, где эмоциональная мотивация может служить положительным фактором».

Джубал Дроуд слонялся по Парадной набережной. Вечерело — небо приобрело сливово-фиолетовый оттенок. Заходивший Скай навис над горизонтом огромным серебряным серпом. По набережной сновали темные силуэты прохожих, погруженных в свои неведомые думы.

Облокотившись на балюстраду, Джубал созерцал залив Тени-стерле. Семнадцать тольдеков в неделю за поиски блох и просмотр жалобных книг. Осязаемые, но умеренные преимущества: легкая жизнь в поездках по округам Тэйри,

сытные обеды, хорошее вино, стыдливые дары владельцев постоялых дворов… Но с мечтами приходилось прощаться. Перспектива примкнуть к океанским националам тоже не сулила осуществления надежд. Эмигрировать, поселиться в другом мире? Джубал поднял к небу тревожный, испытующий взгляд. В сумеречной пустоте мерцала только наклонная волнистая гирлянда звезд Зангвильского Рифа, наполовину заслоненная горбом Ская.

Джубал выпрямился, отступил на шаг от балюстрады. «Я чувствую себя стариком», — думал он. Опустив плечи, он поплелся по Парадной набережной к гостинице «Кораблекрушение» и зашел в таверну. Усевшись на скамью подальше от входа, он заказал бутыль водянистого фруктового вина. Получая семнадцать тольдеков в неделю, приходилось разбираться в ценах и довольствоваться чем-нибудь подешевле. В том случае, конечно, если он согласится занять должность, предложенную вельможным воплощением щедрости и великодушия, его превосходительством Нэем Д’Эвером.

Джубал мрачно разглядывал других посетителей, пытаясь угадать характер их занятий. Двое завсегдатаев неопределенного возраста,

коротенькие и пухлые, были, по-видимому, зажиточными мастеровыми или продавцами. Они болтали, хихикали и подталкивали друг друга локтями, как шаловливые дети. Встретившись глазами с язвительным взглядом Джубала, один из них вдруг замолчал, чем-то встревоженный. Он что-то пробормотал приятелю — оба украдкой покосились на Джубала. Сгорбившись на табуретах за стойкой, лавочники стали говорить тише.

Джубал отвернулся. Рядом стоял человек совсем из другого теста — верзила с обветренным лицом в темном трико в обтяжку и высоком черном дафе. Его бледная, вытянутая, унылая физиономия наводила на мысль об одержимости тайными проектами. Плечи и руки бугрились мышцами, под темной материей трико угадывались узловатые, жилистые ноги. Землекоп или грузчик? «Скорее всего ремесленник — выносливый умелец, недавно переживший утрату», — решил Джубал.

За соседним столом сидел мужчина в выцветшей серой блузе, ужинавший гуляшом с хлебом и зеленым луком. «Национал, — подумал Джубал, — тертый калач». В шевелюре моряка — жесткой щетине мышастого оттенка — красовались небольшие проплешины, оставшиеся,

очевидно, от ударов, ободравших кожу. Кривой, сплющенный нос тоже свидетельствовал о драчливости. Тем не менее, движения национала отличались неторопливой беспечностью, а в глазах не светилось ничего, кроме спокойного интереса к происходящему.

Джубал подождал, пока моряк выскребал остатки гуляша куском хлеба, после чего взял бутыль с бокалом и подошел к его столу: «Не возражаете, если я нарушу ваше одиночество?»

«Не стесняйтесь».

«Насколько я понимаю, вы — национал?»

«Допустим. Вы что-то имеете против?»

«Ровным счетом ничего».

«Я владелец и капитан «Кланша», посудины у причала неподалеку. Меня зовут Шрак».

«Я— Джубал, младший брат дроуда глентлинских Дроудов. Хотел бы попросить у вас совета».

Шрак гостеприимно развел руками: «Говорят, совет национала не стоит воплей птицы какару. Что могу, то посоветую. Спрашивайте, раз приспичило».

Джубал знаком попросил официантку принести еще вина: «Я в затруднении. Будучи глинтом безупречно благородного происхождения, я не нахожу себе применения в Визроде. Мне

предложили должность инспектора нужников, получающего семнадцать тольдеков в неделю. Само собой, я предпочел бы сделать более блестящую карьеру».

Шрак принял бокал вина из рук официантки: «Семнадцать монет — незавидный доход для знатного щеголя. Даже я, простой моряк, зарабатываю почти половину этой суммы».

«Передо мной три очевидные возможности, — продолжал Джубал. — Я могу податься в националы. Могу эмигрировать. Наконец, я могу подчиниться обстоятельствам и служить инспектором».

Моряк отхлебнул вина и, откинувшись на спинку стула, направил туманный взор в потолок: «Можно смело утверждать, что выбор любого из трех путей повлечет за собой характерный ряд последствий. Но человек, незнакомый с конкретной ситуацией, полагается исключительно на воображение. Его предсказания неопределенны, его представления о действительности искажены обманчивыми надеждами. Опыт — единственный источник мудрости, если умение жить позволительно называть «мудростью». Короче говоря, я могу давать советы только в отношении мореплавания. Для того, чтобы точно оценить

другие альтернативы, вам следует побеседовать с инспектором нужников и с эмигрантом».

«Благодаря редкому стечению обстоятельств я знаком с таким инспектором и даже повстречался с одним эмигрантом-возвращен-цем, — отозвался Джубал, — но не рассчитываю получить от них

достоверную информацию, особенно в случае эмигранта. Еще вина?»

«С удовольствием! Но позвольте мне позаботиться о следующем этапе нашего совещания», — капитан Шрак разъяснил официантке свои пожелания, после чего принял прежнюю расслабленную позу: «Как и вам, мне когда-то пришлось делать трудный выбор. В общем и в целом я не жалею о принятом решении. Я повидал чудные виды и пережил потрясения, недоступные воображению самого проницательного, образованного горожанина. «Кланш» — мой дом, другого жилища мне не нужно. Я дорожу каждой планкой моего судна — хотя, не спорю, жизнь на волнах беспокойнее жизни на своей земле, в коттедже на лугу у ручья, орошающего фруктовый сад. Я работал на суше, я работал в море. Что лучше? Что хуже? Не могу сказать».

«Будьте добры, продолжайте, — приподнял руку Джубал. — Ваши замечания имеют самое

непосредственное отношение к моим проблемам».

«Четырнадцать раз я проплыл вокруг света по Пространному океану — гостил на Беспечных островах, заходил в порты Большого Морка, ждал прилива в лагунах Призрачных атоллов. Я менял мед на мускус, торгуя с дохобейскими оборотнями. Я поднялся под парусами вверх по течению реки Свал до селения Рунцзе в Дальнем Джанаде. На глинистых отмелях Рунцзе, в сумерках затмения,[23] девятнадцать байнадаров пытались забить меня острыми кольями. Я возил товары в Виэри на западном берегу Базана, в То-польд на Буйном море, в Земнокаменную Заводь Уэлласа. За пригоршню драгоценного адза полоумная ваэльская дриада отвела меня к говорящему дереву — впоследствии ее посадили…»

«Посадили?»

«В землю. Таково наказание у ваэлей. На мой взгляд, они самый странный народ на Маске, да и не только на Маске — пожалуй, во всей Ойкумене. Говорят, ваэли произошли от грешной команды

---

[23] notes: 23

Сумерки затмения: когда Скай затмевает Мору, джаны проявляют беспокойство и время от времени совершают необычные и даже безрассудные действия. Байнадары, т. е. джаны Маска и сайданийцы Ская, намеренные изгнать тариотов, нередко нападают на чужеземцев в сумерках затмения.

четырнадцатого корабля и шайки отколовшихся джанов».

«Я слышал сходные предположения, но меня они не убедили».

Шрак кивнул: «Соитие людей Ойкумены с джанами не дает потомства, каждый это знает на собственном опыте. И все же, они могли пользоваться особыми снадобьями — кому известна вся правда? Я намерен скоро навестить Земнокаменную Заводь хотя бы

только для того, чтобы отведать ромового пунша в кабаке «Море по колено»».

«Вам не нужен помощник-новичок?»

«Обращаетесь не по адресу, юнга. Я застрял в порту — так же, как и вы. Не могу поднять паруса, пока не разберусь с парой долговых исков. Вместо того, чтобы наниматься матросом и гнуть спину за миску каши и место в гамаке, откладывайте свои семнадцать тольдеков, пока не сможете купить парусник».

«Сколько стоит приличное судно?»

«Не меньше пяти тысяч тольдеков».

«Ого! Откладывая в копилку последние гроши, я успею состариться!»

«Найдите дополнительный источник доходов».

«Легко сказать!»

«Разбогатеть может каждый. Главное — не упустить подходящую возможность и выжать ее досуха».

«Передо мной такие возможности еще ни разу не открывались».

«Все так говорят, — Шрак поднялся на ноги. — Мне пора возвращаться на борт. Заметив с набережной темные иллюминаторы, иные пройдохи могут сделать вывод, что им предоставилась одна из возможностей, о которых мы только что говорили. Спокойной ночи — желаю вам удачи!»

«Спокойной ночи, капитан».

Шрак удалился. Джубал сидел, погрузившись в невеселые думы. Два толстеньких лавочника ужинали заливной лакей-рыбой необычайных размеров. Жилистый верзила с вытянутой физиономией беседовал с плотным субъектом в темно-бордовом квате.[24] В таверне появились новые посетители — три молодых головореза в вычурных нарядах и пара старух, шумно дувших в оловянные кружки с горячим пряным пивом.

---

[24] notes: 24

Кват: плоский четырехугольный берет, иногда напоминающий не более чем квадратный кусок толстой ткани, зачастую утяжеленный подвесками по углам — небольшими шариками пирита, халцедона, киновари или серебра.

Никто из окружающих не заинтересовал Джубала. Он уплатил по счету и вышел из заведения.

Задержавшись у выхода, Джубал слышал тихий плеск волн под набережной. Скай скрылся за горизонтом — небо зияло глубокой тьмой. Только над косой Чам еще мерцал обрывок цепочки редких звезд Зангвильского Рифа.

Джубал медленно шел по безлюдной веранде. На мгновение сноп тусклого света озарил его спину — дверь таверны открылась и закрылась. Сзади послышались твердые, размеренные шаги. На бледном фоне отраженных мостовой вечерних фонарей появилась пара силуэтов — один высокий и узкий, другой приземистый и широкий. Джу бал поспешил к двери своего номера и достал ключ, но обнаружил, что в замочную скважину плотно вставлена заглушка. Когда он выдернул заглушку и вставил ключ, за его плечами уже стояли двое.

Старательно выговаривая слова, верзила произнес: «Я обращаюсь к Джубалу Дроуду из Глентлина?»

«Кто бы я ни был, я не намерен удостоверять мою личность каждому встречному. Вы нашли неподходящее время для знакомства».

Голос верзилы почти не изменился, но Джубал

уловил в нем призвук саркастического веселья: «Уважаемый, мы соблюдаем общепринятые правила. Меня зовут Дзыба. Мой коллега довольствуется профессиональной кличкой «Прохруст». Мы представляем Акционерное общество пунктуального воздаяния. Получив надлежащим образом подписанный и заверенный печатью ордер, мы уполномочены безотлагательно осуществить в отношении вашей персоны[25] акт «неопровержимо заслуженного чрезвычайного возмездия»».

Джубал старался сохранять спокойствие и уверенность: «Предъявите ордер».

Прохруст достал из-за пазухи лист пергаментной бумаги. Взяв его, Джубал начал заходить к себе в комнату. Дзыба попытался следовать за

---

[25] notes: 25

Тариотская система исправительных наказаний архаична и чрезвычайно сложна. Потерпевшая ущерб (первая) сторона заявляет о своих претензиях магистрату, иногда (но не обязательно) в присутствии защитника, представляющего нанесшую ущерб (вторую) сторону. Если магистрат считает, что претензии достаточно обоснованы, оформляется судебный приказ (ордер), причем первая сторона может применить предписанное наказание лично или нанять с этой целью одного или нескольких представителей. Первая сторона точно определяет действия, подлежащие наказанию, а также характер и размеры наказания, по своему усмотрению. Если вторая сторона считает наказание слишком суровым, дело представляется на рассмотрение арбитра. Если арбитр выносит решение в пользу первой стороны, размер наказания может быть увеличен (например, может быть наложен дополнительный штраф). Если арбитр выносит решение в пользу второй стороны, правительственный служащий подвергает первую сторону тому

наказанию, которое она предусмотрела, вчиняя иск. Таким образом в большинстве случаев предотвращается определение и применение неразумных и чрезмерно жестоких мер наказания. Второй стороне предоставляется право пытаться избежать наказания, скрываясь от представителей первой стороны, но сопротивление с применением насилия запрещено во всех случаях, кроме тех, когда мерой наказания является смертная казнь. По этой причине агенты, осуществляющие наказание, никогда не заявляют, что намерены казнить наказуемого, хотя в некоторых случаях смерть становится неизбежным следствием предусмотренных исправительных мер.

ним, но Джубал грубо оттолкнул его. Прохруст, тем временем, успел просунуть ногу между дверью и притолокой.

Джубал прочел написанное на листе, прижимая дверь спиной. Он обвинялся в «безответственной, бессовестной, оскорбительной и необоснованной клевете, распространяемой с целью подрыва репутации его превосходительства Рамуса Имфа». Документ был скреплен подписью истца, «Миэль-труды Д'Эвер, помолвленной с вышеупомянутым Рамусом Имфом».

«И в чем заключается акт чрезвычайного возмездия?» — поинтересовался Джубал через щель, образованную ботинком Прохруста.

«Мы обязаны сделать инъекцию гипераса, — объяснил Дзыба,

— препарата, повышающего чувствительность нервных рецепторов и временно парализующего мускулатуру языка и гортани. Затем предписано двадцатиминутное купание в теплом растворе герндайка, кожного раздражителя. В последнюю очередь предусмотрена обработка конечностей костоломом в тринадцати местах».

«Наказание неправомочно. Я протестую и подам апелляцию, — заявил Джубал. — Арбитр объявит ваш ордер недействительным

— уберите ногу и дайте закрыть дверь».

«Все формальности соблюдены от вашего имени. Обратите внимание на заключение арбитра в нижней части листа».

Джубал обнаружил надпись под красной сургучной печатью: «В праве на апелляцию с возмущением отказано. Приговор обжалованию не подлежит. Да восторжествует справедливость!»

Под заключением стояла подпись: «Дельгас Имф, верховный арбитр Визрода».

«Арбитр — из рода Имфов! Он покровительствует Рамусу!» — прохрипел Джубал.

«Эти вопросы не входят в нашу компетенцию. А теперь, господин Дроуд, позвольте нам войти».

«Ни в коем случае. Отойдите, или поплатитесь жизнью!»

Сиплый бас Дзыбы твердил с монотонной настырностью: «В высшей степени неблагоразумно с вашей стороны, господин Дроуд, употреблять такие выражения. Мы люди простые и выполняем свои обязанности, не более того».

Пока он говорил, Джубал заметил тихое шипение — из-под двери показался наконечник шланга, испускавший туманную струйку газа.

Джубал бросился через комнату к окну, но снаружи его закрывала крепкая дощатая панель,

преграждавшая путь к отступлению.

Рука Дзыбы легла ему на плечо: «Уважаемый, мы опытные специалисты. Пройдемте».

Джубал ударил Дзыбу в живот — с тем же успехом можно было колотить кулаком по стволу дерева. Прохруст схватил его за руки и заложил их ему за спину. Джубала выволокли из номера и провели по веранде, бережно поддерживая и стискивая справа и слева. Они спускались на темный пляж под набережной. Джубал вырывался и пинался. Дзыба надел ему на лицо тугой намордник с металлическими шипами, глубоко загибавшимися в рот. Теперь Джубал не мог сопротивляться, не рискуя раскрошить себе зубы.

Трое прошли метров пятьдесят и остановились под плотной купой берегового остролиста, закрывавшей пляж от Парадной набережной. Прохруст зажег бледно-синий потайной фонарь — Джубал увидел трехметровый ржавый бак, полузаполненный мутно-радужной маслянистой жидкостью. В песке торчала метровая чугунная дубина — костолом.

Дзыба обратился к Джубалу: «Вы можете раздеться или не раздеваться, по своему усмотрению. Опыт показывает, что купание в одежде причиняет дополнительные неудобства — раздраженная

кожа болезненно реагирует на любое прикосновение. Но прежде всего — инъекция гипераса. Не напрягайтесь...» Джубал почувствовал укол иглы-пипетки. По коже, от головы до пяток, пробежала горячая пощипывающая волна.

Приблизился Прохруст: «Эти кандалы, уважаемый, не позволят вам причинять себе вред, болтая руками и ногами. Полезнейшее приспособление. Так вы предпочитаете раздеться или нет?»

Джубал на мгновение обмяк, будто начиная падать, и вырвался из хватки Дзыбы, налетев плечом на Прохруста. Тот, вынужденный отступить на шаг, наткнулся на край вкопанного в песок ржавого бака и плюхнулся спиной в мутную жидкость, издавшую вязкий чмокающий звук. Его рев, полный страха и гнева, быстро превратился в сдавленный визг.

Дзыба поймал Джубала: «Очень нехорошо с вашей стороны, уважаемый, очень нехорошо! Мой коллега выполняет свой долг, обеспечивая соблюдение законов, а вы нанесли ему травму. Не удивлюсь, если он тоже потребует выписать ордер на ваше имя!»

Какое-то время оба стояли неподвижно — Дзыба крепко держал Джубала за руки, вывернутые за спину. Они наблюдали за Прохрустом, пы-

тавшимся выбраться из скользкого бака. Тот несколько раз падал в пыточную ванну, но в конце концов перевалился через край и теперь корчился на песке.

«Гердайк — эффективное, сильнодействующее средство, — прокомментировал Дзыба. — Бедняга Прохруст сам готовил раствор. Катаясь по песку, он только удваивает мучения. Прохруст!

Эй, Прохруст, послушай, что я говорю! Разденься, нырни в море! Так будет гораздо лучше».

Расслышал Прохруст совет товарища или нет, но убийца пополз, не раздеваясь, к прибойной полосе и откатился в воду, не переставая ругаться и выть тонким детским голоском.

«Не повезло Прохрусту! — сокрушался Дзыба. — Он серьезно пострадал. Что тут скажешь? В нашем деле приходится рисковать. Тем не менее, я возмущен вашим отношением к судебным исполнителям. Извольте раздеться или ложитесь в ванну как есть, мне все равно!»

Джубал изворачивался, толкался, пинался — кожа его горела, как обожженная, даже волосы казались раскаленной охапкой колючей проволоки. Дзыба держал его мертвой хваткой — руки онемели, растянутые плечевые суставы отзывались резкой болью. Голова кружилась, во рту

пересохло — его, Джубала Дроуда, благородного глинта, окунут в ванну, как младенца?

Раздался глухой звук удара, сопровождаемый негромким восклицанием. Джубал почувствовал, что железная хватка ослабла, и упал лицом в песок. Снова удары, пыхтение, короткие яростные возгласы. Джубал тяжело приподнялся на четвереньки, обернулся. С достоинством невинно оскорбленного хищника спокойно усмехающийся Дзыба мастерски оборонялся от нападавшего незнакомца.

Пошатываясь, Джубал поднялся на ноги, схватил торчавший из песка костолом, высоко размахнулся и опустил его, целясь в затылок, но попал по плечу. Дзыба застонал. Джубал опять размахнулся и треснул его по голове. Дзыба упал. Джубал бил его снова и снова, изо всех сил.

Чьи-то руки оттащили его. Джубал узнал голос капитана Шра-ка: «Хватит. От него живого места не осталось — все кости переломаны».

Джубал выпустил дубину из рук и стоял, тяжело дыша: «Разве можно пытать человека, забивать до смерти — только за то, что он сказал правду?» Его высокий, истерический голос казался странным ему самому.

«Правда уязвляет гораздо сильнее лжи, — Шрак

с уважением посмотрел на распростертую фигуру Дзыбы. — Своего рода талант. Никому еще не удавалось отмахиваться от меня, как от мухи».

Джубал повернулся к морю — где-то в темноте лихорадочно плескался и фыркал Прохруст. Джубал разразился сумасшедшим хохотом: «У Дзыбы переломаны кости, Прохруст окунулся в свое зелье, меня накачали гиперасом… Капитан, вы меня выручили. Я у вас в неоплатном долгу — называйте любую сумму».

Шрак крякнул: «Хорош бы я был, любуясь на то, как двое калечат одного. Уважение к себе тоже чего-то стоит. Помогите при случае другому так же, как я помог сегодня вам — и считайте, что долг уплачен».

Наклонившись, Джубал схватил валявшийся на песке лист пергаментной бумаги: «Тоже мне ордер! Арбитраж закончился, а меня даже не известили об иске! Потрясающая наглость!»

Шрак прочитал ордер при свете бледно-синего фонаря: «У вас опасные враги».

«Завтра узнаю, есть ли у меня друзья. Если нет, не нанимайте матроса раньше времени — лучше драить палубу «Кланша», чем выслуживаться у мерзавцев».

В голубом круге света появилось ужасное,

окровавленное лицо. Дзыба пытался схватить Джубала за лодыжку, но правая рука его не слушалась — казалось, в ней было четыре сустава вместо двух.

«Аспид! — Джубал отскочил, как от змеи. — Тебе что, мало? Смотри, хребет переломаю!»

Дзыба напряженно промычал: «Я… обязан выполнить приказ».

«Незаконный приказ, ехидна ты болотная!»

«Ордер выправлен… по форме».

«Завтра увидим! У меня тоже есть связи». Гиперас приводил Джубала в неестественное возбуждение, ненависть срывалась с языка потоком слов: «Даже если ты не сдохнешь здесь, на берегу — на что я от души надеюсь — тебя уволят, и Прохруста твоего выгонят в шею, чтоб ему повылазило! Загорайте, пляжники!»

Джубал заковылял прочь — его ступни болели, как обожженные. Шрак попрощался с Дзыбой вежливым кивком и последовал за Джубалом. Они дошли по песку до того места, где Шрак вытащил на берег свой ялик. Впереди сквозь листву сыродалей уже проглядывали освещенные окна гостиницы. Приготовившись столкнуть ялик в воду, Шрак задержался, помолчал пару секунд и сказал: «Мне пришла в голову мысль — может

быть, она окажется полезной в вашем положении».

«Говорите — мне пригодится любой совет».

«Сегодня вечером я рассуждал о том, как выгодно бывает не упустить неожиданно предоставившуюся возможность. Надеюсь, вы меня понимаете».

«Превосходно понимаю. Вы заставили меня взглянуть на происшедшее с новой точки зрения. Постараюсь что-нибудь придумать», — пообещал Джубал.

«Спокойной ночи — еще раз».

«Вам того же!»

Джубал доплелся до номера гостиницы, где все еще попахивало удушливым наркотическим газом. Джубал устало смотрел на забитое окно, но обойти гостиницу и отодрать доски у него не было сил. Осторожно раздеваясь, он испытывал такое ощущение, как будто отрывал от тела едкий липкий пластырь. Когда он улегся на койку, постельное белье казалось колючим, как щетина. В конце концов ему удалось забыться тяжелым сном — ночь прошла без дальнейших неожиданностей.

Глава 7

В половине третьего — через два с половиной часа после времени, указанного Эйвантом Дасдьюком — Джубал вышел из канцелярии Верховного суда и пересек площадь, направляясь к ветхой каменной массе Парлария. Мора, пышущий жаром фиолетово-белый шар в лиловом ореоле, слепила глаза на полпути к зениту. Скай еще не взошел — небо, по выражению тариотов, было «свободно».

Сверток с инопланетной одеждой принес Джубалу семнадцать тольдеков в неделю — он не сумел в полной мере воспользоваться преимуществом над Нэем Д'Эвером. Теперь Джубал был полон решимости проявить надлежащую твердость.

Он вошел в фойе Парлария — громадный зал с посеревшими от пыли стенами унылого коричневато-желтого цвета. Выстояв очереди к окнам, тянувшимся вдоль стен, граждане Визрода обсуждали дела с чиновниками — одни спокойно беседовали, другие яростно спорили. Выше, в промежутках над окнами, висели схемы, разъяснявшие расположение отделов Парлария. Джубал

узнал, что Третье отделение Коммерческого бюро занимало северное крыло третьего этажа.

Поднявшись на эскалаторе, он оказался в восьмиугольном помещении. За полукруглым столом сидел строгий пожилой человек в черном квате строгого покроя. Одновременно выставив вперед подбородок и чуть наклонив голову, он внимательно рассмотрел Джубала с головы до ног и, по-видимому, составил неблагоприятное мнение: «Вы по какому делу?»

«Меня зовут Джубал Дроуд, я служу в этом отделе. Хотел бы…»

Чиновник бесцеремонно прервал его: «Вы не числитесь в списках. *Я* вас не помню. Вы ошиблись — вернитесь в фойе и впредь внимательнее читайте инструкции».

Джубал холодно ответил: «Известите достопочтенного Эйванта Дасдьюка о том, что меня задерживает подчиненный».

Чиновник снова разглядел Джубала: «Вы заняты в Третьем отделении?»

«Именно так».

«В какой должности?»

«Младшего помощника инспектора».

Старикан насмешливо прокашлялся: «Ваше время не стоит выеденного яйца. Придется вам

поучиться терпению и ждать, пока вас не вызовут — даже если о вас вспомнят через несколько часов».

Джубал поднял глаза к потолку: мелкие провокации нужно было игнорировать. Он сдержанно заметил: «Ваше мнение могут разделять не все. Будьте добры, сообщите Эйванту Дасдьюку о моем прибытии».

Чиновник включил переговорное устройство: «Да, господин Дасдьюк… Вас хочет видеть молодой человек…» Не выключая устройство, цербер поднял голову: «Как вас зовут?»

«Разве вы не слышали? Джубал Дроуд!»

«Джубал Дроуд — похоже, что глинт… Пропустить его?» — вопрос был задан с придыханием искреннего изумления. Последовало смирение с неизбежностью: «Как прикажете». Чиновник повернулся к Джубалу: «Голубая дверь — дальше до поперечного коридора. Поверните налево, пройдите до конца, позвоните».

Джубал прошествовал к голубой двери, отодвинувшейся при его приближении. Пройдя в образовавшийся проем, он очутился в широком коридоре с беленым арочным потолком и стенами, выкрашенными в казенно-зеленый цвет. Стены прерывались похожими на амбразуры

нишами очень высоких и узких дверей — каприз давно забытого архитектора. Паркет трещал под ногами, в затхлом воздухе пахло чем-то едким и горьковатым, вроде старой олифы.

Коридор поворачивал под углом и соединялся с другим, поперечным. Джубал пошел налево и скоро оказался в тупике, украшенном особенно высокой и ветхой дверью. На двери висела табличка: «Бюро санитарной инспекции. Пользуйтесь звонком!»

Джубал нашел переключатель и некоторое время щелкал им без малейшего эффекта. Разозлившись, он стал стучать по двери и греметь засовом, почему-то размещенным снаружи. Наконец дверь приоткрылась — выглянула толстая старушка в шерстяном коричневом тюрбане: «Да, господин хороший, что вы тут расшумелись?»

«Я — Джубал Дроуд, меня назначили в Третье отделение. *Я* хотел бы видеть Эйванта Дасдьюка».

«Тогда заходите!»

Джубал переступил через порог: «К вам исключительно трудно попасть».

«А как же! Ходят тут все кому не лень, жалобы носят ворохами — а мне что, ихними жалобами печку топить? До чего нудные люди, и все

норовят болтать — болтать без конца, двумя словами обойтись не могут. Так мы и держимся подальше, жить-то надо? Вот, садитесь, здесь у нас приемная». Старушка громко проговорила в сетку устройства связи: «К вам Джубал Дроуд. Что ему сказать?».

Неразборчивый для ушей Джубала ответ вполне удовлетворил престарелую секретаршу. Она поманила Джубала пальцем и, пыхтя и свистя от напряжения, просеменила к двери с табличкой «Заместитель начальника бюро». Просунув голову в приоткрытую дверь, карга объявила нараспев: «Глинт явился!»

Кабинет Эйванта выглядел значительно приятнее приемной. Паркет был прикрыт выцветшим кристосорамским ковром в синюю и зеленую клетку разных оттенков. Гарнитур — эклектический набор антикварной мебели — состоял из стола с резными ножками из черного инга, обитой бледно-зеленым вельветом софы, столика поменьше с самоваром и пары кресел в стиле аляповатых тронов вождей Большого Морка.

Эйвант Дасдьюк, стоявший у противоположной стены, надменно взглянул на прибывшего и бесстрастно произнес: «Вы опоздали на три часа и не помните инструкций. Вам приказали явиться

в комнату № 95 к первому часу утра».

«Я хорошо помню ваши инструкции, — ответил Джубал. — Мне пришлось ими пренебречь по весьма уважительной причине».

«Личного характера?»

«Разумеется».

«Хотел бы подчеркнуть, что выполнение должностных обязанностей не должно зависеть от соображений личного характера — никоим образом».

«Соображения «личного характера» в данном случае оказались важнее должностных обязанностей. *Я* не настолько глуп, чтобы начинать службу с опоздания — не судите опрометчиво».

Эйвант приподнял брови: «Вы не воспринимаете критические замечания в духе плодотворного сотрудничества».

«Критические замечания должны быть основаны на понимании фактической ситуации. Автоматические выговоры в отсутствие такого понимания не способствуют плодотворному сотрудничеству».

«Мои бедные уши! — пробормотал Эйвант. — Чего только им не приходится выслушивать!» Заместитель начальника бюро лениво присел на край стола: «Ну хорошо. Изложите факты».

«Дело касается Нэя Д'Эвера, самым непосредственным образом. Согласно его указаниям, я обязан связываться с ним через вас, в связи с чем обращаюсь к вам».

Эйвант позволил себе слегка заинтересоваться: «Можете без опасений разъяснить мне ситуацию». Он тут же поднял руку, останавливая Джубала: «Да, да, я знаю. Я — никчемный, жалкий чинуша, а вы — гордый чистокровный глинт с самого крутого утеса на мысу Стрещения, снисходящий до заключения сделок только на высшем уровне. Тем не менее, в Визроде Нэй Д'Эвер недоступен, пока я не попрошу его уделить внимание тому или иному вопросу. Естественно, я не могу отвлекать его по первому требованию любого бродяги и голодранца. Поэтому потрудитесь объясниться».

Джубал уселся на вельветовую софу: «Вы пользуетесь безусловным доверием Д'Эвера?»

«В делах определенного сорта».

«Мое дело касается интимного круга друзей и родственников Д'Эвера. Когда мне удастся поговорить с ним наедине, он узнает, что вы настояли на обсуждении его личных интересов с вами».

Некоторое время лицо Эйванта ничего не выражало. Потом он улыбнулся, сел на стул и вытянул

изящные длинные ноги, скрестив их на ковре: «Ваше поведение нелепо — даже для глинта. Вместо того, чтобы заслуживать благосклонное расположение начальства, как это делают все начинающие карьеру, вы дразните и запугиваете руководителя, от которого зависит любое продвижение по службе. Новизна такой тактики бесспорна. Напрашивается вопрос: приведет ли она к успеху? Должен признаться, меня начинает интересовать ваше будущее».

«Здесь и сегодня я представляю самого себя, — заявил Джубал. — В качестве служащего бюро я поговорю с вами как-нибудь в другой раз».

Эйвант откинул голову и расхохотался. На какой-то момент он перестал походить на самого себя: «Вы не понимаете самой элементарной вещи. Становясь служащим Третьего отделения, вы работаете в Третьем отделении ночью и днем, во сне и при смерти. А теперь, если вы это поняли, объясните, в чем дело».

Джубал больше не протестовал: «В сущности, дело вот в чем. Вчера вечером дочь Нэя Д'Эвера — я говорю о леди Миэльтруде — совершила серьезное преступление. Она выписала ордер на мое имя, обосновав его ложными показаниями, после чего немедленно, не известив меня,

заручилась совершенно незаконным решением арбитра, скрепившего ордер печатью и подписью. В довершение всему Миэльтруда подослала ко мне пару головорезов, чтобы они меня пытали, а потом убили. Так как я — Джубал Дроуд, благородный и великодушный глинт, бандиты, вероятно, выживут, хотя им придется долго лечиться. Тем не менее, я далеко не удовлетворен. Необходимо покарать вопиющую несправедливость».

Эйвант тяжело вздохнул: «Во-первых, запомните: санитарный инспектор никогда не теряет присутствие духа. Во-вторых, таковы женщины, чего вы хотите? Вы унизили ее любимчика. В ярости она готова на все, чтобы унизить вас».

«Я не окунал Рамуса Имфа в чан с раздражителем кожи! Я не ломал руки и ноги Рамуса Имфа в тринадцати местах! Вы беретесь утверждать, что уголовная безответственность — не более чем каприз уязвленной любовницы?»

«Успокойтесь. Все можно уладить. Я аннулирую ордер — давайте его сюда».

Джубал передал ему лист пергаментной бумаги. Эйвант с суровым безразличием пробежал документ глазами: «Это не...» Он пригляделся, и его безразличие испарилось. Эйвант Дасдьюк уставился на Джубала: «Вы сошли с ума!»

Джубал, казалось, был озадачен: «Не понимаю, что вы имеете в виду».

«Я имею в виду, что ваши действия выходят за рамки любых разумных представлений!»

Джубал медленно покачал головой: «Вы не одобряете содержание этого документа?»

«Ни в коем случае!»

«Значит, вы не одобряете закон. По тариотским законам преступление нуждается в надлежащем наказании. Поэтому я выписал и заверил ордер, предписывающий наказание Миэльтруды Д'Эвер. Теперь я намерен известить ее отца с тем, чтобы он мог, по своему усмотрению, подать апелляцию арбитру».

«Одно из двух: вы либо безумец, либо идиот».

«Я санитарный инспектор. Вы вынудили меня разгласить факты, тщательно скрываемые семьей Д'Эверов. Теперь что вы предлагаете делать?»

«Обсудить это дело с Д'Эвером. Что еще?» С нарочито преувеличенной вежливостью Эйвант добавил: «Не желаете ли выпить чаю, пока вам приходится ждать?»

«Очень любезно с вашей стороны».

«Пустяки, будьте как дома». Эйвант прикоснулся к переключателю — боковая дверь кабинета

отодвинулась. В проеме показалась молодая женщина, значительно более привлекательная, чем карга из общей приемной: «Я вас слушаю?»

«Будьте добры, принесите чаю этому господину. Он пережил крупные неприятности, ему нужно подкрепиться».

«Одну секунду».

Эйвант покинул помещение. Тут же вошла молодая секретарша с чашкой чая на блюдечке и небольшим подносом с пирожными: «Этого хватит?»

«Вполне», — отозвался Джубал. Секретарша исчезла.

Эйвант вернулся через пять минут. Его чело, обычно безоблачное, омрачила озабоченная морщина: «Нэй Д'Эвер желает с вами посоветоваться».

«Надо полагать».

«Каковы, в точности, ваши намерения?»

«Разве ордер составлен недостаточно ясно? Я хочу, чтобы стерву наказали».

«Вам не приходило в голову, что Нэй Д'Эвер — один из самых влиятельных людей в Тэйри?»

«Какое отношение это имеет к факту преступления? Если он честный человек, он сделает все возможное, чтобы оказать мне содействие».

«Посмотрим. Ну что же, пойдемте».

Эйвант и Джубал прошли по нескольким широким коридорам, выложенным трескучим паркетом, потом по узкому и темному коридору, откуда они поднялись на эскалаторе в вестибюль, ярко озаренный световыми колодцами с крестовыми сводами. Эйвант остановился у двери, покрытой блестящей пунцовой эмалью, и постучал. Дверь отодвинул не кто иной, как Нэй Д'Эвер. Войдя, Джубал оказался на ковре из синих, белых и черных неравнолучевых звезд под световым колодцем, сияющим сотнями граней. По сигналу начальника Эйвант вышел и закрыл за собой дверь.

Д'Эвер провел Джубала к скамье с мягкими сиденьями и пригласил его сесть, а сам решительно опустился в кресло, стоявшее поблизости: «Расскажите мне, подробно и без утайки: что произошло?»

Несдержанность и страстные упреки здесь были явно неуместны. Джубал перечислил события со всей возможной лаконичностью.

Нэй Д'Эвер не сводил с лица Джубала блестящие, как ртуть, глаза: «Зачем же вы выписали ордер? Какими побуждениями вы руководствуетесь?»

«Мною движут возмущение, обида и стремление к восстановлению справедливости».

«Вы не преминули показать ордер Эйванту Дасдьюку».

«У меня не было выбора. Дасдьюк хотел знать, почему мне нужно было вас видеть. Он настаивал».

«И для чего же, в самом деле, вы хотели со мной встретиться?»

«Чтобы вы могли решить, следует ли представлять мой ордер на утверждение арбитру».

«Я могу без труда устроить дело так, чтобы ордер попал в руки Дельгасу Имфу. Об этом вы не подумали?»

«Тем самым вы совершили бы непростительную ошибку».

«Почему же?»

«Дельгас Имф — пособник вашей дочери, утвердивший незаконный ордер. Я обнародую этот факт, и он не сможет отвертеться».

«Это выставит меня в невыгодном свете. С другой стороны, я могу приказать, чтобы вас незаметно убрали».

«Незаметно? Не получится. Я посвятил своего дядю, Вайдро, во все детали происходящего».

Нэй Д'Эвер пробежал глазами текст ордера,

выписанного Джу-балом: «Вы предписываете «двухлетнее исправительное рабство, сопровождающееся, по усмотрению истца, ежедневной поркой прутьями крысиной метелки в третьем часу пополудни»». Д'Эвер нахмурился: «Учитывая обстоятельства вчерашнего нападения, вы предлагаете неожиданно мягкое наказание».

«Достаточное. У Миэльтруды ветер в голове — она не думает о последствиях своих поступков и избалована до крайности. Кроме того, почему бы я стал восстанавливать вас против себя больше, чем этого требует правосудие?»

«Вообще, почему вы вознамерились непременно досадить мне тем или иным образом?» Д'Эвер помолчал, после чего задумчиво прибавил: «Мы еще не знаем, что по этому поводу скажет Миэльт-руда. Откровенно говоря, меня ее поступок поражает несказанно… Да, любопытно, весьма любопытно. Так что же вы собираетесь делать со своим ордером? Требовать его исполнения?»

«Если ваша дочь не постеснялась выписать ордер на убийство, почему я не могу воззвать к правосудию?»

«У меня исполнение подобного ордера вызовет сильнейшее раздражение — вашей карьере придет конец».

«Какой карьере? Младшего помощника инспектора, получающего семнадцать тольдеков в неделю? Мне, так же как и вам, нет никакого дела до моей «карьеры». Тем не менее, будучи человеком разумным, я не предъявляю невыполнимых требований. В определенных обстоятельствах я мог бы…»

Нэй Д'Эвер находчиво прервал тираду Джубала: «Вы говорили о «правосудии». Я не осмелюсь вас унизить, предлагая вам более высокую должность или более значительный заработок. Придется найти иное решение проблемы».

Джубал нахмурился и через некоторое время спросил: «Вы собираетесь прибегнуть к арбитражу?»

«Разумеется, нет». Глядя в пространство, Нэй Д'Эвер постучал пальцами по подлокотнику кресла: «Я проведу расследование этого дела. Тем временем прошу вас задержать исполнение ордера».

«Вы не понимаете, в каком я положении! Приказ об убийстве, выписанный вашей дочерью, все еще действителен».

Д'Эвер прикоснулся к переключателю на стене: «Соедините меня с Акционерным обществом пунктуального воздаяния».

Быстрая последовательность аккордов возрастающей громкости оповестила об установлении связи. Из переговорного устройства раздался громогласный бас: «Кто вызывает общество воздаяния?»

«Его высокопревосходительство старший служитель народа Нэй Д'Эвер. Вчера вы приняли к исполнению поддельный ордер, якобы подписанный моей дочерью Миэльтрудой. Вы не отрицаете этот факт?»

Бас поднялся на полтона: «Действительно, мы получили такой ордер, ваше высокопревосходительство. Учитывая громкое имя подательницы иска, мы не подозревали подлога. Кто бы мог подумать?»

«Ордер подделан — это видно невооруженным глазом. Жертвой подлой выходки стал невинный человек».

«Невинный человек? Искалечивший двух агентов? Этот «невинный человек» — угроза правопорядку, устоям общества и всему живому на планете! Его необходимо остановить, пока не поздно. Соответствующий приказ получила четверка моих лучших специалистов».

«Кто отдал приказ?»

После продолжительного молчания бас робко

поинтересовался: «Так ордер недействителен, ваше высокопревосходительство?»

«Конечно, и вам это известно лучше всех. Если агенты обработают Джубала Дроуда, я лично выпишу исполнительный приказ о роспуске вашей организации со взысканием убытков в тройном размере».

Бас превратился в баритон: «Я убежден, что совершил ошибку, ваше высокопревосходительство. Экстренная операция будет отменена».

«Убедитесь в том, что все агенты отозваны. Не должно быть никаких сомнений. Вы несете личную ответственность — и не надейтесь, что на этом дело закончится. Я не забуду к нему вернуться».

«Имейте сострадание, ваше высокопревосходительство! Я действовал, опираясь на репутацию и влияние вашего имени!»

«Вы меня оскорбляете!» — отрезал Нэй Д'Эвер и выключил устройство. Повернувшись к Джубалу с сардонической улыбкой, он пообещал: «Десница закона вас не коснется».

«Что будет с арбитром? Дельгас Имф останется магистратом?»

«Его махинациями займутся компетентные органы. Можете считать, что дело закрыто».

К своему огорчению Джубал обнаружил, что ему было нечего сказать. Каким-то невероятным образом он снова упустил преимущество. Джубал поднялся на ноги: «В таком случае мне ничего не остается, как заняться так называемой «карьерой». Я задержу исполнение ордера до тех пор, пока не будут выяснены все обстоятельства преступления».

«Рад слышать, что вы понимаете положение вещей», — сухо и неприязненно обронил Д'Эвер. Он прикоснулся к переключателю: «Эйванта Дасдьюка!»

Вошел Эйвант. Нэй Д'Эвер объявил: «Мы достигли взаимопонимания. Проведите Джубала Дроуда к инструктору, ему пора начать курс подготовки. Будем надеяться, что других перерывов в занятиях не будет, так как за пропущенную половину дня придется вычесть соответствующую часть его недельного оклада».

«Что?! — взревел Джубал. — Мои жалкие семнадцать тольде-ков!»

Эйвант невозмутимо отозвался: «В Третьем отделении проводится четкая граница между официальными обязанностями и личной жизнью агентов. Ваше жалование начнут начислять с того момента, когда вы отрапортуете инструк-

тору о прибытии на службу».

«Так тому и быть, — вздохнул Джубал. — Будьте любезны, покажите мне, как пройти к инструктору, пока я не задолжал Третьему отделению».

Глава 8

В затхлой аудитории, глубоко в лабиринте подвалов Парлария, Джубала наставляли два инструктора, люди среднего возраста и, на первый взгляд, неопределенной касты. Степенный Клейри был постарше. Вергас, жилистый нервный человечек с вечно бегающими глазами, предпочитал сложную прическу в стиле «плешивого растрепы» — с коротко подстриженным верхом, окруженным пучками волос, продетыми в несколько золотых бусин каждый.

Клейри разъяснял принципы проведения инспекций: «В сущности, работа простая. Просматриваете жалобную книгу, заглядываете в углы и закоулки, измеряете, взвешиваете, нюхаете. Возникнут сомнения — сверяйтесь с уставом. Время от времени говорите: «Нет, так не положено». Если содержатель постоялого двора достаточно почтителен, если нарушения незначительны и раньше владелец не получал предупреждений по тем же причинам, если он подает хорошее пиво и стелит чистые, мягкие постели — смело подписывайте лицензию. В противном случае протяните поперек входа широкую желтую ленту, скреп-

ленную печатями, и, не обращая внимания на угрозы, мольбы и предлагаемые взятки, уезжайте на эрцикле в суровом молчании».

«Думаю, что на это моих способностей хватит, — заметил Джу-бал. — Где я возьму эрцикл?»

«Инспектору выдаются: транспортное средство, саквояж, дневная форма и вечерний костюм, а также нормативный устав. Я упомянул о взятках. Соблазняться опасно. Вымогательство — сомнительное утешение. Регулярный честный заработок, пусть даже какие-то двадцать четыре тольдека…»

«Семнадцать тольдеков!»

«…внушает, тем не менее, определенную уверенность. Владельцы постоялых дворов рано или поздно доносят на инспекторов-вы-могателей. Таких штрафуют и унижают строгими выговорами. Даже если взяточник выходит сухим из воды, трактирщик его презирает и подает ему кислое ежевичное вино в дальнем углу таверны».

«Ни один прохиндей не посмеет сунуться к глинту с предложением подкупа!»

«Будем надеяться, — покачал головой Клейри. — Трактирщики, однако, красноречивый народ и стеснительностью не отличаются. Вот ваш устав. Запомните самое необходимое и

всегда держите его под рукой, как воин — свой верный меч. Вот и все, по сути дела! Отныне вы младший помощник инспектора. Остается приобрести несколько дополнительных навыков. Их продемонстрирует Вергас».

Джубал облегченно вздохнул: «Я боялся, что инструктаж будет утомительным и скучным».

«Вовсе нет! В том, что касается дополнительных навыков, лучше всего начать с гимнастических упражнений».

На следующий день Вергас поведал Джубалу: «Мы обязаны подготовить вас к любым превратностям выездной работы. Поведение содержателей гостиниц зачастую непредсказуемо. Например, если инспектор обнаружит, что засорились сточные трубы или не одобрит кулинарные эксперименты повара — иногда достаточно сказать пару любезностей дочери хозяина — трактирщика охватывает параноидальное возбуждение, и добросовестному инспектору приходится постоять за себя. В таких ситуациях незаменимы несколько простых приемов обороны и ответного нападения. На протяжении веков наши предшественники разработали особую систему рукопашного боя, практически неизвестную в широких слоях населения. Например, попробуй-

те ударить меня в лицо. Нет, нет, размахнитесь как следует и врежьте!»

Через три недели Джубал пожаловался: «Я не подозревал, что от санитарного инспектора требуются ловкость акробата и беспринципность базарного шарлатана».

«Вы усвоили только самые азы, — укоризненно отозвался Вергас. — Предположим…» Инструктор осекся: он смотрел на входную дверь за спиной Джубала, выражение его лица поспешно изменилось: «Ваше превосходительство!»

Джубал обернулся — и получил крепкий пинок.

«Вот видите, — кивнул Варгас. — Инспектору ни в коем случае нельзя отвлекаться. Любимый трюк трактирщика — занимать инспектора разговорами за бутылкой чего-нибудь покрепче, пока поварята срочно подчищают кухню и выносят ведра с давно забытым мусором».

«Непременно учту это обстоятельство».

Вмешался Клейри: «Необходимо также развивать умственные способности. Мозг — незаменимый орган! Тот, кто не умеет в полной мере пользоваться его преимуществами, на всю жизнь остается младшим помощником санитарного инспектора. Мы подразделили упражнения

на несколько категорий. В первую очередь внимание уделяется наблюдательности и бдительности. Во-вторых, тренируется память. Затем изучаются приемы, позволяющие правильно руководствоваться предчувствиями, выявляется склонность к рудиментарной телепатической связи и тому подобное. На четвертом этапе прививаются навыки притворства, маскировки и их разоблачения. На пятом практикуются методы убеждения и гипнотического внушения. Шестой этап посвящен теории и практике математической логики, индукции и дедукции. Таков объем предварительного курса, обязательный для младшего персонала, получающего семнадцать тольдеков в неделю. Который час? Половина третьего? Можно начать, не откладывая». Клейри обернулся ко входу — выражение его лица изменилось: «Ваше превосходительство…»

«Второй раз меня не проведешь!» — смекнул Джу бал и вслух посоветовал: «Не обращайте внимания на старую обезьяну. Подождет до конца занятий, ничего у него не отвалится».

«Когда вы освободитесь, — сказал за его спиной Нэй Д'Эвер, — пожалуйста, зайдите ко мне. Нам нужно поговорить».

«Непременно, — ответил Джубал после корот-

кой паузы. — По сути дела, мы можем поговорить хоть сейчас».

Покинув аудиторию, они поднялись в лифте на пятый этаж. Нэй Д'Эвер повел Джубала обходным путем по коридору со стенами, полом и потолком, выложенными белой керамической плиткой, перемежавшейся полосами матового металла. Над выходом в противоположном конце коридора зажглась метающая синяя лампа. Д'Эвер удовлетворенно кивнул: «В нашей одежде нет микрофонов или передатчиков».

Джубала чудеса полицейской техники скорее позабавили, нежели впечатлили: «Кому придет в голову нас подслушивать?»

«В высшей степени актуальный вопрос, — ответил Д'Эвер. — Могу сказать только одно: странные вещи происходят на нашей планете. По-вашему, Тэйри — безмятежная заводь, пасторальный рай? Вы глубоко заблуждаетесь».

Выйдя из выложенного белой плиткой коридора, он направился к своему кабинету и пропустил Джубала вперед: «Пожалуйста, садитесь».

Джубал опустился в кресло и вежливо ждал, пока Нэй Д'Эвер просматривал сообщения, скопившиеся на столе. Не обнаружив ничего срочного, всесильный служитель народа уделил

внимание посетителю: «Итак, перейдем к делу».

«Насколько я понимаю, — начал Джубал, — вы проанализировали результаты расследования?»

Д'Эвер не понял: «Какого расследования?»

«Ваша дочь подписала незаконный ордер. Меня пытались убить. Вы забыли?»

Нэй Д'Эвер помолчал: «Ах, да. Вот вы о чем. Нет, это дело еще не закрыто. Я расспросил пару людей, но получил неоднозначные сведения. Откровенно говоря, меня занимали значительно более важные и неотложные дела». Заметив, что Джубал готов разразиться возмущенными протестами, Д'Эвер примирительно поднял руку: «Я все прекрасно понимаю. Об этом мы поговорим в другой раз».

«Прошло уже три недели!»

В голосе Д'Эвера появилась резкость: «Все будет улажено к вашему полному удовлетворению. А теперь слушайте меня внимательно. Как вы, наверное, уже догадались, Третье отделение — непростая организация. Некоторые инспекции можно назвать «санитарно-гигиеническими» только в самом широком понимании этого термина. Особые инспекции всегда проводятся тайно. Содержание нашего сегодняшнего разговора строго конфиденциально. Вы никогда никому не

будете пересказывать того, что здесь узнаете — ни вкратце, ни в аллегорической форме. Это ясно?»

«Ясно».

«Возникла необходимость в проведении особой инспекции. Нужен находчивый, здравомыслящий и самоуверенный человек. Вам, по крайней мере, самоуверенности не занимать. Желаете взять это дело на себя?»

«За семнадцать тольдеков в неделю? Нет».

«За соответствующее вознаграждение».

«В таком случае я готов вас выслушать».

«Предлагаемое задание способно удовлетворить присущие вам, как всякому глинту, мстительные инстинкты. Насколько мне известно, вы еще не помирились с Рамусом Имфом?»

«С человеком, дважды покушавшимся на мою жизнь? Почему вы покрываете заговорщиков и не даете мне наказать виновных?»

«В данный момент нас интересует другая проблема. Слушайте! — Д'Эвер облокотился на стол и сплел бледные пальцы. — От вас мы впервые узнали о внепланетной деятельности Рамуса Имфа. У меня ваши сведения сразу возбудили глубокие подозрения. Я установил тщательную слежку за Рамусом.

На прошлой неделе Рамус Имф тайком выле-

тел из Визрода в Тиссано. Оттуда он проехал на эрцикле весь Айзедель, стараясь никому не попадаться на глаза. Неподалеку от Айво, в темный предрассветный час, Рамус пересек джанадскую границу. Мы не могли проследить за его дальнейшими перемещениями, но в близлежащем районе радар зарегистрировал отправление космического корабля.

Короче говоря, Рамус Имф снова упорхнул с Маска — по всей видимости, направляясь туда же, где побывал раньше. Найденную вами одежду внимательно изучили. Специалисты сделали вывод, что ее сшили или изготовили на известной нам планете в пределах Ойкумены. Что делать дальше? Вот в чем вопрос».

«Не возьмусь вам советовать».

«Мы могли бы допросить самого Рамуса, — продолжал Нэй Д'Эвер, — но элегантная простота такого решения омрачается двумя соображениями. Во-первых, Имфы — богатый и влиятельный клан. Я не хотел бы вступать с ними в открытый конфликт. И так уже приходится постоянно их ублажать. Во-вторых, допросив Рамуса, мы тем самым отрежем себе путь к получению дальнейшей и, возможно, гораздо более ценной информации. Поэтому я решил узнать как можно

больше на месте — там, куда отправился Рамус. Вы достаточно компетентны, чтобы выполнить такое задание, и я поручаю его вам».

Открывшаяся перспектива превосходила самые смелые ожидания Джубала. Немного помолчав, он спросил: «Почему вы остановили выбор на мне?»

Нэй Д'Эвер сделал изящный жест рукой: «Ваши личные побуждения в данном случае совпадают с интересами бюро, вам уже известны основные обстоятельства дела, вы продемонстрировали врожденные наклонности сыщика и следопыта. Эти преимущества в некоторой степени компенсируют вашу неопытность. Кроме того, мы не хотели бы рисковать лучшими специалистами — их потеря, скажем так, причинила бы нам неудобства».

«Я не горю желанием приносить себя в жертву — не больше любого другого инспектора», — заметил Джу бал.

«Вполне может быть, что задание вообще не связано с риском, — возразил Д'Эвер. — Вас, разумеется, подробно проинформируют и подготовят. С космическим и местным транспортом не будет проблем… Да, да, не беспокойтесь! Не забегайте вперед. Вы получите подходящее вознагражде-

ние, все расходы оплачиваются дополнительно — да, дополнительно!»

«Какую сумму вы имеете в виду? Повышение оклада на три тольдека в неделю?»

«Конечно, нет. Ответственные должности не предоставляются так быстро и так легко. Я предлагаю единовременно выплачиваемую сумму — скажем, пятьсот тольдеков — после успешного завершения операции».

Джубал презрительно оскалился: «Даже если бы я свалял дурака и серьезно отнесся к вашему предложению, то настоял бы на изменении условий. Оплата не может зависеть от «успешности» операции. Пятьсот тольдеков следует заменить суммой в десять тысяч».

Нэй Д'Эвер отпрянул, его бледное лицо мрачно сосредоточилось: «Десять тысяч тольдеков? Любой тариот согласился бы заплатить за такое путешествие из своего кармана. Масштабы вашей алчности поистине грандиозны!»

«Что для вас какие-то десять тысяч? К тому же их выплатят из общественных средств. Задание явно связано с нешуточным риском. Вас мало интересует, погибну я или нет, а мне дорога моя шкура. Пошлите Эйванта Дасдьюка — он полетит за пятьсот тольдеков, я займу его место».

«Вам будут выплачены две тысячи тольдеков, — нараспев, не допускающим возражений тоном произнес Д'Эвер, — а также премиальные, если вы привезете ценную информацию — еще две тысячи и ни монеты больше. Таково мое щедрое, недвусмысленное и окончательное предложение. Принимайте его или возвращайтесь к инспекции нужников».

«Мне было бы легче согласиться на ваши условия, — упорствовал Джубал, — если бы вы расследовали то, другое дело. Мне нанесли ущерб по капризной, жестокой прихоти вашей дочери...»

«Вы делаете выводы, по всей вероятности не имеющие ничего общего с действительностью».

«По всей вероятности? Почему вы не докопались до правды?»

«Я уже сказал, что был занят другими делами. Если вас это так беспокоит, спросите Миэльтруду сами».

Джубал хрюкнул: «Где? Когда? Каким образом? Она откажется меня принять, а о каких-либо расспросах и речи нет».

«Мы разберемся в этой истории раз и навсегда, — решил Нэй Д'Эвер. — Приходите к нам сегодня вечером, перед заходом солнца. Пред-

ставьтесь швейцару у бокового входа. Уверяю вас, леди Миэльтруда ответит на все вопросы».

Спрятавшись от уличной суеты в тенистой винной лавке, Джубал взвешивал невероятное предложение Нэя Д'Эвера. Постепенно у него в голове возникла мысль столь очевидная, столь естественная, столь чудовищная, что Джубалу, ошеломленному, пришлось присесть на скамью.

Прошел час, другой. Мора опускалась к горизонту. Джубал вернулся в меблированную комнату, арендованную им на одной из множества извилистых улочек за Парларием. С мрачной сосредоточенностью он переоделся в свой лучший, не слишком роскошный костюм. Из комода Джубал вынул матовый стальной клинок, врученный ему при посвящении в отроки и трижды обагренный кровью. Клинку было присвоено тайное имя «Саэрк» — «горный ветер». Необычно тяжелое оружие вырезали из слитка кристаллизованной стали, усиленной микроскопическими прожилками ковкого чугуна, и точно сбалансировали так, чтобы его можно было метать. Джубал взвесил клинок на ладони, прикрепил ножны к поясу на бедре, под полой, и вложил в них внушавший чувство безопасности увесистый Саэрк.

До захода Моры оставался еще час. Усевшись за

стол, Джубал аккуратно написал несколько строк на листе бумаги, сложил документ вчетверо и засунул его в карман.

Времени почти не оставалось. Джубал спустился, вышел на улицу и подозвал кеб: «К дому Д'Эверов, вдоль Чама!»

Громыхая по лабиринту кривых переулков под высоко нависшими зазубренными карнизами, вверх по бульвару в холмы и дугой по лесистой косе Чама, гробообразный кеб подъехал к дому Д'Эвера. Джубал прошел под аркой портика и быстро поднялся по ступеням к величественному парадному входу. Двойные двери раздвинулись — ему навстречу спешил мажордом Фланиш. Узнав Джубала, он остановился: «Милостивый государь, на этот раз вы по какому делу?»

Джубал вступил в вестибюль, заставив мажордома потесниться: «Будьте добры, объявите его высокопревосходительству о моем прибытии. Меня ждут».

Фланиш колебался: «Как прикажете вас именовать?»

«Я — достопочтенный Джубал Дроуд. У вас что, память отшибло?»

Фланиш подозвал рукой швейцара, что-то прошептал тому на ухо. Возмущенно покосившись

на Джубала, мажордом прошествовал прочь. Швейцар остался, прислонившись к стене, и ненавязчиво следил за каждым движением глинта.

Прошло пять минут. Появился Нэй Д'Эвер в сером домашнем вечернем костюме. Служитель народа смотрел на Джубала с плохо скрываемым раздражением: «Кажется, я просил вас пользоваться боковым входом?»

«Вам хорошо известно, что я глинт, — ответствовал Джубал. — Никакой уважающий себя глинт не пользуется черным ходом».

«Здесь Визрод, а не Глентлин. Каждый вынужден поступаться своими обычаями с учетом местных представлений о приличиях».

«Позвольте вам напомнить, — вежливо сказал Джубал, — что я пришел сюда, чтобы обсудить вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к манерам и приличиям, а именно уголовное преступление, совершенное вашей дочерью. Это ей следовало бы пользоваться черным ходом, а не мне».

Нэй Д'Эвер резко провел ладонью по воздуху: «Пойдемте, положим конец достойному сожаления недоразумению. Фланиш, попросите леди Миэльтруду присоединиться к нам в малом

салоне». Повернувшись к Джубалу, Д'Эвер прибавил: «Сюда, пожалуйста».

Он провел гостя в помещение, украшенное парой великолепных джанских гобеленов — тропических лесных пейзажей, сотканных из фиолетовых, зеленых и темно-красных нитей. Шаги приглушал белый пуховый ковер, на столешнице из желтоватой кости красовались две старинные джанские вазы.

Нэй Д'Эвер не садился и не приглашал сесть Джубала. Прошла минута. Д'Эвер беззаботно обронил: «Я привык к непринужденному общению — в моем положении приходится иметь дело с представителями всех каст. Но леди Миэльтруда весьма разборчива в том, что касается формальностей. Несоблюдение приличий может неблагоприятно отразиться на ее поведении — к вашему сведению».

У Джубала челюсть отвисла от изумления: «Неужели вы так и не поняли, что ваша дочь совершила тяжкое преступление? Как несоблюдение законов согласуется с соблюдением приличий?»

«Мы скоро услышим, что леди Миэльтруда думает по этому поводу. Подчеркиваю — она не станет отвечать, если сочтет ваши манеры

неуместными».

«Может быть, в таком случае будет лучше, если задавать вопросы будете вы».

«Ни в коей мере! — возразил Нэй Д'Эвер. — Вам не терпится выяснить некоторые факты. Разумное стремление, не могу не признать. Но я здесь не для того, чтобы содействовать допросу».

«Как вам будет угодно».

«Пожалуйста, не опирайтесь на столешницу, — попросил Д'Эвер. — Это невероятно древний экспонат. Музейные редкости не терпят грубого обращения».

«Я всего лишь положил на нее руку, — возмущенно отозвался Джубал. — За кого вы меня принимаете?»

Нэй Д'Эвер безразлично пожал плечами и повернулся к входившей в салон Миэльтруде. На вельможной наследнице было длинное белое платье, ее бледные волосы спускались мягкими волнами из-под светло-голубого замшевого квата и чуть загибались к подбородку, обрамляя лицо. Игнорируя Джубала, она взглянула на отца с почти застенчивым выражением: «Ты просил меня придти?»

«Да, моя дорогая, требуется выяснить одно обстоятельство. Это Джубал Дроуд — ты его провела

в Парларий».

«Его трудно забыть».

«Он полагает, что ему нанесен ущерб. Он ходатайствует о предоставлении возможности предложить твоему вниманию одно затруднение и надеется, что ты сможешь пролить свет на факты, тем самым избавив его от замешательства».

«От всей души желаю разрешения тяготящих его проблем и сделаю все, что в моих силах, но буду очень благодарна, если он проявит расторопность, потому что я ожидаю телефонного звонка».

«Очень любезно с твоей стороны. Джубал Дроуд, разъясните ваши затруднения».

Джубал слушал и не верил своим ушам, переводя взгляд с одного лица на другое. Он обратился к Д'Эверу: «Я чего-то не понял? Мы будем обсуждать этот вопрос в подобных выражениях?»

«Пожалуйста, объясните, что именно вызывает у вас недоумение».

Джубал не мог найти слов — он достал из-за пазухи незаконный ордер и показал его девушке: «Этот документ предписывает судебным исполнителям меня убить. Вы его подписали?»

Миэльтруда скользнула взглядом по листу пергаментной бумаги: «Припоминаю нечто по-

добное».

«Ордер выписан незаконно. Вы совершили преступление».

Миэльтруда выпустила документ из едва удерживавших его пальцев — бумага упала на ковер: «Что было, то прошло». Она повернулась к отцу: «Не думаю, что дальнейшее обсуждение будет кому-нибудь полезно».

Джубал настаивал: «Так вы признаёте, что оформили документ?»

«В настоящее время этот вопрос не имеет практического смысла. Рекомендую вам забыть о происшедшем, так будет лучше всего… Папа, ты останешься дома сегодня вечером? Нужно пересмотреть список гостей — утром его уже разошлют».

Джубал повернулся к Д'Эверу: «Милостивый государь, будьте любезны, разъясните вашей дочери, что речь идет не об одной из ее милых проказ. Пожалуйста, укажите на тот факт, что ей грозит наказание, так как я подал в суд соответствующий иск».

Нэй Д'Эвер немного поразмышлял: «Позвольте мне изложить одну гипотезу. Допустим, леди Миэльтруде предложили подписать документ, сославшись на то, что этого требует поддержка

традиционных устоев общества, и леди Миэльтруда его подписала, не уделив ему больше внимания, чем, по ее мнению, он заслуживал».

Голос Джубала срывался от ярости: «И невинному человеку едва не переломали все кости, предварительно окунув его в чан с разъедающим кожу раствором? Этот невинный человек — я, благородный глинт высшей касты. Подлог и преднамеренное убийство выходят за рамки девичьих проказ!»

«Я буду в музыкальной гостиной, Сьюна уже там, — сказала Миэльтруда отцу. — Как только ты освободишься, нужно решить, кого и куда мы завтра рассадим».

«Конечно, моя дорогая».

Миэльтруда выпорхнула из салона. Джубал задумчиво поднял ордер с ковра.

«Ну вот, таким образом, — подвел итог Нэй Д'Эвер. — Давайте забудем об этой проделке и пройдем ко мне в библиотеку, защищенную от подслушивающих устройств. Нам нужно кое-что обсудить».

В библиотеке Д'Эвер предложил Джубалу занять кресло с прямой спинкой, а сам присел на край длинного стола, заваленного бумагами и газетами.

Джубал решительно уселся: «Насколько я понял, вы отказываетесь от арбитража? В таком случае мне будет нетрудно заверить ордер».

«Любезнейший, вы положительно одержимы навязчивой идеей! Почему вы не можете оставить в покое тему, давно набившую всем оскомину? Я не могу провести с вами весь вечер, а нам еще нужно обсудить ваше задание».

«Прелюбопытное заданьице! — с издевкой наклонил голову Джубал. — Вы не отдаете мне должное, принимая меня за идиота».

Нэй Д'Эвер сел в легкое плетеное кресло и, расположившись в нем поудобнее, разглядывал Джубала с бесстрастным клиническим интересом: «Вам предложили возможность выполнить задание, требующее недюжинных способностей, и заработать приличную сумму денег. Ваша реакция вызывает недоумение. Надеюсь, вы не пытаетесь выжать из меня больше денег?»

«*Я* пытаюсь объяснить, что вижу ваш заговор насквозь».

«Неужели? Какой заговор?»

«Вы вознамерились навсегда от меня избавиться, отправив меня на другую планету, чтобы не подвергнуться осмеянию в связи с позорным наказанием вашей преступной дочери. Какая мне

польза от шести тысяч тольдеков, если деньги будут здесь, а я буду там?»

Нэй Д'Эвер иронически улыбнулся — он забавлялся: «Видимо, из вас так-таки получится компетентный инспектор. Вы искусный притворщик и входите в роль с легкостью прирожденного актера. По сравнению с вами я — наивный простак. Но в данном случае вы заблуждаетесь. Нет никакого заговора».

«Докажите, что это так».

Веселье Д'Эвера мгновенно сменилось презрением: «Как вы сами изволили выразиться, отдайте мне должное и не принимайте меня за идиота. Если бы вы на самом деле препятствовали моим планам, мне не потребовались бы сложные ухищрения, чтобы устранить препятствие. Вы живете в мире искаженных представлений».

Джубала возражение вельможи нисколько не убедило: «Громкие слова и завуалированные угрозы только подтверждают мою правоту — вы в самом деле хотите от меня избавиться».

Нэй Д'Эвер открыл ящик стола и достал пачку банкнот: «Вот доказательство, способное изменить ваше мнение. Две тысячи тольдеков». Он перебросил деньги в руки Джубала: «Полное вознаграждение составит четыре тысячи, а не

шесть. Хотя бы по этому вопросу между нами не должно быть недоразумений».

Джубал пересчитал деньги: немалые деньги. Еще две тысячи, и скоро он сможет купить судно вроде «Кланша». «Две тысячи тольдеков — весомый аргумент, — согласился Джубал. — Пожалуйста, возьмите бумагу и перо и пишите под мою диктовку».

Нэй Д'Эвер даже не пошевелился: «Что вы намерены диктовать?»

«Напишете — узнаете».

«Говорите. Я сделаю акустическую запись и узнаю. Итак?»

Джубал вынул из кармана составленный накануне документ: «Прежде всего укажите место и дату... Затем: да будет известно всем, кто читает этот документ, что я, Нэй Д'Эвер, выполняя должностные обязанности старшего служителя народа тариотов, по собственному желанию заключаю настоящий договор с достопочтенным Джубалом Дроудом о выполнении Джубалом Дроудом опасного и сложного задания с целью обеспечения законности и во имя общественного блага. Согласно моим недвусмысленным инструкциям, выполняя это задание, Джубал Дроуд должен покинуть планету Маек, причем его от-

бытие на космическом корабле, по моему указу и под мою ответственность, не будет считаться нарушением законов Тэйри. Возвратившись на Маек по завершении операции, Джубал Дроуд сможет полноправно и беспрепятственно пользоваться подобающими ему привилегиями тариота и высокородного глинта. Я гарантирую Джубалу Дроуду безопасный и комфортабельный перелет на планету назначения и обратно. Я согласен уплатить ему сумму в размере шести тысяч тольдеков...»

«Четырех тысяч».

«...четырех тысяч тольдеков, каковая сумма будет вручена Джубалу Дроуду по его возвращении в Тэйри немедленно или по его первому требованию, по его усмотрению. Я подтверждаю, что Джубал Дроуд является моим личным агентом и представителем правительства Тэйри и торжественно клянусь защищать его невиновность и употребить все возможности, имеющиеся в моем распоряжении и в распоряжении моего ведомства с тем, чтобы не допустить предъявления Джубалу Дроуду каких-либо обвинений, связанных с выполнением вышеупомянутого задания, в частности обвинений в нарушении так называемого Закона о чуждых влияниях», — Джубал

поднял голову. — Под этим текстом вы должны подписаться, скрепив подпись печатью, отпечатком большого пальца правой руки и тайной клятвой Д'Эверов, после чего документ должен быть заверен свидетелем».

Нэй Д'Эвер выключил диктофон: «Ваши условия нереальны. Если я подпишу такой документ и его, паче чаяния, опубликуют, клан Имфов сможет нанести мне ощутимый ущерб. Вы должны положиться на неписаный договор».

«Другими словами, я должен вам доверять».

«Именно так».

Джубал бросил на стол две тысячи тольдеков и поднялся на ноги: «Приятных снов, Нэй Д'Эвер».

«Один момент!» — Д'Эвер гладил бледный острый подбородок. Через некоторое время он спросил: «Если я подпишу документ, где вы будете его хранить?»

«В надежном месте».

«Где именно?»

«Это не касается никого, кроме меня».

Д'Эвер еще немного подумал — глаза его поблескивали стальными искрами. «Ничего не поделаешь, — вздохнул он, — придется уступить». Нагнувшись к переговорному устройству, он сказал: «Миэльтруда, дорогая моя...»

«Да, папа?»

«Я буду очень благодарен, если ты зайдешь ко мне в кабинет, возьмешь из ящика стола с табличкой «Гербовая бумага № 4» два листа пергаментной бумаги, перо и бутылек чернил с ярлыком «Для гербовых бумаг» и принесешь все это в библиотеку».

«Да, папа».

Уже через несколько секунд Миэльтруда появилась с принадлежностями, перечисленными ее отцом.

«Спасибо, моя дорогая, — кивнул Д'Эвер. — Пожалуйста, подожди минуту. Я хотел бы, чтобы ты заверила документ».

Джубал немедленно возмутился: «Она не только легкомысленна, но и недостойна доверия! Из уважения к отцу не стану выражаться более определенно. К тому же она разболтает все, что узнает — к полуночи о нашем договоре будут шептаться в каждой подворотне».

«Успокойтесь, — мягко посоветовал Д'Эвер. — Вы слишком суровы. Свидетель есть свидетель. Дочь моя, кого еще мы можем позвать?»

«У меня гостит Сьюна Мирцея, но она собралась уходить. Сходить за ней?»

«Две бесшабашные девчонки — и документ

такой важности! — бушевал Джубал. — Еще чего! Я так и думал, вы затеяли какой-то подвох!»

«В таком случае придется обойтись без Сьюны», — сказал Нэй Д'Эвер. Он взял лист бумаги, перо и чернила: «Итак, прежде всего дата, место и время. Теперь текст договора».

Джубал закричал в отчаянии: «Одумайтесь, милостивый государь! Не в присутствии этой вертихвостки! Она лично заинтересована в моей гибели. Разве так можно?»

«Она кое-чему научилась на ошибках, — упорствовал Д'Эвер. — Впредь ей придется думать о последствиях своих поступков». Он включил проигрыватель диктофона. «Да будет известно всем, кто читает этот документ, — начал бубнить записанный голос Джу-бала, — что я, Нэй Д'Эвер, выполняя должностные обязанности...»

Нэй Д'Эвер кончил писать, проставил подпись и скрепил ее печатью. Не промолвив ни слова, Миэльтруда наклонилась и тоже подписалась.

Д'Эвер сложил документ, спрятал его в конверт и передал конверт Джубалу.

С подозрением взглянув на служителя народа и его дочь, глинт открыл конверт, вынул договор и стал его внимательно читать. «Общеизвестный трюк мошенников, — пояснил Джубал, — заклю-

чается в подмене конверта после подписания документа. Я должен убедиться, что вы не подсунули мне липу».

«Мне этот трюк неизвестен, — отозвался Нэй Д'Эвер. — Вы удовлетворены?»

«Где мои две тысячи тольдеков?»

«Берите. Банкноты настоящие. Приходите сюда завтра как можно раньше. Пройдите на кухню, Фланиш подаст вам завтрак».

Джубал пропустил оскорбление мимо ушей: «В котором часу вы собираетесь заняться делом?»

«В два часа после рассвета».

«Я буду здесь, когда пробьет два часа. Еще одно, последнее затруднение. Начиная с сегодняшнего дня я — ваш агент по особым поручениям и официальный представитель правительства. Мой постыдный заработок, семнадцать тольдеков в неделю, послужит предметом насмешек и надо мной, и над вами. Существенное увеличение оклада позволило бы исправить положение».

Д'Эвер устало вздохнул: «Вероятно, вы правы. Я поговорю с Эйвантом. Отныне вы получаете двадцать тольдеков. Фланиш! Проведите господина Дроуда к выходу».

«Сюда, пожалуйста», — пригласил выросший из-под земли мажордом.

«Я выйду так же, как пришел, с парадного крыльца!» — отрезал Джубал.

Приближался вечер. Скай еще не появился в сумеречном небе. Сад темнел, подсвеченный бледными «волшебными шарами» — белыми, голубыми, сиреневыми. Подъездная аллея дугой приближалась к арке входного портика, но Д'Эверы не позаботились вызвать кеб для Джубала.

Неважно. Джубал вынул из кармана пачку банкнот: две тысячи тольдеков. Он никогда еще не держал в руках таких денег. Кроме того, у него в кармане был договор с Нэем Д'Эвером — документ еще более драгоценный, чем банкноты. Джубал не спеша шел к парковым воротам.

Навстречу по аллее приближался кеб. Неужели Д'Эверы так-таки оказали услугу неприятному гостю?

Открылась входная дверь особняка. Кто-то уходил — изящное, томно движущееся создание в темно-зеленом плаще. Джубал узнал Сьюну Мирцею.

Сьюна подходила к кебу. Джубал вернулся к крыльцу и приблизился к ней: «Вы не подвезете меня в город?»

Сьюна не заметила его раньше — вздрогнув, она резко обернулась, потом насторожилась:

«Что вы здесь делаете?»

«Мы обсуждали текущие дела с Нэем Д'Эвером. В каком-то смысле мы с ним компаньоны — Миэльтруда вам не говорила?»

Фонари озаряли лицо Сьюны мягким волшебным светом — тонкие черты подбородка и лба, пикантную кривизну чуть впалых щек. Что было у нее на уме? Во всяком случае, ничего простосердечного или прямодушного. Сьюна задумчиво промолвила: «Да, поезжайте со мной. Вам куда?»

«В центр».

«Нам по пути», — девушка поднялась в экипаж, Джубал за ней.

«Где вы живете?» — спросил Джубал, чтобы как-то завязать разговор.

«В Трепетной роще, на холмах. Самый старый район Визрода. Мирцеи — из касты Сетревантов, наш род древнее Иствантов и даже чистокровнее, хотя в последнее время Истванты выдвинулись и каждому дают об этом знать».

Джубал сидел, напряженно выпрямившись — он опасался подвоха. Сьюна, напротив, была себя в своей тарелке и, казалось, непринужденно болтала обо всем, что приходило в голову: «Это из-за вас в Парларии случился такой ужасный переполох?»

«Я сообщил Д'Эверу некоторые факты. Скандал вызвали эти факты. Но к Рамусу Имфу я не испытываю ни малейшего сочувствия — он негодяй».

«О, помилосердствуйте! — возмутилась Сьюна. — Разве можно так говорить о Рамусе? Рамус честолюбив и нелицеприятен, но при всем при том он человек галантный и умеет добиваться своего. Его можно было бы обвинить в беспринципности, но зачем же называть его негодяем?»

«Называйте его как хотите. Рамус и эта бледная немочь, Ми-эльтруда, вполне заслуживают друг друга».

«Их помолвка расторгнута. Его высокопревосходительство больше не нуждается в родственных связях с Рамусом Имфом. А Рамусу все равно — Миэльтруда не вызывала у него никаких чувств».

«Пожалуй, в этом я его понимаю».

Сьюна весело рассмеялась: «Вы несправедливы к Миэльтруде. Она не такая ледышка, какой притворяется. Для нее вся жизнь — игра. Иногда кажется, что она предпочла бы существовать в каком-то воображаемом мире выше облака ходячего. И вы знаете, она не так уж общительна, из нее слова не выдавишь».

«А вы?»

«*Я* люблю поболтать, происхождение собеседника меня не смущает. В конце концов, вечно беспокоиться о кастовых различиях надоедает».

Кеб, громыхавший по одному из бульваров, затормозил у перекрестка. Заметив небольшое кафе, Джубал предложил: «Вы не хотели бы выйти здесь и выпить рюмку ликера или бокал вина?»

Покосившись на спутника, Сьюна ответила не сразу и будто через силу: «Мне нравится зеленое вино. Я не отказалась бы освежиться рюмкой «Баратры»».

Джубал остановил кеб. Они вышли и вернулись к уютному кафе. Сьюна выбрала столик за переплетенными лозами дендифера и застенчиво подняла капюшон, чтобы лицо оставалось в тени.

С безумной расточительностью Джубал заказал бутыль выдержанной «Баратры» первого урожая, стоившую ему дневного заработка. Прихлебывая вино, Сьюна рассеянно смотрела в окно на вечерний бульвар. Не найдя лучшего предлога продолжить беседу, Джубал сказал: «Итак, свадьба леди Миэльтруды и Рамуса Имфа не состоится. Она печалится по этому поводу?»

«Миэльтруду не поймешь. Она удивительно умеет скрывать свои мысли. Порой мне казалось,

что Рамус ей безразличен, но в то же время она из кожи лезла, чтобы ему понравиться. Может быть, она просто любит поиграть в кошки-мышки, кто ее знает? Со мной она не откровенничает».

Джубал снова наполнил бокал собеседницы: «Со мной произошло нечто странное, внушающее серьезные опасения».

«Я думала, глинты ничего не боятся — или, по крайней мере, не показывают, что боятся».

Джубал глубоко вздохнул: «Вы помните, что произошло в Пар-ларии?»

«Конечно. Как такое забудешь?»

«Вечером того же дня меня схватили судебные исполнители с ордером, предписывавшим исправительную пытку. Ордер, подписанный Миэльтрудой, был незаконно утвержден арбитром. Нэй Д'Эвер не прислушивается к моим жалобам — я намерен узнать всю подноготную».

«В этом нет, на самом деле, никакой тайны. Миэльтруда стыдится происшедшего. После того, как Рамуса отвергли, мы — Миэльтруда ия — встретились с ним в буфете Парлария. Миэльтруда упомянула о вашей роли в событиях, и Рамус пришел в ярость. Он заявил, что его оклеветали абсурдными измышлениями, и что вы заслуживаете хорошей порки — десяти, может быть

двадцати ударов березовыми розгами. Миэльтруда развеселилась и заявила, что такое обращение собьет с вас, как она выразилась, «смехотворную глинтскую спесь». Рамус Имф сказал: «Рад, что мы сходимся во мнениях. Нам ничего не стоит сейчас же подняться в управление и выписать ордер. Но вы должны его подписать — мне не позволяет достоинство». Миэльтруда была в проказливом настроении, притворяясь дерзкой шалуньей. Она что-то пила и смеялась, крутя головой так, что волосы разлетались облаком. Когда Рамус принес бумагу, она беззаботно ее подмахнула, не глядя. Вот и все. Не судите Миэльтруду слишком строго — она флиртовала и не понимала, что делает».

«А вы понимаете, к чему могло привести ее баловство? Меня собирались накачать гиперасом, вымочить в растворе герндайка и оставить умирать ночью на пляже с костями, переломанными в тринадцати местах!»

«Что же случилось? Вы живы».

«Жив! Только благодаря счастливой случайности я сумел справиться с двумя исполнителями. Миэльтруду и Рамуса мне благодарить не за что».

Сьюна задумчиво заметила: «Рамус Имф безжалостен к врагам. Но с друзьями он бесконечно

щедр».

«Таким образом, вы одобряете его поведение?»

Сьюна пожала плечами: «Рамус — энергичный, привлекательный мужчина. Поговорим о других вещах. Вы теперь выполняете поручения его высокопревосходительства? В каком качестве?»

«Мне предстоит опасное задание. Я с удовольствием обсудил бы его с вами, но обещал не распространяться».

«Как интересно! Так вы — тайный агент Третьего отделения?»

«Третьего отделения? Там я работаю инспектором постоялых дворов».

«Не скромничайте. Общеизвестно, что Третье отделение — тайное разведывательное бюро. Ваш начальник, конечно, Эйвант Дасдьюк? Романтика, да и только! Вам необычайно повезло! Говорят, агенты Третьего отделения не ходят на службу по расписанию и получают сотни тольдеков».

«Я еще не достиг столь привилегированного положения. В день выдачи зарплаты я получаю коротенький столбик медных монет».

«Его превосходительство знаменит бережливостью — как в отношении собственных денег, так и в отношении общественных средств. Ни-

когда не говорите ему то, что я вам рассказала. Обещаете?»

«Обещаю. Вы можете мне доверять — безусловно».

Сьюна допила вино и поставила бокал на стол: «Мне нужно идти. Пожалуйста, остановите экипаж».

«Я провожу вас домой».

Сьюна прикоснулась пальцами к руке Джубала — вверх по руке пробежала нервная дрожь.

«Не забывайте, я из рода Мирцей. Увидев меня с таким человеком, как вы, мой отец будет очень волноваться».

«А вы? Вас тоже смущает то, что я — глинт?»

Сьюна замялась: «Будем откровенны. Здесь я не смущаюсь. Мне нравится быть в вашей компании. Я считаю, что вы — замечательный человек, и не ваша вина, что вы родились в Глентлине. Но в другой обстановке, когда за мной следят родители и друзья, мне не достает храбрости нарушать традиции».

«Но я смогу увидеть вас снова?»

«Да, но мы не можем встречаться на людях».

Джубал наклонился, сложил ладони Сьюны в своих руках: «Могу ли я надеяться на ваше благорасположение?»

Сьюна тихонько высвободилась: «Проезжает кеб — позовите его!»

Джубал остановил кеб и помог девушке в него подняться. Сердце его билось тяжелыми частыми ударами. Сьюна протянула ему руку: «Всего наилучшего, Джубал Дроуд».

«Когда я вас увижу снова?»

«Позвоните мне домой. Назовитесь Ал ад аром Цзанто. Никому не говорите, что мы друзья, а то у нас будут неприятности».

«Слушаюсь и повинуюсь!»

Кеб покатился по бульвару. Тусклый задний огонь пропал во мраке. Джубал повернулся и пешком направился к своему скромному жилищу.

Поднявшись в комнату, он бросил пачку на кровать: две тысячи тольдеков. Теперь он мог позволить себе приличный костюм, сшитый известным портным. Он мог одеваться так, как принято в Виз-роде. Он мог покупать вино «Баратра» и леденцы «Древняя пасека». Он мог сопровождать Сьюну Мирцею всюду, куда она пожелает пойти — хотя она была из рода Сетревантов, а он родился на горных лугах Глентлина.

Глава 9

Утром, точно в назначенное время, Джубал прибыл к особняку Д'Эверов. Двери раздвинулись — в проеме стоял Фланиш. «Получены точные указания, — решительно объявил мажордом. — Вас просят не пользоваться парадным входом. Потрудитесь пройти к боковой двери с правой стороны дома».

Джубал ответил коротким кивком. Настрочив записку на листке записной книжки, он вручил ее Фланишу: «Когда его превосходительство пожелает меня видеть, он может обратиться по этому адресу». Повернувшись на каблуках, Джубал направился к выездным воротам. Через минуту его догнал запыхавшийся швейцар: «Его высокопревосходительство примет вас немедленно».

Джубал вернулся к особняку и промаршировал внутрь с парадного крыльца. В вестибюле переминался с ноги на ногу старательно отводивший глаза Фланиш. За ним на площадке расходившейся крыльями лестницы стоял раздосадованный Нэй Д'Эвер: «Черт побери, Дроуд! Сколько мы будем играть в эти игры? У меня нет ни времени, ни

желания потакать вашим капризам. Поймите раз и навсегда: здесь Визрод, а не Глентлин! Ведите себя так, как этого требует этикет».

«Вы имеете дело с благородным глинтом. Этикет требует, чтобы моей касте оказывалось должное почтение. Если вас это не устраивает, между нами не может быть никаких отношений».

«Хорошо, — холодно ответил Д'Эвер. — Будь по-вашему. Все это мелочи, пойдемте». Он провел Джубала в библиотеку и предложил ему кресло: «Слушайте внимательно. Если понадобится, я повторю, но вы должны научиться все запоминать с первого раза.

Вы отправляетесь на планету Эйзельбар — она в пределах Ойкумены, в созвездии Квин-Кункс по ту сторону Большой Дыры. Мы плохо представляем себе происходящее в других мирах. Мы даже не знаем толком, что делается на Скае. О системах Зангвиль-ского Рифа вообще ничего не известно. В свое время я намерен восполнить этот пробел; соответствующая программа входит в наши планы. Теперь же, однако, корабль Космического флота высадит вас у развязки Фрынзе на планете Боссома. Оттуда пакетбот, совершающий еженедельные рейсы, доставит вас в Кийяш на

Эйзельбаре.

Вам выдадут слитки палладия — их можно обменивать на валюту Ойкумены. Согласно документам вы — Невал Тибит, турист с планеты Фрайст. Эйзельбар постоянно посещают туристы, никто не станет заниматься проверкой вашего происхождения. Тем не менее, вам передадут имеющиеся у нас сведения о важнейших особенностях Фрайста и его обитателей.

Вы начнете расследование в Кийяше. Эйзели — своеобразный народ, их обычаи радикально отличаются от наших. Вы должны приспособиться к этим обычаям. На Эйзельбаре забудьте несносный бред о своем благородном происхождении. Вам придется наконец смириться с тем, что у других людей другие представления. Можете вы это понять или нет?»

«В случае необходимости я умею притворяться».

«В данном случае это необходимо. Более того, действуйте осторожно и держитесь как можно незаметнее. Если вы вспугнете Рамуса Имфа, мы потеряем всякое преимущество. Ни в каких обстоятельствах не позволяйте ему заметить, что за ним ведется слежка. Лучше прекратить расследование и уехать, чем провалить всю операцию.

Это ясно?»

«Вполне».

«Насколько я помню, вы от меня уже слышали, что мы обнаружили не поддающиеся объяснению факты — не только таинственные, но и тревожные. Само собой, мы изучаем и пытаемся контролировать деятельность террористов-байнадаров. Увы, месяц тому назад мы потеряли трех лучших агентов, — Нэй Д'Эвер нервно улыбнулся Джубалу. — Именно поэтому, в частности, на Эйзельбар приходится посылать вас. Не могу больше ничего сказать о том, как разворачивается следствие, но Рамус Имф, по всей вероятности, связан с упомянутыми необъяснимыми фактами. Любая дополнительная информация окажется полезной.

Перейдем к тому, что мне известно об Эйзельбаре. Эта планета немного крупнее Маска. Ее посещают толпы туристов — туристическая индустрия там развита чрезвычайно. Эйзели общительны, но эгоцентричны. Никто ни от кого не ожидает откровенности, ее отсутствие воспринимается как должное. На Эйзельбаре господствует принцип всеобщего равноправия. Эйзели придают огромное значение учету и выполнению взаимных обязательств. Все делается за опреде-

ленную цену, ничто не достается даром.

Ребенок, выросший в семье эйзелей, тем самым становится должником родителей. В конечном счете он обязан погасить «врожденный долг». Ублюдкам завидуют — у них нет врожденных долгов. Поимка беглых отпрысков, заявляющих, что они ублюдки, а потому свободны от врожденного долга — обычное дело на Эй-зельбаре. Если это необходимо, взрослый потомок обязан содержать родителей. Тем не менее, если родители нуждаются в дорогостоящем лечении, страдают старческим слабоумием или по какой-либо иной причине создают невыносимое финансовое бремя, сын или дочь имеют право их безболезненно умертвить. Поэтому во всех слоях эйзельбарского общества финансовая независимость рассматривается как первая необходимость.

Экономика Эйзельбара основана на туризме и экспорте химических веществ. Поверхностные пески планеты населяет подвижная плесень — населяет настолько плотно, что дороги и тротуары в городах Эйзельбара строят на сваях, оберегая прохожих и транспорт от плесени, многие хищные виды которой ядовиты. Исключительно необычный метаболизм эйзельбарской подвижной плесени позволяет синтезировать

вещества с молекулярным составом, невозможным с точки зрения химика, руководствующегося ортодоксальными научными взглядами. Некоторые из этих веществ служат в высшей степени эффективными катализаторами — они идут нарасхват, за них дают большие деньги.

Эйзели пользуются стандартным лексиконом Ойкумены. Краткий курс упражнений поможет вам избавиться от тариотского акцента, хотя эйзели, как правило, не обращают внимания на произношение. К туристам повсеместно относятся приветливо и с уважением, но только если они не воруют. Хищение собственности считается вопиющим, отвратительным преступлением. Собственность рассматривается как неотъемлемая и существенная часть бытия, квинтэссенция затраченных человеком сил и времени — следовательно, как жизненная сила. Помните: собственность равноценна жизни. На Эйзельбаре ничего не крадите, Джубал Дроуд!»

«Я никогда не брал того, что мне не принадлежит!»

«Как только вы закончите расследование, возвращайтесь на развязку Фрынзе, где, воспользовавшись условным сигналом, вы сможете вызвать корабль с Маска».

Джубал кивнул: «Понятно. В сущности, я должен выяснить все, что смогу, о махинациях Рамуса Имфа, не привлекая к себе внимания».

«Совершенно верно». Нэй Д'Эвер положил на стол карточку: «Поезжайте по этому адресу, вам примерят одежду. Должен заметить, что Эйзельбар — шумная планета. Звук считается незаменимым атрибутом существования; каждый эйзель носит с собой то или иное звуковоспроизводящее устройство, позволяющее выражать и контролировать эмоциональное состояние владельца. Одни используют психокинетические импульсы, другие тренируют мышечные рефлексы так, чтобы почти бессознательно приводить звуковое сопровождение — музыку, если хотите — в соответствие со своими нуждами. От туриста требуется лишь воспроизведение стандартных мелодий, выбираемых вручную.

Отношения полов на Эйзельбаре непринужденны — туристам предлагается эскорт по доступным ценам. Говорят, что кухня и удобства в эйзельбарских отелях устраивают самых требовательных гостей».

«Похоже на то, что Эйзельбар — мечта сибарита», — заметил Джу бал.

«Очень дорогая мечта, — отозвался Д'Эвер. —

Эйзели предпочитают высокие доходы, никто из них не соглашается работать за гроши. От вас потребуется строгая экономия. Ведите учетные записи любых, самых незначительных расходов. Принятая по всей Ойкумене стандартная единица расчета стоимости, СЕРС, примерно эквивалентна тольдеку по покупательной способности, так что вам нетрудно будет оценивать издержки. Есть вопросы?»

«Пока нет».

«Тогда наше совещание закончено. В дальнейшем вы получите дополнительные инструкции».

Джубал и Сьюна Мирцея закусывали в тенистом саду за деревенской гостиницей, километрах в тридцати к востоку от Визрода. На Сьюне было длинное бледно-зеленое платье, она перевязала волосы лентой того же цвета. Очарованный Джубал воскликнул: «Вы напоминаете фею Азолаис из Облачной страны или дриаду Заколдованного леса!»

«Только не называйте меня дриадой, — ворковала Сьюна. — Мне это напоминает о ваэлях, у них отвратительные обычаи».

«Когда я разбогатею, куплю быстроходную фелуку — мы поплывем под парусами к Беспечным

островам по Фиолетовому морю! Мы можем посетить Уэллас и узнать всю правду про дриад».

«Нет уж, не поеду я в Уэллас. Я наслушалась невероятных историй про лесные чудеса и поклонение деревьям. Говорят, нынче отступники-ваэли еще неискупимее прежнего».

«Но вы поплывете со мной на Беспечные острова?»

Сьюна улыбнулась: «Если я скажу «нет», вы будете дуться. Если скажу «да», вы потеряете голову, вообразив невесть что. Как мне ответить?»

«Я не смирюсь с невозможностью!»

Сьюна рассеянно смотрела в сад: «К сожалению мир таков, каков он есть. Ничего от меня не ожидайте. Я и так едва набралась храбрости встретиться с вами здесь».

«Почему же вы пришли?»

Сьюна лукаво наморщила носик: «Такие вопросы не задают! Смиритесь с действительностью — все суета, все тщетно».

«В чем препятствие? Оно только у вас в воображении! Препятствия преодолимы!»

Сьюна качала головой с грустным, мечтательным выражением. Джубал обошел столик, сел рядом с ней: «Взгляните на меня».

Сьюна Мирцея подчинилась, полузакрыв гла-

за длинными ресницами. Джубал взмолился низким, серьезным голосом: «Скажите, что вы испытываете ко мне хоть какую-то симпатию!»

Сьюна отвернулась: «Нельзя предъявлять такие требования. Войдите в мое положение!»

«Я у ваших ног! Я заворожен, я пылаю страстью!» Обняв ее рукой за плечи, Джубал наклонился, чтобы поцеловать ее. Сьюна отпрянула, но почти сразу же игриво подставила лицо. Она подарила Джубалу поцелуй, но когда он осмелел и перешел к более пылким объятиям, соблазнительница пересела на другой конец скамьи: «Джубал Дроуд, опомнитесь! Вы готовы переступить черту — последствия такого шага необратимы».

«Зачем возвращаться?»

«Подумайте! Я — Сьюна из рода Мирцей, касты Сетревантов. У вас в Визроде неопределенный статус. Вы — тайный агент, ваша жизнь в постоянной опасности. Скоро вы отправитесь в далекий путь, полный превратностей судьбы. Я могу никогда вас не увидеть снова!»

Джубал хмыкнул: «Полагаю, Миэльтруда разболтала все подробности моего задания?»

«Конечно. Между нами нет секретов».

«И вы ей рассказали, что мы встречаемся?»

Сьюна отрицательно помотала головой: «Она просто не поймет. Боюсь, что Миэльтруда даже во сне неспособна забыть об условностях».

«Она еще увлечена Рамусом?»

«Сомневаюсь. О нем она почти не вспоминает. Рамус уехал за город, у него усадьба в прибрежных низинах Атандера. Он не показывается уже несколько недель».

«Притаился, как пещерный вульп, скрежеща зубами и замышляя новые гнусности!»

Сьюна весело смеялась: «Бедный Рамус! Вы на него клевещете. В глубине души он пылкий юноша, бурлящий романтическими мечтами».

«Пылкий юноша, бурлящий развращенными инстинктами и инфантильной жестокостью! Они с Миэльтрудой — два сапога пара. Могу представить себе, как они сговаривались в Парларии».

Джубал пропищал высокомерным фальцетом: «О, Рамус, я в отчаянии! Тебя отвергли! Несносный выскочка-глинт вывел тебя на чистую воду».

Рычащим басом: «Разбойник! Бездельник, голодранец! Я его проучу!»

Фальцетом: «Проучи его, Рамус! Мне не нравится его прическа. Он бросает сладострастные взгляды на Сьюну, а не на меня. Пусть его хорошенько вымочат в герндайке, пусть ему перело-

мают кости в двадцати местах, он это заслужил! Впредь поостережется переступать дорогу таким, как мы, любимчикам высшего света!»

Басом: «Очаровательная мысль, моя дорогая! Позволь предложить одно усовершенствование, оно тебя позабавит. Прежде всего нужно взвинтить ему нервы гиперасом — тогда каждый укол, каждый удар покажутся ему в сто раз мучительнее!»

Фальцетом: «Прекрасная идея, Рамус, просто замечательная! Сделай одолжение, позволь мне подписать ордер».

Ухмыляясь, Джубал заглянул Сьюне в лицо: «Так оно было или не так?»

«Не совсем», — сказала Сьюна. Джубал не мог понять, веселилась она или злилась.

«Но похоже?»

Сьюна пожала плечами: «Зачем вспоминать? Все это в прошлом».

«Вы недооцениваете злопамятность глинтов».

Сьюна Мирцея воззрилась на него с недоумением: «Ваше настроение меняется быстрее узора на крыльях бабочки-притворщицы. Сначала вы клянетесь мне в страстном обожании, а в следующий момент бушуете от ненависти к несчастному Рамусу. Не могу сказать, что я польщена — не знаю,

какое из ваших чувств сильнее и долговечнее».

«Прошу прощения! Мои мысли заняты только вами».

«И все же вам не терпится пересечь бездну Большой Дыры и совершать славные подвиги на чужбине, нисколько не беспокоясь о тех, кого вы оставите дома».

Джубал подумал: «У Миэльтруды в самом деле язык без костей!» Вслух он спросил: «Надо полагать, вам известно, куда именно я направляюсь?»

Сьюна мудро кивнула: «Говорят, эйзели — несдержанный народ, их девушки не умеют себя вести. Следует ли удивляться моей осторожности? Вы подружитесь с какой-нибудь нахальной особой, щеголяющей выдающимися грудями и упругими ягодицами. Эта бестия научит вас дюжине непристойных упражнений, а обо мне вы и вспоминать не будете».

«Поверьте мне! — воскликнул Джубал. — Мне такое даже в голову не приходило! Только одно создание повелевает всеми моими помыслами! Должен ли я называть ее имя?»

«Не утруждайте себя. Полагаю, ваше задание — тайна даже для меня, но по крайней мере я имею право знать, будете ли вы подвергаться

опасности».

«Нет — надеюсь, что нет. Я буду заниматься только сбором информации».

«Что беспокоит тариотов на Эйзельбаре, в невообразимых глубинах космоса?»

«Мне поручили… расследовать деятельность нескольких лиц, способных нанести ущерб интересам Тэйри».

«Трудно поверить! Кто на далеком Эйзельбаре может угрожать нашей безопасности?»

Джубал нахмурился, взглянул на небо: «Мне запретили обсуждать этот вопрос. Конечно, вам уже известны многие факты…» Джубал колебался.

«Мне это неинтересно!» — заявила Сьюна. Пододвинувшись ближе к Джубалу, она подняла к нему лицо: «Вы не обязаны открывать мне служебные тайны».

Джубал медленно нагнулся — Сьюна не отвернулась, но через несколько секунд высвободилась из объятий, взглянула в сад и удивленно ахнула. Повернувшись в том же направлении, Джубал увидел шестерых посетителей, садившихся за стол.

«Меня заметят! — выдохнула Сьюна. — Плащ, где мой плащ?»

Джубал подал ей плащ. Сьюна накинула капю-

шон на голову: «Пока они заказывают закуски, нужно уходить. Это достопочтенный Тевиат, леди Нану и говорливая леди Диммис. Если меня увидят с вами… лучше об этом не думать. Пора! Пойдемте, быстрее! Идите так, чтобы я могла за вами прятаться».

Неузнанные, они вышли на дорогу. Не скрывая досады, Джубал проводил Сьюну к кебу: «Неужели так важно сохранять инкогнито? Мое общество никого не может унизить».

«Я все понимаю, — устало обронила Сьюна. — Вы — Джубал Дроуд, благородный глинт. Леди Диммис, однако, может сделать другие выводы. Мы должны быть осторожны».

Джубал ничего не сказал. Пока они возвращались в Визрод, в экипаже царило гнетущее молчание.

Наконец Сьюна попыталась уладить размолвку. Наклонившись к сидевшему напротив Джубалу, она взяла его за руку: «Пожалуйста, не огорчайтесь. Если я стану афишировать наши свидания, весь уклад моей жизни пойдет кувырком».

Джубал тяжело вздохнул: «Мне тоже нужно подумать об укладе жизни… хорошенько подумать».

Сьюна надменно вскинула голову: «Если вас одолевают сомнения, ваши прежние заверения были заведомо неискренними».

«Одно из другого не следует, — возразил Джубал. — Но в саду вы сделали одно верное замечание».

«Какое именно?»

«Так как я скоро уезжаю, мне не следует больше с вами видеться».

«Вас невозможно понять! То вы пылаете страстью, то холодны, как лед».

Кеб повернул на проспект Трепетной рощи и остановился у высокого старого особняка Мирцей. Джубал выскочил и помог Сьюне спуститься. Не сказав ни слова, она накинула капюшон и быстро пошла прочь. Джубал стоял у кеба и любовался удалявшейся элегантной фигурой. Заходя в подворотню, Сьюна обернулась — Джубал на мгновение увидел бледную тень лица. Потом она скрылась.

Глава 10

Пакетбот периферийной линии «Хизба» неподвижно повис в пространстве в полутора миллионах километров от Эйзельбара, ожидая разрешения на посадку в космическом порту Кийяша. Джу-бал Дроуд прогуливался по смотровой галерее, испытывая постоянное неудобство в костюме эйзеля — канареечном длиннополом пиджаке, тесном в плечах и расширяющемся к бедрам, алых туфлях, похожих на тапочки, и ярко-зеленом качe.[26] Над ним пылала гигантская желтая звезда, Бхутра. Фотоизбирательное стекло затемняло диск Бхутры и смягчало сияние ее короны; взору открывались лишь огромные протуберанцы — вьющиеся языки желтого пламени, вырывающиеся из черного круга.

Дождавшись приглашения диспетчера, «Хизба» двинулась в направлении Кийяша и скоро приземлилась.

Состав и давление атмосферы корабля давно привели в соответствие с местными условиями.

---

[26] notes: 26

Кач: мужской головной убор, широко распространенный на Эйзельбаре — плиссированная шляпа без полей, обычно надетая набекрень.

Пассажиры потянулись цепочкой по трапу, прошли медицинское обследование, отметились в учетном отделе и высыпали в просторный зал космического вокзала.

Джубал задержался, чтобы придти в себя и сориентироваться. Острое ощущение «инопланетного шока» мешало сосредоточиться. Оттенки солнечного света, вкус воздуха и десятки других признаков, подсознательно тревоживших угрозой неизвестности, не оставляли сомнений в том, что он шел по поверхности другого мира.

Он стоял под куполом в форме усеченного конуса, образованным чередующимися сегментами зеленого и оранжевого стекла.[27]

Казалось, зал ожидания вибрировал от энергичного освещения. Мужчины и женщины всевозможных рас толпились у билетных касс, прибывали, уезжали, встречали друзей, родственников и деловых партнеров, собирались небольшими группами и болтали, сидели и

---

[27] notes: 27

В связи с опасной интенсивностью излучения Бхутры эйзели проводят большую часть жизни под навесами и экранами, часто изготовленными из монохроматических стеклянных панелей. Долгие века в них вырабатывалась чувствительность к различным сочетаниям — «аккордам», если можно так выразиться — спектральных цветовых оттенков. Уважающий себя эйзель сразу различает компоненты смешанных потоков света, как опытный музыкант — отдельные тона и интервалы аккордов.

ждали с отсутствующим видом. Джубала поражали незнакомые жесты, позы, интонации. Подобно оглушительному прибою набегали волны звуков — визгливые и гнусавые возгласы, шарканье подошв и шорох одежд, барабанный грохот, электрические завывания и монотонные ритмы тысяч накладывавшихся одно на другое музыкальных сопровождений, вырывавшихся из миниатюрных проигрывателей на плечах эйзелей.

Надпись горящими красно-желтыми буквами, имитировавшими размашистую рукописную вязь, гласила над широким порталом: *«ВСЕ ДЛЯ ТУРИСТА: СПРАВКИ\ ПРОСПЕКТЫ, СУВЕНИРЫ!»* Джубал пересек зал ожидания, прошел под порталом и оказался в другом просторном помещении, под еще одним куполом зеленого и оранжевого стекла. По периметру тянулись прилавки киосков, рекламировавших разнообразные сувениры, образцы изделий, одежду и предметы первой необходимости. Десятка полтора служащих, стоявших за кольцеобразным прилавком посреди зала, отвечали на вопросы приезжих.

Как только Джубал приблизился к кольцу, навстречу с готовностью поднялась молодая женщина. Она поразительно олицетворяла

представление Сьюны Мирцеи о населявших Эйзельбар представительницах прекрасного пола: высокое полногрудое создание, увенчанное копной рыжевато-медных кудрей, укрощенных резными орнаментальными шпильками из кроваво-красного гелиотропа. Верхнюю часть ее фигуры драпировала пунцовая сатиновая блуза с оборками розовых нитей. Бледно-желтые панталоны, плотно облегавшие нижнюю часть, грозили лопнуть при первом неосторожном движении. Ее «личное музыкальное сопровождение»[28] щебетало и повизгивало — бесшабашная синкопированная мелодия на фоне аккомпанемента, басовито хрюкавшего скрипучей волынкой. Создание расплылось в сердечной улыбке, показывая крупные белоснежные зубы:

---

[28] notes: 28

[2d] Применяемый авторами справочников приблизительный казенный перевод термина «чотц»: каждый эйзель окружает себя музыкой, долженствующей отражать его настроение или внушать идеализированное представление о его характере. Любопытно отметить, что эйзели не интересуются ни сочинением, ни исполнением музыки. Они редко поют или насвистывают мелодии, хотя иногда рефлексивно подергивают пальцами или притопывают в такт сопровождению. Способность играть на музыкальном инструменте — настолько редкое явление на Эй-зельбаре, что оно рассматривается как эксцентричность, граничащая с психическим расстройством. «Личное музыкальное сопровождение» воспроизводится хитроумным механизмом, программируемым не музыкантами, а музыковедами.

«Чем могу вас обязать, деловар?»[29]

«Не могли бы вы порекомендовать комфортабельный отель?»

«Мы не отдаем предпочтение тому или иному предприятию. Тем не менее... — пышное существо протянуло Джубалу брошюру. — Здесь вы найдете перечень аттестованных независимым агентством заведений, предоставляющих стол и ночлег. Можете быть уверены, что отели, обозначенные пятью золотыми улыбками, отличаются высочайшим качеством обслуживания».

Джубал просмотрел список: «Я ищу друга, приехавшего недели две тому назад. Как его найти?»

«В этом, деловар, ничем не могу вам помочь. У нас отдыхают тысячи гостей; мы делаем все, чтобы не нарушать их покой. Нельзя же следить за человеком — куда он поехал, чем занимается? Кому охота совать нос в чужие дела? Сами понимаете. В Кийяше каждый ведет себя так, как ему диктует воображение, никто никому не грозит пальцем, никто не шепчется за спиной».

«Превосходно! — одобрил Джубал. — Но все же я хотел бы найти приятеля».

---

[29] notes: 29

Деловар: уважительное обращение к любому лицу на Эйзельбаре. В обществе эйзелей нет кастовых различий; статус отдельного человека определяется, по существу, его финансовым состоянием.

«Спросите у общих знакомых или наведайтесь туда, где он чаще всего любит проводить время. Рано или поздно вы его встретите. Кийяш — город счастливых, дружелюбных людей. Если вам потребуется эскорт по вкусу, сотни специалистов круглосуточно ожидают вызова, — медноволосая сирена предложила Джубалу еще одну брошюру. — Широчайший ассортимент, сотни фотографий. Всего десять СЕРСов в день».

«Благодарю вас», — Джубал повернулся, чтобы уйти.

«Одну минуту, деловар! Мы забыли одно немаловажное обстоятельство. Позвольте с глубоким удовлетворением вручить вам музыкальную приставку. Она закрепляется на плече, вот так. С помощью этого рычажка выбирается любая из тщательно отобранных и запрограммированных тем — «Величавая осанка», «Непринужденная общительность», «Созерцательные мечты», «Песнь жаворонка», «Восприимчивость к новым идеям», «Гордое самоутверждение», «Капризная оригинальность», «Поиск понимайия и любви», «Искры бодрости», «Сердечные соболезнования», «Триумф красоты» и так далее, на любой случай жизни. Вот переключатель времени суток: «Утро», «День», «Вечер», «Ночь». Здесь выбирается

степень социального взаимодействия: «Одиночество», «Взаимовыгодное сотрудничество», «Эротическая близость», «Большая компания». Если вас интересует теория музыковедения, прочтите наше содержательное руководство для начинающих».[2] [2] **Ниже приводится выдержка из справочника для туристов — раздел под заголовком «Эйзельбарское музыковедение».**

«Мы рады возможности посвятить несколько строк краткому анализу музыки для того, чтобы наши гости могли в полной мере оценить достоинства и преимущества отдыха на Эйзельбаре.

Начнем с прямого нападения на распространенное представление о так называемой «таинственной сущности» музыки. Каким образом последовательность шумов, независимо от чистоты вибрации или точности гармонических сочетаний, вызывает эмоциональную реакцию в человеческой душе? Шум как таковой, в конце концов, не имеет никакого смыслового содержания.

Рассмотрим два аспекта музыки — ее естественные физиологические аналоги и ее символику. Невозможно не заметить тот факт, что музыкальные темпы соответствуют диапазону

физиологических ритмов, прежде всего частоты сокращений сердца. Музыкальные произведения, исполняемые в слишком быстрых или слишком медленных темпах, выходящих за пределы диапазона физиологических ритмов, немедленно воспринимаются как неестественные и натянутые. Лишь в редчайших случаях очень быстрые или очень медленные темпы соответствуют человеческой природе. Погребальная песнь есть сублимация горестных стонов. Джига подражает частому бодрому топоту ног.

Сходным образом, практический опыт показывает, что наиболее привлекательные или сильнодействующие музыкальные тембры напоминают органические процессы — человеческий голос, пение птиц, мычание скота. Гармонические выразительные средства, создающие напряжение с последующим его разрешением, также аналогичны напряжениям и разрешениям физиологического характера — например, подъему тяжелого груза с его последующим высвобождением, запору и последующему облегчению, страху наказания и радости, вызванной отменой наказания, жажде и утолению жажды, голоду и насыщению,

эротическому томлению и его удовлетворению, накоплению кишечных газов и выпуску оных, утомлению жарой и нырянию в прохладный бассейн. Эйзельбарские музыковеды произвели исчерпывающий анализ всех этих процессов и безупречно компетентны в области синтеза наиболее эффективных тембров, темпов, крешендо и диминуэндо. Эйзель-барская музыка универсальна! Для того, чтобы уяснить себе содержание нашей музыки, не нужно быть шаманом или безумным поэтом. Все — богатые и бедные, интеллектуалы и тупицы — испытывают примерно одни и те же физиологические ощущения.

Музыкальная символика — более сложная дисциплина, требующая изучения процессов мышления и памяти.

Восприятие музыкальных символов начинается, когда младенец слышит колыбельную, напеваемую матерью.

В рамках каждой культуры используется характерный для этой культуры типичный набор музыкальных символов. Если слушатель утверждает, что он понимает или ценит музыку, относящуюся к чуждой слушателю культурной среде, можно смело считать такого

слушателя, мягко выражаясь, идиотом или мошенником.

Пока служащая говорила, изменился ее «чотц» — личное музыкальное сопровождение. Теперь с ее плеча доносились вибрирующие аккорды с металлическим призвуком, сменявшиеся один за другим в настойчивом ритме и строгой логической последовательности, подчеркивая немаловажность и актуальность ее замечаний.

Джубал полистал музыковедческий справочник и вернулся к изучению списка отелей: «Смотрите-ка, один из отелей, «Ган-дольфо», награжден семью улыбками!»

«Верно. У них только номера-люкс».

«Вероятно, очень дорогие?»

«Все труднодоступное недешево».

«Мой приятель мог предпочесть именно этот отель».

«Поздравляю, у вас безукоризненно разборчивые друзья, — служащая прикоснулась к кнопке. — Экипаж подан, деловар. Будьте добры, пройдите в эту дверь».

Тем не менее, когда широко распространенная культура (например, культура Ойкумены) оказывает длительное и повсеместное влияние на местную культуру, символики смешивают-

ся таким образом, что слушатель с планеты А может в какой-то степени понимать музыкальные произведения, предназначенные для слушателей с планеты Б. Эйзельбарские музыковеды умело применяют музыкальную символику Ойкумены, обогащая ее, в разумных пределах, специфическими местными звуковыми идеограммами. В их распоряжении огромный ассортимент ладов, аккордов, мелодических оборотов и гармонических последовательностей, тщательно отсортированных по категориям, снабженных краткими описаниями и пронумерованных. Заложив теоретическую основу в соответствии с вышеизложенными принципами, музыковеды способны производить с помощью вычислительных синтезаторов замечательную, полезную и разнообразную эйзельбарскую музыку.

В древности люди дули в устройства из дерева и металла, стучали по резонаторам и вызывали скрип трением волокон по натянутым жилам, чтобы производить неравномерные, качественно несовершенные звуки. Даже сегодня в некоторых отдаленных, малоразвитых уголках Ойкумены еще практикуются такие

варварские методы. Музыка, изготовленная примитивными средствами, неизбежно содержит случайные отклонения, включения и неточности, никогда не повторяется без непредусмотренных изменений и, следовательно, не поддается успешной рационализации независимо от опыта и объема знаний слушателя, пытающегося ее проанализировать. Изготовители такой музыки были и остаются позерами-экс-гибиционистами, занимающимися бесплодным самолюбованием! Они возомнили себя «музыкальными аристократами»! Подобным амбициям, как и любым другим притязаниям на превосходство, нет места в системе всеобщего равноправия. Эйзельбарские музыковеды обучаются теоретическим принципам в атмосфере неукоснительной дисциплины. Благодаря мощным компьютерам и синтезаторам, позволяющим производить тончайшую настройку самых разнообразных параметров, они изготовляют эйзельбарскую музыку — музыку для всех и каждого, музыку для народа».

Под портиком Джубала ждала небольшая машина, украшенная пылающей золотой звездой на алом фоне — эмблемой отеля «Ган-дольфо».

Портье помог Джубалу сесть.

«А мой багаж?»

«Вы найдете его в отеле, деловар Тибит».

Плавно выскользнув из-под портика, экипаж увез почесывающего в затылке Джубала. Если никто ни за кем не следил и каждый делал, что хотел, откуда портье было известно, как зовут первого попавшегося приезжего?

Машина бесшумно неслась по проспекту Амплитуд — полусферическая крыша из фотоизбирательного стекла спасала пассажира от беспощадных солнечных лучей. Зонтичные пальмы, гигантские кружевники, бледно-голубые загзиги и белоствольные косматополи отбрасывали тени, по контрасту с ослепительно-желтым сиянием Бхутры казавшиеся почти темно-синими. Экипаж повернул на въездную аллею отеля «Гандольфо» — сооружения из пяти куполов и пяти ждависов,[30] увенчанных золотыми звездами в алых нимбах.

Машина остановилась у одного из куполов; уже спешивший к ней портье помог Джубалу выйти.

---

[30] notes: 30

Ждавис: высокая башня, поддерживающая шар, где находятся номера постояльцев (если ждавис относится к гостинице) или квартиры (если сооружение возведено в жилом районе). Прототипом этих архитектурных достопримечательностей послужил, по-видимому, туземный мирофод с прямой стебленожкой и сферическим спорококоном.

С вежливой улыбкой портье включил музыкальную приставку на плече новоприбывшего, молниеносным движением пальцев переместив рычажок и переключатели. Джубала окружили звуки дневной вариации на тему «Величавая осанка», приличествующей одинокому путнику.

«Благодарю вас», — сказал опешивший Джубал.

«Не за что, деловар Тибит. Добро пожаловать!» — портье пригласил Джубала пройти ко входу по широкой прозрачной дорожке, приподнятой над поверхностью песка. На сухом «дне» под дорожкой переливалась с места на место и дрожала рябью знаменитая эй-зельбарская подвижная плесень — четыре бесформенных черных полотнища в ярко-желтую крапинку.

Джубал задержался, чтобы полюбоваться: «Плесень опасна?»

«Опасна, деловар? Скажем так: целоваться с ней я не стал бы. Можно здорово обжечься».

«Всего лишь обжечься? Я слышал, эти твари смертельно ядовиты».

«У страха глаза велики, вам еще не то расскажут. Турист, не покидающий тротуары или надевающий сапоги-пескоходы, может ничего не бояться».

«А что, если я пройдусь по песку без сапог?»

«Не вздумайте. Невозможно отрицать, что такая прогулка может не повториться. Но зачем беспокоиться? Не сходите с тротуара, вот и все!»

«Допустим, я споткнусь и упаду в плесень особо зловредной разновидности. Что тогда?»

«Несомненно, это причинит вам неудобство. Опять же, не мне судить — я не знахарь и не токсиколог».

«Другими словами, я умру?»

«Вероятно. Ходят мрачные слухи. Тем не менее, мы стараемся не тревожить гостей по пустякам. Наши постояльцы, как правило, высоко себя ценят и не склонны шататься спьяну по задворкам незнакомого города».

Джубал зашел в вестибюль, где его приветствовали и поздравили с удачным выбором местопребывания: «Что пожелаете — номера люкс или обычные апартаменты? Может быть, просто спальню с ванной и садом?»

Вспомнив рекомендации Нэя Д'Эвера, Джубал попросил предоставить ему однокомнатный номер-спальню. Беззаботно тасуя в руках брошюры, полученные в туристическом справочном бюро, Джубал выронил на прилавок фотографию.

«А, это мой приятель, деловар Альдо! — сооб-

щил он регистра-тору. — Если не ошибаюсь, он остановился здесь? Или уже уехал?»

«К сожалению, деловар Альдо среди наших гостей не значится».

«Само собой, так его зовут близкие друзья, — поспешил прибавить Джубал. — Здесь он, наверное, пользуется родовым именем. Человек впечатляющей внешности, не правда ли?»

«Несомненно! — наплечная приставка регистратора мурлыкнула льстивым мажорным арпеджио. — Но мне его лицо незнакомо. Вероятно, он выбрал другой отель».

«Серьезный промах с его стороны!»

«Не могу не согласиться».

Джубал поднялся в лифте к себе в номер с северной стороны ждависа, где немедленно выключил музыкальную приставку на плече. Он принял ванну, после чего, сверившись с иллюстрированным меню, появившимся на встроенном в стену плоском экране, выбрал обед, по стоимости в тольдеках соответствовавший половине его недельного заработка в Визроде.

Обед подали на садовой веранде под навесом серого светопреобразующего стекла, превращавшего слепящий диск Бхутры в концентрические кольца карминового красного, бледно-зеленого,

желтовато-белого и купоросного лазоревого оттенков. Под черной тесьмой переплетенных лоз шелковяза открывался широкий вид на Кийяш — сверкающие шоссе на сваях, гигантские шары семидесятиметровых ждависов и убеленные снегами вершины Ририджин-ских гор вдали, дрожащие, как мираж.

Джубал роскошно пиршествовал, не испытывая ни малейших угрызений совести. За закусками и бокалом мутновато-бледного охлажденного вина, терпкого и пощипывающего язык, последовали салат из трав с деликатным вкусовым букетом, спиральные завитки печеного ароматного теста с тонкими, как хвоя, полосками мяса в крошках зеленого перца, жареная на рашпере небольшая птица, еще шипящая и брызжущая жиром на толстой зерновой лепешке с гарниром из кисло-сладких дынных колобков и, напоследок, парфе из пяти фруктово-сливочных шербетов. Джубал никогда еще не ел ничего столь восхитительного. Удобства номера-спальни с выходом в висячий сад порадовали бы самого требовательного визродского сибарита.

На веранде ждависа беспокойство Сьюны по поводу опасности задания казалось излишним. Тем не менее — как быть с Рамусом Имфом? Джу-

бал не мог придумать простого, неутомительного способа обнаружить мошенника. Нельзя же было ходить из гостиницы в гостиницу, показывая персоналу фотографию! Служащий того отеля, где остановился Рамус, мог известить постояльца о желании «старого приятеля» с ним повидаться — катастрофа, фиаско! Ну хорошо, прибегнем к логике. Ясно, что Рамус прибыл не в качестве туриста, но с определенной целью. Значит, он не обязательно проводит время в развлекательных заведениях — скорее всего, Рамус завязал отношения с влиятельными лицами. Кто в Кийяше достаточно влиятелен? Богатые предприниматели.

Возможно, однако, что Эйзельбар для Рамуса — не более чем удобное место встречи, где он может обсуждать свои планы с любыми приезжими из далеких миров. В таком случае его следовало искать в отелях.

Самым очевидным источником информации было справочное бюро космического порта. Служащая пыталась отвертеться от расспросов, но центральное справочное бюро планеты не могло не связываться с туристическими агентствами, когда требовалось выяснить то или иное обстоятельство… Джубал пролистал брошюры и

проспекты, посвященные местам паломничества туристов.

Он прочел описание «Ририджинского приюта», гнездившегося на вершине шестикилометрового утеса с видом на бескрайние снега и ледники, взбитые ветрами облака и острые, как бритва, зазубренные хребты. От Ририджинского приюта санная катальная дорога — монументальное сооружение — спускалась к курорту «Раздолье» у основания Ририджинского уступа. Сперва снежная колея вилась по эстакаде до ледника Бог-горы, где сани мчались вниз по крутому склону до Большого Виража. На вираже снежный покров часто выветривался, в связи с чем устроители развлечений возвели эстакаду с искусственной скользкой поверхностью. Разогнавшиеся сани неслись по ущелью реки Уш-Дикар, выныривая из тенистой теснины на мелькающие солнечными пропастями и короткими туннелями зигзагообразные траверсы Ноздреватого эскарпа и устремляясь вниз по головокружительному трубчатому серпентину. Предлагались три модели саней: «Высший класс», «Особые спортивные» и «Заслуженный отдых». В последних, полностью герметизированных санях туристы, наслаждаясь кондиционированным воздухом, обслуживались

стюардом, подававшим напитки, и могли, если им наскучили горные пейзажи, смотреть кинофильмы на экранах, установленных в спинках кресел. В брошюре утверждалось, что безопасность спуска всех саней контролировалась электронным оборудованием, и что во всех санях непрерывно гремела «тщательно подобранная музыка, резонирующая с незабываемыми ощущениями отважных участников спуска».

В другом проспекте рекламировалась «Диадема Жреца» — группа озер в Великой Соленой пустыне, в трех тысячах километров к западу от Кийяша. Озера эти, последние следы древнего океана в исключительно богатом минералами районе, превратились в резервуары насыщенных растворов. В одном случае соли меди придали воде яркий прозрачно-голубой оттенок, в другом сульфиды ванадия и селена в сочетании со сложными сернистыми соединениями кремния окрасили воду в алый цвет, напоминающий разбавленную кровь. Третье озеро, благодаря усилиям искусных эй-зельбарских химиков, завершало спектральный цикл, отсвечивая желтоватым светло-зеленым лоском. Посетители могли любоваться озерами, сидя в удобных сигарообразных прозрачных экипажах, безопасно

скользящих по рельсовой дороге мимо гигантских кристаллических друз через драматически подсвеченные пещеры — под аккомпанемент пояснений экскурсовода на фоне не прекращающегося музыкального сопровождения. «Финалом экскурсии служит неповторимое, вызывающее всеобщее веселье представление, — говорилось в проспекте. — Группа «Девятнадцать наядбес-стыдниц» исполнит подводный балет под аккорды незабываемой «жидкой музыки» (действительно звучащей из-под воды!), ритмично подчеркнутой волшебными визуальными эффектами».

Джубал прочел о «Райских садах», выращенных на стеклянных сваях над пустыней, где «изумленный турист, прогуливающийся по хрустальным дорожкам на безопасной высоте, может усмотреть не менее двухсот тысяч интереснейших ботанических и квазиботани-ческих экспонатов, импортированных из далеких миров. Ощущая приятное утомление после познавательной прогулки, турист не преминет освежиться и отдохнуть в «Павильоне радостных неожиданностей», где очаровательные «Воплощения грации» подают изысканные блюда, одновременно исполняя забавные пантомимы. Прозрачные панели

пола и стен павильона позволяют посетителям наблюдать за невероятными трюками местной «цирковой плесени», преследуемой кровожадными скалозубыми тиграми и уворачивающейся от стремительно вьющихся по песку смерчей».

Еще одна брошюра была посвящена плесенеперерабатывающим заводам:

«Наши пустыни богаты неисчерпаемым разнообразием странных созданий, в целом известных под наименованием «подвижной плесени». Ученые, внимательно изучающие эти организмы, относят их к нескольким заметно отличающимся отрядам и семействам. Тем не менее, всем разновидностям подвижной плесени свойствен исключительно необычный метаболизм, биохимические механизмы которого, во многом еще таинственные, слишком сложны, чтобы их можно было популярно разъяснить в нескольких словах.

Группы туристов, интересующихся процессами переработки плесени, посещают заводы в сопровождении всегда готовых поделиться энциклопедическими знаниями экскурсоводов, выработавших приятную, уникальную манеру пения технологических описаний под мелодичный аккомпанемент, придающий до-

полнительную остроту неожиданным научным концепциям.

После ознакомления с предприятием туристам демонстрируют впечатляющие, порой ошеломительные эффекты, возможные благодаря чудесным химическим веществам, произведенным нашей замечательной автохтонной фауной».

Из брошюр Джубал узнал о существовании Известибулярных пещер, где туристов, подвешенных на «троглодитронах», подвергали воздействию ошеломительных аттракционов под специально синтезированную музыку в модном стиле «клаустрофилис», комплекса меблированных иглу «Нежная буря» в тундре полуострова Харуга на дальнем севере, а также Великого Соленого океана с плавучими тропическими островками на струйно-реактивной тяге, перевозящими туристов, наслаждающихся захватывающими дух видами, от одного роскошного, охлажденного кондиционерами «Логова буканьеров» к другому.

Джубал отложил проспекты. Рамус Имф прилетел на Эйзельбар наслаждаться видами и аттракционами? Если нет, зачем?

Бхутра опустилась к западному горизонту — небо пылало лучезарным золотисто-оранжевым

огнем. Джубал вернулся в спальню. Как вызванный заклинанием, появился человек в белой блузе, распространявший вокруг себя бойкий, звонкий «чотц»: «Деловар Ти-бит собирается на вечернюю прогулку? Не позволит ли он смазать ему волосы смягчающим бальзамом и завить их в популярном «дионисийском» стиле? Я мог бы также подобрать деловару подходящий парик, украшающий голову пышными кудрявыми локонами…»

«Благодарю вас, — отказался Джубал. — Моя прическа вполне отвечает моим потребностям».

«Серьги-наушники из полудрагоценных раковин? Ароматные жевательные таблетки?»

«Нет, ничего, спасибо».

Человек в белой блузе удалился — появилась молодая женщина в лоснящихся желтых шелковых брюках и облегающем корсаже из диагонально пересеченных лент: «Деловар устал. Рекомендую массаж, восстанавливающий мышечный тонус».

«Нет, благодарю вас!»

«А! В спальне тихо, тишина подавляет. Позвольте мне оживить обстановку музыкой», — массажистка подошла к спинке кровати, и номер задрожал от жизнеутверждающего шлягера.

Джубал повысил голос: «Благодарю вас! Но я как раз собирался уйти!»

«Если деловару потребуется эскорт очаровательной леди, ему стоит только нажать белую кнопку».

«Понятно. А зачем черная кнопка? Здесь еще красная и зеленая».

«Инструкции можно найти в руководстве на тумбочке».

«Я это учту».

Когда Джубал выходил из отеля, к нему поспешил портье: «Деловар забыл свой чотц!» Портье пробежался пальцами по музыкальной приставке на плече Джубала: «В такой спокойный вечер подойдет что-нибудь задумчивое… «Восприимчивость»: простое, но удачное сопровождение! Как вы думаете?»

«Почему бы нет?»

«Желаю вам приятно провести время, деловар Тибит!»

Джубал решил пройтись по бульвару. Время от времени мимо тихо проезжали персональные экипажи, но попадались и омнибусы. В каждом омнибусе ехала группа из сорока туристов, направлявшихся на тот или иной курорт, чтобы развлечься на славу. Джу

но

бал обратил внимание, что в любой группе было ровно сорок человек — не больше и не меньше.

Не обремененный никакими занятиями, Джубал внимательно вглядывался в лица, надеясь найти Рамуса Имфа среди посетителей уличных кафе, залов с игровыми автоматами, сувенирных ларьков, универсальных магазинов и парков с аттракционами, где плясали и хохотали клоуны. Невозможно было не заметить, что многие заведения были рассчитаны на обслуживание стандартных туристических групп — «модулей», как их здесь называли, по сорок человек в каждом.

Рамуса Имфа, конечно, ни в одной группе не было.

Разочарованный Джубал вернулся в отель «Гандольфо», изнуренный уличным музыкальным переполохом — его наплечная приставка наигрывала «Созерцательные мечты». Поднявшись в лифте к себе в номер, он тотчас же выключил «чотц», разделся, растянулся на кровати и уснул.

Глава 11

Джубал пошевелился, потянулся. Датчик, зарегистрировавший характерное движение, включил музыку — поднялись шторы, спальню залило ярким солнечным светом. Джубал принял душ и позавтракал. Он уже принял решение — во сне.

Единственную надежду на обнаружение Рамуса Имфа давало осторожное использование фотографии. Логика вещей подсказывала, что начать расспросы следовало в туристическом справочном бюро космического порта.

Выбрав «Песнь жаворонка» с помощью переключателя на плече, Джубал покинул отель и сел в экипаж, доставивший его по бульвару в рекламно-туристический центр.

Оказавшись под стеклянным куполом, он подождал возможности обратиться к молодой служащей, говорившей с ним после прилета. Слегка поколебавшись, она узнала его: «Добрый день, дело-вар! Надеюсь, вам у нас нравится?»

«В какой-то степени. *Я* беспокоюсь — не могу найти своего знакомого».

«Жаль! Нам не хотелось бы видеть унылые

лица на улицах Кийяша. Ищите! Кто ищет, тот всегда найдет».

«Да-да. Поэтому я сюда и пришел, — Джубал бросил фотографию на кольцеобразный стол. — Если бы вы вспомнили, не приходилось ли вам отвечать на вопросы этого господина…»

Красотка с мимолетной улыбкой взглянула на фотопортрет: «Даже если бы я его узнала, деловар, правила запрещают нам разглашать сведения о приезжих».

«В таком случае позвольте спросить только об одном — вы его помните, он здесь был?»

«Раз уж вы настаиваете… кажется, я тут видела такого лихого усача. Запоминающийся тип».

«Не могли бы вы расспросить ваших коллег? Думаю, правила не запрещают служащим справочного бюро обмениваться информацией для внутреннего пользования».

«Так-то оно так… Что же, кому это повредит? Постойте-ка…» — медноволосая любительница хрюкающей музыки подошла к другой служащей справочного кольца, сразу заинтересовавшейся фотографией. Та кивнула и указала рукой на выставочные витрины напротив, но тут же повернулась и с подозрением посмотрела на Джубала. Женщины о чем-то серьезно поговорили, после

чего красотка вернулась к Джубалу: «Начальница говорит, что я, конечно же, обозналась, и что мы ни в каких обстоятельствах не имеем права обсуждать дела одних клиентов с другими».

«Очень хорошо, — согласился Джубал. — Чрезвычайно вам благодарен за вежливое обслуживание». Отойдя от центрального справочного кольца, он направился к стойке продавца газет и журналов, где остановился и стал перелистывать какой-то красочный календарь.

Начальница справочного бюро узнала Рамуса Имфа! Пожилая женщина со впалыми щеками и крашеными красновато-коричневыми волосами, собранными в тяжелый узел на затылке, она не производила впечатление особы, склонной нарушать правила или проявлять благосклонность к незнакомым молодым людям.

Джубал прошелся вдоль витрин, тянувшихся по периметру зала, и заинтересовался коллекцией аметистовых брошей — на каждой были искусно вырезаны несущиеся по снежному склону сани с надписью «На память о Ририджине». Затем его внимание привлекла витрина с глазурованной волнистой керамикой, расписанной пестрыми узорами, имитировавшими окраску подвижной плесени. Рядом оказался прилавок парфюмера,

предлагавшего цветочные масла из северных пустынь. Просматривая одну витрину за другой и задерживаясь у прилавков, Джубал постепенно приблизился к той части выставочных рядов, куда указала начальница справочного бюро, взглянув на фотографию Рамуса. Здесь интерес Джубала удвоился — что-то в окружавших его витринах привлекло внимание Рамуса Имфа.

По-видимому, в этом отделе демонстрировались образцы текстильной продукции — высоко ценившиеся эйзелями шелка с радужным отливом, сорочки с пейзажами и яркими надписями, небольшие декоративные вышивки с видами Ририджинских гор и стилизованными картами разноцветных озер Диадемы Жреца. Неужели Рамус Имф соблазнился и купил рубашку кричащей расцветки? Поблизости висела пара ковров, сотканных из мерцающих синих, лиловых, зеленых и черных нитей, образовывавших почти микроскопически точный рисунок. Джубал нагнулся поближе, пощупал ворс, пригляделся к едва заметным узелкам. Джанские ковры! Не шедевры, но достаточно дорогие ковры тонкой работы. Как они оказались в Кийяше? Надо полагать, дело не обошлось без Рамуса.

Джубал прошел немного дальше и притво-

рился, что его очаровал набор косметических принадлежностей. Через некоторое время продавец, заметивший гипнотически завороженный взгляд Джуба-ла, вышел из-за конторки: «Волшебные безделушки, не правда ли? Миниатюрные ларцы сформованы из призматического хрусталя, синтезированного здесь, в Кийяше. Больше нигде такого нет — его получают с помощью уникальных катализаторов. Всего девять СЕРСов».

Джу бал издал неопределенный звук: «А эти рейтузы? Ошеломительная расцветка!»

«Они подчеркнут стройность вашей фигуры. Примерьте! Вам пойдет ярко-синий шелк в розовый горошек».

«Рейтузы тоже шьют в Кийяше?»

«Да, по большей части мы торгуем местными изделиями».

«Любопытно. Смотрите, какие изящные ковры! Местной работы?»

«Нет, это как раз импортный товар, с далекой планеты на краю Ойкумены. Тщательной выделки орнамент, хотя на мой вкус мрачноват, да и качество основы могло бы быть повыше».

«Вы меня удивляете. Я, конечно, не знаток, но мне показалось, что это редкостные экземпляры».

«Заметно исключительное внимание к деталям, не спорю, но эйзельбарские ковры лучше. У нас применяется прочная, упругая основа, насыщенная пузырьками воздуха — такой материал называется «изефлин». На основе печатается выбранный заказчиком узор или пейзаж. Наши ковры дешевы, долговечны, радуют глаз. Конечно, если вы собираете старинные вещи ручной работы…»

«Странные ковры. Как они сюда попали?»

«Их привез некий деловар Арфентейль, промышляющий импортом ковров. Я предупреждал его — он заломил слишком высокую цену. Какой турист разорится на антиквариат, если на память об Эйзельбаре можно купить, привезти домой и расстелить на полу дешевый, веселый, мягкий синтетический коврик? Но упрямец меня не слушал».

«Я коллекционирую редкости и не прочь приобрести такой ковер, если цена меня устроит».

«Арфентейль требует шестьсот СЕРСов за каждый».

«Что? Шестьсот, за выцветшую старую тряпку?» — Джубал прикидывал в уме. В Визроде такой ковер можно было купить тольдеков за триста. За тольдек давали примерно один СЕРС Ойкуме-

ны. Рамус пожадничал — даже контрабандные ковры не стоили в два раза больше. Джубал презрительно обронил: «В минуту безумной расточительности я согласился бы расстаться с двадцатью СЕРСами. Это все, что я могу себе позволить».

Продавец пожал плечами: «Деловар Арфентейль не предусмотрел никаких скидок».

«Посмотрим, посмотрим. Какой делец упустит возможность сбыть залежавшийся товар? Где его можно найти?»

«Не имею ни малейшего представления. Здесь он бывает редко и мне не докладывается».

«На что он рассчитывает? Давно у вас эти ковры?»

«Почти шесть месяцев. Они не привлекают особого интереса — а тех, кто спрашивает, отпугивает цена».

«Постараюсь найти Арфентейля. Вы случайно не знаете, в каком отеле он останавливается? Может быть, у него есть посредник, постоянный торговый представитель?»

«Боюсь, что ничем не могу вам помочь».

Джубал поспешил удалиться из туристического центра, опасаясь, что его поведение вызовет подозрения у начальницы справочного бюро — та

уже недовольно поглядывала в его сторону.

Он занял столик в парковом кафе под раскидистой многоствольной ворсянкой. Полчаса Джубал сидел, размышляя, с графином винного пунша. Наконец-то: следы Рамуса Имфа! Найденные улики, однако, заставляли задавать не меньше вопросов, чем их отсутствие. Отпрыски клана Имфов никогда ни в чем не нуждались. Зачем благородный Рамус унижал свою касту, занимаясь контрабандной торговлей?

Джубал попросил официанта принести каталог торговых предприятий Кийяша и нашел раздел, озаглавленный «Покрытия полов: ковры, циновки, линолеум, изефлин». Если Рамус пробовал сбыть ковры через продавца одежды и косметики, надо полагать, он не обошел вниманием и торговцев коврами.

Расположившись в вызванном экипаже, Джубал ввел в адресный контроллер цифровой код первого предприятия из приготовленного списка. Машина бесшумно помчалась по бульвару. Откинувшись на спинку кресла, Джубал смотрел остановившимися глазами на мелькающий уличный пейзаж. Внезапно раздраженный лучезарной «Песнью жаворонка», он включил сопровождение под наименованием «Смелая

авантюра».

Экипаж остановился у павильона под куполом зеленого стекла. На белой вывеске значилось оранжевыми буквами:

«Универсальный магазин «ТОТАЛЬНЫЙКОМФОРТ» Мебель, интерьеры, предметы обстановки Все, что нужно дома и на работе Спортивный и культуристический инвентарь»

Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы успокоить нервы, Джубал слегка увеличил громкость ритмично-напряженной «Смелой авантюры», вышел из экипажа, решительными шагами пересек тротуар и зашел в павильон.

В полупустом выставочном зале сиротливо стояли несколько модных кресел и торшеров. Приказчики, хлопотавшие в кабинках по периметру, демонстрировали голографические изображения интерьеров покупателям, предпочитавшим выбирать товары в магазине, а не у себя дома. На столах аккуратно разложили образцы материалов — фабрикоида, изефлина, металлита, склама изысканных расцветок и текстур. На наклонных, выгодно освещенных подставках красовались полуразвернутые широкие рулоны изощренно декорированного изефлина, а среди них — оди-

нокий небольшой джанский ковер.

Внимательно осмотревшись, Джубал выбрал жертву — пухлого низенького субъекта, выделявшегося пирамидальной копной золотисто-каштановых кудрей. Его торжественный «чотц» отличался сложностью структуры — последовательности протяжных аккордов с плавающими задержаниями перемежались короткими всплесками настойчивых стаккато и тревожных трелей. Джубал спросил: «Насколько я понимаю, вы — главный управляющий?»

«Директор Клиффетц, к вашим услугам».

«Да, Арфентейль мне о вас говорил. Он хотел бы знать, сколько ковров вы хотели бы получить в следующей партии».

Клиффетц поднял брови, его водянистые голубые глаза выпучились: «Еще ковры? Я не в состоянии продать даже тот, что на выставке — узнав цену, покупатели меняются в лице и выбегают на улицу! Не прошло и десяти дней с тех пор, как я жаловался на это лично деловару Арфентейлю. Разве он не поставил вас в известность?»

«Он надеялся, что с тех пор ситуация могла измениться к лучшему. Кроме того, он уполномочил меня предложить вам скидку. Где-то здесь

у меня был прейскурант...» Вынимая из кармана несколько бумаг, Джубал как бы невзначай наткнулся на фотографию: «А, вот и наш общий знакомый!» Он показал портрет Клиф-фетцу: «Или он уже сбрил усы, когда к вам заходил?»

Директор Клиффетц не интересовался фотографиями: «Нет, усов он не сбривал. Что касается нового прейскуранта...»

«Кажется, я оставил его в отеле. Если хотите, можете сами спросить Арфентейля. У вас, конечно, есть его здешний адрес?»

«Нет. Он о себе не распространяется, да и «чотц» у него чересчур самодовольный. По-моему, желания деловара Арфентейля превосходят его возможности».

«Неужели? Любопытное наблюдение. Знаете ли, мне это тоже приходило в голову».

Иронически приглашающим жестом директор Клиффетц указал Джубалу на внушительное здание на противоположной стороне бульвара: «Только очень состоятельные люди позволяют себе интересоваться услугами компании «Интерсоль». Но повадки деловара

Арфентейля заставляют предположить, что он скорее выскочка, нежели богач».

Джубал доверительно наклонился к собеседни-

ку: «Для тех, кто его хорошо знает, не секрет, что деловар Арфентейль происходит из семьи, попавшей в стеснительное финансовое положение. В детстве он привык к легкой, роскошной жизни, а теперь его притязания часто неосуществимы».

Клиффетц кивнул: «Как видите, я не ошибся. Мне приходится иметь дело с самыми разными людьми, я научился разбираться в характерах».

«Вашему опыту можно только позавидовать. Сколько Арфентейль хотел за свой ковер?»

«Четыреста СЕРСов. Подумать только! Замечательный изефли-новый ковер стоит в десять раз меньше. Кому какое дело до того, что ковры Арфентейля сотканы вручную? Каждую нить, видите ли, подолгу выбирают. Нити разных цветов — из четырех природных материалов. Ковер, понимаете ли, освящен заклинаниями шамана. Ну и что? Нога человека, ступающего на ковер, всего этого не знает и знать не хочет. Разве краски ярче от того, что они естественны? Наоборот! Смотрите, как весело переливается изефлин — прямо-таки светится изнутри! А на ковре ручной работы — мрачные лиловые символы на черном фоне».

«Кому что нравится, — пожал плечами Джубал. — Арфентейль ничего не говорил о своих

планах?»

«Со мной он не откровенничал — хотя почему-то включил чотц «Друзья навеки», как только меня увидел».

«У него трудный характер, — согласился Джубал. — Я мог бы кое-что посоветовать, но только между нами. Не говорите Арфен-тейлю, откуда у вас эти сведения. В принципе лучше всего было бы, если бы он вообще не знал о нашем разговоре. Вы понимаете, что я имею в виду».

«Конечно».

«Тогда… Но прежде всего я должен знать, когда вы с ним увидитесь снова».

Директор Клиффетц задумчиво надул щеки: «Он не сказал ничего определенного. По сути дела, у меня возникло впечатление, что он потерял интерес к торговле коврами. Во время нашей первой встречи Арфентейль был полон энтузиазма, а теперь… не то чтобы он безразличен, но ведет себя так, будто его мысли заняты чем-то другим — по всей видимости, дорогими игрушками компании «Интерсоль». Так в чем же заключается ваш драгоценный совет?»

«Мне достоверно известно, что если вы попросите на двадцать процентов больше комиссионных, он уступит. Неохотно, само собой, но уступит

— достаточно проявить твердость».

Клиффетц уныло кивнул: «Все это прекрасно и замечательно, но о каких комиссионных может идти речь, если я не могу сбыть товар? Цены должны быть конкурентоспособны. Если Арфентейль оценит свои ковры в сорок-пятьдесят СЕРСов, может быть, мне удастся сбыть один или два».

«Мне его причуды так же непонятны, как и вам. Он вообще ничего не говорил о том, что он собирается делать в ближайшее время?»

«Нет. Даже когда я спросил его, как ему понравился Эйзельбар, он ответил презрительным молчанием».

«Узнаю Арфентейля! Поверьте, мне было очень приятно с вами побеседовать. Прошу вас, однако, не упоминайте при нем о нашем разговоре, а то мне самому не видать комиссионных, как своих ушей!»

«Я все прекрасно понимаю».

«Тогда всего хорошего. Пожалуй, пойду загляну в контору «Интерсоля» — посмотрим, какими такими игрушками забавляется нынче деловар Арфентейль!»

Джубал вышел на бульвар, раскаленный желтым сиянием. Тротуар отбрасывал иссиня-черную

полосу тени на песке под сваями — полотнища плесени переползали с места на место, поглощая нитевидные ростки мирофодов, служившие им основным источником пропитания. По колеблющимся полотнищам неторопливо сновали паразиты поменьше, перегрызавшие мохнатые ворсинки окаймлявшей плесень бахромы псевдоподий, сверлившие точечные отверстия в блестящей эпидерме и укоренявшиеся в них тонкими сосущими щупальцами. Джубал задержался на минуту, поражаясь разнообразию окраски плесени — бледно-зеленой с черной каймой, багрово-фиолетовой в белую крапинку, серой в оранжево-красную полоску. Подобрав у обочины окатыш насыпной гальки, Джубал бросил его вниз, на песок. Ближайшие особи метнулись к источнику сотрясения с неожиданной прытью, сомкнувшись плотным волнующимся кольцом. Некоторое время окатыш покачивался и даже перевернулся, но плесень не обнаружила в нем ничего привлекательного или полезного — полотнища расползлись в стороны.

Полуденный жар, ничем не напоминавший свежесть безоблачного дня на Маске, начинал подавлять Джубала. Безжалостный свет обжигал кожу, наполнял легкие душным сухим возду-

хом, слепил глаза — на лбу выступили крупные капли пота, шея тоже взмокла. Перейдя через улицу, Джубал быстро миновал декоративные насаждения черных кактусов и с облегчением остановился под сенью молочно-зеленого купола конторы «Интерсоля».

Сразу чувствовалось, что он оказался в обстановке, привычной для сильных мира сего. Роскошная мебель, обитая желтым плюшем, отражалась в прозрачном черном стекле пола, мерцавшего созвездиями ночного неба древней Земли. На широком низком столе выстроились десятка полтора моделей космических яхт, настенные видеопанели светились изображениями знаменитых городов Ойкумены. За столом сидел торговый посредник, перелистывавший рекламный каталог в замшевой обложке.

Посредник поднялся на ноги — еще не пожилой человек в респектабельном каштановом парике, горчично-охряном сюртуке с широкими фалдами и каштановых брюках. Его тихо мурлыкающее музыкальное сопровождение не отличалось обычной для эйзелей эгоистичной настойчивостью.

«Что прикажете, деловар?»

«Один хороший знакомый порекомендовал мне

заглянуть к вам, а я как раз проезжал мимо».

«Рад слышать», — судя по манере посредника, радость его носила скорее формальный, нежели искренний характер. Многолетний опыт позволил ему мгновенно оценить состояние кошелька Джубала, и он не видел причины для радушных излияний: «Что именно вас интересует?»

«Может быть, вы познакомите меня с ассортиментом предлагаемой продукции?»

«Выставленные модели отражают этот ассортимент, хотя, конечно, мы всегда готовы выполнить специальный заказ. Вот яхта высшего класса, «Странник Магеллановых облаков». Носовая прогулочная палуба и кормовой бар с обзорным иллюминатором отделаны панелями из фотохроматса. Каюты на шестнадцать пассажиров, не считая помещений для шести членов экипажа. Двигатели: четыре динамо Фюрно, два субпространственных интертвиста фирмы «Трассекс», каждый с независимой системой коррекции, шесть посадочных гравитационных репульсоров Меунга. Интерьеры известных мастеров, декор безупречного качества. В комплект приборов управления входит пара взаимно контролирующих трансгалактических навигационных процессоров с предварительно запрограммиро-

ванными координатами всех — я подчеркиваю, всех! — известных миров Ойкумены. Триста двадцать семь тысяч СЕРСов».

«Впечатляющие характеристики, — одобрил Джубал. — Боюсь, однако, что «Странник» мне не по карману».

Посредник, не ожидавший ничего другого, коротко кивнул: «Если можно так выразиться, на другом конце спектра — компактная модель «Телефлюкс» с кабиной на шесть пассажиров, рубкой навигатора и кухней стюарда. Отделка и декор из качественных материалов, технические характеристики тоже на уровне самых высоких стандартов. Цена — восемнадцать тысяч пятьсот СЕРСов. Между прочим, нам предложили перепродать «Межпланетного скакуна» класса «Девонт-кадет», всего за девять тысяч восемьсот».

Джубал притворился, что подсчитывает в уме сбережения: «Конечно, мои возможности не сравнить с ресурсами моего друга Ар-фентейля… Насколько я помню, он интересовался «Странником»?»

«Все интересуются «Странником». Не все могут его себе позволить. Коллега деловара Арфентейля, тем не менее, склонялся к покупке «Стрельца»

— вот, посмотрите. Роскошная модель на двенадцать пассажиров, обслуживается экипажем из четырех человек».

«С кем приходил Арфентейль? С кем-нибудь из наших общих знакомых?»

«Не могу называть имен, но он, несомненно, крупный коммерсант». Посредник поинтересовался у Джубала несколько более дружелюбным тоном: «Каковы намерения деловара Арфентейля? Он подумывал о покупке «Хозяина космоса» в конторе «Бендль», но, уверяю вас, тем самым он допустил бы серьезный промах. Интерьеры и наружная отделка кораблей Бенддя не идут ни в какое сравнение с нашими. Кроме того, давно известно, что их репульсоры марки «Вызов» часто отказывают. В конце концов, «Вызов» — всего лишь второсортное подражание оригинальной конструкции Ме-унга».

«По-моему, он собирался купить «Стрельца», хотя я его не видел уже больше недели. У вас случайно нет его нового адреса?»

«Разве он съехал из «Ширбзе-паласа»? Никакого другого адреса я не знаю».

«Странно. Я заходил туда вчера — мне сказали, что Арфентейль переехал. Скорее всего, тут какая-то неувязка. Кстати, я просил бы вас не сообщать

ему, что я выбираю космическую яхту — Арфентейль человек заносчивый и может подумать, что я замахиваюсь не по чину. Хотя на самом деле я не отказался бы приобрести «Телефлюкс»».

«Вы правы — возможности чудесных и неожиданных открытий не зависят от стоимости корабля. Позвольте предложить вам брошюру с подробным описанием этой модели».

«Премного благодарен».

Довольный собой, Джубал отправился в экипаже к одному из парковых кафе на бульваре Меркантильных перспектив. Применив навыки расследования, способные заслужить одобрение самого Д'Эвера, он получил существенную информацию. Рамус Имф прибыл на Эйзельбар, представляясь торговцем коврами — какая нелепость! Даже Нэй Д'Эвер, наверное, соблаговолит улыбнуться. Истинные мотивы Рамуса уже можно было по меньшей мере подозревать — он возжелал завести себе космическую яхту. Звездолет нельзя купить на тольдеки, даже если забыть о том, что такая сделка представляла бы собой вопиющее нарушение тариотских законов.

Джубал плотно и дорого пообедал, чтобы отпраздновать свое достижение. Чотцы других посетителей кафе и официантов сливались в не

слишком назойливый, уже почти привычный звуковой орнамент. Поездка на Эйзельбар оказалась не только плодотворной, но и приятной. В любом случае Джубалу доставляло удовольствие тратить деньги Нэя Д'Эвера. Сьюна Мирцея предчувствовала какую-то опасность? Абсурд! В Кийяше царили законность и порядок. Рамус Имф, человек несомненно беспринципный и несдержанный, все же неспособен был заявиться в номер Джубала в отеле «Гандольфо» с дубиной в руках и учинить кровавую баню…

Так ли уж неспособен?

Чепуха! Конечно, нет! Джубал решительно осушил бокал.

Включив на плече сопровождение «Искры бодрости», Джубал решил, что время почивать на лаврах еще не настало. Требовалось добыть более определенные сведения.

К тому времени, когда Джубал встал из-за стола, он уже остановил выбор на тактике, казавшейся наиболее целесообразной. Вернувшись в отель «Гандольфо», он переоделся в эйзельбарский вечерний костюм — синюю блузу, расширявшуюся колоколом в нижней части, облегающие оранжево-розовые рейтузы с черными оборками и широкий черный пояс. Позвонив из номера

служите-лю-парикмахеру, Джубал попросил принести какой-нибудь подходящий парик. Ему на голову нахлобучили массивное сооружение, закрывавшее лоб, уши и шею светло-коричневыми кудрями с красноватым отливом.

Полюбовавшись на себя в зеркало, Джубал остался доволен изменением внешности. Спустившись на еще раскаленный бульвар, он прошествовал, моргая полуослепшими от солнечных лучей глазами, к телефону-автомату в ближайшем кафе.

Подходя к телефону, он подумал, что «Искры бодрости» — слишком задорный чотц, в связи с чем включил «Искреннюю откровенность» и только после этого нажал кнопку вызова: «Отель «Ширбзе-палас»!»

На экране появились улыбающаяся физиономия и взлохмаченные белокурые локоны миловидной телефонистки в приемной: «Отель «Ширбзе-палас» к вашим услугам!»

«Меня зовут Д'Арт, я представляю компанию «Экзотика под ногами», импортирующую ковры с далеких планет. Не могу ли я поговорить с деловаром Арфентейлем?»

«Одну минуту». Телефонистка спросила у кого-то за экраном: «Деловар Арфентейль еще здесь?»

Услышав ответ, она повернулась к Джубалу: «К сожалению, деловар Арфентейль больше не радует нас своим присутствием».

Джубал, оцепеневший было от напряжения, внезапно расслабился и огорченно полюбопытствовал: «Давно он уехал?»

«Шесть дней тому назад».

«Где его можно найти?»

«Деловар Арфентейль не оставил никаких указаний. Прошу прощения, но я не могу вам ничем помочь».

Джубал поблагодарил телефонистку и выключил аппарат. Выйдя на бульвар, он растерянно остановился, глядя то в одну, то в другую сторону. Струйки пота текли из-под парика по шее, музыкальная приставка на плече гремела в ушах бравым оптимистическим маршем. Заметив оказавшийся бессмысленным чотц, Джубал раздраженно включил «Торжественную гряду далеких облаков».

Зарегистрировав человека, стоящего у обочины, рядом притормозил экипаж. Джубал, от жары позабывший, где находится, забрался внутрь и резко приказал: «В отель «Гандольфо»!»

Машина послушно двинулась с места и сразу свернула на въездную аллею отеля. Сидя на краю

кресла, Джубал смотрел перед собой невидящими глазами.

Экипаж стоял в тени — над головой нависли великолепные шары пяти ждависов отеля «Гандольфо». Очнувшись, Джубал тихо зарычал: «Он от меня так просто не уйдет! Новый адрес: отель «Ширбзе-палас»!»

Машина описала полукруг, вернулась на бульвар и поехала на запад к широкому трехъярусному куполу, из которого вырастали три ждависа с искривленными, как ветви кактуса, опорами — самый высокий молочно-голубого цвета, средний пыльно-бежевого оттенка и нижний, бледно-розовый. Две огромные черные зонтичные пальмы дугообразно наклонились, скрещиваясь над входом. Над ними покачивались, встревоженные порывом ветерка, разноцветные надувные буквы, образовывавшие надпись: «ШИРБЗЕ-ПАЛАС».

Выбравшись из экипажа, Джубал снова включил «Искреннюю откровенность» и деловито направился в отель.

За конторкой в обширном вестибюле скучали два регистратора

— оба издавали умиротворенные вечерние мелодии.

«Деловар Сканет, Трансгалактическая служба

меблировки космических яхт, — сухо представился Джубал. — У меня важные бумаги, их нужно передать деловару Арфентейлю при первой возможности. Могу я вам их доверить?»

Ближайший регистратор улыбнулся и покачал головой: «Вы можете оставить у нас бумаги, но деловар Арфентейль уже не числится нашим постояльцем. Мы не можем гарантировать, что он получит документы».

«Какая жалость! — Джубал с досадой хлопнул себя по бедру.

— Он настаивал, чтобы я привез договор! Разумеется, Арфентейль не оставил свой новый адрес? Вечно он задирает нос и не думает о других!»

Регистратор осторожно заметил: «Вы правы, деловар Арфен-тейль уехал, не сказав ни слова».

«Что ж, не моя ошибка — не мое дело, — пожал плечами Джу-бал. — Помяните мое слово, с кого-нибудь за это три шкуры спустят! Только не с меня. Арфентейль заявит, что оставил вам адрес. У него много друзей в высших кругах,[31] ему поверят». Джубал бросил на конторку конверт: «Дайте расписку о получении и снимите с меня

[31] notes: 31

Неточный перевод многозначного выражения, ссылки на «власть имущих», «знаменитостей», «тех, кому невозможно отказывать, не наживая крупные неприятности».

ответственность».

Регистратор воздел руки к куполу и на шаг отошел от конторки: «Мы не можем принимать ценные документы на таких основаниях».

С мрачной усмешкой Джубал отодвинул конверт подальше от себя: «Деловар Арфентейль приказал доставить договор в отель «Ширбзепалас». Рад, что смог выполнить его поручение. Как вам известно, деловар Арфентейль не отличается терпимостью и неразборчив в средствах, когда вымещает раздражение на окружающих. Вам придется каким-то образом передать ему бумаги».

«Невозможно! Он не сообщил, куда направляется. Вы не можете отрицать, что я должным образом поставил вас в известность».

«Не могу поверить, что вы не можете его найти. Наверняка с ним был кто-нибудь из местных знакомых — наведите справки».

Регистратор с сомнением взглянул на помощника: «Помнишь толстяка в платиновом парике? Арфентейль не отставал от него ни на шаг. Кто это такой? Говори, ты мне обязан!»[32]

---

[32] notes: 32

Традиционное требование, употребляемое исключительно по мере необходимости и вынуждающее заемщика предоставить точную информацию в счет погашаемой задолженности.

Второй регистратор кивнул: «Нет безвозмездных благодеяний![33] Друг деловара Арфентейля — известный коммерсант, очень богатый человек. Приветствуя его, я не преминул обратиться к нему по имени, показывая, что в нашем отеле его знают и ценят. Это деловар Вольмер, владелец контрольного пакета акций туристического агентства «Радость народа». Деловар Арфентейль, насколько мне известно, отправился путешествовать, пользуясь услугами агентства Вольмера».

Музыкальное сопровождение главного регистратора таинственным образом изменилось — теперь у него с плеча звучало безмятежное, уверенное анданте: «У деловара Вольмера можно узнать, куда надлежит отправить ваши документы. Мы сделали все, что от нас зависит, наша ответственность исчерпана полностью и окончательно».

«Последую вашему совету», — коротко отозвался Джубал и покинул отель.

Снова он стоял под открытым небом. Казалось, Бхутра порождала пульсирующие языки пламени, обжигавшие бульвары Кийя-ша. Рядом притормозил экипаж — Джубал сел в машину: «В

[33] notes: 33

[3‹] Традиционный ответ, обязывающий заимодавца сократить сумму долга пропорционально стоимости оказываемой услуги.

туристическое агентство «Радость народа»!»

Экипаж свернул на поперечную улицу и пересек по виадуку глубокую лощину с крутыми склонами. В сухой лощине не было ничего, кроме ловушек с ядовитой приманкой для дикой подвижной плесени и редкой поросли черного кактуса.

Улица закончилась площадью с фонтаном, бесшумно испускавшим высокие разноцветные струи вязкой жидкости. Площадь окружали десятки всевозможных представительств, каждое с надувной вывеской над куполом. Машина остановилась у стеклянного шатра, увенчанного плавающими в воздухе большими буквами «РАДОСТЬ НАРОДА». Ниже колыхалась надпись поменьше: «любые удовольствия на любой вкус».

Джубал вошел в прохладное помещение. За четырьмя прилавками служащие беседовали с клиентами. Другие туристы ждали, сидя на скамьях. Секретарша, ведущая прием посетителей, приветствовала Джубала: «Как вас зовут? Я извещу вас, когда подойдет ваша очередь».

«Меня зовут Дельк. Скажите, кто из присутствующих — дело-вар Вольмер?»

«Никто. Деловар Вольмер — владелец фирмы».

«Он у себя в кабинете?»

«Нет, деловар Вольмер здесь появляется редко. Для того, чтобы с ним встретиться, необходимо заранее назначить время приема».

«Спасибо».

Ожидая своей очереди, Джубал разглядывал панели с видеопейзажами рекламировавшихся экскурсий по планетам Двет и Зальмира, следующим после Эйзельбара в системе Бхутры. На Две-те группы по сорок человек совершали сафари по джунглям, болотам и саваннам в кондиционированных стеклянных омнибусах, днем изучая вблизи внешность и повадки странных и ужасных тварей, а по вечерам и ночью отдыхая в первоклассных тропических бунгало, где они дышали охлажденным и отфильтрованным воздухом, слушали приятную негромкую музыку, наслаждались превосходной кухней и посещали казино. Трехнедельная поездка по Заль-мире включала посещение Черных Опаловых гор, экскурсию на подводной лодке по озеру Мейя и сплав по великой реке Оргобац на современных судах, рассчитанных на сорок пассажиров каждое, с остановками в построенных для туристов «туземных селениях», где, согласно заверениям агентства, «эйзельбарский персонал обеспечивал

гостям всесторонний комфорт».

В конце концов подошла секретарша: «Прошу вас, деловар Дельк, наш специалист по развлечениям готов немедленно организовать исполнение любых ваших желаний».

Она подвела Джубала к прилавку, за которым сидел молодой человек с ничего не выражающим лицом — его отбеленные волосы нимбом окружали голову, как пух одуванчика. Молодой человек растянул губы в приятной улыбке и нажал кнопку, чтобы включить механизм кресла, заставивший его принять вежливое вертикальное положение: «Добрый день, деловар Дельк. Будьте добры, садитесь». Кресло снова опустилось, и он оказался в сидячем положении — таким образом техника избавляла служащего от необходимости сотни раз в день вскакивать на ноги, приветствуя клиентов.

««Радость народа» к вашим услугам. Нас не зря называют «специалистами по развлечениям» — мы действительно готовы предложить любые удовольствия на любой вкус. Что мы можем для вас сделать?»

«Я не уверен, что вы доставите мне удовольствие увидеть дело-вара Вольмера, — ответил Джубал. — Мне уже сообщили, что встретиться с

ним почти невозможно».

«Да, Вольмер — занятый человек. Но, может быть, я смогу вам чем-нибудь помочь вместо него?»

«Я собираюсь привезти на Эйзельбар членов моей конгрегации, но сперва хотел бы познакомиться с условиями обслуживания».

«Какова предполагаемая численность вашей группы?»

«Семьдесят пять, максимум восемьдесят душ».

«Два модуля. Очень удобно. Наши аттракционы, транспортные средства, рестораны и спальные корпуса рассчитаны на модули по сорок туристов в каждом, что позволяет максимально повысить эффективность обслуживания. Исключение составляют только виллы на реке Теменк и усадьбы «Счастливой долины» — в связи с особым характером которых клиенты подразделяются на другой основе».

«Так называемые «терапевтические курорты»?»

«Да, имеются в виду закрытые для случайных посетителей поместья, где клиентам предлагается беспрепятственно изучать, определять и, в некоторых случаях, решать их эротические проблемы. Каждая из вилл и усадеб специализирует-

ся в той или иной области этой обширной сферы обслуживания. Вот брошюра, разъясняющая самые интимные подробности терапевтического сервиса — прочтите ее на досуге».

«Благодарю вас. Кстати — прежде, чем мы перейдем к более важным делам — в отеле «Ширбзе-палас» я встретился с делова-ром Арфентейлем, близким знакомым деловара Вольмера. Я был бы очень рад увидеть его снова, но забыл у него спросить, куда он едет».

«Э-э… как вы сказали, Арфентейль?»

«Да, известный в деловых кругах человек», — Джубал продемонстрировал фотографию.

«Кажется, именно этого клиента лично сопровождает деловар Вольмер. В настоящее время они на Зальмире».

«Где именно?»

«Этого я не могу сказать. Их расписание мне неизвестно. Когда прибывает ваша группа?»

«Примерно через полгода».

«Превосходно! Конечно, мы заказываем билеты любых галактических линий и организуем все перевозки и все виды обслуживания — от космодрома до космодрома. Теперь, откуда вылетает…»

«Прежде всего я хотел бы обсудить с деловаром

Вольмером особые требования, предъявляемые моей конгрегацией. Может быть, я смогу его увидеть на Зальмире».

«Вы желаете посетить Зальмиру?»

«Почему бы нет? В интересах моей конгрегации, разумеется».

«Разумеется. Могу найти для вас место в модуле А-116. Отправление завтра».

Глава 12

Спускались розовато-лиловые сумерки, огромный Скай всходил на востоке. Джубал Дроуд спешил — почти бежал — по проезду Спрейда в Бассе, сомнительном и мрачном районе Визрода. Он держался в тени высоких узких фасадов, стараясь не показываться в открытых местах, обнаженных бледными лучами Ская. Проходя мимо телефонной будки, Джубал остановился, взглянул по сторонам, быстро зашел внутрь и закрыл за собой дверь. Нагнувшись к сетке микрофона, он произнес: «Дом Д'Эверов на косе Чам».

На экране появился двуглавый крылатый змей — эмблема Д'Эверов. Джубал чувствовал, что его внешность пристально изучают. Раздался сухой голос Фланиша: «Какова цель вашего вызова?»

«Немедленно соедините меня с Д'Эвером!» — Джубал оглянулся, заметив на улице какое-то движение.

«Его высокоблагородие занят весь вечер. Почему бы вам не явиться утром в управление Парлария?»

Тень неторопливо приближалась к будке — широкоплечая, громоздкая тень. Джубал на-

пряженно приказал: «Сообщите Д'Эверу, что я звоню — быстро!»

«У вас срочное дело?»

«Конечно, срочное! Стал бы я тревожить его по пустякам?»

«Я упомяну о вашем вызове в присутствии его высокопревосходительства».

«Поторопитесь!»

Тень слегка задержалась, потом вступила в полосу отраженного Скаем света — на мгновение блеснули глаза, злобно мелькнуло лицо. Незнакомец прошел мимо. Пригнув голову, Джубал смотрел ему вслед.

Тянулись секунды. Джубал постукивал пальцами по оправе экрана.

Появилось лицо Нэя Д'Эвера: «Где вы?»

«В будке на проезде Спрейда».

«Приезжайте сейчас же».

«Рамус вернулся в Тэйри?»

«Да. Он у себя в поместье, в низинах Атандера».

«Боюсь, за мной следят».

«Вполне возможно. Устраните слежку или уйдите от нее, но приезжайте немедленно».

«Появился кеб. Остановить?»

«На проезде Спрейда, в это время? Лучше не

стоит. Выйдите из будки, добегите до угла и спрячьтесь, пока он не проедет. После этого не задерживайтесь. Я вас жду».

«Вы приготовили три тысячи тольдеков?»

«Мы говорили о двух тысячах».

Джубал выскользнул из будки, прошел в глубокую тень и побежал, стараясь не шуметь.

Казалось, кеб поехал быстрее. Повернув за угол, Джубал спрятался в подворотне. Кеб, выезжавший из проезда Спрейда, направился в другую сторону.

Выйдя на улицу, Джубал продолжил бег на цыпочках. Вскоре повстречался другой кеб. Забравшись в высокую узкую кабину, он назвал адрес ДЭвера.

По темным, обсаженным деревьями бульварам, вверх по склону холма и вдоль длинной косы Чам громыхал неуклюжий экипаж. Свернув на въездную аллею ДЭверов, он остановился у портика.

Фланиш чуть приоткрыл дверь, поманил скрюченным пальцем. Джубал зашел в особняк и двинулся за мажордомом по коридору. Они прошли мимо гостиной, откуда доносились голоса и смех — заглянув на ходу в сводчатый проем, Джубал увидел группу оживленно сплетничавших молодых людей с хрустальными бокалами

в руках — среди них была Сьюна Мирцея. Она подняла голову и, наверное, заметила Джубала, хотя смотрела немного в сторону и вдаль.

Нэй Д'Эвер ждал в библиотеке — перед ним на столе лежала сложенная пополам газета: «Ваши похождения общеизвестны. «Бесстрашный подвиг безымянного героя», надо же!»

«Мое имя не упомянуто? Никто меня не узнал?»

«Какое это имеет значение?»

Джубал давно уже решил, что в обществе ДЭвера следовало внешне сохранять спокойствие, не уступающее наглому хладнокровию собеседника: «Хотелось бы знать, что именно случилось и почему. Короче говоря, кто сообщил мое имя и описал мою внешность? Трудно предположить, что произошла ошибка. Если нет, кто меня предал?»

«Любопытные вопросы, — отозвался Нэй Д'Эвер. — Опишите события, подробно».

«Подлетая к Визроду, я ощутил странную тревогу, подавленность. Вайдро, брат моего отца, учил меня никогда не пренебрегать предчувствиями. Не забывая о прелестях визродского гостеприимства, я насторожился. После посадки, заходя в аэровокзал, я приготовился к самому худшему

— как оказалось, не зря. В зале ожидания, в стороне, стоял приземистый субъект в темно-синем кванте. Он ничем не показывал, что интересуется моим прибытием, но двинулся за мной, как только я прошел к выходу. Оказавшись на улице, я остановился, будто поджидая кого-то. Субъект в синем кванте вышел за мной, отступил в сторону на несколько шагов, развернулся и прицелился из пистолета. Я бросился на землю — выстрел поразил несчастного, проходившего за моей спиной. Прежде, чем убийца успел выстрелить снова, я метнул нож ему в шею».

«И поторопились, — проворчал Нэй Д'Эвер. — Следовало схватить его и выяснить, кто он такой».

«Неужели? По-вашему, я должен был подставить себя под второй выстрел? Вам следовало бы пройти курс оборонной тактики в вашем собственном учреждении. Так или иначе, я не хотел, чтобы меня узнали. Подобрав нож, я вытер его о сорочку стрелка — ему она больше не понадобится — и поспешил скрыться».

«В этом отношении, по меньшей мере, вы проявили такт, — Д'Эвер приподнял лежавшую перед ним газету. — Жертвой преступления стал Кансарт, высокородный магнат из рода Вэйгар-

дов. Убийство поставило в тупик всех, кто знал Кансарта — никто не может объяснить, какими мотивами руководствовался стрелявший. Несколько случайных свидетелей, как выражается автор статьи… «воздали должное мужеству молодого человека, очевидно простолюдина неизвестного происхождения, но по некоторым признакам уроженца Глентлина. Юноша, сохранивший присутствие духа и действовавший с завидной сноровкой, вывел из строя продолжавшего целиться безумца, по сути дела прикончив его на месте. Скромно отказавшись выслушивать поздравления окружающих, молодой человек сразу удалился с места происшествия. Скорбящие родные и близкие спешат выразить благодарность неизвестному защитнику чести рода Вэйгардов»…» Нэй Д'Эвер брезгливо отодвинул газету указательным пальцем.

«Вопрос остается открытым, — упорствовал Джубал. — Кто организовал нападение? Еще важнее — от кого наемник узнал, когда и как я должен был вернуться?»

Нэй Д'Эвер поджал губы: «Вам полезно было бы научиться подвергать сомнению слишком очевидные, поверхностные выводы и отказаться от манеры задавать в лоб риторические вопросы,

мешающие сосредоточиться на немаловажных, но не бросающихся в глаза обстоятельствах».

«Позвольте задать вопрос по-другому. Известно ли вам, кто замыслил покушение на мою жизнь?»

«Рамус Имф — таково было бы самое естественное предположение».

«Тогда какого черта… то есть, скажем так. Знаете ли вы, каким образом Рамусу стали известны место и дата моего прибытия в Визрод?»

«Кто-то ему сообщил».

«Кто?»

«У меня еще нет достоверных сведений. Оставим эту тему. В конце концов, дело второстепенной важности не должно…»

«Второстепенной важности? Только не для меня! Я решительно протестую!»

«Понятно. Отвлечемся, однако, на некоторое время и обсудим то, что вам удалось выяснить на Эйзельбаре. Насколько я понимаю, вы приехали не с пустыми руками?»

«Конечно, нет. В том, что касается второй причитающейся мне выплаты, судя по всему существует расхождение относительно того, составляет ли эта сумма две или три тысячи тольдеков…»

Д'Эвер небрежно прервал Джубала: «Сколько палладия вы привезли обратно?»

«По вашему выражению, это дело второстепенной важности».

Нэй Д'Эвер устало вынул из кармана конверт и бросил его Джубалу: «Две тысячи тольдеков».

Джубал быстро пересчитал банкноты: «Мои слова, несомненно, записываются диктофоном?»

Д'Эвер молча кивнул.

«Тогда придется выбирать выражения», — Джубал подождал, пока Фланиш, почти бесшумно вошедший с чаем и вафлями, ставил поднос на стол и выходил из библиотеки.

«Я прибыл в город Кийяш — замечательное в своем роде место, ничем не напоминающее Визрод. Эйзели — тоже весьма примечательный народ. Они полностью игнорируют происхождение и кастовую принадлежность. Статус незнакомца зависит только от того, насколько туго набит его кошелек. Прямолинейная система. Туземцы дружелюбны — даже, на мой взгляд, излишне общительны. Их музыкальный бедлам все еще звенит в ушах».

Нэй Д'Эвер, прихлебывавший чай, никак не комментировал наблюдения Джубала.

«Я снял номер в отеле «Гандольфо». Рамуса

Имфа там не видели. Дальнейшие расспросы не давали результатов. Тем не менее, на выставке-продаже сувениров в здании космического порта, к своему изумлению, я обнаружил джанский ковер. Выяснилось, что Рамус, под именем «деловара Арфентейля», привез в Кийяш значительное число джанских ковров, намереваясь сбывать их туристам.

В этом предприятии, однако, он не добился заметного успеха

— вероятно, потерпел полную неудачу. Возник вопрос: зачем было Рамусу Имфу, родовитому тариоту, торговать коврами в Кийяше? Другими словами, зачем богачу, не считающему тольдеки, понадобилась валюта Ойкумены?»

Джубал вопросительно взглянул на Д'Эвера: «Догадываетесь?»

Д'Эвер пожал плечами.

«Рамус возымел невероятные амбиции. Он хочет купить космическую яхту, а именно пассажирский звездолет типа «Стрелец»».

«Откуда это следует?»

«Небрежное замечание торговца коврами навело меня на мысль. Я посетил фирму, торгующую космическими яхтами, и осторожно навел справки».

Нэй Д'Эвер издал тихий торжествующий звук, знаменовавший одобрение: «Продолжайте».

«В конечном счете удалось найти отель, где останавливался Рамус, но к тому времени он уже съехал. Оказалось, что Рамус Имф обратился в туристическое агентство «Радость народа» и снова ускользнул — отправился в экскурсию по соседним планетам. Я решил догнать его и присоединился к группе из сорока человек, летевшей на Зальмиру. Таково было единственное возможное решение — эйзели не обслуживают туристов-одиночек, все их транспортные средства и гостиницы рассчитаны на «модули» по сорок туристов.

Я провел незабываемые в своем роде дни в компании тридцати девяти энергично веселившихся спутников, часто пьянствовавших и производивших оглушительный шум. Музыка звучала непрерывно. Непрерывно!»

«Рамус Имф позволил подвергнуть себя такому обращению?»

— с искренним изумлением спросил Д'Эвер.

«Судя по всему — хотя он отправился на Зальмиру в сопровождении некоего деловара Вольмера, владельца туристического агентства. Подозреваю, что Рамус надеется поставлять Вольмеру

ковры или каким-то иным способом заработать на личный звездолет, заключая сделки с агентством «Радость народа»».

«Вам удалось встретить их на Зальмире?»

«Порядок обслуживания исключал всякую возможность встречи. Модули перевозят с места на место, один за другим. Я не мог оставить свою группу и присоединиться к группе Рамуса даже на самое непродолжительное время. Приходилось довольствоваться обрывками сведений, расспрашивая обслуживающий персонал. Ничего нового и существенного я на Зальмире не узнал. О Рамусе отзывались как о наблюдательном, заинтересованном экскурсией туристе. Он не подавал жалоб, не причинял убытки и даже, в отличие от многих других, не выкидывал мусор в окно омнибуса. Его, однако, считали заносчивым и недружелюбным попутчиком, некоторых оскорбляли его властные манеры. Эйзели не просто общительны — они убежденные сторонники всеобщего равноправия. По их мнению то, что нравится одному, должно устраивать всех».

Нэй Д'Эвер попытался скрыть улыбку: «Так вы не догнали Рамуса?»

Джубал жестом призвал собеседника к терпению: «Модуль А-116, получивший от моих

назойливых спутников прозвище «Веселые бродяги», перевозили по Зальмире в так называемом омнибусе — просторной, вентилируемой охлажденным воздухом капсуле с продолговатым стеклянным куполом и системой стабилизации крена на поворотах, с баром, где продавали закуски и напитки, с телевизионными панелями и неизбежными «звуконаполнителями». Мы сплавлялись по реке Оргобац, каждый вечер останавливаясь в «туземном селении» на берегу, где нас развлекали представлениями, азартными играми, услугами массажисток и массажистов. Повсюду раздавали сувенирные фотографии. Мы посетили рощу железных деревьев, где каждому туристу позволили выгравировать свое имя на листе. Мы осмотрели селение Хрет-Хурд, где взаимовыгодно сосуществуют, не скрещиваясь, две расы аборигенов. Они терпят туристов, но отказываются исполнять за деньги экзотические танцы, совершать при посторонних «обряды плодородия» или демонстрировать чудесные исцеления, прославившие местных шаманов. «Веселые бродяги» сочли туземцев скучноватыми бестиями. Нас привезли на мыс Закатов — на берегу океана, название которого я уже забыл. Там нашей группе устроили карнавальный маскарад

с участием платного «эскорта» и гала-банкет.

В конце концов мы вернулись в космический порт. Модуль Рамуса Имфа, «Перелетные синие птицы», уже ожидал прибытия межпланетного челнока. Естественно, я сразу занялся поисками Рамуса, но он таинственным образом исчез, отстал от группы где-то по пути. Даже познакомившись с деловаром Вольмером, я не смог ничего узнать — Вольмер отмалчивался и уклонялся от вопросов.

В Кийяше я снова устроился в отеле «Гандольфо», чтобы продумать план дальнейших действий. Как только я вселился в номер, меня навестили два господина, назвавшиеся работниками БУБ — Бюро умиротворения и безмятежности. Я поинтересовался: не являются ли они, по сути дела, полицейскими агентами? Они согласились с тем, что выполняют сходные функции — и принялись задавать вопросы.

Почему я постоянно представляюсь под вымышленным именем? Зачем мне столько разных имен? Почему я интересовался коврами, не говоря уже о космических яхтах? Зачем я хотел встретиться с деловаром Вольмером?

Я выразил возмущение допросом. Разве я не турист на Эйзель-баре — в мире, где приезжие

делают, что хотят, если не наносят материальный ущерб или не пытаются вынести товар из магазина, не расплатившись?

Агенты БУБ признали, что мои претензии не лишены оснований. Но, по их словам, именно для того, чтобы поддерживать атмосферу беззаботной безответственности, они вынуждены незаметно следить за каждым шагом каждого туриста.

Наша беседа приобрела философский характер. Как пояснили блюстители безмятежности, для системы всеобщего равноправия характерны порядок, спокойствие и добровольное стремление каждого ограничиваться приходящимися на его долю привилегиями. Меня заверили в том, что такое положение вещей не достигается автоматически, и что многие туристы смешивают несовместимые понятия свободы и вседозволенности. Так как БУБ не может осуществлять свои функции вслепую, возникает необходимость во всесторонней слежке и ведении подробных личных дел на каждого гражданина и туриста.

Будучи в некотором замешательстве, я спросил: «Как же быть с сексуальными «терапевтическими» курортами, где постояльцы предаются извращениям, «освобождаясь от запретов»? За

ними тоже ведется непрерывная слежка?»

БУБисты подтвердили, что видеозапись ведется постоянно в каждом помещении и на открытом воздухе. С их точки зрения, «в конечном счете это идет на пользу законопослушному туристу, не подозревающему о наблюдении, в то время как безобразников и распоясавшихся шалунов можно укрощать несколькими способами, как только в этом возникает необходимость».

Изложив теоретические предпосылки, БУБисты вернулись к частностям, а именно к моему пребыванию в Кийяше. Их интересовало, почему я отказываюсь объяснить свое поведение.

Я возразил, что мое поведение не нуждается в объяснениях. Турист соскучился, стал придумывать себе имена. Невинный каприз, не более того.

БУБисты заявили, однако, что на Эйзельбаре такие туристы, как я, не нужны. Мне посоветовали покинуть планету прежде, чем я споткнусь на тротуаре и упаду в канаву, кишащую ядовитой плесенью. Мне дали понять, что такие инциденты нередко случаются с нарушителями общественного спокойствия — в частности с теми, кто пристает с расспросами к деловару Вольмеру.

Не сомневаясь в обоснованности их рекомендаций, я поспешил взять билет на первый звездолет, следовавший до развязки Фрынзе, и оттуда вернулся в Визрод».

Нэй Д'Эвер сказал размеренно и спокойно: «Должен признаться, вы привезли гораздо больше сведений, чем я ожидал. Обсудим происходящее, не упуская из виду ни одной детали».

«С удовольствием, — отозвался Джубал. — Но прежде всего вернемся к вопросу, вызывающему у меня особый интерес. Кто-то имеет доступ к информации о моих перемещениях, кто-то передает ее Рамусу Имфу».

«По всей видимости», — задумчиво согласился Д'Эвер.

«Почему это вас не беспокоит? Утечка информации — серьезное дело! Необходимо найти осведомителя и подвергнуть его — или ее — наказанию, соответствующему тяжести преступления».

«Разумная точка зрения, — сухо заметил Д'Эвер. — Тем не менее, я не всегда могу действовать так решительно, как хотелось бы. Имфы — чрезвычайно влиятельный клан. Боязнь нарушить деликатное равновесие сил связывает мне руки. Я не могу просто-напросто воздавать всем по справедливости, даже если бы я этого хотел».

«Даже если бы вы хотели? Почему нет?»

Нэй Д'Эвер холодно улыбнулся: «Потому что еще не выяснены все загадочные обстоятельства, окружающие Рамуса Имфа. Остающиеся нераскрытыми тайны могут оказаться самыми важными. Например: как Рамус летает на Эйзельбар и обратно? Наша разведка неоднократно сообщала о посадке на Скае космических кораблей, нигде не зарегистрированных. Нас эти необъяснимые звездолеты беспокоят гораздо больше грешков Рамуса. Рамус Имф сотрудничает с байнадарами? Заведомо абсурдный вывод! С другой стороны, Рамус где-то раздобыл джанские ковры, предлагаемые на продажу в Кийяше. Значит, он так-таки связан с Джанадом?»

«Почему бы не пригласить Рамуса на чашку чая и не предложить ему объяснить все эти загадки?»

«У вашей идеи есть бесспорное достоинство: она проста! — с наигранным почтением произнес Д'Эвер. — Признаюсь, мне это не приходило в голову. Как правило, я предпочитаю не нажимать на кнопки до тех пор, пока я не узнаю, к каким результатам это приводит». Служитель народа поднялся на ноги — он давал понять, что совещание закончено: «Завтра мы подробно про-

анализируем ваш отчет. А теперь...»

«Еще один вопрос. Я хотел бы знать, каковы с сегодняшнего дня мое служебное положение и заработная плата».

Нэй Д'Эвер погладил бледный подбородок: «Вам лучше не появляться на работе неделю-другую, пока не выяснятся все последствия вашей поездки. Третье отделение не может содержать агента, формально совершившего тяжкое преступление. Нам и так уже едва хватает средств».

«Но я не повинен ни в каком преступлении!» — ошеломленно воскликнул Джубал.

«Верно, но кто-нибудь, руководствуясь мстительными побуждениями, может обвинить вас в нарушении Закона о чуждых влияниях и представить доказательства вашего пребывания на другой планете».

«В таком случае я предъявлю подписанный вами документ, освобождающий меня от ответственности. Я действовал по поручению правительства».

«Несомненно. Тем не менее, зачем провоцировать бесполезные конфликты? Посмотрим, как сложится ситуация. Если никто не будет возражать против вашего присутствия в Визроде, не вижу, почему бы вы не могли продолжить вы-

полнение прежних обязанностей».

«Начисление моей заработной платы, надеюсь, продолжится?»

Нэй Д'Эвер колебался: «Так обычно не делается». Заметив, что Джубал собирается протестовать, он поднял руку: «Но в вашем случае, думаю, можно сделать исключение».

«Насколько увеличится мой оклад?»

В голосе Д'Эвера появилась резкость: «Как я уже объяснял, вам придется смириться с перспективой продвижения по службе в установленном порядке. В настоящее время ваш заработок вполне достаточен для человека вашего происхождения и положения. Кстати, раз уж мы заговорили о деньгах, где неистраченный палладий?»

«*Я* оставил его в камере хранения. Вот отчет о моих расходах», — Джубал передал начальнику лист бумаги.

Нэй Д'Эвер бегло просмотрел записи: «Гм. Я вижу, вы ни в чем себя не ограничивали. Отель «Гандольфо», судя по ценам — храм сибаритской роскоши!»

«Лучший отель в Кийяше».

«Гм. «Аренда парика». Не понимаю. Зачем понадобился парик?»

«Требовалось изменить внешность».

«А вот еще статья расходов: «развлечения — пять фартингов». Это что такое?» — Д'Эвер смотрел на Джубала, высоко подняв брови.

«Я любовался в платный телескоп водопадами Горной Вуали на Зальмире. Пожалуй, эту сумму следовало занести в статью личных расходов».

Нэй Д'Эвер отложил отчет: «Займусь вашими расходами, когда будет время. На данный момент это все».

«Последний вопрос. Что, если покушения на мою жизнь продолжатся?»

«Вряд ли. Тем не менее, я посоветовал бы вам сменить место жительства или совершить многодневную пешую прогулку по лесистым предгорьям Гвистель-Амета».

Через четыре дня Нэй Д'Эвер вызвал Джубала в свое управление в Парларии. Он не стал тратить время на формальности: «Вам придется прервать каникулы. Появилась возможность использовать ваши способности, не компрометируя Третье отделение. Дело касается Рамуса Имфа. Посреди ночи он вылетел из Атандера на скипе. Его проследили до поселка Форлок в Глентлине».

«Это в горах, рядом с дачей Вайдро!»

«Совершенно верно. Рамус поселился на постоялом дворе Дин-тельсбелла под именем

«Сердже Эстоп». Предлагаю вам навестить дядю. Допуская, что Рамусу известна ваша внешность, целесообразно ее изменить. Наденьте клуш,[34] воспользуйтесь порошком, меняющим цвет лица, приклейте короткую черную бороду».

«Что дальше?»

«Меня интересует, чем занимается Рамус. Например, какие дела заставили его забраться в глентлинскую горную глушь?»

Джубал немного подумал: «Кажется, я никогда не рассказывал вам о поползновениях Рамуса Имфа в области скупки недвижимости. Они могут иметь какое-то отношение к его нынешней поездке. Могут и не иметь. Он пытался купить мыс Стрещения у клана Дро-удов».

«Когда это было?»

Джубал изложил обстоятельства дела. Д'Эвер слушал с полным отсутствием выражения, как ящерица: «Вы должны были сообщить об этом раньше».

«Мне это не казалось достойным внимания».

«Любые факты достойны внимания». Нэй Д'Эвер включил настенный экран и вызвал карту

---

[34] notes: 34

Клуш: облегающий голову остроконечный кожаный или фетровый колпак с наушниками, традиционный головной убор глентлинских горцев.

Глентлина: «Покажите мне дом Дро-удов и мыс Стрещения».

«Вот здесь — и здесь. Мыс Стрещения — крайняя северо-западная точка территории Тэйри».

Нэй Д'Эвер изучал карту: «Возможно, вы правы, и вся эта история не имеет значения. Тем не менее, вы полетите в Форлок на моем персональном скипе. Найдите Рамуса Имфа и выясните, что он там делает. Держитесь незаметно, избегайте личных контактов».

Сразу после захода Моры, когда небо еще хаотически переливалось пурпурными, светло-вишневыми, красными и синими сполохами, Джубал приблизился к постоялому двору Динтельсбелла на окраине Форлока. Войдя, он потребовал ночлега. Его провели в приятную комнату на мансарде под остроконечной крышей, с видом на долину Бушующих Вод. Джубал поужинал в почти опустевшем трактире, где его заинтересовало только отсутствие Рамуса Имфа. Позже, расспросив выпивох в местной таверне, он узнал, что Рамус покинул постоялый двор за несколько часов до прибытия Джубала, никому не сообщив, куда направляется. Судя по всему, Рамус вообще не разговаривал ни с кем в поселке, ограничившись несколькими необходимыми фразами.

Подойдя к телефону, Джубал вызвал горную дачу Вайдро. На экране возникло лицо его дяди, с недоумением разглядывавшее незнакомого загорелого бородача.

«Это я, Джубал. Пришлось загримироваться. Я звоню из Форлока».

«Что ты делаешь в Глентлине?» — голос Вайдро звучал сухо и напряженно.

«Нам нужно увидеться завтра утром — не могу ничего объяснять по телефону».

«Приходи сейчас же. Завтра мне нужно быть в цитадели Дро-удов. Придется выехать затемно».

«Хорошо. Но почему такая спешка? Разве не удобнее было бы встретиться завтра?»

«Так ты ничего не слышал?»

«Нет. Что происходит?»

«Помнишь Кадмуса офф-Дроуда, притязавшего на первородство?»

«Прекрасно помню».

«Кадмус решил добиться своего. Он занял цитадель Дроудов с отрядом перруптеров. Он убил твоего брата Трюэ и провозгласил себя дроудом клана Дроудов».

«Кадмус умрет от моей руки».

«Тебе может не выпасть такая честь. Я известил родню. Много крови прольется в доме Дроудов».

«Я выхожу».

Глава 13

Времена междоусобиц среди глентлинских кланов давно миновали, но традиции не умерли — побуждения к кровной мести будоражили умы из поколения в поколение. Если Кадмус офф-Дроуд рассчитывал на то, что убийство старейшины вызовет лишь вялые формальные протесты, немедленное стечение возмущенной родни Дроудов, толпой окружившей цитадель, должно было отрезвить его подобно ведру ледяной воды, опрокинутому на голову.

Цитадель Дроудов располагалась неподалеку от реки Аллис, на горном лугу, окруженном крутыми лесистыми склонами.

События развивались быстро. Кадмус офф-Дроуд прибыл посреди ночи с отрядом перруптеров в масках[35] и принялся барабанить кулаком в дверь. Предъявив претензии открывшему дверь Трюэ и выслушав презрительный отказ, Кадмус

---

[35] notes: 35

Лишенные общества соплеменников, обычно миролюбивые джаны становятся бродячими наемниками-одиночками. Когда таких одиночек нанимают в отряды перруптеров, от них требуют постоянного ношения масок, предотвращающего установление между рекрутами традиционных взаимоотношений, подрывающих боевую дисциплину.

застрелил дроуда, не успевшего схватиться за оружие. Еще несколько минут ушло на усмирение детей Трюэ — самые строптивые были умерщвлены. Кадмус полагал, что хорошо сделал свое дело, не теряя времени и денег.

Кадмус офф-Дроуд, человек скорее одержимый, нежели порочный, был на локоть выше большинства глинтов. Желтовато-серые локоны редких лохматых волос липли к увлажненному испариной обширному лбу Кадмуса, глаза его, пристально-неподвижные, как у дохлой рыбы, тускло блестели под хмурыми бровями. Огромные мясистые руки его болтались при ходьбе, будто подвешенные на цепях, колени торчали вперед — он стоял ссутулившись, не распрямляя ноги. На протяжении большей части своей жизни Кадмус мрачно размышлял о пустяковой случайности происхождения, возвысившей Трюэ, а его, Кадмуса, унизившей. Теперь Кадмус восстановил справедливость, уверенный в том, что действительность *i* конце концов смирится с неизбежностью его превосходства.

В полдень, через несколько часов после захвата цитадели Даудов, вынужденный служить под страхом смерти камергер сообщил Кадмусу, что его вызывают по телефону. Приблизившись к

экрану, Кадмус узнал каменное лицо Вайдро Дроуда: «Собирается весь клан. Выходи безоружный, навстречу судьбе. Попытка защищаться приведет к гибели невинных людей. Зачем приумножать смерть?»

Кадмус не сразу понял, о чем речь: «Я — дроуд Дроудов. Я занял место, принадлежащее мне по праву. Не поминай смерть».

«Ты — убийца. Клан разорвет тебя на куски».

«Пусть попробуют, — безразлично ответил Кадмус. — Думаешь, я не приготовился? Оружие у меня есть — столько, сколько нужно. У меня целая армия перруптеров — один умрет, другой его заменит».

«Родня спускается с гор десятками, дюжинами, сотнями, — настаивал Вайдро. — Завтра цитадель Дроудов будет окружена».

«Давайте, окружайте. Я захватил заложников — Зонну Дроуд с дочерьми».

«Где Бессель Дроуд?»

«Бессель на меня напал. Его домочадцы разрушили мой скип. Их пришлось убить. Я убью каждого, кто встанет на моем пути, и сожгу цитадель Дроудов! Не воображай, что я слаб и беззащитен — у меня есть средства, тебе недоступные и неизвестные. Если потребуется, по

всей округе не останется в живых ни одного глинта! Я — Кадмус Дроуд, дроуд клана Дроудов. Тебе придется смириться с этим фактом».

Экран погас.

Вайдро и Джубал стояли в тени невысокого каменного дуба на склоне Расщепленной горы. В полукилометре от них, ниже по долине, молчала цитадель Дроудов.

Вайдро размышлял вслух: «У него порядка пятидесяти перруптеров. Кадмус прав. Атаковать опасно — потеряем сотню бойцов. Взять его измором тоже нельзя, погибнут заложники. Но у нас есть время, мы можем ждать. Что, по-твоему, произойдет, если мы будем ждать?»

«Кадмус потеряет терпение».

«Верно. Почувствует, что победа потеряла вкус. Кроме того, перруптеры начнут объединяться в «четверки», это неизбежно. Разделившись на группы, джаны станут бесполезными».

«Кадмус это поймет. Ему придется напасть, чтобы вырваться из окружения».

«Он угрожал. Сказал, что в горах не останется ни одного Дро-уда».

«Пятьдесят перруптеров — не армия».

«Значит, у него где-то еще припасены перруптеры».

«Любой отряд, выступивший из Джанада и направляющийся к дому Дроудов, будет спускаться по ущелью Обри с перевала Пращуров. Кратчайший и единственный удобный путь».

«Нужно выслать разведчиков и устроить засады».

«Если, как я подозреваю, в этом деле замешан Рамус Имф, с ним тоже прибудет подкрепление, с той или с другой стороны. Не исключено, что по воздуху».

«Немедленно свяжись с Д'Эвером. Он интересуется махинациями Рамуса, не так ли?»

Добравшись до гостиницы «Скальное гнездо» в соседней долине, Джубал вызвал по телефону Нэя Д'Эвера и описал ему происходящее вокруг цитадели Дроудов.

Мысли Д'Эвера, казалось, были чем-то отвлечены — он слушал, почти не проявляя интереса: «Третье отделение не занимается умиротворением кланов. Это внутренние дела глинтов, решайте свои проблемы сами».

«Позвольте мне снова обратить ваше внимание на некоторые факты, — упорствовал Джубал. — Кадмус офф-Дроуд прилетел на скипе, ему не принадлежавшем. Этот скип выведен из строя. Кадмус ожидает прибытия подкреплений. Судя

по всему, Рамус Имф обещал ему поддержку в обмен на мыс Стрещения».

Нэй Д'Эвер издал неопределенный звук, недовольно поморщился: «Надо полагать, «подкреплениями» вы называете отряды перруптеров из Джанада... Хорошо, мы вышлем патруль. Подкрепления не прибудут». Протянув руку к выключателю, Д'Эвер задержался, будто о чем-то вспомнив, и прибавил: «Постарайтесь взять Кадмуса живым».

«Это будет зависеть от обстоятельств».

Прошел день, прошла ночь, наступило утро. Как предсказывал Вайдро, родня Дроудов окружила цитадель. С каждым часом толпа увеличивалась — прибывали новые отряды с далеких пастбищ и ферм. С берегов бухты Балл ас привезли пару старинных синхропушек, когда-то охранявших приливные шлюзы. Покрытые вмятинами и ржавчиной, пушки все еще позволяли вести огонь очередями энергоимпульсов вдоль прицельных поляризующих лучей. Их установили на Северном и Гранатовом буграх, чтобы с обеих сторон контролировать дорогу, ведущую к цитадели Дроудов.

В полдень на одном из верхних балконов показалась массивная фигура Кадмуса офф-Дроуда.

Нахмурив брови, он вглядывался куда-то направо, потом куда-то налево. Дико и неуклюже погрозив в пространство кулаком, Кадмус отступил в тень.

Примерно в четыре часа пополудни Джубал снова позвонил Д'Эверу и представил краткий отчет — краткий, потому что ему практически не о чем было рассказать. Снова у него возникло впечатление, что Д'Эвер почти не интересуется осадой. Служитель народа соблаговолил заметить, что Рамус Имф еще не появлялся ни в визродском дворце Имфов, ни в своей роскошной усадьбе «Гаис» в низинах Атандера. Как бы между прочим, перед самым окончанием беседы Д'Эвер поведал Джубалу, что патрульный торпедный аэробот обнаружил и уничтожил крупное формирование перрупте-ров, маршировавших по долине Большого Шома в направлении цитадели Дроудов.

Вайдро не скрывал торжества: «Кадмус в западне! Он не может ни отступить, ни вырваться. Вылазка превратится в бойню — его отряд не пройдет и двух шагов. А если он замешкается, джаны сформируют «четверки» и потеряют интерес ко всему, кроме еды и сна. Я позвоню ему снова, предложу сдаться».

Лицо Кадмуса офф-Дроуда, появившееся на экране, усталое и оскалившееся от нервного напряжения, походило на морду дохлого зубра, мумифицированную солнцем и ветром.

«Подкрепления не прибудут, — сказал Вайдро. — Тебе это известно?»

Кадмус молчал, уставившись на врага. Потом из его глотки донеслось сдавленное рычание, закончившееся словами: «Мне не нужны подкрепления. Я в своем праве и в своем доме. Никто меня отсюда не выгонит!»

«Нам некуда торопиться».

«Хотите взять измором? Первой умрет Зонна Дроуд, за ней — девчонки. Мы их сожрем и побросаем кости с балкона».

«Никто тебя измором брать не будет. Я тоже не лыком шит. Тебе суждено умереть, и умереть сегодня. Судьба неотвратима, как черный горб Ская, выползающий из-за горизонта! Но — Кадмус! Если ты хоть пальцем тронешь заложниц, ты будешь умирать долго и тяжело. Выбирай!»

Кадмус офф-Дроуд презрительно рявкнул: «Га! Когда взойдет Скай, я буду ставить условия, а не ты! Доживешь — увидишь!»

Экран внезапно погас.

Вайдро медленно обернулся: «Он бредит. Но у

него еще есть козыри на руках. Он все еще ждет подмоги».

«Кадмус ждет Рамуса Имфа».

«Если Рамус с ним снюхался. Наверняка мы этого не знаем».

«Косвенные свидетельства достаточны».

«Может быть. В любом случае, Кадмуса можно поддержать только с воздуха. Придется следить за небом».

Перед заходом Моры тучи заволокли северную часть неба. Сгущавшиеся сумерки озарялись троившимися и четверившимися извилистыми зарницами. Часа через два тучи рассеялись — в небе стало темно и чисто. В полночь на востоке начала всходить выпуклая масса Ская.

Высоко над цитаделью Дроудов появился темный силуэт — сперва размытое пятнышко, потом быстро заходящий на посадку летательный аппарат.

Аппарат заметили. Вайдро переоборудовал единственный действующий прицел-дальномер синхропушки, изготовив что-то вроде датчика — еще до того, как пятно в небе приобрело четкие очертания, Вайдро поглядывал на бледно-розовый светлячок, спускавшийся по шкале дальномера.

Разбудив вздремнувшего Джубала толчком в плечо, старый горец показал пальцем в небо: «Взгляни-ка на перелетную птичку».

Аппарат садился бесшумно, но уверенно — на борту не знали, что гостям приготовили прием. С вершины Сливового бугра в небо вонзился световой сноп прожектора — над темным лугом блестящим силуэтом с резкими тенями вспыхнул большой скип, бронированный самодельными панелями детервана. Две синхропушки испустили тонкие зеленовато-желтые лучи вязко-леденцового оттенка. Вдоль тихо звенящих леденцовых лучей, как пузырьки в подсвеченных из темноты тонких трубках, понеслись одно за другим потрескивающие колечки-импульсы. Скип мгновенно превратился в фейерверк пылающих, падающих обломков.

«Не оправдались надежды Кадмуса, — покачал головой Джу-бал. — Подкрепление взорвалось».

«Он рассчитывал бежать на скипе, — задумчиво заметил Вайдро. — Теперь ему придется делать вылазку, другого выбора нет. Думаю, Кадмус испытает судьбу не позже, чем через полчаса».

«С такой же уверенностью можно предсказать, что они попробуют прорваться через сад к ближайшему склону, с тыльной стороны цитадели.

От живой изгороди ершовника до зарослей рукой подать. Ночью в кустарнике всех не найдешь. Кто-нибудь доберется лесами до предгорий».

«Ты прав, туда они и бросятся. Пора готовиться».

Прошло полчаса — каждая минута тянулась с почти уловимой ухом вибрацией напряжения. В цитадели Дроудов, до сих пор молчаливой и черной, нервно засуетились появляющиеся и пропадающие огни. Среди холмов и под деревьями зашевелились тихо бормочущие, позвякивающие оружием тени.

Часть живой изгороди ершовника бесшумно отодвинулась назад и в сторону — обнажилась щетина тонких пеньков. Из образовавшегося проема, выставив перед собой щиты, побежали перруп-теры. За ними спешил тяжеловесной поступью Кадмус офф-Дроуд с метровой абордажной саблей в одной руке и тяжелым многозарядным гробовиком в другой. Рядом виднелась фигура другого человека, одетого, как перруптеры, в черное, с черной боевой маской на лице, в черной широкополой шляпе, низко надвинутой на лоб.

Прожекторы озарили луг справа и слева. Послышались быстрые хлопки и лязг стреляющих и перезаряжающихся гробовиков. Повернув щиты,

чтобы прикрыться сбоку, перруптеры упрямо бежали к зарослям кустарника. Стрелки находили промежутки между щитами — перруптеры падали, открывая новые зияющие бреши. Упорядоченная колонна внезапно превратилась в месиво дергающихся, лезущих одно через другое тел. Кадмус, не ожидавший, что его планы так легко разгадают, ревел, изрыгая проклятия. Горцы, продолжая вести огонь, начали выходить из-за прикрытий. Вайдро кричал: «Назад! Все назад! У них еще есть оружие!»

Кадмус остановился и повернулся, чтобы отступить в цитадель. Горцы, оставив всякую осторожность, спешили наперерез, стреляя на бегу. Вайдро хрипел сорвавшимся голосом: «Возьмите Кадмуса живьем! Живьем! Валите его, вяжите!»

Ослепленные прожекторами, пережившие шквальный огонь перруптеры прекратили попытки добраться до кустов и повернулись лицом к врагу, чтобы броситься в отчаянную атаку, но их немедленно уничтожили.

Кадмус бросил щит на землю. Вращая саблей над головой и потряхивая гробовиком, он пружинисто шагал по трупам, отгоняя горцев клинком, стреляя, крича.

«Не стреляйте! — продолжал вопить Ржавый

Призрак. — Живьем возьмите!»

«А-а! — ревел в ответ Кадмус. — Слабо вам брать меня живьем! Трусливое отродье, ублюдки-Дроуды! Подходите! Отведайте острой стали!»

«Я здесь!» — сказал Джубал.

Кадмус навел на него тяжелый ствол: «Считай, что ты уже не здесь!»

Джубал бросил нож. Лезвие, сверкнувшее на мгновение в лучах прожектора, вонзилось Кадмусу в кисть. Гробовик выпал из онемевших пальцев. Кадмус нагнулся, пытаясь подобрать оружие. Горцы накинулись на него кишащей массой, как муравьи на гусеницу. Кадмус пошатнулся, свалился с низким возгласом, снова поднялся во весь рост, разбрасывая врагов. В руке у него опять был гробовик, он целился в Джубала. Вздохнув, Вайдро спустил курок — Кадмус сделал несколько непослушных шагов назад и упал на спину. У него во лбу зияла дыра.

«Жаль! — сказал Вайдро. — Но что было делать?»

Джубал подобрал нож и обернулся, чтобы найти на освещенном лугу фигуру в черной шляпе, но та уже скрылась в цитадели Дроудов. Всюду стояли тяжело дышащие горцы, глядевшие на трупы невидящими глазами.

Из тени в ослепительный круг света выступил человек в черной маске, державший высоко в поднятой руке — за лодыжки, вниз головой — хныкающую шестилетнюю девочку: Санкиту Дроуд. Другой рукой он приставил к лицу девочки лезвие кинжала. За ним вышли еще трое, прижимая к себе заложниц — Зонну Дроуд и двух ее дочерей, Мерлию и Теодель, восьми и десяти лет от роду.

Человек в маске неподвижно стоял в лучах прожекторов. Горцы в ужасе притихли.

Незнакомец звонко закричал: «Никто меня не задерживает! Я иду вперед — все расходятся по сторонам! Если вам дорога жизнь ваших женщин, освободите дорогу!»

Джубал медленно вышел вперед и остановился в трех метрах от бандита: «Ты меня знаешь?»

«Какое мне дело? Прочь, в сторону!»

«Я — Джубал Дроуд. Положи ребенка на землю и защищайся. Я дерусь только ножом. Выживешь — клянусь — получишь свободу».

«Я и так свободен!» — голос человека в маске звучал ясно, почти весело, он как будто пел. Бандит шагнул вперед. Джубал не уступил дорогу. Перекинув девочку через плечо, бандит схватил заложницу так, чтобы острие кинжала почти

прикоснулось к ее глазу.

Что-то ярко блеснуло в лучах прожектора — брошенный со стороны нож пронесся мимо плеча Джубала, с лязгом ударился в металлический обруч боевой маски на шее бандита, упал на землю. Незнакомец ответил гневным возгласом, мышцы его напряглись, кинжал дрогнул в руке — девочка пронзительно взвизгнула и закричала во весь голос. Острие кинжала проткнуло ей глаз.

Джубал бросился вперед, но пара железных рук схватила его сзади за предплечья. Из-за спины послышался голос Вайдро: «Пусти его! Он ее убьет!»

«Он проткнул ей глаз!»

«Один глаз остался. Подожди. Мир тесен».

Человек в маске прошел мимо Джубала. Брезгливо выбирая путь среди кровоточащих тел, он скрылся в непроглядном мраке, а за ним три его молчаливых спутника. Никто не двинулся вслед.

Пламя взметнулось и заревело над цитаделью Дроудов. Джубал посмотрел на пожар минуту-другую, повернулся и ушел.

Мора невозмутимо взошла в положенное время. В полдень Джубал звонил Нэю Д'Эверу из гостиницы «Скальное гнездо».

«Кадмус офф-Дроуд мертв. Рамус Имф ускользнул».

«Вы опознали Рамуса?»

«Уверен, что это был он».

«Уверены? Или только подозреваете?»

«Почти не сомневаюсь — хотя на нем была маска».

«Другими словами, вам не удалось опознать его наверняка».

«Нет».

Немного помолчав, Д'Эвер заметил: «Теперь вы, насколько я понимаю, наследственный вождь Дроудов, предводитель клана — или как это у вас называется. Почему вы мрачнее тучи?»

Джубал не сводил глаз с неподвижного бледного лица: «Вы полагаете, что я должен радоваться смерти брата и уничтожению огнем родового гнезда моих предков?»

«Радоваться приобретению преимуществ вполне естественно».

«Я не приобрел преимуществ. Одни потери».

«Что ж, вам виднее. Будьте добры, опишите обстоятельства как можно подробнее».

«Рамус Имф привез Кадмуса офф-Дроуда к цитадели Дроудов на своем скипе. Они убили моего брата, но сын моего брата успел взорвать скип. Обломки машины разбросаны по лугу. Родня Дроудов сразу окружила цитадель — Рамус

очутился в ловушке, в компании Кадмуса. Он вызвал подкрепление из Джанада, остановленное вашим патрулем. В отчаянии Рамус вызвал бронированный скип, рассчитывая сбежать. Мы уничтожили второй скип и прикончили Кадмуса. Рамус оказался в затруднительном положении. Ему пришлось воспользоваться заложницами — женой моего брата и ее дочерьми — чтобы вырваться из окружения».

«Каковы его дальнейшие действия — допуская, что это был Рамус?»

«Он спустился по реке Флант до Арраспа, оставил заложниц под утесами на берегу и взошел на борт национальной фелуки. Фелука вышла в море, порт назначения неизвестен».

«В общем и в целом вы задание выполнили, — сказал Нэй Д'Эвер. — Мы начинаем подозревать истинный характер деятельности Рамуса Имфа. Тем не менее, его побуждения все еще загадочны. Почему, например, Рамус настойчиво пытается приобрести

мыс Стрещения? Находясь в Глентлине, вы можете внимательно проследить его перемещения. Попытайтесь найти им объяснение».

«Рамус бежал из Глентлина, и с ним ускользнули его побуждения, — возразил Джубал. — Здесь

мы больше ничего не узнаем. Мне не терпится обсудить наши подозрения с Рамусом, лицом к лицу».

Д'Эвер вздохнул: «Поддаваться диким горским инстинктам в сложившейся ситуации совершенно неуместно. Вы стремитесь к бесполезному конфликту. По сути дела, теперь ваше присутствие в Визроде оказалось бы обременительным препятствием на пути к решению проблемы».

Продолжая сверлить глазами бледную физиономию всесильного служителя народа, Джубал сумел сдержаться и не повысил голос: «Каким образом мое присутствие может чему-либо воспрепятствовать?»

«События развиваются, расстановка сил меняется. В частности, Имфы узнали, что вы — эмигрант-возвращенец, и не прочь воспользоваться этим фактом, чтобы свести с вами счеты. Предпочел бы, чтобы вы оставались в Глентлине».

«Кто на меня донес?»

«Об этом можно только догадываться».

«Совершенно верно. Например, я догадываюсь, что о моей поездке в Кийяш знали только двое — вы и ваша дочь».

«Были и другие, — беззаботно отозвался Нэй Д'Эвер. — Не забывайте, что в операции участво-

вали офицеры Космического флота».

«Им не было известно, кто я такой».

«Распространение слухов и сплетен в таких делах практически неизбежно».

«И все же, так как Рамус Имф — тоже эмигрант-возвращенец, у них нет оснований предъявлять мне обвинения. Тем более, что я выполнял ваше поручение и нахожусь под вашей защитой».

Д'Эвер едва заметно улыбнулся: «Все не так просто. Вы возбудили ненависть и возмущение клана Имфов, самой знатной и влиятельной семьи в Визроде. Бросать вызов власть имущим всегда рискованно — если вы не можете противопоставить им авторитет столь же внушительной власти. Такова жизнь».

«Мой брат убит, мой дом сожжен — такова жизнь?»

«Что было, то прошло, — ответил Нэй Д'Эвер. — Последовательность событий необратима. Если вы не уверены в том, что можете навязать этой последовательности свою волю, лучше всего даже не пытаться».

Джубал медленно кивнул: «Не сомневаюсь, что так оно и есть».

Д'Эвер приготовился выключить телефон, но по обыкновению задержался, чтобы сказать еще

несколько слов: «Маловероятно, но возможно, что к вам обратятся — Рамус Имф, его посредник или кто-нибудь еще — с предложением продать мыс Стрещения. Если это произойдет, известите меня без промедления».

«Не премину это сделать».

Глава 14

Рваные облака бежали по ночному небу, то пряча, то открывая гигантский яркий полумесяц Ская. Беспокойный прохладный воздух, напоенный ароматами садов — свежей листвы и влажной земли — окружал особняк Д'Эверов.

По аллее подъезжал старый разбитый кеб. Из колымаги выскочил темноволосый человек в роскошном белом костюме с бледнолиловыми узорами. На голове у него красовался черный кват с крупной аметистовой подвеской, с плеч спускалась короткая черная накидка. Пассажир приказал водителю ждать и длинными упругими шагами поднялся к главному входу.

Швейцар раздвинул высокие двери — на пороге появился Фла-ниш, проявлявший необычную даже для него нерешительность. Пристально вглядываясь в лицо прибывшего, интонацией голоса мажордом дал понять, что не имеет чести его знать: «Добрый вечер, достопочтенный…?»

«Будьте любезны сообщить его высокоблагородию о моем визите. Передайте, что я хотел бы посоветоваться с ним по неотложному делу».

«Сию минуту, сударь. Как прикажете вас ве-

личать?»

«Упомяните, что я имею отношение к человеку по имени Рамус Имф».

Фланиш удалился. Темноволосый гость ждал в вестибюле — полюбовался своим отражением в зеркальных панелях стен, подошел к резному столику, стал лениво перелистывать журнал.

Услышав шаги, он поднял глаза — по широкой парадной лестнице спускалась Миэльтруда в темно-синем жакете поверх вечернего белого платья. Ее бледные волосы украшал изящный серебряный обруч с огромными сапфирами, деликатностью небесно-голубого оттенка и яркостью не уступавшими глазам холеной наследницы. Заметив незнакомца, Миэльтруда задержалась — сперва безразлично скользнув по нему взглядом, потом пристально изучая его лицо с возрастающим замешательством.

Посетитель отвесил вежливый поклон: «Добрый вечер, леди Миэльтруда».

«Добрый вечер… Мы где-то встречались. Не могу припомнить, где именно».

«Наше знакомство было достаточно мимолетным».

«Странно все-таки… Мне кажется…»

Миэльтруда еще раз присмотрелась к элегант-

ному собеседнику

— и вдруг рассмеялась, будто отказываясь верить своим глазам: «Глинт!» Она продолжала смеяться: «Вас я не забыла, Джубал Дро-уд!» Подходя к выходу, блондинка снова задержалась и оглянулась.

В боковых дверях первого этажа появился Нэй Д'Эвер, взиравший на Джубала спокойно, но вопросительно. Давясь от смеха, Миэльтруда подбежала к отцу и что-то пробормотала ему на ухо. Д'Эвер, очевидно, разделял мнение дочери — теперь он смотрел на гостя мрачновато-насмешливо: «Нельзя не признать, что вы предпочитаете впечатляющие наряды. Что вам нужно?»

«В прошлый раз, когда я приехал в Визрод, меня пытались убить, — холодно ответил Джубал. — Теперь, чтобы меня не узнали, приходится пробираться в город тайком и одеваться на манер ваших расфуфыренных лизоблюдов».

«Разве я не дал понять — недвусмысленно — что вам следует оставаться в Глентлине?»

«Я здесь по трем причинам: чтобы представить отчет, чтобы получить заработную плату и чтобы выполнить ваши инструкции».

«Явившись сюда, вы нарушили инструкции».

«Не совсем так. Вы поручили мне тщательно проследить перемещения Рамуса Имфа и выяснить, какими побуждениями он руководствуется».

«Исключительно в пределах Глентлина!»

«Таких указаний не было. Вы хотели, чтобы я провел расследование в Глентлине — я так и сделал. Следы Рамуса привели в Визрод».

«Возможно, я выразился недостаточно определенно. Рекомендую вам немедленно покинуть город. О заработной плате забудьте

— в Третьем отделении вы больше не работаете».

«Почему?»

«Потому что Имфы объявили награду за вашу голову, и в настоящее время мне не нужны дополнительные затруднения».

«Рамус Имф убил моего брата, поджег мой дом и ослепил мою племянницу — для вас это ничего не значит?»

Нэй Д'Эвер скептически хмыкнул: «Дерзон Имф клянется, что Рамус уже в течение трех недель отдыхает на даче в Сарпентине. Вынужден верить ему на слово».

«Несмотря на доказательства обратного?»

«Какие доказательства?»

«Вы знаете, что Рамус взошел на борт корабля в Арраспе. Я провел в Визроде неделю и наводил справки. Мне удалось раздобыть любопытные сведения. Прежде всего, я нашел фелуку, подобравшую Рамуса. Капитан удостоверил его личность и засвидетельствовал, что я снял отпечатки пальцев Рамуса в его присутствии. В каюте было много отпечатков. Таким образом, у меня в руках неоспоримое доказательство участия Рамуса Имфа в нападении на цитадель Дроудов».

Нэй Д'Эвер снова хмыкнул, на этот раз разочарованно: «Бесполезные, несвоевременные хлопоты. Мне важно сохранять хорошие отношения с Имфами до тех пор, пока не выяснятся некоторые обстоятельства. Время действовать еще не наступило». Служитель народа прикоснулся к подбородку пальцем, блеснувшим кольцом с молочно-белым опалом: «Позвольте спросить — исключительно из праздного любопытства — что еще вам удалось узнать?»

«Я работаю в Третьем отделении или нет?»

Д'Эвер ответил непонимающим взглядом: «Разумеется, нет! Разве я не объяснил, как обстоят дела?»

«В таком случае я воспользуюсь полученной информацией по своему усмотрению. Вам она

ни к чему».

Нэй Д'Эвер повел плечами, как капризный ребенок: «Если Им-фы узнают о том, что вы в городе, вас привлекут к суду за возвращение из эмиграции».

«Ну и что? Вы подтвердите, что я находился в служебной командировке».

«И тем самым открою все свои карты? Ни в коем случае! Вам придется понести наказание — предупреждаю вас».

«Но вы не можете нарушить подписанный, засвидетельствованный договор!»

«Конечно, могу — и нарушу, если потребуется».

«Ваша подпись говорит сама за себя».

«Неужели? Вы перечитывали этот документ в последнее время?»

«Зачем его перечитывать? Я прекрасно помню все условия».

«Взгляните на него еще раз».

«Пожалуйста, нет ничего проще, — Джубал вынул из-за пазухи пачку бумаг и выбрал знакомый конверт. — Вот договор».

«Откройте конверт».

Недоуменно взглянув на Д'Эвера, Джубал сломал печать, вынул бумагу, развернул ее — и увидел девственно чистый лист. С сомнением

заглянув в конверт, он больше ничего не нашел.

Нэй Д'Эвер вежливо пояснил: «Чернила испарились — вместе с ними испарились ваши особые полномочия. Вы должны были понимать, что я никогда не согласился бы подписать компрометирующую меня бумагу».

«Рад, что мы хорошо друг друга понимаем, — столь же вежливо ответил Джубал. — В тот же вечер я изготовил и заверил у нотариуса несколько экземпляров». Джубал выбрал из пачки еще один гербовый лист: «Вот заверенная копия. Договор остается в силе».

Опустив уголки губ, Нэй Д'Эвер внимательно изучил печать и подпись нотариуса: «Аргумент, заставляющий взглянуть на вещи с другой точки зрения. Дроуд, вы беспринципный, неразборчивый в средствах человек. Одну минуту — нужно подумать».

Миэльтруда, до сих пор с предвкушением прислушивавшаяся к разговору, махнула рукой: «Я опаздываю, мне пора. Фланиш! Карету!»

«Не торопись, дорогая моя, — остановил ее Д'Эвер. — Нужно кое-что обсудить. Возможно, потребуется новая тактика. Ты сегодня увидишься с нашей связной?»

«Да».

Нэй Д'Эвер оценивающе смотрел на Джубала, дыша чуть чаще обычного: «Вы живете на старой квартире?»

«Почему это вас интересует?»

«Неважно. Позвоните мне завтра — придется согласовать дальнейшие ходы. Сейчас я больше ничего не могу сказать».

«Как насчет заработной платы?»

«Вы ее получите».

«С учетом особых заслуг мне надлежит увеличить оклад — скажем, до сорока пяти тольдеков в неделю».

«Не вижу в этом ничего невозможного, — мягко ответил Нэй Д'Эвер. — Спокойной ночи».

Джубала не провожали ни швейцар, ни мажордом. Облака все еще блуждали по яркому полумесяцу Ская — гигантская луна то разгоралась, то тускнела, опьяняя Джубала щемящей тревогой. Он вспомнил, как Миэльтруда замерла, спускаясь по лестнице — ее мелодичный смех, ее взгляд, брошенный через плечо в зеркальном вестибюле. Он ненавидел безразличное двоедушие Д'Эвера и молчаливое попустительство его дочери.

Джубал смотрел на Скай. Его охватило чувство, не имеющее названия, никогда раньше не

пробуждавшееся: горькое, сладостное томление, смешанное со страстью и безудержной решимостью. Зачем она — одна, единственная жизнь — если не пользоваться ею сполна?

Вместо того, чтобы уехать и заняться своими делами, Джубал подошел к ожидавшему его кебу, позвал водителя. Тот спустился.

«Я решил позабавить друзей. Вот десять тольдеков. Я займу ваше место — отправляйтесь в город и ждите меня в кафе «Гексаграмма» у Травянского сквера».

Извозчик покосился на Джубала, на десять тольдеков, снова на Джубала: «Как я доберусь до «Гексаграммы»?»

«Идите пешком, наймите кеб — как вам угодно».

«Вы разобьете машину!»

«Я очень осторожный человек, кеб будет в целости и сохранности».

«Десяти тольдеков явно недостаточно».

«Вот еще пять — ступайте!»

Часто оглядываясь, извозчик побрел к парковым воротам. Джу-бал подъехал к парадному крыльцу и принялся ждать.

Слух привыкал к тишине. Темный сад мало-помалу наполнялся осторожными звуками

— пощелкиванием гиджитов в сырой рыхлой земле, потаенным журчанием фонтана и похожим на плеск фонтана, почти неуловимым шумом не слишком далекого города.

Прошло минут десять. По аллее подъезжала карета. Джубал поспешно преградил ей дорогу, размахивая руками: «Вызов отменяется! Сегодня нужен обычный городской кеб». Всучив водителю тольдек, Джубал прибавил: «Извините за беспокойство».

«Понятно, сударь, благодарю вас», — понимающе кивнул тот. Карета развернулась и уехала.

Джубал приподнял воротник накидки, надвинул на лоб черный кват. Взобравшись на скамью водителя, он сгорбился, то и дело поглядывая в тень под портиком.

Парадные двери раздвинулись — вышла Миэльтруда. Подбежав к кебу, она вспорхнула внутрь и села: «В дом Базенантов, за холмом Матиса!»

Из-под въездных ворот Джубал выехал на Среднюю дорогу, тянувшуюся вдоль косы Чам, но вместо того, чтобы продолжать путь в холмы, свернул сначала на Полукольцо, потом на Парадную набережную. Погруженная в размышления Миэльтруда довольно долго ничего не замечала, но в конце концов стала стучать по перегородке:

«Вы не туда поехали! Мне нужно к Базенантам, за холмом Матиса!»

Джубал остановил машину и повернулся к Миэльтруде: «Мы едем туда, куда нужно».

«Джубал Дроуд! Глинт!»

«Собственной персоной. Будьте добры, не спорьте и не жалуйтесь, — Джубал предъявил Миэльтруде скрепленный печатью ордер. — Вы задержаны по обвинению в незаконном покушении на мою жизнь. Мой ордер никем не опротестован и не аннулирован. Он действителен и предписывает двухлетнее исправительное рабство, сопровождающееся, по усмотрению истца, ежедневной поркой прутьями крысиной метелки. На протяжении следующих двух лет вы будете выполнять мои указания. Сожалею о том, что вам придется пропустить вечеринку, но сегодня вечером — совсем недавно — я решил воспользоваться своим правом и взять вас под стражу. Промедление смерти подобно — в буквальном смысле слова, так как завтра меня должны были убить по приказу вашего отца. Скорее всего, вам это хорошо известно. Теперь приказ придется отменить».

Миэльтруда испуганно спросила: «Почему вы думаете, что вас приказано убить?»

Джубал усмехнулся: «Ваш высокоблагородный батюшка впервые согласился повысить мой оклад».

«Вы ошибаетесь! Он знает, что за вами охотятся Имфы. Зачем ему себя утруждать?»

«Так или иначе, — пожал плечами Джубал, — моя безвременная кончина входит в его планы. В мои планы она не входит. Поэтому трудно было бы найти более удачное время для предъявления ордера. Между прочим, вы с лихвой заслужили наказание».

«Вы в самом деле намерены подвергнуть меня такому обращению?»

«Разумеется. Закон есть закон».

«Было бы излишне напоминать, что в конечном счете вы больше проиграете, чем выиграете».

«Мне нечего терять».

«Вы еще живы».

«Все умирают в свое время — Дроуды, Имфы и Д'Эверы, смерть презирает сословные различия. Тем временем у вас будет возможность приобрести полезный опыт. Когда-нибудь вы меня поблагодарите».

Миэльтруда ничего не ответила.

«А теперь, если вы не желаете подвергаться лишнему унижению, будьте любезны, сядьте

на пол, чтобы избавить меня от необходимости связывать вам руки и ноги, затыкать вам рот и так далее».

Миэльтруда попыталась выпрыгнуть из кеба. Джубал схватил ее и повалил на пол. Какое-то время они боролись. Борьба закончилась поражением слабого пола — тяжело дыша, Миэльтруда лежала на спине лицом к лицу с Джубалом, ее волосы растрепались. Джубал тоже тяжело дышал — ноздри его щекотал терпкий аромат цветочных духов.

Джубал медленно встал. Миэльтруда лежала тихо и, когда кеб снова поехал, не двинулась с места. Глядя вверх, в окно экипажа, она видела только черные кроны деревьев, проносившиеся на фоне Ская, и редкие отсветы уличных фонарей.

Кеб осторожно заехал в глухой, темный переулок и остановился. Миэльтруда услышала шепот спокойных мелких волн залива Тенистерле.

Джубал открыл дверь: «Выходите!»

Миэльтруда приподнялась, сидя на полу, и выбралась из кабины. Она знала, где находится — на берегу, недалеко от гостиницы «Кораблекрушение». Сзади тускло горели огни Визрода, озаренный Скаем залив переливался мелкими

искрами, напротив тянулась длинная тень косы Чам.

«Сюда!»

Миэльтруда обернулась — если бы она сейчас закричала, кто-нибудь мог услышать и, по меньшей мере, вызвать ночной патруль. Но глинт, стоявший рядом, не допустил бы ничего подобного. Джубал взял ее за руку — прикосновение заставило девушку съежиться.

Они спустились на пляж. Джубал подобрал конец каната и стал тянуть его на себя, перебирая руками. Дрожащая от холода Миэльтруда молча стояла на песке. Послышался скрежет — Джубал вытащил на берег, кормой вперед, небольшой ялик. Жестом он приказал пленнице садиться. Брезгливо подобрав платье, Миэльтруда забралась в ялик. Джубал вытолкнул лодку на мелководье, вскочил на корму и, перебравшись на нос, стал тянуть еще один канат. Через некоторое время ялик причалил к борту пришвартованного к плавучим бочкам судна.

Подгоняемая Джубалом, Миэльтруда поднялась на палубу — подавленная и настороженная, она наконец полностью осознала серьезность происходившего.

Девушка внезапно бросилась к лееру и, несмот-

ря на то, что в заливе водилась рыба-терка, вознамерилась броситься за борт. Джубал поймал ее за талию и оттащил назад: «Вы опять вознамерились нарушить закон! Ордер предусматривает два удара в день

— колючими прутьями, оставляющими ожоги. Откажитесь от попыток бежать, если не хотите, чтобы вас раздели догола и выпороли».

Миэльтруда не могла найти слов, дрожа от стыда и ярости.

«Я командую этим судном, — Джубал радушно развел руками.

— Оно называется «Кланш». По меньшей мере какую-то часть исправительного срока вам придется отбыть на борту «Кланша»».

Миэльтруда, теперь уже в полном замешательстве, спросила, заикаясь: «Я думала, вы глинт. Вы национал? Как это может быть?»

«Судно зафрахтовано на деньги, уплаченные вашим отцом. *Я* все еще глинт — дроуд клана Дроудов!»

«Вы негодяй, мерзавец! Что вы себе позволяете? — с отчаянием воскликнула Миэльтруда. — Вас накажут!»

«Вы, безответственная преступница, смеете называть меня негодяем?»

Миэльтруда уже взяла себя в руки и надменно молчала.

«Могу обнадежить вас в одном отношении, — сурово произнес Джу бал. — В моем обществе вы можете не опасаться посягательств на ваше целомудрие. В отличие от вас, вашего отца и вашего дружка Рамуса Имфа у меня есть принципы. В ближайшем будущем вы будете служить поварихой и горничной на борту «Клан-ша»».

«Покажите мне ордер».

«Поднимитесь в каюту на корме».

Изучив документ при свете ночного фонаря, Миэльтруда села в кресло из резного дохобейского сканиля: «Сколько вы хотите?»

Не повышая голос, Джубал спросил: «Сколько вы готовы заплатить?»

Девушка немного подумала: «За три тысячи тольдеков вы можете нанять двух горничных».

«Верно. А где же справедливость?»

Миэльтруда нетерпеливо отмахнулась: «Вернемся к действительности».

«Прекрасно — я надеялся, что рано или поздно вы сумеете вернуться к действительности. Посмотрите вокруг себя. Стол, кресло, койка, коврик на дощатом полу — не что иное, как действительность. С этим не может не согласиться

даже ваш вельможный батюшка. Вы приговорены к наказанию за наглое пренебрежение страданиями другого человека и покушение на его жизнь. Приговор — действительность. Продолжая пренебрегать действительностью, вы заслужите порку».

Миэльтруда слушала с каменным лицом и ответила почти беззаботно: «Я не боюсь крысиной метелки, боль ничего не значит. Поработить меня никому не удастся. Никогда я не стану вашей горничной».

«В таком случае, — слегка поклонился Джубал, — вы останетесь под стражей до тех пор, пока не соблаговолите начать двухлетнее исправительное услужение. Не забудьте известить меня, когда настанет этот момент; с этого дня срок вашего наказания начнет уменьшаться».

Миэльтруда сидела, досадливо нахмурившись. «Она моложе, чем казалось, — думал Джубал, — значительно моложе Сьюны». Сьюна Мирцея теперь представлялась ему существом слишком плотским, ее чары — наигранными. Несомненно, весело провести час-другой в постели Сьюны было бы полезным упражнением, укрепляющим нервы и железы. Но стоять на борту фелуки плечом к плечу с Миэльтрудой, глядя на вздымаю-

щийся в ночное небо Скай, было бы упоительным переживанием, ради которого стоило жить долго и упорно. В ее присутствии даже подумать о порке было отвратительно.

Наконец пленница нарушила молчание: «Надо полагать, вы собираетесь выйти в море?»

«Вполне возможно».

«Поджали хвост и уносите ноги! — усмехнулась Миэльтруда. — Сколько красивых слов вы говорили, возмущаясь Рамусом! Тоже мне глинт».

Джубал сумел горько рассмеяться: «Да, я бегу — точнее, ухожу за горизонт под парусами. Благодаря вам и вашему отцу оставаться в Визроде для меня было бы самоубийством».

«Вы неспособны понять, какими побуждениями руководствуется мой отец».

«До сих пор мне удавалось предугадывать его решения. Кроме того, я не забыл о Рамусе — с ним я рассчитаюсь».

«Каким образом?»

«Еще не знаю. И не узнаю, пока не вернется капитан».

«Кто он, ваш капитан?»

«Владелец «Кланша». К рассвету он должен быть на борту. Теперь обратите внимание на эту кладовку. В ней темно, но достаточно просторно

и удобно. Она вентилируется и надежно закрывается на замок. Будьте добры, залезьте внутрь. Мне нужно отправиться на берег, чтобы вернуть кеб и передать сообщение вашему отцу. Он с облегчением узнает, что вы в хороших руках. Полезайте в кладовку, без глупостей! Не бойтесь, я скоро вернусь».

Джубал вернулся через час. Открыв кладовку, он нашел Ми-эльтруду, сжавшуюся в углу и дико глядевшую на слепящий фонарь, как загнанное животное, ожидающее, что его сожрут.

«Выходите», — ворчливо пригласил Джубал. Ему пришлось взять ее за руку и поставить на ноги: «Ложитесь спать — сегодня, так и быть, уступлю вам койку».

Пленница без слов подошла к койке и села, наблюдая за Джуба-лом, передвигавшим кресло, чтобы загородить дверь каюты, и тушившим фонарь. Отвернувшись и приподняв колени на койку, несчастная Миэльтруда стала смотреть в иллюминатор на озаренный Скаем залив, отделенный от неба длинной черной полосой Чама. Ей казалось, что она видит огни в доме Д'Эверов — слезы навернулись у нее на глаза. Она обернулась было, чтобы воззвать к лучшим чувствам Джубала, но решительно сдержалась. Миэльтру-

да Д'Эвер не станет умолять какого-то глинта. Тем более глинта по имени Джубал Дроуд. Никогда!

Скай плыл по небу, постепенно прячась за выступами створчатых кормовых иллюминаторов, и скрылся за косой Чам. Ветер переменился — «Кланш», привязанный к швартовной бочке, тихо повернулся кормой к востоку.

Прошла ночь. Над восточным горизонтом появился серебристопурпурный глянец, постепенно разгоравшийся багровым пламенем. Взошла Мора. Что-то глухо стукнулось об остов «Кланша», с палубы послышались звуки чуть шаркающих шагов.

Миэльтруда приподнялась на койке, пробужденная внезапной надеждой. Кто-то уже поспешил к ней на выручку? Джубала в кресле не было. Пленница подбежала к двери — та не открывалась. Она выглянула в иллюминатор, обращенный к широкой палубе в средней части судна.

Высокий человек с угрюмым загорелым лицом, в выцветшей голубой тельняшке и свободных серых брюках, взобрался на борт, подошел к Джубалу, сидевшему на крышке трюмного люка, и устроился рядом. Миэльтруда узнала в нем океанского национала.

Шрак обратился к Джубалу: «Потчевал Торквассо в таверне «Шамбро» до рассвета. Бездонная бочка! Его не перепьешь. Торквассо предупреждали держать язык за зубами, но он презирает Рамуса и рассказал все, что знает. Его судно зафрахтовано на два месяца — это вам уже известно. Он оснастил «Фарверль», осталось только выпустить паруса. В полночь ему принесли депешу. У Торквассо извращенный характер. Весь вечер он жаловался — ему, видите ли, надоело торчать на якоре по прихоти Рамуса Имфа. Депеша огорчила его еще больше — в ней сказано, что он должен быть готов к отплытию в любую минуту. Естественно, Торквассо тут же вспомнил, что еще не опустошил все винные погреба Визрода. Когда я уходил, он продолжал восполнять упущенное».

«В депеше упоминался порт назначения?»

«Нет». Заметив движение, мелькнувшее за переплетом иллюминатора, Шрак заметил: «Вижу, вы уже взяли на борт пассажирку».

Джубала грызли сомнения — его пугало навеянное полным Скаем вчерашнее ночное безумие. Чувствуя себя глупо, он с вызовом заявил: «Я предъявил ордер и задержал преступницу».

«Дело ваше», — не возражал Шрак.

«Не уверен, что поступил наилучшим образом,

но что сделано, то сделано. Теперь придется о ней заботиться».

«Нэй Д'Эвер здорово обидится. Вам, я смотрю, на это плевать».

Замечание моряка почему-то ободрило Джубала: «Д'Эвер сам меня обидел!»

«Что ж, увидим, чья возьмет. Между прочим, с набережной отчаливает ялик. Кажется, плывет к «Фарверлю»... Торквассо на задней скамье... нет, это не он! Торквассо в три раза толще. Ага, его ялик уже под кормой, капитан на борту».

Шрак и Джубал поднялись на квартердек «Кланша». Шрак достал макроскоп и принялся изучать плывших во втором ялике, потом передал прибор Джубалу.

«Рамус Имф!» — воскликнул Джубал.

«Он делает все, чтобы его не узнали».

«Меня ему не провести — Рамус не может не позировать, даже когда прячется. Расселся на мокрой скамье, как на троне... От него исходит какой-то окаянный дух!»

«Ну ладно, что теперь?»

Джубал провожал глазами скользивший по заливу ялик: «В принципе я все еще служу в Третьем отделении. Нэй Д'Эвер, несомненно, приказал бы мне следовать за Рамусом и выяснить, куда и

зачем он направляется… Так мы и сделаем».

Шрак положил макроскоп в ящик: «Если вы хотите следовать за «Фарверлем», лучше выйти в море первыми, чтобы им труднее было заметить погоню».

Джубал побежал на носовую палубу и отдал швартовы. «Кланш» развернулся ленивым полукругом и двинулся к приливному шлюзу, беззвучно подгоняемый вспомогательным двигателем. Через двадцать минут фелука уже качалась на волнах Пространного океана. Шрак выпустил змеи-паруса, за кормой вспенилась расходящаяся струя — ив ней окончательно растворились надежды Миэльтруды на то, что Джубал образумится или промедлит до тех пор, пока ее отец не прикажет закрыть шлюзы залива Тени-стерле.

Глава 15

Рассветный ветер замер — Пространный океан тяжело вздымал пологие валы, бесконечной чередой катившиеся вокруг света. Поверхность моря лоснилась, как вязкий жидкий кристалл. Ближе смутных теней береговых холмов, раздробленных блестящей мозаикой струящихся, делящихся, сливающихся зеркал, на бледнофиолетовом небесном фоне танцевало слепящее пятно расплавленного лилово-белого металла — отражение Моры.

Шрак, стоявший босиком на мостике, изогнул змеи-паруса так, чтобы они ловили малейшие дуновения ветерка, изредка тревожившего штиль. Капитан уже сбросил береговую одежду — теперь на нем были только мешковатые черные штаны, не доходившие до колен, и черная шапочка набекрень. Джубал тоже снял блузу — рядом с торсом Шрака, оттенком напоминавшим мореный дуб, его кожа казалась бледной.

«Кланш» едва заметно дрейфовал к северу. «Дохлый бриз, — отметил Шрак. — Когда «Фарверль» выйдет из шлюза, мы будем достаточно близко, чтобы следить за их курсом, но уже достаточ-

но далеко, чтобы не возбуждать подозрений Торквассо. А вот и он, легок на помине!»

Внешний приливный шлюз открылся — «Фарверль» выскользнул на океанский простор. Над фелукой взвились огромные паруса-змеи, розовые и светло-голубые. Тем временем поднялся слабый ветер, и «Фарверль» стал не спеша удаляться от берега.

Шрак смотрел в макроскоп: «Идет почти по ветру — один или два румба к ветру».

«Значит, куда?»

Капитан ткнул пальцем в карту: «Найдите сами».

Джубал наклонился над картой: «Дальше по курсу Дохобейское побережье к востоку от Уэлласа — если они не собираются посетить Буйное море».

«О нет, тогда Торквассо не выключал бы тягу в такой штиль и убрал бы паруса, чтобы его сносило к востоку. Думаю, ваш приятель распорядился плыть в Уэллас».

«Что Рамусу там понадобилось?»

«А что ему понадобилось бы в Дохобее или в Буйном море?»

«Верно». Джубал соскользнул по поручням трапа на главную палубу и резко отодвинул в сто-

рону дверь большой каюты. Ми-эльтруда сидела в резном кресле из сканиля. Джубал глядел на нее, стоя в дверном проеме и пытаясь перебороть чувство вины и стыда. Каким жалким выглядело драгоценное воздушное создание, привыкшее к безукоризненной роскоши, в унизительной ловушке посреди океана! Вспомнив, однако, какую судьбу ему хотела уготовить Миэльтруда, Джубал рассердился и заставил себя проявить непреклонность. Войдя в каюту, он уселся напротив девушки на койке: «Зачем Рамус Имф плывет в Уэллас?»

Миэльтруда ответила с почти оскорбительным безразличием: «Националы не позволили бы ему лететь».

«Что ему там нужно?»

«Не имею ни малейшего понятия».

«Даже не догадываетесь?»

Миэльтруда проигнорировала вопрос: «Что вы намерены делать со мной?»

«Я уже объяснил».

«Мне хотелось бы связаться с отцом».

Джубал покачал головой: «С моей точки зрения это было бы непрактично».

Уголки губ Миэльтруды опустились: «Если я объясню интересующие вас обстоятельства, вы

отвезете меня назад в Визрод?»

Джубал откинулся назад, прислонившись спиной к деревянной обшивке: «Вы можете как-то оправдать свои поступки?»

«Если потребуется».

«Я вас выслушаю, но ничего не обещаю взамен».

«Тогда слушайте. Как вам известно, мой отец руководит операциями Третьего отделения. Уже несколько лет до него доходят сведения о тайных перемещениях и приготовлениях неизвестного назначения.

Тем временем Рамус Имф тоже вел себя исключительно странно, и отец заинтересовался возможностью связи между двумя загадками. Для того, чтобы выяснить эту связь, он организовал постоянную тщательную слежку за Рамусом. Задавать вопросы было бы неосторожно, угрожать или применять насилие нельзя. Можно только осторожно подталкивать Рамуса в нужном направлении — например, отказав ему в должности служителя народа».

«И вы участвуете в этой интриге».

Миэльтруда сдержанно ответила: «Я вас не понимаю».

«Вы были помолвлены с Рамусом. Помолвка

может быть результатом взаимной привязанности, расчета — или подспудной манипуляции».

«В том, что касается помолвки, манипуляция — неподходящее выражение».

«Тем не менее, учитывая известные обстоятельства, вполне применимое?»

«Допустим».

«И вы состряпали всю эту затею с незаконным ордером только для того, чтобы «манипуляция» выглядела убедительнее в глазах Рамуса?»

«Ничего я не стряпала. И никаких ордеров не подписывала».

«На ордере — ваша подпись».

«Неужели вы думаете, что я собственноручно подписала бы документ, предписывающий убить незнакомого мне человека? Даже если этот человек — глупец и невежа? Кто-то подписался моим именем, вот и все».

«Есть свидетель, опровергающий ваше заявление».

«Кто?»

«Особа, присутствовавшая при подписании ордера».

Миэльтруда ухом не повела: «Сьюна Мирцея — любовница Рамуса Имфа. Делает все, чего хочет Рамус, никаких принципов у нее нет. Сьюна

подделала мою подпись — у нее склонность к таким проделкам, своего рода талант».

«Мне казалось, что Сьюна — ваша лучшая подруга».

«Терпеть ее не могу и давно бы от нее избавилась, если бы не отец. Он требует, чтобы я поддерживала с ней близкие отношения — ему нужно передавать Рамусу ложные сведения так, чтобы Рамус им полностью доверял. Я обязана легкомысленно выбалтывать Сьюне заранее приготовленные «секреты», а Сьюна обо всем докладывает Рамусу».

«Например о том, что я вернулся с Эйзельбара — чтобы меня можно было вовремя убрать».

«Эту информацию Имфам передали из Космического флота. Но вас еще не связали ни с Третьим отделением, ни с голосованием в Парларии. Так как мой отец не хочет и не может открыто противостоять Имфам, вам были предписаны пасторальные каникулы в Глентлине. К сожалению, Рамусу не терпелось прибрать к рукам мыс Стрещения, и вы снова ввязались в его дела».

«Зачем Рамусу мыс Стрещения?»

«Это одна из загадок».

«Пойдемте», — Джубал вывел Миэльтруду на палубу и поднялся вместе с ней на квартер-

дек. В восьми километрах к северо-западу, под розовыми и голубыми парусами-змеями, наклонившимися над горизонтом, плыл «Фарверль». Шрак стоял на мостике — его зеленые и синие паруса обмякли и почти опустились, но он мало-помалу травил тросы, незаметно поворачивая вслед за фелукой Торквассо.

Джубал обратился к капитану: «Все тот же курс?»

«Прямиком к Земнокаменной Заводи — туда две недели ходу». Шрак ткнул большим пальцем в сторону Миэльтруды, отошедшей к гакаборту и тоскливо глядевшей в сторону Тэйри: «Как насчет нее?»

«Утверждает, что невиновна. Говорит, ее подпись на ордере подделали».

«На ее месте кто угодно говорил бы то же самое».

«Я ей поверил».

Шрак рассмеялся: «Почему же она только теперь запела эту песню?»

«По-видимому, высокомерие не позволяло ей пускаться в разъяснения».

«И что же, мы повернем назад?»

«Ни в коем случае. Рамус Имф важнее дочери Д'Эвера», — Джубал сделал несколько шагов к

гакаборту. Ветер трепал волосы Миэльтруды, мелькавшие тенями и отливавшие темным золотом.

«Подойдите сюда, взгляните на карту», — позвал ее Джубал.

Девушка остановилась у наклонной панели экрана: «Да?»

«Вот Глентлин. На конце длинного полуострова — мыс Стре-щения. Вот Уэллас. Что-нибудь замечаете?»

Миэльтруда пожала плечами: «Уэллас — прямо напротив мыса Стрещения. Мыс далеко выдается в Теснины с юга, Уэллас образует выступ с севера. Больше ничего не могу сказать».

«Не забывайте, что Рамус Имф предпринимал отчаянные попытки купить или захватить мыс Стрещения, а теперь плывет в Уэллас — как вы можете убедиться собственными глазами».

Миэльтруда внимательно посмотрела на далекие паруса-змеи «Фарверля»: «Вы должны вернуться в Визрод и известить моего отца».

«У меня нет никаких оснований доверять вашему отцу».

Девушка закусила губу: «Почему вы не выполняли его указания? С первой минуты, как только вы появились у нас в доме, вы ведете себя так,

будто служитель народа — вы, а не он. Отец проявил необычайное терпение! Неудивительно, что вы потеряли его расположение. А теперь вы меня похитили — и отказываетесь вернуться даже после того, как я все объяснила!»

«Я предъявил ордер, будучи уверен в достоверности вашей подписи. Допустим, вы невиновны — в таком случае вы обязаны были сразу опротестовать поддельную подпись».

«Кто мог представить, что вы посмеете меня арестовать?»

«Пеняйте на себя».

Миэльтруда ничего не ответила.

Джубал указал на северо-запад: «Там паруса Рамуса Имфа — он снова отправился в путь с таинственной целью. Если бы ваш отец об этом знал, он повысил бы мне оклад и приказал бы мне преследовать Рамуса, не считаясь с вашими неудобствами».

«Возможно — не обязательно».

«Не могу отрицать, что цели вашего отца не совпадают с моими. Нэй Д'Эвер хочет, чтобы я наблюдал за Рамусом и вынюхивал его секреты. Я хочу привезти Рамуса в Визрод болтающимся в петле!»

Не находя слов, Миэльтруда отошла и облоко-

тилась на гакаборт, с мрачным сомнением глядя в воду, кипящую за кормой.

Мора приближалась к зениту, ветер крепчал. Валы накатывались с востока, поднимая «Кланш» и проскальзывая под ним в бесконечной бесцельной гонке по океану, опоясывавшему планету. «Фарверль» почти исчез за горизонтом. Скай, всходивший над восточным горизонтом подобно пологой бледно-белой возвышенности, долго рос и расширялся, чтобы в конце концов занять добрую треть небосклона. Шрак чинил якорную лебедку. Миэльтруда удалилась в каюту. Джубал сидел на квартердеке, положив вытянутую руку на гакаборт. Через некоторое время пленница вышла из каюты и поднялась на квартердек. Бросив быстрый взгляд на Джубала, она обратила лицо к нагромождению высоких кучевых облаков, темневших на фоне нижней каймы Ская. Все еще в вечернем платье и бледно-голубых туфельках, девушка знала, что производит на палубе нелепое впечатление, но каким-то образом умудрялась сохранять достоинство.

Джубал подумал о Сьюне — о предательнице, обманщице Сью-не, соблазнявшей его, чтобы помочь любовнику. Каким дураком она его считала! Джубал задумчиво изучал изящную фигуру Ми-

эльтруды: нет ли какой-то связи между женской привлекательностью и двоедушием?

Связь, несомненно, существовала. По словам самой Миэльтру-ды — если ее словам можно было верить — она уже обманывала Рамуса Имфа.

Казалось, пленница чувствовала давление взгляда Джубала. Она обернулась: «Я хотела бы знать, в каком положении буду находиться».

Джубал надолго задумался, хотя этот же вопрос занимал его мысли все утро: «Можно ли верить вашим объяснениям? Вот в чем вопрос».

«Я не привыкла к тому, чтобы в моих словах сомневались!»

«Пока вы не вернетесь домой, вам придется привыкнуть к самым разным вещам».

Теперь от холодного тона Миэльтруды положительно веяло морозом: «Таким образом, я нахожусь в заключении?»

«Нет, — отозвался Джубал, — не совсем».

«Вы согласны отменить свой ордер?»

«Э-э… нет. Пожалуй, что нет».

«Вы не имеете права меня задерживать, если обвинение недействительно!»

«Ваш отец не имел права подвергать мою жизнь неоправданному риску. Виноваты вы или нет, с вашей помощью мне удалось его наказать

и тем самым восстановить справедливость».

«Даже если мой отец вас чем-то обидел, почему я должна быть козлом отпущения?»

«Козой отпущения… Гм. Видите ли, в Тэйри ваш отец почти всемогущ — у меня просто не было другого средства оказать на него давление».

«Другими словами, я — ваша заложница».

«Я вас задержал, я заставил вас подняться на борт этого судна. Я обязан доставить вас домой в целости и сохранности».

«Тогда поверните обратно и немедленно доставьте меня домой!»

«Вы хотите упустить Рамуса? Представьте, как разгневается ваш батюшка!»

Миэльтруда раздраженно отвернулась.

Близился вечер, Мора спускалась к горизонту. За час до заката с запада приблизилась стая крепостных рыб. Шрак сбросил чехол с судовой пушки и развернул орудие.

Одно из чудовищ проплыло метрах в тридцати от «Кланша» — его спинные башни, каждая с глазом и гарпуном, возвышались на два метра над планширом фелуки.

Крепостная рыба медленно обогнула судно, внимательно изучая независимо вращающимися глазами стоявшие на борту фигуры, после

чего раздраженно, с плеском повернула прочь и присоединилась к удалявшейся стае.

Миэльтруда замерла на квартердеке, глядя в море. Джубал впервые заметил на ее лице оживление: интерес, ужас и — когда гигантская тварь решила плыть по своим делам — гримасу облегчения. Девушка спросила капитана: «Они нападают на суда?»

«Достаточно часто. Щупальце вытягивается на двадцать пять метров, протыкает человека гарпуном и резко сокращается. Еще немного, и пришлось бы пустить ее ко дну».

Визродская барышня соблаговолила торжественно обозреть морской горизонт: «Вам ежедневно приходится иметь дело с опасностями?»

«Того, кто всегда начеку, опасности не застают врасплох. Впрочем, у Дохобейских берегов беда может настигнуть любого, зарекаться не стану».

«Зачем же плавать в Дохобей?»

Шрак пожал плечами: «Плавая вокруг света, никогда не знаешь, в какой порт придется зайти. Да и выгодное это дело — в До-хобее хорошо платят за привозной товар. Главное не попадаться на глаза пиратам и держаться в стороне от рифов и подводных скал, не забывая про Скай — приливы там такие, что суда разбиваются в щепки».

Разглядывая волны, Миэльтруда неодобрительно хмурилась: «И вам не скучно плавать в одиночку?»

Моряк покачал головой: «Мировая скорбь[36] страшнее скуки. Человек стареет, океан не меняется. Бывает, плывет мимо корабль, а на борту никого. Кто-то думал, думал — и додумался».

«А вас мировая скорбь тоже мучает?»

«Только не в этом плавании!»

Миэльтруда покосилась на Джубала, но не высказала никаких замечаний. Помолчав, она указала рукой на горизонт: «Другой корабль уже исчез. Как вы за ним поспеете?»

«Торквассо взял курс на Земнокаменную Заводь. Мы идем туда же».

«Там можно посмотреть на ваэлей?»

«Если повезет. Они не любят показываться без повода».

«Говорят, неискупимость завела их в лабиринт диковинных заблуждений — они не выходят из леса, поклоняются деревьям… Говорят, их Великое Божество — бессмертное дерево, уходящее корнями во тьму времен».

«В баснях много правды. Каждый ваэль ухажи-

---

[36] notes: 36

Приблизительный перевод понятия «анхе», означающего острое ощущение тщетности бытия, приводящее к подавленности и отчаянию.

вает за рощей де-ревьев-джиннов, посвящает им всю жизнь. Так же, как Тэйри, Уэл-лас страдает от перенаселения. Ваэлей немного, но джиннов невероятное количество. Они растут повсюду, ни на что другое просто не остается места. Ваэлям, само собой, приходится туго».

«Вы верите, что ваэли — помесь людей Ойкумены и джанов?»

«Чего не знаю, того не знаю. Иногда кажется, что они, скорее, породнились с деревьями. Один национал как-то изнасиловал ва-эльскую девушку — так мне рассказывали. Вскоре после этого он

покрылся зеленым мхом. Мох расцвел черными цветами, и он умер».

«А что стало с цветами? Появились какие-нибудь плоды или семена?»

«Никто не видел. Его фелуку пустили ко дну посреди океана».

«Кто живет у Земнокаменной Заводи?»

«Там что-то вроде городка — склады для менового товара, верфи вдоль берега. Ну, и конечно же, знаменитый кабак «Море по колено»».

«Туда плывет Рамус Имф?»

«Похоже на то».

«Что ему нужно в Уэлласе?»

«Может быть, он хочет купить фелуку?»

«Вряд ли».

«Больше там нечего делать. Ваэли не позволяют приезжим покидать городок у заводи».

«Странно, все это очень странно… Иногда мне кажется, что я сплю».

Мора заходила среди великолепия ярких темно-красных, вишневых и темно-синих тонов. Под конец она блеснула лучами оттенка шачана — соцветия, служившего джанам-ткачам источником чуть красноватой фиолетовой краски.

Понимая, что упрямый Джубал никогда не станет прислуживать Миэльтруде, а Миэльтруда скорее умрет с голоду, нежели потрудится себя накормить (о том, чтобы она готовила пищу для других, не могло быть и речи), Шрак философски направился в кубрик и приготовил рагу из тушеного мяса с травами. Спутники поужинали под светом фонаря на средней палубе, запивая мягким зеленым вином.

Ветер затих — «Кланш» тихо плыл вперед, движимый струями электреактов. На линии горизонта появилось мерцание мачтового огня «Фарверля». Шрак выключил питание, и «Кланш» превратился в бесшумную тень на волнах, озаренных призрачными лучами Ская. Ворча себе

под нос, Джубал убрал и вымыл посуду. Когда он выбрался из кубрика, Миэльтруда сидела на скамье у гакаборта с бокалом вина в руке. Шрак стоял, прислонившись к нактоузу. Джубал налил себе кружку вина и разлегся на палубе.

Шрак рассказывал о жизни моряка-торговца: «По крайней мере, мне не тесно — а к безбрежным горизонтам человек привыкает. Плавать по океану не так скучно, как может показаться. Наоборот, я сказал бы, что жизнь на волнах разнообразна, временами потрясающе разнообразна — потом неделями руки трясутся. Как можно сравнить, к примеру, Джоргозо во льдах моря Заморозков со знойным Лингом, столицей Большого Морка? Или с тем же Визродом? К тому времени, когда фелука выходит из теснин пролива Тротго, уже начинаешь с тоской вспоминать о безмятежной беседе в таверне с видом на Тенистерле. Темные дела, однако, творятся в Визро-де! Хуже, чем в Лахарго на Навлусском мысу. Неприятные открытия отрезвляют после самой беспечной выпивки. Не так давно, например, я обнаружил на пляже под Парадной набережной двух наемных убийц, собиравшихся хладнокровно пытать и прикончить Джубала Дроуда на основании незаконно оформленного и никем не опротестованного

судебного приказа».

Рука Миэльтруды, державшая бокал, раздраженно дрогнула, но девушка ничего не сказала.

Шрак продолжал: «Два месяца в Визроде — более чем достаточно. Человеку со стороны не дано познать радости визродских интриг и заговоров. По сравнению с тариотами даже ваэли простодушны, как дети. Если я засиживаюсь в Тэйри, меня начинают одолевать мысли о бескрайних морях под облаками в бескрайнем небе, о зловещем штиле в сумерках затмения, о вершинах Беспечных островов, выглядывающих из-за горизонта. Даже в дохобейских салунах что-то есть, что-то неповторимое, вызывающее тоску в памяти. И снова я протискиваюсь через приливные шлюзы, и снова плыву на запад, всегда на запад. Кругосветное плавание под парусами утомительно — недаром наш океан зовут Пространным. Но по пути встречаются знакомые места и старые друзья. С каждой встречей старые друзья становятся старше, а знакомые места становятся немного чужими. Или, может быть, это я становлюсь чужим. Но опять я выхожу в море, бодро дует ветер, змеи-паруса плещутся высоко под солнцем, фелука взлетает и скатывается по склонам океанской зыби — я забываю бессонные

ночи, омраченные светом Ская, я забываю даже Джоргозо во льдах моря Заморозков».

Миэльтруда капризно повела плечами: «Каждому свое. Никогда не отправилась бы в открытый океан по собственной воле».

«Скажите спасибо Джубалу Дроуду, — ухмыльнулся капитан. — Благодаря его смекалке и предприимчивости у вас есть возможность узнать много нового и поучительного».

«Благодаря его невероятной наглости и самонадеянности! У Джубала Дроуда нет чувства меры».

Глава 16

Сменялись сутки — восходы, полудни, закаты, ночи, озаренные фазами Ская, и ночи непроглядного мрака, подчеркнутого бледной полосой Зангвильского Рифа в свободном черном небе. «Фарверль» давно исчез за горизонтом и больше не появлялся. Шрака это обстоятельство нисколько не беспокоило — Джубалу оставалось только положиться на суждение капитана и допустить, что Рамус Имф мог направляться только в Земнокаменную Заводь. Миэльтру-да надменно, не произнеся ни слова, приняла от Шрака пару коротких бриджей и тельняшку, и теперь ходила по палубе босиком. С Джубалом она не разговаривала, но, когда ей становилось скучно, снисходила до беседы с капитаном.

Каждый день, пока Мора стояла в зените, Шрак отмечал на карте следующую точку линии, соединявшей Визрод с Земнокаменной Заводью. Каждый раз отношение длины оставшегося пути к пройденному расстоянию уменьшалось, и однажды рано утром на севере показалась наконец темная полоса — берег Уэлласа.

Мало-помалу на фоне утреннего неба выросли

высокие, сплошь поросшие лесом холмы. Других парусов на море не было. Единственным признаком присутствия людей на берегу служило сероватое перо стелившегося над водой дыма. Шрак указал на пару продолговатых мысов и протянувшуюся между ними цепочку каменистых островков: «Земнокаменная Заводь. Судоходный канал между островами называют Пучиницей. Мола в заводи нет, попасть в нее можно только с приливом. Двинемся вперед, когда вода начнет прибывать».

«Я думала, здесь будет город», — пожаловалась Миэльтруда.

«Поселок дальше, за мысом, где начинаются верфи. Дым поднимается от вечного огня под клееварочным котлом — он никогда не гаснет».

«Не вижу «Фарверль»».

«Фелука в заводи, на причале».

«Что, если Рамус Имф передумал и отправился куда-нибудь еще?»

«Через час узнаем».

«Кланш» приблизился к Пучинице. Поднимающийся прилив заполнил гавань, но между скалистыми островками еще струились и пенились вихри сильных течений. Шрак опустил паруса-змеи и, осторожно лавируя между сторо-

жевыми утесами, завел судно в округлую, теперь уже спокойную заводь темно-синей воды, местами пестревшую зелеными пятнами подводных отмелей. За пляжем начинался Земнокаменный поселок, дальше виднелись верфи, где возвышались остовы и корпуса строившихся судов. В глубоководной части заводи от берега отходил длинный плавучий причал. Два судна стояли на якоре, третье замерло у причала. Шрак указал на третье судно: ««Фарверль»».

Джу бал рассмотрел фелуку Рамуса в макроскоп: «На борту никого».

«Торквассо, само собой, уже в кабаке. Хлев посреди пляжа — это и есть «Море по колено». Что касается Рамуса Имфа, он, наверное, тоже выпивает. Больше здесь нечего делать. Не знаю, куда он торопился».

«И правда, что ему понадобилось в такой глуши? — пробормотала Миэльтруда. — Непонятно. Какая-то ошибка».

«А зачем ему понадобился мыс Стрещения? — вызывающе спросил Джубал. — Зачем ему понадобилось летать в Кийяш на планете Эйзельбар? Так или иначе, будьте добры, держитесь подальше, чтобы Рамус вас не узнал».

Миэльтруда недовольно отошла в тень под

квартердеком.

«Кланш» приблизился к причалу — высокому сооружению из бревен, порожних цистерн и швартовных бочек, перевязанных тросами.

«Кланш» прикоснулся к бочкам — Джубал вскочил на причал и привязал швартовы. Ваэли, чинившие сети на берегу и переворачивавшие водоросли на сушильных рамах, взглянули на новоприбывших без всякого любопытства и вернулись к своим занятиям. Гибкие люди с бледной коричневатой кожей и мясистыми плоскими лицами, они не выделялись ни ростом, ни особенным телосложением, но кожа их то и дело отливала характерным для джанов метал-лически-зеленым глянцем. Голову каждого ваэля украшала небольшая копна жестких черных волос, а одежду туземцам заменяли разноцветные полотнища, плотно обернутые вокруг бедер.

Миэльтруде стало скучно стоять в тени. Она начала подниматься по трапу на квартердек, но Джубал остановил ее: «Одну минуту!»

Из каюты на корме он принес полосатый красно-синий шарф и намотал его девушке на голову, пряча под шарфом ее локоны. Ухмыляясь, он оглядел ее с головы, увенчанной красно-синим тюрбаном, до босых ног в выцветших моряцких

бриджах: «Теперь вас никто не узнает».

Миэльтруда холодно спросила: «Моя внешность настолько смехотворна?»

«Достаточно забавна для того, чтобы Рамус Имф, даже если он пройдет мимо по причалу, никогда не подумал, что встретил в заморских краях дочь Нэя Д'Эвера».

Миэльтруда презрительно фыркнула: «Лучше сами поостерегитесь — вас-то он узнает».

«Сомневаюсь. Рамус, как правило, не замечает окружающих. Тем не менее, рисковать не стоит».

Джубал вернулся в кормовую каюту. Миэльтруда обратилась к капитану: «А вам зачем ввязываться в эту историю?»

«Строго говоря, меня она не касается, — согласился Шрак. — Но если кому-то предстоит потерять арендную плату, предпочитаю, чтобы в убытке оказался Торквассо, а не я».

«Так что вы сойдете на берег?»

«Какой национал, оказавшись в Заводи, не заберется в «Море по колено»? Там уже заседает Торквассо, а с ним и Рамус Имф, надо полагать».

Джубал вышел на палубу в мешковатых серых бриджах и выцветшей розовой блузе, низко натянув на лоб серый колпак с помпоном. Он напоминал мрачного молодого головореза со-

мнительного происхождения. Шрак смерил его взглядом, не высказав никаких замечаний, и взобрался на причал. Джубал последовал за ним. Осмотревшись по сторонам, капитан прокричал Миэльтруде, сложив ладони рупором: «Поглядывайте на швартовы, когда начнется отлив! Если туго натянутся, стравите петлю-другую!»

Миэльтруда раздосадованно отвернулась. Вот как! Сами отправились пьянствовать, а ее оставили заниматься черной работой на судне, как какого-то юнгу! За кого ее принимают? Девушка обиженно посмотрела на спины двух мужчин, быстро шагавших по плавучим цистернам, после чего забралась на квартердек, откуда можно было обозревать все побережье. Джубал и Шрак направились к длинному приземистому строению за раскидистым деревом, бросавшим одинокую тень на песчаный пляж. Они задержались, чтобы посовещаться, обернулись в сторону «Кланша». Миэльтруда притворилась, что любуется заводью. Когда она снова взглянула на берег, Джубал и Шрак уже зашли в «Море по колено».

Нахмурившись, Миэльтруда присела на скамью у гакаборта. С ее точки зрения обстоятельства складывались более чем неудовлетворительно. Ее тюремщики почему-то считали, что она будет

смирно и послушно оставаться на борту, хотя ее ничто не связывало — она могла действовать по своему усмотрению. Никто ее ни о чем не предупреждал и не заставлял давать обещания. Она не соглашалась ни на какие условия. Она могла сойти на берег и попросить убежища у ваэльских управляющих верфями. Она могла прибегнуть к помощи Рамуса Имфа — или даже отдать швартовы, переплыть океан в одиночку и вернуться в Тэйри!

Рассмотрев имеющиеся возможности, Миэльтруда решила, что все они достаточно непривлекательны. Раздраженно прислонившись спиной к гакаборту и вытянув ноги, она приняла позу, которую еще две недели тому назад сочла бы совершенно непозволительной. Напялив вульгарное тряпье и проведя две недели в компании вульгарных бродяг, она могла себе позволить такую вульгарность!

Краем глаза Миэльтруда наблюдала, однако, за кабаком. Намерения Джубала Дроуда ее не интересовали, но она надеялась, что ни один из ее спутников не попадет в гибельную западню. Шрак ей, пожалуй, нравился — несмотря на грубость манер, он умел не унижать ее достоинство. Даже Джубала она научилась как-то переносить.

Представив себе, что Джубала или Шрака могут убить или искалечить, Миэльтруда почувствовала странный щемящий укол в груди. Насилие представлялось почти неизбежным. Она хорошо знала Рамуса Имфа — человека безжалостного и опрометчивого, не забывавшего обид. Возможность уничтожить Джубала Дроуда вызовет у него приступ мстительной радости…

Вспомнив о Рамусе, Миэльтруда с отвращением подернула плечами. Хитроумные интриги ее отца временами становились запутанными до нелепости и даже циничными. В частности, помолвка с Рамусом была исключительно каверзной и циничной проделкой. Рамус Имф, изворотливостью не уступавший Нэю Д'Эверу, всячески старался использовать ситуацию в свою пользу — и в то же время даже не подумал прервать скандальную связь с непристойной, отвратительной Сьюной. Каждый тянул Миэльтруду то в одну, то в другую сторону, дергая за ниточки, как тряпичную куклу, заставляя притворяться и лицемерить — неудивительно, что подруги считали ее прихотливой и чудаковатой. Что бы они сказали, увидев ее на борту «Кланша» в Земнокаменной Заводи? Представив себе изумленно-оскорбленные физиономии визродских

модниц, Миэльтруда горько улыбнулась.

Шло время. Начинался отлив — причал опускался, влажные бревна скрипели. Швартовы не требовали внимания, так как фелука опускалась вместе с причалом, но Миэльтруда все равно их слегка ослабила, просто от скуки. Почему Джубал и Шрак не взяли ее с собой в «Море по колено»? Конечно, ее незамысловатый наряд мог не обмануть Рамуса Имфа — хотя Рамус, несомненно, меньше всего ожидал встретить в портовом кабаке Миэльтруду Д'Эвер.

В конце концов Джубал и Шрак вышли из кабака. Медленно прогулявшись к трапу, ведущему на причал, они остановились, оживленно разговаривая. Между ними явно возникло разногласие. Джубал настаивал на своем, Шрак неохотно уступил. Они разошлись — Джубал пошел дальше по берегу, а моряк направился по причалу к фелуке. Подойдя к «Кланшу», Шрак бегло осмотрел швартовы и спрыгнул на палубу.

Миэльтруда не могла сдерживать любопытство. Перегнувшись через ограждение квартердека, она спросила: «Вы нашли Рамуса?»

«Нет, по сути дела не нашли».

«А куда ушел Джубал Дроуд?»

«Пустился в безумное предприятие».

«У него положительная склонность к безумным предприятиям. Что он затеял на этот раз?»

«Позвольте мне сперва чем-нибудь перекусить — в «Море по колено» подают пальмовый пунш, вызывающий в желудке возмущение, грозящее революцией».

Захватив в кубрике хлеб и колбасу, капитан устроился на крышке трюмного люка: «Мы зашли в кабак, готовые ко всему, но внутри оказался только Торквассо. Рамуса там не было. Мы подсели к Торквассо, стали болтать. Торквассо полностью разочарован плаванием. Рамус Имф, по его мнению, невыносимый пассажир. Он зафрахтовал «Фарверль» за минимальную плату, а потом приказал погрузить на борт целый запас изысканных лакомств и вин исключительно для себя. По утрам он молчал и огрызался, но со временем, опорожнив бутыль-другую, становился разговорчив, призывал Торквассо к прилежности и преданности и сулил ему чин адмирала неслыханной флотилии, какой еще не было в истории океанской нации. Торквассо неизменно заявлял, что его вполне удовлетворяет «Фарверль», чем вызывал со стороны Рамуса изобретательные насмешки.

Когда они прибыли в Заводь, Рамус договорил-

ся встретиться в кабаке с главным управляющим местными верфями.

Торквассо зашел в «Море по колено», чтобы промочить горло, и видел, как Рамус спорил с управляющим за столом, отделенным перегородкой от общего зала. Рамус сначала предлагал, потом настаивал, потом уговаривал и, наконец, чем-то пригрозил. Это заставило управляющего пойти на какую-то уступку — Рамус воспринял ее, как должное, даже спасибо не сказал. После этого Рамус подозвал к себе Торквассо и сказал: «Здесь закончить дела мне не удастся. Управляющий не имеет достаточных полномочий. Придется ехать в место, называемое Дуррури. Вернусь через четыре дня — будьте готовы отплыть с приливом». Рамус сразу же куда-то ушел с управляющим, а Торквассо до сих пор торчит в «Море по

колено», насасывается пуншем и возобновляет знакомство с кабацкими девками».

«Где Джубал Дроуд?»

«Пошел расспросить управляющего верфями».

«И что дальше?»

«Насколько я понимаю, будем ждать возвращения Рамуса».

«Четыре дня? Что тут делать четыре дня? Я устала глядеть на починку сетей и сушку водо-

рослей!»

«В Заводи можно кое-чем развлечься, — возразил Шрак. — Если пойти вверх по улице от причала, можно выторговать на рынке аметист, сухие духи или заколдованные шлепанцы по сходной цене. Прогуливаясь за окраиной, иногда можно подсмотреть за ва-элем, танцующим в роще — волшебное зрелище при свете Ская! Сходите, полюбуйтесь на верфи. Там каждую планку отделывают вручную в строгом соответствии с воображаемыми чертежами, заученными наизусть. Обшивку приваривают к остову судна маэй-сом, «эссенцией жизни». Маэйс хранят в бутылях черного стекла. Что такое маэйс? Кроме ваэлей, никто не знает. Когда ваэли проклинают фелуку, маэйс теряет клеящую силу посреди океана, обшивка и палуба превращаются в беспорядочную груду планок, а остов идет ко дну».

«Своевольная раса. В Визроде много рассказывают об их суевериях».

«На Маске нет народа, подобного ваэлям. Попробуйте спросить их что-нибудь о маэйсе. Услышите искренние, торжественные заявления, но ровным счетом ничего не узнаете. Принимая гостей, они согласны ухаживать за ними, как за детьми, расчесывать им волосы, потакать их при-

хотям. Если приезжий обижает кого-то из ваэлей или причиняет ему боль, они поют странные тихие гимны и оставляют гостя в замешательстве. Но выпытывать у ваэлей правду — все равно, что заставлять реку повернуть вспять».

Миэльтруда смотрела вдаль, на лесистые холмы за Земнокаменным поселком: «И Рамус Имф надеется заключить сделку с таким причудливым, неуступчивым племенем?»

«Не могу ничего сказать, потому что ничего не знаю о характере сделки. Ваэли влачат полуголодное существование — на всех участках с плодородной почвой они высаживают священные дере-вья-джинны. Так, по их мнению, должно быть. Но у голодных людей не хватает сил подолгу танцевать в рощах. Если Рамус Имф предложит им пищу по вкусу, его выслушают с интересом».

Девушка раздраженно пожала плечами: «Я не стремлюсь расстраивать планы Рамуса Имфа — нам обоим это принесло бы только унижение. Джубалу Дроуду нет дела до того, как его затея отразится на мне. Он наивен и надоедлив».

Моряк поднялся на ноги, взглянул на причал, поискал глазами на берегу. Джубала нигде не было.

«Так что мы теперь будем делать?» — упорствовала Миэльтру-да.

«Ждать».

Вечерело. Мора садилась за холмы в небе, оттенками напоминавшем спелую хурму и сливы. Кончился отлив, чуть было не осушивший Земнокаменную заводь, вода уже прибывала — Пучиница шумела, как горная речка.

Шрак начинал беспокоиться. Повернувшись к Миэльтруде, он язвительно произнес: «Если Джубал Дроуд вознамерился осушить все пуншевые котлы в «Море по колено» и утешить всех истомленных одиночеством потаскух, почему бы мне к нему не присоединиться? Работы хватит на двоих».

Миэльтруда воскликнула: «Опять вы меня здесь оставите на растерзание лоботрясам! Мне скучно, я не хочу сидеть одна в каюте!»

Шрак искоса смерил ее оценивающим взглядом: «Не считая Торквассо, лоботрясов в Земнокаменной Заводи нет. Но если уж вам так неймется, идите со мной — здесь фелуку никто не украдет. Торопитесь, скоро стемнеет».

«Я готова».

Как только они взобрались с палубы на причал, им встретился уже подходивший юный ваэль в

красной головной повязке, украшенной двумя кисточками того же цвета, и в белом набедренном полотнище, напоминавшем юбку: «У меня сообщение для Шрака, капитана фелуки «Кланш»».

Шрак взял записку и поднял ее так, чтобы бумагу осветили тускнеющие лучи заката. Прочитав сообщение, он отдал записку Миэльтруде, с нарочито безразличным видом пробежавшей строки глазами. В записке говорилось:

«Я разгадал планы Рамуса Имфа. Исчадие зла! Он хуже, чем вы могли себе представить. Еду в Дуррури, чтобы остановить его прежде, чем он получит убежище в Уэлласе».

Шрак спросил посыльного: «Когда тебе передали записку?»

«Днем».

«Почему ты не принес ее раньше?»

Юнец уже отходил шаг за шагом, почтительно, но рассеянно — в мыслях у него был сумеречный морской ветер: «Все, что нужно, было сделано».

«Где человек, передавший сообщение?»

«В пути. Его ждут в Дуррури — у нас это так называют».

«Где это, Дуррури?»

«За холмами, по ту сторону Оборощи».

«Ты можешь меня туда отвезти?»

«Не успеем, слишком далеко».

Удаляясь по причалу, юнец с улыбкой обернулся через плечо. Постепенно ускоряя шаги, он пустился бегом вприпрыжку, будто подстегиваемый безудержным торжеством, и скрылся в сумерках.

Шрак проворчал: «В любом случае придется зайти в «Море по колено»».

Глава 17

Джу бал ехал в старинном скипе — таких в Тэйри давно уже не делали. Скип, направляемый и движимый какой-то незаметной системой, летел в глубокой тишине над самой лесной подстилкой. Листва над головой то заслоняла, то обнажала громадный полумесяц Ская. Время от времени то справа, то слева появлялись и исчезали колеблющиеся огни. Как-то раз между стволами проскользнула удаляющаяся фигура одинокого танцора.

Джубал откинулся на подушки. Он задремал, потом проснулся, с удивлением глядя на плывущие над ним кроны деревьев. Скай сиял высоко в небе. Джубал снова заснул. Проснувшись второй раз, он обнаружил, что небо уже сереет на востоке. На носу скипа, лицом к Джубалу, сидел по-турецки человек в белой головной повязке с тремя кисточками. Джубал приподнялся на локте. Человек тихо сказал: «Предстоит важное дело».

«Да, — ответил Джубал, — согласен».

«Ты не боишься?»

«Чего?»

«Заниматься важными делами».

Джубал поморгал, проверяя, не спит ли он: «У меня есть определенные опасения, это невозможно отрицать».

«Видишь ли, скоро состоится суд».

«Кого будут судить?»

«Тебя».

Джубал сел, провел пальцами по лбу: «Меня? Я не сделал ничего плохого».

«Не будь так уверен. В Дуррури громкие слова ничего не значат».

«Постараюсь не забыть ваш совет, — сухо отозвался Джубал. — Когда мы прибудем в Дуррури?»

«Сегодня, позже. Соберется конклав. К твоему делу мы относимся серьезно».

«Почему бы вы отнеслись к нему легкомысленно? Дело нешуточное».

«Что ты знаешь о серьезности? — с презрительным добродушием обронил ваэль. — Пришлые причиняют боль. Смотри, как скручиваются листья, когда мы пролетаем мимо. Смотри, как отшатываются ветви. Твой ум распространяет обжигающие — поджигательские — помыслы. Ты летишь сквозь Оборощу, словно огненный метеор».

Джубал вгляделся в лицо собеседника, подозревая, что тот спятил. Круглые глаза на круглом морщинистом лице, тусклые, как галька, безмятежно созерцали его из-под белой повязки с тремя кисточками.

«Даже когда я сплю?» — спросил Джубал.

«Во сне и наяву — научись сдерживать мысли, чтобы джинны не боялись пожара».

Джубал решил вести себя вежливо и не противоречить, чтобы не раздражать непредсказуемого спутника: «Я не прочь научиться сдерживать мысли — но мне, скорее всего, больше не придется ездить в Дуррури».

«Если в твоем сердце останется ложь, ты никогда не покинешь Дуррури».

Джубал уселся поудобнее, взглянул на восходящее солнце: «Я не намерен никого обманывать».

Молчание. Джубал огляделся — собеседник исчез. Джубал поднялся на колени, заглянул за борт. Скип летел метрах в шестисеми над землей. Горизонтальные полосы бледно-фиолетового солнечного света пробивались между стволами. Джубал никого не видел ни снизу, ни сверху… Загадочное обстоятельство. Игра воображения? Джубал вернулся на сиденье. Он не любил такие шутки, особенно когда еще толком не проснулся.

Мора поднималась по небосклону. Джубал позавтракал выданными ему сушеными фруктами, запивая сладким вином из тыквенной бутыли. Скип тихо летел на север, часто поворачивая и описывая дуги вдоль излучин лесного туннеля. Вокруг в очевидном беспорядке росли деревья-джинны. Время от времени Джубал замечал ориентировочную веху или столб, покрытый резным орнаментом. Иногда между деревьями было видно ваэлей, круживших среди стволов, жестикулировавших, прибиравших что-то на земле, совершавших омовения деревьев жидкостью из фарфоровых чаш.

Скип пролетел над прогалиной. Обернувшись, Джубал снова увидел человека в головной повязке с тремя кисточками, сидевшего на носу.

«Хотел бы я знать, как вы это делаете», — заметил Джубал.

«Тебе такое знание не пригодилось бы. Каждое мгновение происходит миллион событий, ускользающих от твоего сознания. Ты сомневаешься в моих словах?»

«Как я могу с вами спорить? — обиделся Джубал. — Я знаю только то, что могу узнать. Чего я не могу узнать, того я не знаю».

«Но ты хочешь узнать?»

«Узнать — что?»

«Неправильно поставленный вопрос. «Что» узнаёт каждый человек, он придумывает сам и вопреки себе. Можно узнать, «как». Иногда некоторые начинают догадываться, «почему». «Что» — всего лишь качество, отличающее тебя от Рамуса Имфа».

«Я совершенно вас не понимаю. Боюсь, меня чем-то опоили — или, может быть, я рехнулся?»

Человек на носу скипа безразлично отмахнулся: «Твое беспокойство легкоустранимо. Космос неоднороден. Множество различных сред занимают одно пространство. «Что», «как» и «почему» различны и неповторимы в каждой из сред. Все, что можно узнать в Уэлласе, ограничено нашей средой. То, что для нас — действительность, наши соседи считают суеверием».

«По крайней мере теперь я понимаю, почему ваэли заслужили репутацию необычайного народа».

«И ты не одобряешь нашу необычайность?»

«Сдается мне, что вы развлекаетесь за мой счет, показывая фокусы и предлагая головоломки!»

«Тебя это не оскорбляет?»

«*Я* в замешательстве. Например, зачем танцевать вокруг деревьев?»

«Чтобы торжественной радости всегда было в избытке. Чтобы живые души джиннов преисполнились бодростью. Чтобы настоящее утверждалось, а не разрушалось, преобразуясь из прошлого в будущее».

«Тем не менее, чтобы танцевать, нужно что-то есть. Если все поля зарастут лесами, танцевать больше будет некому».

«Прошли безмятежные времена! — нараспев произнес человек на носу скипа. — Наступают перемены. Рамус Имф летит по Обо-роще, а ты, переполненный яростью, летишь за ним. Сегодня, до захода солнца, ты узнаешь свою судьбу».

Джубал нахмурился: «Кто вы?»

«Я — Миние».

«Что вам от меня нужно?»

Человек не ответил, и Джубал раздраженно отвернулся.

Когда он снова взглянул на нос скипа, человека там уже не было — как и ожидал Джубал.

Через лес, над прогалинами и зеркальными прудами летел беззвучный скип, потом по стране торчащих скал, вверх по сумрачной долине и, наконец, над обширным горным лугом. По небу бежали

облака, почти задевая за тесную группу утесов,

оставшихся от древней вулканической пробки.

Скип скользил над лугом — утесы высились над головой. Замедлившись, скип приземлился на поляне у рощи раскидистых деревьев с мощными стволами, по мнению Джубала напоминавших джинны, но относившихся к другой разновидности. Из глубины низкого каменного строения показался человек в белой головной повязке с тремя кисточками — Миние. С невозмутимостью спящего, допускающего любые причуды воображения, Джубал спустился на землю.

Миние знаком пригласил его внутрь: «Заходи, подкрепись».

Джубал вошел в тень под каменной крышей, часто моргая глазами, не привыкшими к полумраку. Миние подвел его к грубо сколоченному деревянному столу. На столе стояла миска с кашей.

«Ешь».

Джубал медленно пододвинул к столу табурет и уселся: «Где Рамус Имф?»

«Рядом, в месте, именуемом Зуль-Эрдур».

Джубал собрался было подняться, но Миние строго произнес: «Ешь! Помирись с собой. Приведи мысли в порядок. Под Сенью не сочувствуют злобствующим».

«Что делает Рамус Имф?»

«Объясняет, зачем явился в Уэллас».

Джубал отодвинул миску: «Как я могу опровергнуть то, чего не знаю? *Я* должен слышать его слова собственными ушами!» Он поднялся на ноги: «Дайте мне ваэльскую одежду и головную повязку, чтобы Рамус меня не узнал. Иначе он откажется говорить».

«Повязка и мантия — на крючке».

Джубал завернулся в мантию, надел головную повязку. Не удовлетворившись этим, он натер лицо грязью и пеплом из очага, чтобы выглядеть темнокожим. Миние поманил его: «Иди за мной».

Они поднялись по крутой тропе между утесами и оказались на верхнем, центральном лугу. В стороне росла дюжина гигантских деревьев. Туман, змейками струившийся с утесов, клубился в листве их вершин. Джубал остановился, как вкопанный. Таких деревьев он никогда еще не видел. Каждое поражало самодостаточностью бытия — исполинское создание, проникнутое мудростью времен, деспотическое, неумолимое. В тени деревьев стояла дюжина ва-элей, наблюдавших за чем-то, чего Джубал еще не мог разглядеть.

«Перед тобой Сень», — еле слышно произнес

Миние. Джубал не понял, о чем или о ком он говорил — о прохладной тени под деревьями, о ваэлях в тени или о самих деревьях? Может быть, обо всем вместе?

«Ты прибыл в Зуль-Эрдур, — продолжал Миние. — Перед тем, как ты его покинешь, свершится суд».

«Я здесь не для того, чтобы меня судили, — возразил Джубал. — Я пришел остановить Рамуса Имфа».

Миние знаком пригласил Джубала пройти под сень исполинских деревьев. Над щетиной горной луговой травы немного возвышалась отполированная временем площадка из маслянисто-плотного, как нефрит, серпентина. Здесь стоял Рамус Имф — рядом с массивным кряжистым стволом трехметрового диаметра.

Рамус был в черном костюме, в мягкой темно-зеленой шляпе с темно-красной вышивкой и черным пером. Он стоял, твердо выпрямившись, лицо его горело убеждением, голос самоуверенно звенел.

«Итак, вы уяснили себе сущность моего плана, — говорил Рамус. — На определенных участках вдоль побережья Уэлласа и еще в нескольких местах будут созданы торговые базы — то есть,

другими словами, привилегированные коммерческие анклавы надлежащих размеров, причем гарантируется, что такие анклавы никогда не будут располагаться на плодородных землях. В пределах отведенных ей участков Ассоциация возведет склады, подсобные мастерские и, в той мере, в какой это потребуется, жилые помещения для служащих, коммивояжеров и прочих лиц, время от времени совершающих поездки. В таких анклавах ваши товары и услуги будут обмениваться на продукты питания и дефицитные в Уэлласе предметы первой необходимости. В прошлом ваэли тщательно избегали контактов с чужеземцами, стремясь уберечь неповторимые учреждения и традиции Уэлласа от посторонних влияний. Я понимаю и уважаю такое стремление! От ваэлей не потребуется ничего, кроме пассивного сотрудничества. Мы будем помогать друг другу в атмосфере взаимовыгодного товарищества и доверия. Больше мне нечего сказать — будьте добры, утвердите или отвергните мой план». Вежливо поклонившись присутствующим, Рамус Имф отошел к краю каменной площадки и ждал. Джубала поразило его самообладание — неужели величественный покой и неизъяснимая странность Зуль-Эрдура не внушали Рамусу

благоговейного трепета или хотя бы почтения?

Миние стоял рядом с Рамусом у ствола Древнейшего дерева. Джубал вздрогнул от удивления — Миние только что был у него за спиной!

Миние сухо сказал: «Мы выслушали твои предложения с надеждой, ибо наши потребности велики. Заключив такой договор, ты мог бы не опасаться вероломства с нашей стороны — мы люди робкие и легко ранимые, не умеем притворяться и плохо приспосабливаемся к переменам. Поэтому, когда мы сравниваем добродетель и порок, наши суждения суровы. Беззащитность вынуждает нас принимать безжалостные, необратимые решения, исключающие всякую возможность катастрофы. Ты опытен и уверен в себе,

от тебя мы ожидаем искренности — здесь, под Сенью, в Зуль-Эр-дуре, нет места лицемерию».

«Именно так!» — спокойно улыбаясь, подтвердил Рамус Имф. Взглянув на гигантское дерево за спиной Миние, Рамус поднял голову и присмотрелся к большому наплыву на стволе, метрах в семи над землей. На какую-то долю секунды в глазах Рамуса появилось выражение тревожной растерянности. Проследив направление его взгляда, Джубал обнаружил в замысловато

искаженных извилинах коры некое подобие огромного человеческого лица. «Не может быть!» — подумал Джубал.

Рамус обратился к Миние тоном доброжелательного наставника: «К чему зловещие предостережения? Не разглагольствуя впустую и не обещая чудес, я просто-напросто представил предложения на ваше рассмотрение. Если вас они устраивают, утвердите их».

«Повторение слов не прибавляет им смысла», — ответил Миние. Он обвел присутствующих блуждающим взором: «Всем ясен характер предложенного договора?»

Чтобы заставить себя говорить, Джубалу потребовалось болезненное усилие: «Я хотел бы задать несколько вопросов».

Миние обратился к Рамусу: «Способен ли ты отвечать откровенно?»

«Разумеется! Спрашивайте!»

Миние повернулся к Джубалу — тот, будто влекомый против воли, подчинился беззвучному приказу и медленно подошел к основанию каменной площадки. Рамус Имф безучастно наблюдал за его приближением: «Задавайте любые вопросы».

«Вы просите разрешения начать коммерческие

операции в Уэл-ласе?»

«Совершенно верно».

«Где именно?»

«В нескольких местах на побережье и, возможно, еще кое-где внутри страны. Площадь каждого анклава не будет превышать десяти акров. Я обязуюсь не занимать пригодные к земледелию участки и не посягать на священные рощи джиннов. Но в пределах отведенных территорий мне должна быть предоставлена полная свобода действий».

«Что вы называете полной свободой действий?»

«Я смогу беспрепятственно руководить предприятиями, не опасаясь конфликтов и ограничений».

«Какого рода коммерческие операции вы намерены осуществлять?»

«Прежде всего я намерен торговать. Ваэлям нужны зерно и растительное масло, инструменты и аппаратура, ткани и волокно. В новых факториях эти товары будут обмениваться на изделия и услуги ваэлей. Взаимовыгодный процесс».

«Таким образом, вы будете заниматься исключительно торговлей?»

«Торговлей, скупкой, предоставлением услуг,

посредничеством — но только в пределах выделенных анклавов. Ничто не потревожит традиционный уклад жизни ваэлей, будет сделано все для того, чтобы постройки гармонировали с пейзажем. Это вполне согласуется с моими планами».

«Что еще вы собираетесь строить?»

Рамус Имф махнул рукой, будто отгоняя назойливую муху: «Любые необходимые сооружения. Склады, транспортные депо, надлежащие жилые помещения».

«Разве такое строительство, даже в ограниченных масштабах, не нанесет ущерб девственному величию пейзажей Уэлласа?»

«Какой-то ущерб неизбежен, невозможно отрицать, — согласился Рамус. — Но минимальный, я подчеркиваю — минимальный! Никаких архитектурных излишеств не предусмотрено».

«Как насчет персонала?»

«По возможности мы будем нанимать на работу ваэлей. Если ваэли не смогут предоставлять все необходимые услуги, естественно, придется привозить служащих, имеющих соответствующий опыт».

«Вы упомянули «надлежащие жилые помещения». Какие именно помещения имеются в

виду?»

Рамус Имф устремил задумчивый взор на горные луга Зуль-Эр-дура, потом с подозрением покосился на Джубала и быстро отвел глаза: «Жилые помещения — понятие, не требующее дополнительных разъяснений».

«Согласен. Но то, что представляется «надлежащим» мне, может оказаться недостаточным для вас. Вы собираетесь жить в палатке у стены склада?»

Рамус рассмеялся: «Ну что вы, в самом деле! И персоналу, и всем, кого мы будем обслуживать, будут предоставляться не только кров и пища, но и различные удобства, позволяющие отдыхать и вести полноценную жизнь».

«Кого вы будете обслуживать? Торговых агентов? Случайных посетителей? Любопытствующих, желающих познакомиться с достопримечательностями?»

«Всех, кто пожелает приехать — почему нет?»

«Вы согласны принимать гостей бесплатно? Щедрость может дорого обойтись».

Рамус Имф снова рассмеялся и покачал головой: «Я достаточно щедр, но не в такой степени! Нет, я собираюсь брать разумную плату за любые предоставляемые услуги».

«Значит, по существу, в каждом из выделенных «анклавов» вы намерены содержать гостиницу?»

«Можно выразиться и так, в самом широком смысле. Думаю, что вопрос исчерпан. У кого-нибудь еще есть вопросы? Если нет, я хотел бы…»

«Но я не закончил, — прервал его Джубал. — Было бы любопытно узнать, какого рода гостиницы будут строиться в Уэлласе».

«Не могу точно сказать, — развел руками Рамус. — Планы Ассоциации еще не разработаны настолько подробно».

«Я пытаюсь представить себе масштаб предполагаемых операций. Какова будет численность персонала на каждой из торговых баз?»

«На данном этапе ее невозможно оценить даже приблизительно».

«Где будут жить служащие-ваэли? Вы собираетесь нанимать приходящее местное население?»

«Надо полагать».

«Таким образом, в каждой гостинице будут постоянно находиться по меньшей мере несколько административных работников — скажем, шесть или восемь человек. Приемлемое допущение?»

Рамус Имф пожал плечами: «Я еще не делал расчетов».

«Сколько приезжих смогут останавливаться в

каждой гостинице? Двенадцать человек?»

«Что-то в этом роде».

«Но, конечно же, не больше восемнадцати?»

«Окончательные сметы еще не утверждены. Несомненно, лучше планировать помещения с запасом, так, чтобы не возникало неудобств, связанных с переполнением».

«Но вы согласны с тем, что на каждой базе не должно быть больше восемнадцати приезжих одновременно?»

«Не обязательно! — раздраженно сказал Рамус. — Предпочел бы предусмотреть все возможности».

«Значит, не исключено, что на одной базе могут оказаться больше восемнадцати приезжих?»

«Не исключено».

«Что, если посетить анклав пожелает группа из пятидесяти человек?»

Рамус Имф улыбнулся: «Теперь вы просто берете цифры с потолка!»

«Меня интересует, как далеко заходят ваши планы. Условия вашего предложения весьма неопределенны и позволяют свободно интерпретировать договор».

Рамус на мгновение задумался: «Могу сказать только одно: я неисправимый оптимист. Мне

свойственны широкие замыслы и далеко идущие планы».

«И все же вы намерены строить только самые необходимые сооружения».

«Конечно. Иногда, однако, широта представлений дает, в конечном счете, решающее преимущество».

«В любом случае, на какое количество приезжих будет рассчитана каждая гостиница?»

«Не могу точно сказать».

«Пятьдесят человек?»

«Возможно».

«Сто? Двести человек?»

«Говорить о сотнях приезжих преждевременно, — осторожно уклонился Рамус. — В первую очередь необходимо создать торговые базы как таковые».

«Но вы не исключаете в принципе возможности того, что в отдельной гостинице потребуется разместить не менее двухсот человек?»

«Повторяю: я оптимист, мечтатель! Я не исключаю никаких возможностей».

«Подумайте, однако. В настоящее время Уэллас посещают не более трех приезжих в месяц. Даже будучи неисправимым оптимистом, каким образом вы рассчитываете построить и содержать в

Уэлласе шесть или восемь больших отелей, если спрос полностью отсутствует?»

«Путешественники — непредсказуемая публика. Люди спешат посетить новые места, где есть подходящие удобства, достопримечательности, красивые пейзажи. И не забывайте: туристы приезжают и уезжают, а их золото остается!»

«Откуда, по-вашему, возьмется столько туристов? Кто станет приезжать? Жители Дохобея и Джанада не испытывают особой охоты к перемене мест. Даже любопытствующих тариотов столько не наберется».

Рамус Имф начинал терять терпение: «Вам не кажется, что мы отклонились от обсуждаемого вопроса?»

«Вопросу об источниках потенциального дохода необходимо уделить самое пристальное внимание. Если вы предпочитаете не разглашать эту информацию…»

«Я ничего не скрываю. Но предпочитаю не тратить время на обсуждение второстепенных деталей».

«У нас достаточно времени. Никто не выражает нетерпения, все мы заинтересованы именно в деталях вашего плана. Например, каким образом будут приезжать и уезжать сотни путешествен-

ников? На фелуках националов?»

Рамус устало улыбнулся: «Раз уж мы занялись обсуждением гипотетической ситуации — разумеется, нет».

«Раз уж мы обсуждаем гипотетическую ситуацию — кто, в конечном счете, будет заниматься перевозкой туристов?»

«Ну, например, флот первоклассных современных судов, специально оборудованных с этой целью. Что в этом невозможного?»

«Что в этом невозможного? — повторил Джубал. — А что на это скажут националы? Разве они не запретят вам пользоваться океанскими трассами?»

Рамус Имф презрительно усмехнулся: «Абсурдная претензия с их стороны! Кучка отсталых мореходов на парусных суденышках не должна контролировать мировой океан. Ассоциация этого не допустит».

«Ассоциация организована вами?»

«Да. У меня много влиятельных друзей».

«Ваши друзья заинтересованы в планируемых коммерческих операциях?»

«Весьма заинтересованы. Они предоставят необходимый капитал».

«Не могли бы вы назвать других участников

вашего синдиката?»

«Их имена вам ничего не скажут, — Рамусу явно не хотелось распространяться на эту тему, он дергал себя за пышный черный ус. — Ассоциация — энергичная группа предпринимателей с самыми серьезными намерениями, заверяю вас!»

«Я хотел бы больше узнать о вашем синдикате. Он базируется в Визроде?»

«Это коммерческая тайна, не подлежащая разглашению!»

Джубал с улыбкой покачал головой: «В сложившихся обстоятельствах никакую информацию, относящуюся к вашему проекту, нельзя считать секретной».

Неподвижное лицо Миние произнесло: «Под Сенью не должно быть тайн».

Рамус Имф взял себя в руки: «Как я уже сказал, мне нечего скрывать. Ассоциация базируется в Кийяше, на планете Эйзельбар. Ее участники — в высшей степени компетентные, опытные предприниматели, на этот счет не может быть никаких опасений. Эйзельбар ежегодно посещают миллионы туристов — их перевозка, их размещение в отелях и их развлечения организованы чрезвычайно эффективно».

«Эта информация заставляет взглянуть на ваше

предложение с новой точки зрения», — заметил Джубал.

«На самом деле она ничего не меняет, — возразил Рамус. — Все мы заинтересованы в получении прибыли. Методы эйзелей проверены на практике, они достаточно прибыльны».

«По всей видимости, вы не собираетесь ограничивать масштаб операций исключительно Уэлласом?»

«Вы совершенно правы. Дохобей — очень перспективная страна, а Беспечные острова, можно сказать, идеально подходят для внедрения нашей программы».

«И вы решительно намерены внедрять свою программу, несмотря на сопротивление океанских националов? Тариоты, разумеется, тоже заявят протест».

Рамус Имф безразлично пожал плечами: «Что они могут сделать? Располагая современным оружием, мы можем принудить националов к подчинению и заткнуть рот тариотам».

«Мы? О ком вы говорите — об Ассоциации, о пансайданийских байнадарах или о ком-то еще?»

Рамус Имф молча смотрел на Джубала. Он испугался.

Джубал продолжал засыпать его вопросами: «Каковы побуждения ваших союзников? Они вам известны?»

Рамус выпалил: «Ты не ваэль! Где я тебя видел?»

«На Верхней тропе в Маркативных горах. В Парларии. У сожженной цитадели Дроудов».

Миние, стоявший почти вплотную к стволу Древнейшего дерева, сказал: «В дальнейшем обсуждении нет необходимости». Он повернулся к Джубалу, инстинктивно отступившему на шаг: «Возвращайся в Земнокаменную Заводь. Плыви обратно в Тэйри. Там ты сделаешь то, что суждено сделать».

Джубал указал на Рамуса Имфа: «Что станет с ним?»

«Необходимо, чтобы он покинул Уэллас. Здесь ему расти нельзя. Никоим образом не препятствуй его отъезду».

Джубал отвернулся и побрел усталыми шагами по горному лугу. Там, где тропа начинала спускаться между утесами, он оглянулся. Миние стоял у Древнейшего дерева, рассматривая Рамуса Имфа, беззвучно шевелившего губами подобно человеку, произносящему речь под водой. Снова Джубалу почудилось, что он видит фантастиче-

ский сон. Где кончалась действительность, где начиналась галлюцинация? Дюжина мрачных фигур, молчавших под Сенью — где они? Их больше не было… Под Древнейшим деревом стоял Миние. Джубал взглянул на скрученные переплетения наплыва высоко на стволе, напоминавшие очертания человеческого лица, потом опустил глаза и сравнил их с чертами лица Миние. Медленно отвернувшись, Джубал начал спускаться по тропе, с трудом понимая, куда идет. Раздался приглушенный утесами хриплый возглас. Джубал остановился, прислушался — что это?

Возглас не повторился.

Глава 18

Горизонт опоясывала предрассветная фиолетовая полоса. На фоне утренней зари Скай казался огромным черным диском, негативным отражением еще невидимого солнца. Скип соскользнул в темную долину, напоенную ароматом увлажненных росой листьев, и прибыл к Земнокаменной Заводи как раз в тот момент, когда из-за горизонта блеснула Мора.

Здесь вставали рано — в кабаке «Море по колено» уже толпился народ. Джубал быстро прошел в общий зал, где ему подали горячий перечный отвар в высоком горшке. Выглянув в окно, он заметил, что вода в Земнокаменной Заводи стояла очень низко — кончался отлив. Перед пляжем обнажилась широкая блестящая полоса влажной глины, а в Пучинице дрожала спокойная, почти стоячая вода. «Кланш» бездействовал у причала. «Фарверля» в заводи не было.

Опрокинув горшок, Джубал допил бульон. Выйдя из кабака, он прошел по причалу к «Кланшу» и спрыгнул на палубу.

В первую очередь Джубал забрался в кубрик, заварил чай и подогрел котелок рагу. Вынеся

котелок на среднюю палубу, Джубал сел и в два счета расправился с горячим варевом. В дверях каюты полубака появился Шрак. Налив себе кружку чая, капитан присоединился к Джубалу, сидевшему на крышке люка: «Вернулся, значит».

«Где Торквассо?»

«Вчера отдал швартовы».

«Плохие новости, — упавшим голосом отозвался Джубал. — Когда мы сможем поднять паруса?»

«Прилив только начинается. Не раньше полудня».

Из большой кормовой каюты вышла заспанная, растрепанная Миэльтруда. Бросив долгий взгляд на Джубала, она спросила: «Где Рамус Имф?»

«За холмами».

Миэльтруда подошла и тоже присела на крышку люка: «Что случилось?»

«Это долгая история. И она еще не закончилась», — Джубал налил себе еще кружку чая и рассказал о происшедшем в Дуррури.

Миэльтруда тихо ужаснулась: «Что с ним сделают?»

«Подозреваю, что ничего хорошего».

Некоторое время трое сидели в молчании.

«Хочу отсюда уехать, — сказала Миэльтруда. — В Уэлласе мне страшно».

«Я тоже не прочь смыться, пока не случилось что-нибудь еще», — согласился Джубал.

«Что еще может случиться?»

«Не знаю».

«Придется ждать прилива. В полдень поднимем паруса», — пообещал Шрак.

Какое-то время они сидели и смотрели на бурный поток воды, прорывавшийся в заводь через Пучиницу. Постанывая и поскрипывая, причал поднимался с приливом — недовольно подергивая швартовы, поднимался и «Кланш».

Джубал, смотревший в сторону берега, с досадой застонал: «В полдень будет слишком поздно!»

Из Земнокаменного поселка к причалу медленно спускались четверо — управляющий верфями, Рамус Имф и пара ваэлей угрюмой наружности. Они взошли на причал. Рамус шел неуверенно, как оглушенный, с трудом переступая с цистерны на цистерну.

Все четверо остановились у «Кланша». Джубал сразу подбежал к борту, протестующе размахивая руками: «Это не наш пассажир! Уходите!»

«Он тариот. Ты тоже тариот. Забирай его в Визрод», — ваэли столкнули Рамуса на палубу «Кланша», где он продолжал стоять, непонимающе уставившись куда-то в сторону.

«Мы не несем за него ответственности! — бушевал Джубал. — Везите его сами!»

«В Уэлласе ему расти нельзя».

«Мы его к вам не привозили! Мы не хотим, чтобы он оставался на борту!»

Управляющий верфями задумчиво посмотрел на Джубала, потом смерил взглядом «Кланш» от носа до кормы: «Ваше судно построено в Земнокаменной Заводи и склеено добротным маэйсом».

«Верно», — кивнул внезапно помрачневший Шрак.

«Хотите ли вы, чтобы ваше плавание хорошо закончилось?»

«Что можно ответить на такой вопрос? Разумеется, хотим!»

«Тогда отвезите Рамуса Имфа в Визрод».

«С удовольствием сделаю вам такое одолжение», — грустно сказал Шрак.

«Хорошенько свяжите его, ему нельзя много двигаться. Будьте особенно осторожны, когда прорастут почки — он начнет волноваться».

Ваэли вернулись в Земнокаменный поселок. Рамус стоял, как прежде, уставившись непонятно куда. Шрак первый заставил себя сдвинуться с места. С форпика он принес гибкий металлический трос, обвязал двойными петлями шею и

талию Рамуса Имфа, а другой конец троса надежно прикрепил к мачте.

В полдень прилив достиг высшей отметки. «Кланш» вышел из Пучиницы под парусами и поплыл на юг через Пространный океан.

На второй день Рамус Имф пришел в себя. Сохраняя мертвое молчание, он осмотрелся и заметил стеснявшие его путы, вызвавшие у него замешательство и уныние. Глядя на Джубала, он постепенно узнал его, топнул ногой в приступе бессильной ярости. Когда из кормовой каюты появилась Миэльтруда, поднявшаяся на квартердек, он провожал ее глазами с изумлением, раскрыв рот. Но Рамус не сказал ни слова, не издал ни звука, будто полностью онемел. Проверив прочность металлического троса, он внимательно изучил хитроумное моряцкое крепление на мачте, после чего выпрямился и стал мрачно смотреть в горизонт. Шрак принес ему еду и питье. Рамус молча поглотил их. Не в силах преодолеть отвращение, Джубал оставался на квартердеке. Миэльтруда тоже замкнулась и молчала, игнорируя всех и каждого и проводя время на скамье у гакаборта.

На утро шестого дня Рамус стал беспокоиться. Он ходил на не-гнущихся ногах взад и вперед по крышке люка, насколько позволял трос, время от

времени останавливаясь, чтобы почесать ноги и грудь. На восьмой день Рамус сорвал с себя рубашку, чтобы рассмотреть сыпь мелких черных пятен, появившуюся у него на коже.

«Кланш» торопился на юг. Огромные ходовые паруса-змеи туго напряглись под попутным ветром. Миэльтруда либо запиралась в кормовой кабине, либо сидела, обхватив руками колени, на скамье у гакаборта. Она изредка обменивалась парой слов с капитаном, а с Джубалом вообще не разговаривала. Только спускаясь по сходному трапу с квартердека, она не могла не замечать Рамуса Имфа. Джубал ненавязчиво наблюдал за ней. Он никогда не понимал, чем вызывались внезапные перемены настроения Миэльтру-ды, а теперь она вела себя еще загадочнее.

На десятый день Рамус Имф пришел в возбуждение. Он размахивал руками, бил себя кулаками по голому животу и расцарапывал ноги в тех местах, где темные пятна превратились в шишечки, похожие на твердые бородавки. Шрак развел в вине обезболивающие таблетки и подал это зелье Рамусу вместе с обедом. На несколько часов Рамус почти успокоился. Тем не менее, в полночь, когда взошел Скай, он стал шипеть сквозь зубы. Глядя вниз с квартердека, Джубал и Шрак видели, как

Рамус с бессловесной мольбой протягивал руки к чудовищному бледному светилу.

На следующий день Рамус сорвал с себя всю оставшуюся одежду. Сквозь его кожу всюду пробивались почковидные узелки, отливавшие темно-зеленоватым металлическим глянцем. Шрак пытался снова дать ему обезболивающее средство, но обнаженный пленник стоял на крышке люка, игнорируя еду и питье. Под жаркими лучами солнца Рамус Имф застыл, тускло блестя неподвижными, ни на чем не сосредоточенными глазами.

Всю ночь на палубе царила тишина; с рассветом Рамус начал злобно, отчаянно хрипеть.

Взошла Мора, на палубу вышла Миэльтруда. Рамус Имф бешено рванулся к ней, как разъяренный зверь. Трос резко натянулся, Рамус упал спиной на палубу. Он тут же встал и выпрямился, очевидно не чувствуя боли. Миэльтруда поспешно вспорхнула по трапу на квартердек, после чего заставила себя оглянуться. Действительно, на Рамуса было тяжело смотреть. Волосы его выпадали, обнажая череп, бледная кожа приобрела пепельный зеленовато-серый оттенок, многочисленные почки превратились в черно-зеленые желуди. Миэльтруда потеряла самообладание — губы ее

задрожали и покривились, по щекам потекли слезы. Девушка резко отвернулась, подбежала к гакаборту и скорчилась на скамье, зажмурив глаза и вцепившись руками себе в волосы.

Джубал и Шрак совещались, бормоча вполголоса. Джубал убеждал капитана в том, что сбросить Рамуса за борт было бы не чем иным, как актом милосердия.

«Для него — да, но не для нас, — стоял на своем капитан. — Управляющий велел отвезти его в Визрод».

«Управляющий далеко».

«Вы забыли Миние и ваше ночное путешествие?»

«Как они могут растворить клей, находясь на таком расстоянии?»

«Если бы я знал, я стал бы великим диктатором океанской нации!» — отрезал Шрак.

Джубал тяжело вздохнул: «Визрод так Визрод. Еще далеко?»

«Два дня и две ночи».

Оба искоса наблюдали за Рамусом. Джубал спросил: «Вы верите своим глазам?»

«Еще бы! — отозвался Шрак. — Чему доверять, как не своим глазам?»

Следующим утром Рамус Имф стоял на крышке

люка, неподвижно выпрямившись. Его волосы полностью выпали, кожа на лысом черепе огрубела и сморщилась. Бросались в глаза и другие изменения. Нос Рамуса сплющился и раздался в стороны, глаза тонули в глубине твердеющих наростов на бровях и скулах. Некоторые почки вскрылись, обнажив волокнистые зеленые сердцевины.

Весь день прошел в молчании. Мора опустилась в океан за печальной вереницей облаков. Сгустились багрово-фиолетовые сумерки, наступила ночь. К отчаянно хрипящим вздохам Рамуса стали примешиваться странные дополнительные звуки — прерывистый писк и дрожащий тон, напоминавший флейту.

Миэльтруда вихрем выбежала из каюты, широко раскрыв глаза, и взлетела по трапу на квартердек, где плечом к плечу сидели Шрак и Джубал. Свет кормового фонаря резкими тенями подчеркивал ее впалые щеки и полуоткрытый рот. Она кричала: «Как вы можете! Он так страдает! Это ужасно, ужасно! Я сойду с ума от этих звуков!»

«Потерпите еще несколько часов, — прорычал Шрак. — Завтра мы прибываем в Визрод».

«К чему все это, к чему? Он больше не Рамус

Имф, он… какая-то несчастная тварь, измученная пыткой! Никто не заслуживает такой участи!»

Джубал спросил упавшим голосом: «Что мы можем сделать? Убить его?»

«Дайте ему что-нибудь, какое-нибудь средство!»

«Я подмешивал обезболивающее ему в еду и в питье, — сказал Шрак. — Он ничего не ест и не пьет».

«Тогда убейте его!»

Джубал покачал головой: «Мы обязались отвезти его в Визрод. Боюсь, Миние прогневается».

«Вы боитесь Миние? Он за океаном!»

«Да, боюсь. Никакая храбрость тут не поможет».

«Что он может сделать?»

«Не хочу узнать».

«Просто невероятно!»

«Очень даже вероятно, — возразил Шрак. — Стоит ему захотеть — клей растворится». Моряк указал на темное, беспокойное море: «И все мы будем барахтаться среди волн, отгоняя пинками рыб-терок и присосух. Нет уж, как Миние решил, так оно и будет».

«Воистину!» — заунывно, но отчетливо прозвучало над палубой. Трое на квартердеке испуганно

посмотрели друг на друга: кто это сказал? Штаг звонко бренчал на ветру — нервы сыграли с ними злую шутку.

Помолчав, Миэльтруда спросила притихшим голосом: «Когда мы приплывем в Визрод — что тогда?»

«Это уже зависит от вашего отца, — ответил Джубал. — Я звонил в Визрод, он нас встретит».

«Он знает, что я возвращаюсь?»

«Наверное, догадывается. Об этом я не стал с ним говорить».

Миэльтруда нахмурилась, глядя в темноту: «Я настолько ничтожное, всеми забытое существо, что вы даже не потрудились упомянуть мое имя?»

«Я вас арестовал — значит, несу за вас ответственность. Д'Эвер знает, что вы в безопасности».

«Я больше не намерена терпеть ваши смехотворные формальности!»

«Делайте, что хотите, — мрачно отозвался Джубал. — Я сам устал от всей этой истории. Считайте, что мой ордер недействителен».

Миэльтруда пыталась что-то сказать, не нашла слов, села и замолчала. По какой-то парадоксальной причине она ощутила волну теплых чувств — симпатии, привязанности, благодарности.

Ей даже захотелось прикоснуться к Джубалу. Сделав непривычное движение рукой в воздухе, она так же внезапно сдержалась. Отвернувшись, Миэльтруда подивилась тайным побуждениям, повелевавшим людьми без их ведома.

Приглушенные ветром и плеском воды, звуки, доносившиеся со средней палубы, были едва различимы. Поежившись, девушка спросила: «Так когда мы прибудем?»

«Утром, ближе к полудню».

Миэльтруда нерешительно посидела еще немного, после чего спустилась с квартердека и направилась к себе в каюту, старательно отводя глаза от темной фигуры, застывшей на крышке трюмного люка.

Рассвет озарил все небо. На южном горизонте появилась темная расплывчатая полоса — Тэйри. Когда становится видно берег, пустота океана и неба ощущается еще острее. Мора поднималась по небосклону, и на берегу стали вырисовываться детали. Прямо на юге лесистая рука косы Чам обнимала залив Тенистерле — за ней виднелось сероватое пятно светлее леса: Визрод. «Кланш» с тяжеловесной решимостью преодолевал валы под всеми парусами. Джубал, Шрак и Миэльтруда смотрели в сторону берега, стоя на кормовом

возвышении палубы. Все чувствовали себя подавленно, все молчали.

Глаза полурастительного существа на крышке люка уже покрылись темно-зеленой блестящей коркой. Рамус больше не мог пользоваться мышцами, он больше не производил звуки. Из почек на его теле проросли небольшие ярко-зеленые пучки — стимулируемые солнечным светом, они расправлялись, как бутоны.

«Кланш» прошел через шлюзы в залив Тенистерле и вскоре причалил, с опущенными парусами-змеями, к главному пирсу, где уже стояли Нэй Д'Эвер с Эйвантом Дасдьюком и еще несколько человек. Джубал бросил на берег швартовы, и «Кланш» успокоился. Миэльтруда спрыгнула на набережную, побежала к отцу. Дрожащим пальцем она указывала ему на Рамуса Имфа, уже полностью покрытого синевато-зеленой молодой листвой.

Джубал громко обратился к застывшему на палубе чудищу: «Рамус Имф! Ты меня слышишь?»

Чудище не проявило никаких признаков понимания. Глаза его, матовые проблески зеленого мрамора, едва заметные среди листвы, не двигались. Шрак вскочил на крышку люка, ослабил петли, отсоединил конец троса от мачты.

Ноги Рамуса Имфа дернулись. Маленькими частыми шажками он засеменил к сходням, шумя трясущейся листвой. В отчаянной спешке перевалившись на набережную, он распугал зевак, бросившихся во все стороны. Спотыкаясь, Рамус устремился шутовской трусцой к небольшому парку за прогулочной эспланадой, нашел клумбу с рыхлой землей и вступил в нее, поворачивая ступни направо и налево, пока они не зарылись во влажную землю по лодыжки. Предприняв последнее отчаянное усилие с натужным кряхтением и скрипучим стоном, Рамус поднял руки высоко над головой и вытянулся полускрученной статуей, будто пытаясь дотянуться до неба. В этом положении он неподвижно застыл. Листья, расправившиеся под полуденными лучами солнца, закрывали его лицо.

Послышался чей-то дрожащий нервный выдох. Эйвант Дасдь-юк тихо выругался. Нэй Д'Эвер повернулся к Джубалу — его бледно-серебристые глаза, иногда казавшиеся задумчиво-мягкими, горели стальным огнем: «Не сомневаюсь, что вам есть о чем рассказать».

«Не вижу причин что-либо вам рассказывать».

«Прошу вас! — тихо сказал Нэй Д'Эвер. — Обойдемся без утомительной, неудобной для нас обоих

перепалки. Мы теряем время».

«Как хотите, — пожал плечами Джубал. — Вынужден вам напомнить…»

«Да, да, да! Ваш статус, ваш драгоценный оклад!» — Д'Эвер говорил спокойно, скорее деловито, нежели язвительно. Он покосился на синевато-зеленое лиственное человекоподобное посреди клумбы: «Давайте поговорим в другом месте. Имфы скоро прибудут в полном составе. Изменение городского пейзажа вызовет у них, по меньшей мере, непреодолимое влечение к упражнениям в экстравагантной риторике. Продолжим обсуждение в моем особняке, где нас никто не потревожит».

«Должен ли я понимать вас таким образом, что…»

«Да, да! Все, что угодно. Только не здесь!»

Джубал мрачно кивнул: «Хорошо. Дайте мне пять минут — я закончу дела с моим приятелем, капитаном, и приеду к вам».

Глава 19

Чопорно выпрямившись, Нэй Д'Эвер ждал Джубала в вестибюле. От привычной высокомерной иронии служителя народа остались только следы. «В это время дня приятно беседовать в утренней гостиной, — произнес Д'Эвер. — Там мы могли бы спокойно обсудить наши дела».

«Не возражаю», — Джубал твердо решил не уступать Д'Эверу в непринужденности манер.

«Тогда прошу вас — сюда, будьте добры».

Пройдя по коридору с белой деревянной обшивкой стен, устланному трехжизненными джанскими коврами, сотканными из крашеной паутины, они вошли в помещение, выходившее окнами в старинный сад. Нэй Д'Эвер пригласил Джубала сесть в кресло из резного белого файола: «Не желаете ли подкрепиться? Может быть, предпочтете рюмку превосходного бурого ликера? Или лиственничной настойки?»

«Лиственничной, пожалуйста».

Д'Эвер налил настойку в крошечные кубки и, откинувшись на спинку кресла, смотрел на Джубала из-под полуопущенных век: «Вам удобно?» Д'Эвер пододвинул поднос ближе к Джубалу: «Эти

пастилки восхитительны, их привозят с Базана. Может быть, еще немного настойки?»

«С удовольствием. Я истощен эмоционально и физически, мне приятно расслабиться. При этом, однако, я не утратил способность ясно мыслить».

«Нередко замечал в себе такое же состояние. Рад, что вы, по всей видимости, прекрасно себя чувствуете. Могу ли я поинтересоваться, каковы ваши планы на будущее?»

Джубал задумчиво погладил подбородок: «По этому поводу я не прочь был бы посоветоваться с вами. Считаете ли вы, что я мог бы сделать успешную карьеру в Третьем отделении?»

Нэй Д'Эвер тоже немного подумал: «По меньшей мере могу сказать следующее: ваша должность еще не занята никем другим».

«Меня никто не увольнял, — возразил Джубал. — Кстати — пока я не забыл — мне нужно получить заработную плату за все прошедшее время. Насколько я понимаю, обещанная мне ставка составляла сорок пять тольдеков в неделю».

«Припоминаю нечто в этом роде. Тем не менее...»

«Тем не менее, если мне будет предложено продолжать работать в Третьем отделении, мой

оклад, надеюсь, будет повышен».

«Полно! Ваши надежды превышают наши возможности. Сорок пять тольдеков в неделю — более чем достаточное возмещение, по крайней мере в настоящее время!»

«Очень хорошо. Не стану торговаться из-за нескольких тольдеков. Полагаю, вы не откажетесь составить письменный договор? Будьте добры, воспользуйтесь моим пером. Кроме того, я позаботился принести бумагу — исключительно с этой целью».

Нэй Д'Эвер позволил себе усмехнуться: «На этот раз вам придется положиться на мою добросовестность. Не желаете ли обсудить обстоятельства, связанные с Рамусом Имфом?»

Джубал закончил рассказ. Несколько минут в утренней гостиной царила тишина — Нэй Д'Эвер, стоявший у окна, напряженно размышлял. Вернувшись в кресло, он вперил отливающие ртутным блеском глаза в лицо Джубала: «Какие выводы вы делаете из всего, что произошло?»

Джубал ответил не сразу: «С ваэлями шутки плохи, в этом я убедился. В высшей степени загадочный народ. У ваэлей много неотложных проблем, но их религиозные убеждения — если можно так выразиться — принуждают их только

усугублять эти проблемы».

«Значит, вы считаете их убеждения непрактичными?»

Джубал пожал плечами: «Не вижу необходимости в таком количестве деревьев-джиннов — но я не ваэль, в том-то и дело. Может быть, они лучше знают, что им на самом деле нужно. Невозможно отрицать: они мыслят по-другому. Я все еще потрясен тем, что видел своими глазами. Вероятно, меня опоили, намеренно ввели в заблуждение гипнотическими трюками. Как еще объяснить необъяснимое? Ума не приложу».

«Многое нуждается в объяснении, — согласился Нэй Д'Эвер. — Помимо метафизических тайн, смущающих ваше воображение, есть несколько практических вопросов, решение которых может иметь существенное значение для понимания всей ситуации в целом. Например, что позволяло Рамусу Имфу надеяться на скорое усмирение восставших против его Ассоциации океанских националов? Не думаю, что поддержка туристического агентства «Радость народа» могла внушить такую уверенность! Каким образом он на-

деялся запугивать нас, тариотов? Кто мог предоставить ему столь внушительные средства

принуждения?»

«Байнадары?» — с сомнением предположил Джубал.

«Вряд ли сайданийцы согласились бы помогать инопланетным финансистам, собравшимся заполонить Маек толпами туристов».

«Жаль, что мы не можем задать пару вопросов самому Рамусу,

— посетовал Джубал. — Впрочем, деловар Вольмер жив и здоров

— он несомненно что-то знает».

Нэй Д'Эвер кивнул: «Я как раз подумывал о возможности расследования его связей. Как вы смотрите…»

Джубал быстро поднял руку протестующим жестом: «Ради всего святого, не просите меня возвращаться на Эйзельбар! У меня до сих пор в ушах звенит от их «музыки». Пошлите Эйванта Дасдью-ка, он справится».

«Эйванта? Я не могу без него обойтись. Кроме того, я начинаю ценить объективность ваших наблюдений, несмотря на их чрезмерную, с моей точки зрения, прямолинейность. На самом деле у меня уже есть для вас задание. На сегодня хватит. Вы устали и не в настроении выслушивать инструкции».

«Что правда, то правда. Но я обязан обсудить еще один вопрос. По вине Рамуса Имфа цитадель Дроудов лежит в развалинах. Так как Рамус отныне представляет собой садово-парковую скульптуру, не располагающую финансовыми средствами…»

Нэй Д'Эвер криво улыбнулся: «Не обманывайте себя! Рамус гораздо важнее, чем вы предполагаете. Клан Имфов еще сотворит из него кумира!»

«Что ж, мне придется требовать возмещения у Имфов!»

Некоторое время Д'Эвер не мог найти слов, даже чуть было не развел руками. Наконец он спросил: «Вам дорога жизнь?»

«Разумеется».

«Если вы предъявите подобное требование Имфам, доведенным до белого каления невозможностью выместить ярость, вас мгновенно убьют, а вашей кровью польют землю в клумбе, где растет Рамус!»

Джубал собрался было спорить, но Нэй Д'Эвер его не слушал: «Даже не думайте об этом! Завтра же отрапортуйте Эйванту Дасдь-юку, он сообщит вам дальнейшие инструкции».

«Я получу плату за все прошедшее время?»

«Представьте счет Эйванту».

Джубал вышел из особняка Д'Эверов. Служитель народа вернулся к себе в кабинет, где к нему вскоре присоединилась Миэльт-руда. Между ними состоялся продолжительный разговор.

«Какого ты мнения теперь о Джубале Дроуде? — спросил между прочим Нэй Д'Эвер. — Он все еще вызывает у тебя отвращение?»

Миэльтруда непочтительно повела плечами: «Джубал Дроуд упрям, нелицеприятен и нетерпелив. Иногда он ведет себя, как сумасброд, фанфарон и головорез! Все же, глинту это более или менее простительно… По сути дела, довольно приятный молодой человек».

«Рад слышать, что последнее обстоятельство не ускользнуло от твоего внимания», — сухо отозвался Нэй Д'Эвер.

Глава 20

Джубал договорился о встрече в популярном кафе-павильоне «Джиральдра», что на Парадной набережной. Теперь он сидел в кафе и ждал. Небо горело меланхолическим вечерним огнем. Под пеленой далеких туч блеснула коричневато-красная искра. Искра расплылась и исчезла — Мора закатилась за горизонт. На востоке, над темной косой Чам, вставал полный Скай. Весомую округлость планеты-близнеца подчеркивала слоистая расцветка — морозно-желтая ближе к северному полюсу, золотистая в экваториальной области, присыпанная растекающимися персиково-розовыми прожилками на крайнем юге.

Джубал взглянул на часы и поднялся на ноги. Вайдро был известен пунктуальностью. Действительно, на Парадной набережной, темный на фоне восходящего Ская, уже появился силуэт Ржавого Призрака.

Родственники похлопали друг друга двумя пальцами по правому плечу — так по традиции здоровались глинты. Вайдро заметил: «С тех пор, как мы виделись в последний раз, ты не сидел без дела».

«Плавание в Уэллас можно назвать познавательным. Кроме того, мне удалось частично свести счеты с Рамусом Имфом».

«Точное равновесие между преступлением и наказанием труднодостижимо, — благоразумно заметил Вайдро. — Ты считаешь, что в конечном счете остался в убытке?»

«От цитадели Дроудов осталось пепелище. Фамильные ценности, военные трофеи клана, исторические документы — все пропало! Я могу только отстроить цитадель заново. Может быть, лет через триста в доме Дроудов снова воцарится дух предков».

«Восстановление цитадели — честолюбивый замысел, требующий больших затрат. Где ты возьмешь такие деньги? У меня есть сбережения, но их хватило бы на оплату только какой-то части работ».

Джубал указал на косу Чам, по другую сторону залива Тени-стерле: «Там, на самой высокой террасе косы — дворец Гавела Им-фа. Он и другие толстосумы из клана Имфов обязаны возместить

ущерб. Нэй Д'Эвер считает, однако, что надеяться на это бесполезно».

«Я бы сказал, что Д'Эвер выражается очень сдержанно, — кивнул Вайдро. — Имфы опозорились,

их клан служит предметом оскорбительных насмешек и сплетен. Любые претензии с твоей стороны встретят бешеный отпор».

«Скорее всего. Ты видел дерево?»

«Только издали. Там поставили ограду, чтобы зеваки не подходили слишком близко».

Джубал и Вайдро прошлись по Парадной набережной. Над ними висел громадный светящийся шар Ская.

«Говорят, рядом с деревом собираются возвести памятник или мавзолей», — нарушил молчание Вайдро.

Джубал крякнул: «Имфы пытаются изобразить Рамуса героем-мучеником, чуть ли не святым, не виновным ни в чем, кроме разве что избытка отваги. Им это сходит с рук потому, что большинство не имеет никакого представления о фактах».

«И каковы же факты? Признаюсь, мне любопытно было бы узнать».

«Могу предложить только мою версию событий и мои умозаключения, хотя они вряд ли далеки от истины. Рамус Имф был человек энергичный, полный амбиций, тщеславный и гордый — безусловно, храбрый. Возникает впечатление, что в Рамусе все эти качества нашли чрезмерное,

преувеличенное выражение. Уверен, что он ощущал неудовлетворенность, стесненность жизненными обстоятельствами, прилагая все возможные усилия, чтобы эти обстоятельства изменить — невзирая на последствия. В частности, он хотел купить космическую яхту, чтобы беспрепятственно и комфортабельно посещать далекие миры. Такие яхты очень дороги, но Рамус разработал план извлечения больших доходов. Ваэли, однако, осудили его за безответственность и наказали по-своему».

«Невозможно отрицать, что дерево радует глаз, — возразил Вайдро. — Хотя бы в этом отношении Рамус может быть благодарен судьбе».

«Не забывай, что его разум, судя по всему, еще живет, заключенный в растительную оболочку — боюсь даже представить себя на его месте! Подумать только! Человек, поставивший все на карту, чтобы вырваться на волю, в звездные просторы, вынужден вести в буквальном смысле растительное существование, не двигаясь с места!»

«По-твоему, он руководствовался благородными побуждениями?»

Джубал нервно пожал плечами: «Я не отказался бы повидать чудеса Ойкумены и Запределья,

если бы кто-нибудь подарил мне звездолет — «Странника Магеллановых облаков» или, на худой конец, «Стрельца». Может быть, я даже попробовал бы нажиться на контрабандной торговле джанскими коврами. Но Рамус Имф на этом не остановился — он пытался продать Маек туристическому агентству «Радость народа». Представь себе! Бесчисленные «модули» туристов разъезжают по всей планете! Отель-люкс с барами и борделями на мысу Стрещения!»

Джубал и Вайдро повернули к парку и подошли в сумерках к железной ограде, присоединившись к дюжине других гулявших по набережной горожан, задержавшихся посмотреть на пустившую корни, распустившуюся листвой знаменитость. У ограды, под фонарем, стоял высокий массивный ящик из белого алебастра с прорезью сверху и табличкой спереди. На табличке было написано:

«Здесь будет заложен мемориал, достойный памяти неукротимого мечтателя, Рамуса Имфа! Рамус навсегда останется с нами — нетленный дух его и ныне взирает на каждого, кто совершил паломничество к Дереву.

Пусть друзья и родные Рамуса, пусть каждый, кто обязан благополучием клану Имфов, пусть все, кому не безразлична память Рамуса Имфа,

в меру своих возможностей поделятся щедротами судьбы, опустив монеты в ящик для сбора пожертвований, и тем самым внесут свою лепту в строительство такого мемориала, какого заслуживает Рамус Имф!»

«Картина похождений Рамуса, таким образом, будет отмыта, подкрашена и позолочена к вящей славе клана Имфов, — размышлял вслух Вайдро. — Полагаю, что Имфов устраивает такое решение проблемы, хотя в принципе оно унизительно для всех и каждого».

«Никто не испытывает ни малейшего стыда, — возразил Джубал. — Только что дородный пожилой господин бросил в ящик десять тольдеков».

«Абсурдная, безвыходная ситуация! Преступник Рамус становится народным героем».

Изящная фигура в темном плаще с капюшоном появилась из сумрачного переулка и приближалась к ограде торопливыми неуверенными шагами. В лучах Ская под капюшоном угадывалось лицо молодой женщины. Она подошла к ограде и некоторое время неподвижно стояла, опустив плечи и глядя на дерево. Отвернувшись с тихим стоном, женщина стала бросать нервными, дрожащими руками тольдек за тольдеком в

прорезь алебастрового ящика. Заметив Джубала, она оцепенела.

«Ты! — взвыла она грудным, гулким от ярости голосом. — Явился любоваться на дело своих рук! Отомстил и злорадствуешь!»

«Уверяю вас, это не так! — вежливо ответил Джубал. — Вы неправильно истолковываете мои побуждения».

«Зачем еще тебе здесь быть?»

«На то есть важные причины личного характера».

«Ложь, бесстыдная ложь! Приходишь наслаждаться унижением того, кто неизмеримо выше тебя!»

«Вы судите о мире по перевернутому отражению», — сухо отозвался Джубал. Обратившись к Вайдро, он галантно указал рукой на почитательницу Рамуса: «Разреши представить тебе леди Сьюну Мирцею, в свое время составлявшую компанию Рамусу Имфу».

«Компанию? — голос Сьюны стал высоким и пронзительным. — Пошлое, безвкусное слово, подобающее такой посредственности, как ты!»

«Прошу прощения, — слегка поклонился Джубал. — Мне неизвестны подробности ваших взаимоотношений».

«Конечно, нет! Кто мог с нами сравниться? Тебе недоступно даже представление о настоящей страсти! Твой соперник и я, мы познавали вершины радости, мы творили чудеса! Тебе этого не понять. Теперь я знаю, почему ты здесь — ты пришел упиваться моим горем! Что же, смотри, упивайся всласть! — Сьюна откинула капюшон. — Доволен, ничтожество?»

«Леди Сьюна! — воскликнул Джубал. — Вы ошибаетесь, я не испытываю к вам никаких чувств, кроме жалости. Если вас так огорчает случившееся с Рамусом, рекомендую вам не приходить сюда».

«О, нет! Сюда я стану приходить всю жизнь, каждый день — когда воздвигнут мемориал, я первая припаду к святыне и благословлю ее поцелуем!» Сьюна повернулась к дереву: «Рамус, ты меня слышишь? Молю тебя, дай мне знать, что ты меня слышишь!»

Все трое молчали, глядя на дерево. Дерево безмолвствовало. Сьюна глухо застонала, отвернулась и убежала — быстро, спотыкаясь, прерывисто стуча каблуками.

«Особа мелодраматического темперамента, — поставил диагноз Вайдро. — Но ее скорбь, по-видимому, непритворна».

«Пожалуй. Как ты заметил, она выразила свои чувства полновесными тольдеками. Печально, что можно сказать! Мне ее жаль — несмотря на то, что она сыграла со мной злую шутку, и не одну». Джубал огляделся по сторонам — зеваки, любовавшиеся на дерево, давно ушли. У ограды парка не было никого, кроме него и Ржавого Призрака. Джубал достал из-за пазухи крепкий холщовый мешок. Подойдя к алебастровому ящику, он вынул из кармана ключ, открыл замок бронзовой дверцы в боковой панели ящика и сгреб накопившиеся монеты в мешок.

Вайдро наблюдал за проиед>рой опустошения ящика, иронически подняв брови: «Должен признаться, не ожидал такого поворота событий».

Джубал закрыл дверцу на замок и перекинул тяжело звякнувший мешок через плечо: «Неплохой улов для одного дня — тольде-ков пятьсот-шесть-сот, не меньше».

«Имфы наняли тебя инкассатором?»

«Имфы тут ни при чем, — ухмыльнулся Джубал. — То есть, конечно, многие из них бросают тольдеки в ящик. Сами того не зная, они платят за восстановление цитадели Дроудов».

«Значит, надпись на табличке сделал ты?»

«О, да! *Я* работал аккуратно и терпеливо. Обра-

ти внимание на слова «мемориал, достойный памяти Рамуса Имфа». Не «величественный мемориал» и не «мраморный мемориал с золочеными барельефами», а «такой мемориал, какого заслуживает Рамус Имф». Я могу возвести мемориал, достойный памяти Рамуса, за полчаса — пирамидку из гальки, собранной на пляже. Впрочем, на набережной давно не хватает общественного туалета».

Вайдро снова прочел текст таблички: «Способность правильно выбирать слова трудно переоценить».

«В конце концов, мы не знаем, о чем сейчас думает Рамус Имф. Может быть, он раскаивается и одобряет мою затею. Эй, Рамус! Чучело деревянное! Ты меня слышишь? Как по-твоему, я правильно поступил? На что следует потратить деньги?»

Дерево не подавало никаких признаков способности к осмысленному общению, хотя оба посетителя подождали несколько минут. Ночь выдалась тихая и безветренная — даже листья не дрожали.

Встряхивая мешок рукой, Джубал заставил монеты весело звенеть: «В свое время я сниму табличку и уберу ящик. А пока что пусть Имфы

платят! Радуюсь каждому тольдеку! Не хочешь чего-нибудь выпить?»

«Это было бы очень своевременно и весьма кстати».

«Тогда пойдем в «Джиральдру». *Я* расскажу тебе про Уэллас, про то, как Нэй Д'Эвер хотел меня надуть, и про паршивую эйзель-барскую музыку, а ты мне поведаешь запретные тайны Зангвильского Рифа!»

«Прекрасная мысль! Пока мы живы, нужно почаще сидеть в лучах разноцветных огней, пробовать хорошие вина и говорить о приключениях, выпавших на нашу долю в далеких краях — потому что когда мы умрем, такой возможности больше не будет».

Два горца ушли по Парадной набережной и исчезли в ночи. Дерево осталось одно, озаренное мертвенными лучами Ская.

Поместья Корифона

Пролог

Космической эре тридцать тысяч лет. Веками люди переселялись от одной звезды к другой в поисках богатства и славы — Ойкумена составляет заметную часть Галактики. Торговые пути пронизывают космос, как капилляры — живую ткань; тысячи миров колонизированы: каждый не похож на другой, каждый накладывает неповторимый отпечаток на приспособившихся к нему мыслящих существ. Никогда еще род человеческий не был менее однороден.

Прорыв за пределы обжитого пространства тоже никогда не отличался ни планомерностью, ни единообразием. Люди беспорядочно прибывали и отбывали волнами и отдельными группами, гонимые войнами и религиозными верованиями, а нередко и самыми загадочными побуждениями.

Планету Корифон можно назвать типичной только в том, что касается разнообразия ее обитателей. На континенте Уайи ульдры освоили широкую полосу вдоль южного побережья — Алуан, тогда как на севере ветроходы бороздят на двух- и трехмачтовых парусных фургонах обширное плоскогорье Пальги. Оба народа — непоседливые

кочевники; почти во всех остальных отношениях они несопоставимы. К югу, за Хурманским морем, простирается экваториальный континент Сцинтарре, освоенный пришлыми[37] космополитами, по уровню общественного развития намного опередившими как ульдр, так и ветроходов.

Автохтонами Корифона считаются две «квазиразумные» расы — эрджины и морфоты. Ветроходы одомашнивают и предлагают в продажу эрджинов особо крупной и кроткой разновидности; возможно, им удается отбирать и дрессировать беспородных особей, добиваясь проявления желательных характеристик. Обо всем, что связано с разведением эрджинов, ветроходы распространяться не любят, поскольку торговля ими — источник дохода, позволяющий северным кочевникам приобретать колеса, подшипники и оснастку для парусных фургонов. Иные алуанские ульдры ловят и объезжают диких эрджинов, укрощая их свирепость электрическими шпорами и уздечками. Как домашние, так и дикие эрджины обладают телепатическими способ-

[37] notes: 37

«Пришлые»: пренебрежительное прозвище, присвоенное кочевниками любым туристам, приезжим, недавним иммигрантам и вообще чужеземцам, не удостоенным судьбой называться чистокровными ульдрами или ветроходами.

ностями, позволяющими им сообщаться между собой и с отдельными одаренными («вещими») ветроходами. Никакой связи, ни биологической, ни культурной, не существует между эрджинами и морфотами — зловредной, извращенной и непредсказуемой расой. Морфотов ценят только за жутковатую, неизъяснимую красоту. В Оланже на побережье Сцинтарре пришлые, привлеченные не в последнюю очередь щекочущими нервы кошмарными привычками морфотов, дошли до того, что учредили клуб любителей поглазеть на этих морских тварей.

Двести лет тому назад в Уайе приземлилась банда инопланетных флибустьеров, захватившая врасплох съехавшихся на конклав племенных вождей ульдр и принудившая южных кочевников уступить новоприбывшим право собственности на некоторые родовые земли, заключив пресловутые «Договоры о повиновении». Таким образом каждый из пиратов получил огромный надел земли площадью от пятидесяти до ста пятидесяти тысяч квадратных километров. Со временем эти наделы превратились в величественные поместья Алуана, где потомки завоевателей ведут привольную и роскошную жизнь в особняках-цитаделях, по масштабам соответствующих

необозримости их владений.

Племена, подписавшие «Договоры о повиновении», мало пострадали — их образ жизни даже, пожалуй, улучшился. Новые плотины, запруды и каналы стали надежными источниками питьевой воды, кровавые межплеменные стычки запрещены, а помещичьи клиники обеспечивают хотя бы какую-то видимость медицинского обслуживания. Нередки случаи, когда ульдры-подростки посещают помещичьи школы и становятся приказчиками, кладовщиками или прислугой; другие нанимаются ухаживать за скотом.

Многие ульдры, однако, возмущаются своим очевидно подчиненным положением. На подсознательном уровне, возможно, не меньшее озлобление вызывает то никогда не упоминаемое вслух обстоятельство, что помещики не проявляют никакого интереса к женщинам из кочевых племен. В первоначальный период захвата земель, несомненно, имели место отдельные случаи изнасилований и принуждения к сожительству — таковы отталкивающие, но неизбежные последствия любого завоевания. Тем не менее, хотя ульдры мужского пола — высокие и мускулистые наездники с орлиными носами,

искусственно придающие серой коже ультрамариновый оттенок — в целом отличаются более или менее представительной наружностью, того же нельзя сказать об их женах и матерях. Девушки-ульдры, дородные и приземистые, бреют головы наголо, чтобы избавиться от паразитов, и совершенно непривлекательны. По мере того, как они взрослеют, их массивные ягодицы и короткие толстые ноги остаются прежними, тогда как торсы, руки и лица вытягиваются; характерный для ульдр длинный нос отвисает, как сосулька, серая кожа покрывается грязноватыми разводами, а прически (замужние женщины позволяют волосам расти, невзирая на паразитов) торчат, окружая головы наподобие оранжевых одуванчиков. Пришлые помещики[38] издавна относились к девушкам и женщинам ульдр с безукоризненно вежливым безразличием, но

[38] notes: 38

Термину «энг-шаратц» (буквально означающему «высокочтимый владелец большого поместья») трудно подыскать удовлетворительный эквивалент. Титулы «барон» и «лорд» носят излишне официально-аристократический характер, а слово «эсквайр» вызывает в уме представление о земельной собственности скромных размеров; тем более неправильно было бы называть корифонских наследных землевладельцев фермерами или скотоводами, так как сфера их деятельности не ограничивается сельским хозяйством. Пожалуй, несмотря на излишний и отчасти неудобный исторический балласт смысловых ассоциаций, «энг-шаратц» точнее всего переводится как «помещик».

именно эта подчеркнутая обходительность, парадоксальным образом, со временем стала восприниматься ульдрами как нечто унизительное и оскорбительное.

К югу от Хурманского моря протянулся узкий континент Сцинтарре со столичным портом Оланжем — модным курортом, часто посещаемым инопланетянами. У искушенных в житейских делах, любезных и образованных горожан Оланжа мало общего с помещиками — тех они рассматривают как напыщенных блюстителей устаревших традиций, лишенных стиля, грации и юмора.

В Оланже, в экстравагантном древнем сооружении, именуемом Палатой Хольруда, заседает Дума — совет тринадцати нотаблей, единственное правительственное учреждение Корифона. Хартия Думы гласит, что ее юрисдикция распространяется в равной степени на Сцинтарре и всю территорию Уайи; на практике же нотабли предпочитают не вмешиваться в дела помещиков и кочевников. Наследные помещики относятся к Думе как к неуместному средоточию праздного крючкотворства, договорные ульдры проявляют полное безразличие, вольные ульдры отвергают идею централизованной власти как таковой, а

ветроходы даже не подозревают о существовании Думы.

Космополиты, населяющие Оланж, живут в атмосфере лихорадочного интеллектуального возбуждения и беспрестанной общественной деятельности. Сформированы комитеты и общества, представляющие всевозможные интересы и предпочтения, яхт-клуб, несколько ассоциаций авторов и художников, клуб знатоков-морфотографов, сцинтаррийская ассоциация любителей хуссейда, библиотека ойкуменических музыкальных архивов, товарищество устроителей Парильи (ежегодного фестиваля), колледж драматических искусств и гиперэстетическое общество «Дионис». Другие группы ставят перед собой филантропические или альтруистические цели — например, «Экологический фонд», добившийся запрета на ввоз любых инопланетных растений и животных независимо от их полезности или эстетической ценности. «Союз раскрепощения» развернул кампанию против «Договоров о повиновении», требуя упразднения поместий Уайи и возвращения земель племенам, подписавшим договоры. Партия «Борцов за эмансипацию эрджинов» (БЭС) настаивает на том, что эрджины — разумные существа, в связи с чем

их порабощение незаконно. БЭЭ — группировка, производящая в Оланже, пожалуй, наибольший переполох, так как число эрджинов, импортируемых из Пальги в качестве домашней прислуги, сельскохозяйственных работников, уборщиков мусора и т. п., постоянно растет. Другие, не столь несговорчивые организации финансируют образование и трудоустройство ульдр-иммигрантов, переселяющихся из Уайи в Сцинтарре. Как правило, такие ульдры, происходящие примерно в равной пропорции из договорных и вольных племен, подвергают помещиков яростной критике. Их претензии, иногда вполне обоснованные, достаточно часто объясняются исключительно раздражением и неприязнью. Сторонники раскрепощения («раскрепостители») время от времени предъявляют Думе иски от имени ульдр-переселенцев, пытаясь побудить к действию это заносчивое, вязнущее в обсуждении второстепенных деталей собрание, склонное к многословным поучениям, но движимое, как правило, сиюминутными прихотями и поветриями. Дума отмахивается от докучливых домогательств, жонглируя законами и прецедентами с ловкостью, достойной лучшего применения, либо назначает комиссию, рассматривающую иск и

неизбежно приходящую к тому заключению, что условия существования на Договорных землях просто райские по сравнению с тем, что делается на просторах Вольного Алуана, где независимые племена бесконечно враждуют, устраивая засады и набеги, сопровождающиеся массовыми убийствами, пытками, грабежами и прочими жестокостями, совершаемыми под предлогом возмездия. Раскрепостители отвергают подобные соображения, находя их не относящимися к существу дела. Они подчеркивают, что у договорных племен отняли исконные земли, прибегнув к насилию и обману. По их мнению, сложившаяся ситуация недопустима, а тот факт, что присвоение земель имело место двести лет тому назад, никоим образом не узаконивает допущенную несправедливость, но лишь усугубляет нанесенный ущерб. Большинство обитателей Сцинтарре в целом и в общем разделяет точку зрения раскрепостителей.

Глава 1

Шайна Мэддок и брат ее Кельсе с заботливым любопытством разглядывали друг друга в вестибюле космического порта Оланжа. Шайна ожидала, что Кельсе изменится, и перемены были налицо — пять лет явно не прошли даром. Покидая родное гнездо, она рассталась с прикованным к постели калекой, бледным, отчаявшимся; теперь Кельсе выглядел сильным и здоровым, хотя и несколько исхудавшим. Едва заметное прихрамывание почти не напоминало об искусственной ноге, а левая рука не уступала правой легкостью движений, хотя Кельсе презирал поддельную плоть — металлическую кисть облегала черная перчатка. Кельсе стал выше — этого Шайна ожидала, не представляя себе, однако, что брат настолько изменится в лице, вытянувшемся и потемневшем, ожесточившемся выражением утонченной язвительности. Скулы его отчетливо выступали, подбородок торчал вперед, глаза сузились — Кельсе приобрел привычку посматривать искоса, будто чего-то опасаясь, что-то подозревая или кого-то осуждая. Последнее обстоятельство, по мнению Шайны, свидетельствовало о поис-

тине коренном преобразовании: доверчивый, задумчивый подросток превратился в аскета, казавшегося лет на десять старше своего возраста.

Кельсе делал сходные выводы. «Ты изменилась, — сказал он. — Почему-то я рассчитывал встретить прежнюю веселую, легкомысленную, дурашливую девчонку».

«Мы оба не те, что прежде».

Кельсе презрительно покосился на свои протезы: «Ну да, конечно. Ты же еще не видела этих… приспособлений».

«Тебе удобно ими пользоваться?»

Кельсе пожал плечами: «Левая рука теперь сильнее правой. Могу колоть орехи пальцами и проделывать всякие потешные трюки. В других отношениях я, можно сказать, остался самим собой».

Шайна не удержалась от вопроса: «А я по-твоему, стала совсем другой?»

Кельсе с сомнением смерил ее глазами: «Ну, повзрослела на пять лет. Теперь ты не такая тощая. И научилась одеваться — выглядишь неплохо. Уезжала-то ты чумазым чертенком в лохмотьях».

«Чумазым чертенком, да уж…» — тихо, меланхолически повторила Шайна. Пока они шли по

космическому вокзалу, ее переполняли воспоминания и образы. Проказливая девчонка, не знавшая ни зла ни горя, канула в прошлое — так, будто на чужбине она провела не пять, а пятьсот лет. Каким простым и понятным все казалось в детстве! Рассветная усадьба была средоточием Вселенной — ни больше ни меньше. Каждый ее обитатель воплощал свое предназначение. Ютер Мэддок был источником и олицетворением власти. Его решения — нередко милостивые, время от времени загадочные, порой ужасные — были законом неоспоримым, как законы небесной механики. Вокруг Ютера, повелителя Вселенной, вращались она и Кельсе, а также — по орбите не столь устойчивой, то приближаясь к трону, то пропадая в тени опалы — Кексик. Незамысловатое распределение ролей усложнялось лишь довольно-таки неопределенным, двусмысленным положением Кексика. Шайне отводилась роль «чумазого чертенка в лохмотьях», очаровательной баловницы, почти ни в чем ни у кого не встречавшей отказа — как иначе? Кельсе столь же естественно становился в позу благородного гордеца-страдальца, а Кексику поручалось амплуа удалого смельчака-весельчака. Таковы были неотъемлемые атрибуты бытия, безусловно

подразумевавшиеся подобно розовому солнцу Метуэну в ультрамариновом небе Корифона. Унесенная мыслями в прошлое, Шайна видела себя на фоне Рассветной усадьбы: девочку среднего роста, не спешившую вытянуться, но обаятельно тонкую и длинноногую, без устали бегавшую, плававшую и лазившую везде, где можно было пробежаться, плюхнуться в воду или куда-нибудь вскарабкаться. Такой она была — такой она, в сущности, и осталась. Ее загоревшая на солнце кожа чуть отливала золотом, темные волнистые локоны непослушно сплетались. Она смотрела на мир с радостным удивлением, смеясь улыбчивым широким ртом и широко раскрыв глаза, будто каждое мгновение было чревато новым чудесным откровением. Любовь ее была невинна, ненависть — нерасчетлива, настроение менялось каждую минуту — то она нежно сюсюкала, приголубив какую-нибудь мелкую тварь, то весело дразнилась, уверенная в своей быстроногой безнаказанности… Теперь, через пять лет, Шайна надеялась, что не только выросла, но и поумнела.

Кельсе и Шайна вышли из вокзальной суматохи в мягкое, тихое сцинтаррийское утро. Шайна вдохнула знакомый ветерок, напоенный аро-

матами листвы и цветов. Под темно-зелеными кронами джубб пестрели фестоны пунцовых соцветий — солнечный свет сочился сквозь листву, рассыпаясь размытыми розовыми узорами на черной мостовой проспекта Харанотиса.

«Мы остановились в „Морском просторе“, — говорил Кельсе. — По случаю твоего возвращения тетка Вальтрина, разумеется, сегодня же устраивает вечеринку. Можно было бы, конечно, не тратить деньги и ночевать в Мирасоле, но что поделаешь...» Кельсе раздраженно замолчал. Шайна вспомнила, что брат всегда недолюбливал Вальтрину. Кельсе спросил: «Вызвать такси?»

«Пойдем пешком. Здесь красиво! На борту „Ниамантика“ тесно, пришлось неделю провести взаперти, — Шайна глубоко вздохнула. — Я рада вернуться! Уже чувствую себя как дома».

Кельсе иронически хмыкнул: «Что тебе мешало приехать раньше?»

«О! Самые разные вещи, — Шайна беззаботно махнула рукой. — Упрямство. Своеволие. Папаша».

«Полагаю, что упрямства и своеволия у тебя не убавилось. Папаша тоже каким был, таким и остался. Если ты надеялась, что он станет податливее, тебя ждет большое разочарование».

«Нет у меня никаких иллюзий. Кому-то придется уступить — мне это не труднее, чем кому-либо другому. Расскажи об отце. Чем он занимается последнее время?»

Прежде чем отвечать, Кельсе задумался — такой привычки Шайна в нем раньше не замечала. «Пять лет промчались во мгновение ока, и он уже не ребенок», — подумала она.

«В общем распорядок жизни остался прежним, — прервал молчание Кельсе. — С тех пор, как ты уехала, было много новых хлопот и… Ты, конечно, слышала о „Союзе раскрепощения“?»

«Кажется. Точно не помню».

«Своего рода общество, основанное здесь, в Оланже. Раскрепостители хотят, чтобы мы разорвали „Договоры о повиновении“ и убрались из Уайи. Само собой, в этом нет ничего нового. Но в последнее время их движение вошло в моду, а Серый Принц, как он себя называет, стал популярной фигурой — символом грядущего раскрепощения, понимаешь ли».

«Серый Принц? Кто это?»

Кельсе криво усмехнулся: «Ну, скажем так… молодой ульдра из гарганчей, поверхностно образованный. У него хорошо подвешен язык, он умеет веселить публику и вызывает любопыт-

ство, как диковинный заморский фрукт — короче говоря, в Оланже по нему с ума сходят. Наверняка он не упустит случай покрасоваться на приеме у тетки Вальтрины».

Брат и сестра проходили мимо обширного синевато-зеленого газона, поднимавшегося от проспекта к цоколю высокого особняка с пятью фронтонами и башенками по углам фасада, выложенного горчично-желтой плиткой, перемежающейся полосами блестящего черного скиля — строения, задуманного в качестве эклектического каприза, но впечатляющего размерами и неким нескладным великолепием. Такова была Палата Хольруда, место пребывания Думы. Кельсе мрачно указал на нее движением головы: «Что ты думаешь? Раскрепостители уже там, „просвещают“ нотаблей… Конечно, я выражаюсь фигурально — они не обязательно выступают в Палате сию минуту. Отец настроен пессимистично. Он считает, что Дума в конце концов издаст указ не в нашу пользу. Сегодня утром от него пришло письмо…» Кельсе порылся в кармане: «Нет, оставил в отеле. Он собирается встретить нас в Галигонге».

Шайна удивилась: «Почему в Галигонге? Почему бы ему не приехать сюда?»

«Ехать в Оланж папаша отказался наотрез. Надо полагать, уклоняется от встречи с Вальтриной — боится, что та заставит его идти на вечеринку. В прошлом году она так и сделала».

«Отцу не повредило бы немного развлечься. Вальтрина устраивает веселые сборища, мне они всегда нравились».

«Ничего, зато на приеме будет Джерд Джемаз — он сумеет всем испортить настроение не хуже папаши. Джемаз привез меня на своем „Апексе“; он же отвезет нас в Галигонг».

Шайна поморщилась — нелюдимого Джемаза она считала диковатым типом и сторонилась.

Показался обрамленный парой колонн главный вход отеля «Морской простор». Шайна и Кельсе вступили на пологий эскалатор без ступеней, спускавшийся в вестибюль. Кельсе распорядился доставить багаж сестры из космопорта, после чего они решили прогуляться по открытой террасе над полосой прибоя, взяли по бокалу бледно-зеленого сока облачной ягоды с искрящимися осколками льда и присели на скамью, повернувшись к Хурманскому морю. Шайна сказала: «А теперь расскажи, как идут дела в Рассветной усадьбе».

«По большей части все, как прежде. В озере Фей

заново развели рыбу. Я занимался розысками месторождений к югу от Бездорожья и наткнулся на древнюю качембу[39]».

«Ты в нее зашел?»

Кельсе покачал головой: «У меня от их закопченных закоулков мурашки по коже бегают. Но я упомянул о ней в разговоре с Кургечем. Он считает, что это, скорее всего, джирвантийская качемба».

«Джирвантийская?»

«Джирванты населяли Рассветные земли не меньше пятисот лет. Их поголовно истребили хунги, а потом пришли ао и вытеснили хунгов».

«Как поживают ао? Кто у них теперь матриарх?»

«Вопреки ожиданиям, столетняя Замина еще жива. На прошлой неделе они перекочевали в лощину Дохлой Крысы. Кургеч по пути завернул в усадьбу — я сказал ему, что ты приезжаешь. По его ммнению, тебе следовало остаться на Танквиле — здесь, говорит, у тебя будет уйма неприятностей».

«Суеверный старый бес! Что он придумывает?»

«Кто его знает? Может быть, ничего. Просто

---

[39] notes: 39

Качемба: тайное святилище ульдр, место ворожбы и колдовства; как правило, находится в пещере.

„чует будущее“, ка они выражаются».

Шайна отхлебнула из бокала, взглянула на море: «Шарлатан твой Кургеч. Не умеет он ни чуять будущее, ни угадывать судьбу, ни наводить порчу, ни передавать мысли на расстоянии. Чепуха все это».

«Неправда. У него есть способности самого удивительного свойства… Разумеется, Кургеч — всего лишь кочевник. Но он умудрился стать ближайшим другом отца — в своем роде».

Шайна возмущенно хрюкнула: «Отец — тиран. У него не может быть близких друзей, тем более среди ао».

Кельсе печально покачал головой: «Ты его просто не понимаешь. И никогда не понимала».

«Понимаю — не хуже тебя».

«Может быть и так. С ним трудно сблизиться. Кургеч составляет ему компанию как раз того сорта, какая ему нужна».

Шайна снова хрюкнула: «Непритязательное, верное существо, знающее свое место — вроде собаки».

«Ты глубоко ошибаешься! Кургеч — ульдра, отец — пришлый. Ни тот, ни другой не желают быть ничем иным».

Шайна залпом допила оставшийся сок: «В лю-

бом случае я не намерена спорить ни с тобой, ни с отцом». Она поднялась на ноги: «Прогуляемся к реке. Противоморфотная[40] изгородь еще держится?»

«Говорят, ее регулярно чинят. Но я не был в Оланже с тех пор, как ты улетела на Танквиль».

«Лучше поскорее забыть эту неприятную историю. Пошли, найдем двенадцатипозвоночную кикимору, с тройными клыками, в игольчатом перламутровом экзоскелете!»

В ста метрах от террасы дорожка, параллельная пляжу, поворачивала вглубь болотистой поймы, окаймлявшей устье Виридиана, и заканчивалась у высокой ограды, затянутой стальной сеткой. Рядом красовался предупреждающий знак:

> ВНИМАНИЕ!
>
> Морфоты коварны и опасны! Ни в коем случае не соглашайтесь на какие бы то ни было предложения речных автохтонов

[40] notes: 40

Морфотография (наблюдение за морфотами) — своего рода спорт, удовлетворяющий как эстетические, так и менее возвышенные потребности. Морфоты способны стимулировать формирование всевозможных выростов на теле — шипов, вуалей, раскрывающихся наподобие веера плавников и воротников, ветвящихся и срастающихся рогов, образующих сложные пространственные решетки — превращаясь в фантастические, завораживающие видения. Морфотографы выработали целый словарь терминов, позволяющих описывать и классифицировать структурные элементы экстерьера морфотов.

и не принимайте от них никаких даров! Морфоты приближаются к ограде с единственной целью: искалечить, оскорбить или напугать интересующихся ойкуменидов.

ПОМНИТЕ!

Морфоты нанесли тяжелые увечья многим любопытствующим!

ВАША жизнь в опасности!

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ,

БЕСПРИЧИННОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ МОРФОТОВ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО

Кельсе заметил: «Месяц тому назад семья туристов с Альцида пришла посмотреть на морфотов. Пока родители обменивались шутками с бутылкоголовым босхоидом в ползучих красных кольцах, другой морфот привязал к длинной ветке живую бабочку на нитке и заманил в заросли трехлетнего ребенка. Мама с папой и оглянуться не успели, как сыночка след простыл».

«Отвратительные твари. Должны же быть какие-то правила, ограничения! Неопытных инопланетян мог бы сопровождать платный экскурсовод-морфотограф».

«Кажется, Дума собирается провести закон „Об

охране туризма“ или что-то в этом роде».

Прошло минут десять, но морфоты не пожелали вынырнуть из болота, чтобы предложить какую-нибудь тошнотворную сделку. Шайна и Кельсе вернулись в отель, спустились в подводный ресторан и пообедали, заказав рагу из раков со стручковыми перцами и диким луком, салат из охлажденного кресса и горячие черные лепешки из молотых семян степного ферриса. Их окружало лучезарное сине-зеленое пространство — на расстоянии протянутой руки плавали, росли, ползали и дрейфовали по воле течения животные и растения Хурманского моря: белые угри и глянцево-синие рыбы-ножницы сновали в порослях гидрофитов, стайки кроваво-красных искрюшек, зеленых морских змеек, канареечно-желтых щебетух ритмично поблескивали, возникали и пропадали, временами высыпая мириадами, просеиваясь друг через друга в пуантилистическом беспорядке и вновь приобретая единообразие. Раза три появлялись отливающие серебром лиловые спанги — трехметровые страшилища, ощетинившиеся ядовитыми колючками, зазубренными усами-щупальцами и ворохом длинных острых зубов. Привлеченные движениями обедающих в полутемном ресторане, хищные рыбины

с глухим стуком бросались на хрустальное стекло и уплывали прочь в раздраженном недоумении. Однажды поодаль проскользнула зловещая туша черного матадора, а еще дальше, в обесцвеченной толщей воды синеве, на минуту показался дергающийся силуэт плывущего морфота.

Ко столу приблизился человек, выглядевший на два-три года старше Кельсе: «Привет, Шайна».

«Привет, Джерд», — с прохладцей отозвалась Шайна. По причинам, не совсем ясным для нее самой, она с младенчества испытывала неприязнь к Джерду Джемазу. Тот вел себя сдержанно и вежливо, не отличаясь ни уродством, ни красотой — широкоскулый, со впалыми щеками и густой, коротко подстриженной темной шевелюрой над большим покатым лбом. Его костюм — темно-серая рубашка и синие брюки — казался почти подчеркнуто простоватым в Оланже, где каждый стремился перещеголять другого модными нарядными новинками. Шайна внезапно поняла, почему Джемаз производил отталкивающее впечатление. В нем невозможно было заметить ни одной из маленьких причуд, ни одного из мелочных простительных грешков, придававших очарование другим ее знакомым. Будучи не слишком широк в кости и не грузен,

Джемаз, судя по тому, как натягивалась его одежда при движении, был достаточно мускулист. «Так же, как одежда, скрывающая доставшееся по наследству атлетическое телосложение, его напускная скромность — маска, скрывающая врожденное высокомерие», — подумала Шайна. Неудивительно, что Джерд Джемаз нравился ее отцу и Кельсе — он превосходил обоих в упорном сопротивлении новшествам, а его мнение, однажды сложившееся, поколебать было труднее, чем скалу под цитаделью предков.

Джемаз присоединился к брату и сестре, воспользовавшись свободным стулом. Чтобы не показаться слишком необщительной, Шайна поинтересовалась: «Как идут дела в Суанисете?»

«Потихоньку».

«В поместьях никогда ничего не происходит», — заметил Кельсе.

Шайна перевела взгляд с одного на другого: «Вы надо мной издеваетесь!»

На лице Джерда Джемаза появился намек на улыбку: «Почему же? У нас если что-то и происходит, то исподволь, украдкой».

«Так что же происходит исподволь и украдкой?»

«Ну, например… Виттоли[41] из Вольных земель тайком пробираются в поместья и поговаривают о коалиции всех ульдр под предводительством Серого Принца — а его цель, как известно, состоит в том, чтобы „сбросить помещиков в море“. В последнее время участились нападения спираний[42] на воздушный транспорт — на прошлой неделе сбили Ариэля Фарлока из Кармиона».

«Нельзя не признать, что в Уайе установилась нездоровая атмосфера, — мрачно кивнул Кельсе. — Все это чувствуют».

«Даже папаша, судя по всему, не в себе — вздумал шутки шутить на старости лет. На него это не похоже. Кстати, что именно его так насмешило — кто-нибудь знает?»

«О чем это вы?» — непонимающе нахмурился

---

[41] notes: 41

Один из нескольких тысяч ульдр рождается круглоголовым низеньким альбиносом-евнухом; таких уродцев называют «виттолями». К ним относятся со смешанным чувством отвращения, презрения и суеверного ужаса. Виттолям приписывают способность к пустячному чародейству — время от времени они промышляют заклинаниями, заговорами и зельями. Серьезная магия, конечно, остается прерогативой племенных шаманов. Виттолям поручают погребать мертвых, пытать пленников и выполнять различные поручения в качестве посланников, свободно пересекающих границы племенных земель. Их не трогают по всему Алуану, потому что никакой уважающий себя воин-ульдра не снизойдет до того, чтобы убить виттоля (или не осмелится допустить подобную бестактность).

[42] notes: 42

Спиранья: примитивный одноместный летательный аппарат — в

сущности, не более чем крыло с закрепленным на нем огнестрельным орудием. Используется ульдрами благородных каст при нападениях на вражеские племена и поединках между собой.

Джемаз.

«Отец прислал письмо, — объяснил Кельсе. — Я тебе говорил, он ездил к ветроходам в Пальгу. Похоже на то, что путешествие превзошло все его ожидания». Кельсе вынул письмо и прочел вслух: «Мне пришлось пережить невероятные приключения. Смогу рассказать одну забавную шутку — я затратил десять лет на то, чтобы ее раскопать. Потрясающая по своей нелепости ситуация! Ты будешь смеяться до слез…» Кельсе пропустил пару строк: «Дальше он пишет, что встретит нас в Галигонге: „Не смею появляться в Оланже. Очередное сборище надушенных обезьян у Вальтрины мне просто не под силу. Вся эта болтовня вокруг да около и выше облака ходячего — за ней ничего не стоит, кроме нежелания смотреть правде в лицо и называть вещи своими именами. Сцинтаррийские ханжи, словоблуды, эстеты, очковтиратели, сибариты, сикофанты! Как вспомню, так вздрогну. Не забудь захватить Джорда нам нужно вместе вернуться в усадьбу. Он не хуже тебя оценит масштабы комедии. Передай Шайне, что я буду рад снова увидеть ее дома…“ Ну, и дальше еще несколько слов в том же роде. Он, однако, нигде не упоминает, в чем, собственно, заключается комедия».

«В высшей степени загадочно», — согласился Джерд Джемаз.

«Я тоже не понимаю — что вызвало у отца взрыв веселья? Что он обнаружил на плоскогорье Пальги? Надо полагать, что-то необычное — с чувством юмора у него всегда было туго».

«Что ж, завтра узнаем, — Джемаз поднялся на ноги. — А теперь прошу меня извинить, осталось несколько неотложных дел». Он слегка поклонился Шайне — как ей показалось, достаточно пренебрежительно.

Кельсе спросил: «Ты придешь на вечеринку к Вальтрине?»

Джемаз покачал головой: «На многолюдных приемах я… не в свой тарелке».

«Полно, сделай нам одолжение! — воскликнул Кельсе. — К тому же у тебя, скорее всего, будет редкая возможность полюбоваться на Серого Принца — его пригласили в числе прочих местных знаменитостей».

Джемаз поразмышлял несколько секунд — так, как если бы Кельсе выдвинул неожиданно убедительный, но чреватый сложными последствиями аргумент: «Хорошо, я приду. Где и когда?»

«Вилла Мирасоль, в четыре часа пополудни».

Глава 2

Дорога к вилле Мирасоль — продолжение проспекта Харанотиса — петляла по склону Панорамной горы в рощах гонаивы, корифонского тика, лангтанга и булавоголова. Нырнув под въездную арку, она огибала обширный газон и кончалась у виллы в легком и приятном стиле рококо-декаданса — элегантного сооружения из прозрачных и матово-белых стеклянных панелей, разделенных узкими колоннами с каннелюрами и увенчанных, на манер пагоды, ступенчатой крышей, спускавшейся под разными углами на разных уровнях.

Вальтрина д'Арабеск, приходившаяся сестрой деду Шайны и Кельсе, приветствовала обоих с бурным энтузиазмом, вполне искренним, хотя и распространявшимся на всех гостей без исключения. Шайну неизменно поражали неиссякаемые энергия и общительность тетушки. Кельсе считал, что Вальтрина придает слишком большое значение модным увлечениям, но даже он не мог не одобрять ее щедрое гостеприимство. И Шайна, и Кельсе приготовились к настойчивым приглашениям — и не ошиблись. Вальтрина требовала,

чтобы они немедленно переехали из гостиницы в Мирасоль и оставались у нее неделю, две недели, месяц! «Я же вас не видела целую вечность! Шайна, сколько лет прошло? Даже не помню…»

«Пять».

«Неужели? Как летит время! Честно говоря, никогда не понимала, почему ты вдруг взяла и сиганула на Танквиль. Твой отец, конечно, динозавр, но при всем при том он такой душка! Хотя ему, видите ли, недосуг заехать на денек-другой в Оланж… Интересно, чем он так занят у себя в поместье? Там же положительно нечем развлечься! Глушь, дебри, захолустье!»

«Ну зачем же преувеличивать! У нас, например, много великолепных видов».

«Вполне возможно. Но Ютер и его приятели упорно делают вид, что им нравится мозолить глаза аборигенам. Этого я тоже никогда не понимала. Рассветная усадьба напоминает пограничный форт».

«Тебе не мешало бы как-нибудь у нас побывать», — заметил Кельсе.

Вальтрина решительно отвергла такую возможность в принципе: «С детства там не была, а теперь меня туда никакими пряниками не заманишь. Ваш дед Нориус еще умел жить в

ногу со временем, даром что помещик. Помню, в свое время он устраивал приемы — откровенно говоря, слишком церемонные. А еще он возил нас на пикник к громадному каменному столбу, красному, как кирпич… Запамятовала — как называлось это место?»

«Ржавый Перст?»

«Вот-вот. Расположились мы под этим Перстом, а мимо проезжали всадники из местного племени. Смотрят на нас и хмурятся: дескать, понаехали сюда всякие, отняли у нас землю, а теперь что хотят, то и делают… Пустого места у вас в глуши, конечно, более чем достаточно, но я хотела сквозь землю провалиться! Как можно устраивать пикники, будучи на осадном положении?»

«Ао не нарушают мир. Мы помогаем им, они — нам. В наших отношениях нет ни вражды, ни презрения», — терпеливо возразил Кельсе.

Вальтрина с улыбкой покачала головой: «Дорогой мой, откуда ты знаешь, что у них на уме? Конечно, ульдры возмущаются наглостью пришлых, даже если на их синих лицах ничего не написано. У меня есть друзья среди кочевников, от меня правду не скроешь! Но зачем я стала бы тебя переубеждать? Ты еще недавно пешком

под стол ходил и полон радужных иллюзий. Пойдемте, я представлю вас гостям. Или вы предпочитаете сами бродить вокруг да около?»

«Мы лучше как-нибудь сами обойдемся», — буркнул Кельсе.

«Как хотите. Позовите Алджера, он принесет что-нибудь выпить. И пожалуйста, Кельсе, не надо хвататься за оружие и стрелять, как только ты увидишь моих эрджинов. Их зовут Сим и Слим, они совсем ручные и страшно дорогие. Вечером мы еще успеем поболтать на славу!» — Вальтрина отправилась встречать группу новоприбывших. Кельсе взял Шайну под локоть и подвел ее к буфету, где дворецкий Алджер колдовал над коктейлями, смешанными по рецептам, не менявшимся с незапамятных времен. Брат и сестра приняли у него из рук по бокалу пунша и принялись разглядывать собравшихся, чтобы сориентироваться. Шайна не замечала ни одного знакомого лица. Ульдры были тут как тут, человек шесть: высокие, поджарые, длинноносые сорвиголовы с отливающей ультрамарином синевато-серой кожей и перевязанными лентами, высоко торчащими пучками бледно-рыжеватых волос.

Кельсе пробормотал сестре на ухо: «Вальтрина

не отстает от моды. Нынче в Оланже ни одна вечеринка не обходится без ульдры, а здесь их предостаточно».

«Почему бы кочевников было зазорно приглашать в гости? — возразила Шайна. — Они такие же люди, как мы».

«Почти такие же. Их вельдевиста[43] чужда нашей. Если говорить об эволюции в геологических терминах, между нами и ульдрами образовался разлом, причем они продолжают потихоньку дрейфовать в сторону».

Шайна вздохнула и присмотрелась к ульдрам повнимательнее: «Среди них нет Серого Принца?»

«Нет».

Мимо проходила Вальтрина в сопровождении человека средних лет — привлекательной, хотя и ничем не примечательной наружности, в темно-сером костюме, расшитом бледно-серыми узорами. Задержавшись, она представила спутнику своих родственников: «Эррис, вот мои племянники-Мэддоки, Шайна и Кельсе. Шайна

---

[43] notes: 43

Вельдевиста: термин из лексикона социоантропологов, суммирующий сложную структуру взаимоотношений индивидуума с окружающей средой, свойственных ему способов толкования событий, осознание им своей роли во Вселенной, его характер и личность в сравнении с представителями других культур.

только что вернулась с Танквиля, где закончила лицей. Шайна, Кельсе — перед вами Эррис Замматцен, заседающий в Думе. Очень влиятельный человек». Тетушка добавила — пожалуй, с некоторым злорадством: «Шайна и Кельсе выросли в Рассветном поместье Алуана и считают, что на Корифоне больше нигде нельзя жить по-человечески».

«Надо полагать, им известно нечто, о чем мы не догадываемся».

Шайна спросила: «А вы родились в Оланже, домине[44] Замматцен?»

«Что вы, я — пришлый, подобно большинству горожан. Двенадцать лет тому назад я здесь поселился, чтобы удалиться на покой, но о каком покое может быть речь, когда Вальтрина и десятки других активистов требуют, чтобы я стоял на страже, не смыкая глаз? Нигде не видел такой бурной интеллектуальной жизни, как в Оланже! Поверьте мне, все это чрезвычайно утомительно».

---

[44] notes: 44

В пределах Ойкумены повсеместно распространены два основных обращения: почтительное «домине», буквально означающее «господин» или «госпожа» и применяемое, как правило, по отношению к лицам, занимающим выдающееся или высокое положение, и обычное вежливое «висфер», происходящее от звания «виасвар», в древности присваивавшегося землевладельцам-ординариям Легиона Истины.

В ответ на призывные жесты Вальтрины приблизилась высокая женщина с длинными светлыми локонами, завитыми в напоминающие пружинки спирали. Слишком крупные черты ее лица, преувеличенные косметикой, напоминали маску паяца — Шайна даже спросила себя: «Над кем она издевается — над собой или над миром?» Вальтрина произнесла громогласно-хриплым контральто: «А вот и Глинта Избейн, наша очередная знаменитость — она научила трех морфотов играть в дезисто и выиграла у них множество умопомрачительных трофеев! Глинта — секретарь ООС и гораздо глубже вникает в вещи, чем может показаться на первый взгляд».

«ООС? — спросила Шайна. — Это еще что? Простите, я только что вернулась на Корифон».

«Общество освобождения Сцинтарре».

Шайна недоуменно улыбнулась: «От кого и зачем освобождать Сцинтарре? По-моему, здесь и так все делают, что хотят».

«Не совсем, — с холодком отвечала Глинта Избейн. — Никто не желает… точнее говоря, никто не признаёт, что стремится эксплуатировать тяжелый труд и неудобства других с выгодой для себя, но каждый знает, что нередко такая эксплуатация имеет место. Поэтому работники

сформировали гильдии, чтобы защищать свои интересы. И что же? Теперь в руках директора Ассоциации гильдий сосредоточена огромная власть! Было бы излишне напоминать о злоупотреблениях, связанных с таким положением вещей. Задача ООС в том, чтобы противопоставить излишествам гильдий равносильное, восстанавливающее баланс влияние».

К собеседникам присоединился высокий молодой блондин с простодушными серыми глазами и приятной смешливой физиономией, сразу же расположившей к нему Шайну. Он заметил: «Обе группировки — ООС и Ассоциация гильдий — поддерживают мою организацию. Остается только сделать вывод, что противники тайком сговорились, и что все их пререкания — не более чем показуха для непосвященных».

Глинта Избейн рассмеялась: «Обе группировки поддерживают БЭЭ, но руководствуются при этом совершенно несовместимыми побуждениями. Только ООС делает это бескорыстно и принципиально».

Повернувшись к тетке, Шайна взмолилась: «У меня голова идет кругом от всех этих сокращений. Что такое БЭЭ?»

Вместо того, чтобы вдаваться в разъяснения,

Вальтрина подвела поближе молодого блондина: «Эльво, ты еще не видел мою очаровательную племянницу, только что вернувшуюся с Танквиля».

«Рад познакомиться!»

«Шайна Мэддок — Эльво Глиссам. А теперь, Эльво, расскажи ей, что такое БЭЭ, но даже не заикайся обо мне или о моих драгоценных лакеях, а то я прикажу им взять тебя за шиворот и вышвырнуть на улицу!»

«БЭЭ — общество „Борцов за эмансипацию эрджинов“, — охотно откликнулся Эльво Глиссам. — Только не подумайте, что мы сентиментальные барышни! Мы протестуем против вопиющей несправедливости порабощения разумных существ. Вальтрина, содержащая эрджинов в услужении, нередко становится мишенью нашей критики. Подождите, мы еще упрячем ее за решетку. Если она не раскается и не освободит своих рабов».

«Ха! Прежде, чем это произойдет, тебе придется доказать мне две вещи — нет, три! Во-первых, докажи, что Сим и Слим — разумные существа, а не домашние животные. Во-вторых, ниоткуда не следует, что они предпочитают дикий образ жизни домашней службе. И потом — где еще ты

найдешь такую послушную, сообразительную, породистую и надежную прислугу, как мои горчичночерные красавцы? Если уж на то пошло, я собираюсь прикупить еще трех-четырех эрджинов: со временем из них выйдут превосходные садовники».

Как раз в этот момент один из лакеев-эрджинов вошел в приемный зал, толкая перед собой тележку-этажерку с посудой. Оглянувшись через плечо, Шайна невольно отшатнулась: «Как вы не боитесь? Самец, чуть не сожравший Кельсе, был не больше! Пожалуй, даже поменьше этого».

«Моя бы воля, — отозвался Кельсе, — я бы их всех перестрелял».

В голосе Глинты Избейн появилась неприятная резкость: «Если они разумны, это было бы убийством. Если нет, это было бы просто жестокостью».

Кельсе пожал плечами и отвернулся. Джерд Джемаз, недавно прибывший и уже несколько минут следивший за разговором со стороны, нарушил молчание: «У нас есть основания бояться эрджинов. У вас, по-видимому, их нет. Кстати, в Оланже почему-то не заметно ни одной партии или группировки, требующей освободить эрджинов, укрощаемых ульдрами-наездниками».

«Вот и основали бы такую партию!» — отрезала Глинта Избейн.

Эррис Замматцен усмехнулся: «Причины, по которым профессиональные гильдии активно поддерживают организацию висфера Глиссама, очевидны: эрджины сбивают цены на труд. Сам висфер Глиссам, надо полагать, руководствуется иными побуждениями».

«Разумеется. Хартия Ойкумены запрещает рабовладение, а эрджины порабощены. В Оланже их, по меньшей мере, не подвергают жестокому обращению. В Уайе дела обстоят по-другому. А ветроходы, о чьей неблаговидной роли все предпочитают не вспоминать, — просто-напросто работорговцы!»

«Или дрессировщики, если с их точки зрения эрджины — не более чем сообразительные твари».

Шайна не выдержала: «Не понимаю, как им удается укрощать эрджинов. По-моему, это должно быть невозможно в принципе. Эрджины — злобные, безжалостные чудовища, люто ненавидящие всех людей!»

«Сим и Слим совершенно безобидны, — возразила Вальтрина. — Почему это так и каким образом их укротили? Не имею ни малейшего

представления».

Сим, напоминавший мохнатого великана в роскошной ливрее, снова проходил мимо. Встретившись глазами с непроницаемым оранжевым свечением, исходившим из-под рыжеватых пучков «бровей», служивших эрджину оптическими рецепторами, Шайна поежилась — у нее возникло отчетливое ощущение, что дрессированный лакей прекрасно понимает происходящее: «Может быть, Сим предпочел бы никогда не попадаться в руки ветроходам. Никто не знает, как они одомашнивают эрджинов. Холостят? Лоботомируют? Гипнотизируют? Просто бьют, пока те не привыкают подчиняться людям?»

«Спроси его!» — любезно предложила Вальтрина.

«Меня не учили с ними объясняться».

Контральто Вальтрины стало высокомерным и беззаботным: «Так о чем же ты беспокоишься? Мои эрджины могут уйти, когда им заблагорассудится. Я не держу их на цепи. Знаешь, почему они работают? Потому что вилла Мирасоль им нравится гораздо больше, чем пустынные нагорья Уайи. И никто не жалуется — кроме Ассоциации профессиональных гильдий, усматривающей в эрджинах угрозу их невероятно завышенным

ставкам заработной платы!» Вальтрина д'Арабеск надменно кивнула, подчеркивая неоспоримость своего суждения, и прошествовала в противоположный конец зала, где еще одна оживленно беседующая группа окружила пару серокожих кочевников.

Джерд Джемаз изрек, не обращаясь ни к кому в частности: «Нельзя сказать, что вся эта болтовня — пустая трата времени. По-видимому, для многих такое времяпровождение превратилось в пристрастие, доставляющее удовольствие, сходное с утолением голода».

Глинта Избейн соблаговолила дать ледяной ответ: «Слова — средства передачи идей. Идеи — компоненты осмысления мира».

Джемаз ухмыльнулся: «Вы, вероятно, даже не догадываетесь, что дали очень любопытную оценку происходящему».

Глинта Избейн демонстративно отвернулась и направилась туда же, куда раньше, как магнитом, притянуло Вальтрину д'Арабеск. Джемаз и Кельсе возвратились к буфету, и Алджер снабдил их прохладительными коктейлями. Шайна заинтересовалась парой алуанских светильников, высеченных из красного кремнистого известняка в характерном для кочевников стиле дерзкой

асимметрии. Эльво Глиссам оказался рядом: «Вам нравятся эти лампы?»

«Любопытные поделки, — сказала Шайна. — Но лично я не стала бы держать такой светильник у себя дома».

«Даже так? На мой взгляд, ульдры выражают преклонение перед безрассудной отвагой, нарочито пренебрегая правильностью форм».

Шайна неохотно кивнула: «Надо полагать, во мне не изжиты предрассудки детства. В Рассветной усадьбе ульдрам приписывали капризную рассеянность, неуравновешенность, диковатую самонадеянность. Теперь я понимаю, что для кочевников единообразие и гармония — своего рода признаки раболепия, подчинения правилам, установленным другими. В беспорядочности форм они находят выражение своему индивидуализму».

«Возможно, с их точки зрения упорядоченность, свидетельствующая о внутренней дисциплине, заключается в чем-то другом — например, в очевидной трудоемкости обработки поверхностей».

Шайна поджала губы: «Сомневаюсь, что ульдры рассуждают столь прямолинейно. Кочевники — в особенности вольные ульдры — заносчивы и бесцеремонны. Агрессивные выходки считаются

у них в порядке вещей. Подозреваю, что их поделки относятся к разряду таких выходок. Ульдра, высекающий каменный светильник, тем самым говорит пришлому покупателю: „Что хочу, то и делаю, мне никто не указ. Не нравится? Найди себе другую лампу“».

«Возникает такое впечатление, несомненно. В лучшем случае — вдохновенное пренебрежение условностями. В худшем — своего рода капризная, вызывающая неуживчивость».

«По сути дела, вы дали определение характера ульдры».

Эльво Глиссам глядел в другой конец зала — туда, где красовались два приглашенных кочевника. Шайна краем глаза наблюдала за ним. Она решила, что он ей нравится — проницательный молодой человек чуть выше среднего роста, не без чувства юмора, вежливый. Кроме того, на него приятно посмотреть: мягкие светлые волосы, правильные черты лица… Небрежная свобода движений выдавала в нем если не спортсмена, то одного из тех любимцев судьбы, кому не стоит труда всегда оставаться в хорошей форме. Глиссам повернулся, заметил, что собеседница его изучает, и смущенно улыбнулся. Шайна поспешила спросить: «Вы не местный? Я имею в виду,

вы не родились на побережье Сцинтарре?»

«Я из Дженнета на Диаманте — унылого города на безотрадной планете. Мой отец издает фармацевтический журнал. И по сию пору я, наверное, писал бы заметки о патентованных порошках от микоза ступней, если бы мой дед не подарил мне на день рожденья лотерейный билет».

«Билет выиграл?»

«Сто тысяч СЕРСов[45]».

«И что вы сделали с деньгами?»

Эльво Глиссам ответил небрежным или, может быть, просто скромным жестом: «Ничего особенного. Заплатил семейные долги, купил сестре туристический аэромобиль и положил оставшееся в банк под проценты. И вот я здесь — доходы у меня незавидные, но на жизнь хватает».

«И что вы делаете — кроме того, что просто живете?»

«Ну, я нашел себе пару занятий. Как вы знаете,

---

[45] notes: 45

СЕРС (стандартная единица расчета стоимости): денежная единица, имеющая хождение по всей Ойкумене; определяется как ценность одного часа неквалифицированного труда в стандартных условиях. Все остальные валюты, если они применяются, легко конвертируются в СЕРСы, потому что только СЕРСы позволяют измерять относительную ценность любых товаров и услуг как эквивалент того или иного числа человеко-часов тяжелого физического труда — единственного универсального продукта, предлагаемого и потребляемого на любой населенной людьми планете.

я работаю на БЭЭ. А еще я собрал целую коллекцию боевых гимнов ульдр. Ульдры музыкально одарены от природы и сочиняют замечательные песни, заслуживающие гораздо большего внимания, чем то, какое им уделялось до сих пор».

«Я выросла под эти песни, — заметила Шайна. — Если бы у меня было подходящее настроение, я могла бы, не сходя с места, завыть что-нибудь такое, от чего у гостей тетки Вальтрины кровь в жилах застынет!»

«Имейте сострадание — не здесь и не сейчас».

Шайна рассмеялась: «У меня не слишком часто возникает желание „развести десять тысяч костров, чтобы сжечь десять тысяч врагов — одного за другим, и с пристрастьем таким, чтоб от воплей их корчился дым!“...»

«Кстати, сегодня, кажется, должен появиться Серый Принц».

«Серый Принц — грядущий мессия Алуана, демагог и подстрекатель, гроза пришлых захватчиков?»

«Нечто в этом роде. Он выступает за создание „Паналуанского фронта“ вольных племен, призванного со временем приобщить и поглотить договорных ульдр, а затем, в конечном счете, изгнать помещиков из Уайи. Здесь его поддер-

живает и финансирует „Союз раскрепощения“ — другими словами, почти все население Сцинтарре».

«И вы тоже?»

«Э-э… Мне не хотелось бы признаваться в этом дочери помещика».

Шайна вздохнула: «Что поделаешь. Меня это не задевает. Вернусь в Рассветную усадьбу и буду там жить. Я решила больше не спорить с отцом».

«Разве вы не ставите себя тем самым в неудобное положение? Я чувствую, что вам не безразлична справедливость — или, если можно так выразиться, игра по правилам…»

«Другими словами, вы считаете, что мне следовало бы сочувствовать раскрепостителям? Не знаю, что вам сказать. Рассветная усадьба — мой дом, меня научили так думать, я родилась и выросла в поместье. Что, если у меня нет никакого права там оставаться? Хотела бы я остаться, несмотря ни на что? Честно говоря, я рада, что в данном случае мое мнение не имеет никакого значения, и что я могу вернуться домой, не испытывая муки совести».

Эльво Глиссам рассмеялся: «По крайней мере вы откровенны. На вашем месте я, наверное, смотрел бы на вещи так же. Кельсе — ваш брат? А кто

этот темноволосый субъект с таким выражением на лице, будто у него несварение желудка?»

«Это Джерд Джемаз из Суанисета, поместья к востоку от нашего. У него всегда был несколько надменный и мрачноватый характер, сколько я его помню».

«По-моему, кто-то сказал — кажется, Вальтрина — что на Кельсе напал эрджин?»

«О да. Это было ужасно. С тех нор я цепенею от страха при виде эрджина. Не могу поверить, чтобы эти огромные твари были беззлобны и послушны».

«Среди людей встречаются самые несовместимые манеры поведения. Эрджины тоже принадлежат к разным породам, причем отдельные особи могут сильно отличаться повадками от других».

«Может быть… Но стоит мне взглянуть на их жуткие пасти и волосатые лапищи, как я вспоминаю несчастного Кельсе — маленького, окровавленного, растерзанного на куски…»

«Каким чудом он выжил?»

«Его спас Кексик — мальчишка-ульдра. Подбежал с ружьем и буквально отстрелил эрджину голову. Бедняга Кельсе. Впрочем, Кексику тоже не повезло…»

«Что случилось с Кексиком?»

«Это долгая и неприятная история. Не хочу об этом говорить».

Какое-то время собеседники стояли в молчании. Наконец Эльво Глиссам сказал: «Давайте прогуляемся по террасе, посмотрим на море — завтра вам туда лететь...»

Шайне его предложение показалось удачным, и они вышли. Уже темнело, но воздух оставался теплым и влажным. За пальмовыми листьями кампандера обширным неправильным полумесяцем искрились огни Оланжа. Выше горели звезды Ойкумены — иные, казалось, многозначительно подмигивали, намекая на величие взлелеянных ими населенных миров.[46]

Эльво Глиссам продолжал: «Час тому назад я даже не подозревал о вашем существовании, а теперь в моей жизни появилась Шайна Мэддок, и мне будет жаль с вами расстаться. Вы уверены, что в Алуане вам будет лучше, чем в Оланже?»

---

[46] notes: 46

В мирах Ойкумены и скопления Аластор, особенно на планетах пасторального типа, образовалась новая профессия звездочета — человека, умеющего называть звезды и рассказывать истории о народах, населяющих далекие солнечные системы. За небольшую мзду странствующие звездочеты оживляли вечерние сборища, откликаясь на вопросы гостей, указывавших на ту или иную звезду, и поражая их воображение чудесными повествованиями и описаниями диковинных обычаев и достопримечательностей, таящихся в глубинах космоса.

«Мне не терпится вернуться домой!»

«Вернуться — в унылые, дикие просторы? Они вас не подавляют?»

«Конечно, нет! Какая чепуха! Кто вам заморочил голову? Алуан великолепен! Небо раскинулось так широко, горизонты так далеки, что горы, долины, леса и озера теряются в перспективах! Все купается в море воздуха и света — это не поддается определению. Могу только сказать, что в Уайе что-то творится с душой. Последние пять лет мне страшно не хватало Рассветного поместья».

«Любопытно. В вашем описании Алуан совсем не таков, каким его привыкли представлять себе здесь».

«О, там очень красиво, но легкой жизни там нет. Ульдры говорят, что Уайя не прощает слабых. Трудностей и опасностей у нас больше, чем радостей и развлечений. Если бы вам привелось видеть, как дикие эрджины уничтожают скот, вы, может быть, не становились бы на их сторону с такой уверенностью».

«Ну вот! Вы меня совершенно не понимаете! Я не сторонник эрджинов. Я противник рабства, а эрджинов поработили».

«Диких эрджинов никто не порабощал! Лучше было бы, если б этим действительно кто-нибудь

занялся».

Эльво Глиссам безразлично пожал плечами: «Никогда не видел дикого эрджина и, скорее всего, у меня не будет такой возможности. В Сцинтарре они практически вымерли».

«Приезжайте в Рассветную усадьбу — насмотритесь на диких эрджинов в свое удовольствие».

В голосе Глиссама появилась тоскливая нотка: «Я принял бы приглашение, если бы знал наверняка, что вы не шутите».

Шайна колебалась только мгновение, хотя первоначально ее предложение было скорее фигуральным оборотом речи, нежели фактическим приглашением: «Я не шучу».

«А что подумает Кельсе? А ваш отец?»

«Почему бы они возражали? В Рассветной усадьбе всегда рады принимать гостей».

Эльво Глиссам задумался: «Когда вы отправляетесь?»

«Рано утром. Полетим с Джердом Джемазом в Галигонг, на окраине Вольных земель. Там нас встретит отец. А к завтрашнему вечеру мы уже будем в Рассветной усадьбе».

«Ваш брат может подумать, что я навязываюсь».

«Ни в коем случае! Почему бы он так поду-

мал?»

«Ну хорошо. Буду очень рад к вам присоединиться. Честно говоря, меня перспектива такого путешествия волнует необычайно, — Эльво Глиссам, перед этим облокотившийся на балюстраду, решительно выпрямился. — В таком случае мне придется покинуть вечеринку, чтобы собраться в путь и отложить несколько дел. А завтра утром мы встретимся в вестибюле вашего отеля».

Шайна протянула ему руку: «Тогда до завтра».

Глиссам поклонился и поцеловал ее пальцы: «До завтра». Он повернулся и ушел. Шайна смотрела ему вслед с невольной полуулыбкой на лице, чувствуя, как к горлу поднимается теплая, щемящая волна.

Шайна вернулась в виллу Мирасоль и бродила из комнаты в комнату, пока не оказалась в полутемном помещении, которое Вальтрина нарекла «качембой» и обставила так, как по ее мнению должно было выглядеть пещерное святилище кочевников. Здесь Шайна нашла Кельсе и Джерда Джемаза, обсуждавших подлинность древних фетишей тетки Вальтрины.

Кельсе нашел кощунственную маску[47] и поднял ее к лицу: «Попахивает дымком габбхута, а отверстия ноздрей кто-то чем-то смазывал… кажется, дильфом».

Шайна усмехнулась: «Хотела бы я знать, сколько масок походят на вас двоих, и в каких качембах их прячут?»

«Не сомневаюсь, что и меня, и Кельсе почтили несколькими изображениями, — отозвался Джемаз. — Суанисетские фаззы не столь дружелюбны, как ваши ао. В прошлом году я заглянул в качембу у Канильской заводи. И что вы думаете? Там соорудили целый макет нашей цитадели».

«А маски там были?»

«Всего две: моя и моего отца. Причем на маску отца надели красный колпак — дело сделано».

Через три года после прибытия на Танквиль Шайна получила от брата извещение о внезапной кончине Пало Джемаза, отца Джерда, сбитого

---

[47] notes: 47

Кощунственная маска: шаман-ульдра надевает маску из обожженной глины, напоминающую внешность человека, вызвавшего недовольство соплеменников шамана, наряжается, по возможности, в краденую или выброшенную одежду негодяя и украшает волосы султаном-соцветием касты супостата, после чего посещает тайное святилище — качембу — неприятельского племени и кощунствует, то есть всячески оскверняет фетиши демонов-хранителей врагов, ожидая, что гнев оскорбленных божеств обрушится не на него, а на того, под чьей личиной он проник в качембу.

в полете неизвестным ульдрой.

«В данном случае демон-хранитель воспользовался спираньей», — заметил Кельсе.

Джемаз коротко кивнул: «Раз или два в неделю я вылетаю на своем „Дэйси“ поохотиться. До сих пор мне не везло».

Шайна решила сменить тему разговора: «Кельсе, я пригласила Эльво Глиссама в Рассветную усадьбу».

«Глиссама? Защитника прав эрджинов?»

«Да. Он никогда не видел диких эрджинов. Я пообещала, что у нас он сможет на них полюбоваться. Ты не возражаешь?»

«Почему бы я возражал? Судя по всему, он порядочный человек».

Все трое вернулись в главный приемный зал. Шайна сразу заметила среди гостей высокого молодого ульдру в строгой мантии алуанского вождя. Его облачение, однако, было сплошь серым, тогда как вожди кочевников по традиции носили темно-красные, пунцовые или розовые одеяния. Статный ульдра отличался внушительной, даже привлекательной наружностью, кожа его отливала синевой моря, выбеленные волосы сверкали, как лед. Шайна замерла от изумления, похожего на испуг. Широко раскрыв глаза, она

повернулась к брату: «Что он здесь делает?»

«Перед тобой Серый Принц! — язвительно провозгласил Кельсе. — Его принимают в лучших домах Оланжа».

«Но как… почему…»

«Каким-то образом его убедили взять на себя роль спасителя синей расы».

Джерд Джемаз иронически хрюкнул. Шайна внезапно вспыхнула, разозлившись не на шутку — и на Джемаза, прирожденного хама и невежду, и на Кельсе, не уступавшего отцу ворчливостью и упрямством… Она взяла себя в руки. В конце концов, Кельсе потерял ногу и руку. По сравнению с его утратой ее огорчения были мелочными, несущественными… Серый Принц, обводивший взором лица присутствующих, увидел Шайну. Чуть наклонившись, он присмотрелся, выпрямился с радостным удивлением, быстрыми шагами направился к Шайне и встал прямо перед ней.

Кельсе обронил скучающим тоном: «Привет, Кексик».

Вскинув голову, как породистый конь, Серый Принц расхохотался: «Кексика больше нет! Приходится беспокоиться о престиже, — легкий акцент, свойственный всем ульдрам, придавал

его речи дополнительную живость и настойчивость. — Для друзей детства я — Джорджол, а если вы настаиваете на формальностях, то — принц Джорджол».

«Вряд ли мы станем настаивать на формальностях, — съязвил Кельсе. — Ты, наверное, не забыл Джерда Джемаза из Суанисета?»

«Прекрасно его помню, — Джорджол поклонился и поцеловал Шайне руку. — Если вам так приспичило, зовите меня Кексиком, хотя...» Джорджол обвел глазами приемный зал, скользнув взглядом по лицам Кельсе и Джерда так, как если бы они были частью безличной толпы: «Предпочел бы, чтобы здесь об этом прозвище не знали. Шайна, где ты пропадала? Прошло пять лет!»

«Пять долгих лет».

«Бесконечность! С тех пор все изменилось».

«В твоем случае — явно в лучшую сторону. Насколько я понимаю, в Оланже только и говорят, что о тебе. Хотя я до сих пор не понимала, что Серый Принц — это ты!»

«Да, я преодолел много преград, и собираюсь преодолеть еще по меньшей мере столько же. Даже если это создает определенные неудобства для моих старых друзей», — теперь взгляд Джор-

джола задержался, наконец, на лицах Кельсе и Джерда. Но он тут же вернулся к Шайне: «Что ты теперь будешь делать?»

«Завтра возвращаюсь в Рассветное поместье. Отец встретит нас в Галигонге, оттуда мы полетим домой».

«Значит, решила стать крепостницей?»

«Крепостницей? Это еще что такое?»

Кельсе произнес тоном старика, уставшего от детских шалостей: «Всякого, кто не подлизывается к раскрепостителям, тут же обзывают крепостником».

Шайна возразила кочевнику: «Я возвращаюсь, оставаясь самой собой, ни больше ни меньше, и ни с кем не собираюсь ни о чем препираться».

«Это может оказаться труднее, чем тебе кажется».

Шайна с улыбкой покачала головой: «С отцом я как-нибудь свыкнусь. Ты прекрасно знаешь, что он человек разумный, и жестокостью не отличается».

«Как любая стихийная сила! Бури, грозы, ураганы — их тоже нельзя назвать неразумными или жестокими. Но с ними невозможно справиться, взывая к доброте и логике».

Шайна печально рассмеялась: «И ты намерен

„справиться“ с моим бедным отцом?»

«Другого выхода нет. Я — раскрепоститель. Я обязан вернуть своему народу земли, отнятые у него твоим народом, отнятые обманом и насилием!»

Джерд Джемаз поднял глаза к потолку и наполовину отвернулся. Кельсе сказал: «Кстати о моем отце. Сегодня я получил от него письмо — весьма любопытное. В частности, он пишет: „Если, паче чаяния, ты встретишься с бездельником и плутом Джорджолом, постарайся привести его в чувство. Так будет лучше для него самого. Возможно, перспектива делать карьеру в Рассветной усадьбе его больше не привлекает. Тем не менее, передай ему, что после того, как надутый им пузырь лопнет (а это рано или поздно произойдет), я всегда буду рад приветствовать его у себя — по причинам, всем нам хорошо известным. Я только что вернулся из Вольводеса и не могу дождаться вашего приезда. Мне пришлось пережить невероятные приключения. Смогу рассказать одну забавную шутку — я затратил десять лет на то, чтобы ее раскопать. Потрясающая по своей нелепости ситуация! Ты будешь смеяться до слез… Не сомневаюсь, что Джорджол тоже мог бы извлечь из моего рассказа весьма поучительную

мораль…“. Остальное к тебе не относится».

Джорджол высоко поднял выбеленные брови: «О чем это он? Я не интересуюсь анекдотами».

«Не знаю, не знаю… Мне, например, не терпится выяснить, кому и как впервые удалось рассмешить отца до слез».

Джорджол погладил свой длинный нос, лишенный — явно хирургическим путем — типичного для любого ульдры уродливо свисающего кончика: «Насколько я помню, Ютер Мэддок действительно никогда не отличался чувством юмора».

«Верно, — кивнул Кельсе. — Тем не менее, он устроен гораздо сложнее, чем ты себе представляешь».

Джорджол нахмурился, помолчал: «Твой отец руководствовался, главным образом, строгими правилами этикета. Кто знает, что он за человек на самом деле?»

«Всех нас формируют жизненные обстоятельства», — пожал плечами Кельсе.

Джорджол широко ухмыльнулся, обнажив зубы белее выбеленных волос, сверкнувшие на фоне темной синеватой кожи: «О нет! Я — это я, потому что я сам — вершитель своей судьбы!»

Шайна не сумела сдержать нервную усмешку: «Послушай, Кексик… Джорджол — Серый Принц

— как бы ты себя не называл — опомнись! Если ты будешь выкрикивать лозунги с такой страстью, люди испугаются и подумают, что ты спятил».

Ухмылка Джорджола слегка увяла: «Как тебе известно, я человек страстный». Вальтрина позвала его с другого конца зала. Джорджол откланялся, бросил последний быстрый взгляд на Шайну и удалился.

Шайна глубоко вздохнула: «Что правда, то правда. Его всегда обуревали страсти».

Поблизости оказался Эррис Замматцен: «Не могу не заметить, молодые люди, что вы, по-видимому, близко знакомы с Серым Принцем?»

«С Кексиком? А как же! — злорадно отозвался Кельсе. — Отец подобрал его младенцем на окраине Вольных земель — он даже не подкидыш, родители бросили его подыхать в пустыне. Кексик вырос с нами в усадьбе, под присмотром управляющего-ао».

«Отец всегда жалел Кексика, — задумчиво произнесла Шайна. — Когда нас ловили на какой-нибудь злостной проделке — а хулиганили мы на славу! — мы с Кельсс непременно получали затрещины, а Кексик отделывался выговором».

«По сути дела жалостью это назвать нельзя, — возразил Кельсе. — Отец просто-напросто

соблюдал этикет, упомянутый тем же Кексиком. Ударить синего — хуже, чем убить».

Замматцен взглянул на группу кочевников, стоявших поодаль: «Выглядят они достаточно внушительно. Не возникает ни малейшего желания подойти и влепить одному из них пощечину».

«Ответная пощечина не последует — ульдра промолчит, а потом зарежет вас в темном углу. Впрочем, может зарезать и сразу, при всех. У них только женщины дерутся голыми руками. Причем женские драки — популярная забава».

Замматцен с любопытством повернулся к Кельсе: «Возникает впечатление, что ульдры не вызывают у вас симпатию».

«Почему же? Ульдры ульдрам рознь. Наши ао, например, ведут себя вполне прилично. Шаман Кургеч — один из ближайших приятелей моего отца. В поместье запрещены женские драки и некоторые другие отвратительные обычаи. Но кочевники продолжают заниматься колдовством — с этим мы справиться не можем».

«Надо полагать, Джорджол не воспитывался как ульдра?»

«А он никак не воспитывался. Жил с управляющим-ао, на уроки ходил вместе с нами, играл

вместе с нами, носил ойкуменическую одежду. Мы даже не вспоминали о том, что он — синий».

«Я им всегда восхищалась, — заметила Шайна. — Особенно после того, как он спас Кельсе от эрджина».

«Даже так! Вы потеряли руку и ногу в схватке с эрджином?»

Кельсе сухо кивнул и собирался сменить тему разговора, но Шайна вмешалась: «Это случилось в трех километрах к югу от усадьбы. Мы играли в прятки под Ржавым Перстом. Эрджин выскочил из-за скалы и набросился на Кельсе. Джорджол подбежал вплотную и отстрелил эрджину голову — как раз вовремя. Если бы не он, Кельсе не стоял бы сейчас с нами. Отец всегда хотел отблагодарить Джорджола, сделать для него что-нибудь...» Шайна помолчала, восстанавливая в памяти события пятилетней давности: «Но возникли эмоциональные проблемы. У Джорджола началось аурау[48]. Он сбежал, и мы его больше не видели. Кургеч говорил, что он покинул Договорные земли и присоединился к гарганчам. Мы

---

[48] notes: 48

Аурау: непереводимый термин, обозначающий состояние кочевника, охваченного непреодолимым отвращением к любым ограничениям цивилизованного образа жизни. Иногда этот же термин применяется в отношении животного, заключенного в клетку и отчаянно стремящегося вырваться на свободу.

знали, что он из гарганчей — у него было родимое клеймо. Так что опасаться „втирания в землю“ не приходилось».

«Синие „втирают в землю“ пойманных кочевников из вражеских племен, — пояснил Кельсе. — Всего лишь одна из множества мучительных казней на все случаи жизни».

Шайна смотрела на Джорджола, красовавшегося среди гостей: «А сегодня мы повстречались с ним в вилле Мирасоль. Конечно, мы ожидали, что он сумеет за себя постоять, но кто мог подумать, что он сделает политическую карьеру?»

«Отец считал, что из него вышел бы неплохой пастух, складской рабочий или даже управляющий», — неприязненно произнес Кельсе.

«Вы не можете не согласиться с тем, что перед талантливым ульдрой, желающим проявить себя, добиться успеха или занять видное положение в обществе, закрыты практически все двери», — возразил Эррис Замматцен.

Джерд Джемаз иронически фыркнул: «Синий кочевник только и мечтает о том, как бы ему совершить успешный набег, получить большой выкуп или награбить денег на постройку спираньи. Он не желает становиться инженером или учителем — не больше, чем вы хотели бы стать

укротителем диких эрджинов».

«Я способен подавить в себе такое стремление», — улыбнулся Замматцен.

«Подумайте сами, — оживился Кельсе. — Синие могут свободно приезжать в Сцинтарре, посещать школы, приобретать любые профессии. Но кочевников, пользующихся этими возможностями, можно пересчитать по пальцам. Почему? Почему все синие в Оланже — агитаторы и прихвостни раскрепостителей, живущие на подачки? Все они преследуют только одну цель — вытеснить помещиков с Договорных земель».

«По их мнению, это их земля», — заметил один из нотаблей.

«Если им удастся нас изгнать, это будет их земля, — ответил Кельсе. — Если нет, она наша».

Замматцен пожал плечами и отвернулся. Кельсе прикоснулся к плечу сестры: «Нам пора. Завтра тяжелый день».

Шайна не возражала. Вместе с Джердом Джемазом они попрощались с Вальтриной и покинули виллу Мирасоль.

Было поздно, но Шайна не могла заснуть. Она вышла на балкон — постоять под звездами. Море утихло, город спал. Редкие огни мерцали вдоль берега и сквозь темную листву на склонах хол-

мов. Тишину нарушали только мягкие вздохи прибоя… Прошел день, полный событий. Кельсе, Джерд Джемаз, Вальтрина, Кексик (Серый Принц, не иначе!) — все они выступили из дымки детских воспоминаний, приобрели обостренные черты характера, вступили в напряженные отношения. Шайна вернулась домой, чтобы найти покой — теперь эта надежда казалась потерянной навсегда. Перед ее внутренним взором возникло лицо брата. Кельсе стал циничнее и суше, чем она могла себе представить. Он слишком быстро повзрослел — все его мальчишеское дружелюбие улетучилось. Джерд Джемаз? Черствый, безжалостный мужлан с каменным сердцем… Кексик, отныне именуемый Джорджолом — смышленый и галантный, как всегда. В Рассветной усадьбе его кормили и одевали, в ней ему дали образование, Рассветной усадьбе он обязан жизнью, в конце концов… А теперь Рассветное поместье стало мишенью для нападок раскрепостителей. Какая ирония судьбы! Эльво Глиссам… Шайна почувствовала теплый прилив крови — сердце с готовностью встрепенулось. Она надеялась, что Глиссам проведет в Рассветном поместье недели, может быть, даже месяцы. Она показала бы ему Опаловые копи, озеро Вуалей, луг Санреддина,

Заколдованный лес и охотничий домик на Майской горе. Она упросила бы Кургеча устроить Большое Кару[49]! Эльво Глиссам принесет веселье в Рассветную усадьбу, где давно уже царила унылая тишина. Пять лет, пять никчемных лет!

[49] notes: 49

Кару: празднество ульдр, включающее пиршества, музыкальные представления, танцы, декламации и атлетические состязания. Обычное кару продолжается сутки: одну ночь и следующий день. Большое Кару празднуется три дня и три ночи, иногда дольше. Кару вольных племен — дикие торжества, нередко сопровождающиеся мрачными, кровавыми ритуалами.

Глава 3

Над Хурманским морем летел «Апекс» А-15 — неуклюжий, лишенный элегантности служебный аппарат из Суанисета. Шайна подозревала, что Джерд Джемаз демонстрировал таким образом презрение к модным поветриям Оланжа. В связи с чем она пожаловалась: «Все это превосходно и замечательно, но где знаменитый „Хайбро“?»

Джерд Джемаз запрограммировал курс на Галигонг и повернулся к ней, положив локоть на спинку кресла: «Седан в мастерской. Никак не дождусь, когда поставят новые дексоды».

Шайна помнила роскошный «Хайбро» с детства. Она спросила у брата: «Надо полагать, папаша все еще летает на старом латаном „Стюрдеванте“ с треснувшим ветровым стеклом?»

«Да, ему сносу нет. Впрочем, стекло я заменил — в прошлом году».

Шайна пояснила сидевшему рядом Эльво Глиссаму: «В поместьях жизнь никуда не торопится. Наши предки были люди предусмотрительные и практичные. То, что годилось для них, как правило, годится и для нас».

«Но мы не впадаем в апатию, — поправил ее Кельсе. — Двенадцать лет назад мы разбили виноградники на восьмидесяти гектарах, и в следующем году начнем делать вино».

«Любопытно! Наше вино, несомненно, будет дешевле привозного, — заметила Шайна. — Того и гляди разбогатеем, превратимся в магнатов-виноторговцев».

Глиссам удивился: «Я думал, вы и так уже богаты! У вас столько земли — горы, ручьи, минералы...»

Кельсе печально усмехнулся: «Мы ведем натуральное хозяйство — другими словами, потребляем почти все, что производим. Свободных денег у нас практически не бывает».

«Может быть, вы посоветуете, как выиграть в лотерею?» — предложила Шайна.

«С удовольствием! — заявил Глиссам. — Вкладывайте капитал в предприятия за пределами поместий. Например, устройте курорт с пристанью на одном из этих райских островков — смотрите, какой чудесный вид! От яхтсменов отбоя не будет».

«Плавание по Хурманскому морю — рискованная затея, — приподнял бровь Кельсе. — Бывает, что морфоты забираются на борт и убивают всех

подряд, после чего забавляются, изображая мореходов. Причем твари превосходно управляются с парусами, хотя идея заниматься пиратством почему-то не приходит им в голову».

«Морфот за штурвалом, морфоты ставят паруса? Хотел бы я полюбоваться на такое зрелище!» — изрек Джерд Джемаз.

Эльво Глиссам поморщился: «Корифон — жестокий мир».

«У нас в Суанисете тихо и спокойно», — возразил Джемаз.

«В Рассветном поместье тоже, — поддержал его Кельсе. — Джорджол пытался убедить наших ао в том, что из-за помещиков их дела идут из рук вон плохо, а они даже не понимали, о чем он толкует. Так что теперь он убеждает бездельников в Оланже — больше ничего не остается».

«Джорджол мало напоминает типичного реформатора, — сказал Эльво Глиссам. — По правде говоря, он вызывает у меня противоречивые чувства. Какими побуждениями он руководствуется? В конце концов, всем известно, что Ютер Мэддок — его благодетель».

Шайна молчала. Джерд Джемаз хмурился, глядя на проплывающие внизу Мермионские острова. Кельсе ответил: «Тайны в этом, на самом деле,

никакой нет. У отца своя система ценностей, и он непреклонно ее придерживается. Да, Джорджол, Шайна и я выросли вместе, вместе играли и учились наравне, но никто никогда не пытался делать вид, что не понимает действительного положения вещей. Мы — пришлые, наследники захватчиков, а Джорджол был и есть синий отщепенец, брошенный гарганчами на произвол судьбы. Он не ел с нами в парадной столовой, его кормили на кухне — что, по-видимому, унижало его гораздо больше, чем он готов признать. А летом, когда мы уезжали на каникулы к тетке Вальтрине, Джорджола отправляли на ферму учиться обращению со скотиной, потому что папаша вознамерился сделать из него пастуха».

Эльво Глиссам понимающе кивнул и больше не задавал вопросов.

Розовое солнце уже высоко взошло, когда «Апекс» пробился сквозь гряду кучевых облаков и на северном горизонте показалась грозная тень Уайи. Мало-помалу в дымке проявились детали — утесы, пляжи, мысы. Цвета постепенно оживлялись, разделяясь на бледные серовато-коричневые, охряные, черные, желтовато-бурые и красновато-шоколадные тона. Приближался берег — от массы континента отделился полу-

остров, загораживавший длинную узкую бухту. В глубине бухты виднелись несколько рядов избушек и хижин, небольшое скопление складов и видавшая виды гостиница из беленых бревен: сооруженная на причале, она наполовину нависла над водой, опираясь на целый лес корявых свай.

«Галигонг! — объявил Кельсе. — Крупнейший порт Вольного Алуана».

«Сколько отсюда до Рассветной усадьбы?»

«Примерно тысяча триста километров, — Кельсе изучал окрестности в бинокль. — Что-то не вижу старого „Стюрдеванта“... но мы прилетели раньше, чем рассчитывали. Хильгарды разбили лагерь на берегу и устроили кару. Кажется, женские драки в самом разгаре». Он передал бинокль Эльво Глиссаму, но тому удалось разглядеть — к некоторому своему облегчению — лишь мешанину скачущих на месте высоких голуболицых фигур в белых, розовых и темно-желтых облачениях.

Аэромобиль приземлился. Все четверо вышли на белесый известковый берег Уайи и поспешили, закрывая лица от беспощадно палящих розовых лучей, найти укрытие в гостинице. Распахнув дверь, они оказались в полутемной таверне, освещенной только вереницей напоми-

нающих бортовые иллюминаторы круглых окон из толстого зеленого стекла. Вышел низенький толстый трактирщик, явно из пришлых, с редкими остатками каштановых волос, раздвоенной пуговкой носа и меланхолическими карими, чуть раскосыми глазами.

Кельсе спросил: «Из Рассветного поместья сообщения были?»

«Нет, висфер, ни слова».

Кельсе снова посмотрел на часы: «Что-то он опаздывает…» Приоткрыв выходную дверь, Кельсе выглянул наружу, посмотрел на небо, вернулся: «Перекусим, в таком случае. Хозяин, что вы можете предложить?»

Трактирщик скорбно покачал головой: «Порадовать-то вас особенно нечем. Можно поджарить немного спернума. Остались консервированные полипы, пара банок. Если хотите, служка сбегает, соберет свежей каменицы — салат сделаем. За сахарные пирожные в витрине поручиться не могу, они уже подсохли… но к чаю, наверное, сгодятся».

«Приготовьте, что найдется. Тем временем, мы не отказались бы выпить по кружке холодного эля».

«Холодным-то его не назовешь…» — продолжая

бормотать, хозяин скрылся в глубине таверны.

Через некоторое время подали обед — значительно более существенный, чем можно было предположить на основе пессимистических посулов трактирщика. Шайна и три ее спутника сели за длинный стол, стоявший снаружи на причале, в тени гостиницы. Отсюда открывался вид на северный берег бухты, где расположились табором хильгарды. Хозяин гостиницы подтвердил, что кочевники уже второй день празднуют кару: «Любопытствовать не советую. Они нализались раки — если подойдете ближе, могут быть крупные неприятности. Сегодня с утра уже устроили три женские драки и восемь расколад, а к вечеру начнут запускать с колеса». Еще раз предупредив гостей многозначительным жестом, трактирщик вернулся в недра своего заведения.

«Не совсем понимаю, о чем он говорит, — заметил Эльво Глиссам, — но у меня почему-то отпало всякое желание знакомиться с местными ульдрами».

«Интуиция подсказывает вам правильное решение, — кивнул Кельсе, указав пальцем на выжженный склон холма. — Смотрите: там, где кончается тропа, вкопаны в землю лачуги вроде кроличьих клеток. В них держат заложников,

ожидающих выкупа. Если выкуп не платят в течение года или двух, заложника заставляют бежать по полосе препятствий, а за ним гонятся вооруженные копьями воины верхом на эрджинах. Если пленник умудряется уцелеть и успевает добежать до конца трассы, его отпускают. Этот благородный спорт ульдры называют „расколадой“. А колесо — высокое сооружение с противовесом прямо на берегу перед табором, видите? Противовес поднимают, пленника привязывают к колесу. Противовес падает — колесо вертится. В какой-то момент канат, удерживающий пленника, обрубают, и он летит, кувыркаясь в воздухе, к скале, торчащей из моря. Иногда он падает в воду и достается морфотам. Иногда разбивается об скалу. Веселье продолжается, пока не истощается запас заложников. Тем временем ульдры набивают брюхо жареной на вертелах морфотиной, накачиваются сивухой до озверения и судачат о том, как добыть побольше заложников».

Шайне не нравился тон разговора — она не хотела, чтобы Кельсе и Джерд Джемаз внушали свои предрассудки еще не разбирающемуся в местных обычаях Глиссаму. Она сказала: «Хильгарды — не типичные ульдры. Это отверженное племя».

Джемаз возразил: «Да, отверженное — но не

потому, что их обычаи чем-то не устраивают соседей, а потому, что соседние племена отняли у них племенные земли и качембы».

Шайна хотела было указать на тот факт, что варварские торжества такого рода праздновались только вольными ульдрами, и что договорные ульдры, такие, как ао в Рассветном поместье, не одобряли чрезмерные жестокости и вели себя гораздо приличнее — но заметила искорку насмешки в глазах Джемаза и придержала язык.

Прошло несколько часов. После полудня Кельсе позвонил в Рассветную усадьбу. На пыльном, засиженном насекомыми экране в углу таверны появилось лицо Рейоны Верлас-Мэддок — домоправительницы, приходившейся троюродной сестрой Шайне и Кельсе. Изображение мигало и тряслось, голос Рейоны, искаженный до неузнаваемости древними волокнами, пробивался сквозь треск и свист: «Ютер еще не в Галигонге? Не знаю, что и думать. Он вылетел с утра, должен был давно вас встретить».

«Нет, его здесь не было. Он не говорил, что где-нибудь остановится по пути, куда-нибудь заедет?»

«Мне он ничего не сказал. Шайна с тобой? Дай перемолвиться словечком с нашей девочкой,

тысячу лет ее не видела!»

Шайна подошла к телефону, обменялась приветствиями с Рейоной и уступила место Кельсе. Тот попросил домоправительницу передать отцу, если тот позвонит, что его ждут в гостинице в Галигонге.

Рейона пребывала в недоумении: «Ума не приложу, где он запропастился… Может, приземлился в Триллиуме, пропустить стаканчик-другой в компании домине Хьюго?»

«Вряд ли, — недовольно ответил Кельсе. — Будем ждать, что поделаешь».

Дело шло к вечеру — солнце опускалось в Хурманское море, разбрасывая пронзительные лучи в пылающих кудрявых облаках. Подавленные нескрываемой тревогой, Шайна, Кельсе, Эльво Глиссам и Джерд Джемаз сидели у пристани лицом к закату, глядя на спокойные воды.

«Если бы с ним ничего не случилось, он не опоздал бы на целый день, — объявил Кельсе. — Совершенно очевидно: его что-то заставило сделать посадку по пути. А две трети пути — над Вольными землями гарганчей, хунгов и кийянов».

«Почему он не связался по радио, не вызвал кого-нибудь на помощь?» — спросила Шайна.

«Тому могут быть десятки причин, — отозвался Джерд Джемаз. — Не сомневаюсь, что мы его найдем где-нибудь по дороге к Рассветной усадьбе».

Кельсе тихо выругался: «В темноте мы его не найдем. Придется ждать рассвета». Поднявшись на ноги, Кельсе пошел договариваться о ночлеге и вернулся мрачнее тучи: «У хозяина две комнаты с кроватями. Он обещал повесить пару гамаков. Но не знает, что приготовить на ужин — говорит, ничего не осталось».

Тем не менее, трактирщик выставил блюдо, полное горячих пескунов, вареных в морской воде, с гарниром из игольчатой аноны и жареной капусты. После еды Шайна и ее спутники снова вышли посидеть на причале. Охваченный внезапным приступом гостеприимства, хозяин снова накрыл скатертью стоявший снаружи стол, обычно служивший для сортировки наживки и приготовления рыбацких приманок, и подал чай из вербены с печеньем и сушеными фруктами.

Беседа постепенно увяла. Какое-то время костры хильгардов пылали высоким беспокойным пламенем, потом угомонились, превратившись в тлеющие багровые огоньки. Под причалом тихо и печально плескались ленивые волны. В небе стали появляться созвездия — великолепные

Гриффеиды, Орфей с лютней из восьми голубых светил, чародейка Миральдра с сияющим Фенимом в алмазной диадеме, бледные вуали скопления Аластор над юго-восточным горизонтом. «Какой приятный вечер можно было бы провести в других обстоятельствах!» — с сожалением подумала Шайна. Ее подавленность объяснялась не только тревогой по поводу пропажи Ютера Мэддока. Старое доброе Рассветное поместье стало средоточием безобразной борьбы страстей, и она не знала, на чью сторону ей придется в конце концов перейти. Шайна подозревала, что не сможет стать искренней сторонницей отца — хотя это не имело никакого значения, потому что его она все равно любила таким, какой он есть. Почему, в таком случае, Джерд Джемаз вызывал в ней какое-то яростное отвращение? Его взгляды ничем не отличались от отцовских, а практичностью, находчивостью, умением постоять за себя и позаботиться о других он не уступал Ютеру Мэддоку. Она взглянула на Эльво Глиссама и Джерда Джемаза, беседовавших неподалеку. Почти ровесники, они стояли в одинаковых позах, опираясь на поручни причала — полностью самостоятельные, подтянутые и представительные молодые люди, с достоинством сознающие свои

преимущества. Идеалист Глиссам, порывистый и веселый, склонен к сочувствию, к доброжелательному примирению, его все время беспокоят противоречия и расхождения нравственных критериев. В противоположность ему, Джемаз тщательно скрывает чувства под маской холодной иронии, его шутки всегда язвительны, его этические представления — если их можно так назвать — ограничиваются эгоистическим прагматизмом… Вечерний бриз отчетливо доносил негромкие слова. Джемаз и Глиссам обсуждали морфотов и эрджинов: Шайна прислушалась.

«…Озадачивает одно обстоятельство, — говорил Джемаз. — Палеонтологи нашли окаменелости, иллюстрирующие всю эволюцию морфотов, начиная с существа, напоминавшего пескунов, которых мы сегодня ели. От эрджинов, однако, не осталось никаких ископаемых остатков. Скелет эрджина состоит из эластичного хряща, рассыпающегося в прах за несколько лет. Поэтому происхождение эрджинов до сих пор не установлено. Никто даже не знает, как они размножаются».

«Никто, кроме ветроходов», — вставил Кельсе.

«Как ветроходы приручают эрджинов? Ловят диких детенышей? Получают потомство особой,

хорошо поддающейся дрессировке породы?»

«Ютер Мэддок мог бы что-нибудь об этом рассказать — он только что вернулся из Пальги».

«Может быть, насмешившая его история связана с дрессировкой эрджинов?» — предположил Кельсе.

Джерд Джемаз пожал плечами: «Насколько мне известно, ветроходы ухаживают за яйцами эрджинов и обучают вылупляющихся детенышей. Дикие эрджины — телепаты. Возможно, ветроходам удается как-то подавлять эту способность. Каким образом? Не имею ни малейшего представления».

Джерд Джемаз и Кельсе решили провести ночь на достаточно широких и мягких сиденьях «Апекса» и вскоре удалились. Эльво Глиссам и Шайна прошлись до конца причала и присели на перевернутый ялик. В темной воде отражались звезды. Костры хильгардов догорали. Откуда-то с берега донеслись отчаянно скулящие причитания, ритмично сопровождавшиеся протяжными басовитыми возгласами. Эльво Глиссам насторожился: «Какая заунывная мелодия!»

«У синих нет веселых песен, — заметила Шайна. — С их точки зрения вся наша музыка — бессодержательный набор звуков, погремушки

для младенцев».

Далекие завывания мало-помалу умолкли, уступив успокоительно-безразличному плеску воды под причалом. Шайна спросила: «Вас такое начало поездки не слишком разочаровало? Я не ожидала, что возникнет столько неудобств».

«Что вы! О каком разочаровании может идти речь? Надеюсь только, что вашего отца не задержало что-нибудь серьезнее поломки или другой мелкой неприятности».

«Будем надеяться. Как говорит Джерд, отец всегда хорошо вооружен; даже если он сделал вынужденную посадку, завтра мы его найдем».

«Не хочу показаться пессимистом, — осторожно заметил Глиссам, — но почему вы так уверены? Отсюда до Рассветной усадьбы очень далеко. Поиски придется вести на огромной территории».

«Мы всегда летаем от ориентира к ориентиру — на тот случай, если забарахлит двигатель или что-нибудь в этом роде. Элементарная мера предосторожности. Завтра мы полетим в обратную сторону по тому же маршруту и, если отец не отклонился почему-либо от курса, непременно его найдем». Шайна поднялась на ноги: «Я, наверное, пойду спать».

Эльво тоже встал и поцеловал ее в лоб: «Спокой-

ной ночи, и ни чем не беспокойтесь — ни о чем!»

Глава 4

Под серым небом, розовевшим на востоке, лежало неподвижнозеркальное море. Из стойбища хильгардов по заливу стелился дым, придававший воздуху приятно-резковатый привкус.

Ворча и позевывая, трактирщик подал завтрак: вареных моллюсков с кашей и горячий чай. Шайна и ее спутники не теряли времени. Кельсе заплатил по счету, и уже через несколько минут «Апекс» взмыл в прохладный утренний воздух. Джерд Джемаз запрограммировал курс на Рассветную усадьбу, введя координаты промежуточных ориентиров. Набирая высоту над узкой бухтой и табором хильгардов, нескладный летательный аппарат повернул на северо-запад. Воины высыпали из палаток и вскочили на эрджинов, погоняя их электрическими шпорами. Брыкаясь, кидаясь из стороны в сторону, поднимаясь на дыбы, массивные твари пробежались на задних лапах, опустили массивные головы, вытянули шеи и галопом устремились в погоню. Всадники размахивали копьями и выкрикивали безумные проклятия.

Хильгарды скоро отстали. Аэромобиль под-

нялся над скалистыми береговыми склонами и продолжал полет на высоте пятисот метров, обеспечивавшей достаточно широкий обзор, но позволявшей различать все детали ландшафта. Впереди, растворяясь в легкой дымке горизонта, простирался необъятный Алуан: холмистое плоскогорье, в ложбинах покрытое зарослями серого терновника и пустоствольницы. Изредка попадались карганы — толстые стволы-обрубки с ветвями, растопыренными, как хватающие воздух костлявые руки. «Апекс» летел медленно, и четверо в кабине внимательно изучали каждую пядь земли.

Километр за километром, час за часом поиски оставались безрезультатными. Равнина круто опустилась, превратившись в нечто вроде дрожащего в раскаленном воздухе исполинского котлована, испещренного белесыми солончаковыми воронками. Дальше по курсу белели обрывистые меловые отроги горного хребта — Люцимира.

«Негостеприимный пейзаж, — заметил Эльво Глиссам. — Понятно, почему этот район не относится к Договорным землям».

Кельсе усмехнулся: «Кийянов он вполне устраивает. Каждому свое, все довольны».

«Должно быть, кийяны — неприхотливый народ. Не представляю себе, как здесь могла бы выжить ящерица, не говоря уже о человеке», — возразил Глиссам.

«В засушливое время года кийяны поднимаются в горы, к западу отсюда. В сезон дождей они спускаются к известняковым отрогам между горами и котлованом — там у них качембы».

«Вы изучали их качембы?»

Кельсе покачал головой: «Только заглядывал, никогда не заходил внутрь. Осквернителя качембы предают смерти».

«Откуда они знают, кто заходил, а кто нет?»

«Знают».

Шайна чуть развела руками: «Мы не приглашаем их в гостиные, они не приглашают нас в качембы».

«Каждому свое. Понятно».

«И все довольны», — повторил Кельсе.

«За исключением Джорджола», — напомнила Шайна.

Пролетая над хребтом Люцимира, Джерд Джемаз сбавил скорость, чтобы спутники успели хорошо рассмотреть морщинистые склоны, размытые каменистыми ручьями. Нигде не было никаких признаков «Стюрдеванта» Ютера Мэд-

дока.

За Люцимиром открылась холмистая саванна, орошаемая дюжиной потоков, сливавшихся в полноводную реку — Лелу. Топкие берега густо поросли высокой травой и кустарником. Джемаз замедлил движение настолько, что «Апекс» почти повис в воздухе. Судя по всему, однако, «Стюрдевант» не совершал посадку в болоте.

Глиссам спросил: «Это все еще Вольные земли?»

«Да, территория хунгов. В ста пятидесяти километрах к востоку начинается Триллиум. До Рассветной усадьбы еще шестьсот километров на север».

Проплывавшая мимо саванна постепенно превратилась в полупустынную равнину, покрытую редкими кудряшками дымчато-зеленоватого сольфея. На горизонте подобно сборищу исполинских серых чудовищ высилась дюжина останцев. Джемаз заставил «Апекс» подняться выше, чтобы расширить кругозор, но поиски опять ни к чему не привели.

Они пролетели над плоскими вершинами останцев. Ландшафт, разрезанный глубокими извилистыми каньонами высохших русел, слегка оживился — под осыпями плоских возвы-

шенностей темнели чащи густороста, местами белевшие от пуха, слетевшего с пирамидальных паутинниц; в ложбинах торчали одинокие черные стволы ибикса, увенчанные шелестящими султанами длинных горчичноохряных листьев. Этот труднопроходимый район был известен под наименованием «Драмальфо».

Примерно в два часа пополудни, уже неподалеку от границы Договорных земель, они нашли «Стюрдевант» — точнее, то, что от него осталось. По-видимому, аэромобиль упал с большой высоты. Вокруг не было признаков жизни. Джемаз остановил «Апекс» в воздухе над разбитым черным корпусом, поднялся на ноги и тщательно рассмотрел окрестности в бинокль: «Что-то не так… мне все это не нравится». Продолжая поворачиваться, он замер, прицелился биноклем в какую-то точку на западе: «Синие — примерно тридцать всадников. Скачут сюда».

Джемаз стал опускать «Апекс» ближе к месту крушения, а Кельсе тем временем изучал кочевников в бинокль: «Торопятся и не смотрят по сторонам — будто знают, где мы».

«Знают, где пожива».

«Им кто-то сообщил об аварии…»

«Значит… — Джемаз обернулся, взглянул на

небо, схватился за штурвал. — Спиранья!»

Поздно. Раздался взрыв, металл застонал и лопнул, «Апекс» дрогнул, накренился кормой вниз. Рядом в крутом вираже пронеслась спиранья — узкая площадка с крыльями, загнутым ветровым стеклом и длинным дулом на носу. Дуло служило одновременно и дальнобойным орудием, и тараном, позволявшим лихому пилоту, нырнув к самой земле, насаживать всадника на нос спираньи, как на вертел.

Выйдя из крутого пике, спиранья взметнулась высоко в небо, медленно вращаясь вокруг своей оси. «Апекс» падал кормой вниз — быстро переключив дюжину регуляторов, Джемазу удалось вызвать торможение. Спиранья снова пикировала. «Апекс» встряхнуло еще одним взрывом. Джемаз неразборчиво выругался. Земля приближалась угрожающе быстро — в последний момент Джемаз включил аварийную тягу, сломав рычагом ограничитель.

Ударившись кормой о кремнистую почву, «Апекс» почти опрокинулся, качнувшись назад, потом качнулся вперед и шумно упал на днище. Джемаз схватил ружье, лежавшее в ящике под сиденьем, и выпрыгнул из машины. Но спиранья, порхнувшая за гряду холмов на западе, уже

скрылась.

Кельсе добрался до рации, попробовал передать сигнал бедствия: «Не работает. Нет питания».

«Он вывел из строя обе кормовые гондолы, — отозвался Джемаз. — Чтобы сбить нас, но не убивать сразу».

«Плохо дело, — сказал Кельсе. — Возможно, нам придется познакомиться с расколадой ближе, чем мы рассчитывали».

«Возьмите ружья из ящика. Там должен быть еще гранатомет», — посоветовал Джемаз.

Шайна, Эльво и Кельсе тоже покинули «Апекс». Кельсе спустился к «Стюрдеванту», заглянул в смятую машину. Возвращался он напряженный и мрачный: «Отец внутри. Мертвый».

Эльво Глиссам ошалело смотрел на разбитый «Апекс», на обломки «Стюрдеванта», на Кельсе. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Шайна с трудом сдерживала слезы: пять лет она потеряла на Танквиле, пять лет! В безрассудном, инфантильном приступе пустопорожней самонадеянности! И теперь она никогда больше не увидит отца — никогда.

Джерд Джемаз тихо спросил у Кельсе: «Ты опознал синих?»

«По-моему, хунги. Ао тут не бывают. У эрджи-

нов белые холки, так что это не гарганчи».

«Спрячьтесь, — сказал Джемаз. — Как только они покажутся с севера, открывайте огонь. Я заберусь повыше, попробую их перехватить. Может быть, обстрел с двух сторон поможет сравнять шансы».

Кельсе скрылся за «Апексом», Шайна последовала за ним. Глиссам постоял в нерешительности, глядя вслед Джемазу, спешившему трусцой к бугру песчаника, возвышавшемуся метрах в четырехстах к западу. Присоединившись к брату и сестре, Глиссам спросил: «Зачем он туда побежал?»

«Чтобы обстрелять синих с тыла, — объяснил Кельсе. — Вы умеете обращаться с ружьем?»

«Боюсь, что нет».

«Это очень просто. Смотрите в прицел. Наведите желтую точку на цель и прикоснитесь к этой кнопке. Поправка траектории рассчитывается автоматически. Ружье стреляет разрывными пулями. Взрыв, как правило, уничтожает эрджина вместе с наездником».

Эльво Глиссам взял ружье, нахмурился: «Вы уверены, что кочевники враждебно настроены?»

«Если это хунги — несомненно. Драмальфо — территория гарганчей, хунгам тут делать нечего.

Значит, это разбойничий набег. Даже если к нам пожалуют гарганчи, добра не ждите — в мирном настроении они не приближаются на расстояние, позволяющее вести прицельный огонь. Им хорошо известны правила».

«Если их тридцать человек, по-моему, у нас нет никаких шансов. Не лучше ли вступить в переговоры?»

«Бесполезно. А Джерд позаботится о том, чтобы шансов у нас было побольше».

Добежав до бугра, Джемаз вскарабкался к плотной группе карликовых ибиксов под самой вершиной. Ульдры, все еще в полутора километрах, приближались вскачь, энергично погоняя эрджинов и потрясая над головами старинными многозарядными двустволками. Джемаз внимательно осмотрел небо. Спираньи не было — возможно, она парила в ожидании атаки, невидимая в ослепительном розовом сиянии солнца.

Ульдры показались у основания бугра. Теперь их принадлежность к племени хунгов не оставляла сомнений. Они спешили, явно игнорируя всякую возможность засады, что устраивало Джерда Джемаза как нельзя лучше. Устроившись поудобнее, Джемаз отложил гранатомет и взялся за ружье. Хунги проскакали прямо под ним

— до ушей донеслось частое стонущее дыхание эрджинов. Джемаз навел ружье на предводителя — высокого наездника в плещущемся на ветру серо-желтом облачении и головном уборе, изготовленном из человеческого черепа. Прикоснувшись к кнопке, Джемаз сразу же прицелился и снова выстрелил — второй, третий, четвертый раз. Ошеломленные грохотом и пламенем, эрджины негодующе завизжали и остановились, зарывшись в почву крепкими когтями. Джемаз разрядил гранатомет, направив его на группу опешивших, скучившихся наездников. Оглушительный взрыв заставил выживших схватиться за уздечки и повернуть эрджинов вспять. Поднявшись во весь рост, Джемаз принялся обстреливать синих всадников, пустившихся наутек. Внизу, под крутым холмом, ревели и молотили лапами изувеченные эрджины. Раненый ульдра дотянулся до ружья и выстрелил в Джемаза — пуля просвистела у самого уха. Джемаз угостил противника еще одной гранатой, и всякое движение под бугром прекратилось.

Его сбила с ног налетевшая сверху ударная волна. Джемаз понял, что произошло, еще не обернувшись. Опасения оправдались — спиранья, прятавшаяся на фоне солнца, стремительно

спускалась. Но Кельсе тоже угадал этот маневр и выпустил по воздушному разбойнику длинную очередь. Когда Джемаз поднял голову, спиранья кружилась вниз по странной ломаной спирали — пилот явно потерял управление. Джемаз прицелился и выстрелил, но не попал. Прибавив тяги, разбойник сумел выправить клюющий носом воздушный аппарат и поспешил скрыться за западными холмами.

Спустившись с бугра, Джемаз насчитал четырнадцать синих трупов. Примерно столько же нападавших успели ускакать. Собрав ружья убитых, Джемаз сложил их пирамидкой и уничтожил гранатой, после чего снова вскарабкался на холм. Километрах в трех к западу выжившие хунги остановились и устроили совет. Несмотря на расстояние, Джемаз прицелился, сделал поправку на ветер и выстрелил. Пуля взорвалась с большим недолетом.

Джерд Джемаз вернулся к сбитому аэромобилю. Кельсе, Шайна и Эльво Глиссам уже копали могилу, разрыхляя сучьями песчанистое дно пересохшего русла. Кельсе и Джемаз вытащили тело Ютера Мэддока из машины и перенесли его в могилу. Шайна смотрела в сторону и вверх. Эльво Глиссам растерянно стоял рядом. Кельсе и

Джемаз засыпали могилу, накрыли ее камнями. Ютер Мэддок уже никому никогда не расскажет, что его так насмешило.

Кельсе и Джерд Джемаз обыскали «Стюрдевант», вытащив оружие Ютера и десятилитровый бак с водой. В «Апексе» нашлись карта, компас, бинокль, несколько пакетов с аварийными рационами и еще двенадцать литров воды.

«Предстоит пройти примерно сто пятьдесят километров по пересеченной местности, — сказал Джемаз. — Это займет четыре дня… может быть, пять. Все обошлось не так уж плохо — если синие не вернутся. Боюсь, что вернутся. Не теряйте бдительности. Сообщайте о любом движении, о любом облачке пыли на горизонте».

«Разве нельзя позвать кого-нибудь по радио?» — спросил Глиссам.

«Исключено, — ответил Джемаз. — Аккумуляторы были установлены в уничтоженных гондолах двигателей. Очевидно, нас рассчитывали захватить живьем».

Кельсе надел рюкзак: «Чем раньше выйдем, тем скорее придем».

Шайна взглянула на него с сомнением: «Нога выдержит?»

«Надеюсь».

Все четверо отправились на север, но не успели пройти и двух километров, как поодаль снова появились ульдры: шестнадцать силуэтов на беспокойных эрджинах выстроились цепочкой на гребне холма. Эрджины рыли землю передними лапами, высоко вскидывая огромные бородатые головы, а над ними неподвижно стояли в ременных стременах воины-хунги с высоко торчащими пучками волос. Кочевники смотрели на беглецов, шагавших по равнине, не делая никаких жестов, не выкрикивая никаких угроз. Их спокойное молчание устрашало больше, чем прежняя скачка с гиканьем. Эльво Глиссам недоуменно спросил: «Если они нападут, что мы будем делать?»

«Не нападут, — отозвался Кельсе. — Не здесь и не сейчас. Их ружья уступают нашим в дальнобойности. Устроят западню или попытаются напасть врасплох ночью».

Джерд Джемаз протянул руку вперед, указывая на группу причудливых столбов, вырезанных ветром из песчаника: «Самое удобное место для засады».

«До столбов километров пятнадцать, — пробормотал Кельсе. — Мы там будем через три часа, за час до захода солнца».

Молодые люди продолжали шагать по пу-

стынной равнине. Ульдры любовались на них пару минут, после чего развернули эрджинов и направились на север, постепенно исчезнув за холмом.

Шайна сказала Глиссаму: «Вы надолго запомните путешествие в Уайю».

«Если будет кому вспоминать».

«Не беспокойтесь. Джерд Джемаз об этом позаботится. Самоуважение не позволит ему допустить, чтобы с нами что-нибудь случилось».

Эльво Глиссам покосился на спутницу и промолчал.

Кельсе и Джемаз обменивались на ходу приглушенными замечаниями, время от времени указывая на ту или иную особенность ландшафта. Они решили устроить привал в тени раскидистого каргана. Кельсе обратился к Шайне и Глиссаму: «Между останцами идти нельзя — хунги обстреляют нас из укрытий. Крайний правый столб стоит отдельно, к востоку от него — широкий ровный участок, там местность хорошо просматривается. Пойдем в обход справа».

Припеченные послеполуденным солнцем, путники упрямо брели вперед. Шайна не могла не заметить, что Кельсе прихрамывал больше обычного… Путь преградило вади: пересохшее русло

около ста метров в поперечнике, с песчаным дном и крутыми берегами, поросшими кустарником — ядовитым кассандером и ржавкой, припорошенной несъедобными ягодами. Предупредив жестом об опасности, Джемаз собрал спутников в тени лиловой кроны кассандера: «Хунги могли обогнать нас и засесть по ту сторону ложбины. Если так, нас перестреляют, как только мы спустимся. Лучше пройти по краю еще два-три километра».

«И что потом?» — нервно спросил Эльво Глиссам.

«Потом посмотрим, что и как».

Встревоженные уязвимостью и усталостью, молодые люди повернули на восток, продвигаясь вдоль неглубокого каньона, но не спускаясь в него. Меньше, чем в километре от того места, где Джемаз предостерег спутников, он указал на многочисленные глубокие следы, оставленные лапами эрджинов на ровной песчаной поверхности русла: «Так и есть — хунги перебрались на другой берег и засели в кустах». Помолчав, Джемаз принял решение: «Продолжайте идти вдоль каньона — к высокой паутиннице, ее хорошо видно. Не спускайтесь!»

Шайна, Кельсе и Эльво пошли дальше. Сделав

несколько шагов вместе с ними, Джемаз пригнулся, скрывшись в плотной поросли ржавки, и прокрался подальше от каньона — туда, где его нельзя было заметить с другого берега, после чего припустил размашистой трусцой в обратном направлении. Пробежав метров триста, он осторожно приблизился к краю ложбины. Убедившись, что сзади никого нет, он внимательно изучил противоположный берег. С другой стороны ничто не шевелилось; кроме того, Джемаз не чувствовал напряжения, предупреждавшего об опасности. Подождав еще минуту, он тихонько спустился к руслу и стремительно перебежал его на полусогнутых ногах, сложившись пополам, по розовому песку, поблескивающему вкраплениями кварца. Каждую секунду он ожидал, что его подкосит пуля, хотя инстинкт и логика подсказывали, что этот участок русла хунги не сторожили. Целый и невредимый, он взобрался на обрывистый противоположный край каньона и с облегчением спрятался в кустах, стараясь не ломать ветки и не сбивать пыльные ягоды. Оставаясь под прикрытием ржавки, Джемаз поднялся на ближайший пригорок и, как и следовало ожидать, увидел отряд хунгов, расположившийся примерно напротив паутинницы, под которой

ждали дальнейших событий Шайна, Кельсе и Глиссам. Джемаз вернулся к краю ложбины и, перебегая почти на четвереньках от одного куста к другому, приблизился к синим разбойникам метров на сто, после чего произвел еще одну разведку с пригорка. Расстояние все еще не позволяло вести прицельный огонь. Двигаясь ползком под прикрытием густых порослей ржавки, облюбовавшей края каньона, Джемаз сократил промежуток между собой и хунтами еще на сто метров. Теперь, когда он поднялся к россыпи каменных глыб неподалеку, кочевники были прямо перед ним, как на ладони.

Понаблюдав за хунтами несколько секунд, Джерд Джемаз выбрал наездника, очевидно взявшего на себя роль нового предводителя. Не теряя времени, Джемаз прицелился и открыл огонь. Три синих воина упали на землю. За грохотом взрывов последовал яростный визг испуганных эрджинов. Выжившие разбойники немедленно обратились в бегство. С треском прорвавшись через кусты и спрыгнув в пересохшее русло, эрджины зигзагами понесли наездников, стрелявших на скаку, к высокой грязно-белой паутиннице.

Кельсе тут же открыл встречный огонь. Ог-

лянувшись, он увидел Глиссама, изумленно оцепеневшего при виде надвигающейся безумной кавалькады.

«Стреляйте, чего вы ждете?!» — закричал Кельсе.

Глиссам отчаянно помотал головой, преодолевая шок, и тоже начал стрелять.

Пули звенели над головами, розовый песок русла покрылся бьющимися в судорогах мохнатыми эрджинами и умирающими синими людьми. Пятеро уцелевших всадников уже выбирались из ложбины, круша сухие кусты. Шайна и Кельсе одновременно выстрелили почти в упор. Три эрджина, погоняемые хунгами, вскарабкались на край каньона. Эльво Глиссам, побуждаемый сложной смесью негодования, унижения, страха и ярости, издал нечленораздельный страстный возглас, бросился на спину одному из синих наездников и стянул его с седла. Повалившись на землю, противники шумно боролись в кустах. Освободившийся эрджин взревел, удивленно зашипел, покружил скачками вокруг поверженного хозяина и его неприятеля, нанося обоим пробные удары когтистыми передними лапами, но решил убраться подобру-поздорову, спрыгнул в каньон и умчался прочь торжествующим

галопом. Тем временем разбойник выхватил кинжал и полоснул по охватившей его шею руке Глиссама. Подоспевший снизу Джемаз ударил прикладом по синей голове — Глиссам отпрянул, и хунг распростерся в кустах, неподвижно глядя в небо.

Наступила тишина, нарушавшаяся только пыхтением и топотом эрджинов, потерявших наездников и пытавшихся избавиться от электрических уздечек и намордников, засовывая морды в расщелины между камнями и отчаянно мотая головами. Эльво Глиссам сидел, недоверчиво глядя на ручеек крови, сочившейся у него из руки. Шайна тихо вскрикнула и бросилась ему помогать. Кельсе достал флягу жидкого дезинфекционного пластыря и обрызгал им раны, почти сразу же переставшие кровоточить. Как только образовалась защитная мембрана, Шайна принесла воды и смыла кровь с рук Глиссама. «Я замешкался, — дрожащим голосом сказал Эльво Глиссам. — Прошу прощения. Городская жизнь не подготовила меня к таким потрясениям».

«Шок не имеет никакого отношения к городской жизни, — поторопилась сказать Шайна. — Это может случиться с каждым. Вы вели себя очень храбро».

Джерд Джемаз сходил за рюкзаком, и все четверо снова направились на север, оставив позади пересохшее русло и трупы синих разбойников.

Метуэн опускался за далекий хребет Люцимира — молодые люди устроили бивуак под осыпью невысокой плоской возвышенности. Чтобы не привлекать внимание кочевников, они не стали разводить костер и подкрепились аварийными рационами с водой. Небо бледнело, насыщаясь поначалу карминовыми, потом багровыми, рубиновыми и пурпурными тонами. Сгущались сумерки. Шайна присела рядом с Глиссамом: «Как ваша рука?»

Глиссам посмотрел на рану: «Немножко побаливает, но все могло быть гораздо хуже. Подумать только! Я этого эрджина освободил, а он огрел меня лапой по ребрам!»

«Не знаю, простите ли вы меня когда-нибудь за то, что я пригласила вас в Рассветную усадьбу», — мрачно заметила Шайна.

Эльво Глиссам поддержал разговор. Впоследствии, когда он вспоминал об этой беседе, она казалась ему самой несуразной и неуместной частью выпавшей на его долю вереницы приключений.

«Я вас прощаю уже сейчас, — заявил Глис-

сам. — Меня эта поездка многому научила. Я увидел самого себя в другом свете. Стал другим человеком».

«Ничего подобного! — энергично запротестовала Шайна. — Изменились обстоятельства. Вы остались самим собой».

«Какая разница? Когда человек спасает свою шкуру, для чувствительности не остается места, для решения этических вопросов не остается времени».

Шайна перевела взгляд на Кельсе, прислонившегося к стволу дерева с выражением, которое можно было бы назвать усмешкой без улыбки, потом на Джерда Джемаза, задумчиво сидевшего на плоском камне, обнимая руками колени и глядя в темнеющее пространство. Она почувствовала необходимость рассмотреть самоуничижительные высказывания Глиссама в надлежащей перспективе: «В цивилизованном обществе человеку, как правило, не приходится спасать свою шкуру».

Кельсе безжалостно рассмеялся. Шайна холодно обернулась к брату: «Я сморозила какую-нибудь глупость?»

«В тушении пожара, как правило, нет необходимости — пока не начинается пожар».

«Цивилизация — нормальное, общераспространенное явление, — настаивала Шайна. — Цивилизованным людям не приходится драться, чтобы выжить».

«Время от времени приходится, — сухо возразил Кельсе. — Обобщенные аргументы и ссылки на общечеловеческие ценности не помогают обороняться от дикарей».

«Разве я утверждала что-нибудь подобное?»

«По сути дела».

«Что-то не припомню — наверное, мне голову нагрело».

Кельсе пожал плечами и поднял глаза к небу, всем своим видом показывая, что у него нет никакого желания спорить. Тем не менее, он ответил: «Упомянутая тобой „цивилизация“ — понятие, сочетающее в себе целый ряд обобщенных представлений, символов, условностей. В так называемой „цивилизованной среде“ человек приобретает опыт из вторых рук, его эмоциональные реакции формируются воспитанием и в незнакомой обстановке становятся ошибочными рефлексами. Идеи для него важнее и ощутимее действительности».

Шайна несколько опешила: «Этого нельзя сказать о любой цивилизации».

«К сожалению, можно», — мягко отозвался Кельсе.

«Не понимаю, что вы имеете против идей?» — вмешался Глиссам.

«Я тоже, — сказала Шайна. — По-моему, Кельсе перемудрил».

«Скорее чрезмерно упростил, — вздохнул ее брат. — Горожане постоянно имеют дело с идеями и отвлеченными представлениями, привыкая жить в отрыве от действительности. А потом, когда защитный кокон цивилизации рвется, они беспомощны, как рыбы, выброшенные из воды».

Эльво Глиссам тоже вздохнул: «Что может быть дальше от действительности, чем сидеть здесь, посреди дикой пустыни, и рассуждать о цивилизации? Невероятно! Между прочим, я мог бы заметить, что свойственная Кельсе манера выражаться свидетельствует о свойственном непрактичным горожанам умении жонглировать отвлеченными понятиями».

Кельсе рассмеялся: «Можно было бы заметить также, что „Союз раскрепощения“, культ виталистов, движение „За мир в космосе“, панортеистическая партия и десятки прочих организаций, движимых абстрактными побуждениями, многократно удаленными от реальности, состоят

исключительно из непрактичных горожан».

«Так называемая „реальность“ сама по себе — весьма отвлеченное понятие», — возразил Глиссам.

«Не столь отвлеченное, когда разбойник сбивает твой летательный аппарат в ста пятидесяти километрах от ближайшего очага цивилизации. Такова действительность. А сборище болтунов, прохлаждающихся в залах виллы Мирасоль за счет тетки Вальтрины, к действительности не имеет никакого отношения».

«Ты перегибаешь палку, — упиралась Шайна. — То, что человек умеет оперировать отвлеченными понятиями, не означает, что он обязательно беспомощен».

«В городской среде он чувствует себя в безопасности. Более того, он процветает. Но такие условия хрупки, как хрустальные цветы — достаточно одного удара судьбы, чтобы наступил хаос».

Джерд Джемаз присоединился к разговору: «Вспомните человеческую историю».

«Именно так! — увлекся Кельсе. — История — бесконечная череда разрушений и катастроф, постигавших городские цивилизации, созданные людьми, предпочитавшими интеллектуаль-

ные стимулы и отвлеченные рассуждения приобретению основных навыков выживания, недостаточно заботившихся о самообороне и сомневавшихся в нравственной обоснованности упреждающего нападения».

Шайна возмутилась: «Кельсе, ты очерствел и набрался нетерпимости! Вместе с поместьем ты унаследовал от отца все его предубеждения».

«Вашу теорию можно вывернуть наизнанку, — не терялся Эльво Глиссам. — С противоположной точки зрения историю можно представить себе, как бесконечную череду блестящих цивилизаций, созданных просвещенными варварами, отказавшимися от дикости».

«И по ходу дела с энтузиазмом уничтожавшими другие цивилизации», — буркнул Кельсе.

«Или эксплуатировавшими менее просвещенных варваров. Именно так обстояло дело в Уайе. Группа цивилизованных людей напала на варваров и ограбила их. Дикари не могли защищаться от лучевого оружия и летательных аппаратов — ужасных орудий смерти, изобретенных и изготовленных изощренными горожанами, жонглировавшими отвлеченными понятиями».

Джерд Джемаз усмехнулся, что вызвало у Шайны приступ раздражения. Она выпалила:

«Таковы факты!»

«Не все факты. Дикарей не ограбили — они беспрепятственно пользуются своей землей, так же, как и раньше. Хотя невозможно не признать, что завоеватели, в отличие от побежденных, с неодобрением относились к пыткам и рабству».

«Ну хорошо, — пожал плечами Эльво Глиссам. — Представьте себя на месте ульдры: вас насильственно лишили принадлежавших вам прерогатив и подчинили закону чужеземцев. Что бы вы стали делать?»

Джемаз задумался: «Любой человек, в любой ситуации, пытается получить то, чего он хочет. Все зависит от того, чего именно он хочет».

Перед рассветом молодые люди уже поднялись и отправились в путь. На востоке собралась гряда тяжелых туч — окрестности обволокло коричневатое сумрачное марево. К полудню из туч по вершинам далеких останцев, сиротливо торчавших над южным горизонтом, начали бить беззвучные молнии, и по равнине, сопровождаемые еле слышными раскатами запоздавшего грома, стали распространяться порывы влажного ветра. Часа через три промчался короткий ливень — пыль улеглась, путники промокли до нитки. Вскоре после этого солнце пробилось

через разрывы в облаках, раскинув над землей неуместные ярко-розовые наклонные лучи. Джерд Джемаз шел впереди, приспосабливаясь к темпу заметно хромавшего Кельсе. Шайна и Эльво Глиссам шагали в арьергарде. В других обстоятельствах, если бы отец не погиб и если бы Кельсе не приходилось преодолевать каждый шаг с усилием, требовавшим очевидного напряжения, Шайна могла бы даже радоваться неожиданному приключению.

Равнина спускалась к обширной впадине, выложенной бледным сланцем. На дальнем краю виднелась россыпь остроконечных песчаниковых скал, а над ними возвышался зазубренный край эскарпа, состоявшего, наподобие торта, из волнистых розовых, розовато-лиловых и желтовато-коричневых слоев. Шайна воскликнула: «Кельсе, это же Нижний обрыв!»

«Скоро будем дома», — отозвался Кельсе.

Шайна возбужденно обернулась к Эльво Глиссаму: «С этого утеса уже видно Рассветную усадьбу! Начиная оттуда — и до самой окраины Вольводеса — наша земля!»

Глиссам покачал головой — печально и неодобрительно. Шайна взглянула на него с некоторым удивлением, но вспомнила свои слова и рассме-

ялась. Что можно было сказать? Она не была раскрепостительницей ни по натуре, ни по убеждению… Как совместить любовь к родной земле с виноватым подозрением, нашептывающим, что у нее нет права на эту землю? Кельсе и Джерд Джемаз не испытывали уколов совести. Поддавшись внезапному порыву, Шайна спросила Глиссама: «Если бы Рассветная усадьба принадлежала вам, что бы вы сделали?»

Эльво Глиссам улыбнулся и снова покачал головой: «С чужой собственностью всегда легче расставаться… Хотелось бы верить, что мои принципы возобладали бы над корыстью».

«Значит, вы отдали бы усадьбу ульдрам?»

«Честно говоря, не знаю. Может быть. Надеюсь, что так».

Шайна указала на скопление крутых курганов, возведенных жуками-каменщиками примерно в ста метрах к западу: «Смотрите: в тени, справа! Вы хотели встретить дикого эрджина? Вот он!»

Эрджин стоял, выпрямившись во весь рост — на голову выше очень высокого человека — и неподвижно опустив окольцованные широкими черными и желтыми полосами мощные передние лапы. Пучки жестких золотистых волокон торчали у него на голове; в складках металличе-

ски поблескивающего черного хряща, глубоко посаженные в шее под нависшей лобной костью, почти скрывались четыре маленьких глаза. Существо беззаботно поглядывало на путников, не проявляя никаких признаков страха или враждебности. Джерд Джемаз и Кельсе тоже заметили эрджина. Не спуская глаз с мохнатой фигуры, Кельсе медленно снял с плеча ружье и прицелился.

Эльво огорченно спросил: «Он собирается его застрелить? Такой великолепный экземпляр!»

«Кельсе всегда ненавидел эрджинов — даже до того, как потерял ногу и руку».

«Но мы не подвергаемся опасности! Это равносильно убийству!»

Джерд Джемаз внезапно повернулся к востоку и выстрелил два раза подряд: из густых зарослей масляницы молча выскочили два эрджина. Один успел сделать яростный прыжок и растянулся в полутора метрах от Шайны и Глиссама — когтистые шестипалые кисти все еще злобно подергивались. Второй высоко подскочил на бегу, нелепо перекувыркнувшись назад, и с глухим стуком упал на землю. Тем временем эрджин, пытавшийся отвлечь внимание путников, скользнул за курган и скрылся из вида прежде,

чем Кельсе успел нажать на спусковую кнопку. Джемаз отбежал в сторону, чтобы прицелиться под другим углом, но тварь уже исчезла в лабиринте ребристых бугров, защищавших колонии жуков-каменщиков.

Эльво Глиссам стоял и смотрел на подрагивающее косолапое тело у своих ног. Щупики кистей, чувствительностью не уступавшие человеческим пальцам, судорожно сжались в кулаки с выпущенными на всю длину крепкими когтями. Глиссам рассмотрел поближе бронзовую щетину, торчащую на затылке — некоторые специалисты заявляли, что эти пучки служили органами телепатической связи. Еще один прыжок — и мохнатое существо разорвало бы ему глотку. Повернувшись к Джемазу, Глиссам сказал упавшим голосом: «Мы были на волосок от смерти… Эрджины часто устраивают такие засады?»

Джемаз сухо кивнул: «Коварные, безжалостные твари. Никогда не понимал, как их удалось приручить».

«Может быть, Ютер Мэддок узнал эту тайну? Какая смехотворная нелепость оказалась настолько неудобной, что ее потребовалось срочно похоронить вместе с ним?»

«Не знаю. Но я намерен в этом разобраться».

Кельсе приподнял бровь: «Каким образом?»

«Как только мы доберемся до Рассветной усадьбы, нужно вернуться по воздуху к месту крушения, чтобы извлечь из машины Ютера маршрутный процессор. Кристалл памяти позволит узнать, где побывал твой отец перед возвращением в Алуан».

Вечерело. Перед заходом солнца путники устроили привал среди остроконечных песчаниковых скал, напоминавших клыки исполинских чудовищ. Южная граница Рассветного поместья была уже не дальше, чем в пяти километрах к северу. Джерд Джемаз выследил, подстрелил и ощипал пятикилограммовую дрофу — одичавшего потомка домашней птицы, когда-то завезенной на Корифон с уже забытых звезд. Шайна и Эльво Глиссам собрали хворост и разожгли костер, после чего все четверо принялись поджаривать кусочки птицы, насаженные на прутья.

«Завтра у нас будет свежая вода, — сказал Джемаз. — Насколько я помню, в южной части Рассветного поместья не меньше трех непересыхающих ручьев».

«До Южного стойбища километров пятнадцать, — кивнул Кельсе. — Там ветряная мельница и несколько складов, обычно пустых. Радио, к

сожалению, там нет».

«А где остановились ао?»

«Они-то могут быть где угодно, но, по-моему, в последнее время двигались на север. Ничего не поделаешь. Придется топать еще добрые девяносто километров».

«Как твоя нога?»

«Лучше не спрашивай. Как-нибудь дотяну».

Эльво Глиссам откинулся на спину и смотрел на звезды. Он думал, что жизнь его была относительно проста по сравнению с полным забот существованием помещика… Шайна! Что у нее в голове? То она проникается сочувствием к просвещенным передовым идеям, то кажется наивной простушкой, то предается эмоциям и фантазиям, недоступным его пониманию. Храбрая, добрая, веселая девушка, что и говорить! Легко и приятно представить себя в ее компании — до конца дней… В Рассветной усадьбе? Эльво Глиссам чувствовал щемящую неуверенность. Согласится ли она жить где-нибудь еще? Тоже непонятно… Глиссаму захотелось каким-нибудь образом помочь ее брату. Пожалуй, утром следовало потихоньку переложить часть поклажи из рюкзака Кельсе в его собственный…

Утром Эльво Глиссам так и сделал, хотя его

проделка не осталась незамеченной. Кельсе протестовал, но Глиссам твердо заявил, что руководствуется исключительно здравым смыслом, и что такое перераспределение нагрузки, позволяющее двигаться быстрее, — в интересах каждого присутствующего.

Джемаз поддержал его: «Кельсе, Глиссам прав. Легче нести твой рюкзак, чем тебя самого».

Кельсе замолчал. Все четверо отправились в дорогу и уже через час достигли основания Южного обрыва. Поднявшись на полтораста метров по узкому пересохшему водостоку, они с трудом преодолели крошащуюся под ногами крутую осыпь — еще метров тридцать — и в конце концов взобрались на край эскарпа. Остановившись, чтобы перевести дух, они смотрели сверху на необъятный Вольный Алуан, сливавшийся с небом в дымке южного горизонта. Впереди, на севере, засушливая равнина переходила в радующую глаз широкую долину, поросшую редкими светло-зелеными камедарами, золотистым драконовым глазом, изящно сплетающимися двойными спиралями черновато-зелеными гадрунами, небольшими рощами оранжевой вандалии. В полутора километрах к северу блестело, отражая солнечные лучи, мелкое озерцо.

«Рассветное поместье! — воскликнула Шайна. — Мы дома!»

«До усадьбы еще девяносто километров», — напомнил Кельсе.

Джерд Джемаз обернулся к панораме Вольных земель: «Худшее позади. Теперь будет легче».

Целый день они с молчаливым упорством шагали по южной равнине. Еще день ушел на бесконечные подъемы и спуски по Турмалиновым холмам. Кельсе едва поспевал за спутниками дергающейся, подпрыгивающей походкой, подтаскивая начинавшую волочиться искусственную ногу. Жарким утром третьего дня им пришлось попотеть, пробираясь по заболоченной северной окраине Подсолнечного озера. К полудню путники выбрались из зарослей неподатливой шершавой лозы на сухую каменистую почву и устроили привал. Кельсе смотрел на север: «Еще больше двадцати километров… Вместе мы сегодня не дойдем. Будет лучше, если вы поспешите к усадьбе и пришлете за мной машину».

«Удачная мысль! — отозвалась Шайна. — Я подожду с тобой».

Джерд Джемаз не разделял их оптимизма: «Это была бы очень замечательная мысль — если бы за нами никто не следил». Он указал на небо:

«За последние два дня я уже трижды замечал в облаках спиранью».

Все четверо подняли лица к небу.

«Ничего не вижу», — поделилась наблюдением Шайна.

«Он прячется в кучевых облаках».

«Что ему нужно? Если мы ему так не нравимся, почему он не пытается нас обстрелять?»

«По-видимому, разбойник еще надеется захватить нас живьем. Может быть, не всех — только кого-то из нас. В таком случае, если мы разделимся, его шансы на успех резко возрастут. Не исключено, что еще одна шайка хунгов уже скачет наперерез, чтобы не допустить нашего возвращения в усадьбу».

Шайна огорчилась: «Они осмелятся показаться так далеко от Вольных земель? Ао этого не потерпят — их перебьют».

«Пилот спираньи следит за передвижениями ао. Он предупредит хунгов».

Эльво Глиссам нервно облизал губы: «Было бы обидно попасть в плен после всех наших злоключений. Кроме того, я хочу жить».

Кельсе с трудом поднялся на ноги: «Пора идти».

Через двадцать минут Джерд Джемаз снова

занялся осмотром окрестностей. Взглянув на северо-запад, он застыл, опустил бинокль и указал вдаль: «Ульдры. Два десятка, не меньше».

Напрягая усталые глаза, Шайна пыталась что-нибудь разглядеть в пыльном розовом мареве. Опять перестрелка, опять прольется кровь! А здесь не осталось никакого укрытия, кроме низкорослого кустарника и редких рощ вандалии. Значит, нет практически никаких шансов отразить нападение. В каких-нибудь двадцати километрах от Рассветной усадьбы! Так близко — и так далеко.

Эльво Глиссам пришел к тому же выводу. Лицо его сморщилось и посерело, он издал короткий гортанный звук, напоминавший начало стона.

Джерд Джемаз пристально рассматривал всадников в бинокль: «Они верхом на криптидах».

Шайна, на мгновение задержавшая дыхание, резко выдохнула: «Ао!»

Не опуская бинокль, Джемаз кивнул: «Похоже на то. Белые повязки, белые султаны. Это ао».

Шайна дышала тяжело и часто, всхлипывая от облегчения. Глиссам спросил — тихо, напряженно: «Они не опасны?»

«Нет», — коротко отозвался Кельсе.

Всадники приближались — за ними далеко

тянулись медленно опускающиеся клубы пыли. Тем временем, Джерд Джемаз поднял бинокль к небу: «Ага! Вот он!» Джемаз указал на едва заметное пятнышко в облаках. Пятнышко, неторопливо дрейфовавшее в западном направлении, мало-помалу набрало скорость и исчезло.

Криптиды[50] бежали легкой трусцой, почти бесшумно переступая по щебню. Как того требовал обычай, кочевники объехали четырех путников по кругу и остановились. Очень пожилой человек, чуть покороче и пошире в плечах, чем большинство его соплеменников, спешился и подошел поближе. Шайна побежала навстречу и взяла его за руку: «Кургеч! Я вернулась в Рассветную усадьбу!»

Кургеч прикоснулся пальцами к ее волосам — жестом не столь почтительным, сколько напоминавшим отеческую ласку: «Рады тебя видеть, барышня».

Кельсе шагнул вперед: «Ютер Мэдцок убит. Спиранья сбила его машину над Драмальфо».

Серое лицо Кургеча, не натиравшегося лазур-

---

[50] notes: 50

Криптиды: низкорослые потомки земных лошадей с удлиненным торсом и ворсистыми подушками вместо копыт. Вольные воины-ульдры презирают криптид — с их точки зрения они годятся только для виттолей, извращенцев и женщин.

ным маслом, не отразило никаких чувств. Шайна догадалась, что старый ао давно знал о происшедшем. Она спросила: «Кургеч, кто убил моего отца?»

«Эту истину еще не дано постигнуть».

Сильно хромая, Кельсе подошел почти вплотную и хрипло произнес: «Добудь эту истину, Кургеч. Когда постигнешь, поделись с мной».

Кургеч ответил медленным кивком, не обещавшим ничего определенного, повернулся и подал знак четырем соплеменникам. Те спешились и подвели под уздцы своих криптид. Джерд Джемаз почти поднял Кельсе, помогая ему залезть в седло. Шайна посоветовала Глиссаму: «Просто сидите и держитесь — погонять не нужно».

Она тоже вскочила в седло. Ее примеру последовал Джерд Джемаз. Уступившие своих криптид ао устроились на багажных седлах за спинами других кочевников. Караван направился к Рассветной усадьбе.

Через два часа они обогнули Ржавый Перст и выехали на Южную Саванну. Шайна увидела родной дом и чуть не заплакала — она слишком устала, чтобы сдерживать эмоции. Обернувшись, она заметила, что на глаза ее брата тоже навернулись слезы, хотя теперь лицо его, вытянувшееся

от боли и посеревшее от загара и пыли, чем-то отчетливо напоминало лицо ехавшего рядом кочевника. Мрачноватая физиономия Джерда Джемаза тоже потемнела, но, как всегда, не позволяла догадаться, о чем он задумался. Эльво Глиссам, слишком вежливый для того, чтобы откровенно демонстрировать облегчение, ехал в сосредоточенном молчании. Шайна украдкой наблюдала за ним. Горожанин явно заслужил одобрение Кельсе, да и Джерд Джемаз не проявлял к нему былой неприязни. Когда он вернется из Уайи в Оланж, ему будет о чем вспомнить!

А впереди — Рассветная усадьба, безмятежная среди высоких зеленых камедаров и торжественных галактических дубов, омываемая журчащими струйками Чип-Чапа: картина, достойная тихого восхищения, драгоценное видение воскреснувшей памяти! Шайна расплакалась.

Глава 5

Двести лет Рассветную усадьбу строили и перестраивали, расширяли, ремонтировали и переделывали — каждый наследный помещик вносил десятки изменений и улучшений, стремясь запечатлеть свою индивидуальность в родовом гнезде. Разумеется, теперь усадьба не отличалась каким-либо определенным стилем и с разных точек зрения выглядела по-разному. Над ее центральной частью господствовала крутая высокая крыша с дюжиной остроконечных мансардных окон и странной маленькой верандой — скорее наблюдательной площадкой — над Коростельным прудом, увенчанная посередине, вдоль конька, вереницей больших чугунных трилистников, призванных отпугивать злых духов. С обеих сторон к центральному корпусу примыкали двухэтажные флигели хаотичной планировки, с обширными верандами на каждом уровне; их опоясывали заросшие вьющейся арабеллой сводчатые галереи на тонких сдвоенных колоннах. Каркасом постройки служили мощные стволы гадрунов из леса по берегам озера Фей, наружной обшивкой — потемневшие от

времени доски зеленого камедара, надежностью не уступающего смолистой древесине гадруна. Внутренние лестницы, балюстрады, полы, фасонные планки и обшивка стен радовали глаз приглушенно-контрастными сочетаниями железного дерева, жемчужной сачули, вербанны и полированного сцинтаррийского тика. Люстры, мебель и ковры приходилось, конечно, импортировать — но только не из Оланжа (где, по мнению помещиков, производились вещи безвкусные и недолговечные), а откуда-то из далеких Древних миров.

В средоточии Рассветной усадьбы находилась парадная столовая, где семья праздновала важные события, развлекала гостей и ужинала в атмосфере, хорошо запомнившейся Шайне своей напыщенной церемонностью. К ужину каждый одевался с особой тщательностью, на столах расставляли дорогой фарфор, серебряные приборы и хрустальные бокалы. Беседа ограничивалась благородными и возвышенными предметами, а какие-либо неблагопристойности были совершенно исключены. В детстве эти ритуальные вечерние пиршества казались Шайне мучительно скучными и долгими, причем она никогда не понимала, почему Кексику не позволяли есть в

парадной столовой, где его причуды и проказы, несомненно, помогли бы развеять обстановку. Но Кексика в столовую не пускали: он ужинал один на кухне.

Когда Шайне исполнилось одиннадцать лет, ее мать утонула, катаясь на лодке по озеру Теней. С тех пор ужины в парадной столовой стали не только помпезными, но и положительно мрачными. Кроме того, в характере Ютера Мэддока появились резкость и необъяснимая (по меньшей мере для Шайны) склонность к приступам раздражения, нередко вызывавшим у Шайны возмущение и бунтовские выходки. Конечно, Шайна не могла не любить отца — она вообще не умела не любить в той или иной степени все, что ее привычно окружало. Тем не менее, она решила, что отцу не мешало бы научиться ладить с людьми и не подвергать ульдр — особенно беднягу Кексика — унизительному обращению.

В те годы Ютер Мэддок отличался впечатляющей внешностью: стройный и высокий, с густой копной седых волос, классически правильными чертами лица и прозрачными серыми глазами, он одевался и причесывался с элегантной простотой. Ютер не был общителен и уклонялся от новых знакомств. Погруженный в молчаливые

думы, подчиняющийся внезапным порывам, одновременно скованный и беспокойный, чуждый всякого легкомыслия, даже неспособный к легкомыслию — таким его помнила Шайна. Редкие вспышки отцовского гнева, холодного и сдержанного, угасали без заметных последствий. Он никогда не наказывал ни Шайну, ни Кельсе — не считая той кульминационной вечерней размолвки, когда он отправил Шайну учиться в дорогостоящий лицей на Танквиль (если это решение можно было назвать наказанием). «По сути дела, — думала Шайна, — я вела себя как самонадеянная дура, негодница и воображуля… И все же… все же…»

Кельсе и Джерд Джемаз улетели на юг на отцовской аэробарже, чтобы спасти то, что осталось от «Апекса» и «Стюрдеванта». Вместе с ними отправились оба двоюродных брата Джемаза и пара наемных рабочих-ао с поместной фермы. На палубе баржи установили мощное автоматическое орудие, способное отразить налет спираньи. Эльво Глиссама не приглашали присоединиться к этой экспедиции, а он, со своей стороны, не напрашивался — его гораздо больше привлекала возможность хорошо выспаться и позавтракать наедине с Шайной в тени камедаров. При этом

он не преминул, однако, вежливо предупредить молодую хозяйку поместья: «Пожалуйста, обо мне не беспокойтесь — вы не обязаны меня развлекать. Я прекрасно понимаю, что у вас на уме сотни забот».

Шайна усмехнулась: «О чем тут беспокоиться? Вы уже развлеклись на славу. Вам не терпелось взглянуть на диких эрджинов — я обещала вам их показать и сдержала слово. Забот у меня, конечно, сверх головы, но я не собираюсь ими заниматься по меньшей мере еще несколько дней. Если вообще буду ими заниматься. Откровенно говоря, меня вполне устраивает перспектива побездельничать еще добрую пару месяцев».

«Вспоминая последние дни, не могу поверить, что все это мне не приснилось, — помрачнел Эльво Глиссам. — Действительность превзошла всякое воображение».

«Своего рода способ узнать друг друга получше, — подняла бровь Шайна. — В пятидневном походе с бивуаками на открытом воздухе невозможно избежать некоторой близости».

«Несомненно. С вами и с Кельсе я, можно сказать, познакомился. Джерд Джемаз — другое дело. Загадочный субъект».

«Поверьте мне, я тоже его не понимаю, хотя

знаю с детства».

«Могу поклясться, что ему нравится убивать кочевников! — выпалил Глиссам. — И тем не менее… осуждать или даже обсуждать его мотивы было бы некрасиво. Он доставил нас в усадьбу целыми и невредимыми, как вы и предсказывали».

«Джерд не кровожаден, — возразила Шайна. — Просто он не считает хунгов людьми, особенно в тех случаях, когда они ведут себя, как звери».

«Удивительно! — задумчиво произнес Эльво Глиссам. — Необходимость убивать вызывает у меня какую-то беспомощную растерянность».

«Вы проявили себя наилучшим образом, — заявила Шайна. — Теперь и Кельсе, и Джерд вас уважают. Я тоже. Так что не занимайтесь самобичеванием и не ищите в себе недостатки, которых нет».

«О, я не склонен к самокопанию, поверьте мне. Просто мне не кажется, что я чем-нибудь отличился».

«Вы не жаловались. Делали все, что требовалось, и не перекладывали обязанности на других. Не падали духом. А это само по себе похвально».

Эльво Глиссам ответил беззаботным жестом: «Неважно. Что было, то прошло. Я снова в своей тарелке, и мои похвальные инстинкты могут вер-

нуться в потайные закоулки, где они прятались столько лет».

Шайна смотрела вдаль, на Южную Саванну: «Так вам у нас на самом деле нравится?»

«Конечно».

«И вы не скучаете?»

«Только не с вами!» — пламенный взор Глиссама невозможно было истолковать двояко.

Шайна рассеянно улыбнулась, не сводя глаз с горизонта: «С тех пор, как утонула моя мать, в Рассветной усадьбе стало тихо. А раньше здесь каждую неделю устраивали шумные вечеринки. У нас всегда было вдоволь гостей, знакомых и незнакомых — одни приезжали из окрестных поместий, другие из Оланжа, попадались даже инопланетяне. Каждые два-три месяца ао устраивали кару. Мы то и дело куда-нибудь ездили: то в охотничий домик на Озерах-Близнецах, то на Снежноцветную дачу в утесах Суанисета… Каждый день был радостным и возбужденным — пока не умерла мама. Не подумайте, что мы тут живем, как отшельники».

«А потом?»

«Потом отец… сказать, что он „замкнулся в себе“, значило бы употребить слишком сильное выражение. А я улетела на Танквиль, и послед-

ние пять лет в Рассветной усадьбе почти ничего не происходило. По словам Кельсе, ближайшим другом отца стал Кургеч!»

«И теперь?»

«Я хотела бы, чтобы в Рассветном поместье снова стало весело».

«Да. Это было бы замечательно. Только…» — Эльво Глиссам замялся.

«Только — что?»

«Боюсь, что дни роскошных помещичьих забав сочтены».

Шайна поморщилась: «Гнетущая мысль!»

Кельсе и Джерд Джемаз вернулись в Рассветную усадьбу, буксируя на приставных подъемниках останки «Апекса» и «Стюрдеванта». В кузове аэробаржи стоял гроб из матового белого стекла с телом Ютера Мэддока; кроме того, Кельсе привез записную книжку отца, найденную в потайном отделении «Стюрдеванта».

Через два дня состоялись похороны: Ютера опустили в землю на лесном семейном кладбище в двух шагах от озера Фей, за ручьем Чип-Чап. Воздать последние почести Ютеру приехали больше двухсот друзей семьи, родственников, соседей и работников с окрестных ферм.

Как зачарованный, Эльво Глиссам наблюдал

за людьми, поразительно отличавшимися от него привычками и манерами. Мужчины, по его мнению, были прозаичны и скучноваты, а женщинам чего-то не хватало — чего именно, он затруднялся объяснить. Легкомыслия? Шаловливости? Притворства? Даже Шайна казалась более непосредственной, чем это подобало столичной девушке: в общении не оставалось места для легкой иронии, флирта и прочих изощренных игр, развлекавших городскую элиту. Приспособление к условиям окружающей среды, не более того? Наверняка Глиссам знал только одно: Шайна безудержно влекла его, как некий волшебно-притягательный стихийный процесс, как разлетающийся мириадами алмазов морской прибой на восходе солнца, как усеянное звездами таинственное небо полуночи.

Он познакомился с десятками людей — двоюродных братьев и сестер, теток, зятьев и шуринов с родителями, сыновьями и дочерьми. Никто ему не запомнился. Никто не проявлял внешних признаков скорби, никто даже не гневался на убийцу. Преобладали, скорее, мрачноватое упрямство и сдержанная решимость, по мнению Глиссама не сулившие никаких уступок раскрепостителям.

Эльво невольно прислушался к беседе Кельсе

Мэддока и Лайло Стенбарена из поместья Дорадо. Говорил Кельсе: «Ни о какой случайности не может быть и речи. Кто-то заранее рассчитал оба нападения, подговорил и предупредил хунгов — разбойник, хорошо осведомленный о нашем возвращении и о том, где и когда отец собирался нас встретить».

«Не связано ли это каким-то образом с „забавной шуткой“, о которой Ютер обещал рассказать в письме?»

«Кто знает? Модуль автопилота в „Стюрдеванте“ не поврежден. Мы проследим весь его маршрут. Может быть, отцовская шутка не пропадет даром. Хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Кельсе заметил Глиссама и вежливо представил его пожилому соседу, заметив напоследок: «К сожалению, домине Глиссам не скрывает своих симпатий к раскрепостителям».

Стенбарен расхохотался: «Сорок лет тому назад шумело и волновалось общество „За восстановление справедливости в Уайе“. Десять лет спустя, если мне не изменяет память, прохода не было от агитаторов из „Лиги борьбы с расхитителями туземного наследия“. Потом пришлось усмирять экстремистов из „Апофеоза возмездия“. А нынче

воду мутит „Союз раскрепощения“. Поистине, свято место пусто не бывает!»

«Если подобные организации возникают снова и снова, значит, существует нерешенная проблема, вызывающая постоянное беспокойство, — возразил Глиссам. — Порядочность, недопущение грабежа и насилия, справедливость, возвращение незаконно присвоенного имущества — концепции, известные испокон веков и присущие любому человеческому обществу, их невозможно игнорировать».

«Концепции нас не беспокоят, — пожал плечами домине Стенбарен, — мы исходим из практических соображений. В той мере, в какой ваш интерес к этим концепциям носит чисто теоретический характер, беспокойтесь на здоровье, воля ваша».

Наутро после похорон из-за облаков внезапно, как пикирующая хищная птица, спустилась сверкающая голубая воздушная яхта «Гермес» с хромированными накладками и залихватской полутораметровой антенной. Пилот пренебрег общей посадочной площадкой и приземлился прямо на прогулочную террасу перед входом в Рассветную усадьбу.

Выглянув из окна библиотеки, Шайна заметила

роскошный экипаж, загородивший заботливо приглаженную гравийную дорожку, и подумала, что Кельсе это не понравится — тем более, что за штурвалом яхты оказался Джорджол, хорошо осведомленный о местных обычаях.

Джорджол спрыгнул на землю и некоторое время стоял, разглядывая Рассветную усадьбу, как приценивающийся покупатель. На нем были замшевый разрезной килт, сандалии из сыромятной кожи с кварцевым шаром на большом пальце правой ноги и праздничный «разгульный парик» головореза из племени гарганчей — хитроумное сооружение из серебряных спиц, туго переплетенных выбеленными волосами Джорджола, торчащими во все стороны жесткими подстриженными кисточками. Лицо его блестело свежим лазурным маслом, ярко-голубая кожа соперничала с эмалью «Гермеса».

Шайна покачала головой с шутливым неодобрением — Кексик снова устроил из себя спектакль всем на посмешище — и вышла ему навстречу на тенистую площадку аркады перед главным входом. Джорджол шагнул вперед, взял ее за руки, наклонился, поцеловал ее в лоб: «Я узнал о смерти твоего отца и решил, что должен лично выразить соболезнования».

«Спасибо, Джорджол. Но похороны были вчера».

«Знаю. Вчера ты была занята, принимая невероятно скучных обывателей. Я не хотел, чтобы кто-нибудь помешал мне сказать то, что я должен сказать».

Шайна терпеливо рассмеялась: «Что ж, теперь тебе никто не мешает».

Настороженно прищурившись, Джорджол вскинул голову: «В том, что касается твоего отца, невозможно не испытывать сожаление. Ютер был человек сильный, достойный уважения — хотя, как тебе известно, его взгляды были прямо противоположны моим».

Шайна кивнула: «Жаль! Я так и не успела с ним поговорить. Ты знаешь, он погиб за день до нашего возвращения — я надеялась, что он стал мягче, доступнее…»

«Мягче? Доступнее? Разумнее, справедливее? Кто, Ютер Мэддок? Ха! — Джорджол снова вызывающе вскинул точеное лицо. — Вряд ли. Думаю, что и Кельсе никогда не изменится. Ни на йоту. Кстати, где Кельсе?»

«В конторе, проверяет счета».

Джорджол смерил глазами причудливый, чуть обветшалый фасад Рассветной усадьбы: «Старый

добрый дом, просторный и уютный. Тебе повезло. Не каждому выпадает родиться и вырасти в таком доме».

«Не каждому, это правда».

«А я вознамерился положить конец вашей приятной, удобной жизни».

«Ну что ты, Джорджол, не притворяйся. В какие бы наряды ты не рядился, в глубине души ты всегда останешься Кексиком».

Джорджол усмехнулся: «Должен признаться, я прилетел не только для того, чтобы выражать соболезнования. Точнее говоря, вовсе не для этого. Хотел тебя увидеть, прикоснуться к тебе».

Он шагнул вперед. Шайна отпрянула: «Не следует поддаваться мимолетным побуждениям».

«А! Но мои побуждения не мимолетны! Я знаю, чего хочу. Я все решил, все продумал — и ты хорошо понимаешь, как я к тебе привязан».

«Ты *был* ко мне привязан, Джорджол. С тех пор прошло пять лет, — возразила Шайна. — Пойду, скажу Кельсе, что ты приехал. Уверена, что у него к тебе будет много вопросов».

Джорджол порывисто преградил ей путь, взял ее за руку: «Нет. Пусть Кельсе возится с пыльными бумажками. Я приехал к тебе. Давай пройдемся вдоль ручья, побудем наедине».

Шайна опустила глаза на державшую ее узкую синюю руку с длинными заостренными пальцами и черными ногтями: «Скоро обед, Джорджол. Может быть, после обеда. Ты останешься у нас?»

«Был бы очень рад пообедать в твоем обществе».

«Пойду найду Кельсе. А вот и Эльво Глиссам — вы встречались у тетки Вальтрины. Я вернусь через пару минут».

Шайна поспешила в контору. Кельсе, хмуро глядевший на калькулятор, поднял голову.

«Прилетел Джорджол».

Кельсе сухо кивнул: «Что ему нужно?»

«Он вежливо посочувствовал по поводу гибели отца. Я пригласила его к обеду».

Из окна конторы можно было видеть Джорджола и Глиссама, прогуливавшихся по лужайке под зонтичными деревьями. Кельсе крякнул и поднялся на ноги: «Мне нужно с ним поговорить. Распорядись, чтобы обед подали на восточной террасе».

«Кельсе, не спеши! Зачем обижать Джорджола? Он заслуживает того, чтобы с ним обращались так же, как с любым другим гостем. Сегодня жарковато — всем будет приятнее обедать в прохладной столовой».

Кельсе ответил сдержанно, но твердо: «Уже двести лет ни один ульдра не заходил в парадную столовую. Сделать исключение — даже для Джорджола — значило бы нарушить древнюю традицию. Я не могу себе это позволить».

«Это скверная, оскорбительная традиция, ее незачем соблюдать! Даже если у отца были расовые предрассудки, мы с тобой не расисты. Мы можем расстаться с предубеждениями».

«У меня нет предубеждений, я рассматриваю каждого человека индивидуально, каково бы ни было его происхождение. Именно поэтому я прекрасно понимаю, что Джорджол вовсе не случайно выбрал сегодняшний день для того, чтобы навязать нам свою волю. Не получится».

«Я тебя не понимаю! — в отчаянии воскликнула Шайна. — Мы знаем Кексика с тех пор, как пешком под стол ходили. Он спас тебе жизнь, рискуя своей головой. И только потому, что у него синяя кожа, он не может с нами пообедать так же, как любой скотовод или приезжий с далекой планеты? Смехотворно, невероятно!»

Подняв брови, Кельсе смерил сестру глазами с головы до ног: «Меня удивляет твое непонимание происходящего. Рассветная усадьба принадлежит нам не потому, что кочевники позволяют нам

здесь жить, а только потому, что мы достаточно сильны, чтобы защитить свою собственность».

Шайна с отвращением отвернулась: «Ты слишком много времени проводишь с Джемазом. Он — шовинист почище отца».

«Шайна, сестричка моя, твоя доброта граничит с наивностью. Неужели ты не видишь, какая опасность нам угрожает?»

Шайна взяла себя в руки: «Я вижу одно: Джорджола — Серого Принца — принимают с почестями в лучших домах Оланжа. Не странно ли, что в доме, где он вырос, ему отказывают в соблюдении элементарных приличий?»

«Столичным рантье, приглашающим Джорджола для развлечения, не грозит уничтожение, — терпеливо возразил Кельсе. — Отвлеченные принципы — своего рода валюта влияния, имеющая хождение среди тех, кто уже не считает обычных денег, будь то богатые наследники или бессребреники-прихлебатели. А мы — горстка пришлых на просторах дикого Алуана. Нам не простят ни малейшей слабости, любая уступка приведет к катастрофе».

«И на основании этого отвлеченного рассуждения ты отказываешь Джорджолу в цивилизованном обращении?»

«Цивилизованное обращение должно быть взаимным! Джорджол отказывает нам в таком обращении. Он явился в наряде синего разбойника из Вольных земель. Если бы он оделся по-человечески и не вонял лазурным маслом… Короче говоря, если бы Джорджол приехал к нам, как один из нас, я бы его принял, как своего. Но он подчеркнуто пренебрег этой возможностью. Он выставляет напоказ головной убор гарганча, похваляющегося кровавым набегом, обнажился до пояса, как подобает кочевнику, но не помещику, и при этом разъезжает в роскошной машине, купленной на пожертвования раскрепостителей — другими словами, бросает мне вызов. Я отвечаю на вызов. Если Джорджол желает пользоваться привилегиями пришлых, если он хочет обедать в нашей парадной столовой, пусть одевается и ведет себя так, как это принято в нашем доме, уважая наши обычаи, а не навязывая свои. Вот и все».

Шайна не нашла слов и снова отвернулась. Кельсе проговорил ей в спину: «Поговори с Кургечем. Спроси, что он обо всем этом думает. Кстати, его тоже неплохо было бы пригласить к обеду».

«Ну вот еще! Лучшего способа нанести Джорджолу смертельное оскорбление ты не приду-

мал?»

Кельсе отозвался горьким, диковатым смешком: «А ты хочешь, чтобы и волки были сыты, и овцы целы? Одного ульдру нельзя приглашать потому, что это обидит другого?»

«Ты не считаешься с самомнением Джорджола, с его представлением о себе».

«Я не разделяю его представление о себе и не вижу, почему я обязан к нему приспосабливаться. Болезненное самолюбие — порок, а не достоинство. Кроме того, я его не приглашал. Он явился самовольно, и приспосабливаться придется ему, а не нам».

Шайна раздраженно выпорхнула из конторы и вернулась к гостям, беседовавшим под аркадой у входа. «Кельсе по уши увяз в бухгалтерии, — заявила она Джорджолу. — Он очень извиняется и обязательно встретится с тобой за обедом. Тем временем мы могли бы прогуляться к реке, все вместе».

Лицо Джорджола подернулось гримасой: «Разумеется, как тебе угодно. Рад возможности посетить памятные места, где прошло мое образцовое безоблачное детство».

Втроем они прошлись вверх по течению реки к озеру Теней, где Ютер Мэддок соорудил пристань

с навесом для трех парусных глиссеров. Эльво Глиссам оставался самим собой; настроение Джорджола менялось каждую минуту. То он нес беззаботную чепуху, обаятельностью не уступая Глиссаму, то начинал меланхолично вздыхать, обозревая пейзажи, знакомые с детства, то набрасывался на Глиссама, с яростной настойчивостью отстаивая то или иное несущественное утверждение. Шайна с удивлением наблюдала, не совсем понимая, какие страсти боролись под его высоким узким лбом. Ей не хотелось оставаться наедине с Джорджолом — без сомнения, он проявил бы несдержанную пылкость.

Джорджола возмущало присутствие Эльво Глиссама, он с трудом скрывал свои чувства. Пару раз Шайне показалось, что он уже собирался попросить Глиссама удалиться; в обоих случаях ей удалось быстро вмешаться и предотвратить скандал.

В конце концов Джорджол смирился с обстоятельствами, но тут же принялся демонстрировать новую гамму меняющихся настроений: вспоминая то одно, то другое приключение юности, он преподносил события в издевательских тонах, после чего начинал жаловаться на судьбу или запутывался в сентиментально-ностальгиче-

ских рассуждениях. Поставленная в неудобное положение, Шайна нервничала — Джорджол явно валял дурака. Ей хотелось поддразнить его, чуточку сбить с него спесь, но она боялась уязвить его и тем самым вызвать новый приступ страстных трагических излияний. Она решила придержать язык. Эльво Глиссам надел на себя маску спокойной благожелательности и отделывался высказываниями настолько безличными и банальными, что заслужил со стороны Джорджола несколько взглядов, исполненных глубокого презрения.

Тем временем Шайна старалась придумать тактичный способ объявить о том, что обед будут подавать не в парадной столовой. Вопрос решился сам собой: когда они обогнули угол усадьбы, возвращаясь ко входу, у всех на виду оказался накрытый стол с закусками, установленный на лужайке с восточной стороны дома. Там уже стоял Кельсе, беседовавший не только с Кургечем, но и с Хулио Танчем, заведовавшим скотоводческим хозяйством Рассветного поместья. И Хулио, и Кургеч надели по такому случаю повседневную одежду пришлых — свободные брюки из саржи, сапоги и белые рубахи навыпуск. Ни тот, ни другой не прибегали к синьке, чтобы изменить

естественный цвет кожи.

Увидев троих на лужайке, Джорджол сразу остановился, после чего медленно, напряженно подошел ближе. Кельсе поднял руку, вежливо приветствуя его: «Джорджол! Ты, конечно, помнишь Кургеча и Хулио».

Джорджол коротко кивнул: «Прекрасно помню. Много воды утекло по извилистому руслу Чип-Чапа с тех пор, как мы виделись в последний раз». Джорджол выпрямился, расправил обнаженные синие плечи: «С тех пор многое изменилось. А главные перемены еще впереди».

В глазах Кельсе сверкнул недобрый огонек: «Да, набегам и налетам с Вольных земель будет положен конец. Этим перемены не ограничатся. В один прекрасный день Вольных земель больше не будет — весь Алуан станет Договорной территорией».

Шайна воскликнула: «Все проголодались, давайте закусим!»

Джорджол не двигался с места: «Мне не пристало обедать под открытым небом, как прислуге. Предпочитаю, чтобы меня пригласили к столу в столовой».

«Боюсь, что это невозможно, — вежливо ответил Кельсе. — Никто из нас не оделся к парадному

обеду».

Шайна положила руку Джорджолу на плечо: «Кексик, ну пожалуйста, не капризничай. Здесь нет прислуги — мы просто решили закусить на свежем воздухе».

«Дело не в этом! Я человек известный, у меня высокая репутация. Чем я хуже какого-нибудь пришлого? Я хочу, чтобы ко мне относились с уважением!»

Кельсе безразлично пожал плечами: «Когда ты соблаговолишь надеть помещичью одежду, тем самым демонстрируя уважение к нашим обычаям и предпочтениям, к тебе будут относиться по-другому».

«Ах, даже так? Как насчет Кургеча и Хулио? Они соблюдают ваши правила — пригласите же их в парадную столовую и кормите их там. А я останусь здесь и закушу в одиночестве».

«В свое время, когда для этого будут достаточные основания. Не сегодня».

«В таком случае я не могу с вами обедать, — заявил Джорджол. — Меня ждут дела, я вынужден удалиться».

«Как тебе угодно».

Провожая Джорджола к сияющему эмалью «Гермесу», Шайна сказала упавшим голосом:

«Мне жаль, что все так получилось. Нехорошо получилось. Но и тебе, право же, незачем быть таким запальчивым».

«Чепуха! Кельсе — неблагодарный болван! Неужели он надеется запугать меня разговорами о помещичьей армии? Недалек тот день, когда он узнает на своей шкуре, куда дует ветер!» Джорджол схватил Шайну за плечи: «Милая, добрая Шайна! Давай уедем! Садись в яхту — один шаг, и все они останутся за бортом, далеко внизу».

«Кексик, не говори глупости. Я такое и представить себе не могу».

«Когда-то ты могла!»

«Это было давно, слишком давно, — Шайна отшатнулась: Джорджол попытался ее поцеловать. — Кексик! Пожалуйста, перестань».

Джорджол напрягся и застыл, разрываемый страстями — его пальцы так крепко сжали плечи Шайны, что та уже морщилась от боли. Раздался звук. Джорджол дико оглянулся в сторону усадьбы — к ним, будто невзначай, задумчиво приближался Кургеч. Шайна выкрутилась из цепкого объятия.

Джорджол бросился за штурвал «Гермеса», как человек, охваченный горем непосильной утраты — воздушная яхта взмыла в небо. Шайна и Кургеч

молча провожали глазами летательный аппарат, постепенно исчезнувший в дымке западного горизонта. Шайна повернулась к старому кочевнику, глядя прямо в серое, изборожденное морщинами лицо: «Что случилось с Джорджолом? Он одичал, ведет себя, как сумасшедший». Она не успела договорить, как вспомнила, что Кексик всегда был диковат и часто устраивал сумасшедшие выходки.

Кургеч ответил: «Веет роковой судьбой. Нарождается беда, хаос оседлал его, как детеныш — загривок эрджина».

«Дует ветер перемен, — согласилась Шайна. — Я чувствую: на всех нас что-то давит. Скажи — о чем говорят шаманы? Ао тоже хотят, чтобы мы покинули Рассветную усадьбу?»

Кургеч смотрел на южные просторы — на землю, тысячи лет принадлежавшую его племени: «Кое-кто из недорослей прислушивается к виттолям. Подражают Серому Принцу, величают себя „авангардом синей нации“. Другие считают, что Алуан слишком велик, чтобы придавать значение словам: места хватит на всех. Пришлые застолбили поместья — пусть живут как хотят, мы немного потеряли и кое-что приобрели. Авангард протестует: „Подумайте о будущем!

Пришлые размножатся, построят сотни новых усадеб и выживут нас в пустыню! Это наша земля, нас ограбили. Настало время свести счеты — теперь или никогда!“ А другие отвечают: „Где они, сотни новых усадеб? Что-то не видать. Жизнь и так полна забот — зачем придумывать новые?“ Судят-рядят, да все без толку».

«Сегодня Джорджол требовал, чтобы с ним обедали в парадной столовой. Ты думаешь, он прав?»

«Джорджол взял на себя непосильное бремя».

«А ты, Кургеч? Ты хочешь обедать в парадной столовой?»

«Если бы меня пригласили, я бы счел это за честь и принял приглашение. Парадная столовая — святилище, а святилища нельзя осквернять. Ютер Мэддок давно нашел все наши качембы. Не раз у него была такая возможность, но он никогда не заходил в них. Если бы твой отец захотел, он мог бы принять участие в нескольких обрядах, надеть церемониальные одежды, подготовиться, настроившись надлежащим образом, и посетить любое из наших святилищ — кроме тех, где обитают его воплощения, конечно: встреча с двойником всегда опасна. Само собой, мне стоило только намекнуть, и он одолжил бы мне помещи-

чий костюм, чтобы пригласить меня в парадную столовую».

Шайна с сомнением поджала губы: «Отец придерживался строгих правил».

«В один прекрасный день ты узнаешь правду».

Шайна не на шутку удивилась: «Какую правду? Что ты имеешь в виду?»

«Всему свое время».

Обед подавали две девушки-ао, Вональдуна и Саравана, подрабатывавшие в поместье подобно многим соплеменницам, время от времени подряжавшимся на год или на пару лет. Поварихой в Рассветной усадьбе была Гермина Линголет, троюродная сестра Кельсе и Шайны, считавшая себя, так же как и домоправительница, Рейона Верлас-Мэддок, скорее частью семейства, нежели прислугой. На этот раз она приготовила перченый «халяш» — мясо, тушеное по рецепту кочевников — с гарниром из дикой петрушки, пареной перловкой в отдельном блюде и салатом из свежей огородной зелени. Напряжение, возникшее после отъезда Джорджола, рассеялось не сразу. Только когда Эльво Глиссам упомянул об эрджинах и об их умственных способностях, завязалась оживленная беседа. Кургеч был кладезем всевозможных историй. Сначала он поведал

о четырех эрджинах, покусившихся, договорившись телепатически, заманить в западню отряд всадников-сомайджи, сопровождавших ценный товар. Потом Кургеч вспомнил легенду о битве эрджинов и морфотов, а напоследок рассказал, как разойтись с эрджином, если тот повстречается на горной тропе.

Все подкрепились на славу. Не обменявшись ни словом, ни знаком, Кургеч и Хулио одновременно встали, вежливо поблагодарили хозяев и удалились. Кельсе, Эльво Глиссам и Шайна продолжали наслаждаться прохладой под сенью камедаров. Шайна заметила: «Что ж, обед кончился — и снова Кексика не пустили в парадную столовую. Что у него на уме, хотела бы я знать?»

«Черт бы побрал Кексика — Джорджола — Серого Принца — как бы он себя ни называл! — раздраженно воскликнул Кельсе. — Пусть проваливает в Оланж, там ему самое место. Там он может вваливаться голышом в любую помещичью гостиную, и его только попросят приходить снова».

Эльво Глиссам осторожно заметил: «Мягко говоря, энергичный молодой человек».

«Да он просто свихнулся! — рычал Кельсе. — Мания величия, бредовые идеи, истерика — на-

лицо все признаки помешательства».

Шайна глядела в туманную даль саванны: «Что он имел в виду, когда сказал, что ты собираешь помещичью армию?»

Кельсе мрачно усмехнулся: «Соглядатаи Джорджола выслуживаются, из каждой мухи делая слона. „Помещичья армия“ — не более чем несколько пометок на листе бумаги. Мы с Джердом надеялись, что нам удастся не афишировать нашу затею хотя бы еще неделю-другую».

«Меня твои секреты мало интересуют».

«Никакого секрета нет, ситуация очевидна. По сути дела, мы должны были этим заняться уже много лет тому назад — а именно сформировать политическую организацию. Джерд помог мне подготовить проект устава конфедерации».

«Грандиозное начинание! — заметил Эльво Глиссам. — Вы не сидите сложа руки».

«Кто-то должен сдвинуть дело с мертвой точки. Мы обзвонили все поместья. Идею политического объединения поддерживают все без исключения. Естественно, Джорджол пронюхал об этом и вообразил, что мы создаем военизированное ополчение».

«И в этом он несомненно прав», — съязвила Шайна.

Кельсе только кивнул: «Мы обязаны и будем защищаться».

Эльво с сомнением спросил: «Как же быть с Думой? Разве она не контролирует Договорные земли?»

«Чисто гипотетически. В действительности Дума занимается исключительно своими делами и не суется в наши».

Эльво Глиссам промолчал. Шайна печально вздохнула: «Все так шатко и неопределенно. Если бы только мы могли почувствовать наконец, что Рассветное поместье — на самом деле наша земля».

«Она наша, если мы не позволим ее отнять. А этому не бывать никогда».

Глава 6

Шайна и Эльво решили проехаться на криптидах. Кельсе настоял на том, чтобы они взяли с собой ружья и — к вящему неудовольствию Шайны — отправились в сопровождении двух работников с фермы. Но когда они уже выехали на юг в направлении Ржавого Перста, Шайне пришлось согласиться с тем, что такие меры предосторожности были вполне обоснованы. «Мы не так уж далеко от Вольных земель, а там, как вы знаете, всякое может случиться», — заметила она Глиссаму.

«Я не жалуюсь», — отозвался тот.

Они сделали привал в тени Ржавого Перста — шестидесятиметровой остроконечной глыбы песчаника, расслоенной на бежевые, желтовато-коричневые, розовые и серые пласты. Отсюда уже трудно было заметить Рассветную усадьбу, скрывшуюся среди бледно-зеленых камедаров и развесистых темных галактических дубов. За усадьбой протянулась, закрывая горизонт, еще более темная полоса леса, окружавшего озеро Фей. К западу поблескивал частыми излучинами Чип-Чап, в конечном счете впадавший на юго-за-

паде в невидимое за холмами озеро Расправы.

«В детстве мы часто сюда наведывались: устраивали пикники, искали турмалины, — сказала Шайна. — Рядом — пегматитовая залежь. Видите? Именно здесь, кстати, эрджин напал на Кельсе».

Эльво с любопытством огляделся: «Здесь?»

«Я копалась на уступе, в слое пегматита. Кельсе и Кексик решили забраться на скалу. Эрджин выскочил из расщелины у подножия Перста, стал карабкаться вслед за ними, схватил Кельсе и стащил его вниз. Я услышала крики и побежала посмотреть, в чем дело, но Кексик уже выпалил из ружья — эрджин свалился и бился в судорогах как раз там, где вы стоите. Мы позвали на помощь по радио. Приехал Кургеч, перевязал Кельсе руку и ногу, отвез его домой. А Кексик стал великим героем — примерно на неделю».

«А потом что было?»

«О… большой скандал, вот что было. Яна всех обиделась и улетела на Танквиль. Кексик ушел из усадьбы и затерялся в Вольном Алуане. А теперь он у нас Серый Принц, — Шайна поежилась, глядя по сторонам. — Честно говоря, мне тут не по себе. Кельсе едва выжил, было столько крови…»

Эльво беспокойно оглянулся: «Эрджины тут часто появляются?»

«Время от времени, в надежде поживиться за счет скота. Но ао — прекрасные следопыты; они знают, что эрджин поблизости, даже если мы с вами ничего не замечаем. Эрджины это понимают и обычно держатся подальше от населенных мест».

Вернувшись в Рассветную усадьбу, они увидели на стоянке потрепанный «Дэйси» Джерда Джемаза. Кельсе и Джерд были чем-то заняты в библиотеке и не появлялись до ужина, который подали в парадной столовой. Согласно обычаям Рассветного поместья, все надели вечерние костюмы и платья. Джерду Джемазу и Эльво Глиссаму пришлось воспользоваться припасенными для случайных гостей костюмами из гардероба усадьбы. Шайна подумала, что традиции, несомненно, придавали ужину особый оттенок торжественного действа: повседневная одежда и будничные манеры не вязались с высокими резными спинками стульев, с огромным старым столом из лакированного умброй темного дерева, с импортной люстрой производства стекольного завода «Зитц», что в городе Гильо на планете Дарибант, с унаследованным от предков сервизом. Сегодня вечером Шайна необычно долго, тщательно прихорашивалась и вообще

беспокоилась о своей внешности. На ней было простое длинное темно-зеленое платье, а волосы она собрала в узел на темени, в стиле фаристанских наяд, украсив лоб изумрудной звездой.

Рейона Верлас-Мэддок уже отобедала раньше в обществе Гермины Линголет. За большим темным столом сидели четверо: молодые люди, преодолевшие полтораста километров дикой пустыни и отчаянно защищавшиеся от дикарей, чтобы оказаться здесь, в парадной столовой, лицом к лицу. Прихлебывая вино, Шайна откинулась на спинку стула, поглядывая на троих собеседников из-под полуопущенных ресниц и пытаясь представить себе, что они — незнакомцы, о которых ей нужно составить беспристрастное мнение. Кельсе казался старше своих лет. Несмотря на сходство с отцом, он не отличался внушительной внешностью: слишком плотно сжимал губы, что придавало его продолговатому лицу напряженно-озабоченный характер. По сравнению с ним Эльво Глиссам производил впечатление человека общительного и беспечного, всецело поглощенного быстротечной радостью бытия. Джерд Джемаз — с точки зрения «незнакомки» — выглядел на удивление элегантно. Повернув голову, он встретился глазами с Шайной. Как

всегда, Шайна ощутила при этом небольшой укол раздражения — или, может быть, что-то вроде вызова, побуждения к соперничеству? Джемаз опустил глаза к бокалу вина. Шайна одновременно удивилась и развеселилась: Джерд, всю жизнь ее игнорировавший, наконец поддался ее влиянию!

«Мы разослали устав по поместьям, — говорил Кельсе. — Если он заслужит всеобщее одобрение, по-видимому, одного этого будет достаточно для формирования политического блока».

«А если нет — если твой устав вызовет разногласия?» — спросила Шайна.

«Маловероятно. Мы обсудили основные положения с каждым адресатом».

«Что, если кто-нибудь начнет настаивать на изменениях? Не может быть, чтобы структура важного документа одинаково устраивала все стороны».

«В уставе нет никакой структуры. Это просто-напросто изложение общей позиции, соглашение о координации действий, обещание не противиться воле большинства. Таков первый необходимый шаг; впоследствии мы сможем подготовить и предложить к утверждению более подробный манифест».

«Значит, теперь тебе придется ждать. Как долго?»

«Неделю или две. Может быть, три».

«Достаточно долго, — вмешался Джерд Джемаз, — чтобы узнать, в чем заключалась „забавная шутка“, обещанная Ютером Мэддоком».

Глиссам сразу заинтересовался: «Как же вы это узнаете?»

«Ютер пролетел пятьсот километров на север от Рассветной усадьбы, с отклонением примерно в двадцать семь километров к востоку. Другими словами, он приземлился в Пальге, на станции № 2, — Джерд вынул записную книжку Ютера Мэддока. — Послушайте: „Никто не осмеливается летать над Пальгой. Достойный удивления парадокс! Ветроходы, уклончивые и незлобивые, при виде летательного аппарата становятся яростными фуриями. Из ангаров выкатывают древние лазерные пушки, и от нарушителя небесного спокойствия остаются прах и лоскутья обгоревшего металла. Я спросил у Филисента: „Почему вы сбиваете всех, кто пролетает над степями?“ „Мы боимся синих налетчиков“, — ответил он. „Неужели? — не поверил я. — Сколько лет прошло с тех пор, как ульдры в последний раз совершили налет на ветроходов?“ „На моей памяти этого не

было, мой отец тоже такого не помнит, — признал Филисент. — Тем не менее, закон есть закон: в небе над Пальгой не должно быть воздушных машин“. Филисент позволил мне осмотреть его лазерную пушку — великолепное орудие! Я поинтересовался: „Кто мог изготовить столь хитроумное и разрушительное оборудование?“ На этот вопрос Филисент не смог ничего ответить — почти ничего. Пушка, покрытая резным или чеканным рельефом изумительной работы, переходила, как фамильная драгоценность, от отца к сыну с незапамятных времен. Может быть, ее привезли с собой давно забытые первопоселенцы Корифона — кто знает?“»

Джерд Джемаз поднял голову: «Ютер сделал эту запись, судя по всему, через несколько дней после прибытия на станцию № 2. К сожалению, он редко пользовался записной книжкой. Дальше он пишет: „Пальга — достопримечательная страна, а Филисент — весьма достопримечательная личность. Подобно всем ветроходам, он — ловкий и завзятый вор, готовый стащить в любой момент все, что плохо лежит. Отвадить его могут только „отворот“ или неусыпная бдительность владельца имущества. Во всех остальных отношениях он, в принципе, неплохой парень. У

него есть баркентина, ему принадлежат тридцать семь плодородных участков вдоль трассы. Народ этот неразрывно связан с ветром и солнцем, облаками и степными просторами! Когда плещутся паруса, а огромные колеса переваливаются по колее, ветроход, стоящий у руля, будто отправляет священный обряд. Но при этом, если поинтересоваться у него, правда ли, что трижды два — шесть, он взглянет на тебя с полным непониманием. А если попробовать разузнать что-нибудь об эрджинах — например, о том, кто и как их приручает — непонимание превратится в замешательство, даже смятение. Спросите у ветрохода, откуда у него деньги, чтобы заплатить за чудесные колеса с подвеской, за прочную парусину, за металлическую крепь — он лишится дара слова, у него челюсть отвиснет, как если бы к нему пристал юродивый, несущий несусветную чепуху!“»

Джемаз перевернул страницу: «Вот раздел, озаглавленный Ютером как „Заметки для монографии“: „Шренки — поразительная, внушающая ужас и почтение каста. Каста или культ? Осознание судьбы приходит к ребенку в виде повторяющегося сна. Он худеет, бледнеет, не находит себе места, после чего рано или поздно уходит в

степь, покинув родной фургон. Через некоторое время он совершает первое неспровоцированное нападение или оскорбление; затем этот отпрыск мирных бродяг замыкается в себе и становится в глазах соплеменников стихийным бедствием, бичом, наказующим врожденные подлость и развращенность окружающих. Шренков немного: по всей Пальге их, наверное, человек сто — никак не больше двухсот. Можно понять, как глубоко все их существо проникнуто омерзительными нечистотами, сочащимися из клоаки бытия“».

Джерд Джемаз немного помолчал. Никто не сказал ни слова.

Джемаз снова перевернул страницу: «Осталось немного. Здесь Ютер пишет: „Его зовут Полиамед. Я надул его, воспользовавшись трюком Кургеча, и он признал, что видел лагерь для дрессировки эрджинов. „Так проведи меня туда!“ Он не решается. Я закручиваю призму, и мой голос звучит в его мозгу: громовой глас небесный. „Проведи меня туда!“ — требует божество с глазами, слепящими, как солнца. Полиамед смиряется с неизбежностью, хотя ему известно, что он повергнет в хаос миллионы судеб, превратив их в необратимое месиво. „Где? Как далеко?“ — спрашиваю я. „Там — не близко“, — отвечает он. Что ж, увидим“».

Джемаз открыл еще одну страницу: «Дальше столбец каких-то чисел — я не смог в них разобраться. Вот, пожалуй, и все. Дальше пусто — кроме заметок на последней странице. Сначала два слова: „Чудесно! Великолепно!“ Потом один параграф: „Из всех горьких радостей жизни эта — горчайшая и сладчайшая. Как медленно бьют куранты веков! Какая скорбь в их перезвоне, какое торжество вечно опаздывающей справедливости!“»

Джерд Джемаз захлопнул записную книжку и бросил ее на стол: «Вот таким образом. Ютер вернулся на „Стюрдеванте“ — согласно показаниям автопилота, прямо в Рассветную усадьбу, нигде не останавливаясь. Через два дня он разбился в каменной пустыне Драмальфо».

Эльво Глиссам спросил: «Что заставило его отправиться в Пальгу? Он торговал с ветроходами?»

«Как ни странно, — отозвался Кельсе, — он руководствовался побуждениями, столь дорогими вашему сердцу. Прошлой весной он ездил в Оланж и заметил эрджинов тетки Вальтрины. Никто не мог ему объяснить, как их дрессируют, в связи с чем отец решил навестить Пальгу и разобраться, что к чему».

«И он разобрался? В чем заключается юмор ситуации, вызвавшей у него такое веселье?»

Кельсе пожал плечами: «Этого мы не знаем».

«Надо полагать, Пальга — любопытное место».

«Про ветроходов рассказывают странные истории, — задумчиво сказала Шайна. — Добрая половина из них, конечно, не заслуживает ни малейшего доверия. Когда фургоны встречаются в степи, семьи обмениваются младенцами — на том основании, что ребенок, воспитанный собственными родителями, вырастает слишком избалованным».

Кельсе встрепенулся: «Помнишь старую кормилицу, Джамию? Она рассказывала на ночь такие жуткие сказки про шренков, что мы заснуть не могли от страха».

«Джамию? Прекрасно помню! — откликнулась Шайна. — Она говорила, что у ветроходов есть обычай вешать трупы умерших на деревья, чтобы их не съели одичавшие псы. Идешь в лесу, а с каждого дерева ухмыляется скелет».

«Ветроходы не только трупы вздергивают на деревья, — вставил Джемаз. — Больных стариков тоже. Чтобы не возвращаться лишний раз в рощу, их привязывают живьем».

«Очаровательный народ! — заметил Глис-

сам. — Так что вы собираетесь делать?»

«Полечу на станцию № 2 и разузнаю, куда ездил Ютер Мэддок — так или иначе».

Кельсе покачал головой: «След простыл — ты не найдешь дорогу».

«Я не найду — найдет Кургеч».

«Кургеч?»

«Он хочет ехать со мной. Кургеч никогда не был в Пальге и не прочь взглянуть на парусные фургоны».

Эльво Глиссам порывисто приподнялся: «Я тоже хотел бы поехать с вами — если могу оказаться чем-то полезным».

Шайна не раскрывала рта: протестовать, ссылаясь на трудности и опасности пути, было невозможно, не оскорбив Глиссама в лучших чувствах. Упоминать о том, что Эльво успел осушить несколько бокалов крепкого янтарного вина, тоже было бы исключительно невежливо.

Лицо Джерда Джемаза чуть подернулось — так, что заметила это движение, наверное, только Шайна. Ее вечно тлеющая неприязнь к Джемазу вспыхнула с новой силой, но она опять сдержалась и ничего не сказала. Джемаз вежливо ответил: «Ваше предложение можно только приветствовать — но учитывайте, что поездка

займет не меньше недели, а то и дольше, причем в пути может возникнуть множество неудобств».

Эльво Глиссам смеялся: «Путешествие в Пальгу не может быть опаснее и труднее нашего хождения по мукам из Драмальфо в Рассветное поместье!»

«Надеюсь, что нет».

«Что ж, я в хорошей форме, и предмет вашего расследования имеет самое непосредственное отношение к моим интересам».

Кельсе заметил назидательно-трезвым тоном, не позволявшим открыто подозревать его в издевательстве, но вызывавшим у Шайны бешеную ярость: «Эльво желает увидеть своими глазами процесс порабощения эрджинов».

Глиссам ухмыльнулся, ничуть не смутившись: «Именно так».

Не проявляя энтузиазма, Джерд Джемаз поинтересовался: «Насколько я понимаю, Кельсе не откажется одолжить вам пару сапог и несколько мелочей, полезных в походной обстановке?»

«Никаких проблем», — отозвался Кельсе.

«Что ж, отправимся завтра утром — если к тому времени найдется Кургеч».

Шайна чуть было не поддалась бесшабашному порыву присоединиться к экспедиции, но с

сожалением отказалась от этой мысли. Не могла же она упорхнуть в Пальгу и оставить Кельсе одного! Это было бы несправедливо.

Глава 7

Аэромобиль плыл по воздуху на север над пологими холмами, широкими долинами, излучинами рек, лесами гадруна, пламенного дерева и мангониля; временами над лесным пологом высился гигантский силуэт алуанского джинкго. Глиссаму казалось, что он видит причудливый сон — он уже сомневался в целесообразности отваги, охватившей его после вчерашнего ужина. Он даже обернулся туда, где скрылась за горизонтом Рассветная усадьба… «Ничего подобного! — твердо сказал он самому себе. — Я присоединился к экспедиции по вполне основательной причине. Необходимо добыть существенную фактическую информацию о порабощении эрджинов — в этом состоит мой нравственный долг». Другую, подспудную причину он формулировать остерегался: Эльво Глиссам не мог ни в чем уступать Джерду Джемазу. Ни в коем случае.

Повернувшись в кресле, Глиссам взглянул на спутника. Джемаз был, пожалуй, на полвершка ниже его, но крепче и шире в плечах и в груди. Джемаз двигался решительно, точно и скупо, без лишних жестов, без каких-либо даже малоза-

метных характерных манерностей, придающих неповторимость поведению большинства людей. По сути дела, с первого взгляда — а также, пожалуй, со второго и с третьего — Джерд Джемаз производил впечатление человека неинтересного, бесцветного, сухого и мрачноватого. В нем не было, по меньшей мере внешне, никакой напористости, увлеченности, остроты. Напротив, Эльво Глиссам относился к миру оптимистично, положительно, созидательно: с его точки зрения Корифон, да и вся Ойкумена вместе взятая, нуждались в улучшениях, и только усилия таких благонамеренных деятелей, как он, позволяли человечеству надеяться на прогресс.

Несмотря на достаточные вежливость и внимание к окружающим, Джерд Джемаз не проявлял сочувствия — несомненно, он рассматривал мир сквозь призму эгоцентризма. Не менее очевидной была чрезвычайная самоуверенность Джемаза. За что бы он ни брался, возможность неудачи, по-видимому, никогда не приходила ему в голову — в связи с чем Глиссам ощущал нечто вроде легкой зависти или раздражения, даже с некоторым оттенком неприязни, полностью сознавая, впрочем, всю мелочность и недостойность подобных эмоций. Если бы только Джемаз не был столь

самонадеян в своих бессознательных допущениях, столь простодушен… Ибо непроницаемый апломб Джемаза, в конце концов, мог быть не более чем наивностью. Действительно, Джемаз уступал более искушенным людям в бесчисленных отношениях. Он почти ничего не знал о человеческих достижениях в таких областях, как музыка, математика, литература, видеотехника, философия. В любых других обстоятельствах именно Джемаз, а не Эльво Глиссам, чувствовал бы себя не в своей тарелке и считал бы, что судьба несправедливо отказала ему в преимуществах, без труда доставшихся его спутнику. Глиссам заставил себя печально усмехнуться. К добру или не к добру, положение вещей оставалось таким, каким оно было.

И снова Глиссам взглянул на проплывавший внизу пейзаж. Еще было не поздно попросить (например, притворившись больным) — и его, конечно же, отвезли бы назад в усадьбу. Джемаз отреагировал бы на такое поведение всего лишь с легким недоумением — незваный столичный попутчик настолько мало его интересовал, что не вызвал бы даже презрения… Глиссам нахмурился. Довольно жалеть себя и заниматься мелодраматическим самокопанием! Он поста-

рается сделать все возможное для того, чтобы оказаться полезным помощником. Если он окажется обузой — что ж, ничего не поделаешь. Дальнейшие размышления ничему не помогут.

Джерд Джемаз указал на трех огромных серых тварей, валявшихся в глубокой грязи посреди почти пересохшего озерца. Одно из животных приподнялось и неуклюже выбралось на берег, тупо провожая маленькими глазами летательный аппарат.

«Ленивцы-броненосцы, — прокомментировал Джемаз. — Между прочим, близкие родственники морфотов, хотя морфоты далеко их опередили в эволюционном отношении».

«Никакой генетической связи с эрджинами?»

«Никакой. Некоторые специалисты считают, что эрджины произошли от горного гергоида — это что-то вроде крысы с хвостом, как у скорпиона. Другие с ними не согласны. От эрджинов не остается окаменелостей».

Аэромобиль быстро и тихо летел на север. Впереди уже высилась Пальга, а на западе протыкали тучи пики Вольводеса. Джерд Джемаз направил машину вверх, чтобы лететь под самыми подножиями громадных кучевых облаков-наковален, купавшихся в лучах солнца. Внизу земля

вздымалась и пучилась, будто подпираемая не находящим выхода давлением, после чего резко взметнулась на целый километр, обнажив почти отвесный эскарп, зазубренный тысячами выступов и провалов. Дальше, от самого обрыва, начинались и простирались к горизонту бесконечные солнечные дали Пальги.

Неподалеку от эскарпа сгрудились десятка полтора строений с белеными стенами и коричневато-черными крышами. «Станция номер два, — кратко пояснил Джемаз. — По всей вероятности, там вы увидите эрджинов, предназначенных на экспорт. Выражать возмущение по этому поводу бесполезно, даже небезопасно».

Эльво изобразил добродушный смех: «Я довольствуюсь ролью наблюдателя». Произнеся эти слова, он подумал, что при нем Джерд Джемаз никогда не выражал никакого мнения — ни одобрения, ни порицания — по поводу порабощения эрджинов: «А вы как относитесь к этой… коммерции?»

Джерд Джемаз ответил не сразу: «Лично я не хотел бы оказаться в рабстве». Только через некоторое время, когда молчание затянулось, Эльво Глиссам сообразил, что Джемаз не собирался развивать свою мысль — возможно, у него просто

не было никакого мнения? Эльво нахмурился, упрекая себя за поспешность суждения. Джемаз по-своему тонко намекал на существование определенной точки зрения, которую можно было бы выразить примерно следующим образом: «На первый взгляд ситуация представляется грязной и позорной, но имеющихся сведений недостаточно для того, чтобы составить обоснованное суждение обо всех сторонах дела, в связи с чем я не спешу с окончательными выводами. Что касается возмущения профессиональных гильдий в Оланже и угрызений совести, мучающих „Борцов за эмансипацию эрджинов“, то меня трудно подозревать в серьезном отношении к подобным шалостям». Эльво Глиссам ухмыльнулся: таково было мнение Джерда Джемаза в переводе на язык виллы Мирасоль.

Воздушный аппарат опустился на центральный огороженный двор станции № 2. Слева громоздилось длинное, низкое и нескладное сооружение из цементированной земли, побеленное снаружи, с опирающейся на тяжелые столбы крышей, горбящейся неравномерными уступами в разных направлениях и под разными углами — несомненно, постоялый двор. Впереди, вдоль западной окраины двора, находились три

похожие постройки, напоминавшие большие амбары с высокими воротами, открытыми спереди и сзади — внутри можно было разглядеть множество каких-то передвижных средств в полуразобранном или полусобранном состоянии. На решетчатом стеллаже пылилась дюжина пустотелых пневматических колес — каждое больше человеческого роста в диаметре. Дальше, за сборочными цехами, виднелись другие экипажи, беспорядочно оснащенные мачтами, реями, грузовыми стрелами, бушпритами и такелажем. Справа, вдоль северной стороны, тянулся еще один ряд открытых навесов; в одних стояли пустые клети, в других были устроены затянутые металлической сеткой загоны, откуда флегматично поглядывали эрджины — в общей сложности около десятка.

Туземцы, работавшие в сборочных цехах, оторвались от своих занятий. Человек шесть вышли на двор и приблизились к аэромобилю. У некоторых на макушках были самые нелепые, с точки зрения Глиссама, головные уборы — деревянные горизонтальные диски в два пальца толщиной и чуть больше метра в диаметре, закрепленные на железных касках с ремешками, продетыми под подбородком и под затылком. Как можно ра-

ботать, нахлобучив на голову столь громоздкие, несуразные приспособления?

Джерд Джемаз тоже вел себя очень странно. Как только ремесленники стали подходить, он вылез из машины, подобрал палку и провел по пыльной поверхности двора черту, полностью окружавшую аэромобиль. Заметив его маневры, работники задержались, после чего снова двинулись вперед, но медленнее, чем раньше, и остановились, не переступая черту. Эльво Глиссам впервые оказался лицом к лицу с ветроходами — представителями расы, ничем не напоминавшей кочевников Алуана. Их бледная коричневатая кожа, по-видимому, была обязана своим оттенком врожденному пигменту, а не воздействию солнечных лучей, причем ее матовая поверхность не становилась темнее в складках и нигде не блестела. На одних были матерчатые колпаки, на других — деревянные диски с железными касками. Из-под колпаков и касок местами выбивались взъерошенные светло-каштановые кудри: туземцы явно не придавали значения прическе. На их плосковатых лицах все черты были мелкими — короткий нос, маленький рот — кроме довольно тяжелой нижней челюсти. Светло-карие, почти бесцветные

глаза пристально следили за каждым движением приезжих. Некоторые отрастили небольшие усики, другие выщипали брови, что придавало их лицам вкрадчиво-удивленное выражение. На всех были короткие бледно-голубые, серые или бледно-зеленые штаны и рубахи навыпуск из такой же ткани. У всех волосы или колпаки были украшены чем-то вроде разнообразных замысловатых подвесок из дутого стекла, перевязанных цветными ленточками.

Джерд Джемаз произнес: «Удачи и попутного ветра всем и каждому!»

Работники пробормотали ответное благословение. Один спросил: «Приехали торговать или покупать?»

«Сущность моего предприятия еще не прояснилась. Прозрение придет во сне».

Туземцы понимающе кивнули и вполголоса обменялись несколькими фразами. Эльво Глиссам не мог придти в себя от изумления: он не ожидал такого полета воображения от прозаичного Джемаза.

Теперь Джемаз указывал туземцам на черту, окружавшую машину: «Обратите внимание на этот отворот. Силу ему придают тяжесть наших кулаков и меткость нашей стрельбы — Аха-

риссейо тут ни при чем. Все понятно?»

Работники пожимали плечами, переминались с ноги на ногу и вытягивали шеи, стараясь получше рассмотреть аэромобиль и его содержимое.

Джемаз спросил: «Где жрец?»

«У себя в вагоне, за постоялым двором».

Джемаз обернулся, обменявшись взглядом с Кургечем — тот прислонился к аэромобилю и демонстративно опустил руку на кобуру пистолета. Джемаз снова повернулся к ветроходам: «Вы можете удалиться без сожаления — наше имущество не окажется без присмотра и не предлагается всем желающим. Оно бдительно охраняется».

Работники попрощались вежливыми жестами и вернулись в амбары-мастерские. Эльво Глиссам недоумевал: «Что все это значит?»

«Ветроходы крадут все, что попадется под руку, — объяснил Джемаз. — Охранные знаки или талисманы называют „отворотами“ — вы их увидите повсюду. Ветроходы нацепляют их даже на волосы».

«А зачем носят деревянные диски?»

«Таково наказание за нарушение какого-то религиозного предписания. Здесь нет никаких властей, кроме жречества».

Эльво хмыкнул: «Как они живут и работают,

таская такую тяжесть? От одной мысли об этом голова болит».

«Бывают диски в восемь пальцев толщиной, а то и в двенадцать. В худшем случае виновный умирает через неделю-другую — если о нем никто не позаботится».

«А за какую провинность полагается носить диск?»

Джерд Джемаз пожал плечами: «Нельзя плевать против ветра. Говорить во сне тоже, кажется, не полагается. Я не разбираюсь в тонкостях ветроходского законодательства. Пойдемте — нужно найти жреца и добыть несколько отворотов».

Жрец был облачен в белую рясу. На концах свисающих до плеч витых прядей его волос, выкрашенных в густо-черный цвет, болтались агатовые четки. Круглое лицо жреца было чисто выбрито, а вокруг глаз он намалевал черные круги, придававшие ему сходство с насторожившимся филином. При виде Джерда Джемаза и Эльво Глиссама жрец нисколько не удивился, хотя спал на кушетке, когда приезжие зашли в вагон.

И снова Джемаз начал разговор, заставивший Глиссама оторопеть от удивления.

«Добрых ветров тебе, жрец. Подбери-ка нам

отвороты на все случаи жизни».

«Само собой, — пробормотал жрец. — Собрались торговать? Для этого и отворотов-то особенных не нужно».

«Нет, мы не торговцы. Приехали в Пальгу развлечься, полюбоваться на достопримечательности».

«Хо-хо! Нашли где развлекаться! У нас тут нет ни буйных карнавалов, ни сладкоголосых дев, ни пиров для ненасытных обжор. Скучающих бездельников в Пальге давно не видели».

«Тем не менее, здесь недавно побывал мой друг, Ютер Мэддок, — возразил Джемаз. — Ты подобрал ему подходящие отвороты и дал несколько полезных советов».

«Не я, не я! Тогда священнодействовал Полиамед. Я — Моффамед».

«А! В таком случае мы обратимся к Полиамеду».

Глаза Моффамеда округлились и заблестели, он поджал губы и неодобрительно покачал головой: «Полиамед оказался нетверд. Он покинул жрече-

ство и ныне блуждает в сорайе[51]. Быть может, ему не следовало угождать твоему другу, Ютеру Мэддоку?»

«Раз так — во имя Ахариссейо! — подбери нам отвороты, причем самые сильнодействующие».

Жрец отошел в сторону и открыл обтянутый черной кожей сундучок, изнутри обитый розовым фетром и содержавший дюжину хрустальных шаров. Прикоснувшись пальцами к шарам, он перекатил их по днищу сундучка, наблюдая за столкновениями, и отскочил с коротким удивленным возгласом: «Знамения неблагоприятны! Вы должны вернуться в Алуан».

Джемаз бесцеремонно рявкнул: «Жрец, не лукавь! Знамения благоприятны».

Резко обернувшись, Моффамед с подозрением покосился на Джемаза — четки из полосчатого агата на концах многочисленных косичек болтались с тихим перестуком: «Откуда ты знаешь? Тебя учили гаданию на шарах?»

Джемаз показал лаконичным жестом, что отказывается обсуждать этот вопрос: «Как тебе

---

[51] notes: 51

Сорайя (непереводимое понятие): беспредельный простор от горизонта до горизонта, на суше или на море, ничем и никак не препятствующий передвижению и внушающий непреодолимое желание быть в пути, стремиться к известному пункту назначения или в неизвестность.

известно, Ютер Мэддок погиб».

Глаза Моффамеда снова выпучились — на этот раз, по-видимому, жрец удивился непритворно: «Почему бы мне это было известно?»

«Говорят, жрецы владеют искусством телепатии».

«Только в определенных обстоятельствах. Причем событий в Алуане это вообще не касается — о том, что происходит у вас, я знаю не больше, чем вы о происходящем в Пальге».

«Дух Ютера Мэддока возложил на нас обет. Ютер странствовал в сопровождении Полиамеда. Каждый из них позволил другому — во имя взаимного доверия — вкусить своей души».

Эльво Глиссам начинал испытывать нечто вроде опасливого почтения. Всего лишь два часа тому назад он считал Джерда Джемаза недалеким, бездарным невеждой!

Моффамед присел на кушетку, задумчиво полуприкрыв совиные глаза: «Об этом я ничего не знаю».

«Теперь ты знаешь — и если мы должны вернуться в Алуан, не отыскав потерянную часть Ютера Мэддока, тебе придется поехать с нами, дабы упокоить его ущербный дух».

«Совершенно исключено! — заявил жрец. — Я

ни за что не покину Пальгу».

«В таком случае нам необходимо встретиться с Полиамедом».

Моффамед медленно кивнул, неподвижно глядя в пространство.

«Но прежде всего, — продолжал Джемаз, — ты должен обеспечить нас добротными отворотами».

Жрец очнулся: «Отворотами — какого рода?»

«Подбери такой отворот, чтобы мы могли пролететь над Пальгой в воздушной машине».

Моффамед опустил уголки губ и назидательно поднял указательный палец: «Извержения пылающего газа, грохот, свист и вой механизмов над блаженными ветрами Ахариссейо? Немыслимо! И даже отворот, прочащий счастливый путь, я не смогу вам приготовить, ибо гнетут зловещие предчувствия и тени — не все к добру в тумане грядущего. В лучшем случае могу подобрать талисман общеукрепляющего действия, взывающий к заступничеству всемилостивого Ахариссейо».

«Пусть будет так! Мы с благодарностью воспользуемся снисхождением ветров. Кроме того, воздушная машина должна быть защищена от любых повреждений, помех и злоключений, в том

числе от воровства, разрушения, любопытства, порчи, вандализма, осквернения, похищения и сокрытия. Мне и моим спутникам потребуются отвороты, предохраняющие от нападений, телесных повреждений и другого ущерба, волшебства, мошенничества, злоупотребления доверием, порабощения и пленения, а также гарантирующие попутный ветер, ровную колею, устойчивость фургона и благополучное прибытие».

«Вы многого хотите».

«Для могущественного жреца, приближенного к Ахариссейо, все это сущие мелочи. Мы могли бы попросить больше».

«Упомянутого вполне достаточно. Придется заплатить».

«Оплату мы обсудим по возвращении, после того, как отвороты окажут должное влияние».

Моффамед открыл было рот, чтобы возразить, но снова закрыл его. Помолчав, он спросил: «Как далеко вы направляетесь?»

«Мы не остановимся, пока не найдем то, что ищем. Где Полиамед?»

«Не близко».

«Тебе придется указать дорогу».

Жрец задумчиво кивнул: «Хорошо. Я укажу вам дорогу и подберу отвороты. Потребуются долго-

вечные, могущественные талисманы. Такую силу придают только особые обряды. Отвороты будут готовы завтра».

Джерд Джемаз коротко кивнул: «А теперь дай нам временный отворот, чтобы обеспечить сохранность воздушной машины, и несколько других — чтобы нас не ограбили ночью».

«Установи машину за фургонными мастерскими. Я принесу отвороты».

Джерд Джемаз вернулся к аэромобилю, перелетел на нем через цеха-амбары и приземлился на указанном жрецом пустыре, где уже теснились десятки всевозможных транспортных средств, оставленных на хранение, новых, подержанных и полуразваленных — от трехмачтовой грузовой шхуны на восьми трехметровых колесах до легкого трехколесного глиссера с незакрепленной мачтой. На каждом корабле прерий висела гирлянда напоминавших бракованные елочные игрушки разноцветных колбочек и палочек из дутого стекла, перевязанных длинными лентами, свисавшими за борт.

Моффамед уже притащил корзину такого же барахла и теперь поочередно вынимал и демонстрировал свои сокровища: «Сегодня могу предложить только отвороты общего назначе-

ния. Длинная связка с красными и зелеными лентами — обычный бессрочный талисман, предохраняющий запаркованный фургон — в вашем случае, воздушную машину. Амулеты с синими и белыми лентами отвадят желающих позаимствовать ваши вещи и багаж, но только на постоялом дворе. Черный, зеленый и белый отворот защитит ульдру от мщения, злого умысла и приворотного столбняка. А пришлым подобают черные отвороты с синими и желтыми лентами».

Джемаз закрепил талисман с красными и зелеными лентами на аэромобиле, взял предназначенный для него отворот и раздал остальные Глиссаму и Кургечу. «Все правильно», — подтвердил жрец и без дальнейших церемоний удалился с пустыря.

Джерд Джемаз с сомнением разглядывал побрякушки с ленточками: «Надеюсь, он не всучил нам выдохшееся барахло».

«Добротные отвороты, — успокоил его Кургеч. — От них исходят чары».

«Не ощущаю никаких чар, — огорченно пробормотал Эльво Глиссам. — Надо полагать, у меня атрофировалось какое-то чувство».

Джемаз уже отошел в сторону, изучая шлюп на

четырех двухметровых колесах с высокой мачтой, плетеной палубой и небольшой кабиной: «Всю жизнь мечтал прокатиться под парусами на ветроходском фургоне. Этот, наверное, не подойдет — слишком маленький и легкий. Вот двухмачтовый кеч рядом — как раз то, что нужно».

Три путника отправились на постоялый двор и вошли в переднюю, отделенную чуть выше пояса перекладиной из ошкуренного бледного дерева от кухни, где коренастый шоколадного цвета человек, обнаженный до пояса и вспотевший до блеска, колдовал над вереницей чугунных горшков, клокотавших и плевавшихся брызгами на огромной железной печи. Трое приезжих терпеливо ждали. Повар бросил на них осуждающий взгляд и, схватив увесистый нож, принялся ожесточенно кромсать пастернак.

В переднюю вошла молодая женщина, высокая и стройная, с лицом неподвижно-бесстрастным, как у сомнамбулы. Эльво Глиссам, всегда интересовавшийся причудливыми человеческими разновидностями, смотрел во все глаза. Если бы черты ее согрелись каким-нибудь чувством, дочь степей стала бы образцом необычайной красоты, сочетающей истому тропической водя-

ной лилии и грацию пушного зверя на снегу. Но вместе с выражением лицо теряло красоту. «Не совсем», — думал Глиссам. Возможно, в ней жила еще красота, но далекая, чуждая, как все в стране ветроходов. Кожа ее, бледнее кожи ремесленников, чинивших фургоны — оттенка слоновой кости — отливала непередаваемым матовым блеском: синим? сине-зеленым? землисто-фиолетовым? Темные волосы цвета жженого сахара спускались до плеч и удерживались перечеркнувшей лоб узкой черной повязкой с пурпурным, черным и алым отворотом, закрепленным сзади.

Женщина тихо и мягко спросила у посетителей, чего им угодно. Джерд Джемаз сухо, даже резко ответил, что им угодно получить три постели, ужин и завтрак. Эльво Глиссам не понимал, что спровоцировало его бесцеремонный тон. Женщина шагнула назад — плавно и легко, как отступающая волна — и подала им знак следовать за ней. Путники вошли в большой трактирный зал, напоминающий пещеру, оживленную таинственными тенями. Пол выложили плитами темно-серого камня, стропила опирались на закопченные столбы из бревен — из-под потолка свисали сотни гирлянд-отворотов, едва различимых в полутьме. Вдоль верхней части

стены тянулось ленточное окно из бесчисленных лиловых и коричневатых стекол, пропускавшее теплый тенистый свет, местами озарявший зыбко-громоздкие очертания столбов и стропил, выделявший темно-красные скатерти на столах и драматически подчеркивавший черты всех присутствующих. В трактире находились еще пять посетителей, занятых азартной игрой — они то и дело ругались, с досадой опуская на стол тяжелые кулаки, а мальчик-служка в белом переднике носил им кружки пенистого пива.

Молодая женщина провела приезжих через трактирный зал, а затем по короткому коридору, выходившему на балкон или веранду, откуда поначалу не было видно ничего, кроме неба. Эльво Глиссам подошел к перилам и заглянул вниз. Здание приютилось на самом краю эскарпа: балкон нависал над бездной. Между стеной трактира и наружными столбами, подпиравшими крышу, висели несколько гамаков — судя по жестикуляции хозяйки, любой был в распоряжении постояльцев. Мостки на длинных тонких сваях соединяли балкон с устроенным поодаль отхожим местом, состоявшим из покачивавшегося на ветру дощатого седалища, подвешенного над пропастью, и трубы, сочившейся ледяной во-

дой. Далеко внизу что-то блестело — озерцо или родник; Глиссам надеялся, что истоки Чип-Чапа находились не здесь.

Три путника вышли на балкон с кружками мутноватого светлого пива, отдававшего солнечными просторами Пальги и солодовой ягодой. Пока они сидели и прихлебывали, Метуэн, солнце Корифона, опускался за горизонт в катаклизме алых, розовых, багровых и красных сполохов подобно императору, гибнущему в пучине дворцового пожара.

На балконе царила тишина. Высокая женщина принесла приезжим по второй кружке пива и на мгновение застыла, глядя на закат — так, будто перед ней было нечто невиданное и поразительное; вскоре, однако, она очнулась и возвратилась в трактирный зал.

Эльво Глиссам, слегка опьяненный пивом и закатом, забыл о недобрых предчувствиях: без всякого сомнения, здесь и сейчас он жил самой полной жизнью — у черта на куличках, в дикой, непонятной стране, в окружении непроницаемых, неизъяснимых спутников! Вопросы теснились у него в уме, не находя выхода. Он обратился к Кургечу: «Отвороты, талисманы, амулеты! Ветроходы действительно соблюдают

эти запреты?»

«Им больше нечего соблюдать».

«И к чему приводит нарушение запрета?»

Кургеч едва заметно приподнял бровь — такой вопрос можно было бы и не задавать: «Провинившихся мучительно наказывают. Многие умирают».

«А откуда ты знаешь, что отвороты жреца наделены чарами?»

Кургеч только пожал плечами.

Ответил Джемаз: «Если вы живете в мире, где волшебство неизвестно, вам его трудно заметить».

Эльво Глиссам смотрел в необъятное небо: «Мне не приходилось иметь дело с волшебством… до сих пор».

Сгущались сумерки. Появилась хозяйка и с достоинством объявила, что ужин подан. Три постояльца последовали за ней в трактирный зал и подкрепились соленым хлебом, бобами с колбасой, пикулями неизвестного происхождения и салатом из сладковатых трав. Их соседи, азартные игроки, никого не замечали, поглощенные созерцанием десятисантиметровых палочек из полированного дерева, ярко окрашенных с обоих концов — как правило, но не всегда, в разные

цвета. Игроки по очереди вынимали по одной палочке из особого пенала, скрывая цвета ее концов от соперников до тех пор, пока — обычно после длительного размышления — палочка не устанавливалась в свободном отверстии деревянной подставки перед игроком, тем или иным концом вверх. Взяв новую палочку, игрок мог выбросить ее на стол — или не делать этого, смотря по обстоятельствам. Почти каждый ход сопровождался ругательством или восклицанием. Игра вызывала немалое напряжение — участники бросали друг на друга изумленные взгляды и хмурились, совершая в уме коварные расчеты.

Джемаз и Кургеч вскоре удалились и улеглись в гамаки. Эльво сидел и наблюдал за игрой, не столь простой, как могло показаться с первого взгляда. Всего использовались сто пять палочек двадцати одной разновидности, представлявшие все возможные сочетания красного, черного, оранжевого, белого, синего и зеленого цветов. Перед началом игры палочки помещали в пенал; энергичное встряхивание пенала приводило к выпадению той или иной палочки в горизонтальное углубление с вырезом, не позволявшим видеть окрашенные концы. Подвинув пенал к себе, получивший палочку игрок быстро вынимал

ее и рассматривал под столом, после чего либо втыкал ее в свою подставку, либо откладывал на стол. Пенал переходил из рук в руки и палочки поочередно вынимались до тех пор, пока подставка каждого игрока не заполнялась пятью торчащими палочками, верхние концы которых образовывали последовательность цветов, известную всем игрокам, тогда как сочетание цветов, образованное нижними концами, оставалось тайной для всех, кроме обладателя палочек. После каждого круга раздачи палочек игроки поднимали или приравнивали ставки, а иногда и выходили из игры, если шансы на выигрыш казались им недостаточными. Продолжающие играть соперники снова вынимали по палочке и либо выбрасывали ее, либо заменяли ею одну из пяти, собранных на подставке. Раздача и торги кончались, когда опорожнялся пенал. Изучая множество палочек, разбросанных на столе, и верхние концы палочек, воткнутых в подставки, игроки ломали головы, пытаясь определить, какие цвета скрываются в подставках оппонентов. Эти расчеты служили основой для последнего круга ставок. Сторговавшись, игроки демонстрировали друг другу сочетания цветов на нижних концах своих палочек. Игрок, которому

посчастливилось собрать самую выигрышную комбинацию, забирал все ставки. Несколько обескураженный страстными стонами и рычанием игроков, Эльво Глиссам предпочел скромность любопытству, в связи с чем так и не разобрался в иерархии цветовых сочетаний.

Молодая хозяйка вернулась и предложила Глиссаму еще кружку пива — тот принял ее с благодарностью, хотя ничего больше не заказывал. Эльво хотел обменяться с красавицей хотя бы парой дружеских слов и пытался встретиться с ней взглядом, когда в трактире появился человек самой необыкновенной внешности и с более чем странными манерами. Слишком крупные, несообразные черты его поражали: ненормально широкая нижняя челюсть, глубоко запавшие щеки, выдающиеся скулы, расщепленный нос, высокий выпуклый лоб, неподвижно полуоткрытый рот, расплывшийся в кривой бессмысленной ухмылке. Глаза урода, круглые, бледно-карие, то и дело подмигивали — он морщился, свет явно раздражал его. Длинные, массивные руки свисали с дюжих плеч, весь торс бугрился узлами мышц и шишками выступающих костей, длинные ноги кончались широкими ступнями. По всем признакам незнакомец был имбецилом, но у Глиссама

возникло впечатление, что от него веет неприятной хитрецой, простотой хуже воровства.

Игроки лишь мельком покосились на новоприбывшего, не проявляя ни малейшего интереса, а мальчик-служка подчеркнуто игнорировал его. Имбецил подошел к статной хозяйке и что-то тихо сказал, после чего — с мягкой, печальной улыбкой на лице — наотмашь ударил ее в висок мясистой ладонью с такой силой, что раздался глухой отвратительный звук, заставивший Эльво Глиссама подавиться. Красавица упала на пол; урод пнул ее в шею.

Невероятно! Этот момент навсегда врезался в память Глиссама, как яркий мгновенный снимок: бледная молодая женщина на дощатом полу, струйка крови сочится у нее изо рта, лицо обмякло, глаза уставились в пространство; над ней — радостный урод, горделиво занесший тяжелую ногу, чтобы пнуть еще раз, в позе застывшего танцора, пляшущего нелепую джигу; игроки за столом, искоса поблескивающие глазами, но безразличные, отстраненные; наконец, он сам — Эльво Глиссам из Оланжа, оцепеневший от неожиданности и ужаса. К своему вящему изумлению Глиссам почувствовал, что поднимается из-за стола, хватает занесенную ступню и тянет ее

на себя. Урод растянулся на полу, но тут же вскочил с поистине атлетической прытью и вскинул ногу далеко вперед и вверх — все с той же мягкой, печальной улыбкой — чтобы огреть Глиссама по голове. Никогда в жизни Эльво Глиссам не дрался врукопашную. Он не знал, что делать, но успел инстинктивно отшатнуться — удар пришелся по воздуху, ступня имбецила на мгновение оказалась перед глазами. Отчаявшись, Эльво поймал ступню обеими руками и, не отпуская, принялся толкать ее перед собой. Лицо урода внезапно исказилось — он никогда не встречал сопротивления, его охватило смятение. Глупо подпрыгивая на одной ноге, чтобы сохранить равновесие, он вынужден был отступать все дальше и дальше — мимо игорного стола, через открытую дверь на балкон, через перила, в пропасть.

Пошатываясь, Эльво вернулся к столу и опустился на скамью. Тяжело дыша, он отхлебнул пива из кружки. Игроки не отрывали глаз от разноцветных палочек. Хозяйка молча ушла, едва держась на ногах. Тишину трактирного зала нарушали только азартные возгласы игроков. Эльво Глиссам растирал пальцами лоб, глядя в мутное светлое пиво: не может быть — все это ему померещилось… Несколько минут Эльво

сидел неподвижно. Странная мысль пришла ему в голову: имбецил не носил отворотов. Эльво задумчиво допил все, что оставалось в кружке, поднялся на ноги, вышел на балкон и улегся в гамак.

Глава 8

Утром никто не упомянул о вчерашнем происшествии. Трактирщица подала завтрак — буженину с хлебом и чай — и приняла несколько монет от Джерда Джемаза, выразившего желание уплатить по счету. Три путешественника покинули трактир «Нос по ветру» и пересекли двор, направляясь к стоянке за навесами мастерских. Аэромобиль стоял там, где его оставили. Внимание Джемаза снова привлекли парусные фургоны. Ненадолго задержавшись у большой трехмачтовой восьмиколесной баржи для перевозки пива, ощетинившейся разнообразными реями, вантами, бушпритами и фалами, он занялся сравнением шестиколесных и четырехколесных экипажей. Пневматические колеса почти трехметровой высоты поддерживали несущие рамы на пружинной подвеске — дорожный просвет составлял чуть больше полуметра. В большинстве случаев фургоны оснащались как шхуны или двухмачтовые бригантины. Подобно грузовым фургонам, они, по-видимому, были приспособлены к перевозкам в сезон муссонных ветров — их конструкторы не придавали особого

значения скорости или маневренности.

Джемаз заинтересовался сухопутным йолом — десятиметровой посудиной с четырьмя независимо подвешенными колесами и плоской палубой с небольшими каютами на носу и корме. Цеховой мастер ненавязчиво наблюдал за перемещениями Джемаза. Теперь он вышел из-под навеса, чтобы поинтересоваться пожеланиями иностранца. Переговоры с мастером заняли почти целый час. В конце концов Джемаз выторговал аренду йола по цене, представлявшейся ему приемлемой, и мастер куда-то удалился, чтобы разыскать подходящие паруса. Джемаз и Кургеч вернулись на постоялый двор, чтобы закупить провизию, а Глиссам тем временем перенес багаж и личные вещи из аэромобиля на палубу степного йола.

По пустырю размашистыми шагами приближался жрец Моффамед. «Добрый фургон для дальнего пути! — энергично похвалил он уже издали. — Крепко сколоченный, быстрый и легкий».

Эльво Глиссам вежливо согласился с оценкой шамана и поинтересовался: «А какой парусный фургон выбрал Ютер Мэддок?»

Горящие глаза жреца тут же потухли: «Что-то в

этом же роде, надо полагать».

Несколько цеховых работников притащили паруса и принялись привязывать их к мачтам. Моффамед взирал на их старания с надменной благосклонностью. Эльво Глиссам не решался завести разговор о событиях вчерашнего вечера, теперь казавшихся совершенно нереальными. Судя по всему, однако, следовало поддерживать какую-то беседу. Глиссам сообщил притворно-беззаботным тоном: «Кстати, я живу в Оланже. Меня интересуют эрджины. Никак не могу понять, как вам удается укрощать таких свирепых зверей».

Моффамед медленно повернул голову и смерил Глиссама взглядом из-под сонливо полуопущенных век: «Это сложный процесс. Мы отлавливаем детенышей и приучаем их выполнять команды».

«Само собой — но каким образом из них вырастают не злобные, коварные хищники, а полуразумные послушные лакеи? Разве это не противоречит их природе?»

«Ха! Коварный, смышленый хищник — уже почти разумное существо. Мы убеждаем эрджинов в том, что служить наездникам-ульдрам сытнее, чем вечно голодать, добывая скудное пропитание в пустыне. А еще лучше и легче — жить на хлебах

у пришлых богачей в Оланже».

«Так вы умеете с ними общаться?»

Моффамед возвел очи к небу: «В какой-то мере».

«Телепатически?»

Жрец нахмурился: «Мы не владеем этим искусством в совершенстве».

«Гм. В Оланже есть влиятельное общество, желающее прекратить порабощение эрджинов. Что вы об этом думаете?»

«Чепуха. Если бы эрджины не шли в услужение, от них не было бы никакой пользы. За обученных особей мы получаем добротные колеса, подшипники, металлические компоненты. Торговля выгодна всем — и продавцам, и покупателям, и товару».

«Но разве это не безнравственно — продавать в рабство собратьев по разуму, сознающих свое положение?»

Моффамед воззрился на Глиссама в замешательстве: «Ахариссейо благословляет наш труд».

«Я хотел бы посетить ваши лаборатории, лагеря — как бы они не назывались. Это можно устроить?»

Жрец отозвался коротким смешком: «Ни в коем случае. Вот уже возвращаются ваши друзья».

Джемаз и Кургеч подошли к степному йолу. Моффамед осторожно приветствовал их: «Корабль рвется в сорайю. Дует попутный ветер — время уезжать».

«Да-да, очень хорошо, — отозвался Джемаз. — Но как мы найдем Полиамеда?»

«О Полиамеде лучше забыть. Он далеко. Как все пришлые, вы напрасно беспокоитесь о бренных аспектах бытия».

«Увы, мы тоже несовершенны. Так где же Полиамед?»

Жрец небрежно отмахнулся: «Не могу сказать. Не знаю».

Кургеч наклонился и вгляделся в бледно-карие глаза шамана. Лицо Моффамеда обмякло. Кургеч тихо сказал: «Ты лжешь».

Жрец разгневался: «Оставьте ваши фокусы! Здесь, в Пальге, синяя магия запрещена. Мы тоже не лыком шиты, умеем постоять за себя!» К Моффамеду, однако, тотчас же вернулось привычное самообладание: «Я всего лишь пытаюсь предохранить вас от беды. Знамения угрожающи, дуют обманчивые ветры. Ютер Мэддок поплатился за дерзость, а теперь вы намерены повторить его ошибку. Мой долг — найти выход, устраивающий все стороны. Что в этом удивительного?»

«Ютера Мэддока убил ульдра, — возразил Джерд Джемаз. — Насколько мне известно, между его безвременной кончиной и его поездкой в Пальгу нет никакой связи».

Моффамед улыбнулся: «На вашем месте я не стал бы делать поспешные выводы».

«Допустим, какая-то связь существует. Так или иначе, нам не нужен помощник, готовый при всяком удобном случае вставлять палки в колеса. Решай, на чьей ты стороне».

«В ваших интересах немедленно вернуться в Алуан. Это самый лучший совет, какой я могу вам дать».

«Какую опасность ты предвидишь? Пальга славится безмятежностью».

«Нельзя противиться шренку, ни в каких обстоятельствах, — назидательно произнес жрец. — Трагические деяния шренков всех нас избавляют от искушения».

Глиссама осенило: вчерашний кошмарный имбецил был шренком. Как следовало понимать слова Моффамеда? Как упрек или как уклончивую угрозу?

«С болью и скорбью несут они тяжкое бремя, — продолжал нараспев шаман. — Обида, причиненная одному, влечет за собой несораз-

мерную месть остальных».

«Нас это не касается, — отрезал Джемаз. — Скажи, где прячется Полиамед, и мы отправимся в путь».

Эльво Глиссам сосредоточенно смотрел в небо. Моффамед вздохнул: «Езжайте по торному перегону на северо-восток. Сверните на третью колею — она повстречается на третий день. Следуйте по ней четыре дня до лесов Аллубана. Там, у белого столпа, вызовите Полиамеда».

«Очень хорошо. Ты приготовил наши отвороты?»

Моффамед постоял, помолчал, потом повернулся и ушел. Через пять минут он вернулся с корзиной: «Это могущественные талисманы. Желто-зеленый отворот предохранит ваш йол от любой напасти. Оранжевые отвороты с белыми и черными лентами гарантируют личную безопасность — всегда носите их с собой. Да сопутствует вам ветер удачи и радости, если на то будет воля Ахариссейо».

С этими словами Моффамед покинул стоянку парусных фургонов.

Эльво, Кургеч и Джерд Джемаз взобрались на палубу йола. Джемаз запустил вспомогательный двигатель, и йол выехал на просторы сорайи. С

юга дул порывистый муссонный бриз. Эльво сел у штурвала, а Кургеч и Джемаз подняли кливер, грот и бизань: йол резво покатился по плотному упругому соуму[52]. Эльво откинулся на спинку сиденья, взглянул на небо, на плывущие по ровной прерии тени облаков, на уменьшающиеся за кормой постройки станции № 2. Свобода! Открытый всем ветрам бесконечный простор, сорайя! Поистине, вольная жизнь ветроходов заслуживала восхищения.

Джемаз поставил паруса по ветру — степной корабль припустил вперед со скоростью, по приблизительной оценке Глиссама составлявшей не меньше пятидесяти километров в час.

Йол не нуждался в постоянном внимании рулевого. Эльво Глиссам закрепил штурвал клешневым захватом и поднялся на ноги, возбужденный быстротой езды и новизной впечатлений. Кургеч и Джерд Джемаз тоже не остались равнодушными. Кургеч стоял у грот-мачты — ветер трепал его редкие янтарные кудри. Джемаз разлегся на койке в кабине и открыл бочонок пива, захваченный из трактира. «Не самый плохой способ проводить время», — одобрительно заметил он.

---

[52] notes: 52

Соум: жесткий лишайник, устилающий сплошным желтовато-серым ковром почти каждую пядь бескрайней Пальги.

Метуэн поднимался к зениту, станция № 2 скрылась за горизонтом. Сорайя не менялась: равнина мышастого оттенка, местами оживленная пучками соломенно-желтой поросли, а изредка и невзрачным, прижавшимся к земле цветком. Тени облаков брели одна за другой по ковру соума. Свежий воздух не казался ни холодным, ни теплым и слегка отдавал запахом сена и еще каким-то тонким ароматом, исходившим, по-видимому, от лишайника. Смотреть было, в сущности, не на что, но Эльво Глиссам не находил пейзаж однообразным: он постоянно менялся неким не поддающимся определению образом — надо полагать, благодаря облакам и теням. Колеса, быстро вращающиеся с характерным легким шипением, оставляли на соуме темные следы. Время от времени похожие следы свидетельствовали о том, что здесь проезжали другие парусные фургоны.

Эльво заметил, что Кургеч и Джемаз что-то обсуждали, поглядывая на степь за кормой. Он поднялся на ноги и тоже пригляделся к южному горизонту, но ничего не заметил и опустился на сиденье за штурвалом. Он предпочитал не задавать вопросов, если попутчики не желали посвящать его в предмет разговора.

Ближе к вечеру впереди показалась группа пологих выпуклостей, на поверку оказавшихся порядочной высоты холмами, окаймленными аккуратно возделанными полями. Здесь росли фруктовые деревья, дыни, пшеница и рожь, маслянистые хлебные клубни, перечник, эликсирная лоза. Каждый садовый или огородный участок, площадью не больше половины гектара, орошался системой капельных трубок, радиально отходивших от небольшого пруда. Кроме того, посреди каждого участка красовался шест с вывешенным на всеобщее обозрение отворотом.

Начинало смеркаться; пруд манил свежестью — представилась редкая возможность искупаться. Джемаз решил сделать привал. Эльво поглядывал на плодовые деревья, но Джемаз указал ему на гирлянды отворотов: «Не поддавайтесь соблазну».

«Но фрукты созрели, их никто не собирает! Смотрите — валяются на земле и гниют».

«Рекомендую ничего не трогать».

«Хммф. Что будет, если я подберу, например, мандарин?»

«Несомненно одно: ваше сумасшествие или ваша смерть, даже если вам будет уже все равно, причинят мне и Кургечу много лишних хлопот.

Пожалуйста, не нарушайте местные законы».

«Разумеется, — раздраженно подчинился Глиссам. — Не беспокойтесь на мой счет».

Три путешественника опустили паруса, заклинили колеса, выкупались в пруду и приготовили ужин из своих припасов на небольшом костре, после чего устроились поудобнее с кружками чая и занялись созерцанием еще одного великолепного заката.

На степь опустилась непроглядная ночь — небо сверкало бесчисленными звездами. В самом зените петляла завитками Джирга — созвездие, похожее на неразборчивую подпись. К юго-востоку сиял диадемой Пентадекс, а дальше, на востоке, всходил чудесный пламенный мираж скопления Аластор. Путники развернули на палубе йола подстилки, заполненные надувающимися под давлением аэроспорами, и быстро уснули.

Через пару часов Эльво почему-то проснулся и лежал в полудреме, вспоминая вчерашний эпизод в трактире. Неужели все это было на самом деле? Или все-таки почудилось? Из просторов Пальги донесся тихий протяжный свист. Странно. Через несколько минут свист повторился — с другой стороны. Эльво Глиссам тихонько поднялся на ноги, взялся рукой за мачту. Рядом,

загораживая звезды, темнел человеческий силуэт. У Глиссама сердце ушло в пятки — он издал сдавленный, хриплый возглас. Человек обернулся и раздраженно приложил палец к губам. Эльво узнал Кургеча и прошептал: «Вы слышите свист?»

«Букашки».

«Зачем же вы стоите?»

«Букашки свистят, когда их тревожат. Совун, вестимо. Или бродяха».

Поблизости — не дальше, чем в десяти метрах — раздался четкий переливчатый свист. «Джерд Джемаз уже там, — пробормотал Кургеч. — Высматривает».

«Высматривает — что? Кого?»

«Тех, кто за нами увязался».

Глиссам и Кургеч молча стояли под звездами. Прошло полчаса. Палуба вздрогнула — вернулся Джемаз: «Никого».

«В округе ни души», — согласился Кургеч.

«Не догадался захватить пару датчиков, — упрекнул себя Джемаз. — Тогда мы могли бы спать спокойно».

«Букашки-сигнальщики не хуже датчиков».

Эльво сказал: «Я думал, ветроходы ни на кого не нападают».

«Шренки делают все, что им заблагорассудится».

Джемаз и Кургеч вернулись на подстилки. Через некоторое время Эльво Глиссам последовал их примеру.

Рассвет наводнил восточную окраину неба розовато-малиновым румянцем. Облака зажглись алым пламенем, появилось солнце. Неподвижный воздух не шевелил даже шелковую бахрому вантов — путники не торопились с завтраком.

Пока не поднялся ветер, ставить паруса было бесполезно. Эльво взобрался на вершину ближайшего холма и спустился с другой стороны, где он обнаружил рощу дикой папайи, явно не охраняемую никакими талисманами. Плоды, налившиеся соком, казались вполне созревшими: на фоне вьющейся черноватой листвы они выглядели, как увесистые пунцовые груши со звездообразными оранжевыми разводами в основании. Тем не менее, Эльво прошел мимо.

Огибая подножие холма на обратном пути, он встретил Кургеча, тащившего мешок раков, выловленных в оросительном канале. Глиссам упомянул о папайе, и старый ульдра согласился с тем, что вареные раки и фрукты послужили бы неплохим прибавлением к завтраку. Вдвоем

они вернулись к роще за холмом. Кургеч поискал отвороты и не нашел ни одного. Собрав столько плодов, сколько можно было унести, они направились к фургону вокруг холма.

Подходя к йолу, они обнаружили пропажу всех съемных снастей, всей провизии и багажа. Джерд Джемаз, решивший еще раз искупаться в пруду, присоединился к ним через несколько минут.

Налившись желчью, старый кочевник разразился страстными проклятиями в адрес Моффамеда: «Мошенник! Аспид! Все его отвороты не стоят выеденного яйца! Предатель-чародей отправил нас в дорогу голышом, как беззащитных младенцев!»

Джерд Джемаз ответил характерным для него коротким кивком: «Что ж, этого следовало ожидать. О чем говорят следы?»

Кургеч побродил вокруг йола, изучая соум. Нервно подергивая длинным носом, он пригнулся к самой земле, чтобы рассмотреть ковер лишайника почти параллельно его поверхности: «Один ветроход проехал мимо, остановился». Следопыт-ао отошел метров на двадцать: «Здесь он забрался в свой фургон и уехал — туда». Кургеч показал на запад, где холмы заслоняли горизонт.

Джемаз задумался: «Ветра почти нет, он едва

ползет — если идет под парусами, конечно». Джемаз прищурился, глядя на темные полосы, оставленные на соуме колесами незваного гостя: «Колея загибается — он решил поскорее скрыться за холмами. Кургеч, поспеши за ним по колее. Я перевалю через холм и перережу ему путь. Эльво, останьтесь здесь и посторожите йол — а то у нас, чего доброго, и колеса отвинтят».

Кургеч припустил трусцой по следам похитителя. Джемаз уже поспешно поднимался на холм.

Кургеч первым увидел фургон грабителя — небольшой глиссер на трех узких высоких колесах, с очень длинной мачтой. Паруса глиссера вяло похлопывали, машина двигалась со скоростью быстрого шага. Обернувшись, водитель заметил Кургеча, обратился с каким-то восклицанием к небу, присмотрелся к горизонту, прислонив ладонь козырьком ко лбу — и обнаружил Джемаза, шагавшего навстречу.

Джерд Джемаз остановился перед глиссером и поднял руку: «Стой!»

Водитель, невысокий человек средних лет, смерил Джемаза бледно-карими глазами, небрежным движением толкнул гик, повернув паруса по ветру, и нажал на рычаг тормоза: «Эй, чего ты встал поперек дороги?»

«Ты украл наше имущество. Поворачивай назад».

Ветроход упрямо выпятил подбородок: «Я взял не больше того, что можно было взять».

«Разве ты не видел наши отвороты?»

«Выдохлись ваши отвороты, еще в прошлом году. Вы что, шутки вздумали шутить? Или решили на дармовщинку прокатиться? Нацепили чужие подержанные отвороты — это, братцы, против правил. Такое даже детям не позволяют».

«Прошлогодние отвороты, говоришь? — задумчиво произнес Джемаз. — Откуда ты знаешь?»

«А чего тут знать? Полюбуйся: у тебя у самого оранжевая лента прошита розовой нитью. За такой отворот никто ломаного гроша не даст. Отойди-ка — мне некогда болтать с каждым встречным-поперечным».

«Я тоже не расположен к пустой болтовне, — возразил Джемаз. — Поворачивай назад и возвращайся туда, где взял чужое добро».

«И не подумаю. Я делаю, что хочу, и не тебе мне приказывать. У меня-то отвороты новые, только что привороженные».

Джемаз подошел вплотную к глиссеру и указал на склон холма: «Видишь, сколько там валунов? Что, если мы навалим их у тебя перед носом и за

кормой? Как ты переберешься через кучу камней? Помогут тебе отвороты?»

«Ха! Я успею уехать, пока вы будете камни таскать».

«Тогда я никуда не уйду, и ты не сможешь ехать дальше».

«А почему нет? Наеду на тебя, и все тут. Отворот-то твой никуда не годится. Это пивной отворот, чтобы пиво не кисло. Даже если бы он был новый, тебе от него не было бы никакого проку. Кого ты пытаешься надуть?»

Джерд Джемаз рассмеялся, сорвал талисман с головы и бросил его на землю: «Кургеч, неси камни. Обнесем этого вора стеной, он у нас никуда не уедет».

Ветроход возмутился не на шутку и яростно закричал: «Вы что, морфоты переодетые? С каких пор я должен отдавать бандитам законно нажитое добро? Или в Пальге нет уже на вас никакой управы?»

«Юридическую сторону дела мы обсудим после того, как ты вернешь наше имущество».

Бормоча ругательства себе под нос, ветроход развернул глиссер и поехал назад; Джемаз и Кургеч без труда поспевали за ним. Остановившись у степного йола, ветроход неохотно передал троим

путешественникам то, что нашел у них на палубе, всем своим видом показывая, что никогда еще не подвергался столь возмутительной несправедливости.

«Куда ты едешь?» — поинтересовался Джемаз напоследок.

«На станцию, куда еще?»

«Отыщи жреца Моффамеда. Расскажи мошеннику про нашу встречу и предупреди его: если отвороты, охраняющие наш воздушный аппарат, не лучше тех, что он всучил нам в дорогу, мы его поймаем, свяжем и отвезем в Алуан, где он кончит свои дни в чугунной клетке. Я не шучу — он от нас не уйдет, мы его выследим, из-под земли достанем! Смотри, не забудь передать ему мои слова, а то и тебе не поздоровится!»

Скрипя зубами от ярости, ветроход ничего не ответил, поправил паруса и уехал на юг, подгоняемый начинающим крепчать ветерком.

Эльво Глиссам и Джемаз погрузили багаж и провизию на палубу. Тем временем Кургеч сварил раков, хотя закусить ими теперь предстояло уже на ходу. Подняли паруса; йол охотно покатился на северо-восток.

В полдень Кургеч указал вперед и чуть в сторону — на величественно плывущие над горизонтом

надутые ветром паруса трех бригантин: «Первая колея».

«Если Моффамед правильно указал дорогу».

«Про дорогу жрец не соврал. Я прислушивался к его мыслям. Слукавить он решил потом, когда ушел за отворотами. Вернувшись с корзиной, он торопился. Я не успел разобраться, хотя и заподозрил неладное».

«Не удивительно, что пришлые редко посещают Пальгу», — мрачно заметил Глиссам.

«Нас тут не приветствуют с раскрытыми объятиями — что правда, то правда».

Вскоре пришлось притормозить и остановиться: перед самым носом йола проезжали три бригантины. Каждая везла три гигантские бочки пива. Команды бригантин отнеслись ко встречному йолу без всякого интереса и проигнорировали Глиссама, приветствовавшего их взмахом руки.

Йол пересек колею — полосу укатанного соума — и вновь направил нос в просторы сорайи.

Через час они снова проехали мимо орошаемых полей и садов. В этот раз на участках работали семьи ветроходов — окучивали растения, выдирали сорняки, собирали овощи и фрукты. Их парусные фургоны стояли рядом. Примерно в три часа пополудни йол обогнал один из таких фур-

гонов — шестиколесную шхуну с парой высоких мачт, тремя кливерами, марселями и топселями. Двое мужчин стояли, опираясь на кормовой леер, на палубе играли дети. Заметив приближение йола, из створчатого окна кабины на корме выглянула женщина. Эльво Глиссам повернул штурвал, чтобы обойти шхуну с подветренной стороны, надеясь, что он правильно понимает этикет местных жителей. Но ветроходы никак не реагировали на вежливость и не отозвались на веселые приветственные жесты. «В высшей степени необщительные люди», — подумал приунывший Глиссам. Вскоре шхуна изменила курс и покатилась, лениво переваливаясь, на север. Мало-помалу она превратилась в белую точку и скрылась за горизонтом.

Ветер становился сильным и порывистым, с юга на небо надвигалась полоса темных туч. Джемаз и Кургеч подвязали грот, опустили бизань и убрали кливер. Тем не менее, йол продолжал с шипением мчаться по степи.

Тучи нагнали путников, начинался ливень. Джемаз, Кургеч и Глиссам спустили все паруса, включили тормоза и заблокировали колеса, сбросили на землю тяжелую металлическую цепь, соединенную по вантам с громоотводом на мачте,

и укрылись в кормовой кабине. Два часа молнии колотили по степи, изрыгая почти непрерывные раскаты грома. Затем тучи сместились на север, дождь прекратился, а с ним и ветер — наступила зловещая влажная тишина.

Выбравшись из кабины, три путешественника увидели, что солнце уже садится, прячась за беспорядочными обрывками грозовых туч. Небо превратилось в перевернутый ковер, полыхающий пурпурно-красными переливами. Пока Джерд Джемаз и Эльво Глиссам прибирали на палубе и приводили в порядок снасти, Кургеч сварил в носовой кабине суп, и все трое поужинали плодами папайи и супом с галетами.

Ленивый легкий бриз отогнал на север обрывки туч; небо прояснилось и заискрилось звездами. Сорайя казалась совершенно пустынной и безлюдной, и Глиссам недоумевал по поводу настроения Кургеча, проявлявшего все признаки тревоги. Через несколько минут Эльво заразился беспокойством и спросил: «В чем дело?»

«Что-то надвигается».

Джемаз приподнял руку с раскрытой ладонью, чтобы проверить силу ветра: «Не проехать ли нам еще пару часов? В степи трудно с чем-нибудь столкнуться».

Кургеч с готовностью согласился: «Здесь оставаться неосмотрительно».

Паруса снова подняли; йол немного порыскал, пока Джемаз искал подходящий угол к встречному ветру, и неторопливо покатился на северо-восток, покрывая не больше пятнадцати километров в час. Кургеч правил, ориентируясь на полярную звезду Корифона, Тетанор, что в Большом Пальце Ноги созвездия Василиска.

Они ехали до полуночи — почти четыре часа — пока Кургеч не заявил, что опасность миновала: «Тяжесть прошла, беда далеко».

«В таком случае пора ночевать», — сказал Джемаз. Паруса убрали, включили тормоза. Три путешественника улеглись на подстилки и уснули.

На рассвете они поспешили поставить паруса в ожидании утреннего ветра, но тот снова запаздывал. Все трое молча сидели и ждали. В конце концов подул муссонный бриз, и йол потихоньку покатился на северо-восток.

Через час они пересекли другую колею, но им никто не повстречался — только далеко за кормой белел чей-то узкий треугольный парус.

Сорайя начинала вздыматься и опадать — сначала почти незаметно, потом широкими, от

горизонта до горизонта, волнами пологих холмов и долин. Над ковром соума местами проступали плоские ступени черного базальта, и впервые от рулевого потребовались некоторые предусмотрительность и планирование маршрута. Проще всего, как правило, было ехать вдоль хребта гряды холмов, где дул самый свежий ветер и где трасса оставалась преимущественно ровной. Гряды, однако, иногда тянулись в направлениях, почти перпендикулярных желательному курсу; в таких случаях рулевой направлял степной корабль вниз по одному склону долины и вверх по другому. Нередко для преодоления последних двадцатитридцати метров до хребта приходилось включать вспомогательный двигатель.

По дну одной из долин с крутыми террасами склонов, куда не мог спуститься парусный йол, струилась извилистая река. Несколько километров они ехали по гребню холмов вдоль этой долины, пока река не повернула на север.

Их начинал догонять фургон с высоким парусом, давно уже видневшимся над горизонтом. Джемаз взял бинокль и долго рассматривал эту резвую машину, после чего передал бинокль Кургечу. Тот пригляделся и тихо выругался на жаргоне кочевников.

Получив наконец бинокль, Эльво Глиссам увидел длинный темный «поезд» из трех сочлененных фургонов; на каждом торчала высокая мачта с узким треугольным парусом. Не подлежало сомнению, что это скоростное судно могло эффективно лавировать против ветра. На палубе можно было заметить пятерых человек — трое висели на вантах, двое сидели на корточках у кабины. На них были только черные шаровары, обнаженные торсы отличались типичным для ветроходов коричневато-кремовым оттенком. У четверых волосы были перевязаны красными шарфами. Их движениям была свойственна некая угловатая, порывистая точность, сразу напомнившая Эльво Глиссаму лукавого кретина, три дня тому назад напавшего на хозяйку трактира. Итак, одинокий йол догоняли шренки — искупители грехов степного народа, чья добродетель заключалась в преувеличении порока; с тупой настойчивостью фанатиков они олицетворяли зло, демонстрируя соплеменникам недопустимость разврата и нравственного безразличия.

Эльво почувствовал холодок и тяжесть в желудке. Джерд Джемаз, казалось, интересовался только открывавшимся впереди ландшафтом. Старый ульдра стоял у мачты, рассеянно глядя

куда-то в небо. Эльво даже вспотел от ощущения давящей безысходности: да, он присоединился к этой экспедиции, движимый сложными, возможно недостаточно обоснованными побуждениями, но желание погибнуть на чужбине к числу этих побуждений не относилось. Подавляя невольную дрожь в коленях, он подошел к Джемазу, стоявшему за штурвалом: «Это шренки».

«По всей видимости».

«Что вы намерены делать?»

Джемаз бросил взгляд через плечо на явно набирающую скорость вереницу из трех темных шхун: «Ничего, если нас не тронут».

«Для чего еще они стали бы за нами гнаться? Нападение неминуемо!»

«Похоже на то, — Джемаз поднял глаза к парусам. — Повернув прямо по ветру, мы могли бы от них оторваться, их паруса поставлены в ряд и загораживают друг друга».

«Почему же вы не повернете по ветру?»

«Мешает речная долина — слишком крутой спуск».

Эльво рассмотрел в бинокль уже не столь отдаленный темный парусный поезд: «У них ружья — длинноствольные ружья».

«Поэтому я и не открываю огонь. Шренки нач-

нут отстреливаться. Надо полагать, они надеются захватить нас живьем».

И снова Глиссам принялся рассматривал черную шхуну преследователей — до тех пор, пока ужимки и гримасы шренков не вызвали у него приступ тошноты. Он сдавленно спросил: «Что они с нами сделают?»

Джемаз пожал плечами: «У них на головах красные повязки: они приняли присягу мщения. Каким-то образом мы спровоцировали их гнев — хотя я представить себе не могу, где, когда и как».

Эльво Глиссам напряженно разглядывал в бинокль пейзаж с подветренной стороны: «Впереди высокий холм, на него мы не заберемся. Слева крутой спуск в речную долину. Придется лечь на другой галс и обогнуть холм справа».

Джемаз покачал головой: «Тогда нас догонят — за двадцать секунд».

«Но… что же делать?»

«Маневрировать. Встаньте у барабана рифталей, приготовьтесь зарифить грот по моему сигналу».

Глиссам непонимающе уставился на Джемаза: «Зарифить грот?»

«Только по моему сигналу!»

Пригнувшись, Глиссам подбежал к грот-мачте и взялся за ручку талевого барабана. Шренки сократили разрыв до какой-то сотни метров — казалось, три высоких паруса уже нависли над йолом. К изумлению Глиссама, Джемаз чуть ослабил паруса, предоставив противнику дополнительную фору. Теперь шренков можно было видеть во всей красе. Трое стояли на баке, напряженно вытянув шеи. Отвесные полуденные лучи розового солнца оттеняли костлявость мрачных, отталкивающих лиц. Глиссам снова испугался: Джемаз еще раз ослабил паруса, и теперь шренки стремительно приближались. Эльво открыл было рот, чтобы выкрикнуть протест, но отчаянно сжал зубы, отвернулся и промолчал.

Слева опускался склон глубокого оврага, примыкавшего к речной долине. Прямо впереди торчал холм, увенчанный плоской круглой шапкой базальта, окаймленной отвесными утесами. Йол раскачивался, его то и дело заносило в сторону. Сзади, подскакивая на огромных колесах, их настигала черная шхуна — Эльво уже слышал хриплые возгласы команды шренков. Склон становился все круче, йол опасно накренился. Перегнувшись через планшир, Эльво Глиссам вцепился в него обеими руками: за бортом земля

головокружительно уходила вниз и обрывалась где-то далеко, над промытым рекой ущельем. Глиссам зажмурился, отшатнулся, схватился за мачту. Ветер, налетавший с открытых степей, заставлял карабкающийся набекрень йол сползать бочком вниз по склону.

«Долой парус!» — заорал Джемаз. Ошалевший Глиссам обернулся: над самой кормой, дико накренившись, задрала нос черная шхуна. Шренк в черных шароварах, хватаясь одной рукой за бушприт, другой раскручивал над головой абордажный крюк, чтобы забросить его на палубу и зацепить кабину. «Риф-тали!» — голос Джемаза звенел, как медная труба.

Онемевшими пальцами Эльво нашел ручку барабана: грот упал, собравшись в складки у нижней реи. Из открытой степи налетел порыв ветра — правые колеса йола оторвались от земли. В желудке Глиссама все перевернулось, он отчаянно вскарабкался к правому борту, подальше от обрыва. Тот же беспощадный порыв, столкнувшись с высокими парусами шхуны, изогнул ее мачты, сыгравшие роль непреодолимого рычага. Чувствуя, что судно опрокидывается, шренк за штурвалом резко переложил руль налево, но слева был овраг: сумасшедшими скачками, взлетая

на ухабах и ударяясь о камни, сочлененная шхуна из трех фургонов бесконтрольно понеслась вниз. Длинные мачты дрожали и дергались из стороны в сторону, паруса то хлопали, то надувались. В одном из бешеных прыжков перекинулся бизань. Рулевой все еще хватался за колесо штурвала, вертевшееся, как веретено. Шхуна ударилась о скальный выступ, слетела с обрыва и рухнула в реку мачтами вниз.

«Риф-тали!» — продолжал кричать Джерд Джемаз. Эльво Глиссам налег на барабан и стянул парус в плотную гармошку. Джемаз включил вспомогательный двигатель. Медленно, осторожно йол обогнул холм по наклонной кромке над оврагом и выехал на равнину. Как прежде, Джемаз взял курс на северо-восток.

Йол катился по пустынному ковру лишайника, одна за другой тянулись минуты мирного вечера, и Эльво Глиссам уже начинал сомневаться в достоверности своих воспоминаний: за ними только что гнались шренки? Исподтишка он изучал выражение лиц Кургеча и Джемаза, но спутники его сохраняли полную непроницаемость — один загадочнее другого.

Солнце заходило в ясном небе. Путники убрали все паруса, заклинили колеса и стали устраивать-

ся на ночлег посреди безбрежной сорайи.

Подкрепившись тушенкой из консервных банок, сухарями и пивом, захваченным на станции, все трое сидели на баке, опираясь спинами на стену кабины. Эльво не сдержался и обратился к Джемазу: «Вы заранее рассчитывали, что шхуна шренков сорвется в овраг?»

Джерд Джемаз кивнул: «Невелика мудрость. Они выбрали узкое, длинное судно с тремя высокими мачтами. Учитывая направление ветра, такая махина не могла удержаться на склоне — там, где проехали мы. Само собой, мне пришло в голову заманить их как можно дальше. А оттуда им оставалась одна дорога — в реку».

Эльво Глиссам нервно усмехнулся: «Что, если бы они не свалились в реку?»

Джемаз безразлично пожал плечами: «Мы отвязались бы от них каким-нибудь другим способом».

Глиссам снова усмехнулся и замолчал. Его раздражала самонадеянность Джемаза, внушавшая уверенность окружающим, но в то же время подвергавшая их неоправданному риску — ибо Джерд Джемаз, несомненно, верил, что способен преодолеть любые трудности. А он, Эльво Глиссам, не мог поверить в свою неуязвимость

и поэтому чувствовал себя несправедливо обиженным. Эльво утешил уязвленное самолюбие мыслью о том, что по меньшей мере в одном отношении он превосходил Джемаза: он был способен к самоанализу, тогда как Джерд Джемаз, по всей видимости, никогда даже не пытался разобраться в своей душе.

Глиссам повернулся к Кургечу и задал вопрос, который он ни в коем случае не смог бы задать еще две недели тому назад: «Кто-нибудь еще за нами гонится?»

Старый ульдра смотрел в сгущающиеся сумерки: «В окрестностях угрозы нет. Темный туман обволакивает горизонт — далеко, очень далеко. Сегодня нам не о чем тревожиться».

Глава 9

Утром подул свежий прохладный ветерок, надувая паруса, и йол резво покатился по слегка волнистой степи. «В сорайе живительный воздух, — думал Эльво Глиссам, — в нем есть что-то вечно весеннее». Нерасторопные дрофы в панике взлетали почти из-под колес, желтовато-серый покров соума местами оживлялся россыпями розовых с черными пятнышками барвинков.

За два часа до полудня путники заметили целую флотилию бригантин, спешивших на всех парусах в северном направлении — очевидно, неподалеку была третья колея, упомянутая Моффамедом. И действительно, через несколько минут они остановились у поворота на колею, к недоумению Глиссама, направлявшейся явно не на север, а на северо-запад. «Мы проделали лишних сто пятьдесят километров, не меньше, — пожаловался он Джемазу. — Вместо того, чтобы повернуть на северо-восток, нам следовало с самого начала двигаться прямо на север, и мы сэкономили бы целый день пути».

Джерд Джемаз мрачно согласился: «По-видимому, Моффамед предпочитает, чтобы мы чего-то

не видели».

Йол обогнал несколько жилых парусных фургонов. Дети с растрепанными волосами качались на леере и указывали пальцами на троих иноземцев. Мужчины и женщины вставали с палубы и выходили из кабин, чтобы полюбоваться на редкое зрелище, не проявляя при этом ни дружелюбия, ни враждебности. Как всегда, Эльво Глиссам попробовал вызвать ответную реакцию, приветственно поднимая руку. Как всегда, со стороны ветроходов никакой ответа не последовало.

Колея пересекла район обширных пологих возвышенностей и слегка заболоченных низин, после чего спустилась на плоскую равнину, простиравшуюся на север до самого горизонта. Время от времени попадались естественные карстовые колодцы, до краев наполненные прозрачной водой. Этой водой орошались поля и огороды вокруг колодцев, неизменно охраняемые отворотами — здесь выращивали преимущественно дыни, различные бобы и зерновые, а также сладкую вику.

Дальше и дальше на северо-запад катился под парусами йол — иногда в компании ветроходских бригантин, но по большей части в одиночестве.

Долгие летние дни перемежались звездными ночами. Эльво Глиссам часто подумывал, что такое существование — вечно в пути без границ и препятствий, без особых хлопот, кроме необходимости подчиняться воле ветров и учитывать смену времен года — заслуживало некоторой зависти. Может быть, ветроходы — самый здравомыслящий и практичный народ на Корифоне? Чем не жизнь: кочуешь себе в бескрайних просторах под небесными громадами облаков, и только великолепные закаты напоминают о том, что день уходит за днем…

На четвертый день езды в северо-западном направлении, после полудня, на горизонте появилась расплывчатая темная полоса, при ближайшем рассмотрении в бинокль оказавшаяся лесом массивных черноватых деревьев неизвестной Глиссаму разновидности. «Это и есть, наверное, Аллубанский лес, — сказал Джерд Джемаз. — Теперь нужно найти белый столп».

Вскоре показался и столп — десятиметровый монумент, сооруженный из комковатого белесого материала, похожего на штукатурный гипс. У основания обелиска сидел старик в короткой белой рясе и что-то толок пестом в большой чугунной ступе. Иол затормозил и остановился. Старик

поднялся на ноги и, набычившись, как ревнитель святыни, заподозривший святотатство, попятился к столпу, будто пытаясь загородить его: «Давайте, езжайте себе, езжайте! Что вам, пришлым, до Великой Кости? Нечего вам тут делать».

Джерд Джемаз вежливо поклонился, на что старик не ответил: «Мы разыскиваем некоего Полиамеда. Вы не могли бы нам подсказать, где его найти?»

Старик помолчал, опустил щетку в ступу и нанес на столп несколько широких мазков известковых белил, после чего указал щеткой на лес и соизволил прокаркать: «Тропа доведет. Спросите в Гексагоне».

Джемаз высвободил тормоз, и йол покатился мимо Великой Кости к Аллубанскому лесу. На самом краю леса Джемаз снова остановил фургон; три путника устало сошли на землю. Эльво Глиссам еще не видел в Уайе столь внушительных деревьев: мощные корявые стволы, цветом и, по-видимому, даже плотностью напоминавшие чугун, поддерживали широко раскинутые тяжеловесные ветви, окутанные густой массой бледно-серой и серо-зеленой листвы. Несколько минут путешественники молча стояли, вглядываясь в чащу леса, куда уходила извилистая

тропа, рябившая косыми лучами солнца и черными тенями. Прислушиваясь, они не различали ни звука: господствовала сырая тишина.

Кургеч мрачновато произнес: «Нас ждут».

Эльво Глиссам внезапно понял, что по какому-то негласному договору руководство экспедицией с этого момента взял на себя Кургеч, уже бормотавший Джемазу: «Пусть Эльво посторожит фургон, а мы пойдем».

Огорченный Глиссам попытался было протестовать, но слова застряли у него в горле. Неловко изобразив шутливый тон, он развел руками: «Ладно, если что — зовите на помощь».

Кургеч шуток не понимал: «Нас никто не тронет. В заветном лесу живая кровь не льется».

Джемаз тихо заметил: «Сдается мне, поганец Моффамед сыграл с нами злую шутку».

Старый ульдра возразил: «Это было ясно с самого начала. Тем не менее, лучше довести игру до конца и не робеть».

Джемаз и Кургеч углубились в лес. Солнце немедленно скрылось за листвой. Узкая тропа петляла между мшистыми кочками и пучками бледных звездоцветов, то и дело пересекая небольшие прогалины и снова ныряя в полутемный лес, пестрящий в глубине косыми розовыми

лучами солнца. Кургеч двигался с необычной осторожностью, переступая с пятки на носок и постоянно поглядывая по сторонам. Джемаз чувствовал только тишину и покой — он не ощущал приближения опасности, а повадки Кургеча не свидетельствовали ни о чем, кроме беспокойства, вызванного неизвестностью.

Перед ними открылась обширная поляна, поросшая лиловым седумом. Посреди поляны бросалось в глаза шестиугольное сооружение из белого камня, высотой примерно в два человеческих роста, открытое со всех сторон легкому лесному ветерку. Перед сооружением их неприветливо ожидал тщедушный жрец в короткой белой рясе.

«Мир вам, пришлые! — произнес он. — Вы прибыли издалека. Чего вы ищете в Аллубанском лесу?»

«И то правда, мы проделали неблизкий путь, — согласился Джерд Джемаз. — А ищем мы, как тебе известно, человека по имени Полиамед. Ты знаешь, где его найти?»

«Знаю, как же не знать. Следуйте за мной, и вы его увидите». Жрец углубился в лес; Джемаз и Кургеч направились за ним. Вечерело, сумеречный лес становился все темнее. Взглянув

наверх, Джемаз замер: в черной развилке дерева сидел белый скелет. Жрец пояснил: «Перед вами мастер-ветроход Борас Маэль. Дух его оживляет листву, а листва окрыляет свежестью ветры сорайи. Большой палец его ноги стал частью Великой Кости». Проводник показал жестом, что пора двигаться дальше.

Время от времени поднимая глаза, Джемаз замечал скелеты в кронах многих деревьев. Жрец опять остановился и заунывно провозгласил: «Здесь все уставшие и удрученные находят упокоение в объятьях Ахариссейо. Их тленная плоть погребена, их кости украшают деревья. Дух умершего вмещается лесом, очищается и возносится в благословенный воздух Пальги, радостно витая среди озаренных солнцем облаков».

«Но где же Полиамед?»

Жрец указал пальцем наверх: «Вот он сидит, Полиамед».

Некоторое время Джемаз и Кургеч молча разглядывали скелет. Потом Джемаз поинтересовался: «Как он умер?»

«Полиамед погрузился в самоанализ — столь глубокий и серьезный, что он стал пренебрегать едой и питьем, и через некоторое время стало непонятно, жив он или мертв. Теперь ошибки,

вызванные его вульгарным жизнелюбием, забыты — мятежный дух его преобразился в дыхание листвы».

Джемаз неприязненно спросил: «Моффамед предупредил тебя о нашем прибытии?»

«Говори правду!» — проникновенным низким голосом добавил Кургеч.

Жрец ответил: «Моффамед разъяснил обстоятельства — такова его обязанность».

«Моффамед обвел нас вокруг пальца, — возмутился Джемаз. — Он безответственный лжец, и дорого поплатится за свои ухищрения!»

«Не судите опрометчиво, дети мои! Проявите воздержанность и снисхождение. Возвращайтесь в земли пришлых со смирением в сердце — бессмысленно гневаться на неизбежность».

«Не раньше, чем мы рассчитаемся с Моффамедом».

«У вас нет никаких оснований для недовольства, — заявил жрец. — Вы требовали встречи с Полиамедом — вот он, перед вами! Ваше желание удовлетворено».

«Что же получается? Неделю мы ехали по степи, положившись на бесполезные прошлогодние отвороты, только для того, чтобы полюбоваться на груду костей? Моффамед вдоволь посмеялся

над нами — мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним!»

Старик в короткой белой рясе назидательно поднял палец: «Не давайте волю раздражению, это неразумно. Моффамед оказал вам поистине неоценимую услугу. Задумайтесь над смыслом происшедшего. Он предоставил вам возможность убедиться собственными глазами в плачевности последствий непристойного любопытства. А что может быть полезнее осознания своей ошибки? Полиамед, например, настолько поступился приличиями, что позволил пришлому подкупить себя. И к чему это привело? Остро ощутив всю глубину своей вины, он отстранился от жизни».

«Думаю, что ты преувеличиваешь благотворное влияние предательства, — отозвался Джерд Джемаз. — Уверяю тебя, мы основательно проучим Моффамеда. Так, что ему больше в голову не придет обманывать доверчивых чужеземцев».

«Пальга необозрима», — пробормотал жрец.

«Тем не менее, Моффамеду она покажется тесной, — возразил Джемаз. — Где бы он ни прятался, степь будет гореть у него под ногами — от синей магии не уйти. Довольно об этом. Мы провели достаточно времени в обществе Полиамеда, пора и честь знать».

Не говоря ни слова, жрец повернулся и повел их лесной тропой обратно к Гексагону. Взойдя на паперть из белого камня, он повернулся лицом к приезжим, безмятежно улыбаясь. Кургеч встал прямо перед ним, глядя жрецу в глаза. Мало-помалу, медленно, Кургеч поднял правую руку. Глаза жреца проследили за этим движением. Кургеч поднял левую руку. Улыбка священнослужителя стала напряженной. Казалось, он смотрел на обе руки одновременно, правым глазом на правую, левым — на левую. Из левой ладони старого ульдры внезапно вырвалась ослепительная белая молния. В тот же момент Кургеч произнес глубоким спокойным голосом: «Говори: что у тебя на уме?»

С языка жреца, явно против его воли, сорвались слова: «Глупцы! Никогда вы не вернетесь живыми из Пальги!»

«Кто нас убьет?»

Но к жрецу уже вернулось самообладание. «Вы видели Полиамеда, — сухо сказал он. — Ступайте своей дорогой».

Джемаз и Кургеч вернулись по почти неразличимой в сумерках тропе на окраину Аллубанского леса.

Эльво Глиссам, одинокий и беспокойный,

стоял, прислонившись к корме йола. Заметив возвращение Джемаза и старого ульдры, он с явным облегчением направился им навстречу: «Вас не было так долго, что я уже воображал всевозможные ужасы».

«Мы нашли Полиамеда, — ответил Джемаз. — Большой палец его ноги стал частью Великой Кости. Другими словами, от него остался только скелет».

Эльво с возмущением воззрился на темную чащу леса: «Зачем же Моффамед нас сюда отправил?»

«Надо полагать, с его точки зрения Аллубанский лес — самое подходящее место для того, чтобы выставить наши кости на всеобщее обозрение».

Эльво Глиссам с замешательством посмотрел на Джемаза, будто сомневаясь в его способности шутить, после чего снова вгляделся в мрачные глубины леса: «Что он выигрывает?»

«Время. Насколько я понимаю, ветроходы намерены препятствовать любому расследованию торговли эрджинами. В частности, они не приветствуют наблюдателей из числа „Борцов за эмансипацию эрджинов“».

Эльво невесело усмехнулся: в устах Джемаза

это был своего рода комплимент. Джерд Джемаз приподнял ладонь, чтобы проверить силу прохладного ветерка, едва долетавшего с севера: «На этом далеко не уедешь».

«Здесь оставаться нельзя, — предупредил Кургеч. — Место недоброе».

Джемаз и Эльво Глиссам подняли паруса. Йол вздрогнул и неохотно покатился вдоль края леса. Но даже слабый ветерок сразу улетучился — паруса бессильно поникли, и йол остановился в какой-нибудь полусотне метров от начала тропы.

«Похоже, придется ночевать здесь», — сказал Джемаз.

Кургеч взглянул на молчаливую темную чащу и ничего не сказал.

Джемаз опустил паруса и заблокировал колеса. Кургеч рылся в припасах, сложенных в носовой кабине. Эльво Глиссам осторожно, не углубляясь в лес, собрал охапку валежника под ближайшими деревьями и стал разводить костер неподалеку от йола, на что Джемаз отозвался каким-то нечленораздельным звуком — по-видимому неодобрительным — но возражать не стал.

Путешественники поужинали хлебом, вяленым мясом и горстью сушеных фруктов, запивая

последними остатками пива, купленного на станции. Эльво Глиссам не чувствовал ни голода, ни жажды — скорее, им овладели усталость и апатия. Ему хотелось только одного — растянуться на земле поближе к теплому огню и задремать… «Странный костер», — думал Глиссам. Языки пламени не полыхали с живостью, свойственной раскаленному газу, а скорее вяло шевелились, как потревоженные дыханием ветра лепестки гигантского багрового цветка, состоящие из густого сиропа или желе. Эльво перевел взгляд на лицо Джемаза, чтобы узнать, замечает ли тот столь необычное явление… Джемаз говорил с Кургечем — до ушей Глиссама доносились обрывки тихой беседы.

«Ворожба сгущается, близится…»

«Ты можешь ее развеять?»

«Да. Принесите больше дров. Еще нужно сделать шесты — шесть шестов».

Джемаз обратился к Глиссаму: «Проснитесь! Нас гипнотизируют. Помогите мне собрать дрова».

Глиссам вскочил на ноги и поспешил за Джемазом в лес. Теперь к нему вернулась бдительность, а с ней и быстро нараставшая, переходившая в ярость горечь раздражения. Наглость Джемаза

переходила всякие границы! В конце концов, кто он такой? Кто дал ему право распоряжаться? Вот валяется толстая сучковатая ветка. Отлично! Чем не дубинка? Мы еще посмотрим, кто кого!

«Эльво! — Джемаз тряс его за плечо и кричал прямо в ухо. — Проснитесь!»

«Я не сплю», — едва ворочая языком, бормотал Глиссам.

«Вставайте, вставайте! Нужно принести дров, развести большой огонь».

Отчаянно моргая и зевая, Эльво Глиссам протер глаза. Надо же, он действительно спал! Причем ему снилось, что он идет в лес, замышляя прикончить Джемаза дубиной. Какой кошмар! Глиссам принялся таскать валежник к костру. Тем временем Кургеч вырезал из подлеска шесть кривых шестов и воткнул их в землю вокруг костра так, чтобы образовался шестиугольник шириной метра четыре. Между шестами, по сторонам шестиугольника, Кургеч развел небольшие костры. Соединив шесты веревкой на уровне плеч, ульдра развесил на ней все найденные среди багажа небольшие предметы, не производившиеся в Пальге: одежду, бинокли, лучевые пистолеты.

«Оставайтесь в кругу огня, — предупредил Кургеч. — Теперь для них этот клочок земли — чу-

жой. Чтобы нас достать, им придется затрачивать слишком много энергии».

«Ничего не понимаю, — пожаловался Глиссам. — Что происходит?»

«Жрецы пытаются заворожить нас, усиливая мысли, — объяснил Кургеч. — Они пользуются священными реликвиями — древними приборами. На этом волшебстве и держится их власть».

«Не позволяйте себе дремать, даже с открытыми глазами, — посоветовал Джемаз. — И подкладывайте хворост».

«Постараюсь», — коротко ответил Глиссам.

Шло время — десять, пятнадцать, двадцать минут… «Небывальщина!» — думал Эльво. Костры никак не хотели разгораться, больше дымили и тлели. Красно-оранжевые языки пламени прорывались через дым и тут же прятались. Эльво Глиссам чувствовал, что из темноты, из-за линии огня, сидя на корточках, на него смотрят какие-то силуэты — чернильно-черными глазами.

«Не поддавайтесь панике, — сказал Джемаз. — Не обращайте внимания».

Глиссам хрипло рассмеялся: «Я в холодном поту, у меня замирает дыхание и стучат зубы. Панике я не поддаюсь, но костры гаснут».

«Что ж, синяя магия полезна, но пора при-

бегнуть и к испытанной на практике магии пришлых, — решил Джерд Джемаз. — Кургеч, спроси-ка их: как им понравится лесной пожар?»

Настала зловещая тишина. Джемаз вынул из центрального костра пылающую головню и сделал шаг в сторону Аллубанского леса.

Напряжение лопнуло, как натянутая струна. Костры вдруг разгорелись. Эльво Глиссам больше не угадывал вокруг сидящих на корточках фигур. Чернильная тьма рассеялась — над степью снова мерцали звезды. Джемаз положил головню обратно в костер и, подбоченившись, повернулся к лесу в презрительно-безразличной позе, так часто раздражавшей Глиссама. Ветер, однако, не вернулся — выдалась исключительно тихая ночь. Не было никакой возможности отъехать подальше в успокоительные просторы сорайи.

«Жрецы в ярости и страхе, — заметил Кургеч. — Они могут попробовать что-нибудь попроще».

Джемаз встрепенулся и обратился к спутникам с неожиданной настойчивостью: «В лес! Там, по меньшей мере, мы не будем на виду».

Забравшись в развилки сучковатых деревьев, все трое притаились в непроглядной тьме под плотной завесой листвы. В двадцати метрах, там, где начиналась степь, в отблесках догоравших

костров виднелся парусный йол. И снова — в который раз! — Эльво Глиссам подумал о том, что если ему повезет, и он вернется в далекий безопасный Оланж, ярких воспоминаний ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Он сомневался, что когда-нибудь снова соблазнится перспективой странствий по бескрайней Пальге… Напряженно прислушиваясь, Глиссам не мог уловить ни звука. Он не видел ни Джемаза, ни Кургеча, устроившихся где-то неподалеку, по левую руку. Эльво печально усмехнулся. Вся эта ночная история казалась абсурдной, как дешевая мелодрама — до тех пор, пока он не вспоминал обступавший со всех сторон, гасивший костры, давивший на сердце чернильный страх.

Тянулось время. Неподвижно ждать в развилке ветвей становилось все неудобнее. Уже, наверное, было за полночь. Как долго Джемаз собирается сидеть на дереве? Не до утра же! Конечно же, минут через пять или десять либо Кургеч, либо Джемаз решат, наконец, что опасность миновала, и что настало время по-человечески отдохнуть.

Прошло десять, пятнадцать минут, полчаса. Эльво Глиссам глубоко вздохнул и решил осторожно позвать спутников, чтобы узнать, сколько еще они намерены играть в прятки с

ветроходскими жрецами. Он уже открыл рот, но сдержался. Джерд Джемаз мог не одобрить такое поведение. Джемаз не предупреждал о необходимости соблюдать тишину, но в сложившихся обстоятельствах молчание могло рассматриваться как само собой разумеющееся условие. В связи с чем лучше всего было придержать язык. Вне всякого сомнения, Кургечу и Джемазу тоже было неудобно сидеть на ветках. А если они считали нужным терпеть такое неудобство, то почему бы его не мог или не хотел терпеть Эльво Глиссам? Для того, чтобы размять онемевшие ноги, Глиссам осторожно подтянулся, встал на развилку дерева обеими ступнями и начал было распрямляться, но стукнулся теменем о толстый сук и, неуклюже отпрянув, оцарапал щеку еще обо что-то. Прислонившись спиной к стволу в полусогнутом положении, Эльво разглядел среди листвы, на фоне проблесков звезд, безошибочно узнаваемый силуэт скрепленного проволокой скелета. Щеку ему поцарапал острый конец проволоки, обвязывавшей кости правой ступни мертвеца. Ступня, лишенная большого пальца, продолжала бесшумно качаться, почти прикасаясь к лицу. Эльво Глиссам поспешно вернулся в первоначальное сидячее положение.

Послышался шорох. Вернулась тишина. Потом — глухой стук, сопение, какая-то возня в сухих опавших листьях. Эльво Глиссам спрыгнул на землю. Джемаз и Кургеч уже стояли под деревом, глядя на распростертое человеческое тело. Глиссам хотел было задать вопрос, но Джемаз приложил палец к губам… Ни звука. Прошла минута. Тело, лежавшее под ногами, начало подавать признаки жизни. Джемаз и Кургеч подняли лежавшего и потащили к парусному йолу. Эльво последовал за ними, предварительно подобрав оставшийся на земле длинный металлический предмет. Предмет этот оказался длинноствольным ветроходским ружьем. Джемаз и Кургеч положили — по сути дела уронили — свою ношу рядом с еще не погасшим костром. Эльво не сдержал возглас удивления: «Моффамед!»

Моффамед уставился в огонь глазами неподвижными, как полированные камни. Кургеч связал ему щиколотки и кисти — жрец не сопротивлялся, даже не пытался уклониться. Кургеч и Джемаз закинули его на палубу йола, как мешок с картошкой.

Джемаз поднял парус, на этот раз надувшийся холодным ночным бризом. Эльво Глиссам не заметил, когда именно кончился штиль. Иол

покатился в открытую степь, на юго-восток. Священный Аллубанский лес скрылся во мраке за кормой.

Глава 10

Рассвет наводнил сорайю бледно-розовым светом. Края облаков на юге и на западе горели алым и розовым огнем; Метуэн поднимался по небосклону.

Йол остановился у оазиса, окруженного перистой алуанской акацией — путники решили позавтракать. Моффамед еще не произнес ни слова.

На заброшенных участках у пруда дико росли фруктовые деревья и ягодные кусты. Истрепанные ветром остатки старых отворотов явно уже не действовали, и Эльво, захватив корзину, отправился искать спелые плоды.

Когда он вернулся, Кургеч сосредоточенно занимался изготовлением необычного устройства. Из прутьев акации, перевязав их концы по углам бечевкой, он соорудил кубическую раму со стороной примерно полметра. Разрезав на куски старое покрывало, он натянул их на раму — получилось нечто вроде матерчатой коробки. С одной стороны коробки он закрепил щиток из толстой фанеры, предварительно просверлив в центре щитка небольшое отверстие.

Вся эта работа производилась так, чтобы находившийся на палубе Моффамед не замечал никаких приготовлений. Подстрекаемый беспокойством и любопытством, Эльво Глиссам обратился к Джемазу: «Что придумал Кургеч? Что это за штука?»

«Ульдры называют ее бредовым чехлом».

Джемаз ответил настолько коротко, что Глиссам, болезненно чувствительный и к фактическому, и к воображаемому пренебрежению, предпочел не задавать дальнейших вопросов, но продолжал с любопытством наблюдать за манипуляциями Кургеча. Тот вырезал из фанеры диск диаметром сантиметров пятнадцать и нарисовал на нем пару смежных спиралей, ярко-черную и ярко-белую. Эльво подивился точности его движений — старый шаман явно занимался этим не впервые. Внезапно Кургеч представился ему в новом свете: не полуварваром с маловразумительными примитивными обычаями, а опытным, знающим свое дело человеком с многосторонними талантами. Воспоминание о своем недавнем почти снисходительном отношении к Кургечу заставило Глиссама покраснеть — его, просвещенного члена «Союза раскрепощения»!

Тем временем Кургеч занялся более деликатны-

ми компонентами — прошел целый час, прежде чем он удовлетворился результатами своего труда. Теперь диск вращался внутри коробки, насаженный на ось, движимую миниатюрным ветряком.

Эльво Глиссам догадывался о назначении устройства и не вполне одобрял его. Спокойная внимательность Кургеча, поправлявшего и подгонявшего компоненты, вызывала у него смешанное чувство отвращения и пристального интереса. Когда «бредовый чехол» был готов к употреблению, Эльво поинтересовался — несколько язвительным тоном: «И что, это подействует?»

Кургеч остановил на нем холодный прозрачный взгляд и тихо спросил: «Хотите попробовать?»

«Нет, благодарю вас».

Связанный Моффамед все это время сидел на палубе йола — спиной к мачте, лицом к ослепительно восходящему Метуэну. Ему не давали ни есть, ни пить. Кургеч зашел в носовую кабину и достал из сундучка флакон с темной жидкостью. Наполнив кружку водой, он отмерил в нее несколько капель темного зелья и протянул раствор Моффамеду: «Пей!»

Жрец молча осушил кружку. Кургеч завязал ему глаза черной лентой и присел неподалеку на передней палубе. Джемаз ушел купаться в пруду.

Прошло полчаса — Кургеч поднялся на ноги. В куске ткани, обтягивавшем нижнюю грань коробки, он прорезал Т-образную пару перпендикулярных щелей, а сверху вырезал круглое отверстие. Подготовленный таким образом чехол он надел на голову Моффамеду, установив на плечах жреца козелки из сучков, поддерживавшие приспособление. Убедившись в том, что ветряк беспрепятственно вращается, старый ульдра продел руку в верхнее отверстие и снял повязку с глаз пленника.

Эльво Глиссам хотел было что-то спросить, но Джемаз, вернувшийся после купания, энергичным жестом призвал его к молчанию.

Прошло еще десять минут. Кургеч присел на корточки подле Моффамеда и начал монотонно напевать: «Мир и покой… мир… покой… наконец ты отдохнешь… ты отдыхаешь. Приходит сон… сон сладок и глубок… в нем растворились все заботы… страх улетучился. Сон сладок, сон глубок… покой… безмятежность… все ближе… ближе… Хорошо… ты можешь расслабиться… можешь обо всем забыть… забыться…»

Ветерок затих — ветряк замедлился, но старый ульдра принялся подталкивать лопасти пальцем: внутри коробки перед глазами Моффамеда продолжал вертеться расписанный спиралями диск.

«Спирали кружатся, — причитал Кургеч, — спирали кружатся снаружи внутрь… снаружи внутрь… все внешнее в тебе уходит внутрь… снаружи внутрь… тебе спокойно… хорошо. Как хорошо, что здесь никто не может тебя обидеть, ничто не может тебе помешать, когда все внешнее ушло внутрь… утонуло. Что может тебе помешать?»

«Ничто», — послышался голос жреца из коробки.

«Ничто не может помешать, потому что я этого не хочу… пока не захочу… а теперь нет ничего, кроме покоя и отдыха… ты среди друзей… тебе легко… легко помочь своим друзьям. Кому тебе легко помочь?»

«Друзьям», — откликнулся Моффамед.

«Друзья рядом. Вокруг тебя… нет никого, кроме друзей. Друзья хотят помочь… чтобы тебе было легко и удобно… друзья разрежут путы… станет легче… удобнее… — Кургеч ослабил веревки, стягивавшие щиколотки и кисти жреца. — Как хорошо… как удобно среди друзей… Тебе хоро-

шо?»

«Да… хорошо».

«Спирали кружатся… все уходит внутрь… и мысли кружатся… и тонут. Не остается ничего — только мой голос, больше ничего… Теперь ты глух ко всему… в тебе нет никаких мыслей… ты забыл обо всем, кроме друзей… настоящих друзей, с которыми тебе покойно и хорошо. С друзьями хорошо, друзьям можно доверять… Кому ты доверяешь? Кому хочешь помочь?»

«Друзьям».

«Друзья рядом. Вокруг тебя. Где твои друзья?»

«Рядом».

«Так и должно быть. Теперь я сниму чехол, и ты увидишь друзей, настоящих друзей. Когда-то, давным-давно, ты в чем-то с ними… может быть… не соглашался, но то далекое время прошло… это больше никого не беспокоит. Друзья с тобой, рядом. Это важно, это хорошо… больше ни о чем не нужно беспокоиться».

Кургеч снял коробку с головы жреца: «Вдохни свежего ветра, взгляни в лица друзей».

Моффамед глубоко вздохнул, переводя взгляд с одного лица на другое. Глаза его потускнели, зрачки сжались в точки — возможно, сказывалось зелье.

Кургеч спросил: «Ты видишь друзей?»

«Да… рядом».

«Так и должно быть! Теперь ты среди друзей, тебе помогают, и ты хочешь помочь. Старое забыто, былое прошло… Но друзьям нужно что-то вспомнить… чтобы тебе больше не нужно было беспокоиться. Друзья доверяют друг другу, у друзей нет секретов. Как тебя звали в храме?»

«Инвер Эльголь».

«А тайное имя, известное только тебе — а теперь и друзьям, потому что ты *хочешь* им помочь?»

«Тотулис Амедио Фалле».

«Как хорошо поделиться тайной с друзьями! Как легко на душе! Куда водил пришлого Полиамед?»

«К святилищу Золотых Лоз».

«Конечно! И где же оно, святилище Золотых Лоз?»

«Там, где обучают эрджинов».

«Само собой. Было бы неплохо там побывать. Как туда добраться?»

«Нужно ехать в Аль-Фадор… в горы… на запад от Второй станции».

«Туда Полиамед водил пришлого, Ютера Мэддока?»

«Туда».

«Там опасно?»

«Опасно! Очень опасно».

«Могли бы мы там побывать и вернуться — целые и невредимые?»

«Из Аль-Фадора вернуться нельзя… нет».

«Но Ютер Мэддок и Полиамед побывали в Аль-Фадоре и вернулись. Разве мы не можем сделать то же самое?»

«Они видели Аль-Фадор издалека, но ничего не узнали».

«Ну вот, и мы так сделаем. Если это все еще можно сделать. Поедем в Аль-Фадор. Куда мы держим путь?»

«В Аль-Фадор… на юго-запад… против ветра».

Кренясь то в одну, то в другую сторону, степной йол резво лавировал по сорайе. Моффамед сидел, сгорбившись в углу кабины — безразличный, мрачный, бессловесный. Эльво Глиссам то и дело поглядывал на него, пытаясь представить себе, что происходило в голове жреца. Попытки завязать беседу ни к чему не приводили: Моффамед продолжал молча сидеть, уставившись в пространство.

Пять суток они ехали под парусами с рассвета до темноты — и даже ночью, когда над плоским простором сорайи зажигались созвездия, лучший

компас рулевого. Снова они пересекли две колеи, но холм, скрывающий рощу папайи — место их первого привала — остался далеко на юге. Степь мало-помалу превратилась в мрачноватую полупустыню, где от колес, крошивших высохший соум, поднималась долго не оседающая пыль. На южном горизонте показался Вольводес — сперва едва заметная тень, потом гряда серых утесов, поблескивающих, как сталь, на фоне пасмурного неба.

К этому времени Эльво Глиссам уже впал в апатию подобно Моффамеду. Он потерял всякий интерес к проблеме порабощения эрджинов — насколько удобнее и проще было обсуждать такие вопросы в многолюдных гостиных Оланжа! До станции № 2 был всего день пути на юг, но Глиссам не отваживался заводить разговор о каком-либо изменении планов. Как всегда, настроения Джерда Джемаза казались ему непостижимыми. Что касается Кургеча, Эльво вернулся к первоначальному убеждению. Хитроумный, умудренный жизнью ульдра, компетентный в привычной обстановке, больше не впечатлял Эльво Глиссама, не собиравшегося проводить время или поддерживать репутацию среди кочевников. Взвесив все «за» и «против», он

решил, что для него лучше всего было вернуться в Оланж. Шайна Мэддок? С ней было бы чертовски приятно проводить время! В ее очаровательной голове копошились очаровательные мысли. Что ж, теперь она, наверное, успела соскучиться в глуши, и перспектива сопровождать его на обратном пути в Оланж вполне может показаться ей привлекательной…

Если он вернется живым из Аль-Фадора… Эльво Глиссам снова покосился на Моффамеда: что замышлял лукавый жрец? Гипнотическое внушение не могло действовать вечно. Профессиональный лжец, неразборчивый в средствах, мог притворяться послушным пленником — только для того, чтобы предательство возымело наибольший эффект. Глиссам держал подозрения при себе: в любом случае Джемаз и Кургеч не хуже него понимали происходящее. А то и лучше.

Голые утесы Вольводеса, местами крапленые черной порослью шипаря и скрюченными, жмущимися к камню стволами сухолиста, торчали высоко в розовато-голубом небе. Когда странники устроились на ночлег, в полусотне метров от йола появился эрджин. Некоторое время он неподвижно стоял и смотрел на колесный парусник. Потом щетина вздыбилась у него на загривке;

медленно приподняв огромные мохнатые руки, он выпустил когти, приготовившись к нападению. Джерд Джемаз достал ружье, но хищник уже опустился на четвереньки — когти втянулись, щетина улеглась. Побродив вокруг йола еще пару минут, эрджин трусцой скрылся в западном направлении.

«Любопытное поведение», — пробормотал Джемаз. Он схватил бинокль, чтобы получше рассмотреть убегающую тварь. Эльво Глиссам обернулся к Моффамеду — тот пристально смотрел вдогонку эрджину, причем напряженная поза пленника не свидетельствовала ни о готовности к послушанию, ни о безразличии.

Поразмыслив несколько минут, Глиссам поделился наблюдениями с Джемазом.

«Кургеч проверял жреца, он все еще под контролем, — заверил его Джемаз. — Что будет дальше? Не знаю. Если он попробует устроить какой-нибудь подвох, я его пристрелю».

«А как насчет эрджинов? Что помешает им на нас наброситься, когда мы уснем?»

«Эрджины плохо видят в темноте. Ночью они, как правило, спят».

Тем не менее, Эльво Глиссам укладывался на надувную подстилку с тяжелым сердцем. Не смы-

кая глаз, он пролежал часа два, прислушиваясь к ночным звукам сорайи. Низкие стонущие крякхтения повторялись со стороны подножий утесов — мало-помалу они стихли. Где-то поблизости случился переполох: испуганное чириканье, яростное подвывающее урчание. Издалека донесся чистый пульсирующий звук, напоминающий отголосок гонга — настолько размеренный и механически точный, что Глиссам вздрогнул, пораженный каким-то странным и ужасным видением, всплывшим из глубины сознания. Кургеч привязал лодыжку Моффамеда к своей ноге тонким стальным тросом. Кочевник тщательно протер проволоку сухой тряпкой, и теперь стальные петли скрипели при малейшем движении, что заставляло Глиссама нервничать еще больше. По той же причине, однако — или потому, что воздействие «бредового чехла» все еще давало о себе знать — Моффамед не предпринимал никаких попыток освободиться.

Эльво проснулся, когда вершины утесов Вольводеса уже вспыхнули в рассветных лучах.

Путешественники быстро покончили со скудным завтраком. Моффамед выглядел мрачнее прежнего и теперь сидел на краю палубы спиной к утесам, глядя на север.

Джерд Джемаз присел рядом с ним: «Далеко еще до места дрессировки эрджинов?»

Моффамед вздрогнул и посмотрел Джемазу прямо в глаза. На лице жреца быстро сменилась целая гамма противоречивых выражений: отстраненная задумчивость, угрюмое презрение, порыв искренней приветливости, что-то мимолетное и дикое, похожее на отчаяние. Эльво, внимательно наблюдавший за этой игрой настроений, сделал вывод, что внушения Кургеча уже не вполне сковывали самостоятельные побуждения Моффамеда.

Джемаз терпеливо повторил вопрос. Моффамед поднялся на ноги, протянул руку: «Где-то за этой грядой, в безотрадных дебрях Вольводеса. Я никогда там не был. Я не могу вас туда провести».

Кургеч мягко сказал: «Заметны следы колес. Возможно, тут побывал Ютер Мэддок».

Джемаз обернулся к жрецу: «Так ли это?»

«Может быть и так».

Колея, оставленная фургоном Ютера, кончалась под высоким крутым утесом серого и красноватого известняка. Джемаз опустил паруса и заблокировал колеса. Моффамед с трудом спустился с палубы на землю, сделал пару шагов и остановился, опустив голову и плечи.

«Я больше вам не нужен, — глухо сказал жрец. — Мне пора идти».

«Куда? — спросил Джерд Джемаз. — В пустыню? Ты погибнешь».

«До Второй станции три-четыре дня ходьбы. По пути можно найти достаточно пищи и воды».

«Окрестности кишат эрджинами. Ты их не боишься?»

«Жрецы Ахариссейо не боятся эрджинов»

Кургеч подошел к Моффамеду и прикоснулся к его плечу. Жрец отшатнулся, дрожа всем телом, но уклониться не смог.

«Тотулис Амедио Фалле! — сказал Кургеч. — Успокойся, забудь о тревогах. Ты среди друзей. Друзья нуждаются в твоей помощи, в твоей защите. Ты не можешь им отказать».

Жрец судорожно вскинул голову, глаза его снова остекленели. «Я среди друзей, — повторил он без особого убеждения. — Понятно. Именно поэтому я не хотел бы скорбеть над вашими трупами. Именно поэтому вам следовало бы знать, что эрджин-базилевс следит за каждым вашим шагом. Он говорил со мной, я слышу его мысли. Он может напасть. Он еще не принял решение».

«Успокой его, — посоветовал Кургеч. — Объясни ему, что мы — твои друзья».

«Это он уже понял… хотя с ним трудно говорить… мысли путаются».

«Где он?» — спросил Джемаз.

«В скалах, прячется».

«Попроси его выйти, — предложил Джемаз. — Не люблю, когда за мной следят исподтишка. Ему бы это тоже не понравилось».

«Он боится, что в него начнут стрелять».

«Если он не причинит нам вреда, мы его тоже не тронем».

Моффамед обернулся к подножию утеса, и эрджин вышел из расщелины — великолепный экземпляр, крупнее большинства эрджинов, каких приходилось видеть Джемазу, с горчично-желтой опушкой на груди и брюхе, с коричневато-черной лоснящейся шерстью на спине и лапах. Напоминающие галстук пучки багрово-коричневой щетины скрывали оптические органы, глубоко посаженные в складке между выступами темного хряща, переходившего в широкие наплечные щитки. Эрджин приближался неторопливой трусцой, не подавая никаких признаков страха или враждебности, и остановился метрах в пятнадцати.

Моффамед обратился к Джемазу: «Он хочет знать, зачем вы здесь. Вам здесь не место».

«Объясни ему, что мы — путешественники из Алуана, что нас интересуют незнакомые места».

Повернувшись лицом к эрджину, жрец изобразил руками несколько непонятных жестов, сопровождая их шипящими звуками. Эрджин сохранял неподвижность — только его рыжеватые «брови» слегка подергивались.

«Спроси его: как проще всего пройти к месту дрессировки?» — приказал Кургеч.

Моффамед снова принялся шипеть и размахивать руками. Эрджин ответил на удивление человеческим жестом — поднял тяжелую когтистую руку и указал на юго-запад.

«Спроси: как далеко?» — потребовал Джемаз.

Жрец задал вопрос. Эрджин ответил несколькими шипящими присвистами.

«Не слишком далеко, — перевел Моффамед. — Два часа ходьбы, не больше».

Джерд Джемаз скептически покосился на мохнатого хищника: «Зачем он пришел? Что ему нужно?»

Кургеч вкрадчиво заметил: «Может быть, наш общий друг Моффамед позаботился мысленно предупредить его?»

«Случайность, чистая случайность», — почти беззвучно прошептал жрец.

«Собирается ли он на нас напасть?»

«Не могу сказать с определенностью».

Джемаз недовольно хмыкнул: «Никогда еще не видел такого учтивого дикого эрджина».

«Эрджины Вольводеса отличаются от диких эрджинов Алуана, — возразил Моффамед. — Другая раса, можно сказать».

Присматриваясь к земле, Кургеч прошелся в направлении, указанном эрджином. Подняв голову, он позвал Джемаза: «Следы колес».

Джемаз взглянул на йол, на Эльво Глиссама. Эльво решил уже, что тот снова собирается поручить ему охрану степного корабля, но Джемаз повернулся к жрецу: «Потребуется отворот для защиты фургона. Что-нибудь получше того, что ты нам всучил на станции».

«Здесь парусник никто не тронет, — сказал Моффамед. — Если мимо не проедет банда шренков, что маловероятно».

«Тем не менее, я предпочел бы, чтобы на мачте йола висел сильнодействующий отворот».

Моффамед с явной неохотой собрал остатки старых отворотов, еще болтавшиеся на реях, и соорудил из лент и стекляшек что-то новое: «Чар в таком отвороте нет, он всего лишь служит предостережением, но этого достаточно».

Все четверо отправились вверх по крутой, выжженной солнцем расщелине. Кургеч поднимался первый и показывал дорогу, за ним карабкались Моффамед и Эльво Глиссам. Джерд Джемаз замыкал шествие — если не считать эрджина, державшегося на почтительном расстоянии, но неуклонно следовавшего за группой.

Мало-помалу расщелина стала узкой и почти отвесной. Раскаленный розовым солнцем известняк обдавал жаром лица и руки. Когда странники вскарабкались наконец на гребень эскарпа, все они взмокли и тяжело дышали. Эрджин тоже взобрался наверх — без всякого труда — и теперь стоял так близко, что у Эльво Глиссама по коже пробежали мурашки. Краем глаза он изучал лапы аборигена — увесистые мохнатые подушки с неприятно загнутыми черными когтями и напоминавшими пальцы короткими щупальцами в основаниях когтей. Эльво не сомневался в том, что эрджин мог исполосовать его во мгновение ока. Осторожно отступив на пару шагов в сторону, Глиссам спросил Моффамеда: «Почему это существо настолько отличается от алуанских эрджинов?»

Жрец не проявил интереса: «Ничем особенным он не отличается».

«Но разница очевидна! — упорствовал Глиссам. — Это домашний эрджин? Его приручили? Дрессировали? Что он про нас думает?»

Моффамед обратился к аборигену с вопросом и перевел ответ Глиссаму: «Кургеча он называет „древним врагом с зеленой душой“. „Зеленая душа“ не вызывает „смертоносного возмущения“[53]. Ты и Джерд Джемаз — пришлые. Пришлые для него ничего не значат».

«Так зачем же он за нами увязался?» — поинтересовался Джемаз.

«Ему просто нечего делать, — с некоторым раздражением отозвался жрец. — Может быть, он надеется оказаться полезным».

Джемаз скептически крякнул и принялся разглядывать окрестности в бинокль. Тем временем Кургеч занялся поисками следов Ютера Мэддока на обветренной, выжженной солнцем поверхности плоскогорья — по-видимому, безуспешно.

Эрджин приблизился, тихо проскользнув мимо Глиссама, чтобы привлечь к себе внимание Моффамеда. Последовала полутелепатическая

---

[53] notes: 53

Смертоносное возмущение: бледная аналогия мысленного представления о взрывообразном высвобождении давно накопившегося заряда эмоций, подобном прорыву плотины или крушению пробитых тараном ворот.

беседа. Жрец обратился к Джемазу: «Он говорит, что Ютер Мэддок пересек эту плоскую возвышенность и поднялся на перевал в середине следующего хребта».

Эрджин вперевалку пробежался по каменистой пустоши и остановился, явно ожидая, что за ним последуют. Заметив, что люди не торопятся ему доверять, эрджин стал настойчиво скулить, делая призывные жесты рукой.

Кургеч решил проверить, в чем дело. Остальные мало-помалу двинулись за ним. Сосредоточенно изучив покрытый щебнем участок, старый ульдра обнаружил какие-то обнадеживающие признаки, пригнулся: «Они прошли здесь!»

Эрджин направился к подножию недалекого хребта и стал подниматься по россыпи гранитных валунов, без малейшего усилия перепрыгивая с одного на другой. Достигнув перевала, он остановился и оглянулся — казалось, абориген сознательно наслаждался физическим превосходством над неуклюжими, медлительными людьми.

Люди взобрались на перевал и присели передохнуть. Перед ними открылся склон, покрытый редкой порослью бурого кистеполоха и железной колючки. Склон спускался к краю пропасти.

Эрджин снова пустился вперед, но не прямо к обрыву, а диагонально, по мелкой осыпи.

Эльво Глиссам не понимал, почему Джемаз и Кургеч доверяют твари, по логике вещей способной служить только проводником в западню. Он осторожно спросил Джемаза: «Куда, по-вашему, он нас ведет?»

«По следам Ютера Мэддока».

«И у вас намерения эрджина не вызывают никаких подозрений? Что, если он направляется к логову своих проголодавшихся приятелей?»

«Кургеч считает, что все в порядке. Он — следопыт».

Эльво догнал старого кочевника: «Здесь прошел Ютер Мэддок?»

Кургеч кивнул.

«Откуда вы знаете? На камнях не остается следов».

«Следы повсюду. Смотрите, этот камень перевернут. Он лежит выжженной стороной вниз. А здесь гравий между камнями продавлен каблуком. Эрджин хорошо помнит дорогу».

Некоторое время они продолжали спускаться по осыпи, приближаясь к глубокому оврагу, открывавшему путь в ущелье. Но эрджин не стал спускаться в овраг, а побежал дальше по краю

обрыва. Кургеч резко остановился.

«В чем дело?» — спросил Джемаз.

«Здесь Мэддок и Полиамед спустились в каньон. Следы уходят вниз. Эрджин хочет, чтобы мы шли другой дорогой».

Все смотрели на эрджина. Тот остановился и снова принялся призывно скулить. Моффамед тревожно произнес: «Он идет туда, куда направлялись ваши друзья».

«Они повернули в ущелье».

«Эрджин говорит со мной. Здесь спускаться опасно, лучше пройти немного дальше».

Джерд Джемаз напряженно смотрел то в одну сторону, то в другую. Эльво Глиссам никогда еще не видел Джемаза в нерешительности — до сих пор. Наконец Джемаз не слишком уверенно предложил: «Хорошо, давайте проверим, почему ему так не терпится».

Эрджин повел их по очень трудному маршруту, вверх по крутой галечной осыпи, через целое поле растрескавшихся валунов, где грелись на солнце и шныряли маленькие голубые ящерицы, вверх на гребень поперечного хребта и вниз по противоположному склону. Эрджин всюду продолжал бежать легкой трусцой — так, будто горы были ровным местом. Люди напрягались и

задыхались, не поспевая за аборигеном. Скалы дышали солнечным жаром. В дрожащем воздухе над обрывом манящий черный силуэт эрджина казался расплывчатым танцующим чертиком.

Эрджин задержался, как если бы усомнившись в правильности выбранного пути. Джемаз обернулся к Моффамеду и лаконично приказал: «Узнай, куда он нас ведет!»

«Туда, куда ходил другой пришлый, — с готовностью отозвался жрец. — Здесь легче пройти, чем спускаться по утесу. Смотрите сами!» Моффамед указал вперед — действительно, стены ущелья начинали расступаться, становились более пологими. Эрджин снова потрусил вперед, постепенно спускаясь в глубокую долину, поразительно отличавшуюся от безжизненных верхних уступов. Внизу воздух наполнился прохладой и тенью. Спокойный полноводный ручей тихо переливался из озерца в озерцо среди рощ розовато-лиловых древовидных папоротников и темных алуанских кипарисов.

Кургеч побродил по белесому песку вдоль ручья и издал нечто вроде удивленно-одобрительного мычания: «Смотри-ка, тварь не подвела! Вот они, следы. Здесь прошли Ютер Мэддок и Полиамед».

Эрджин ждал на берегу ниже по течению ручья

и опять скулил, настойчиво и нетерпеливо. Он явно считал, что люди слишком долго топчутся на одном месте. Пробежав несколько метров, эрджин останавливался, оборачивался и делал призывный жест, после чего возвращался шагом — этот маневр он проделал уже несколько раз. Кургеч, однако, никуда не спешил — кочевник продолжал рассматривать следы, низко пригнувшись к земле. «Тут что-то не так», — бормотал он.

Джерд Джемаз тоже нагнулся над следами. Эльво Глиссам поглядывал на них со стороны; Моффамед нервничал, переминаясь с ноги на ногу. Кургеч выпрямился, показал на следы: «Здесь прошел Полиамед. На нем были ветроходские сандалии с плоской подошвой. Другие следы, с глубокими отпечатками каблуков, оставил Ютер Мэддок. Раньше Полиамед шел впереди, хотя и неуверенной, пугливой походкой — чего и следовало ожидать. Теперь первым идет Ютер Мэддок, причем он торопится, он возбужден. Полиамед трусцой бежит за ним, то и дело останавливаясь, оглядываясь — вот, здесь он задержался и повернулся. Они не приближаются к цели — они удаляются от нее, поспешно и тайком!»

Все, кроме Моффамеда, повернулись, глядя

вверх по течению ручья. Жрец наблюдал за тремя чужеземцами, пальцы его нервно подергивались. Эрджин скулил и шипел. Моффамед раздраженно прервал молчание: «Не будем медлить. Эрджин начинает капризничать — мы можем остаться без проводника».

«Мы не нуждаемся в его помощи, — ответил Джемаз. — Нужно идти вверх по течению».

«Зачем напрашиваться на неприятности? — воскликнул жрец. — Следы ведут вниз!»

«Тем не менее, мы направимся вверх. Сообщи эрджину, что проводник нам больше не понадобится».

Жрец повернулся к эрджину — тот отозвался тихим рычанием. Моффамед снова воззвал к Джемазу: «Зачем забираться в дикое ущелье? Нечего там делать!»

Но Джерд Джемаз уже повернул назад — он твердо решил узнать, где побывал Ютер Мэддок. Эрджин приблизился бесшумными длинными прыжками, на бегу встал на задние лапы, издал устрашающий вопль и бросился на людей, выпустив длинные черные когти. Эльво Глиссам оцепенел. Моффамед опустился на землю, обхватив голову руками. Кургеч отпрянул в сторону. Джерд Джемаз обернулся, выхватил пистолет

— эрджин прыгнул и на лету вспыхнул.

Четыре человека неподвижно стояли и смотрели на дымящийся опаленный труп. Моффамед начал тихо, неразборчиво причитать.

«Молчать!» — рявкнул Кургеч. Джерд Джемаз засунул пистолет за пояс и направился вверх по ущелью. Остальные последовали за ним. Моффамед шел последним, пошатываясь и разводя руками, как лунатик. Мало-помалу он начал отставать, но Кургеч обернулся и вперил в него угрожающий взгляд. Жрец послушно ускорил шаги.

Склоны постепенно сужавшейся долины превратились в отвесные каменные стены головокружительной высоты. Всюду росли деревья — джинкго, браслетники с гроздьями кольцеобразных плодов, алуанская ива, голубица. Со временем стали попадаться обработанные участки с грядками батата и бобов, тыквенными кустами, стройными белыми стеблями зернового молоха, ржаво-красными пучками пряницы, усыпанными лиловато-черными ягодами. «Вот она, тайная пасторальная идиллия ветроходов! — думал Эльво Глиссам. — Тишина, изобилие, торжественный покой!» Он заметил, что инстинктивно старается ступать на землю

как можно мягче, задерживая дыхание и прислушиваясь. Тропа становилась все шире — теперь ее можно было назвать дорогой. Они явно приближались к населенным местам.

Четыре человека продвигались вперед все осторожнее, держась под прикрытием деревьев, в тени южной стены ущелья. Утрамбованная земля под ногами внезапно сменилась мостовой из розоватого мрамора, выцветшего и растрескавшегося. В северной стене каньона открылась огромная ниша — естественный амфитеатр. В ней скрывалось ажурное сооружение исключительно сложной конструкции, сверкающее розовым кварцем и золотом — без сомнения храм или святилище.

Странники приближались к храму, как зачарованные — к их вящему изумлению при ближайшем рассмотрении оказалось, что все здание высечено из цельной глыбы розового кварца, обильно испещренного золотыми прожилками. Фасад двенадцатиметровой высоты был разделен на семь ярусов; каждый ярус украшали одиннадцать рельефных ниш. В толще кварца всюду мерцали волнистые ленты и нити золота. Неизвестные скульпторы — явно непревзойденные мастера своего дела — приспособили

высеченные сцены к роскошно переливающимся контурам металла. Рельеф каждой ниши казался естественным проявлением полупрозрачного камня, образовавшимся и существовавшим вместе с чудесной жилой в стене каньона — от сцен и персонажей на рельефах веяло первичной, неоспоримой истиной гармонии, возникшей из хаоса.

Рельефные панно изображали битву между стилизованными эрджинами и морфотами. И те, и другие были облачены в причудливые, подходящие к их темпераменту и анатомическому строению латы или бронированные скафандры. Противники безжалостно уничтожали друг друга лучевым оружием, что свидетельствовало об очень высоком уровне развития технологии.

Восхищенный и пораженный до немоты, Эльво Глиссам прикоснулся к резьбе — и там, где пальцы сняли налет пыли, темнорозовый кварц просиял глубокими живыми тонами; камень пульсировал, как живой, внутренней игрой света и тени.

Нижний ярус представлял собой нечто вроде портика с шестью арочными проходами. Эльво зашел под крайнюю левую арку и оказался в узком высоком коридоре, плавно изгибавшемся

и выходившем под крайнюю правую арку храма. Свет в коридоре, проникавший сквозь несколько слоев и толщ розового кварца, наполнял воздух, как старым вином, глубокими розово-красными сумерками почти ощутимой вязкости. Каждая пядь стен и свода была покрыта резьбой микроскопической точности — несмотря на полутьму, золото сияло и все детали проступали четко и выпукло. Потрясенный качеством работы, Эльво прошел по всему коридору, вышел наружу и углубился под вторую слева арку. В этом коридоре, примерно на треть короче первого, было заметно светлее — кварц горел изнутри цветами, напоминавшими розовый коралл и кошенильнокарминовую водянистую мякоть сливы. Снова выйдя наружу, Эльво повернул в центральный проход, где пылающий розовый свет вторил лучам розового солнца, а лепестки и волокна золота лучезарно блестели и перемигивались.

Вернувшись на площадку перед семиярусным фасадом, Эльво Глиссам провел несколько минут в полной неподвижности. «Сокровище! — думал он. — Чудо из чудес на диву всему Корифону — да что там, всей Ойкумене!» Подойдя поближе, Эльво присмотрелся к резьбе. Стилистические условности были почти непостижимы. С пер-

вого взгляда трудно было даже сказать, в какой последовательности или по какому принципу организованы рельефные панно. По всей видимости, эрджины когда-то воевали с морфотами. Изображалось, несомненно, побоище. Из-за абсурдной, вычурной брони фигуры противников иногда сливались в мозаичный вихрь из многоугольных щитков, шлемов и конечностей. Но можно было видеть и отдельных персонажей — например, эрджинов, управлявших невиданными в пределах Ойкумены, изрыгавшими пламя летательными аппаратами. А на одном из рельефов эрджины торжествующе стояли вокруг разбросанных по земле трупов — человеческих трупов! Эльво Глиссама осенило. Он повернулся к Джемазу: «Это памятник, историческая летопись! Подробные записи — в коридорах, а на фасаде — нечто вроде сводки содержания».

«Может быть и так».

Тем временем Кургеч беспокойно бродил вокруг, как ищейка, почуявшая незнакомый запах. Вернувшись, он указал на расщелину в противоположной стене ущелья, густо заросшую голубыми джинкго, с дюжиной розовых зонтичных деревьев, вцепившихся корнями в скалы под сумасшедшими углами: «Наверху, над этой

трещиной, оборвались следы Ютера Мэддока. Полиамед привел его сюда — они спускались, держась за стволы. Потом пошли на восток — вверх по каньону».

Эльво продолжал разглядывать семиярусное святилище из розового золотоносного кварца: «Что так позабавило Ютера Мэддока? Не нахожу ничего смешного в этом монументе».

«Мы еще не все видели, — напомнил Джемаз. — Пройдемся вверх по ущелью».

«Будьте настороже! — предупредил Кургеч. — Ютер Мэддок тоже „прошелся“ вверх по ущелью, а возвращался почти бегом».

Почти полкилометра широкая тропа тянулась вдоль берега ручья, после чего углубилась в рощу торжественно-стройных черных камедаров. Сливаясь в отдалении, стволы образовывали непроницаемый для взоров частокол.

Кургеч шел впереди, бесшумно переступая с пятки на носок, почти крадучись. Метуэн пылал в зените: розовое мерцание брезжило сквозь листву окутанного бархатными тенями леса.

Лес кончался — тропа выходила на открытое пространство. Оставаясь в тени деревьев, четыре человека смотрели на обнесенный забором двор лагеря, где из эрджинов делали рабов.

Первым чувством Эльво Глиссама было сильное разочарование. Он проделал такой далекий путь, перенес столько опасностей и невзгод — и для чего? Чтобы взглянуть на пыльный двор, окруженный несколькими ничем не примечательными каменными постройками? Насколько он понимал, ни Джемаз, ни Кургеч не хотели, чтобы их заметили, а никаких укрытий между лесом и лагерем не было. Что касается жреца, того просто трясло от страха.

Моффамед тянул Джемаза за рукав: «Пора уходить! Скорее! Если мы не вернемся сейчас, мы не вернемся никогда!»

«Неужели? Почему же ты молчал всю дорогу?»

«Я предупреждал вас! — лицо Моффамеда исказилось отчаяньем и ненавистью. — Эрджин хотел завести вас в Водопадный Лабиринт. Оттуда вы уже не нашли бы дорогу в Аль-Фадор. Так было бы лучше для всех».

«Не вижу никакой опасности, — заметил Джемаз. — Чего ты так боишься?»

«Тебе этого не понять».

«Не хочешь говорить — не говори. Подождем, увидим».

На двор беспорядочной гурьбой высыпали эрджины — примерно дюжина. За ними из при-

земистого каменного строения вышли четыре человека в белых жреческих рясах. Из другого здания им навстречу направились еще два эрджина и человек, тоже одетый как жрец. Моффамед неожиданно сорвался с места и, громко крича, выбежал из леса. Джемаз тихо выругался, выхватил пистолет, прицелился — но тут же, с раздраженным вздохом, опустил оружие. Эльво Глиссам, с ужасом наблюдавший за происходящим, почувствовал огромное облегчение, даже благодарность к Джемазу: было бы несправедливо застрелить в спину ничтожного жреца. В конце концов, побуждения Моффамеда объяснялись обычаями и представлениями его народа.

«Пора убираться, — решил Джемаз, — и поскорее. Поднимемся по расщелине, где спустился Мэддок. Оттуда можно вернуться к фургону той же дорогой».

Они побежали — сначала по лесу, потом мимо садов и огородов. Добравшись до розово-золотого святилища, Кургеч, Джемаз и Глиссам перешли ручей вброд и поспешили к заросшей деревьями расщелине напротив.

Но эрджины уже выскочили из рощи камедаров, заметили трех людей и пустились в погоню. Джемаз выстрелил из дальнобойной винтовки —

один из аборигенов, пораженный иглой декокса, свалился, перевернулся и застыл, как мохнатая кочка. Другие эрджины растянулись плашмя на земле и достали длинные ветроходские ружья. Беглецы бросились под прикрытие деревьев в основании расщелины; вокруг уже свистели пули.

Тщательно прицелившись, Джемаз уложил еще одного эрджина, но их оставалось не меньше десятка. В отчаянии Эльво закричал: «Наверх! У нас нет другого выхода!»

Джемаз и Кургеч игнорировали его. Эльво Глиссам лихорадочно глядел по сторонам, надеясь на чудо — кто-то же должен был придти на помощь! Кто? Розовые лучи послеполуденного солнца озаряли противоположную стену каньона: семиярусное святилище в глубокой пасти грота пылало зловещей красотой. Даже теперь, взмокнув от страха, Эльво недоумевал: кто возвел это сооружение? Эрджины, по всей видимости. Но как давно? И по какому случаю?

Джемаз и Кургеч продолжали вести беглый огонь по эрджинам — тем пришлось отступить в лес. «Они выберутся из каньона и обстреляют нас сверху, — догадался Джемаз. — Нужно их опередить!»

Три беглеца принялись карабкаться вверх

— задыхаясь, не обращая внимания на ссадины и бешеный стук крови в ушах. Небо начинало снова открываться, край плоскогорья был уже недалеко. Снизу доносились хлопки беспорядочных выстрелов. Пули ударялись о камни и стволы, взрываясь настолько близко, что ни о какой передышке не могло быть и речи. Оглянувшись вниз, Глиссам заметил темные фигуры эрджинов, с завидной легкостью поднимавшиеся зигзагообразными прыжками.

Глиссам, Джемаз и Кургеч выбрались, наконец, на плоскогорье и стояли, шумно переводя дыхание. Эльво опустился на четвереньки, с хрипом пытаясь наполнить легкие жарким сухим воздухом — но Джемаз уже торопил его: «Они близко. Пошли, пошли!»

С трудом поднявшись на ноги, Эльво заметил на краю плато дюжину эрджинов, предусмотрительно вылезавших из каньона там, где их не доставали пули, примерно в полукилометре к северу. Джемаз задержался на несколько секунд, чтобы оценить обстановку. На востоке, за понижающимися волнами нескольких хребтов, склонов и оврагов, их ждал парусный йол. Попытавшись бежать в этом направлении, однако, они стали бы идеальными мишенями для воору-

женных эрджинов. Любое промедление грозило смертью. В ста метрах к югу возвышалась осыпающаяся ступенчатая пирамидка выветренного гнейса — естественный редут, обещавший по меньшей мере временное укрытие. Три беглеца вскарабкались по щебенчатой осыпи на вершину пирамидки, обнаружив там почти ровную площадку метров пятнадцать в поперечнике. Джемаз и Кургеч немедленно бросились плашмя на землю, осторожно подползли к краю площадки и принялись обстреливать эрджинов, наступавших перебежками по каменистой пустоши внизу. Присев на корточки, Эльво Глиссам тоже достал пистолет и прицелился, но никак не мог заставить себя выстрелить. Кто прав, кто виноват? Незваные пришельцы, они нарушили древнюю тайну ветроходов. Чем оправдывалось уничтожение тех, чьи интересы они ущемили?

Джемаз заметил нерешительность Глиссама: «Осечка?»

«Нет. Безнадежность. Все это ни к чему. Мы в западне, нам больше некуда бежать. Одним мертвым эрджином больше или меньше — какая разница?»

«Если мы перестреляем всех нападающих, то сможем спокойно спуститься и уйти, — терпе-

ливо объяснил Джемаз. — Если же мы убьем на одного меньше, тогда вы правы — мы в западне».

«Всех не перестреляешь», — пробормотал Эльво.

«Надеюсь, что вы ошибаетесь».

«Что, если их гораздо больше? Если будут прибывать все новые и новые подкрепления?»

«Я не интересуюсь гипотезами, — отрезал Джемаз. — Я не хочу умирать». Произнося эти слова, он продолжал целиться и вести огонь с таким успехом, что эрджины, казалось, больше не смели приближаться.

Кургеч подобрался к южному краю площадки: «Нас окружили».

Эльво уселся на край плоской вершины. Жаркое солнце, на полпути к западному горизонту, отбрасывало его тень поперек каменистой площадки. «Воды здесь нет, — думал Эльво Глиссам. — Через три-четыре дня все будет кончено в любом случае». Им овладела апатия; опираясь локтями на колени, он опустил голову. Джемаз и Кургеч о чем-то тихо договорились, после чего Кургеч отошел и присел у восточного края площадки. Эльво взглянул на него с недоумением. Восточная, самая крутая часть пирамидки, была наименее уязвимой… Глубоко вздохнув, Эльво попытался

собраться с мыслями, взять себя в руки. Раз уж он должен был погибнуть, следовало по меньшей мере встретить смерть достойно. Поднявшись на ноги, он пересек плоскую вершину. Услышав шаги, Джерд Джемаз обернулся. На лице его появилось неприятное, жестокое выражение: «Ложись, идиот!»

Пуля прожужжала в воздухе. Эльво Глиссама отбросило беспощадным, чудовищным ударом. Он упал на камни и лежал, неподвижно глядя в небо.

Глава 11

В Рассветной усадьбе дни тянулись один за другим, без особых перемен. Шайна и Кельсе изучали отрывочные, часто загадочные записи Ютера Мэддока и ввели новую, упрощенную систему управления поместьем.

Каждое утро они совещались за завтраком — порой в полном согласии, иногда раздраженно и вспыльчиво. Шайне пришлось признаться самой себе, что, несмотря на ее инстинктивную привязанность к брату, она временами его недолюбливала. По причинам, ей не совсем понятным, Кельсе стал человеком придирчивым и черствым, лишенным чувства юмора. Несомненно, ему пришлось многое выстрадать, но замена руки и ноги протезами не слишком его беспокоила. На его месте Шайна никогда не позволила бы себе ежеминутно погружаться в тягостные размышления. Еще одна мысль приходила ей в голову: возможно, Кельсе в кого-то влюбился, но был отвергнут в связи с физическим недостатком.

Эта мысль почему-то вызывала у нее острое любопытство: кем могла быть таинственная

пассия ее брата?

Общественная жизнь в поместьях была достаточно оживленной — устраивались домашние вечеринки и приемы, балы и празднества, даже «кару пришлых» (бледные подражания разгулу похоти, обжорства и прочих инстинктов, разряжавшему психическое напряжение ульдр). Кельсе признавал, что его редко привлекали подобные сборища. Поэтому, когда пришло письмо из Эллоры, приглашавшее обоих Мэддоков принять участие в круглосуточном пикнике на просторах этого прославившегося чудесами садоводства и флористики поместья, Шайна приняла приглашение — от своего имени и от имени брата.

На пикнике всем было легко и хорошо. Двести гостей бродили по парку площадью свыше двадцати гектаров, где уже больше двухсот лет семья Лиллиет с каждым поколением пополняла и улучшала достижения своих предков. Шайна от души флиртовала и веселилась, тем временем с интересом поглядывая на брата. Как она и ожидала, Кельсе, будучи всего лишь на два года старше Шайны, не предпринимал никаких попыток вступать в разговоры с молодежью, предпочитая держаться в компании немногих присутствую-

щих помещиков старшего поколения.

Шайна возобновила немало старых знакомств. Ее подозрения начинали оправдываться — ей намекнули, и не раз, что девушки считали Кельсе слишком застенчивым и резким.

Отыскав Кельсе среди гостей, Шайна обронила: «Мне довелось услышать много лестных отзывов, и не о ком-нибудь, а о тебе. Только, наверное, передавать их тебе не следует. Задерешь нос пуще прежнего».

«Вряд ли», — пожал плечами Кельсе. Шайна восприняла ворчание брата как предложение продолжать беседу.

«Со мной говорила Зия Форрес. Она считает тебя в высшей степени привлекательным молодым человеком, но боится с тобой заговорить. Твоя склонность отпускать колкости общеизвестна».

«Я не так раздражителен, как могло бы показаться, и не тщеславен. Если ей так приспичило, Зия Форрес может поболтать со мной в любой момент».

«Похоже, тебя не слишком радуют ее комплименты».

Кельсе кисло усмехнулся: «Они довольно неожиданны».

«По меньшей мере, ты мог бы притвориться

приятно удивленным — вместо того, чтобы кривиться, как будто тебе камень уронили на ногу».

«На какую ногу?»

«Ну хорошо, на голову».

«Честно говоря, меня занимают совсем другие вещи. Сообщают, что в Оланже происходит нечто новое. Раскрепостителям удалось наконец убедить Думу в необходимости издать однозначное распоряжение — направленное против нас, само собой».

Шайна помрачнела. Если бы только эти бесконечные занудные проблемы куда-нибудь исчезли — если бы о них можно было забыть хотя бы на время, хотя бы сегодня! Упавшим голосом она спросила: «Какое еще распоряжение?»

«Помещикам предписывается встретиться с советом племенных вождей. Мы должны отказаться от всяких притязаний на законное владение землей. Мы обязаны подтвердить, что право собственности принадлежит племенам, традиционно населяющим поместья. Нам оставляют усадьбу и четыре гектара окружающей земли. Кроме того, исключительно по усмотрению племенного совета и с его разрешения, мы можем подавать заявки на аренду других земель, но срок действия арендного договора не может

быть дольше десяти лет, а площадь арендуемых земель не может превышать четырехсот гектаров».

«Могло быть и хуже, — легкомысленно отозвалась Шайна. — У нас могли бы отнять и право на владение усадьбой».

«Ни у кого еще ничего не отняли. Распоряжение — лишь слова, напечатанные на бумаге. Земля принадлежит нам, и мы никому ее не отдадим».

«Конфронтация непрактична».

«Непрактична пораженческая уступчивость. Мы объявили себя независимой политической и территориальной единицей, не подчиняющейся сцинтаррийской Думе. В Алуане Дума больше не располагает никакой властью — если у нее вообще когда-нибудь была какая-нибудь власть».

«Кельсе, действительность такова: население Сцинтарре составляет несколько миллионов человек. На территории упомянутой тобой „политической единицы“ проживают от силы несколько тысяч человек. Следовательно, Дума располагает вполне реальной властью. Нам придется подчиниться».

«Власть и численность населения — не одно и то же, — возразил Кельсе. — Особенно когда речь идет о городском населении. Но в данный момент

беспокоиться еще не о чем — по крайней мере нам с тобой. Ни одного раскрепостителя не убьют, если они не явятся убивать нас на нашей земле. Надеюсь, никто из них не решится на подобную глупость».

Шайна отвернулась — брат невероятно раздражал ее! Ей хотелось сделать что-нибудь дикое, возмутительное. Но она сдержалась и пошла побеседовать со старыми знакомыми, хотя пикник уже потерял очарование.

Вернувшись в Рассветную усадьбу, Шайна и Кельсе к своему удивлению обнаружили, что на лужайке перед входом расположились шестеро старейшин-ао. «Это еще что такое?» — пробормотал Кельсе.

«Наверное, до них тоже дошли новости из Оланжа, — нашлась Шайна. — И вот они явились требовать, чтобы ты подписал арендный договор».

«Вряд ли». Тем не менее, Кельсе проявил некоторую нерешительность, прежде чем направился к старейшинам: «Ты зашла бы лучше в дом — на всякий случай». В результате Шайне пришлось стоять у окна в парадной гостиной и наблюдать за переговорами брата и кочевников, обступивших его полукругом на лужайке.

Кельсе возвращался намного быстрее, чем уходил. Шайна выбежала навстречу: «Что случилось?»

«Придется лететь на север. Нужна вместительная скоростная машина — отцовский „Стандарт“, наверное, подойдет. Загвитц получил сообщение от Кургеча. Мысленное сообщение, разумеется. Но смысл ясен: Кургеч попал в беду».

У Шайны сжалось сердце: «Ао знают, что случилось? Где? Почему?»

«Никогда нельзя сказать определенно, что именно знают ульдры. Они хотят, чтобы я немедленно отвез их в Вольводес».

«А Джерд и Эльво? Что с ними?»

«Про них ао ничего не сказали».

«Я поеду с тобой».

«Нет. Это опасно. Буду под держивать связь — по радио».

В полночь аэромобиль вернулся. Кельсе привез Кургеча, Джерда Джемаза и Эльво Глиссама — последний лежал без сознания на импровизированных носилках из ветвей джинкго. Кельсе уже ввел Глиссаму дезинфицирующий препарат общего назначения и болеутоляющее средство из походной аптечки. Джерд Джемаз и Кургеч перенесли раненого в лазарет, где Космо Брасбейн,

заранее вызванный санитар, обслуживавший поместье, снял с Глиссама одежду и занялся дальнейшим лечением.

Кургеч собирался уходить. Джемаз окликнул его: «Куда ты?»

«Это Рассветная усадьба, и мне не пристало нарушать ваши традиции», — серьезно объяснил ульдра.

Джемаз возразил: «Мы с тобой прошли через огонь и воду. Если бы не ты, нашими трупами уже кормились бы ящерицы Вольводеса. Все, что дозволено мне, дозволено тебе».

Глядя на Джемаза, Шайна почувствовала почти головокружительную волну теплоты: ей хотелось смеяться, ей хотелось плакать! Конечно, как она не догадалась раньше! Она любила Джерда Джемаза! Предрассудки и недопонимание не позволяли ей осознать очевидный факт. Джерд Джемаз — настоящий человек из Алуана. Она, Шайна Мэддок — девушка на выданье из Рассветного поместья. Эльво Глиссам? О нет, никоим образом.

«Джерд совершенно прав, — сказал Кельсе обычным ворчливым тоном, в котором только Шайна, пожалуй, могла различить некоторую борьбу внутренних противоречий. — В таких

обстоятельствах формальности неприменимы».

Кургеч покачал головой и, хотя на его морщинистом лице появилось некое подобие улыбки, отступил на шаг: «Экспедиция закончена. Обстоятельства снова таковы, какими они были всегда. Мы живем по-разному, потому что мы разные люди. Так и должно быть».

Шайна подбежала к старому кочевнику: «Кургеч, нельзя же всегда быть таким важным и серьезным! Останься с нами. Я хочу, чтобы ты остался. Ты, конечно, голоден — а у меня уже все приготовлено».

Кургеч направился к двери: «Благодарю вас, леди Шайна, но вы — пришлая, а я — ульдра. Для всех будет лучше, если я проведу эту ночь со своими соплеменниками». Кочевник удалился.

Наутро Эльво Глиссам, с забинтованным плечом и левой рукой в косыночной повязке, явился к завтраку, когда все уже собрались и оживленно болтали. Каждый чувствовал эмоциональное опустошение, смешанное с каким-то искусственным, почти эйфорическим возбуждением, в связи с чем имел место обмен всевозможными замечаниями и мнениями, от которых в другой ситуации собеседники, пожалуй, воздержались бы.

Разговор быстро перескакивал с одной темы на другую. Ослабевший, но все еще изумленный Эльво Глиссам поведал свою версию событий, происходивших на протяжении последних двух недель. От него Шайна и Кельсе смогли узнать гораздо больше подробностей, чем удавалось вытянуть из несловоохотливого Джемаза.

Шайна растерянно взялась за голову: «Что же так позабавило отца? Пока что я не слышала ничего смешного».

«У отца было странное чувство юмора, — заметил Кельсе. — Если оно у него вообще было».

«Чувство юмора у него должно было быть! — заявил Эльво Глиссам. — Все, что я слышал о Ютере Мэддоке, свидетельствует о выдающихся умственных способностях, а интеллект и чувство юмора — две вещи нераздельные».

«Что же тогда? — не отставала Шайна. — В чем состоит знаменитая шутка?»

«Не мне судить. Я еще не разобрался во всем, что видел».

Покосившись на Джемаза, Шайна успела заметить скользнувшую по его лицу и тут же исчезнувшую тень улыбки. По меньшей мере, так ей показалось. Она вперила в него указательный палец: «Джерд! Ты что-то знаешь!»

«Только догадываюсь».

«Так расскажи нам! Пожалуйста!»

«Нужно подумать. Еще не ясно, шутка это или трагедия».

«Расскажи! А мы уж как-нибудь решим, что к чему».

Джемаз начал было говорить, но прервался на полуслове и колебался слишком долго. Вместо него заговорил Глиссам, почти опьяненный невероятным спасением: «Шутка или нет, но святилище — потрясающее открытие! Названия „Рассветная усадьба“, „Вольводес“ и „Аль-Фадор“ станут знамениты, как Гомаз и Садхарра! О них будут говорить все археологи и ксеноэтнологи Ойкумены. В Аль-Фадор из Оланжа будут летать рейсовые аэробусы с туристами и экскурсоводами!»

«Мы могли бы построить отель и сделать большие деньги», — предложила Шайна.

«Что бы мы стали делать с большими деньгами? — как всегда, брюзжал Кельсе. — У нас и так все есть».

«До тех пор, пока у нас не отнимут усадьбу».

«А кто у нас отнимет усадьбу? Дума, что ли?»

«Дума».

«Еще чего!»

«А я хотела бы сделать большие деньги. Нам нужен приличный аэромобиль. „Стюрдевант“ разбился. Давайте купим новый „Стюрдевант“».

Кельсе прокашлялся: «Чем ты собираешься за него платить? Знаешь, сколько стоит хорошая машина?»

«Подумаешь! Что такое деньги? Организуем экскурсии в Аль- Фадор для инопланетян. И не забудь — отель в живописном алуанском поместье на полпути из Оланжа!»

Эльво Глиссам задумчиво спросил: «Ущелье, где мы нашли святилище, официально находится в Пальге? Или это уже Вольный Алуан?»

«Я задавал себе этот вопрос, — встрепенулся Джерд Джемаз. — Каньон пересекает юго-западную окраину Вольводеса. В принципе это уже племенные земли ао, то есть Рассветное поместье».

«Тогда нет проблем! — воскликнул Глиссам. — Вам принадлежит великолепный исторический памятник, и у вас есть полное право построить отель не только здесь, но и в Аль-Фадоре!»

«Не торопитесь, — осадил его Кельсе. — Дума и раскрепостители придерживаются того мнения, что нам принадлежит, в лучшем случае, только одежда на наших плечах. Кто прав?»

«Согласен, этот вопрос нуждается в изучении, — остыл Эльво Глиссам. — Тем не менее, несмотря на то, что я — раскрепоститель, я желаю только всего самого наилучшего моим друзьям в Рассветной усадьбе».

«Странно, что ао ничего не знают про святилище! — вмешался Джерд Джемаз. — Я проверял по карте — каньон несомненно находится на их территории».

«Недалеко от границы Вольных земель, однако, — заметил Кельсе. — Может быть, гарганчам что-нибудь известно».

«Ага! — Шайну осенило. — Все понятно! Джорджол узнал про святилище. Он сам хочет построить там отель, а для этого ему нужно выгнать нас из Рассветного поместья».

«С него станется», — без тени иронии отозвался Кельсе.

«Ты несправедлив к бедному Кексику, — обиделась Шайна. — На самом деле он очень простой, прямой, откровенный человек. Я его хорошо понимаю».

«Ты одна его понимаешь. Других таких нет», — съязвил Кельсе.

«Позвольте мне также с вами не согласиться, — обратился к Шайне Глиссам. — Джорджол

— очень сложная, противоречивая личность. Таково неизбежное следствие его воспитания. Рассмотрите его с точки зрения профессионального психолога. Кто он? Одновременно и пришлый, и ульдра. В одном уме сосуществуют две несовместимые системы ценностей. Как только ему в голову приходит та или иная мысль, ей навстречу возникает опровержение. Удивительно, что ему вообще удалось как-то устроиться в жизни».

«Никакой загадки в этом нет, — проворчал Кельсе. — Пришлый он или ульдра, внешне или внутренне, прежде всего и в конечном счете Джорджол — эгоист, каких мало. Он с легкостью меняет роли в зависимости от того, какая личина выгоднее в данный момент. Теперь он, видите ли, крутой разбойник-гарганч, сорвиголова, хвастливый Серый Принц! А понимаете ли вы, что именно он, скорее всего, пилотировал спиранью, сбившую моего отца? И наш „Апекс“ в придачу!»

Шайна окончательно возмутилась: «Какая чушь! Как ты можешь говорить такие вещи! Ты же его знаешь. Он гордый, доблестный Кексик. Как у тебя язык поворачивается изображать его бессердечным убийцей? Это совершенно невозможно!»

Кельсе не сдавался: «В представлении гарганча

бессердечная расправа только прибавляет убийце гордости и доблести».

«Ты всегда был несправедлив к Джорджолу, — поставила диагноз Шайна. — Его „гордость и доблесть“ — называй это как хочешь! — спасли тебе жизнь, между прочим. По меньшей мере, его храбрость заслуживает уважения».

«Пусть так, — согласился Кельсе. — Но я вовсе не уверен в том, что он неспособен на предательство».

Шайна рассмеялась: «А кому он присягнул в верности? И почему бы он стал это делать? В любом случае, у меня нет никаких причин в чем-либо его подозревать».

«Разумеется, нет. Ты же в него влюбилась, помнишь?»

Шайна терпеливо вздохнула: «Точнее было бы назвать это мимолетным детским увлечением».

«Значит, отец был так-таки прав, когда отправил тебя освежить голову на Танквиль!»

Шайне стоило больших усилий не продолжать ссору с братом на людях. Она ответила тихо и, как она надеялась, достаточно разумно: «Отец руководствовался лучшими побуждениями. Он предоставил Кексику большие возможности, но в определенных пределах. Естественно, возмуще-

ние ограничениями заставило Кексика забыть о благодарности. А как иначе? Представь себя на его месте. Наполовину член семьи, наполовину найденыш-оборванец, босяк, доедающий оставленное хозяевами на кухне. В детстве перед ним, как конфета в блестящей обертке, висела приманка благополучия. Ему дали ее потрогать, попробовать. Но в конечном счете благополучие досталось другим».

Эльво Глиссам отважился пошутить: «Надеюсь, что конфетой под оберткой были не вы!»

Шайна подняла брови и отвернулась с подчеркнутой холодностью. Замечание Глиссама показалось ей пошлым — учитывая тот неизвестный большинству присутствующих факт, что непосредственно после спасения Кельсе из когтей эрджина Шайна позволила-таки Джорджолу «потрогать и попробовать конфету» в гораздо большей степени, чем она готова была признаться. Обнаружение ее похождений и послужило причиной вспышки гнева Ютера Мэддока, отправившего Джорджола пасти свиней, а Шайну — набираться ума в тридцати пяти световых годах от Корифона.

«Это было давно, — ровным голосом сказала Шайна и поднялась на ноги. — Я устала от бол-

товни».

Глава 12

В сопровождении младшего брата Адара, двух двоюродных братьев и племянника Джерд Джемаз вылетел в Пальгу на видавшем виды «Стандарте» и приземлился там, где сухое море сорайи разбивалось о подножие Вольводеса. Парусный йол никто не тронул. Джерд и Адар Джемазы с племянником отправились на восток под парусами, а их кузены потихоньку летели над ними в аэромобиле.

Подгоняемый попутным ветром, к вечеру резвый йол уже доставил их на станцию № 2. Джерд Джемаз уплатил за аренду парусного фургона и проверил состояние остававшегося на стоянке воздушного седана «Дэйси». В этом случае отвороты Моффамеда оказались достаточно эффективными. Моффамеда замещал новый жрец — сухопарый молодой человек с горящими глазами и нервно дрожащими тонкими губами. Напряженно наблюдая за приезжими, жрец не вымолвил ни слова. «Надо полагать, Моффамед уже занял более высокое положение под сенью Аллубанского леса», — с мрачной иронией подумал Джемаз, но решил не расспрашивать

молодого жреца, подчеркнуто державшегося поодаль и бросавшего гневные взгляды исподлобья.

Как только Джерд Джемаз вернулся в Суанисет, из Рассветного поместья сообщили о небывалом вторжении дикарей Вольного Алуана. В совместном набеге участвовали четыреста с лишним отборных воинов — хунгов, гарганчей, аулков и дзеффиров: обстоятельство само по себе поразительное, учитывая извечную и непримиримую вражду этих племен. Разведчики-ао вступили в разрозненные стычки с наездниками, но отступили перед явно преобладающими силами противника. Разбойники двинулись к Золотистому озеру, где обнаружили и осквернили три качембы ао.

Кельсе немедленно передал по радио призыв к оружию, и новоиспеченный «Орден защитников Уайи» оказался вынужден драться, еще не будучи формально учрежден. В Рассветное поместье слетелась разношерстная эскадра из примерно шестидесяти наспех экипированных летательных аппаратов — грузовых, пассажирских и спортивных аэромобилей, транспортеров и даже инспекционных дрифтеров — от двух до восьми человек в каждом. Импровизированная

воздушная армада двинулась в направлении Золотистого озера, где выяснилось, что ульдры-налетчики уже отступали по скалистой пустоши к западу от водоема. Помещики открыли беспорядочный огонь из ружей и лучевых орудий — ульдры рассыпались во все стороны. Целиться с воздуха в наездников на рыскающих эрджинах очень трудно, и ульдрам удалось скрыться, понеся лишь минимальные потери. Между тем из-за облаков на помещичий воздушный флот ринулись два десятка спираний, и во мгновение ока дюжина аэромобилей, выведенных из строя, рухнула на землю. Прежде чем эскадра успела нанести ощутимый ответный удар, спираньи упорхнули, растворившись в тучах над западным горизонтом.

Угрюмые и подавленные, защитники частной собственности подобрали соратников, искалеченных и оглушенных крушениями, и разъехались по своим поместьям. Первая совместная вылазка пришлых оказалась безрезультатной — дикари нанесли им поражение, применив более успешную тактику.

Самые влиятельные землевладельцы собрались в Рассветной усадьбе, чтобы обсудить безрадостные события дня. Самонадеянность

привела их в западню — их обвели вокруг пальца, заставили дорого заплатить за тщеславие.

Домине Эрван Коллод, тучный помещик с довольно-таки высокопарными манерами (Шайна всегда его недолюбливала), оказался в числе ополченцев, сбитых спираньями. Толстяк отделался легким сотрясением мозга и множеством ушибов, но перенесенное унижение возбудило в нем жажду мщения: «Ни о каком мирном сосуществовании не может быть и речи, пока мы не переломим хребет альянсу вольных племен! Необходимо внушить им ужас — так, чтобы ни одному ульдре больше никогда не приходила в голову мысль о нападении на поместья!»

«Боюсь, никакой возможности их усмирить не существует, — с мрачной иронией отозвался домине Иорис. — Сколько тысяч лет ульдры режут друг другу глотки? Кровожадность у них в крови».

«Тем не менее, они не смеют заходить слишком далеко и никогда не перегибают палку, — заявил домине Коллод. — Уничтожим их стада, отравим их колодцы — ульдрам придется уступить!»

«Предлагаемая тактика не представляется мне эффективной, — терпеливо возразил домине Йорис. — Серокожие умудряются выживать за счет

охоты и собирательства в самых засушливых районах, и все наши усилия пропадут втуне».

«Прежде всего следовало бы предъявить формальные претензии, — вмешался Джемаз. — В принципе, Вольный Алуан находится под покровительством Думы, и мы должны потребовать от Думы, чтобы та установила контроль над своими иждивенцами».

Домине Коллод презрительно фыркнул: «И что это даст? Думой заправляют раскрепостители! Вы забыли их манифест?»

Кельсе тоже не согласился: «Нельзя объявить независимость и сразу же просить о помощи».

«Я не предлагаю ни о чем просить, — настаивал Джемаз. — Достаточно официального уведомления, направленного одним правительством суверенной страны другому. Я известил бы Думу о том, что вольные ульдры наносят ущерб не только нам, но и договорным племенам, находящимся под нашей защитой, и что в том случае, если Дума не способна удержать своих подопечных, нами будут приняты решительные меры — вплоть до оккупации Вольного Алуана и введения военного положения на всей его территории. Затем, если Дума по-прежнему не пошевельнет пальцем, а мы начнем военные действия, раскрепостители

не смогут утверждать, что их не предупредили. В конечном счете, если нам так-таки придется усмирять гарганчей, по меньшей мере у нас будут для этого законные основания».

«Какое дело гарганчам до законных оснований? — ворчал домине Коллод. — Для ульдры право всегда на стороне сильного».

Шайна не могла сдержать язвительную усмешку: «Я предпочла бы не лицемерить — хотя бы для того, чтобы над нами не смеялись. Двести лет помещики распоряжались по праву сильного, и теперь, когда перевес на другой стороне, нам не подобает вспоминать о моральных устоях».

«Лицемерие тут ни при чем, — отозвался Джемаз. — В любом конфликте слабая сторона терпит поражение. Не требуя от противника того, чего я не требую от себя, я предпочитаю быть победителем, а не побежденным».

«Многое зависит от того, насколько требовательны к себе твои союзники», — заметила Шайна, покосившись на Коллода.

«Джемаз, несомненно, прав, — сказал домине Йорис. — Для того, чтобы обосновать нашу позицию, необходимо прежде всего уведомить Думу».

«Так и сделаем, сию же минуту, — кивнул домине Тэйнет из Балабара. — Наше собрание

трудно назвать полномочным законодательным органом, но против выполнения нами этой конкретной функции, я думаю, никто возражать не станет».

Помещики перешли в соседний кабинет. Кельсе вызвал по телефону Палату Хольруда в Оланже. На экране появилось лицо секретаря. Кельсе представился: «Вас беспокоит домине Кельсе Мэддок. Я представляю временный исполнительный комитет „Ордена защитников Уайи“. Хотел бы передать важное сообщение председателю Думы».

«Пост председателя Думы, домине Мэддок, в настоящее время занимает домине Эррис Замматцен. Он у себя в управлении, и охотно вас выслушает».

Экран мигнул — появилась физиономия Замматцена: «Кельсе Мэддок? Мы встречались на вилле Мирасоль».

«Совершенно верно. Я звоню вам по делу официального характера — возобновить знакомство мы сможем в другой раз. Выступая от имени временного исполнительного комитета „Ордена защитников Уайи“, считаю своим долгом уведомить вас о том, что многочисленный отряд ульдр из племен Вольного Алуана, формально

находящихся под опекой Думы, вчера совершил разбойничий набег на наши земли — в частности, на территорию Рассветного поместья, — сопровождавшийся убийствами и актами вандализма. Мы вынудили агрессоров отступить, и теперь ожидаем от Думы предотвращения любых подобных вылазок в дальнейшем».

Эррис Замматцен немного помолчал, после чего произнес: «Подобные набеги, если они действительно имели место, непростительны, и заслуживают самого серьезного отношения».

«Если они имели место? — гневно переспросил Кельсе. — Как это понимать? Разумеется, они имели место! Я только что сообщил вам об этом».

Замматцен приподнял руку: «Прошу вас, домине Мэддок, не нужно раздражаться. Как частное лицо, я безусловно вам доверяю. В качестве председателя Думы, однако, я обязан подходить к делу с подобающей моей должности ответственностью и осторожностью».

«Не вижу, почему бы должность позволяла вам сомневаться в моих словах. „Орден защитников Уайи“ уведомляет вас, в моем лице, что эти набеги имели место, и требует, чтобы вы обеспечили их полное прекращение. В противном случае мы будем вынуждены обороняться самостоятельно».

Эррис Замматцен придал своему голосу весомую назидательность: «Приходится обратить ваше внимание на необходимость учитывать определенные обстоятельства. Прежде всего, не забывайте, что Дума — правительственный орган, представляющий все население Корифона и, следовательно, обязанный защищать интересы всего населения. В Алуане пришлые составляют меньшинство даже на территории так называемых поместий, в связи с чем помещики не могут притязать ни на какую-либо автономию, ни на какие-либо далеко идущие представительные полномочия. Кроме того, разрешите напомнить вам о недавно опубликованном Думой указе, предписывающем реорганизацию пресловутых „поместий Корифона“. Мы до сих пор не получили никакого подтверждения вашего ознакомления с этим указом».

Чувствуя, что вспыльчивый Кельсе готов разразиться проклятиями, домине Йорис выступил вперед: «Упомянутые вами вопросы спорны и подлежат дальнейшему обсуждению. Мы надеемся на то, что они могут быть решены без применения насилия. Ваши замечания, однако, не служат официальным подтверждением получения уведомления, только что представ-

ленного на ваше рассмотрение домине Кельсе Мэддоком».

«Такое подтверждение невозможно, — отозвался Замматцен, — потому что Дума не признаёт предпосылки, на которых основано ваше уведомление. Более того, мы получили сведения, противоречащие вашим заявлениям, в связи с чем я приказываю вам воздержаться от любых дальнейших действий, враждебных по отношению к племенам Вольного Алуана».

Кельсе издал сдавленный возглас, выражавший одновременно изумление и раздражение: «Таким образом, вы подвергаете сомнению достоверность моего сообщения?»

«Ничего подобного. Я всего лишь констатирую тот факт, что Думой получены противоречащие сведения».

Домине Йорис снова вмешался в разговор: «В таком случае мы предлагаем вам посетить Рассветное поместье и провести расследование самостоятельно. После того, как достоверность нашего извещения будет подтверждена вами лично — в чем я не сомневаюсь, — вы сможете принять надлежащие меры в отношении племен Вольного Алуана, пользуясь предоставленными вам полномочиями».

Эррис Замматцен размышлял секунд тридцать: «Хорошо, я проведу такое расследование — вместе с моими коллегами. Тем временем я попросил бы вас воздержаться от любых дальнейших нападений или актов возмездия. Другие стороны, участвующие в конфликте, получат от меня сходные указания».

На лице домине Йориса появилась холодная натянутая улыбка: «Мы будем очень рады принять у себя депутатов Думы и выработать соглашение, устраивающее все заинтересованные стороны. С нашей точки зрения, чем скорее это произойдет, тем лучше. Тем временем, хотя мы не признаём за вами право давать нам какие-либо указания или даже рекомендации, мы постараемся воздерживаться от нападения на племена Вольного Алуана, ограничиваясь исключительно обороной нашей суверенной территории».

«Когда следует ожидать вашего прибытия в Рассветное поместье?» — спросил Кельсе.

«Послезавтра — если ни у кого нет возражений».

Глава 13

Помещики, за исключением Джерда Джемаза, разъехались по домам. Ночь опустилась на Алуан. Шайна вышла посидеть на лужайке перед парадным входом, откуда открывался вид на озаренную звездами панораму окрестностей. Мысленные узлы начинали распускаться, внутренние противоречия разрешались сами собой — простейшим образом.

Шайна любила Рассветную усадьбу. Таков был элементарный факт, часть бесспорной действительности. Рассветная усадьба, с ее историей и традициями, дышала своей трепетной жизнью. Усадьба была организмом, жадно стремившимся не погибнуть. Если Шайна собиралась жить в Рассветной усадьбе, ей надлежало ее защищать. Если же она сочувствовала делу, враждебному усадьбе, ей надлежало покинуть ее и обосноваться в другом месте — что, разумеется, немыслимо.

Шайна вспомнила Эльво Глиссама и улыбнулась. Сегодня, когда помещики улетели наказывать разбойников, Глиссам уговаривал ее уехать в Оланж и вступить с ним в брак, на что Шайна ответила бесцеремонным, почти рассеянным

отказом. Эльво смирился с ее приговором без удивления и выразил намерение вернуться в Оланж как можно скорее. «Ну и ладно, — подумала Шайна. — Жизнь продолжается».

Она вернулась в дом. В кабинете еще горел свет: вечерняя беседа Джерда Джемаза и Кельсе затянулась. Шайна поднялась по лестнице в свою спальню, выходившую на западную веранду.

Шайна проснулась. В глубоком мраке ночи не было ни голосов, ни шорохов. И все же что-то разбудило ее.

Мягкий, тихий стук в дверь.

Шайна сонно выбралась из постели, прошла, спотыкаясь, к двери и распахнула ее. На веранде ее ждала высокая фигура — тень темнее ночи. Шайна мгновенно узнала гостя, и сонливость сняло как рукой. Она включила свет в спальне: «Джорджол! Что ты тут делаешь? Как ты сюда попал?»

«Я пришел к тебе».

Шайна в замешательстве выглянула наружу, на темную веранду: «Кто тебя впустил?»

«Никто, — Джорджол бесшумно усмехнулся. — Я взобрался по угловой колонне — как в старые добрые времена».

«Ты с ума сошел! Зачем ты это сделал?»

«Неужели не понятно?» — Джорджол уже подался вперед, очевидно намереваясь зайти в спальню, но Шайна выскользнула мимо него на веранду.

Глухая ночь, полная тишина. Усеянные белыми цветами гирлянды арабеллы, вьющейся по колоннам на крышу, распространяли приторное благоухание.

Джорджол подошел чуть ближе — Шайна отступила к балюстраде. В темноте можно было различить только дрожащие блестки отражений звезд в Коростельном пруду. Джорджол обнял Шайну за талию и наклонил голову, чтобы поцеловать ее. Шайна отвернулась: «Джорджол, перестань! Все это ни к чему. Совершенно не понимаю, зачем ты сюда явился. Уходи — так будет лучше для всех, честное слово».

«Ну что ты, что ты ломаешься? — шептал Джорджол. — Ты меня любишь, я тебя люблю: так всегда было, всю жизнь, и теперь нам уже никто не помешает!»

«Нет, Джорджол, все не так просто. Я не та, что была пять лет тому назад, ты тоже не тот».

«Да, мы не те, что прежде! Я возмужал, стал влиятельным человеком! Пять лет я страдал по тебе, мечтал о тебе, а с тех пор, как увидел тебя в

Оланже, ни о чем другом уже не думаю».

Шайна с трудом рассмеялась: «Очнись, Джорджол! Уходи. Вернешься завтра утром — мы будем рады тебя принять».

«Ха! Меня выгонят! Мы теперь враги — разве ты забыла?»

«Что ж, тогда тебе придется исправиться и впредь вести себя хорошо. А теперь — спокойной ночи. Я пойду спать».

«Нет! — Джорджол говорил с горячечной серьезностью. — Послушай меня, Шайна! Уезжай со мной, живи со мной! Шайна, девочка моя дорогая! Тебе нельзя оставаться с напыщенными тиранами-помещиками, ты не такая! Отважная душа, живи со мной, на свободе! Мы — вольные птицы, мы будем счастливы, у нас будет все, чего ты пожелаешь, все, что есть в этом мире! Ты не помещица, здесь тебе не место — ты это знаешь лучше меня!»

«Джорджол, ты жестоко ошибаешься! Здесь мой дом, и я к нему привязана всем сердцем».

«Но ко мне ты привязана больше? Ты меня любишь? Скажи мне, Шайна, скажи, драгоценная моя!»

«Я не люблю тебя, совсем не люблю. Раз уж на то пошло, и люблю другого».

«Кого? Глиссама?»

«Конечно, нет!»

«Значит, Джемаза! Скажи! Так ведь?»

«Разве это не мое личное дело, Кексик?»

«Не зови меня Кексиком! — Джорджол напрягся, повысил голос. — И это не только твое дело, потому что ты мне нужна, я тебя хочу! Джерд Джемаз — твой новый любовник! Ты этого не отрицаешь. Значит, это так!»

«Нет у меня никаких любовников, Джорджол, ни новых, ни старых! И отпусти меня, пожалуйста!» — возбужденный Джорджол схватил ее за руки.

Джорджол хрипло шептал: «Прошу тебя, Шайна, дорогая моя, скажи, что это неправда, что ты меня любишь!»

«Мне очень жаль, Джорджол, но это правда, и я тебя не люблю. А теперь спокойной ночи. Мне пора спать».

Джорджол издал короткий противный смешок: «Что ты думаешь, я смирюсь с поражением? Вот так просто? Будто ты меня не знаешь! Я пришел забрать тебя, и заберу — ты уедешь со мной. Ничего, стерпится — слюбится. Смотри, не дерись, хуже будет!»

Шайна отпрянула, испуганная и растерян-

ная, но пальцы Джорджола обхватили ее кисти железными тисками. Шайна набрала воздуха, чтобы закричать. Одна ладонь с длинными пальцами схватила ее за горло, другая, сжавшись в кулак, быстрым ловким движением ударила ее в солнечное сплетение — у Шайны потемнело в глазах, она задыхалась, колени ее подогнулись… Кто-то зажег фонари под навесом веранды. Шайна почувствовала суматоху быстрых движений; раздался низкий возглас, полный досады и смятения.

Пошатываясь, Шайна отступила на несколько шагов и прислонилась к стене. Джорджол лежал, согнувшись пополам, спиной к балюстраде. У него на бедре поблескивали ножны, из-за кушака выглядывала костяная рукоятка пистолета. Рука Джорджола дрогнула, потянулась к пистолету. Джерд Джемаз шагнул вперед, пнул Джорджола в руку — пистолет с тяжелым стуком откатился по настилу веранды. Шайна торопливо нагнулась и подобрала пистолет; лицо ее горело от смущения: неужели Джемаз все слышал?

Трое стояли без движения: бледный Джорджол, раздираемый противоречивыми страстями; мрачный, стреляющий глазами исподлобья Джемаз; Шайна, наэлектризованная отвратительно

приятным волнением. Джорджол повернулся к Шайне — ей показалось, что в диковатом лице с округлившимися глазами она узнала мальчишеские черты Кексика.

«Шайна, милая Шайна! Ты уедешь со мной?»

«Нет, Джорджол, конечно нет! Об этом не может быть и речи. Я не ульдра, мне становится плохо при одной мысли о кочевой жизни».

Из груди Джорджола вырвался мучительный, срывающийся возглас, крик души: «А! Ты такая же, как все пришлые!»

«Надеюсь, что нет. Я просто такая, какая есть».

Джорджол гневно выпрямился: «Заклинаю тебя жизнью твоего брата, которую я спас! Это семейный долг чести, в его уплате отказать нельзя!»

Со стороны Джемаза послышался странный звук — сдавленное, заикающееся начало фразы, застрявшей на языке и не находящей выхода. Наконец, Джемаз проговорил: «Хочешь, чтобы я сказал правду?»

Джорджол моргнул, наклонил голову набок: «Какую такую правду?»

«С твоей стороны было бы лучше всего извиниться перед леди Шайной, заверить ее в том, что никакого обязательства не существует, и удалиться подобру-поздорову».

Джорджол ответил каменным тоном: «Долг существует, и я требую, чтобы она его уплатила».

«Долг не существует и никогда не существовал. Когда эрджин напал на Кельсе, ты взобрался на скалу и наблюдал за тем, как зверь разрывает Кельсе на куски. Когда ты заметил, что подбегает Шайна, ты прицелился и пристрелил эрджина сверху, спрыгнул туда, где лежал Кельсе, и притворился, что участвовал в потасовке — ты успел даже вымазаться кровью Кельсе. Но ты не пытался его спасти. Пока хищник его калечил, ты спокойно стоял и смотрел».

«Ложь! — прошептал Джорджол. — Тебя там не было».

От Джемаза веяло морозом, как от формулы, описывающей закон природы: «Там был Кургеч. И он все видел».

Сжав кулаки и зажмурив глаза, Джорджол взвыл от отчаяния — неожиданно певучим контральто. Подбежав к углу веранды, он перемахнул через балюстраду и был таков.

Шайна обернулась к Джемазу и с ужасом спросила: «Это правда?»

«Правда».

«Не может быть, — бормотала Шайна, вспоминая давно минувшие дни. — Это невозможно себе

представить, такого не бывает...» Движением естественным, как порыв ветра под звездным куполом небес, Шайна с рыданиями упала в объятия Джемаза, прижавшись к его груди.

На веранду медленно поднялся Кельсе. «Это правда, — сказал он. — Я слышал ваш разговор. Я подозревал это пять долгих лет. Всю свою жизнь он нас люто ненавидел. В один прекрасный день я его убью».

Глава 14

В черном с серебряными обводами воздушном лимузине «Эллюкс» делегация нотаблей Думы прибыла в Рассветное поместье. Эрриса Замматцена и шестерых его спутников встречал в полном составе руководящий комитет «Ордена защитников Уайи»: девять помещиков, избранных и уполномоченных посредством проведения поспешного телефонного референдума среди владельцев Договорных земель.

Домине Йорис выступил с суховатой приветственной речью, призванной придать встрече официальную окраску прежде, чем будут выдвинуты какие-либо возражения. По той же причине помещики явились в церемониальных одеждах и головных уборах с геральдическими знаками. Напротив, одежда нотаблей была почти демонстративно повседневной.

«„Орден защитников Уайи“ рад возможности принять нотаблей в Рассветном поместье, — произнес домине Иорис. — Мы искренне надеемся на то, что предстоящее совещание будет способствовать устранению недоразумений, осложняющих отношения наших суверенных общин. Мы рас-

считываем также на то, что ваш подход к обсуждению этих вопросов будет конструктивным и реалистичным. Со своей стороны, мы стремимся к тесному сотрудничеству с руководством Сцинтарре и к дальнейшему укреплению дружеских связей с этим континентом».

Замматцен рассмеялся: «Домине Йорис, благодарю вас за гостеприимство. Как вы хорошо понимаете, я не могу принять подразумеваемые вами допущения или даже отнестись к ним серьезно. Мы приехали, чтобы познакомиться с местными условиями и получить сведения, которые позволили бы нам осуществлять управление вашим регионом с учетом интересов большинства населения, заручившись, в конечном счете, если не поддержкой, то по меньшей мере пониманием необходимости со стороны меньшинств».

«Наши позиции, возможно, не столь несовместимы, как может показаться на первый взгляд, — ответил домине Йорис, не проявляя ни малейших эмоций. — Предлагаю немного подкрепиться — домине Мэддок позаботился о закусках и напитках. Затем, когда вы сочтете это своевременным, мы сможем продолжить обсуждение интересующих нас проблем в парадной столовой».

Примерно полчаса две группы обменивались осторожными комплиментами на лужайке с западной стороны усадьбы, после чего удалились в парадную столовую. Официальные костюмы членов руководящего комитета соответствовали благородному убранству помещения, величественности его пропорций, изысканности старого резного дерева. Кельсе усадил нотаблей с одной стороны длинного стола, а членов руководящего комитета — с другой.

Эррис Замматцен напористо взял на себя роль координатора встречи: «Не буду делать вид, что мы прибыли сюда с какой-либо иной целью, кроме той, которая очевидна для всех. Дума — единственное административное учреждение на Корифоне. Нотабли непосредственно представляют население Сцинтарре; в то же время Дума — форум, призванный защищать интересы жителей Уайи. Ульдры находятся под нашей благотворительной опекой. Поместья Алуана также контролируются Думой на основании формальных протоколов и устоявшихся традиций. Обитателям Алуана предоставляется право подачи петиций и апелляций. Как вам известно, мы сочли своим долгом издать указ, с положениями которого вы, без всякого сомнения, уже успе-

ли познакомиться, — теперь Эррис Замматцен многозначительно выделял каждое слово. — Мы не можем примириться с непокорностью нескольких сотен упрямцев, желающих во что бы то ни стало сохранить аристократические преимущества, не принадлежащие им по праву; дальнейшее сопротивление недопустимо. В Алуане давно уже пора создать более естественное и справедливое общественное устройство. Обязан напомнить вам о том, что абсолютная единоличная власть помещиков, достигнутая насилием и принуждением и распространяющаяся на огромные территории, отныне отменяется. Теперь власть принадлежит коренным племенам, являющимся исконными и правомочными владельцами земель. Мы не желаем подвергать кого-либо лишениям или преследованиям и сделаем все возможное для обеспечения упорядоченной передачи власти».

Домине Иорис ответил со свойственной ему безмятежностью: «Мы отвергаем ваш указ. По всей видимости, он был издан исходя из альтруистических побуждений, что делает вам честь. Тем не менее, он содержит ряд доктринерских, практически нецелесообразных допущений. Позвольте указать на тот факт, что возмож-

ность самоопределения является неотъемлемым правом любой общины, независимо от ее многочисленности, если устои этой общины в целом соответствуют Хартии Ойкумены. Наши устои согласуются с принципами Хартии, и мы претендуем на право самоопределения. Вы можете возразить, заявив, что наше самоопределение приводит к ущемлению прав коренных племен. Это возражение легко опровергнуть. Преимущества, которыми пользуются благодаря нам коренные кочевые племена, не существовали в прошлом и позволяют им вести оптимальное с их точки зрения существование. Наши плотины, водохранилища и ирригационные системы гарантируют договорным ульдрам и их стадам круглогодичный доступ к питьевой воде. Когда ульдры нуждаются в деньгах на покупку импортных изделий, им предоставляется возможность временного или постоянного трудоустройства, по их усмотрению. Их свобода передвижения неограничена, они могут пересекать любые земли, кроме нескольких акров, непосредственно прилегающих к усадьбам. Таким образом, по существу, одна и та же территория эффективно и взаимовыгодно используется представителями двух общин и двух культур. Мы никого не эксплу-

атируем; мы прибегаем к принуждению только в целях самообороны и защиты наших союзников из договорных племен. Мы оказываем ульдрам медицинскую помощь; время от времени мы выполняем правоохранительные функции, хотя это случается очень редко, так как племена, как правило, самостоятельно наказывают преступников по своим законам. Мы считаем, что Дума введена в заблуждение и приняла опрометчивое решение под влиянием так называемых „раскрепостителей“, жонглирующих абстрактными понятиями и забывающих о фактах. Спрашивается: какую пользу может принести ваш указ? Никакой. Что он дает ульдрам — кроме того, что у них уже есть? Ничего. Но принуждение к выполнению вашего указа нанесло бы ущерб и кочевникам, и нам. Ваша законодательная деятельность, если бы она имела какие-нибудь последствия, давно уже навлекла бы на нас беду. Единственное достоинство Думы заключается в том, что ее можно игнорировать».

Со встречным возражением выступила Аделис Лам, тощая нервозная дама с костлявым лицом и бегающими глазами. Она говорила возбужденно и настойчиво, подчеркивая слова тычками указательного пальца в воздух: «Нельзя забы-

вать о происхождении права собственности и законности наследования. Домине Йорис употребил выражения „доктринерские допущения“ и „абстрактные понятия“ в уничижительном смысле. Должна заметить, что любое право, любые этические нормы, любая нравственность основаны на доктринах и абстрактных принципах, служащих эталонами для оценки конкретных ситуаций. Применяя чисто прагматический подход, мы остаемся без морального компаса и лишаемся устоев цивилизации; этика, выгодная власть имущим, навязывается насильно и становится средством порабощения. Поэтому в своих указах Дума руководствуется не столько сиюминутными практическими потребностями, сколько фундаментальными теоретическими представлениями. Одно из таких фундаментальных представлений заключается в том, что приобретенное силой или обманом, похищенное или незаконно конфискованное право собственности никогда не вступает в силу, независимо от того, сколько времени прошло после захвата собственности, будь то две минуты или двести лет. Правонарушение остается правонарушением, и нанесенный правонарушителем ущерб должен быть возмещен его потомками и наследниками

потомкам и наследникам потерпевшей стороны. Опять же, вы пренебрежительно отозвались о раскрепостителях. Я же, напротив, считаю, что раскрепостители заслуживают высочайшей похвалы за идеализм и энергию, позволившие им побудить нашу порой медлительную Думу к решительным мерам».

«Ваши замечания звучали бы убедительнее, — холодно вставил Джерд Джемаз, — если бы вы не были лицемерами, на каждом шагу попирающими…»

«Лицемерами? — вспылила Аделис Лам. — Домине Джемаз, меня поражает ваша неспособность выбирать выражения!»

Эррис Замматцен с укоризной произнес: «Я надеялся, что наше совещание обойдется без личных выпадов, угроз и оскорблений. Мне очень жаль, что домине Джемаз позволяет себе невоздержанность».

«Пусть обзывают нас, пусть оскорбляют! — воскликнула разгневанная Аделис Лам. — Наша совесть чиста, а именно этого они не могут сказать о себе!»

Джемаз спокойно выслушал ее, после чего продолжил: «Мое замечание — не личный выпад, а констатация факта, причем наглядно доказуе-

мого факта. Вы издаете законы, карающие наши воображаемые преступления, а тем временем допускаете на территории Сцинтарре и всего Вольного Алуана правонарушение, запрещенное на всех обитаемых планетах Ойкумены: рабство. Подозреваю, что по меньшей мере некоторые из присутствующих делегатов Думы — рабовладельцы».

Замматцен поджал губы: «Надо полагать, вы имеете в виду эрджинов. Вопрос о правах эрджинов еще не решен».

«Эрджины не относятся к числу разумных существ! — заявила Аделис Лам. — Их способности не соответствуют ни юридическому, ни какому-либо иному определению „разума“. Смышленые звери, не более того».

«Мы можем продемонстрировать обратное, устранив любые сомнения, — возразил Джемаз. — Прежде чем обвинять нас в абстрактных преступлениях, вам самим следовало бы не смотреть сквозь пальцы на заведомые правонарушения, совершаемые повсеместно и ежеминутно».

В голосе Замматцена появилась тревожная нотка: «Ваши аргументы достаточно убедительны, но их невозможно назвать неопровержимыми, если вы не предъявите фактические доказатель-

ства. А в вашей способности предъявить такие доказательства я сомневаюсь».

Аделис Лам протестовала: «Мы уклоняемся от обсуждаемого вопроса! Положение эрджинов не имеет никакого отношения к наследованию прав собственности в Алуане».

«У нас достаточно времени, — задумчиво сказал Замматцен. — Я был бы не прочь окончательно выяснить вопрос об эрджинах».

Известный сварливостью нотабль Таддиос Тарр пробурчал: «Если эрджины разумны, вся хваленая непредвзятость Думы не стоит ломаного гроша!»

Джерд Джемаз поднялся на ноги: «Думаю, мы сможем вас удивить».

Эррис Замматцен осторожно спросил: «Каким образом?»

«Продемонстрируем одну „забавную шутку“, по выражению покойного Ютера Мэддока. Но вы смеяться не будете, за это я ручаюсь».

Шайна и Эльво Глиссам слушали дебаты, сидя в стороне, у стены парадной столовой. «Никак не возьму в толк: что тут смешного? — пробормотала Шайна и повернулась к Глиссаму. — Вы догадываетесь, о какой такой „шутке“ писал отец?»

«Не имею ни малейшего представления», — покачал головой Глиссам.

Нотабли сели в серебристо-черный лимузин «Эллюкс». Джерд Джемаз взялся за штурвал, и экипаж поднялся в воздух в сопровождении десяти хорошо вооруженных аэромобилей. Джемаз взял курс на северо-запад, над самым впечатляющим районом Рассветного поместья — землей величественных видов и далеких перспектив.

Вдали появилась гигантская ступень эскарпа — за ним начиналась Пальга. Угрожающе вырастали пики Вольводеса, ландшафт становился пустынным, иссеченным руслами-каньонами. На дне широкого каньона блестела медлительная река, Меллорус. Джемаз изменил направление полета и спустился в речную долину, держась лишь в нескольких сотнях метров над водой.

Стены каньона становились все круче и выше, заслоняя небо. Через несколько минут лимузин пролетел над знакомыми Джемазу искусственно орошаемыми огородами и фруктовыми садами. Движение «Эллюкса» замедлилось — теперь они парили, едва перемещаясь вверх по течению реки, уже превратившейся в резвый горный ручей. Джерд Джемаз обернулся к нотаблям: «То, что я собираюсь вам показать, видели очень

немногие. До сих пор очевидцами были главным образом ветроходы, потому что неподалеку находится лагерь, где разводят, дрессируют и готовят к экспорту эрджинов. Нельзя сказать, что предстоящая демонстрация не сопряжена с опасностью, но когда мы закончим, вы согласитесь, что у меня были достаточные основания для того, чтобы подвергнуть вас такому риску. В любом случае, огневая мощь десяти машин достаточна для отражения большинства нападений, а бронированный корпус „Эллюкса“ защитит вас от пуль, выпущенных из длинноствольных ружей, популярных в Пальге».

«Надеюсь, — отозвался Джулиас Метейр, — что вы намерены показать нам нечто более убедительное, нежели парад эрджинов, обученных надевать штаны и маршировать в ногу».

Аделис Лам не скрывала неприязни: «Мне не следовало принимать участие в этой затее. С моей стороны было бы глупо погибнуть или даже получить пулевое ранение ради удовлетворения ваших беспочвенных фантазий».

Джерд Джемаз ничего не ответил. Он опустил черный лимузин на площадку перед святилищем из розового кварца с золотой филигранью. Двери открылись, трап опустился: нотабли вышли на

розовые мраморные плиты.

«Что это?» — тихо спросил потрясенный Джулиас Метейр.

«По-видимому, храм или исторический монумент, возведенный задолго до появления первых людей на Корифоне. Барельефы отражают хронику развития цивилизации эрджинов».

«Цивилизации?» — отозвалась Аделис Лам.

«Убедитесь сами. Здесь изображены эрджины, управляющие, судя по всему, космическими кораблями. Большое внимание уделяется битвам с морфотами, также пользующимися оружием и другими принадлежностями, свидетельствующими о высоком уровне развития технологии. Таким образом, в свое время у морфотов тоже была своего рода цивилизация. Наконец, некоторые панно посвящены войне эрджинов с людьми».

Эррис Замматцен выступил вперед, чтобы изучить семиярусный фасад. Другие последовали за ним, разглядывая резные шедевры и с изумлением обмениваясь тихими фразами. Один за другим конвойные летательные аппараты опустились в каньон и приземлились. Их пилоты и пассажиры тоже вышли полюбоваться диковинным зрелищем.

Замматцен обратился к Джемазу: «Это и есть

„забавная шутка“, обещанная Ютером Мэддоком?»

«Надо полагать».

«Что в ней забавного?»

«Невероятная, превосходящая всякое разумение способность рода человеческого предаваться самообману».

«У большинства людей разочарование в себе вызывает сожаление и стыд, а не служит предметом насмешек, — сухо обронил Замматцен. — У покойного Мэддока было извращенное чувство юмора».

«Позволю себе с вами не согласиться».

Эррис Замматцен проигнорировал последнее замечание: «Дрессировочный лагерь ветроходов где-то рядом?»

«Чуть выше по течению. До него меньше километра».

«Почему бы нам не отправиться туда сию минуту и не положить конец работорговле раз и навсегда?»

Джерд Джемаз пожал плечами: «Не могу гарантировать вам безопасность. Но мы достаточно хорошо вооружены. Если потребуется, мы сможем обороняться».

«Что вам известно о лагере ветроходов?»

«Знаю не больше вашего. Я впервые побывал здесь примерно неделю тому назад, видел лагерь только издали и был вынужден поспешно ретироваться».

Задумчиво потирая подбородок, Замматцен спросил: «Вольные ульдры, пожалуй, не на шутку возмутятся, если их лишат возможности ездить на эрджинах — как вы думаете?»

Джемаз ухмыльнулся: «Никто не мешает им покупать криптид у договорных племен».

Эррис Замматцен решил посоветоваться с другими нотаблями. Они спорили минут десять, после чего Замматцен снова подошел к Джемазу: «Мы хотели бы осмотреть дрессировочный лагерь, если это можно сделать, не подвергаясь чрезмерной опасности».

«Сделаем все, что можем».

Лагерь и его продолговатые строения не изменились с тех пор, как Джемаз побывал здесь в компании Моффамеда, хотя теперь он казался еще более сонным и безлюдным. У стены одного из зданий на корточках сидели два ветрохода. Заметив спускающиеся летательные аппараты, они медленно поднялись на ноги и опасливо обменялись парой фраз, явно готовые пуститься наутек.

Джемаз опустил лимузин на землю прямо перед крупнейшей из каменных построек. Открыв дверь, он выдвинул трап и вышел. За ним последовали Замматцен и другие, более или менее встревоженные нотабли.

Джемаз подозвал ветроходов движением руки. Те приблизились без особого энтузиазма. Джемаз спросил: «Где начальник этого учреждения?»

Ветроходы подняли брови: «Начальник?»

«Лицо, управляющее лагерем».

Ветроходы посовещались вполголоса, после чего один спросил: «Вы, наверное, говорите о старейшине? Если так, вот он, перед вами».

Из глубины каменного здания подобно рыбе, всплывающей на поверхность омута, появился необычайных размеров эрджин, облезший по всему телу, лишенный даже щетинистых лицевых пучков; его белесая морщинистая шкура напоминала оттенком змеиное брюхо. Никогда еще Джерд Джемаз не видел эрджина столь устрашающих пропорций, столь деспотической внешности. Монстр еле заметно повернул голову, бросив взгляд в сторону: один из ветроходов судорожно выпрямился, будто пораженный электрическим током, и поспешно занял место рядом с эрджином, чтобы выполнять функции

переводчика телепатических сообщений.

«Что вам нужно?» — спросил старейшина эрджинов.

Замматцен ответил: «Мы — депутаты Думы, высшего правительственного органа планеты Корифон».

«Континента Сцинтарре», — поправил его Джемаз.

Замматцен продолжал: «Порабощение разумных существ незаконно как на территории Сцинтарре, так и на любой планете Ойкумены. Нам известно, что эрджинов порабощают — наездники из кочевых племен принуждают их служить, как домашний скот, а в домах Оланжа и других городов Сцинтарре их эксплуатируют в качестве прислуги».

«Мы не рабы», — заявил старейшина эрджинов устами ветрохода.

«Эрджины — рабы согласно нашему определению, и мы прибыли сюда, чтобы положить конец такому положению вещей. Эрджинов больше не будут продавать ни ульдрам, ни жителям Сцинтарре, а эрджины, уже находящиеся в услужении, будут освобождены».

«Мы не рабы», — повторил монстр.

«Если вы — не рабы, то кто вы?»

Старейшина эрджинов передал сообщение: «Я знал, что вы придете. За вашей стаей летучих кораблей следили с тех пор, как вы приблизились к Памятнику. Вас ожидали».

«Не вижу никаких признаков подготовки к знаменательному событию», — сухо заметил Замматцен.

«Подготовка к знаменательным событиям ведется в других местах. Мы не продавали рабов: мы засылали диверсантов. Сигнал к восстанию уже передан. Это наша планета, и других хозяев на ней больше не будет».

Многие нотабли открыли рты и забыли их закрыть.

Замматцен потрясенно уставился на Иориса и Джемаза, лицо его исказилось, как от мучительной боли: «О чем говорит это существо? Может ли в этом быть какая-то доля правды?»

«Не знаю, — сказал Джемаз. — Вызовите Оланж по радио и узнайте сами».

Замматцен побежал к лимузину, с усилием передвигая ноги, не привыкшие торопиться. Несколько секунд Джемаз задумчиво рассматривал старейшину эрджинов, после чего спросил: «Намереваетесь ли вы расправиться с нами, здесь и сейчас?»

«Вас мало, у вас много орудий. Нести большие потери, пытаясь уничтожить вас здесь, было бы невыгодно. Улетайте туда, откуда прибыли».

Джемаз и Йорис отошли к лимузину нотаблей. Замматцен закончил переговоры по радио; он побледнел, у него на лбу выступили капельки пота: «Эрджины устроили погром в Оланже. Вся столица — сумасшедший дом!»

Джемаз сел за штурвал: «Пора убираться подобру-поздорову, пока старый эрджин не передумал».

«Разве нельзя убедить его в бессмысленности насилия? Разве он не может отозвать погромщиков? — вскричала Аделис Лам. — Они убивают, жгут, разрушают! Горят виллы, льются реки крови! Пустите меня! Я обращусь к старейшине с мольбой о перемирии!»

Джемаз схватил ее за шиворот и заставил сесть: «Никого вы ни в чем не убедите. Если бы он мыслил рационально, то не готовился бы к мятежу в первую очередь. Вы хотите жить или нет? Поехали!»

Глава 15

Самых впечатляющих успехов восставшим эрджинам удалось добиться в Оланже, где не более тысячи тварей-телепатов полностью подчинили себе город. Столичные жители либо истерически отдавали себя на растерзание, либо бежали кто куда. Иные прятались в джунглях, некоторые успели уехать на загородные дачи в Сердоликовых горах, отдельные счастливчики скрылись в море на своих яхтах или на яхтах друзей, кое-кому удалось улететь на острова Хурманского моря или в Уайю. Сопротивление оказывалось лишь изредка и на удивление вяло. Впоследствии, когда историки и социологи изучали быстротечные события Бунта Эрджинов и задавали уцелевшим горожанам вопрос: «Почему вы не дрались, защищая свои дома?», в ответ предлагались, как правило, объяснения сходного характера: «Мы не были организованы», «Нами никто не руководил», «Мы не знали, что делать», «Я не привык пользоваться оружием», «Я мирный человек и никогда не думал, что мне придется обороняться».

Помещики Уайи собрали экспедиционную

армию численностью три тысячи человек — в нее входили, в частности, отряды добровольцев-кочевников из договорных племен. Две недели осторожных разведок, бомбардировок с воздуха и атак с использованием импровизированных бронетранспортеров позволили очистить некогда красивый город от погромщиков, рассыпавшихся разрозненными бандами по сельской местности. Еще две недели воздушные и наземные моторизованные патрули преследовали и уничтожали беглецов.[54] Затем, без какого-либо официального оповещения об окончании войны, экспедиционные войска вернулись в Уайю, а жители Сцинтарре удрученно занялись постройкой новых городов на пепелищах.

Вольные ульдры пострадали от мятежа не меньше пришлых обитателей Сцинтарре. Сразу после передачи телепатического призыва к восстанию эрджины, как один, поднялись на дыбы

---

[54] notes: 54

В последние дни мятежа совет директоров БЭЭ (партии «Борцов за эмансипацию эрджинов»), собравшийся в Оланже по возвращении его членов из загородных убежищ, осудил эту «оргию бесполезного и бессмысленного кровопролития». Руководители БЭЭ советовали по возможности захватывать эрджинов живьем, а не убивать их — с тем, чтобы дальнейшие образование и перевоспитание пленников побудили их к созданию нового мирного сообщества на территории некоего непоименованного района Уайи. В эмоциональной атмосфере, сложившейся в период ликвидации последствий бунта, однако, рекомендации правозащитников не нашли должного отклика.

и сбросили синих наездников, не обращая внимания на электрические шиповатые уздечки и шпоры, после чего приступили к методическому растерзанию всех людей, попавшихся на глаза. Эрджины, содержавшиеся в неволе, разломали клетки или перелезли через ограды, разомкнув электрические цепи, и напали на таборы. Оправившись от первоначального шока, ульдры схватились за оружие и принялись драться с кровожадной энергией, не уступавшей дикой ярости эрджинов. В конечном счете кочевники преуспели, истребив большинство эрджинов и обратив в бегство оставшихся в живых. Примитивные племена, населяющие труднодоступные районы — такие, как клинкаты и носовещатели — понесли наибольшие потери, тогда как среди гарганчей, голубых всадников, хунгов и ноалей число жертв было относительно небольшим.

Две недели спустя Серый Принц созвал Большое Кару гарганчей, хунгов, вислогубых и нескольких других племен. Обратившись к кочевникам с пылкой речью, он объявил Бунт Эрджинов результатом тайного сговора пришлых владельцев Договорных земель и закончил выступление леденящим кровь воплем ненависти, как и подобает воину-ульдре, приносящему торже-

ственную клятву мщения. Опьяненные злобой и кшенгом[55], дикари ответили не менее устрашающими выкриками, и на следующее утро орда вольных ульдр двинулась на восток, намеренная смести пришлых с лица алуанской земли.

Кельсе узнал от Кургеча о предстоящем вторжении и немедленно известил генеральный штаб «Ордена защитников Уайи», сформированный в ходе подавления мятежа эрджинов. Вновь была мобилизована эскадра помещиков, направившаяся к Марганцевым утесам — огромному отрогу глянцево-черного аспидного сланца, нависающему над Равниной Бродячих Костей, где отряд ао — сотня всадников на криптидах — осторожно производил предварительные оборонительные маневры, замедляя продвижение осатаневших от кшенга воинов Вольного Алуана и заставляя их скапливаться вдоль линии фронта. По мере приближения эскадры из облаков опять вынырнули спираньи, но на этот раз их появления ждали, и налетчиков испепелили лучевыми орудиями с радарными устройствами захвата и

[55] notes: 55

Кшенг (непереводимый термин): темная, не поддающаяся точному определению страсть, своего рода «жажда ужаса» — смутное, но непреоборимое стремление причинять страдания и внушать истерический страх, лихорадочное желание предаваться садистическим излишествам.

сопровождения цели. Несмотря на фанатическую целеустремленность, вольные ульдры рассеялись, отступили по Равнине Бродячих Костей и в конечном счете укрылись в лесу черных джинкго на склонах Золоченых гор.

Кельсе участвовал в этой операции, управляя переоборудованным в канонерку грузовым аэромобилем из Рассветной усадьбы. С ним были одиннадцать человек — семеро родственников и четверо погонщиков-ао. Через несколько минут после начала стычки разрывная пуля, выпущенная гарганчем, отскочила рикошетом от внутренней перегородки и превратила в кровавое месиво плечо Эрншальта Мэддока, двоюродного брата Кельсе. Военные действия к тому времени уже практически закончились; Кельсе связался с командиром эскадры и получил разрешение срочно вернуться с раненым в Рассветную усадьбу.

Пока он летел на север, Кельсе заметил над горизонтом столб черного дыма, сразу же вызвавший у него тревожное предчувствие. Он попытался вызвать Рассветную усадьбу по радио, но ему никто не отвечал, что только усугубило его уверенность в том, что пришла беда. Выжимая из старого аэромобиля всю возможную скорость,

через несколько минут Кельсе уже мчался над полями, окружавшими усадьбу.

Дым поднимался над зернохранилищем, что на берегу Коростельного пруда; горело также старое дощатое здание школы, где время от времени учились дети немногих кочевников, решивших дать какое-то образование своему потомству. Сама Рассветная усадьба выглядела неповрежденной, но в бинокль Кельсе заметил небесно-голубую воздушную яхту «Гермес» на лужайке перед парадным входом.

Кельсе опустил аэромобиль на лужайку. Одиннадцать человек, с оружием наготове, ворвались в дом. В парадной столовой они обнаружили пятерых знатных ульдр, распивающих лучшие вина, какие только можно было найти в погребе Рассветной усадьбы. Джорджол сидел на почетном месте главы семьи, закинув ноги на стол. Преждевременного возвращения Кельсе он не ожидал — у него отвисла челюсть. Торопливо прихрамывая, Кельсе пересек столовую и одним ударом свалил мародера на пол. Четверо сообщников Джорджола разразились проклятиями и вскочили на ноги, на замерли под прицелом многочисленных ружей.

«Где Шайна?» — потребовал ответа Кельсе.

Пошатываясь, Джорджол поднялся с пола, попытался принять позу, полную достоинства, и указал большим пальцем за спину, в сторону кабинета: «Заперлась. Все равно ей пришлось бы выйти, чтобы не сгореть заживо». Пьяный ульдра сделал шаг в сторону Кельсе. «Как я тебя ненавижу, — тихо сказал он. — Если бы ненависть складывалась из камней, я мог бы построить башню выше облаков. Я всегда тебя ненавидел. Как я радовался, когда эрджин рвал тебя на части! Мне казалось, что радужный дождь пролился на жаждущую пустыню. Но благосклонное внимание твоей сестры было еще большим наслаждением. Во всей моей жизни было только два счастливых мгновения, а теперь я добавлю к ним третье — потому что теперь я тебя убью. Пусть я больше ничего никогда не достигну, но я вырву дыхание жизни из твоего проклятого бледного тела!»

В его руке появился длинный стилет, вытолкнутый пружиной из рукава. Серый Принц сделал выпад; Кельсе уклонился от удара и схватил кисть Джорджола правой рукой. В то же время металлические пальцы его искусственной левой руки сжали длинную шею обидчика. Вздернув Джорджола в воздух и удерживая его на вытянутой стальной руке, Кельсе тяжелыми шагами

дошел до выходной двери и выбросил незваного гостя на внутренний двор. Пока Джорджол пытался подняться, Кельсе продолжал идти вперед: он снова схватил разбойника за шею и встряхнул его, как тряпку. Глаза Джорджола выкатились, язык вывалился изо рта. В ушах Кельсе раздался пронзительный крик — голос Шайны: «Кельсе, Кельсе, пожалуйста, не надо! Не надо, Кельсе! Мы — помещики, он — ульдра!»

Кельсе ослабил хватку; Джорджол, хрипя, свалился на землю.

Джорджола и его сообщников заперли в крытом загоне для скота под охраной двух человек. Ночью ульдры сделали подкоп под задней стеной, удавили охранников и скрылись.

Глава 16

На планете Корифон воцарился мир: угрюмый, досадный, взбаламученный мир неудовлетворенной ненависти и неприятных откровений. В Оланже были восстановлены дома и коммуникации, разрушенные эрджинами; город казался веселым и беззаботным, как всегда. Вальтрина д'Арабеск устроила на вилле Мирасоль три роскошных вечеринки подряд, дабы продемонстрировать всем и каждому, что Бунт Эрджинов нисколько не лишил ее присутствия духа. На противоположном берегу Хурманского моря таборы племен Вольного Алуана погрузились в унылое молчание; синие воины подолгу сидели на корточках у костров, пересчитывая нанесенные им обиды и планируя затмевающие славные подвиги прошлого убийства, набеги и пытки — впрочем, без особого усердия. На просторах Пальги ветроходы поглядывали на опустевшие загоны для эрджинов и спрашивали себя: откуда теперь возьмутся деньги на приобретение колес, подшипников и крепи парусных фургонов? Тем временем под сенью остроконечных вершин Вольводеса, в глубоком ущелье реки Меллорус

собравшиеся со всех концов Ойкумены группы ученых уже начали исследовать, затаив дыхание, святилище из розового кварца с золотыми жилами. Старейшина эрджинов и его ближайшие помощники удалились в районы еще более труднодоступные, чем Вольводес. Невзирая на удары судьбы, Серый Принц — Джорджол — не падал духом. Напротив, его внутренний пыл превратился в настоящий пожар. Вместо того, чтобы поблекнуть со временем, его страсти только концентрировались, сгущались, становились все более жгучими.

Через месяц после изгнания эрджинов из Оланжа состоялось официальное заседание Думы в Палате Хольруда. Прислушиваясь к дебатам, которые передавали по телефону всем желающим, Кельсе Мэддок услышал знакомый голос и заметил роскошную фигуру Серого Принца, всходящую на трибуну, предназначенную для подателей петиций, предъявителей претензий и свидетелей. Кельсе позвал Шайну и Джерда Джемаза: «Вы только послушайте его!»

«С моей точки зрения, это пораженческая, двуличная и беспринципная позиция, — вещал Джорджол. — Некоторые факторы изменились, согласен — но не обстоятельства, служащие пред-

метом обсуждения, эти условия не изменились ни на йоту! Разве этические принципы могут колебаться подобно приливу и отливу, изо дня в день? Разве добро и зло взаимозаменяемы? Разве мудрое решение становится пустым набором слов только потому, что имела место череда событий, никак к этому решению не относящихся? Ни в коем случае! Дума, в ее нынешнем составе, приняла мудрое решение: опубликовала манифест, положивший конец контролю помещиков над незаконно захваченными их предками и незаконно эксплуатируемыми потомками захватчиков территориями. Помещики отвергли законные требования Думы и пренебрегли ее указаниями. Когда я призываю к обеспечению выполнения указа Думы, я выражаю общественное мнение. Что вы скажете общественности, чьи интересы вы представляете?»

Эррис Замматцен, все еще занимающий пост председателя, ответил: «На первый взгляд ваши замечания справедливы. Дума действительно издала указ, проигнорированный помещиками, и последовавшее изменение обстоятельств не имеет непосредственного отношения к этому вопросу».

«В таком случае, — настаивал Джорджол, —

Дума обязана принудить помещиков к повиновению!»

«В этом-то и состоит трудность, — поморщился Замматцен. — Трудность, служащая образцовой иллюстрацией ошибочности издания обобщенных, далеко идущих указов, исполнение которых мы неспособны обеспечить».

«Давайте рассмотрим этот вопрос как разумные люди, — широко раскрыл глаза Джорджол. — Указ справедлив — мы все с этим согласны. Очень хорошо! Если вы неспособны обеспечить исполнение указа, значит, необходимо сформировать учреждение, обеспечивающее исполнение указов. Это очевидно. В противном случае роль Думы на этой планете становится не более чем консультативной».

Замматцен с сомнением пожал плечами: «Вполне вероятно, что вы правы. Тем не менее, я не считаю, что мы готовы к таким крупномасштабным реформам».

«Не вижу никаких затруднений, — возразил Джорджол. — На самом деле, я готов добровольно предложить свои услуги по организации требуемого правительственного органа принуждения! Я буду работать, не покладая рук, с тем, чтобы повысить репутацию Думы и укрепить ее автори-

тет. Дайте мне полномочия, дайте мне средства. Я наберу способных людей, я закуплю самое современное оружие и прослежу за тем, чтобы больше никто не мог игнорировать законные предписания Думы!»

Замматцен нахмурился и откинулся на спинку кресла: «Такое решение имело бы немаловажные последствия и на первый взгляд представляется мне чрезмерным и преждевременным».

«Возможно, вы просто смирились с тем, что Дума — слабое, беззубое учреждение».

«Не обязательно. Но…» — Замматцен замялся.

«Намерены ли вы обеспечивать выполнение ваших указов всеми обитателями Корифона, независимо от их общественного положения, не опасаясь сопротивления и не оказывая предпочтений? Да или нет?»

Замматцен придал своему голосу оттенок усталой беззаботности: «Несомненно, мы придерживаемся принципов справедливости и равноправия. Но перед тем, как мы согласуем методы внедрения в жизнь этих труднодоступных идеалов, мы обязаны точно определить наши обязанности и полномочия с учетом ограничений, накладываемых волей избирателей, и решить, действительно ли мы желаем взять на себя такую

дополнительную ответственность».

«Целиком и полностью с вами согласен! — заявил Джорджол. — Дума обязана, наконец, посмотреть в глаза действительности и определить, раз и навсегда, выполняемые ею функции».

«Вряд ли нам удастся решить эту задачу за несколько минут, — сухо подвел итог Замматцен. — Кстати, настало время распустить собрание до завтрашнего дня».

Кельсе, Шайна и Джерд Джемаз молча наблюдали за тем, как нотабли собирали бумаги и медленно, один за другим, покидали зал заседаний. Шайна сказала — наполовину насмешливо, наполовину испуганно: «В дополнение ко всем своим талантам Кексик, оказывается, еще и демагог!»

«Кексик — опасный человек», — мрачно отозвался Кельсе.

«Думаю, — сказал Джерд Джемаз, — что завтра мне не помешало бы присутствовать на заседании Думы».

«Я тоже поеду, — кивнул Кельсе. — Настало время развлечь скучающих нотаблей отцовской „забавной шуткой“».

«Про меня не забудьте, — напомнила Шайна. — Ни за что не хочу пропустить такой момент».

Дума собралась в назначенное время в зале, битком набитом слушателями — всегда находятся люди, инстинктивно чувствующие, что наступают важные или по меньшей мере интересные события. Эррис Замматцен завершил церемониальный обряд конвокации и дал понять, что сессия открыта.

Со своего места немедленно поднялся Джорджол — Серый Принц. Он поклонился Думе: «Достопочтенные депутаты! С тем, чтобы повторно представить вчерашние предложения, я обращаю ваше внимание на тот факт, что, вопреки недвусмысленному указу Думы, помещики Уайи сохраняют контроль над землями, насильственно захваченными их предками и принадлежащими моему народу. Я требую, чтобы Дума обеспечила выполнение своего указа — если потребуется, принудительными методами».

«Указ действительно издан, — сказал Эррис Замматцен, — и по сей день не выполняется. По сути дела…» Председатель Думы прервался, заметив Джерда Джемаза и Кельсе Мэддока, вставших у поручня, отделявшего слушателей от нотаблей. «По сути дела, сегодня нас почтили своим присутствием два помещика из Уайи, — продолжил Замматцен. — Вероятно, они приехали для того,

чтобы известить нас о результатах обсуждения указа на так называемых Договорных территориях».

«Именно так, — отозвался Джемаз. — Ваш указ абсурден, и его следует отменить».

Замматцен поднял брови; другие нотабли неприязненно воззрились на приезжего. Джорджол напряженно стоял и внимательно слушал, наклонив голову вперед.

Председатель Думы вежливо заметил: «В нашем собрании ценятся трезвость мышления и откровенность. Мы делаем все, что в наших силах, но не претендуем на непогрешимость и время от времени совершаем ошибки. Но об „абсурдности“ наших действий, надеюсь, говорить не приходится. Думаю, что вы использовали неприемлемый эпитет».

Бархатностью тона Джемаз не уступал Замматцену: «С учетом недавних событий употребленное мною выражение не представляется преувеличением».

Голос Замматцена стал суровым: «Вы имеете в виду Бунт Эрджинов? Что ж, мы извлекли урок из своих ошибок, и находящийся перед вами Серый Принц предложил способ укрепления правительственной власти».

«Вы собираетесь финансировать армию варваров-наемников? Таково ваше намерение? Неужели вы нуждаетесь в напоминании о сотнях тысяч исторических параллелей?»

Замматцен начал было говорить, но осекся. В конце концов он сказал: «Этот вопрос еще не решен. Тем не менее, мы приняли резолюцию, согласно которой помещики обязаны отказаться от права собственности на Договорные земли, и любые аргументы, основанные на том соображении, что давность владения незаконно приобретенной собственностью каким-либо образом делает его правомочным, рассматриваться не будут».

Джемаз широко улыбнулся: «Таково ваше окончательное и бесповоротное заключение?»

«Окончательное и бесповоротное».

«Хорошо. На основе тех же соображений кочевники Вольного Алуана обязаны уступить контролируемые ими территории потомкам тех племен, у которых они отняли эти земли. А те племена, в свою очередь, должны уступить право собственности народам, проживавшим на этих землях прежде. В конечном счете — именно это обстоятельство Ютер Мэддок находил забавным — все люди обязаны уступить право собственности эрджинам, населявшим планету до прибытия

человека. Представьте себе! А мы только что жестоко подавили исключительно логичную и вполне законную попытку эрджинов вернуть территории, несправедливо нами захваченные!»

Нотабли поглядывали на Джемаза в замешательстве. Замматцен осторожно произнес: «Эту сторону вопроса мы еще не рассматривали. Не отрицаю, что вам удалось найти аргумент, опровержение которого может оказаться затруднительным».

Джорджол выступил вперед: «Прекрасно! Сделайте так, как он предлагает. Ульдры поддерживают эту концепцию. Отдайте Уайю эрджинам: пусть право собственности остается за ними. Мы будем кочевать по горам и степям так же, как кочевали всегда — но снесите оскорбительные надменные усадьбы пришлых помещиков! Сломайте их ограды и плотины, забросайте землей их каналы! Изгоните помещиков, избавьте нас от всех следов их зловонного, болезнетворного присутствия! Пожалуйста, никаких проблем — передайте право собственности эрджинам!»

«Не спешите, — вмешался Кельсе. — Это еще не все. На очереди вторая часть „забавной шутки“ Ютера Мэддока». Он обратился к Замматцену: «Вы помните святилище эрджинов — памятник,

храм — каково бы ни было его предназначение?»

«Разумеется».

«Домине Джемаз упомянул о „недавних событиях“, но, вопреки вашему предположению, его слова относились не к Бунту Эрджинов, а к их святилищу. Вероятно, вы заметили, что на барельефах святилища изображены эрджины, управляющие космическими кораблями? Вам, несомненно, известно, что на Корифоне так и не удалось найти никаких окаменелостей, свидетельствующих о том, что предки эрджинов населяли нашу планету. Вывод очевиден. Эрджины — оккупанты. Они вторглись на Корифон из космоса и сокрушили цивилизацию морфотов. Истинные аборигены Корифона — морфоты, палеонтологические данные не оставляют в этом никаких сомнений. Таким образом, в цепи завоеваний появляется еще одно звено. Притязания эрджинов на право собственности так же необоснованны, как притязания ульдр».

«Весьма вероятно, — с улыбкой признал Эррис Замматцен. — Любопытный довод».

Джорджол дико расхохотался: «Теперь вы отдаете Уайю морфотам! Тогда не забудьте отдать им и Сцинтарре, и все пригородные виллы Оланжа, и роскошные отели, и всю недвижимость, которую

вы незаконно присвоили!»

Кельсе иронически кивнул: «А теперь — третья часть шутки моего отца. Вы, депутаты Думы, вкупе с раскрепостителями, с легкостью распорядились нашей землей, руководствуясь этическими принципами. Теперь продемонстрируйте последовательность, порядочность и гражданственность: расстаньтесь со своей собственностью!»

Улыбка Замматцена печально покривилась: «Сегодня? Сию минуту?»

«В любое время, по вашему усмотрению. Или не делайте этого вообще — но в таком случае отмените абсурдный указ, относящийся к нам».

Слушатели расшумелись — доносились протестующие и насмешливые возгласы, свист, аплодисменты. Наконец Замматцену удалось восстановить порядок. Некоторое время нотабли шептались, подходили друг к другу, обменивались записками — но явно не могли согласовать единое мнение. Замматцен повернулся к Джерду Джемазу и Кельсе: «У меня такое чувство, что где-то в вашей казуистике скрывается изъян, но я никак не могу его нащупать».

Аделис Лам с горечью воскликнула: «Мне совершенно ясно, что помещики не только исповедуют

принцип права сильного, но и пытаются навязать нам этот отвратительный принцип в качестве некой извращенной системы ценностей!»

«Позвольте с вами не согласиться, — отозвался Джерд Джемаз. — Наша позиция кажется вам извращенной только потому, что приверженность к абстрактным понятиям мешает вам видеть и понимать действительность. Проблема происхождения собственности не ограничивается одним континентом или одной планетой. Она существует во всей Ойкумене. За исключением редких особых случаев, право собственности на участок земли или иную недвижимость неизменно является результатом насильственных действий, более или менее удаленных во времени и пространстве, и остается действительным лишь постольку, поскольку возможности и воля владельца достаточны для обеспечения признания этого права. Таков урок истории, нравится вам это или нет».

«Сетования народов, потерпевших поражение, трагичны и трогательны, но, как правило, ничему не помогают», — заметил Кельсе.

Замматцен печально покачал головой: «Я нахожу вашу логику отталкивающей. Неужели нет более благородной основы для правопорядка, чем

грубая сила?»

Это замечание вызвало у Джорджола новый взрыв хохота: «Вы с вашей Думой! Стадо овец! Почему бы вам не издать благородный указ, объявляющий любую собственность преступлением?»

Кельсе ответил председателю: «Когда вся Галактика будет жить по одним и тем же законам, возможно, будут найдены какие-то способы реализации ваших идеалов. До тех пор, однако, любая собственность, кому бы она ни принадлежала — одному человеку, племени, народу или населению целой планеты — будет нуждаться в защите».

Замматцен развел руками: «Предлагаю отменить указ, упраздняющий поместья Уайи. Кто против?»

«Я! — объявила Аделис Лам. — Я — раскрепостительница, и останусь раскрепостительницей до конца моих дней!»

«Кто поддерживает предложение? Одиннадцать голосов „за“, считая мой. Итак, указ отменен. На этом сегодняшнее заседание считается закрытым».

Размашистыми шагами Джорджол вышел из Палаты Хольруда в развевающейся мантии во-

ждя кочевников. Кельсе, Джерд Джемаз и Шайна следовали за ним в отдалении. Выйдя на тротуар проспекта Харанотиса, Джорджол остановился, глядя то в одну, то в другую сторону. Слева, за Хурманским морем, лежала Уайя, ждали просторы Вольного Алуана. Справа, неподалеку, космический порт предлагал дорогу к тысячам миров.

«Как он нас ненавидит! — вздохнула Шайна. — Подумать только! И мы создали эту ненависть своими руками. Тщеславие и гордость не позволяли нам пригласить отпрыска кочевников в парадную столовую. Какую цену мы все за это заплатили! Неужели мы никогда ничему не научимся?»

Кельсе немного помолчал, потом ответил: «Ты говоришь на языке Оланжа. Реальность Уайи накладывает иные обязательства. В твоих словах есть проблески правды, но не вся правда».

Джемаз изрек: «Сколько людей, столько и реальностей. В Суанисете любой порядочный человек может обедать за нашим столом, в какие бы одежды он ни рядился».

Кельсе печально усмехнулся: «В Рассветной усадьбе — тоже. Пожалуй, Ютер Мэддок заходил слишком далеко в насаждении личного представления о действительности».

«Джорджол решил обременить своей персоной другой мир, — заметил Джерд Джемаз. — Прощай, Серый Принц!» Джорджол повернул направо, к космическому порту.

Джемаз, Шайна и Кельсе прогулялись по проспекту Харанотиса к отелю «Морской простор». Ближе к берегу, там, где высокий забор из проволочной сетки отгораживал дорогу от болота, в прогалине открывался широкий вид на приморскую топь, вдали сливавшуюся с медленными водами устья Виридиана. Морфот, сидевший на бревне, сделал не поддающийся истолкованию жест и соскользнул в заросшую ряской воду.